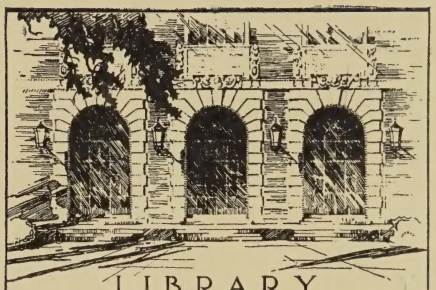
СОЧИНЕНІЯ

ЛАЖЕЧНИКОВА



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
PRESENTED BY

891.73
L45
I1899
v.1-2

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 3 1981

JUL 12 1981

APR 09 1987

JUN 09 1987

AUG 08 1987

JUL 18 1987

AUG 27 1991

AUG 27 1991

JUL 31 1991

L161—O-1096

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
С. А. ВЕНГЕРОВА

ПОВѢСТИ И СТАТЬИ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ · Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1913

891.73
L 45
I 1899
v. 1-2

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛАЖЕЧНИКОВЪ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. А. ВЕНГЕРОВА

Ни одно столѣтіе европейской исторіи не начиналось такимъ страстнымъ и всеобщимъ подъемомъ національнаго чувства, какъ наше. Въ полную противоположность восемнадцатому вѣку, всецѣло направленному на выработку общечеловѣческихъ формулъ соціальной и политической жизни, въ полную противоположность его желанію отрѣшиться отъ всякихъ условій мѣста и времени и только на основаніи требованій сухой и абстрактной теоріи устроить государственный и общественный бытъ, наконецъ, въ полную противоположность тому пренебреженію, съ которымъ европейскіе народы 18-го вѣка относились ко всему родному,—девятнадцатое столѣтіе, наученное горькимъ опытомъ событій, выдвигаетъ идею національнаго индивидуализма, требованіе національной независимости, какъ въ области политической, такъ и въ области духовной, въ сферѣ литературы и искусства.

Однимъ изъ главныхъ факторовъ этого рѣзкаго пробужденія патріотическаго духа европейскихъ народовъ нельзя, конечно, не считать Наполеона. Своимъ необузданнымъ стремленіемъ превратить всѣ страны Европы въ французскія

провинціи, онъ пробудилъ чувство патріотизма даже у тѣхъ народовъ, у которыхъ оно до того дремало. Тѣ же самые нѣмцы, которые еще двадцать лѣтъ тому назадъ старались по возможности меньше походить на нѣмцевъ, тѣ же самые русскіе баре, которые не умѣли порядочно говорить на родномъ языкѣ,—теперь горятъ пламеннымъ воодушевленіемъ сбросить съ себя иноземное иго во всѣхъ его проявленіяхъ. Нарождается грандіознѣйшее политическое и умственное движеніе, которое дѣлаетъ девятнадцатое столѣтіе, и въ особенности первыя три десятилѣтія его, вѣкомъ пробужденія національнаго чувства par excellence. И оттого-то ни одно столѣтіе не видало такого длиннаго и успѣшнаго ряда попытокъ національнаго освобожденія, какъ наше, попытокъ, не всегда приводившихъ къ самостоятельности политической, но зато всегда уже приводившихъ къ самостоятельности духа, къ самобытности литературной и художественной.

Не трудно, однако-же, понять, что условія, при которыхъ возникло патріотическое движеніе начала нынѣшняго столѣтія, были такого рода, что идея національности не могла сразу проявиться во всей своей чистотѣ. Сила вещей заставила ее имѣть такихъ союзниковъ, которые весьма мало соотвѣтствуютъ какому бы то ни было идейному движенію. Если всецѣло, со всею глубиною геніальнаго ума, со всѣмъ пыломъ благороднаго сердца, отдалъ себя патріотическому движенію такой человѣкъ, какъ Фихте, то за то къ нему же въ огромномъ количествѣ пристали разные ловители рыбы въ мутной водѣ, которые и не замедлили впослѣдствіи обратить въ свою пользу результаты патріотическаго возбужденія. Но не столько, впрочемъ, въ этихъ ловителяхъ, безъ которыхъ не обходится ни одно массовое движеніе, сколько въ томъ характерѣ, который долженъ былъ вскорѣ принять патріотизмъ первыхъ пятнадцати лѣтъ нынѣшняго столѣтія, лежитъ главная причина того, что патріотизмъ народовъ, ополчившихся на Наполеона, уклонился отъ пути, который вполнѣ соотвѣтствовалъ-бы высотѣ идеи. Дѣло, именно, въ

военномъ характерѣ патріотическаго движенія начала нынѣшняго столѣтія, характерѣ, безъ сомнѣнія, стихійно ему навязанномъ событіями, но тѣмъ не менѣе весьма невыгодно на него повліявшемъ.

Огромна разница между побѣжденнымъ народомъ и побѣдившимъ. Какъ и всякій человѣкъ въ несчастіи болѣе симпатиченъ, чѣмъ въ счастіи, когда онъ задираетъ голову и все готовъ принести въ жертву своему тщеславію, такъ и цѣлые народы въ годины народныхъ бѣдствій несравненно болѣе проявляютъ нравственныхъ силъ, чѣмъ въ періодъ удачъ, когда бахвальство и всякія дурныя страсти выступаютъ на первый планъ. Рѣчь, конечно, идетъ объ удачахъ военныхъ. Удачи въ области наукъ и искусствъ еще никогда ни одного человѣка и ни одинъ народъ не портили. Но военныя удачи фатально ведутъ къ пониженію нравственному, и, всегда почти, періодъ счастливыхъ внѣшнихъ войнъ ведетъ за собою періодъ реакціи внутри страны.

Все это имѣло мѣсто и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Одна изъ сильнѣйшихъ реакцій европейской исторіи наступила вслѣдъ затѣмъ, когда патріотизмъ соединенныхъ народовъ Европы сломилъ могущество „корсиканскаго злодѣя“. Патріотизмъ, носившій такой рѣзко-прогрессивный характеръ, когда дѣло шло объ организаціи національнаго освобожденія, быстро утратилъ его, когда побѣжденные превратились въ побѣдителей. Быстро взяли верхъ мутные элементы движенія, нанесенные неразборчивымъ русломъ исторической жизни, въ своемъ стихійномъ теченіи такъ часто захватывающимъ людей и явленія, крайне разнородные и другъ съ другомъ, въ сущности, ничего общаго не имѣющіе. Патріотизмъ, соединенный съ желаніемъ свободы, становится предметомъ гоненій и преслѣдованій, а господство получаетъ патріотизмъ, приспособленный къ цѣлямъ людей, живущихъ на счетъ всеобщаго отупѣнія, къ цѣлямъ Метерниховъ, Аракчеевыхъ, Руничей, Магницкихъ.

Основная черта этого новаго патріотизма заключается въ

славословіи всего существующаго и тѣхъ явленій прошлаго, изъ которыхъ возникли любезныя сердцу Метерниховъ явленія настоящаго. Смиреніе, смиреніе и еще разъ смиреніе, подавленіе въ себѣ всякой самостоятельной мысли — становятся обязательнымъ для всякаго, кто не хочетъ прослыть карбонаріемъ, кто не хочетъ рискнуть быть причисленнымъ къ тѣмъ „безпокойнымъ“ людямъ, которые полагали, что можно и даже должно съ одинаковымъ жаромъ любить и родину, и свободу.

Такъ было въ Европѣ, такъ-же, въ общихъ чертахъ, было у насъ. Устанавливается особый, офиціальный патріотизмъ, основанный на полной покорности всему исходящему отъ мудраго начальства, на внѣшнемъ благочестіи, на восхищеніи доблестями предковъ, тоже главнымъ образомъ состоящими изъ смиренія же. Разница между нашимъ ретроградным патріотизмомъ и европейскимъ заключается только въ томъ, что число „безпокойныхъ“ было у насъ не особенно велико, съ ними легче было справиться и потому озлобленія было меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Огромное большинство русскаго „общества“ десятыхъ, двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ состояло изъ чиновниковъ, прочно перенявшихъ традиціи московскаго „кормленія“, изъ помѣщиковъ, мало ушедшихъ отъ идеаловъ и понятій г-жи Простаковой, изъ Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Молчалиныхъ. Для всего этого люда патріотизмъ Грибоѣдова и Бѣлинскаго былъ не только ненавистенъ, но даже просто-напросто непонятенъ. Даже отвлекшись отъ какихъ бы то ни было корыстныхъ цѣлей угожденія Аракчеевымъ и Магницкимъ, они все-таки никакъ не могли бы себѣ представить благо родины помимо ратнаго счастія, пріумноженія территоріальныхъ владѣній, вліянія въ международныхъ дѣлахъ и вообще блеска во всѣхъ его проявленіяхъ. Общій уровень вѣса не поднялся еще до пониманія блага родины въ видѣ освобожденія крестьянъ, ослабленія бюрократизма, уменьшенія народныхъ тягостей. Но эти люди затѣяли дворцовый переворотъ, не имѣвшій корней въ народѣ и eo ipso осужденный на неудачу. Они быстро схо-

дятъ съ арены русской общественной жизни, и въ ней устанавливается еще большая тишь да гладь, да Божья благодать, чѣмъ прежде. Казенный патріотизмъ, благодаря катастрофѣ 14-го декабря, еще болѣе усиливается, а мутные элементы общественной жизни совсѣмъ уже входятъ въ роль спасителей отечества и задаютъ тонъ, идти противъ котораго даже опасно. Достаточно вспомнить, что критика Полевого на драму Кукольника („Рука Всевышняго отечество спасла"), понравившуюся въ „сферахъ", повела за собою закрытіе журнала, издававшагося Полевымъ; что Чаадаевъ пострадалъ за напечатаніе своихъ философско-историческихъ воззрѣній, ничего противозаконнаго въ себѣ не заключавшихъ, но не согласныхъ съ офиціальными понятіями о характерѣ русской исторіи.

Сдѣланный только-что краткій очеркъ превращенія національно-освободительнаго движенія начала нынѣшняго столѣтія въ казенно-патріотическое—необходимъ намъ для пониманія дѣятельности того писателя, біографіей котораго мы намѣрены здѣсь заняться. Дѣло въ томъ, что основною чертою литературной дѣятельности Лажечникова на первый взглядъ нельзя не признать тотъ внѣшній патріотизмъ, который намъ, выросшимъ на патріотизмѣ Бѣлинскаго, Некрасова, Щедрина, не можетъ быть особенно симпатиченъ. То же самое узкое представленіе о любви къ родинѣ, которое намъ такъ не по сердцу въ патріотизмѣ славянофильства Аксаковской школы, какъ будто есть подкладка наиболѣе прошумѣвшихъ романовъ Лажечникова.

И тѣмъ не менѣе, великій подвижникъ правды, яростный гонитель казеннаго патріотизма и вообще страстный врагъ всего фальшиваго и показного,—Бѣлинскій принадлежалъ къ числу самыхъ пламенныхъ поклонниковъ Лажечникова.

Какъ-же это согласовать?

Разгадка лежитъ въ необыкновенной нравственной чистотѣ и искренности натуры Лажечникова, которая не дала ему погрузитьзя въ тину гречебулгаринскаго патріотизма, а,

напротивъ того, придала страсть и обаятельность даже тѣмъ тенденціямъ его, съ которыми не можешь вполнѣ согласиться. Выросши въ эпоху наиболѣе пышнаго расцвѣта внѣшняго патріотизма, вращаясь въ продолженіе наиболѣе впечатлительнаго періода жизни въ томъ кругу, который, уже по роду своихъ занятій, только внѣшнимъ образомъ могъ понимать любовь къ родинѣ,—именно въ средѣ военной; наконецъ, горячій участникъ борьбы 12-го года, когда дѣйствительно отъ всякаго хорошаго сына отечества только и требовалась одна примитивная, чисто-внѣшняя оборона родной страны; выросши при такихъ условіяхъ, крайне впечатлительный Лажечниковъ не могъ не поддаться въ значительной степени внѣшне-патріотическому направленію своей эпохи. Что касается періода, когда возбужденіе отечественной войны улеглось, то будь у Лажечникова натура почерствѣе, покорыстнѣе, почестолюбивѣе, онъ, нѣтъ сомнѣнія, былъ бы намъ столь же несимпатиченъ въ своей дѣятельности, какъ и всѣ остальные паладины казеннаго патріотизма, которые, утративши пылъ, создаваемый опьяненіемъ военнаго времени, продолжали все-таки ратоборствовать все въ томъ же направленіи, но уже, конечно, изъ-за мотивовъ, всего менѣе имѣющихъ связь съ любовью къ родинѣ. У Лажечникова никогда такихъ мотивовъ не было. Если патріотизмъ его отчасти внѣшній, то источникъ его все-таки искренняя и глубокая любовь къ родинѣ, не имѣющая въ виду никакого одобренія, никакого поощренія, никакого креста и мѣстечка. И отъ того то онъ такъ неотразимо дѣйствовалъ на чуткаго ко всему искреннему Бѣлинскаго, оттого-то онъ производитъ впечатлѣніе и теперь. Читая многія страницы „Послѣдняго Новика“, „Ледянаго Дома“, вы не соглашаетесь съ авторомъ, находите неестественнымъ, преувеличеннымъ патріотизмъ нѣкоторыхъ героевъ, но вы все-таки ясно чувствуете, что авторъ самъ страстно вѣритъ во все то, что онъ изображаетъ и проповѣдуетъ, и вы вполнѣ примиряетесь съ нимъ. Чудесная натура Лажечникова спасла его отъ всѣхъ несимпатичныхъ сторонъ ка-

И. Лажечниковъ

зенно-патріотическаго направленія, скрасила его огнемъ вѣры и убѣжденія.

Но что всего важнѣе—искренность и честность натуры не дали Лажечникову застыть разъ навсегда въ тѣхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, которые онъ себѣ усвоилъ въ молодости, благодаря сложившимся извѣстнымъ образомъ обстоятельствамъ. Такъ какъ прежде всего Лажечникову дорога была правда, то среда никогда не могла заѣсть его до того, чтобы въ угоду какимъ бы то ни было тенденціямъ закрывать глаза на истину. Если въ программу казеннаго патріотизма входило довольство крѣпостнымъ правомъ, то искренность и прямота натуры Лажечникова были все-таки настолько въ немъ сильны, чтобы заставить его возненавидѣть рабство: насколько онъ могъ по своему служебному положенію и цензурнымъ условіямъ того времени, Лажечниковъ всегда возставалъ въ своихъ произведеніяхъ противъ крѣпостного права. Если въ программу казеннаго патріотизма входило полное повиновеніе и содѣйствіе предначертаніямъ мудраго начальства, то Лажечникову, однако же, это не помѣшало значительно уклоняться отъ такого правила, когда онъ находилъ это нужнымъ. Служа подъ начальствомъ Магницкаго, Лажечниковъ не унизился, однако-же, до содѣйствія этому всесильному человѣку; поступивъ, для прокормленія семьи, въ цензора, Лажечниковъ страшно страдалъ отъ всякой сдѣланной имъ помарки, хотя былъ онъ цензоромъ тотчасъ же послѣ крымской войны, когда правительство ничуть не стѣсняло печать и не вмѣняло цензорамъ въ обязанность усиленно чиркать и марать; пробывъ въ этой должности года два, онъ благословлялъ тотъ день, когда ему можно было ее оставить. Благодаря всему этому, и преуспѣлъ такъ мало Лажечниковъ на службѣ, несмотря на свою всероссійскую славу и на то, что онъ лично былъ извѣстенъ царствующимъ особамъ. Оттого-же онъ, въ періодъ арендъ и пенсій, завѣщавалъ своему семейству 2 выигрышныхъ билета. Наконецъ, если въ программу казеннаго патріотизма входило полное

презрѣніе къ безпокойнымъ людямъ, то это ничуть, однакоже, не мѣшало Лажечникову отъ души уважать всякое честное слово, отъ кого бы оно ни исходило, и даже въ значительной степени поддаваться дѣйствію его. Отсюда близкія отношенія, которыя существовали между Лажечниковымъ и Бѣлинскимъ, и глубокое уваженіе, которое Лажечниковъ до конца дней своихъ питалъ къ Бѣлинскому, хотя, собственно говоря, они находились въ разныхъ лагеряхъ. Отсюда чуткость Лажечникова ко всему молодому, свѣжему и честному. На пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ литературной дѣятельности Лажечникова сообщалось, что маститый старецъ съ живѣйшимъ интересомъ и благоволеніемъ посвящаетъ все свое время на чтеніе новѣйшихъ журналовъ. Фактъ этотъ очень характеренъ для восьмидесятисемилѣтняго старика, сформировавшаго свое міросозерцаніе во времена Аракчеева. Много ли вы найдете между дѣятелями прошлаго такихъ, которые считали бы нужнымъ слѣдить за ходомъ новѣйшей мысли, которые не брюзжали бы на новое поколѣніе, на новыя времена, причемъ это брюзжаніе всегда имѣетъ источникомъ чисто-личное раздраженіе, вызванное смѣною старыхъ боговъ новыми. Лажечниковъ никогда не брюзжалъ на новыя времена, *хотя самъ же жаловался, что его забыли*. Напротивъ того, прежде всего любя истину, Лажечниковъ всегда преклонялся предъ ростомъ русской гражданственности, привившимъ русской жизни множество гуманитарныхъ идей; чуткая къ добру душа его не могла не видѣть великихъ преимуществъ новой русской жизни предъ старой, и никакія личныя чувства не въ состояніи были удержать его отъ признанія этого. Такимъ образомъ, чрезвычайная порядочность натуры явилась коррективомъ той несимпатичной узости, къ которому привелъ бы Лажечникова всякій другой нравственный складъ.

Вотъ тѣ двѣ отправныя точки, съ которыхъ слѣдуетъ приступить къ разсмотрѣнію дѣятельности Лажечникова. Искренній, пламенный, хотя и внѣшній патріотизмъ и чрезвы-

чайная мягкость, поэтичность и искренность натуры—вотъ тѣ двѣ основныя черты умственной и душевной физіономіи Лажечникова, которыя вполнѣ намъ выясняютъ творческую личность автора „Ледянаго Дома“.

I

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ родился 14-го сентября 1792 г. (а не въ 1794 г., какъ полагали до сихъ поръ библіографы, см. подробнѣе въ примѣчаніи 1) въ городѣ Коломнѣ, Московской губерніи. Отецъ его былъ коммерціи совѣтникъ и одинъ изъ богатѣйшихъ коломенскихъ купцовъ, ведшій обширную торговлю хлѣбомъ и солью. Послѣдній промыселъ былъ наслѣдственный въ семьѣ Лажечниковыхъ, имъ занимался родъ Лажечниковыхъ съ давнихъ временъ. Знаменитый романистъ, слѣдовательно, былъ происхожденія чисто-купеческаго—явленіе довольно рѣдкое среди писателей того времени, въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣвшихъ болѣе или менѣе длинный рядъ „благородныхъ“ предковъ. И если принять во вниманіе, что „благородство“ всегда сопровождалось рабовладѣльчествомъ, то будетъ ли съ нашей стороны очень смѣлой гипотезой предположить, что именно купеческое происхожденіе, т. е. отсутствіе въ домѣ крѣпостныхъ слугъ, которыхъ можно было бы дуть и таскать за волосы за всякую провинность, въ значительной степени вліяло на молодого Лажечникова, и безъ того одареннаго отъ природы рѣдкою мягкостью характера.

Несомнѣнно, однако же, что, представляй собою семейство Лажечниковыхъ обычный типъ купеческихъ семействъ, это едва ли можно было бы назвать болѣе благопріятными условіями для развитія характера будущаго писателя, нежели происхожденіе дворянское, хотя бы и обставленное всѣми гнусностями крѣпостного права. Если еще въ наше время купечество представляетъ собою по истинѣ „темное царство“,

то можно себѣ вообразить, что являло собою какое-нибудь коломенское купечество въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ ,,Бѣленькихъ, Черненькихъ и Сѣренькихъ" и въ романѣ ,,Не много лѣтъ назадъ"—двухъ произведеніяхъ Лажечникова, главнымъ образомъ представляющихъ собою воспоминанія автора о своемъ дѣтствѣ, мы видимъ, что такое была коломенская купеческая среда: обманъ самаго примитивнаго свойства, душевная и тѣлесная грубость, чисто-животное препровожденіе времени и мракъ самаго непроходимаго невѣжества—картина знакомая.

Но семья Лажечникова, главнымъ образомъ отецъ его, составляла рѣзкое исключеніе, какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ внутренней. Самые богатые коломенскіе купцы, какъ и внѣшнее провинціальное купечество, жили скаредно, одѣвались по-мѣщански, въ полдень ,,ѣли рѣдьку, хлебали деревянными или оловянными ложками щи, на которыхъ плавало по вершку сала, и уписывали гречневую кашу пополамъ съ масломъ" (,,Бѣленькіе, Черненькіе и Сѣренькіе"). Единственная роскошь, которую себѣ позволяли коломенскіе коммерсанты, — было спать до одуренія. ,,Послѣ обѣда, вмѣсто кейфа, они бесѣдовали немного съ высшими силами, то есть пускали къ небу изъ воронки рта струи воздуха, потомъ погружались въ сонъ праведныхъ. Выбравшись изъ подъ тулупа и съ лона трехэтажныхъ перинъ, а иногда съ войлока на огненной лежанкѣ, будто изъ баннаго пара, въ нѣсколько пріемовъ осушали по жбану пива, только-что принесеннаго со льда; опять кейфовали, немного погодя принимались за самоваръ въ боченокъ, потомъ за ужинъ съ рѣдькой, щами и кашей, и опять утопали въ лонѣ трехэтажныхъ перинъ". ,,Какъ видите, жизнь патріархальная!" резюмируетъ Лажечниковъ. ,,Немногіе избранники отступали отъ нея. Книжки въ домѣ ни одной, развѣ какой-нибудь отщепенецъ-сынокъ, отъ котораго родители не ожидали проку, тайкомъ отъ нихъ, гдѣ-нибудь на сѣнникѣ, теребилъ по складамъ нѣсенникъ, или сказки про ,,Илью Муромца" и ,,Бову Королевича".

Отецъ Лажечникова былъ одинъ изъ ,,немногихъ", рѣшительно отступившихъ отъ этой ,,патріархальной" жизни. Получивъ послѣ смерти отца своего богатое наслѣдство, онъ построилъ себѣ превосходный домъ, поражавшій своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ великолѣпіемъ. ,,Домъ этотъ славился роскошью своего убранства", пишетъ Лажечниковъ въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній о двѣнадцатомъ годѣ (,,Новобранецъ 12-го года"), ,,вездѣ паркеты изъ краснаго, чернаго, пальмоваго дерева, мраморъ, штофъ... Въ немъ отецъ мой угощалъ великолѣпныхъ сыновъ кончавшагося вѣка

« . . . изъ стаи славно
Екатерининскихъ орловъ».

И угощалъ великолѣпно, не ударялъ лицомъ въ грязь предъ важными господами, не брезгавшими водить хлѣбъ-соль съ купцомъ. Онъ жилъ, вообще, какъ богатые дворяне того времени. И чтобы совсѣмъ походить на нихъ, онъ купилъ себѣ даже помѣстье въ 23 верстахъ отъ Коломны—,,Красное Сельцо". Помѣстье это было куплено на имя хорошаго пріятеля Лажечникова, московскаго губернатора Обрѣзкова; на чужое имя, какъ мы полагаемъ, потому, что купцамъ въ то время было воспрещено покупать населенныя имѣнія. ,,Во время цвѣтущаго положенія дѣлъ" отца Ивана Ивановича Лажечникова, сообщается въ автобіографіи, читанной Ѳ. Ливановымъ на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ нашего романиста,—Красное Сельцо было настоящимъ Эльдорадо того времени. Туда стекались дворяне уѣзда на приманку вкусныхъ обѣдовъ съ аршинными стерлядями, пойманными въ собственныхъ прудахъ, и двухфунтовыми грушами, только-что сорванными въ своихъ оранжереяхъ. Все это приправляли радушіе, умъ, любезность хозяина и красота хозяйки, истовой красавицы своего времени. Офицеры Екатеринославскаго кирасирскаго полка, стоявшаго въ окрестности, толпились каждый день у гостепріимнаго амфитріона. Трехэтажный домъ

и такой же флигель не могли вмѣстить на сонъ грядущій посѣтителей. Губернаторы, ѣздившіе ревизовать губернію, дѣлали нѣсколько верстъ крюку по проселочной дорогѣ, чтобы откушать хлѣба-соли у радушнаго помѣщика-кушца. Порядочный оркестръ домашнихъ музыкантовъ во время обѣдовъ услаждалъ слухъ гостей увертюрами изъ тогдашнихъ модныхъ оперъ".

Вотъ какова внѣшняя обстановка дѣтства Лажечникова. Вліяніе ея было-бы, конечно, весьма мало благотворно для Лажечникова, еслибы только однимъ этимъ внѣшнимъ блескомъ и житьемъ на широкую, барскую ногу отецъ его выдѣлялся изъ коломенской купеческой среды. Нельзя, впрочемъ, отрицать и того, что отсутствіе матеріальныхъ заботъ, отсутствіе нужды, видъ довольныхъ, веселыхъ гостей, наполнявшихъ отцовскій домъ, не могъ укрѣпить природной незлобивости будущаго творца идеально-добрыхъ фигуръ „Новика", „Ледянаго Дома", „Басурмана" и др.

Но, помимо этой стороны роскошной жизни отца Лажечникова, онъ, какъ уже сказано только что, не однимъ пристрастіемъ къ дворянской жизни выдѣлялся изъ круга людей своего сословія. Еще въ большей степени онъ выдѣлялся изъ нихъ своимъ горячимъ стремленіемъ къ образованію. Выводя своего отца въ „Бѣленькихъ, Черненькихъ и Сѣренькихъ" подъ именемъ Максима Ильича Пшеницына. Лажечниковъ объ немъ сообщаетъ слѣдующее: „Максимъ Ильичъ имѣлъ врожденное стремленіе къ образованію себя. Случай развилъ еще болѣе эту склонность. Въ одну изъ частыхъ поѣздокъ своихъ въ разные предѣлы Россіи, которыя онъ всякій годъ совершалъ по торговымъ дѣламъ, познакомился онъ гдѣ-то съ Новиковымъ. Новиковъ полюбилъ молодого человѣка, бесѣдовалъ съ нимъ часто о благахъ, доставляемыхъ просвѣщеніемъ, и снабдилъ его спискомъ всѣхъ книгъ и журналовъ, какіе только были изданы на русскомъ языкѣ. Максимъ Ильичъ не замедлилъ купить эти книги и читалъ ихъ съ жадностью"

Въ другомъ наполовину автобіографическомъ романѣ Лажечникова, —„Немного лѣтъ назадъ", въ которомъ отдѣльныя черты жизни родительскаго дома переданы не дословно точно, но въ которомъ, однако, вѣрно переданъ общій духъ той обстановки, среди которой выросъ Лажечниковъ, —отецъ его, выведенный подъ именемъ Патокина, опять таки изображается страстнымъ приверженцемъ образованія.

Все это вполнѣ подтверждается тѣмъ тщательнымъ воспитаніемъ, которое было дано молодому Ванѣ. Вещь неслыханная въ купеческой средѣ—ему былъ нанятъ гувернеръ-французъ и притомъ не какой-нибудь, —для того чтобы сравниться съ дворянами и научить сынка болтать по-французски, чтобы въ грязь не ударялъ онъ передъ барчуками, —а прекрасный воспитатель, взятый по надежной рекомендаціи такого человѣка, какъ Новиковъ. Выборъ знаменитаго дѣятеля оказался прекраснымъ.

„Я учился", сообщаетъ Лажечниковъ, въ той автобіографіи, о которой уже сказано выше, „сначала русской грамотѣ у священника. Когда мнѣ минуло 6 лѣтъ, взяли къ намъ въ домъ гувернера Monsieur Beaulieu, французскаго эмигранта, не походившаго на своихъ собратовъ-проходимцевъ. Онъ получилъ образованіе въ Страсбургскомъ университетѣ, зналъ основательно французскій и нѣмецкій языки, на русскомъ изъяснялся чисто, но ученымъ нельзя было его назвать. Къ намъ въ домъ поступилъ онъ, кончивъ воспитаніе дѣтей въ домѣ князей Оболенскихъ, по рекомендаціи знаменитаго подвижника русскаго просвѣщенія въ Россіи— Новикова, которому, сколько могу сообразить, былъ братъ по массонству. Всегда неукоризненно одѣтый во французскій кафтанъ коричневаго цвѣта, съ косою и бантомъ за плечами, являлся онъ къ общему столу и ученію. Манеры его были просты, но изобличали въ немъ дворянина до-республиканскихъ временъ, доброту, не доходившую, однакожъ, до слабости. Старшій братъ мой, учившись у него, любилъ его, какъ второго отца. Память о немъ до сихъ поръ съ глубо-

кою благодарностью сохраняется въ сердцѣ моемъ. Никогда не видалъ я надъ собою розогъ, и все наказаніе учебное ограничивалось у насъ ставленіемъ за обѣдомъ въ уголъ, каковое наказаніе огорчало меня до обильныхъ слезъ".

Къ этой характеристикѣ Болье можно прибавить еще нѣсколько словъ изъ другой автобіографіи Лажечникова (составленной имъ въ 1858 г. для „Художественнаго Листка" Тимма), которою мы пользовались изъ собранія рукописей Публичной Библіотеки. Въ автобіографіи, читанной Ливановымъ, Лажечниковъ нѣсколько критически говоритъ про Болье: „но ученымъ нельзя было его назвать". Въ автобіографіи же Публичной Библіотеки, Лажечниковъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ, пишетъ: „съ 6-ти лѣтъ имѣлъ онъ наставникомъ француза, очень образованнаго, у котораго учился французскому и нѣмецкому языкамъ, разнымъ наукамъ и рисованію". Послѣдняя характеристика несомнѣнно вѣрнѣе, и потому, что сдѣлана Лажечниковымъ раньше, когда память была у него свѣжѣе, и потому, что вполнѣ соотвѣтствуетъ тому раннему развитію и сравнительно очень большому образованію, которое проявляетъ Лажечниковъ уже на 15 году своей жизни.

Мягкость Болье не можемъ, конечно, не считать тоже однимъ изъ факторовъ, укрѣпившихъ природную доброту Лажечникова. Такимъ-же факторомъ слѣдуетъ считать дядьку Ларивона изъ „Черненькихъ, Бѣленькихъ и Сѣренькихъ"— лицо, несомнѣнно живое, что доказывается тѣмъ, что онъ-же неоднократно фигурируетъ и въ воспоминаніяхъ Лажечникова о своемъ дѣтствѣ. Ларивонъ, судя по „Черненькимъ, Бѣленькимъ и Сѣренькимъ", былъ человѣкъ большой душевной чистоты и мягкости, никогда не позволявшій себѣ грубаго слова. Воспитанникъ „не видалъ отъ него сердитаго толчка, не только розги (которая, правда, ни отъ кого никогда не была на малюткѣ); никогда бранное слово не вырывалось изъ устъ воспитателя, а если нужно было сдѣлать выговоръ, такъ это дѣлалось во имя стыда.—„Эхъ! какъ вамъ не

стыдно, Иванъ Максимовичъ!—говаривалъ онъ въ минуты необходимости, когда видѣлъ непростительную шалость своего питомца: —этого и бурлакъ не сдѣлаетъ".

Наконецъ, что касается родителей его, Лажечниковъ, и въ прямыхъ воспоминаніяхъ своихъ, и въ романахъ автобіографическаго характера, всегда отзывается о нихъ, какъ о людяхъ очень добрыхъ.

Такимъ образомъ все сошлось для того, чтобы укрѣпить въ Лажечниковѣ его природную доброту и мягкость: матеріальная обезпеченность, добрые родители, добрые учителя, незнаніе надъ собою розги—въ вѣкъ, когда на розгѣ была основана вся система воспитанія.

Неудивительно поэтому, что дѣтство произвело на крайне-воспріимчиваго Лажечникова огромнѣйшее впечатлѣніе. Много испыталъ любопытнаго на своемъ долгомъ вѣку Лажечниковъ и, однако же, ни на чемъ съ такою любовью и интересомъ не останавливался онъ, какъ на своемъ дѣтствѣ. У всякаго дѣтство рисуется въ болѣе или менѣе радужныхъ воспоминаніяхъ, всякій готовъ его идеализировать, но у Лажечникова эта любовь настолько сильна, что, какъ только онъ переступалъ область историческаго романа, онъ уже непремѣнно касался жизни въ родительскомъ домѣ, которая дѣйствительно и заслуживала такой продолжительной памяти о себѣ.

Свѣтлыя воспоминанія дѣтства (именно *дѣтства*: въ отрочествѣ Лажечникову пришлось узнать жизнь не только съ одной радостной стороны ея) нашего романиста омрачены однимъ эпизодомъ, на которомъ стоитъ остановиться, потому что трудно представить себѣ что-нибудь болѣе характерное для того времени.

Въ глухую ночь одного изъ „послѣднихъ годовъ царствованія императора Павла I" домъ Лажечниковыхъ былъ внезапно разбуженъ страшнымъ стукомъ, шумомъ и звономъ колокольчиковъ на дворѣ. Поднялась суматоха и въ домѣ, и „вслѣдъ затѣмъ я", пишетъ Лажечниковъ въ юбилейной

автобіографіи, „увидѣлъ рыдающую мать мою, прощаніе ея съ отцомъ, благословеніе его дрожащею рукою надо мною и братомъ моимъ. На дворѣ стояли три таинственныя тройки, запряженныя въ рогожныя кибитки. При нихъ были какіе-то солдаты. Въ одну кибитку посадили моего отца, въ другую гувернера Monsieur Beaulieu, въ третью священника, нашего русскаго учителя; казалось, ихъ увезли въ вѣчность. Вслѣдъ за тѣмъ слышны были только перешептыванія, рыданіе матери и причитаніе женской прислуги. Въ этомъ происшествіи никто ничего не могъ понять. Дядька мой Ларивонъ угрюмо молчалъ, нянька Домна усердно молилась и приказывала мнѣ молиться“.

Чрезъ нѣсколько дней все разъяснилось.

Дѣло въ томъ, что при всей своей добротѣ и мягкости, отецъ Лажечникова былъ весьма остеръ на языкъ. А такъ какъ, кромѣ того, онъ былъ человѣкъ правдивый, честный и умный, то остроты его попадали не въ бровь, а прямо въ глазъ, и создавали ему множество враговъ среди людей, отъ правды не очень выигрывающихъ. Пшеницынъ изъ „Бѣленькихъ, Черненькихъ и Сѣренькихъ“, т. е. отецъ Лажечникова, отпускаетъ колкости на счетъ городскихъ властей, которыя понятно, не мало злятся за это на дерзкаго куща. Городничаго, напр., который состоялъ въ амурахъ съ одной отцвѣтающей графиней, жившей въ окрестностяхъ города, и потому вѣчно пропадалъ въ имѣніи ея и весьма мало заботился о городскихъ дѣлахъ, Пшеницынъ прозвалъ уѣзднымъ городничимъ, и кличка эта такъ и осталась за нимъ. Патокинъ изъ „Немного лѣтъ назадъ“, т. е. опять-таки отецъ Лажечникова, „иной разъ такъ смѣло выражался о разныхъ важныхъ предметахъ и лицахъ, что у трусливаго человѣка, слушавшаго его, волосы дыбомъ становились“.

Но какъ въ обоихъ романахъ, такъ и въ дѣйствительности, все сходило Лажечникову, благодаря богатству его и связямъ. Однакоже, ходитъ кувшинъ по воду, пока не сломится. Довелъ языкъ Лажечникова-отца до большей бѣды,

которая тяжелымъ камнемъ легла на всю дальнѣйшую жизнь его. Сострилъ онъ разъ надъ однимъ высокопоставленнымъ коломенскимъ духовнымъ лицомъ. Священникъ, обучавшій дѣтей Лажечникова русскому языку, въ чаяніи грядущихъ наградъ, передалъ остроту по назначенію. Высокопоставленное лицо разъярилось и рѣшилось отомстить зазнавшемуся купчишкѣ. Сказано—сдѣлано. Въ Петербургъ отправляется обстоятельное донесеніе о разрушителѣ основъ и якобинцѣ, дальнѣйшее пребываніе котораго въ Коломнѣ грозитъ отечеству неотразимыми несчастіями. Какъ уже сказано выше, происходило это все въ послѣдніе годы царствованія Павла. А извѣстно, что это было за время такое. „Слово и дѣло“, на бумагѣ отмѣненное, въ дѣйствительности свирѣпствовало неудержимо и поражало всѣхъ, попавшихъ въ зачумленный районъ дѣйствія его.

До Петербурга связи Лажечникова не достигали. Тамъ повѣрили высокопоставленному іерарху, не поскупившемуся на выразительныя краски. За Лажечниковымъ была послана казенная тройка, которая первоначально отвезла его въ Москву. Собравши по возможности больше денегъ и взявъ обоихъ сыновей своихъ, жена схваченнаго на слѣдующій же день отправилась по слѣдамъ мужа, въ сопровожденіи уже извѣстнаго намъ вѣрнаго и преданнаго Ларивона. „По пріѣздѣ въ Москву“, сообщаетъ Лажечниковъ въ юбилейной автобіографіи, „мы отправились въ Тайную канцелярію, находившуюся на углу Мясницкой и Лубянской площади, что нынѣ домъ Московской духовной консисторіи. Здѣсь какой-то генералъ дозволилъ намъ свиданіе съ плѣнникомъ. Мы простились съ нимъ, не зная, увидимъ ли его когда-нибудь... По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ извѣстно намъ стало, что узника посадили въ Петропавловскую петербургскую крѣпость и отобрали у него ножи и вилки“!

Недолго пробылъ коломенскій якобинецъ въ крѣпости. Энергическія старанія привлекли на сторону его нѣкоторыхъ сильныхъ людей того времени, которые сумѣли во-время

сказать словечко и этимъ высвободить узника. Въ день Михаила Архангела, что въ сентябрѣ, Павелъ Петровичъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Умѣвшіе воспользоваться этимъ расположеніемъ тутъ-же получали за свою ловкость сотни и тысячи душъ, чины, кресты русскіе и кресты мальтійскаго ордена, гросмейстерство котораго недавно взялъ на себя любившій всякія чудачества Павелъ. Сумѣли также воспользоваться хорошимъ расположеніемъ духа императора два приближенныхъ къ нему лица—Куракинъ и Лобановъ-Ростовскій, для спасенія Лажечникова. Они доложили, что на коломенскаго коммерсанта взвели напраслину, что его оклеветали. Имъ повѣрили, и Лажечниковъ былъ освобожденъ. А доносчика-священника перевели въ Тульскую губернію на низшее мѣсто. Угрызеніе совѣсти, а можетъ быть и злоба на скверный исходъ своихъ надеждъ вылѣзть въ люди, довели неудачнаго доносчика до разстройства умственныхъ способностей.

День Михаила Архангела сталъ священнымъ въ семействѣ Лажечниковыхъ. Каждый годъ онъ праздновался самымъ торжественнымъ образомъ, какъ день освобожденія отъ неожиданной напасти.

Но дорого, однакоже, обошлось Лажечниковымъ, въ концѣ концовъ, это освобожденіе. Хлопоты и пріобрѣтеніе связей не даромъ доставались въ то время. А главное, торговыя дѣла Лажечникова были сильно запущены имъ за время вынужденнаго отсутствія. Прежнее богатство было значительно подорвано. Правда, оно было на столько велико, что можно еще было продолжать нѣсколько лѣтъ, попрежнему, жить на широкую ногу. Но все-таки нанесенный ударъ былъ настолько силенъ, что благосостояніе Лажечниковыхъ съ каждымъ годомъ все падало и падало, пока, наконецъ, въ 1811 году, ему не былъ нанесенъ ударъ окончательный. Въ этомъ году зима была ранняя, и Ока стала тоже раньше обыкновеннаго. А между тѣмъ Лажечникову нужно было позднею осенью провести по Окѣ караванъ соли для цѣлой Московской губерніи.

Для того, чтобы выполнить взятый подрядъ по снабженію солью, ему пришлось возить ее нѣсколько сотъ верстъ гужемъ. Конечно, это обошлось безконечно дороже. Въ прежнее время Лажечниковъ свободно покрылъ-бы даже такой громадный дефицитъ. Но теперь условія были совсѣмъ иныя, и для спасенія себя отъ банкротства почти все недвижимое имущество пришлось распродать. Немногое уцѣлѣло отъ крушенія. Къ счастью для нашего писателя, это окончательное крушеніе произошло тогда, когда ему было 19 лѣтъ и онъ уже успѣлъ воспользоваться богатствомъ своихъ родителей для того, чтобы получить отличное образованіе и накопить для будущаго запасъ свѣтлыхъ воспоминаній о дѣтствѣ. Что же касается того событія, которое послужило первоначальною причиною разоренія, то все значеніе его Лажечниковъ могъ понять только возмужавъ. Мрачная сторона этого происшествія не могла быть воспринята дѣтскою душою Лажечникова во всей своей силѣ и если повліяла на нее, то развѣ тѣмъ, что своею внезапностью и таинственностью усилила и безъ того сильную въ немъ наклонность къ романтическому и чудесному.

II

Возвратимся теперь къ воспитанію Лажечникова и отмѣтимъ первые шаги его на литературномъ поприщѣ. „Выучившись читать по-русски“, сообщаетъ онъ въ юбилейной автобіографіи, „я съ жадностью бросился на книги и перебралъ всю библіотеку отца моего, въ которой, сколько припомнить могу, нашелъ „Всемірный путешественникъ“, сочиненія Ломоносова и все, что издано было по русской литературѣ до того времени. Когда я хорошо ознакомился съ французскимъ языкомъ и порядочно съ нѣмецкимъ, моя литературная жатва была обильнѣе, мало-по-малу, съ физическимъ и умственнымъ ростомъ моимъ, я сталъ читать на французскомъ языкѣ сочи-

ненія аббата де-Сенъ Пьера, Эмиля Руссо, трагедіи Вольтера и Расина, Тацита, Тита Ливія во французскомъ переводѣ, кажется Лерминье, Шиллера на нѣмецкомъ языкѣ и др.; говорю только о любимыхъ мною писателяхъ. Въ это время, еще будучи четырнадцати лѣтъ, я возымѣлъ сильную охоту къ сочинительству и сдѣлалъ на французскомъ языкѣ описаніе Мячнова Кургана, что по дорогѣ изъ Москвы въ Коломну; пятнадцати лѣтъ сочинилъ на томъ же языкѣ стихотвореніе, а 16-ти лѣтъ написалъ: „Мысли въ подраженіе Лебрюйера“ и послалъ статью эту въ „Вѣстникъ Европы“, издававшійся тогда Каченовскимъ. Редакторъ, не подозрѣвая въ авторѣ мальчика, напечаталъ статью въ своемъ журналѣ, и такъ какъ я громилъ въ одной фразѣ тирановъ, то онъ сдѣлалъ на нее собственноручное замѣчаніе“.

Однакоже, на самомъ дѣлѣ, мальчикъ-авторъ былъ еще моложе: „Мысли“ напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1897 годъ, слѣдовательно, когда Лажечникову было всего только пятнадцать лѣтъ. Ему просто измѣнила память, когда онъ утверждалъ, что дебютировалъ въ 16 лѣтъ.

Нельзя не подчеркнуть этотъ фактъ, какъ явленіе, рѣзко характеризующее даровитость Лажечникова и раннее развитіе, которымъ нашъ писатель несомнѣнно обязанъ благотворному вліянію Болье. Очень можетъ быть, что ближайшее ознакомленіе съ „Мыслями“ и разочаруетъ современнаго читателя, онѣ могутъ показаться и не особенно важными. Но дѣло-то въ томъ, что нельзя относиться къ литературнымъ явленіямъ прошлаго иначе какъ съ исторической точки зрѣнія. Въ данномъ случаѣ нужно исключительно руководствоваться тѣмъ, что „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго принадлежалъ къ лучшимъ журналамъ своего времени. Если насъ чрезвычайно изумило-бы появленіе статьи пятнадцатилѣтняго мальчика на страницахъ „Вѣстника Европы“ Стасюлевича, то совершенно такое-же изумленіе должно быть вызвано напечатаніемъ „Мыслей“ еще не вышедшаго изъ дѣтства Лажечникова на страницахъ „Вѣстника Европы“ Каченовскаго.

Въ виду того, что „Мысли“ ни въ одно собраніе сочиненій Лажечникова не вошли и не только „читающей публикѣ“, но даже и спеціалистамъ (см. прим. 2) совершенно неизвѣстны, мы позволимъ себѣ привести ихъ цѣликомъ, благо онѣ крайне незначительнаго размѣра: „статьи“ въ журналахъ начала нашего столѣтія; большею частію, очень крошечныя, не чета современнымъ, такъ и норовящимъ раздуться въ книгу.

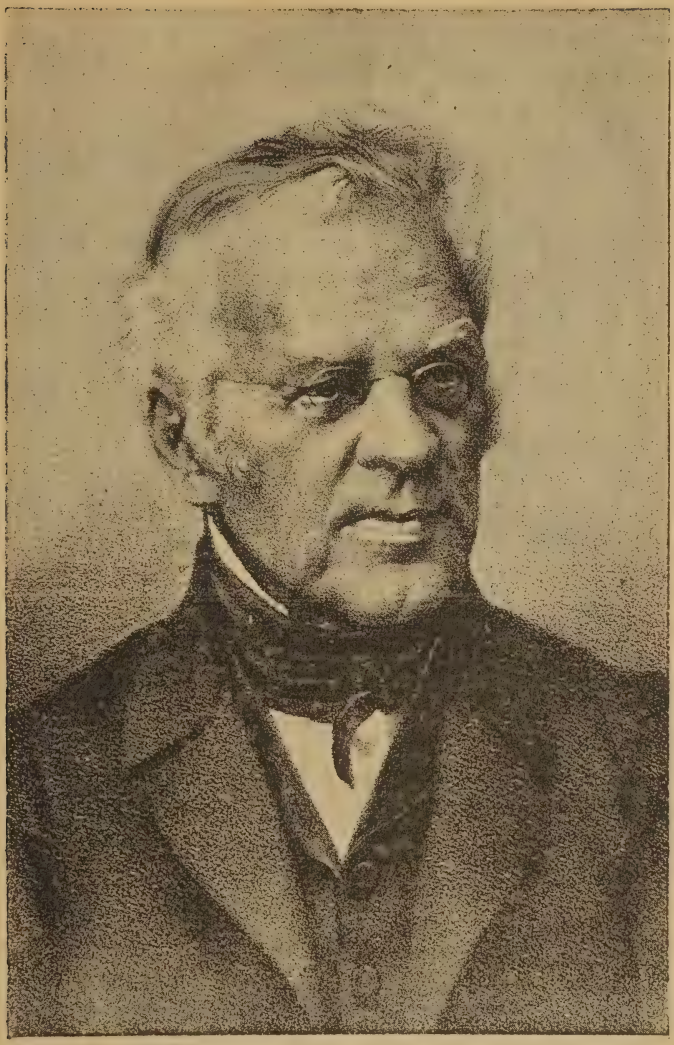
МОИ МЫСЛИ

„Гордость—разумѣю, благородная—должна быть видна и въ монархѣ, и въ народѣ, для того, чтобы заставить себя уважать и страшиться,—въ бѣдномъ и несчастномъ человѣкѣ, для того, чтобы заставить почитать добродѣтель и въ рубищѣ....“

„Кто не былъ несчастливъ, не знаетъ, что есть истинно наслаждаться счастіемъ; кто не видѣлъ ужасовъ бури, не ощущаетъ живого удовольствія въ ясную погоду; кто не былъ палимъ солнечнымъ зноемъ, не знаетъ, что есть прохлада тѣнистой рощицы и свѣжія струи ручейка кристальнаго!...“

„Когда безсмысленные мальчишки бросаютъ въ меня каменьями, что долженъ я дѣлать?—Бѣжать отъ нихъ и спрятаться за высокимъ заборомъ“.

„Женщины любятъ страстно,—ненавидятъ страстно (умѣютъ онѣ и мстить дерзкимъ—прощая. Примѣчаніе Каченов-



И. И. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

РИСУНОКЪ БОРЕЛЯ, ЛИТОГРАФІЯ МЮНСТЕРА.

скаго), чувствительны до страсти;—мужчины любятъ съ хладнокровіемъ, отвергаютъ руку помощи съ хладнокровіемъ, убиваютъ другъ друга съ хладнокровіемъ....“

„Я шелъ по улицѣ; — израненная собака лежала въ углу;—на жалостные стоны пришла туда другая собака, и въ ту же минуту начала лизать раны больной; не отошла до тѣхъ поръ, пока не увидала, что ей стало легче.— Звѣрь чувствуетъ состраданіе—а человѣкъ просвѣщенный, съ разумомъ, съ сердцемъ!!?“

Послѣдняя „мысль“ вызвало такое примѣчаніе Каченов скаго:

„Не споримъ, что есть люди жестокіе, незнающіе состраданія, однакожъ, не унижая достоинства чувствительныхъ собакъ, можно сказать навѣрное, что въ обществѣ человѣческомъ болѣе найдемъ примѣровъ, нежели между животными“.

„Бѣдные и несчастные не могутъ найти себѣ друзей въ знатныхъ вельможахъ: ибо сіи послѣдніе оказываютъ вспомоществованіе не изъ любви къ нимъ, но изъ одного тщеславія: — станетъ ли слабый цвѣтокъ искать себѣ защиты отъ сильныхъ порывовъ вѣтра подлѣ величественнаго, гордаго дуба?—Нѣтъ, онъ прижмется къ такому же слабому цвѣтку— и они крѣпко обовьются одинъ около другого“....

„Какое различіе между женщиной и царемъ персидскимъ?—Деспотическое правленіе первой основано на законахъ природы—то есть красоты, добродѣтели; а второго—на законахъ, установленныхъ съ одной стороны жестокостью, съ другой—страхомъ.—Какъ пріятна и сладостна неограниченная власть первой, ибо она связываетъ смертныхъ узами

любви!—Какъ несносно безпредѣльное могущество второго, ибо оно оковываетъ подданныхъ тяжкими цѣпями тиранства!....

И эта „мысль“ вызвала примѣчаніе Каченовскаго: „неограниченная, *во зло употребляемая* власть женщины столь же несносна, какъ и безпредѣльное могущество персидскаго царя, *во зло имъ употребляемое* (всѣ курсивы Каченовскаго). Люди уже наслаждались счастіемъ; живучи подъ властію отеческою, на взаимной довѣренности и правителя и управляемыхъ основанною, прежде нежели пришло имъ на мысль писать общественные договоры“.

„Великій человѣкъ, прославившійся умомъ своимъ или мужествомъ, не можетъ равнодушно взирать на людей, стремящихся на равную степень высоты; онъ старается заградить имъ путь къ славѣ; онъ страшится раздѣлить ее съ соперниками своими; онъ желаетъ, чтобы вселенная удивлялась ему одному, чтобы ему одному курила ѳиміамъ хвалы безконечной.... Таковъ ли *великій мужъ?* Нѣтъ, имя сіе тому принадлежитъ, кто не знаетъ зависти и самолюбія; кто приноситъ должную дань превосходнымъ дарованіямъ, и радуется отъ всего сердца, видя общіе успѣхи; кто снисходительностью торжествуетъ надъ своими соперниками. Онъ подноситъ каждому изъ нихъ по вѣнку—и въ то самое время тысячи вѣнковъ летятъ къ ногамъ его“: („Вѣст. Евр.“ 1807 г., т 36, стр. 188—191).

Повторяемъ опять: очень можетъ быть, что современному читателю „Мысли“ покажутся не особенно важными, и мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что ихъ и не слѣдовало вносить въ полное собраніе; но въ то же время нельзя ихъ не признать крайне замѣчательными для пятнадцатилѣтняго мальчика. Ничто въ нихъ не изобличаетъ мальчика: языкъ, сюжетъ, философская форма—все это подстать любому литератору того времени.

Для нашей спеціальной задачи выясненія условій, подъ вліяніемъ которыхъ сформировался душевный міръ Лажечникова, „Мысли“ очень любопытны: онѣ служатъ лучшею характеристикою того направленія, которое далъ своему воспитаннику Болье. Такъ и чувствуется въ нихъ дыханіе французской философіи прошлаго вѣка: протесты противъ деспотовъ, сѣтованія на людскую испорченность, преклоненіе предъ жизнью согласно природѣ, такъ что даже животные оказываются нравственнѣе людей, уваженіе человѣка, какъ человѣка и т. д. Очевидно, что Болье дѣйствительно не походилъ на своихъ „собратовъ-эмигрантовъ“. Злоба на переворотъ, изгнавшій его изъ отечества, не помѣшала ему быть искреннимъ приверженцемъ лучшихъ идей, легшихъ въ основу этого переворота, и внушить своему воспитаннику уваженіе къ нимъ. Болье принадлежалъ къ тому небольшому числу французскихъ эмигрантовъ, которые глубоко вѣрили въ живительность философскаго движенія прошлаго вѣка и только жалѣли, что обстоятельства направили практическое примѣненіе и ей Вольтера, Монтескье и Руссо не такъ, какъ имъ бы того хотѣлось.

Очень характерно, что, издавши въ 1817 году свои „Первые опыты въ прозѣ и стихахъ“, Лажечниковъ внесъ въ нихъ „Мысли“, но мѣсто о деспотахъ исключилъ. Адъютантская среда, въ которой Лажечниковъ въ 1817 году исключительно вращался, таки наложила на него свою печать.

Но, какъ и впродолженіе всей его жизни, хорошаго сердца Лажечникова среда не могла заѣсть. Всѣ другія „мысли“: объ уваженіи къ человѣку, какъ къ человѣку, о чувствѣ собственнаго достоинства, выражающемся въ благородной гордости, Лажечниковъ оставилъ. Относительно этого внушенія и уроки Болье слишкомъ глубоко засѣли въ душу его, отъ природы подготовленную для воспріятія всего добраго и честнаго. Голова Лажечникова иногда ошибалась подъ вліяніемъ „политики“, но сердце—никогда.

III

Литературный успѣхъ сына—наглядное доказательство пользы, извлекаемой имъ изъ ученія, еще болѣе укрѣпилъ въ родителяхъ Лажечникова желаніе дать ему хорошее образованіе. Въ данномъ случаѣ коломенская купеческая семья оказалась выше дворянъ того времени. Г-жа Сталь, посѣтившая Россію передъ 12-мъ годомъ, съ удивленіемъ замѣчала, что у русскихъ дворянъ ,,образованіе кончается въ 15 лѣтъ". Карамзинъ возставалъ противъ Сперанскаго, желавшаго поднять уровень образованія служилаго дворянства, и находилъ, что ,,ученое сословіе" всего лучше комплектовать изъ мѣщанъ. А вотъ коломенскій купецъ, даже опредѣливши сына на службу, слѣдовательно болѣе или менѣе ,,устроивши" его судьбу, все-таки продолжалъ нанимать ему учителей. Переселившись въ Москву и неся службу, Лажечниковъ бралъ уроки реторики у адъюнктъ-профессора Побѣдоносцева (отца столь извѣстнаго въ наше время К. П. Побѣдоносцева,) и слушалъ приватныя лекціи у Мерзлякова" (Автобіографія Публич. Б.).

Одновременно шла и служба. ,,Ученикъ Побѣдоносцева и Мерзлякова въ то же время, по тогдашнему обычаю числился и въ службѣ". Опять-таки по обычаю того времени, зачисленъ былъ Лажечниковъ на службу еще малолѣтнимъ. Именно еще въ 1802 году, то есть когда ему было 10 лѣтъ, онъ былъ ,,записанъ студентомъ въ московскій архивъ иностранной коллегіи, котораго начальникомъ былъ тогда Н. Н. Бантышъ-Каменскій" (Ав. П. Б.). Въ 1806 году юный Лажечниковъ уже получилъ повышеніе, именно произведенъ въ актуаріусы. Съ этого времени онъ и заниматься сталъ въ архивѣ, приводить въ порядокъ документы, тамъ хранящіеся. Нѣтъ сомнѣнія, что, помимо разныхъ другихъ причинъ, занятіе въ архивѣ не мало содѣйствовало развитію въ Лажечниковѣ любви къ исторіи, хотя нельзя сказать, чтобы только

заботы о преуспѣяніи русской исторіографіи стояли въ архивѣ на первомъ планѣ. Самъ начальникъ архива, напримѣръ, знаменитый историкъ своего времени Бантышъ-Каменскій тщательно смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы архивные чиновники непремѣнно писали такъ называемымъ англійскимъ почеркомъ... (Юб. авт.).

Въ 1810 году Лажечниковъ мѣняетъ службу. По совѣту хорошаго пріятеля своего, московскаго губернатора Обрѣзкова, отецъ Лажечникова переводитъ сына въ канцелярію генералъ-губернатора. По мнѣнію Обрѣзкова, здѣсь можно было приготовить себя къ ,,болѣе дѣльной службѣ''. Молодой литераторъ не столько, однако же, предается этому приготовленію, сколько усиленному чтенію и совершенствованію своего образованія.

Продолжаетъ онъ также заниматься литературою, но нельзя сказать, чтобы слишкомъ блистательно. Помѣщенное имъ въ ,,Вѣстникѣ Европы'' 1811 года разсужденіе ,,О безпечности'' гораздо ниже ,,Моихъ мыслей'' и ничего, кромѣ самыхъ банальныхъ поученій на тему ,,не отлагай до будущаго дня того, что можешь сдѣлать въ нынѣшній'', въ себѣ не заключаетъ.

Разсужденіе ,,О безпечности'' не было вторымъ произведеніемъ Лажечникова, какъ это кажется библіографамъ. Гораздо раньше, именно въ 1808 г., помѣщена имъ ,,Военная пѣснь'' на страницахъ ,,Русскаго Вѣстника'', издававшагося тогда Сергѣемъ Глинкой.

Кромѣ того, роясь въ журналахъ начала нынѣшняго столѣтія, намъ удалось раскопать, что юный Лажечниковъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ сантиментальнѣйшей ,,Аглаи'', издававшейся извѣстнымъ чувствительнымъ поэтомъ—княземъ Шаликовымъ. Въ ,,Аглаѣ'' Лажечниковъ помѣстилъ цѣлый рядъ повѣстей, разсужденій и стиховъ, которые впослѣдствіи составили большую часть ,,Первыхъ опытовъ въ прозѣ и стихахъ''. Отлагая оцѣнку этихъ первыхъ произведеній музы Лажечникова до разбора ,,Первыхъ

опытовъ", скажемъ только, что Шаликовъ настолько цѣнилъ своего юнаго сотрудника, что даже помѣстилъ вотъ какой:

Экспромтъ И. И. Лажечникову.

Аглая въ цвѣтникѣ своемъ
Дары твоей прелестной Флоры
Сажаетъ съ Радостью вдвоемъ
И восхищаетъ ими взоры
Не мнимыхъ знатоковъ
Въ достоинствѣ цвѣтовъ,

«Аглая» 1812 г. № 14.

Участія мальчика Лажечникова въ журналѣ Глинки нельзя не отмѣтить. Оно показываетъ, какъ рано примыкаетъ нашъ писатель къ ,,патріотическому" направленію и какого чистаго, искренняго происхожденія, слѣдовательно, оно у него было. ,,Безкорыстный патріотъ, немного взбалмошный, но смѣлый ,,гражданинъ", какъ вполнѣ вѣрно опредѣляетъ г. Пыпинъ въ своихъ ,,Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I", Глинка сталъ во главѣ ,,русскаго" движенія того времени. Съ этою цѣлью основалъ онъ ,,Русскій Вѣстникъ", однимъ уже названіемъ своимъ являвшійся протестомъ противъ господствовавшей тогда маніи ко всему иностранному. Весь журналъ былъ посвященъ прославленію русскаго духа. Корреспонденціи, статьи, романы, драмы, стихи, смѣсь, анекдоты, виньетки—все это возвеличивало доблести русскихъ. Въ своемъ патріотизмѣ и желаніи прославить все отечественное, Глинка доходилъ до того, что систему воспитателя Петра, дьяка Зотова, ставилъ на одну доску съ системами Руссо, Кондильяка и Локка, а Симеона Полоцкаго приравнивалъ Сократу, Платону, Декарту, Вольтеру. Этотъ необузданный патріотизмъ находилъ себѣ приверженцевъ, но въ то же время встрѣчалъ и крайне рѣзкую оппозицію. Поэтому очень характерно для отрока Лажечникова, что онъ примыкаетъ къ направленію Глинки. Фактъ посылки стихотворенія въ ,,Русскій Вѣстникъ" показываетъ,

что юный поэтъ слѣдилъ съ любовью за этимъ журналомъ и сочувствовалъ его тенденціямъ. Понятно, что напечатаніе стихотворенія еще болѣе укрѣпило въ юномъ писателѣ любовь къ Глинкѣ. „Съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на него“, пишетъ онъ въ „Новобранцѣ 12-го года“.—„Онъ извѣстенъ мнѣ былъ заочно, какъ издатель „Русскаго Вѣстника“, поощрившій мой первый литературный лепетъ: помѣстивъ въ своемъ журналѣ мою „военную пѣснь“ и напечатавъ подъ нею мое имя, онъ сдѣлалъ меня на нѣсколько дней счастливымъ“.

„Военная пѣснь“, имѣющая еще дополнительное заглавіе: „Славяно-россіянка отпускаетъ на войну единственнаго своего сына“,—заглавіемъ и содержаніемъ вполнѣ подходитъ подъ „славяно-россійское направленіе“ Глинки „Славяно-россіянкѣ“ сначала жаль отпустить сына. Но вотъ раздается голосъ Россіи:

«Сыны, готовьтеся на брань!
«Творецъ отъ высоты святыя
«Всесильную простретъ къ вамъ длань.
«О матерь! сына ты жалѣешь;
«Но вспомни духъ славянскихъ женъ;—
«Иль Ольгѣ подражать не смѣешь?
«Съ ней Святославъ былъ разлученъ.
«Она сама вооружала
«На брань питомца своего,
«Въ немъ жизнь, въ немъ душу полагала
«И провожала въ бой его».
Мать нѣжная словамъ симъ внемлетъ,
Вздохнувъ, трепещущей рукой
Она упавшій мечъ подъемлетъ:
«Мать, царь, отечество съ тобой!
«Мой сынъ! иди на бой для славы,
«Иди Россію защищать.
«Послѣдуй странъ родныхъ уставу
«Не дважды съ честью умирать». («Р. Вѣст.» ч. 3).

Если еще въ 1808 году, когда большинство общества стояло въ сторонѣ иноземнаго, Лажечниковъ уже былъ рѣ-

шительнымъ приверженцемъ крайняго патріотизма, то можно себѣ представить, какъ велико въ немъ должно было быть патріотическое возбужденіе въ великую эпоху 12-го года, когда вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, возстала для защиты родины. И, дѣйствительно, Лажечниковъ принимаетъ въ отечественной войнѣ весьма дѣятельное участіе.

Большія препятствія долженъ былъ преодолѣть онъ раньше, чѣмъ стать въ ряды защитниковъ отечества.—Въ началѣ войны Лажечниковъ продолжалъ нести гражданскую службу. Вѣсть о Бородинскомъ сраженіи, о рѣшеніи Кутузова сдать первопрестольную столицу безъ боя—застала еще Лажечникова въ Москвѣ. Служебныхъ занятій у него, само собою разумѣется, никакихъ не было, потому что самую канцелярію, гдѣ служилъ Лажечниковъ, перевели для безопасности на владимірскую дорогу. „Въ Москвѣ же задерживало меня ожиданіе письма отъ моего отца, который жилъ въ деревнѣ, за восемьдесятъ верстъ отъ Москвы, къ сторонѣ Коломны. Я рвался въ ряды военные и ждалъ на это разрѣшенія. Сердце мое радостно билось при одной мысли, что я скоро опоящусь мечемъ и крупно поговорю съ непріятелемъ за обиду моему отечеству. Въ войну 12-го года, истинно-народную, патріотизмъ воспламенялъ и старцевъ и юношей. Порою рисовалось моему юношескому воображенію зарево биваковъ, опасное участіе въ ночномъ пикетѣ, къ которому вѣтерокъ доноситъ жуткій говоръ непріятеля, жаркая схватка“. „Не скрою“, прибавляетъ откровенный Лажечниковъ: „что порой прельщали меня и красный ментикъ съ золотымъ украшеніемъ, и лихой конь, на которомъ буду гарцовать передъ окнами дѣвушки, любимой мною страстно... до первой новой любви“. („Новобр. 12-года“).

Родители, однакоже, совсѣмъ не раздѣляли патріотическаго увлеченія молодого героя. Отецъ велѣлъ ему немедленно выѣхать къ нему въ деревню. „Я плакалъ, какъ ребенокъ, но скоро одумался. — Что бы ни стопло,—сказалъ я самъ себѣ:—а буду военнымъ, хоть-бы солдатомъ“. Но первона-

чально юный патріотъ рѣшилъ еще разъ переговорить съ родителями и потому оставилъ Москву. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, все убѣждалъ онъ родителей, но напрасно.

„Тогда я далъ себѣ клятву исполнить мое намѣреніе, во что бы ни стало, бѣжать изъ дому родительскаго. Намѣренію моему нашелъ я скоро живое поощреніе. Въ городѣ (Коломнѣ) остановился отставной кавалеристъ Беклемишевъ, посѣдѣлый въ бояхъ, который, записавъ сына въ гусары, собирался отправить его въ армію. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ ѣхалъ туда-же одинъ гусарскій юнкеръ, сынъ богатаго армянина. Я открылъ имъ свое намѣреніе: старикъ благословилъ меня на святое дѣло, какъ онъ говорилъ, и обѣщался доставить въ главную квартиру рекомендательное письмо, а молодые люди дали мнѣ слово взять меня съ собою. За душой не было у меня ни копѣйки: коломенскій торговецъ-аферистъ купилъ у меня шубу, стоющую рублей 300, за 50 рублей, подозрѣвая, что я продаю ее тайно... Съ этимъ богатствомъ и дѣдовскою мѣховою курткой, покрытой зеленымъ рытымъ бархатомъ, шелъ я на службу боевую. Назначенъ былъ день отъѣзда. Всѣ приготовленія хранились въ глубочайшей тайнѣ. Роковой день наступалъ—сердце было не на мѣстѣ. Въ одиннадцатомъ часу вечера простился я съ матерью, расточая ей самыя нѣжныя ласки; съ трудомъ удерживалъ я слезы, готовыя упасть на ея руки, я сказалъ ей, что хочу ранѣе лечь спать, потому что у меня очень разболѣлась голова. И она, будто по предчувствію, необыкновенно ласкала меня и раза два принималась меня благословлять. Въ своей спальнѣ я усердно молился, прося Господа простить мнѣ мой самовольный поступокъ и облегчить горесть и страхъ моихъ родныхъ, когда они узнаютъ, что я ихъ ослушался и бѣжалъ отъ нихъ. Меньшему брату, который спалъ со мною въ одной комнатѣ, сказалъ я, что пойду прогуляться по саду, и чтобы онъ не безпокоился, если я долго не приду. Помолившись еще разъ, я вышелъ въ сѣни. Условный колокольчикъ зазвенѣлъ за воротами; я

видѣлъ, какъ ямщикъ на лихой тройкѣ промчался мимо нихъ, давая мнѣ знать, что все готово къ отъѣзду. Еще нѣсколько шаговъ—и я на свободѣ. Но въ сѣняхъ встрѣтилъ меня дядька мой Ларивонъ. „Худое, баринъ, затѣяли вы,—сказалъ онъ мнѣ съ неудовольствіемъ,—я знаю всѣ ваши продѣлки. Оставайтесь-ка дома да ложитесь спать, не то я сейчасъ доложу папенькѣ, и вамъ будетъ нехорошо“. Точно громовымъ ударомъ ошибли меня эти слова. Я обидно сталъ упрекать дядьку, что онъ выдумываетъ на меня небылицу, завѣряя его, что я только хочу пройтись по городу. Но Ларивонъ былъ неумолимъ. „Воля ваша,—продолжалъ онъ,—заднія сѣни въ садъ у меня заперты на замокъ; я стану на караулѣ въ нижнихъ сѣняхъ, что на дворѣ, и не пропущу васъ, а если вздумаете бѣжать силою, такъ я тотчасъ подниму тревогу по всему дому. У воротъ поставилъ я караульнаго, и онъ то же сдѣлаетъ въ случаѣ удачи вашей вырваться отъ меня“. Тутъ я перемѣнилъ упрекъ на моленія; я слезно просилъ его выпустить меня и нѣжно цѣловалъ его. Но дядька былъ неумолимъ. Дѣлать было нечего: надо было оставаться въ заключеніи. Отчаяніе мое было ужасно; можно сравнить это положеніе только съ состояніемъ узника, который подпилилъ свои цѣпи и рѣшетку тюрьмы, готовъ былъ бѣжать и вдругъ пойманъ... Дядька мой преспокойно сошелъ внизъ. Проклиная его и судьбу свою, я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Вся эта сцена происходила въ верхнемъ этажѣ очень высокаго дома. Изъ дверей сѣней видѣнъ былъ сквозь проломъ древняго кремля, огонь въ квартирѣ стараго гусара, который собирался посвятить меня въ рыцари. Я вышелъ на балконъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на этотъ завѣтный огонекъ и проститься навсегда съ прекрасными мечтами, которыя такъ долго тѣшили меня. Вдругъ, съ правой стороны балкона, на столѣтней ели, растущей подлѣ него, зашевелилась птица. Какая-то невѣдомая сила толкнула меня въ эту сторону. Вижу, довольно крѣпкій сукъ отъ ели будто предлагаетъ мнѣ руку спасенія. Не разсуждая

объ опасности, перелѣзаю черезъ перила балкона, бросаюсь внизъ, цѣпляюсь проворно за сучекъ, висну на немъ и упираюсь ногами въ другой, болѣе твердый сучекъ. Тутъ, какъ векша, сползаю проворно съ дерева, обдираю себѣ до крови руки и колѣна, становлюсь на землѣ и пробѣгаю минуты въ три довольно обширный садъ, бывшій за домомъ, на углу двухъ переулковъ. Отъ переулка, ближайшаго къ моей цѣли, былъ заборъ сажени въ полторы вышины: никакая преграда меня не останавливаетъ. Перелѣзаю черезъ него, какъ искусный волтижеръ. Если бы заставили меня это сдѣлать въ другое время, у меня не достало бы на это ни довольно искусства, ни довольно силы. Но таково могущество воли, что оно удесятеряетъ всѣ способности душевныя и тѣлесныя. Перебѣжать переулокъ и площадь, раздѣлявшую домъ нашъ отъ кремля, и влетѣть въ домъ, гдѣ ожидали меня, было тоже дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Я пробѣжалъ задыхаясь, готовый упасть на полъ; на головѣ у меня ничего не было, волосы отъ поту липли къ разгорѣвшимся щекамъ. Мои друзья уже давно ждали меня, сильно опасаясь, не случилось-ли со мной какой невзгоды. Старый гусаръ благословилъ меня образомъ, передъ которымъ только-что отслужили напутственный молебенъ; на меня нахлобучили первый попавшійся на глаза картузъ. Мы сѣли въ повозки и помчались, какъ вихоръ черезъ городъ".

Такимъ образомъ, пламенное желаніе послужить родинѣ заставило кроткаго и благотворнаго Лажечникова даже ослушаться родителей. Послѣдніе, впрочемъ, скоро простили его и, нагнавши бѣглеца въ подмосковномъ себѣ Троицкомъ, обошлись съ нимъ ласково.

Собственно Москву Лажечниковъ нашелъ уже освобожденной отъ непріятелей. Но война, еще далеко не была окончена. Нельзя было тогда еще предвидѣть той рѣшительной перемѣны военнаго счастія, которая повалила геніальнаго Корсиканца. Опасность отъ него была еще настолько велика, что требовалось напряженіе всѣхъ военныхъ силъ. Дѣятельно

поэтому шелъ сборъ ополченія, куда и поступилъ нашъ писатель. Благодаря хлопотамъ отца Лажечникова, пріятель его—губернаторъ московскій Обрѣзковъ, сначала публично пожуривши ослушника, потомъ далъ ему рекомендательныя письма къ разнымъ начальствующимъ лицамъ, что и доставило ему мѣсто офицера, а не простого ратника.

До сихъ поръ мы черпали свѣдѣнія изъ ,,Новобранца 12-го года''—небольшой статейки, написанной замѣчательно тепло, искренно и интересно. О дальнѣйшемъ-же участіи Лажечникова въ войнѣ народовъ даетъ намъ свѣдѣнія автобіографія Публичной Библіотеки и ,,Походныя записки русскаго офицера'', которыя Лажечниковъ помѣщалъ въ журналахъ десятыхъ годовъ, а 1820 году издалъ отдѣльной книжкой. Въ собраніе сочиненій они не были включены авторомъ и потому совершенно неизвѣстны публикѣ и критикамъ.

Лажечниковъ сначала опредѣлился прапорщикомъ въ московское ополченіе, а затѣмъ его перевели въ московскій гренадерскій полкъ. Въ Вильнѣ нагналъ ихъ штабъ своей 2-й гренадерской дивизіи и здѣсь-же начальникъ этой дивизіи, принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, прикомандировалъ его къ своему штабу и потомъ взялъ къ себѣ въ адъютанты. Рекомендательныя письма, значитъ, сослужили таки свою службу.

Благодаря своему адъютантскому положенію, Лажечниковъ сразу попалъ въ ,,сферы'', и нѣтъ сомнѣнія, что и это обстоятельство укрѣпило его незлобивость и искреннюю преданность ,,сферамъ''. Человѣкъ, которому везетъ, всегда почти привязанъ къ тому порядку вещей, который доставляетъ ему благоденствіе.

Веселою жизнью зажилъ юный адъютантъ. Штабнымъ всегда хорошо живется. А тутъ еще подвернулось особое обстоятельство. Изъ Калиша въ 1813 году Лажечниковъ вмѣстѣ съ шефомъ своимъ отправился въ герцогство Мекленбургъ-Шверинское, гдѣ положительно завертѣлся въ вихрѣ

придворной жизни. Торжественно встрѣчали мекленбургцы своего герцога: патріотическое возбужденіе нѣмцевъ было тогда въ полномъ разгарѣ. Первые успѣхи въ борьбѣ съ Наполеономъ возбуждали надежду на полное сверженіе французскаго ига. Всѣ были въ чаду упоенія этими успѣхами и съ энтузіазмомъ относились къ виновникамъ ихъ. Восторженнѣйшими овраціями встрѣчали поэтому повсюду герцога, участника первыхъ побѣдъ надъ тираномъ Европы. Торжественныя процессіи, тріумфальныя арки, молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и гирляндахъ изъ цвѣтовъ съ вѣнками для героевъ, привѣтственныя рѣчи, иллюминаціи, праздничныя толпы ликующаго народа, восторженные крики—весь этотъ блескъ и трескъ выпалъ на долю герцога и его свиты. Одинъ изъ немногихъ членовъ этой свиты, Лажечниковъ насладился торжественностью встрѣчи въ полномъ ея объемѣ. Помимо того, что онъ былъ адъютантомъ герцога, онъ былъ еще русскимъ, т. е. представителемъ самаго популярнаго тогда въ Европѣ народа. Поэтому, гдѣ-бы Лажечниковъ и его немногіе русскіе сотоварищи ни были, ихъ всюду восторженно принимали, ласкали, угощали, баловали. Вмѣстѣ съ герцогомъ объѣздилъ онъ многіе германскіе дворы, въ томъ числѣ прусскій, и всюду онъ встрѣчалъ самый блестящій пріемъ. Лажечниковъ то и дѣло обѣдалъ вмѣстѣ съ великими герцогами и королями, участвовалъ въ самыхъ интимныхъ придворныхъ собраніяхъ, танцовалъ съ принцессами и королевскими дочерьми.

Всякій другой на мѣстѣ Лажечникова сумѣлъ бы воспользоваться столь благопріятно сложившимися обстоятельствами и вернуться изъ кампаніи въ немаломъ чинѣ. Но не таковъ былъ восторженный юноша. Если первые два, три мѣсяца его и ослѣпилъ блескъ придворной жизни, то онъ, однакоже, очень скоро вспомнилъ, что не для того онъ съ такими препятствіями опредѣлился въ военные, чтобы стать паркетнымъ шаркуномъ, хотя-бы даже королевскихъ палатъ. Карьеризмъ во всю его жизнь былъ чуждъ Лажечникову, и какъ мы уже

разъ сообщили, онъ умеръ въ весьма среднемъ чинѣ и завѣщалъ своему семейству 2 выигрышныхъ билета. Не прельстила его карьера и въ 1813 году. „Между поѣздками то подъ Бауценъ, гдѣ находился болѣе зрителемъ, чѣмъ участникомъ даннаго подъ этимъ городомъ сраженія, то въ Силезію во время перемирія, то въ Богемію, когда раздавались въ ней громы Кульмской битвы, то въ армію кронъ-принца шведскаго (Бернадота) при Гроссъ-Беренѣ; грустя и стыдясь, что по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ него, не окурился, какъ должно, порохомъ и не раздѣлялъ съ товарищами опасностей военной жизни, онъ рѣшительно просилъ шефа своего уволить его отъ должности адъютанта". (Ав. П. Биб.).

Въ виду такой настоятельности непрактичнаго адъютанта, увольненіе ему было дано. Въ декабрѣ 1813 года Лажечниковъ нагналъ свой полкъ въ то время, какъ онъ переправлялся чрезъ Рейнъ. Близость съ шефомъ дивизіи и здѣсь послужила протекціей Лажечникову. Онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу Полуектову, но теперь уже адъютантомъ боевымъ. Уже не зрителемъ, а дѣятельнымъ участникомъ встрѣчаемъ мы его въ дѣлѣ подъ Бріеномъ и въ величайшемъ событіи кампаніи 14-го года—взятіи Парижа. За участіе въ послѣднемъ, Лажечниковъ получилъ орденъ за храбрость. Участвовалъ онъ, конечно, и въ торжественномъ вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ.

По возвращеніи арміи въ Россію, Лажечниковъ зиму 1814—1815 годовъ провелъ въ Дерптѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Жуковскимъ, гостившимъ у Воейкова. Эти литераторы, послушавши отрывки изъ „походныхъ записокъ" молодого офицера, очень благосклонно къ нимъ отнеслись и поощрили его къ дальнѣйшей литературной дѣятельности. Но раньше чѣмъ предаться этимъ мирнымъ занятіямъ, ему пришлось еще разъ побывать на полѣ брани. Наполеону не сидѣлось на Эльбѣ, и вскорѣ Европа была потрясена извѣстіемъ о Канской высадкѣ. Снова закипѣла война; дивизія

Лажечникова получила приказъ отправиться „за границу". Второй разъ пришлось ему побывать во Франціи.

Въ 1818 году Лажечниковъ поступилъ адъютантомъ къ знаменитому начальнику гренадерскаго корпуса, побѣдителю при Кульмѣ—графу Остерману-Толстому и „вскорѣ послѣ того отправился съ нимъ въ Варшаву, гдѣ (въ свитѣ Государя Императора) былъ ежедневно въ кругу тогдашнихъ знаменитостей и близкимъ зрителемъ достопамятныхъ событій того времени" (Ав. П. Б.). Въ этомъ же году Лажечниковъ, продолжая состоять адъютантомъ при Остерманѣ-Толстомъ, очень его любившемъ, съ чиномъ поручика лейбъ-гвардіи, былъ переведенъ въ Павловскій полкъ, а въ декабрѣ 1819 года вышелъ въ отставку, и, заручившись рекомендаціями своего генерала, на родственницѣ котораго женился вскорѣ, поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, о чемъ всегда мечталъ.

Вотъ какъ неблистательно завершилась военная карьера Лажечникова. Все время былъ онъ адъютантомъ, въ началѣ и концѣ при весьма высокопоставленныхъ лицахъ, и все-таки ни капитала не нажилъ, ни до степеней особенныхъ не дошелъ. Не умѣлъ ловить моментъ, да и не хотѣлъ.

IV

Послѣдніе годы своей офицерской службы Лажечниковъ усердно занялся литературой. Съ 1817 года онъ начинаетъ помѣщать въ „Вѣстникѣ Европы", „Сынѣ Отечества" и „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія" отрывки изъ своихъ „Походныхъ записокъ". Въ этомъ-же году онъ издастъ „Первые опыты въ прозѣ и стихахъ"—собраніе пьесъ, большею частью уже напечатанныхъ имъ въ разныхъ журналахъ („Вѣст. Европы", „Русск. Вѣст.", „Аглаѣ") и отчасти уже намъ извѣстныхъ. Въ словарѣ русскихъ книгъ Геннади мы противъ „Первыхъ опытовъ" читаемъ: „рѣдкая

книжка, потому что была уничтожена самимъ авторомъ". Въ Публичной Библіотекѣ, гдѣ ex officio сохраняется всякій хламъ, есть и эта рѣдкая книжка, не разсмотрѣнная еще ни однимъ критикомъ. Конечно, вообще говоря, не стоитъ на ней останавливаться, потому что большая часть книжки дребедень страшная, но есть въ ней вещи, вызывающія нѣкоторыя небезъинтересныя параллели.

Самъ Лажечниковъ о „Первыхъ опытахъ" слѣдующимъ образомъ отзывается въ своей автобіографіи, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ: „къ сожалѣнію, увлеченный сантиментальнымъ направленіемъ тогдашней литературы, которой заманчивые образцы видѣлъ въ „Бѣдной Лизѣ" и „Натальѣ—боярской дочери", онъ сталъ писать въ этомъ родѣ повѣсти, стишки и разсужденія. Впослѣдствіи времени онъ издалъ эти незрѣлыя произведенія въ одной книжкѣ, подъ названіемъ „Первые опыты въ прозѣ и стихахъ"; но, увидавъ ихъ въ печати и устыдясь ихъ, вскорѣ поспѣшилъ истребить всѣ экземпляры этого изданія".

„Первые опыты" состоятъ изъ трехъ отдѣловъ: „Повѣсти", „Разсужденія" и „Стихи". „Разсужденія"—лучшая часть книжки и довольно удовлетворительны. Они обнимаютъ самые разнообразные сюжеты: тутъ есть и знакомыя намъ „Мысли", значительно дополненныя, и статья „О безпечности", и „Разговоръ о любви", и „Мысли славнѣйшихъ писателей о женщинахъ", и трактатцы „О прекрасномъ и миломъ", „О воображеніи", „О надеждѣ", изъ которыхъ „О воображеніи" заключаетъ въ себѣ нѣсколько дѣльныхъ мыслей. Такъ напр. къ чести критическаго пониманія молодого писателя, онъ возстаетъ противъ нравившихся въ то время „бредней Радклифа, ищущихъ грозныхъ происшествій по мрачнымъ подземельямъ". Любопытенъ, какъ отраженіе эпохи, взглядъ молодого литератора на „истину" въ литературныхъ произведеніяхъ: „Всякая истина въ наготѣ своей заключаетъ въ себѣ пользу; но не принесетъ никогда желаемаго успѣха, если передаваема будетъ безъ особенной привлекательности. Не

всегда смертный требуетъ одной важной и строгой правды; не одинъ разумъ занимаетъ его; есть, наконецъ, воображеніе, и кто будетъ столько жестокъ, что разлучитъ его съ нѣжными, лучшими друзьями?—Вы, которые называете себя учителями нравовъ, угрюмые писатели нашего времени! Одѣньте истину вашу прозрачнымъ покрываломъ воображенія, и вы будете нравиться, подобно любезному Карамзину; подобно ему, найдете поклонниковъ дарованіямъ своимъ; раскиньте съ бережливостью цвѣты пріятнаго по сухому полю философіи,— и любезныя ученицы природы и вмѣстѣ наставницы рода человѣческаго полюбятъ душею ваши творенія; соедините умъ и сердце, будьте чувствительны безъ займа чужой чувствительности,—и слезы друзей-читателей почтятъ память вашу искреннею похвалою" (Пер. О. стр. 86).

Было-бы странно винить Лажечникова за такую боязнь „истины", если вспомнить, что цѣлыхъ двадцать лѣтъ спустя геніальнѣйшій представитель литературы своего времени точно также находилъ, что

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Почти весь стихотворный отдѣлъ, какъ оно и приличествуетъ юному поэту, посвященъ любви. Онъ объясняется въ любви цѣлому сонму дамъ, которыя по правиламъ поэзіи того времени называются не Марьей, Анной, Варварой, а непременно Мальвиной, Хлоей, Лилой, Дельфирой.

Но самая любопытная и поучительная часть книжки— это помѣщенныя въ ней повѣсти: „Спасская Лужайка" и „Малиновка". „Спасская Лужайка" повѣствуетъ о „несчастномъ Леонсѣ", который, потерявши мать и „оставшись вѣренъ своей горести", въ теченіе цѣлаго года, вдругъ познакомившись съ прекрасной дочерью „г-жи Теановой"— Агатой, почувствовалъ цѣну жизни и узналъ вторично, что существо наше красится только существомъ другого". Агата

тоже полюбила Леонса. Леонсъ ,,сдѣлалъ обѣтъ въ сердцѣ своемъ любить Агату единственно—до гроба!... Увидимъ, не измѣнилъ-ли онъ клятвѣ своей!'' Обстоятельства слагались самымъ ужаснымъ для любовниковъ образомъ. Мать Агаты, несмотря на то, что уже ,,семь люстровъ сочла въ жизни своей (семь пятилѣтій), была еще привязана къ шумнымъ удовольствіямъ'' и вышла замужъ за овдовѣвшаго отца Леонса. Несчастные любовники оказались такимъ образомъ братомъ и сестрою и не могли соединиться ,,вѣчными узами''. Правда, какъ человѣкъ эпохи, воспитанной на Руссо и его homme selon la nature, Леонсъ не покорился ,,опредѣленью судьбы'' и въ сочиненныхъ имъ стихахъ рѣзко заявляетъ:

Что мнѣнія людскія,
Что свѣта намъ слова?
Природа намъ святыя
Свои дала права,
Природа намъ велѣла
Другъ друга вѣкъ любить,
Ужель она хотѣла
Преступниковъ творить?

Но на самомъ дѣлѣ ничего нельзя было сдѣлать. А тутъ еще подвернулся помѣщикъ Беатусовъ, который, поощряемый родителями Агаты, захотѣлъ жениться на ней. Бѣдная, изъ чувства повиновенія, согласилась. ,,Даю руку, но не сердце!'' сказала она матери и почти рѣшилась жертвовать всѣмъ жестокому долгу. ''Но раньше чѣмъ окончательно согласиться, она отправилась на свиданіе съ Леонсомъ. ,,Можно-ли отказать въ послѣднемъ свиданіи тому, для кого жили и хотѣли умереть? и гдѣ-жь, въ какое время назначено видѣться? Боже, что дѣластъ твое созданіе въ изступленіи страсти!... Глухая полночь, осенняя непогода, волнующаяся рѣка должны быть свидѣтелями послѣднихъ клятвъ, послѣдняго вздоха любви!... Челнокъ и вѣрный другъ Агаты приняли ее у берега. ,,Любишь-ли ты еще меня?''—спросилъ несчастный

дрожащимъ голосомъ.—Боже мой! ты видишь, люблю-ли Леонса!—отвѣчала она и крѣпко прижалась къ груди его. Онъ трепеталъ; лихорадка струилась по его жиламъ. „Милый другъ! боишься-ли ты смерти?“ сказалъ онъ голосомъ изступленія. — Смерти съ тобою?... Нѣтъ! — „До гроба — клятва нашихъ сердецъ! Умремъ вмѣстѣ, когда мы вмѣстѣ не могли жить!“...—Готова, мой другъ!... На вѣки твоя!... Чуть услышалъ онъ роковое „на вѣки“, чуть слышалъ, какъ она молилась въ его объятьяхъ—и имѣлъ еще силу оттолкнуть утлую ладью отъ берега, имѣлъ еще духъ стать на одинъ край ея... съ этимъ движеніемъ челнокъ опрокинулся... Легкій шорохъ... еще шорохъ... все утихло... одинъ геній преступленія леталъ тогда надъ зыблющимся гробомъ несчастныхъ любовниковъ. Говорятъ, что онъ и поднесь на томъ-же самомъ мѣстѣ видѣнъ въ слезахъ, умоляющимъ небо простить двумъ жертвамъ любви. На другой день нашли тѣла злополучныхъ друзей, вмѣстѣ плывущія поверхъ воды. Руки бѣдной Агаты оплелись вокругъ Леонсова стана; черты лица на обоихъ выражали одну горесть и, казалось, упрекали людей въ ихъ жестокости. Лѣсокъ Спасской лужайки осѣнилъ ихъ могилу. Дрожащія осины стонутъ и теперь надъ прахомъ ихъ и напоминаютъ бѣдному страннику о непостоянствѣ жизни, въ которой судьба почти всегда смѣшиваетъ терны съ цвѣтущею розою, и тамъ, гдѣ мы надѣялись улыбаться, велитъ проливать горькія слезы“.

Мрачное настроеніе, навѣваемое „Спасской лужайкой“, разсѣевается исторической повѣстью „Малиновка или лѣсъ подъ Тулой“, посвященной описанія любви счастливой.

Малиновка—это нѣкая сирота изъ рода Нагихъ, которая вмѣстѣ съ дядею своимъ *Миросладомъ* скрывалась „близъ Тулы, въ густотѣ березоваго лѣса“, отъ преслѣдованія „честолюбія Годунова“. Сначала хорошо ей жилось. Весело просыпалась она съ краснымъ солнышкомъ; весело встрѣчала первую вечернюю звѣзду. Прекрасная съ веселостью топтала зеленые луга, съ безпечностью терялась по извилистымъ тропамъ

березоваго лѣса, въ сладкомъ забвеніи засыпала на колѣняхъ почтеннаго родственника. Но вотъ прошелъ такимъ образомъ годъ, и Малиновка ,,почувствовала одиночество. Скука встрѣчала ее на муравахъ; тоска слѣдовала за нею во всѣхъ прогулкахъ; вздохи ея слышны были даже и въ тѣ минуты, когда старикъ разными играми и ласками старался вызвать улыбку на полное ея лицо". Малиновка все ждала ,,сама не зная кого". *Онъ* не замедлилъ явиться въ образѣ *Миловида*. Миловидъ былъ ,,цвѣтъ юношей, краса витязей, любовь дѣвъ престольнаго града". Внезапно дано ему было Годуновымъ приказаніе отыскать въ тульскомъ лѣсу Мирослада и ,,отягченнаго цѣпями, привесть въ столицу". Напрасно отклонялъ отъ себя добрый Миловидъ злое порученіе. ,,Грозный тиранъ" былъ неумолимъ. Въ товарищи ему данъ былъ злой *Скрытосердъ*. Долго они рыскали и ничего не находили. Но вотъ однажды ,,при закатѣ румянаго солнышка, пробираясь чрезъ лѣсъ", они услыхали чудную пѣснь. То пѣла Малиновка, славившаяся своимъ умѣніемъ ,,слагать пѣсни и пѣть ихъ. Когда она пѣла радости безпечной юности, рѣзвую беззаботность, быстрые часы удовольствія, тогда старцы почитали себя моложе, мечтали съ улыбкою о дняхъ прошедшихъ и порхали воображеніемъ по душистымъ розамъ любви". Миловидъ, внимая звукамъ пѣсни еще невидимой покамѣстъ пѣвицы, ,,чувствовалъ что-то необыкновенное, чего не могъ изъяснить". Но вотъ показалась и сама пѣвица ,,во всей свѣжести, со всѣми прелестями лѣтъ весеннихъ". Миловидъ былъ пораженъ. Въ свою очередь, и Малиновка, ,,сравнивая его съ крылатымъ юношею, такъ часто посѣщавшимъ ее въ мечтахъ сновидѣнія, подумала: точно *онъ!*" Тотчасъ воспослѣдовала между ними ,,мѣна сердецъ и переливъ душъ". Вслѣдъ затѣмъ, ,,молодые рыцари проводили красавицу до жилища ея. У воротъ тесовыхъ пожелали они ей добраго дня, не смѣя слѣдовать за нею въ теремъ, потому что дядя ея *Боголюбъ* былъ не совсѣмъ здоровъ (какъ разсказала она

имъ дорогой, не открывая имъ настоящаго его имени)". Хитрый Скрытосердъ сразу, однако, сообразилъ, что тутъ что-то неладно, и чрезъ нѣсколько дней ,,хитрыми допросами окруженныхъ поселянъ, обманами, увѣщаніями и даже угрозами" узнаетъ, кто въ дѣйствительности мнимый Боголюбъ. Миловидъ-же, ,,въ сладостныхъ мечтахъ любви, забываетъ грозное порученіе тирана" и ищетъ свиданія съ Малиновкой. Въ первую-же встрѣчу они объяснились въ любви: ,,души любовниковъ порхали на пламенныхъ устахъ ихъ... они соединились на вѣки съ первымъ невиннымъ поцѣлуемъ. Высоко поднималась грудь красавицы; томно тлѣлся огонь въ глазахъ ея! Какъ преступница, стояла она передъ другомъ своимъ и не смѣла заглянуть во глубину души, боясь найти что-нибудь противное правиламъ, внушеннымъ ей почтеннымъ родственникомъ". На слѣдующій день она открыла Миросладу свою тайну и привела къ нему Миловида. Свиданіе было ужасное. ,,Они встрѣчались нѣкогда въ палатахъ и узнали другъ друга... Что дѣлалось тогда въ душѣ несчастнаго юноши? Сколько страстей стекалось въ нее для борьбы между собою! Долгъ, состраданіе, вѣрность къ престолу, родство и любовь... Но послѣдняя превозмогаетъ". Миловидъ, открывши Миросладу свое порученіе, рѣшается не исполнить его и вмѣсто того отправиться въ Москву и выпросить у Годунова прощеніе старцу. Но его предупредилъ Скрытосердъ, извѣстившій обо всемъ царя. Годуновъ въ страшномъ гнѣвѣ. ,,И Миросладъ, и Миловидъ въ разное время отягчены цѣпями, разными дорогами приведены въ Москву и ввергнуты во мракъ темницъ; обоихъ ожидаетъ смерть—и смерть постыдная!..." Уже назначена на завтра казнь. ,,Только послѣдней, единственной милости передъ казнію требуютъ два несчастливца: свиданіе съ Малиновкой". ,,Я слышалъ, что она мастерица пѣть и играть на гусляхъ, и хочу узнать опытомъ, таково-ли велико искусство ея, какъ мнѣ объ этомъ сказали", сказалъ властелинъ—и отдалъ повелѣніе привести Малиновку въ престольный градъ.

Царскій посланникъ нашелъ ее при дверяхъ гроба; но вѣсть о свиданіи съ другомъ, который былъ ей всегда вѣренъ, оживила ее. „Такъ не забылъ меня Творецъ! Я могу еще умереть съ нимъ! — сказала она, и съ твердостью въ душѣ послѣдовала за посланнымъ. Какое явленіе ожидаетъ ее въ Москвѣ, въ палатахъ царскихъ! Годуновъ на престолѣ, окруженный всею пышностью двора своего. Съ одной стороны бояре, подпора царства русскаго; съ другой — супруги ихъ, цвѣтъ Москвы бѣлокаменной; вдали... грозная стража, и между ею... отгадало-ли сердце твое, несчастная Малиновка?...—туманится образъ старца и образъ юноши... оба въ цѣпяхъ!... Сердце ея бьется сильнѣе, глаза ея покрываются мрачнымъ облакомъ, ноги ея готовы подломиться!— Такъ это они!... одинъ — второй отецъ, другой — милый другъ души ея! Она хочетъ броситься къ нимъ; но Годуновъ даетъ знакъ—и Малиновка съ трепетомъ къ нему приближается.

Никогда дворъ царевъ не украшался такими прелестями; никогда царство русское не производило подобной красоты!.. Старики желали-бы имѣть ее своею дочерью, молодые—супругою, а жены боярскія, завидуя ей, удивлялися! Самое сердце властелина чувствуетъ къ ней сожалѣніе. Онъ повелѣваетъ ей подойти къ приготовленнымъ для нея гуслямъ и разсказать въ пѣсняхъ повѣствованіе любви ея. Какое повелѣніе! Исполнить его трудно, не исполнить—значило бы нанести сильнѣйшую грозу на чету несчастливцевъ!... Она садится за гусли; еще разъ взглядываетъ на грозную стражу, на злополучнаго старца, на милаго друга, еще разъ на него... и поетъ... сперва побѣгъ родственника, невинность его, любовь свою и свои несчастія — и потомъ умолкаетъ! На лицѣ тирана примѣтно смущеніе; бояре и жены ихъ закрываютъ платками слезы, текущія по лицу ихъ. Малиновка видитъ торжество свое. Какое-то неизъяснимое предчувствіе говоритъ ей, что въ славѣ пѣсней ея заключается спасеніе двухъ ближайшихъ сердцу ея существъ. Она снова поетъ...

и надежда на великодушіе царя изливается въ ея пѣсняхъ. Никогда чувство и природа не соединялись съ большимъ искусствомъ, чтобы плѣнять слухъ и сердце; никогда дарованія не давали красотѣ столько властей, какъ теперь! Еще усилія любви и искусства—и Малиновка читаетъ *милость* въ глазахъ Годунова. „Пѣсни твои меня тронули!“ сказалъ властелинъ, побѣжденный въ первый разъ природою: „дарованія твои должны получить награду. Вотъ она!“ прибавилъ онъ, указывая на чету несчастливцевъ: „тебѣ представляю снять съ нихъ цѣпи“.

V

Не для этого привели мы довольно значительныя выдержки изъ „Спасской Лужайки“ и главнымъ образомъ изъ „Малиновки“, чтобы дать читателю понятіе о томъ, какую дребедень писалъ Лажечниковъ въ началѣ своей литературной дѣятельности. Мало-ли всякимъ писателемъ дребедени пишется, раньше, чѣмъ онъ выбьется на настоящій путь, и есть-ли надобность на этомъ останавливаться. Но въ томъ-то и дѣло, что „Спасская Лужайка“, а въ особенности „Малиновка“—дребедень крайне характерная. Если есть у васъ подъ рукою „Бѣдная лиза“ или „Наталья — боярская дочь“, перечитайте ихъ. Тогда нашъ пересказъ повѣстей изъ „Первыхъ опытовъ“ пріобрѣтаетъ большую поучительность. Вы убѣдитесь, что „Спасская Лужайка“, напр., ни слогомъ, ни концепціей, ни основною мыслью, вообще рѣшительно ничѣмъ не ниже „Бѣдной Лизы“. А между тѣмъ, въ то время, когда Карамзинъ вызывалъ своими повѣстями неистовый восторгъ, Лажечниковъ столь-же неистово истреблялъ свою „Спасскую Лужайку“, однородную съ Карамзинской повѣстью. А промежутокъ какихъ-нибудь 20 лѣтъ. Какъ тутъ, съ одной стороны, не признать рѣшающаго значенія исторической критики при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній прошлаго и, съ другой стороны, какъ не

усмотрѣть тутъ частнаго проявленія необыкновенно быстраго роста русской гражданственности, благодаря которому вотъ уже почти столѣтіе стадіи умственнаго развитія нашего измѣряются не вѣками и полувѣками, какъ на западѣ, а двадцатилѣтіями и подчасъ даже десятилѣтіями. Правда, это отчасти характеризуетъ не одну быстроту, но и поверхность: всѣ наши „направленія“ заимствуются, не вытекаютъ органически изъ потребностей жизни и потому столь-же быстро отцвѣтаютъ, какъ и разцвѣтаютъ...

Что же касается „Малиновки“, то при всей своей ничтожности она представляетъ собою весьма важный матеріалъ для установленія исторически-правильнаго взгляда на литературную цѣнность сочиненій Лажечникова. Сопоставимте, въ самомъ дѣлѣ, „Малиновку“ съ „Мыслями“, писанными *десятью* годами раньше, когда Лажечниковъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста. „Мысли“ — вещь, можетъ быть, и весьма незначительная, согласенъ. Но онѣ все-таки *литературно-благообразны*, не рѣжутъ васъ вопіющимъ диссонансомъ. Вы назовете ихъ не особенно глубокими, можетъ быть, банальными, но онѣ ни въ какомъ случаѣ не оскорбляютъ элементарныхъ литературныхъ требованій. „Малиновка“-же— это какая-то совершенно непроходимая чушь, буквально какіе-то сапоги въ смятку. Дикое игнорированіе самыхъ примитивныхъ свѣдѣній о русской исторіи просто даже непонятно какъ-то. Знали, вѣдь, въ то время настолько русскую исторію, чтобы не представлять себѣ дворъ Годунова средневѣковымъ турниромъ, зналъ, конечно, ученикъ Побѣдоносцева и Мерзлякова, что женщины древней Руси были затворницы и въ составъ „двора“ не входили, и что картина импровизаціи Малиновки совершенно несообразна съ жизнью древней Руси, съ жизнью даже той лубочной, древней Руси, которая рисуется въ „Натальѣ—боярской дочери“. Не могъ же, наконецъ, не знать Лажечниковъ, что во времена Годунова предки наши назывались какими-нибудь христіанскими именами, а не Миросладами, Боголюбами, Миловидами, Скрыто-

сердцами. Да, все это несомнѣнно зналъ Лажечниковъ, но если тѣмъ не менѣе написалъ такую нелѣпицу, какъ „Малиновка“, то очевидно потому, что *не было хорошихъ образцовъ исторической повѣсти*. Когда пятнадцатилѣтній юноша подражалъ хорошему писателю Лабрюеру,—въ результатѣ получилось нѣчто болѣе или менѣе сносное, а когда этотъ-же юноша, десять лѣтъ спустя, значительно развившись интелектуально, взялся за литературный родъ, не имѣвшій хорошихъ представителей, онъ создалъ нѣчто крайне-безобразное. Не только „Мысли“, но и всѣ остальныя разсужденія, помѣщенныя въ „Первыхъ опыта“, довольно удовлетворительны. Даже стихотворенія „Первыхъ опытовъ“ не болѣе какъ посредственны или слабы, въ худшемъ случаѣ, но ни въ какомъ случаѣ не безобразны. Все это, очевидно, оттого, что, воспитанный на философахъ, Лажечниковъ, при своей воспріимчивости, съ легкостью усвоилъ себѣ способъ составленія небольшихъ разсужденій. Что же касается стиховъ, то и тутъ Лажечниковъ шелъ по проторенной дорожкѣ. Русская поэзія имѣла уже въ то время такого первокласснаго представителя какъ Державинъ, наконецъ уже раздались первые звуки лиры Жуковскаго. Но, въ области русской исторической повѣсти, Лажечниковъ, кромѣ такихъ скверныхъ образцовъ, какъ „Наталья—боярская дочь“, ничего не имѣлъ. Если оставить въ сторонѣ Вальтеръ-Скота, который, правда, въ десятыхъ годахъ уже выпустилъ нѣкоторые изъ своихъ историческихъ романовъ, но къ намъ въ Россію проникъ только въ двадцатыхъ годахъ, то молодому Лажечникову некому было подражать и изъ представителей европейской литературы. Напротивъ того, нарождающійся романтизмъ только могъ спутать его своимъ выдвиганіемъ на первый планъ фантазіи писателя.

Да, *Лажечникову, когда онъ писалъ „Малиновку“, некому было подражать*,—это обстоятельство весьма важное. Не только тѣмъ, конечно, что объясняетъ намъ нелѣпость какой-нибудь „Малиновки“, а тѣмъ, что даетъ руководящую нить и для оцѣнки всей литературной дѣятельности Лажеч-

никова. Въ той области, разработкѣ которой посвятилъ свой созрѣвшій талантъ Лажечниковъ, именно *въ области русскаго историческаго романа онъ былъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ*, которому приходилось пролагать себѣ путь сквозь густую чащу прошлаго, еле освѣщенную чуть брезжущимъ свѣтомъ младенческой исторіографіи конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ.

Это непремѣнно нужно имѣть въ виду, и вотъ почему мы должны быть крайне благосклонны ко всѣмъ недостаткамъ и ошибкамъ Лажечникова, и если выдвигать что-либо, такъ исключительно достоинства его романовъ. Даже романы такого огромнаго художественнаго дарованія, какъ Вальтеръ-Скотъ, мѣстами кажутся современному читателю и вялыми, и скучными, и неестественными. Намъ, привыкшимъ къ тонкому анализу и реализму новѣйшей литературы, характеры Вальтеръ-Скота кажутся слишкомъ схематичными, а „романтическій реализмъ“ его, какъ выражается Брандесъ въ своихъ „Hauptströmungen“, слишкомъ внѣшнимъ и поверхностнымъ. Понятно, что въ еще болѣе грубую ошибку впадемъ мы, если станемъ съ новѣйшей мѣркой подходить къ Лажечникову, — таланту, сравнительно съ Вальтеръ-Скотомъ, второстепенному. Къ нему нужно подойти совсѣмъ съ другой стороны. Шотландскій Вальтеръ-Скотъ имѣлъ предъ собою прекраснѣйшіе образцы прозаическаго романа—Де-Фоэ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Смолетъ, Гольдсмитъ, Стернъ,—все люди не только не уступающіе ему талантомъ, но нѣкоторые даже и превосходящіе. Вальтеръ-Скоту приходилось, слѣдовательно, только измѣнить сюжетъ романа, изъ нравоописательнаго сдѣлать историческій—задача сравнительно легкая, требующая только знанія исторіи. Но русскому Вальтеръ-Скоту, какъ справедливо называютъ Лажечникова, такого знанія было мало. Ему не только приходилось создавать русскій *историческій* романъ, ему почти приходилось создавать русскій *романъ вообще*, который до него находился въ совершенно младенческомъ состояніи. Шотландскому Вальтеръ-Скоту предшествовалъ Гольд-

смитъ, котораго и теперь съ наслажденіемъ читаешь, а русскому—такая дребедень, какъ романы Эмины и Измайлова и „Бѣдная Лиза“. Правда, первый романъ Лажечникова появился въ 1831 г., слѣдовательно 2 года спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Юрія Милославскаго“ и нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія повѣстей Николая Полевого, въ томъ числѣ его историческаго романа „Клятва на гробѣ Господнемъ“, а также и другихъ болѣе или менѣе сносныхъ повѣстей второй половины двадцатыхъ годовъ; но дѣло-то въ томъ, что „Новикъ“ былъ задуманъ и писался въ срединѣ двадцатыхъ годовъ. Такимъ образомъ Лажечниковъ является не только качественно, но почти и хронологически „первымъ русскимъ романистомъ“, какъ его прозвали, по свидѣтельству Бѣлинскаго, тотчасъ послѣ того, какъ „Послѣдній Новикъ“ превзошелъ общее ожиданіе („Литературныя мечтанія“, стр. 122). Этого піонерства Лажечникова въ области прозаическаго романа нашего никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида. Вотъ почему мы въ разборѣ произведеній Лажечникова постараемся по возможности много приводить отзывовъ о нихъ современниковъ и по возможности удерживаться отъ критики съ точки зрѣнія современныхъ требованій искусства. Если вообще говорится, что la critique est aisée, mais l'art est difficile, то еще болѣе легкою вещью является критика заднимъ числомъ. Но насколько такая критика легка, настолько же она и безсмысленна, потому что отъ всякаго писателя можно требовать только то, что вытекаетъ изъ условій того или другого фазиса литературнаго развитія. Если на всю всемірную литературу можно насчитать какой-нибудь десятокъ именъ, къ которымъ не нужно примѣнять никакой исторической критики, то незначительность этого исключенія только оправдываетъ вѣрность общаго правила. Кромѣ того, спеціально по отношенію къ русской литературѣ, не нужно забывать уже отмѣченной нами кратковременности литературныхъ періодовъ и быстроту умственнаго роста нашего. За пятьдесятъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ центральной поры литературной дѣятельности Лажечникова, мы

сдѣлали такіе гигантскіе шаги въ сферѣ духовной производительности; робкими учениками вступали мы въ тридцатыхъ годахъ въ тотъ самый храмъ европейской литературы, въ которомъ мы теперь такіе же полноправные хозяева, какъ и всѣ остальные заматерѣлые въ цивилизаціи народы. Ясно, что при такихъ условіяхъ историческая критика дѣлается вдвое обязательнѣе.

VI

Установивши единственно вѣрную, исторически-правильную, точку зрѣнія на Лажечникова, устраняющую всякій дешевый критицизмъ заднимъ числомъ, возвратимся къ событіямъ его жизни съ 1820 г. Въ этомъ году онъ собралъ свои путевыя письма, разбросанныя по разнымъ томамъ „Вѣстника Европы“ и „Соревнователя просвѣщенія и благотворенія“ и издалъ ихъ подъ названіемъ „Походныя записки русскаго офицера“, съ посвященіемъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Императрица милостиво приняла посвященіе и въ знакъ своего благоволенія подарила автору золотые часы.

Выпуская „Походныя записки“, Лажечниковъ былъ уже заправскимъ литераторомъ. На заглавномъ листѣ книги мы читаемъ: „Походныя записки русскаго офицера, изданныя И. Лажечниковымъ, дѣйствительнымъ членомъ общества любителей русской словесности при московскомъ университетѣ и с.-петербургскаго вольнаго общества любителей словесности“. Въ оба общества Лажечниковъ попалъ, благодаря этимъ же „Походнымъ запискамъ“, когда онѣ печатались въ журналахъ, „Записки“ очень нравились современникамъ. Такъ, напр.. извѣстный основатель харьковскаго университета — Василій Каразинъ, въ своемъ докладѣ, читанномъ с.-петербургскому обществу любителей словесности, констатируя успѣхи, сдѣланные органомъ этого общества — „Соревнователемъ просвѣщенія и благотворенія“, въ доказательство приводитъ помѣщеніе въ этомъ журналѣ одного изъ путевыхъ писемъ Лажечникова,

„очень занимательнаго для воображенія“ („Рус. стар.“ 1871 г. стр. 339). Почти всѣ рецензіи на „Послѣдняго Новика“ начинались констатированіемъ большого успѣха, который имѣли когда-то „Походныя записки“. 16 лѣтъ спустя,—въ 1836 г., потребовалось даже второе изданіе ихъ. И дѣйствительно, онѣ написаны легко и занимательно, безъ утомительныхъ и ненужныхъ военныхъ подробностей, а почти исключетельно налегая на бытовую сторону. Въ статьѣ „Знакомство съ Пушкинымъ“ Лажечниковъ пишетъ: „Въ это время готовилъ я къ печати свои „Походныя записки“, въ которыхъ столько юношеской восторженности и столько реторики. Признаюсь, писавши ихъ, я еще боялся отступить отъ кодексовъ Рижскаго (авторъ весьма извѣстный въ началѣ нынѣшняго столѣтія реторики) и братіи его, столь твердо выученныхъ мнѣ профессоромъ Побѣдоносцевымъ. Счастливъ, кто забылъ свою реторику!“ сказалъ кто-то весьма справедливо.—Увы, я еще не забылъ ея тогда“... Отзывъ этотъ, однако же, несправедливъ. Относительно, въ „Записках“ мало реторики и онѣ даже теперь читаются не безъ интереса. Если чего дѣйствительно слишкомъ много въ „Записках“, такъ это морализаціи. По примѣру Карамзина, Лажечниковъ, по поводу всего видѣннаго, пускается въ философскія размышленія. Но къ чести добраго сердца его нужно сказать, что размышленія эти, хотя и скучноваты и элементарны, но очень симпатичны. Молодой авторъ не находитъ словъ, чтобы достаточно восхвалить заботы прусскаго правительства о народномъ благосостояніи, о народномъ образованіи и т. д. А нѣкоторыя размышленія Лажечникова крайне замѣчательны для адъютанта, завертѣвшагося въ вихрѣ придворной жизни. Описываетъ онъ, напр., какъ, благодаря радушію нѣмцевъ, привѣтливо встрѣчавшихъ русскихъ, ему и его спутнику удалось счастливо пропутешествовать въ 1813 г. по сѣверной Германіи, когда они вмѣстѣ съ герцогомъ Мекленбургскимъ отправлялись на родину герцога.

„Среди солдатскаго похода мы совершаемъ самое пріятное путешествіе, и бѣдные, какъ Иры, наслаждаемся подобно Кре-

замъ. Пользуйся настоящимъ! говорятъ любезные учителя счастія,—и мы въ строгой точности повинуемся ихъ ученію. Катя со станціи на другую въ покойной коляскѣ на четырехъ быстрыхъ коняхъ, покоясь на хорошихъ постеляхъ, сидя за блюдомъ форелей или фазана, любуясь ключемъ шампанскаго, бьющаго со дна прадѣдовскаго бокала, или слушая какъ сокъ гренадскихъ апельсиновъ съ пескомъ американскаго тростника бунтуетъ въ портерѣ, обогащаясь каждый часъ новыми дарами природы и искусства, — спрашиваемъ, улыбаясь, другъ у друга: *не охаетъ ли какая-нибудь тысяча душъ отъ роскошнаго нашего путешествія?* Не имѣемъ ли нужды послать приказъ къ бурмистрамъ и старостамъ нашимъ о накладкѣ на крестьянъ оброка?.. Слава Богу! *Удовольствія наши не покупаются цѣною кроваваго пота подобныхъ намъ*".

Судя по этимъ словамъ, совершенно идущимъ въ разрѣзъ съ крѣпостнически-реакціоннымъ направленіемъ Аракчеевской эпохи, можно предположить, что не вращайся Лажечниковъ почти исключительно въ кругу адъютантовъ и писателей ультра-благонравнаго направленія, — Воейкова, Вяземскаго, Жуковскаго, Греча (см. „Мое знакомство съ Пушкинымъ"), онъ, очень можетъ быть, окончилъ-бы жизнь гдѣ-нибудь на Кавказѣ вмѣстѣ съ Одоевскимъ или Марлинскимъ. И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ только-что приведеннаго мѣста, въ „Походныхъ запискахъ" встрѣчается множество такихъ шпилекъ современнымъ порядкамъ, которыя ясно показываютъ, что Лажечниковъ, при сравненіи нашихъ порядковъ съ заграничными, весьма часто выносилъ именно тѣ-же самыя впечатлѣнія, какъ и друзья Марлинскаго и Одоевскаго, въ которыхъ заграничный походъ заронилъ первыя сѣмена оппозиціи и неудовольствія. Сплошь да рядомъ мыслящій молодой офицеръ, наблюдая иностранную жизнь, задаетъ себѣ вопросъ: отчего-же у насъ совсѣмъ иначе, отчего у насъ все такъ плохо и неустроенно?

Но мягкая и незлобивая натура удерживала Лажечникова отъ какихъ то то ни было рѣзкихъ выводовъ. Поэтому, ря-

домъ съ легкимъ вольнодумствомъ, „Походныя записки“ полны наиказеннѣйшаго патріотизма, а кое-гдѣ попадается и сервильность. Эта сервильность во всякомъ другомъ была-бы противна. Но мы знаемъ, какъ мало извлекъ пользы себѣ Лажечниковъ изъ близости къ высокопоставленнымъ лицамъ и „сферамъ“. Поэтому и мнимая сервильность его превращается для насъ въ симпатичную преданность и энтузіазмъ.

Что же касается совмѣщенія въ „Походныхъ запискахъ“ одновременно и оппозиціи и благонравія, то это противорѣчіе очень легко будетъ устранено, если читатель вспомнитъ про тѣ двѣ отправныя точки, съ которыхъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разсматривать дѣятельность Лажечникова. Среда и время пріобщили его къ оффиціальному благонравію и казенному патріотизму, но чистота натуры никогда не пускала его закрывать глаза на правду, какъ бы она ни противорѣчила оффиціально-установленнымъ шаблонамъ.

Эта же чистота натуры спасала Лажечникова отъ опасности замараться въ грязи, какъ бы близко къ ней судьба ни поставила его. Чтобы, напр., подумали мы о всякомъ другомъ, прочитавши слѣдующее: „обстоятельства поставили меня въ близкія отношенія къ М. Л. Магницкому, когда онъ стоялъ на вершинѣ своего служебнаго поприща и во время его паденія; я пользовался его горячимъ, порывистымъ благорасположеніемъ, слылъ даже лѣтъ пять его любимцемъ! („Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго“. „Рус. Вѣст.“ 66 г. № 1). Мы бы несомнѣнно подумали, что такой человѣкъ былъ однимъ изъ приспѣшниковъ того знаменитаго мракобѣсія, которымъ Магницкій обезсмертилъ себя въ лѣтописяхъ ретроградства. На самомъ же дѣлѣ Лажечниковъ своею близостью къ Магницкому воспользовался исключительно для хорошаго. Изслѣдованія гг. Попова и Ѳеоктистова вывели на свѣтъ Божій всякія дѣлишки не только главныхъ, но и самыхъ незначительныхъ приспѣшниковъ Магницкаго. Ясно, значитъ, если „любимецъ“ Магницкаго чѣмъ-нибудь захотѣлъ-бы подслужиться своему патрону, это бы, конечно, оставило слѣдъ

въ бумагахъ университетскаго и министерскаго архивовъ, гдѣ на позоръ прислужниковъ сохранились всѣ проявленія угодничества ихъ. Лажечниковъ полгода исправлялъ должность инспектора студентовъ казанскаго университета — должность важную и довѣренную, состоя на которой всякій другой, болѣе ловкій, чѣмъ Лажечниковъ, человѣкъ ужь непремѣнно „заявилъ“ бы себя и, eo ipso, попалъ-бы, конечно, и въ разоблаченіи гг. Ѳеоктистова и Попова, въ которыхъ, однако, ничего нѣтъ о нашемъ романистѣ, занимавшемъ кромѣ должности инспектора еще такое важное мѣсто, какъ директора казанской гимназіи.

Всѣ эти соображенія мы приводимъ, такъ сказать, на всякій случай. Собственно говоря, они совершенно излишни, потому что испытанная, *всѣми, кто когда-либо сталкивался съ Лажечниковымъ, засвидѣтельствованная прямота натуры его*, должна намъ служить достаточною гарантіею для того, чтобы безбоязненно судить объ отношеніяхъ Лажечникова къ Магницкому, по воспоминаніямъ объ этомъ самого-же Лажечникова. Вполнѣ можемъ повѣрить Лажечникову, когда изъ его воспоминаній видимъ, что, состоя инспекторомъ университета, онъ не гнулъ студентовъ въ угоду Магницкому, не слѣдилъ инквизиторски за ихъ „духомъ“, какъ полагалось-бы. Можемъ вполнѣ повѣрить Лажечникову, когда онъ сообщаетъ, что ниразу ни одного студента не сажалъ въ карцеръ, — фактъ вполнѣ гармонирующій со всѣмъ извѣстной добротой его.

Нужно и то сказать, что Лажечникову не должно было быть особенно трудно ладить съ Магницкимъ. Прежде всего, конечно, Магницкій имѣлъ достаточный „респектъ“ предъ такимъ лицомъ, какъ Остерманъ-Толстой, по рекомендаціи котораго онъ принялъ Лажечникова на службу, и предъ пожалованіемъ ему часовъ отъ императрицы, что избавляло Магницкаго отъ отвѣтственности за политическую благонамѣренность Лажечникова. Но, и помимо всего этого, извѣстно, что больше всего Магницкій налегалъ на религіозность. Пер-

вымъ дѣломъ при свиданіи Лажечникова съ Магницкимъ у нихъ зашла рѣчь о религіозныхъ убѣжденіяхъ. Лажечникову не было никакой надобности лицемѣрить; онъ всю свою жизнь былъ человѣкомъ глубоко-религіознымъ, даже ортодоксально-религіознымъ. Главное, значитъ, было улажено. Но, съ другой стороны, искренность этой же самой религіозности, которая первоначально свела Лажечникова съ Магницкимъ, удержала его отъ какихъ бы то ни было дѣйствій въ духѣ мнимо-религіознаго ханжества попечителя Казанскаго округа. Истинная, искренняя религіозность никогда не унижается до нелѣпаго религіознаго формализма и внѣшняго благочестія, которымъ ознаменовалась ,,христіанская'' дѣятельность Магницкаго. И тутъ, какъ и въ продолженіе всей его жизни, чистота, глубина и искренность натуры предохранили Лажечникова отъ всего того, что сдѣлало ненавистнымъ другихъ представителей ортодоксально-патріотическаго направленія.

Своею близостью къ Магницкому Лажечниковъ, какъ мы уже сказали, воспользовался только для хорошаго. Ему народное образованіе Казанскаго учебнаго округа обязано весьма многимъ. Опредѣленный, тотчасъ по поступленіи на службу по министерству народнаго просвѣщенія, директоромъ училищъ Пензенской губерніи и вскорѣ затѣмъ посланный визитаторомъ Саратовскихъ училищъ, онъ крайне добросовѣстно отнесся къ порученному ему дѣлу, что доказывается усиленною благодарностію Магницкаго, который, при всемъ своемъ ханжествѣ, былъ человѣкъ очень дѣятельный и любилъ, чтобы его подчиненные добросовѣстно, а не только формально, исполняли свое дѣло. И такъ какъ по отношенію къ низшимъ и среднеучебнымъ заведеніямъ ,,политика'' могла играть только очень второстепенную роль, то намъ нѣтъ никакого основанія не вмѣнять Лажечникову въ заслугу благодарности Магницкаго; она дѣйствительно доказываетъ, что Лажечниковъ какъ слѣдуетъ отнесся къ своей обязанности — привести въ порядокъ крайне запущенную учебно-педагогическую часть Пензенской гимназіи и другихъ училищъ Пензенской и Саратовской гу-

берній. ,,Отдавая полную справедливость трудамъ вашимъ, усердію къ службѣ и основательнымъ свѣдѣніямъ по управленію учебными заведеніями въ христіанскомъ духѣ'', писалъ Магницкій Лажечникову. „Замѣтьте слова: «*въ христінскомъ духѣ*», — обижается Лажечниковъ. ,,Ужь, конечно, въ этомъ духѣ, потому что я исполнялъ свои обязанности по долгу совѣсти''. Подтвердимъ и мы, что ,,по долгу совѣсти'', потому что кромѣ благодарности Магницкаго, для многихъ можетъ быть неисправимо подозрительной, у насъ есть еще одно блистательное доказательство: во время визитаціи училищъ завязалась та тѣсная дружба Лажечникова съ Бѣлинскимъ, которая составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ біографіи нашего романиста. Ужь, конечно, Бѣлинскій не отдалъ-бы своихъ симпатій человѣку, который ,,христіанскій духъ'' понялъ-бы въ смыслѣ Магницкаго. Ужь, конечно, если-бы ревизія Лажечникова и управленіе имъ Пензенской гимназіей оставили по себѣ непріятныя воспоминанія, Бѣлинскій и его товарищи не обратились-бы первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Москву, къ Лажечникову за протекціею и не писалъ-бы Бѣлинскій своему учителю М. М. Попову тотчасъ послѣ перваго визита у Лажечникова въ Москвѣ: ,,Вы доставили мнѣ случай видѣть человѣка, котораго *я всегда любилъ, уважалъ*, любилъ видѣть и говорить съ нимъ''.

Намъ нѣтъ надобности много останавливаться на характерной дружбѣ ,,великаго мученика правды'' и ,,любимца'' Магницкаго. Отъ этого насъ освобождаютъ вошедшія въ настоящее изданіе ,,Замѣтки для біографіи Бѣлинскаго'', впервые, такъ сказать, вытащенныя на свѣтъ Божій (помѣщенная первоначально въ крайне мало-распространенной еженедѣльной газетѣ ,,Московскій Вѣстникъ'' за 1859 годъ, эта въ высшей степени интересная статья почти неизвѣстна и самымъ записнымъ любителямъ литературы). По свойственной Лажечникову скромности, онъ въ ,,Замѣткахъ'' весьма много говоритъ о своихъ чувствахъ къ Бѣлинскому, и весьма мало о

чувствахъ Бѣлинскаго къ нему. Но и этого малаго достаточно, чтобы видѣть, что Бѣлинскій, не только тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву (въ 1830 году), ,,всегда любилъ и уважалъ Лажечникова, любилъ видѣть и говорить съ нимъ''. Бѣлинскій до конца дней своихъ всегда прекрасно относился къ Лажечникову и своими восторженными рецензіями о его романахъ не мало укрѣпилъ славу ихъ. Личныя отношенія ихъ были самыя задушевныя. ,,Пока я жилъ въ Москвѣ, онъ нерѣдко посѣщалъ меня; мы сблизились, несмотря на разстояніе лѣтъ; не было заботы и надежды, не было юношескаго увлеченія, которыхъ онъ не повѣрялъ-бы мнѣ; случалось мнѣ и отечески пожурить его''. Послѣднее подтверждается и матеріалами для біографіи Бѣлинскаго, помѣщенными кн. Енгалычевымъ въ ,,Русс. Старинѣ'' 1876 года. Изъ нихъ мы видимъ, что Бѣлинскій читалъ Лажечникову своего ,,Владиміра'' — этотъ пламенный протестъ противъ крѣпостного права, и какъ Лажечниковъ, самъ возмущавшійся крѣпостнымъ правомъ, самъ при своемъ служебномъ положеніи рѣшившійся заявить нѣкоторый протестъ противъ крѣпостного права и въ ,,Походныхъ запискахъ'', и въ ,,Послѣднемъ Новикѣ'', тѣмъ не менѣе дѣйствительно ,,отечески'' совѣтовалъ своему пылкому молодому другу оставить у себя въ портфелѣ злополучную драму, которая таки и вышвырнула Бѣлинскаго изъ университета. Узнаемъ мы также изъ ,,Матеріаловъ'' кн. Енгалычева какъ и изъ ,,Замѣтокъ'', впрочемъ, какъ Лажечниковъ хлопоталъ за Бѣлинскаго при поступленіи имъ въ университетъ.

Когда же Бѣлинскій оставилъ университетъ, Лажечниковъ помогалъ ему въ пріисканіи занятій.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ Бѣлинскій все больше и больше уклонялся *влѣво*, взаимныя отношенія пламеннаго представителя нарождавшагося поколѣнія и приближавшагося къ пятидесятому году романиста оставались, однако, все въ той-же степени дружественныя. Значеніе этого факта всего лучше будетъ установить свидѣтельствомъ совре-

менника — „Литературными воспоминаніями“ Панаева: “По мѣрѣ того, какъ Бѣлинскій возбуждалъ къ себѣ все большую любовь и уваженіе новаго поколѣнія литературнаго и нелитературнаго, старое литературное поколѣніе смотрѣло на него все съ большимъ ожесточеніемъ и безсильною злобою. Одинъ изъ всѣхъ старыхъ литературныхъ авторитетовъ—И. И. Лажечниковъ искренно дорожилъ его мнѣніемъ и въ каждый пріѣздъ свой въ Петербургъ посѣщалъ его“.

„И. И. Лажечниковъ“, продолжаетъ Панаевъ, „принадлежитъ [1]) къ тѣмъ живымъ, избраннымъ и рѣдкимъ натурамъ, которыя никогда не старѣются духовно и потому чувствуютъ всегда большую наклонность къ молодымъ поколѣніямъ. За это ихъ не очень жалуютъ ихъ сверстники и вообще всѣ отсталые люди, идеалъ которыхъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Лажечниковъ едва-ли не единственный изъ литераторовъ своего времени, за исключеніемъ князя Одоевскаго, искренно и безъ всякой задней мысли, съ полнымъ сочувствіемъ всегда протягивавшій руку всѣмъ замѣчательнымъ дѣятелямъ послѣдующихъ литературныхъ поколѣній“ (стр. 346,47).

Послѣ смерти Бѣлинскаго, Лажечниковъ, все болѣе и болѣе приближаясь къ старости и даже дряхлости, тѣмъ не менѣе оставался страстнымъ почитателемъ его памяти. „Замѣтки“, писанныя Лажечниковымъ въ 1859 году, слѣдовательно на 67 году жизни, дышатъ такимъ лирическимъ восторгомъ, такою пламенною любовью къ великому критику и его дѣятельности, что сдѣлали-бы честь и сердцу юноши.

Восемь лѣтъ спустя, значитъ семидесятипятилѣтнимъ старикомъ, Лажечниковъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ своего „Опричника“. Оно посвящено „памяти Б. Г. Бѣлинскаго“. Это простенькое посвященіе, однако, не лишено значенія, потому что въ 1867 уже настолько сильно подули разные обратные зефиры, что многіе прежніе друзья Бѣлин-

---

[1]) «Воспоминанія» печатались еще при жизни Лажечникова.

скаго поспѣшили забыть о своей дружбѣ съ ,,неистовымъ Виссаріономъ'' и уже во всякомъ случаѣ не выставляли ее на-показъ. Лажечниковъ въ это время какъ разъ вращался въ средѣ отрекшихся отъ Бѣлинскаго прежнихъ друзей его, самая книжка съ посвященіемъ напечатана въ типографіи такого бывшаго друга Бѣлинскаго; въ его журналѣ Лажечниковъ въ это время печаталъ свои произведенія, въ его лицей онъ опредѣлилъ своего сына. Не безъ вліянія осталась эта среда — подъ давленіемъ ея была написана ,,Внучка панцырнаго боярина'', гдѣ запаха Страстного бульвара не мало. Но уваженіе къ Бѣлинскому сидѣло слишкомъ глубоко въ Лажечниковѣ. Этотъ талисманъ прежнихъ дней онъ сохранялъ свято.

VII

Служба Лажечникова въ казанскомъ округѣ, или, какъ онъ самъ называетъ ее ,,казанское плѣненіе'', — такъ ему было противно видѣть мракобѣсіе и дикое ханжество Магницкаго, — продолжалась 6 лѣтъ. Въ концѣ 1820 года, онъ, какъ уже сказано, былъ назначенъ директоромъ училищъ Пензенской губерніи и вскорѣ затѣмъ посланъ визитаторомъ саратовскихъ училищъ. Въ декабрѣ 1823 года, Магницкій, въ благодарность за успѣшную визитацію, назначилъ Лажечникова директоромъ Императорской казанской гимназіи и директоромъ училищъ Казанской губерніи.

Состоя въ должности директора казанской гимназіи, въ которой учился Державинъ, Лажечниковъ воспользовался своею близостью къ Магницкому, чтобы выдвинуть идею о постановкѣ памятника пѣвцу ,,Водопада''. Опять-таки, значитъ, воспользовался своимъ положеніемъ ,,любимца'' для хорошаго дѣла — по крайней мѣрѣ, по мнѣнію Лажечникова. Да и кто тогда не поклонялся величію Державина, кто не считалъ полезнымъ для отечества дѣломъ увѣковѣченіе памяти столь великаго пѣснопѣвца? ,,На торжественномъ актѣ гимназіи,

въ концѣ 1825 года, въ рѣчи, имъ произнесенной, Лажечниковъ въ первый разъ горячо выразилъ обязанность соорудить въ Казани памятникъ Державину, ученику казанской гимназіи. Смѣло можно сказать, что рѣчь эта была первымъ краеугольнымъ камнемъ, поставленнымъ въ основаніе памятника". (Авт. Пуб. Б.). Рѣчь Лажечникова чрезъ 2 года была напечатана въ издававшемся Воейковымъ „Славянинѣ", откуда узнаемъ, что тотчасъ послѣ рѣчи, присутствовавшій на актѣ „господинъ управляющій Казанскою губерніею, статскій совѣтникъ А. Я. Жмакинъ, всегда готовый содѣйствовать благонамѣреннымъ видамъ, клонящимся къ пользѣ и славѣ отечества, изъявилъ ревностное желаніе собраніемъ пожертвованій осуществить предложеніе г. директора, въ случаѣ соизволенія на это высшаго начальства" („Славянинъ" 1827 г., стр. 438). Соизволеніе послѣдовало, такъ что Лажечниковъ по праву могъ сказать: „послѣдствія (поддержки Жмакина) извѣстны: памятникъ Державину стоитъ на площади противъ университета. Горжусь, что я положилъ первый камень въ основаніе этого памятника". („Какъ я зналъ Магницкаго").

Въ концѣ 1825 и началѣ 1826 года Лажечниковъ нѣсколько мѣсяцевъ исправлялъ должность инспектора студентовъ и вскорѣ затѣмъ, вырвавшись „изъ плѣна казанскаго", вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ.

„Въ это время", пишетъ Лажечниковъ въ Автобіографіи Публичной Библіотеки, „задумалъ онъ своего „Послѣдняго Новика", собиралъ для него историческіе матеріалы и, чтобы вѣрнѣе изобразить мѣста, гдѣ происходили событія избранной имъ эпохи, сдѣлалъ путешествіе въ Лифляндію, которую исколесилъ вдоль и поперекъ, большею частью проселочными дорогами".

Итакъ, только тридцати пяти лѣтъ отъ роду Лажечниковъ ступилъ, наконецъ, на настоящую дорогу, и только чрезъ пять лѣтъ, т. е. имѣя уже цѣлыхъ сорокъ лѣтъ за собою, онъ выступилъ предъ публикою въ качествѣ историческаго романиста. Такъ что вполнѣ правъ былъ Бѣлинскій,

когда, говоря о „Новикѣ“ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ и перечисляя разныя качества Лажечникова: „талантъ, образованность, пламенное чувство“, прибавлялъ къ нимъ, на основаніи своихъ частныхъ свѣдѣній, „опытъ лѣтъ и жизни“. Но имѣлъ-ли, однако, этотъ опытъ какое-нибудь существенное вліяніе на творчество нашего романиста? „Умудрилъ-ли“ его этотъ опытъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ умудряетъ огромнѣйшее большинство людей, т. е. показалъ-ли ему тщету стремленія къ правдѣ и идеалу? Ничуть. Мы уже нѣсколько знаемъ изъ исторіи его отношеній къ Бѣлинскому и еще больше убѣдимся въ этомъ изъ дальнѣйшихъ свидѣтельствъ разныхъ лицъ, знавшихъ Лажечникова, какъ онъ до самой глубокой старости оставался чистымъ и увлекающимся юношей. Только въ томъ отношеніи опытъ лѣтъ повліялъ на Лажечникова, что уничтожилъ въ немъ чрезмѣрную сантиментальность на Карамзинскій образецъ. Но преклоненіе предъ добромъ и благородствомъ, увѣренность, что ими должна направляться жизнь наша, глубина чувства и поэзія,—все это свято и нерушимо хранилъ въ себѣ Лажечниковъ въ продолженіе всей своей жизни, и все это придаетъ еще до сихъ поръ неотразимую прелесть всѣмъ его произведеніямъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки съ точки зрѣнія современныхъ требованій искусства. Даже въ шестидесятыхъ годахъ, когда ни о какой исторической критикѣ и слышать не хотѣли, когда валили Пушкина, — чистота души Лажечникова, такъ ясно сквозящая чрезъ всѣ его произведенія, не оставалась безъ вліянія на суровыхъ рецензентовъ того времени и заставляла ихъ мягко относиться даже къ слабымъ произведеніямъ послѣднихъ лѣтъ его жизни,—произведеніямъ, въ которыхъ было меньше таланта, чѣмъ въ „Новикѣ“, „Ледяномъ домѣ“ и „Бусурманѣ“, но столько-же пламенной любви къ добру и красотѣ.

Но если такое обаяніе производилъ ансамбль творческой личности Лажечникова еще въ шестидесятыхъ годахъ, то не трудно представить себѣ, какой восторгъ должны были возбу-

дить романы его, — эти страстныя апологіи благородства и возвышенности, — въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ эпоху чувства и экспансивности попреимуществу. И дѣйствительно, съ появленія первыхъ-же частей „Новика“ начинается жгучая популярность Лажечникова, быстро затмившая популярность всѣхъ другихъ прозаиковъ той эпохи и поставившая его въ рядъ первоклассныхъ литературныхъ дѣятелей своего времени.

Что-же такое представлялъ собою этотъ романъ, который по отзыву Бѣлинскаго „есть произведеніе необыкновенное, ознаменованное печатью высокаго таланта“?

„Чувство, господствующее въ моемъ романѣ, есть любовь къ отчизнѣ“, прямо заявляетъ Лажечниковъ въ 1-й главѣ „Послѣдняго Новика“.

Этими немногими словами опредѣлена вся сущность романа, всѣ его достоинства и недостатки. „Послѣдній Новикъ“, въ полномъ смыслѣ слова — апоѳеозъ любви къ родинѣ, правда, любви, современнаго человѣка не особенно-то удовлетворяющей, но тѣмъ не менѣе искренней и горячей. Не много найдется въ русской литературѣ произведеній, которыя въ такой степени были-бы проникнуты восторженной привязанностью къ родной странѣ, какъ „Послѣдній Новикъ“. Даже среди романовъ самого Лажечникова, всегда и неизмѣнно клонящихся къ прославленію родины, „Новикъ“ выдѣляется своимъ горячимъ патріотизмомъ. Въ „Ледяномъ Домѣ“, напр., патріотизмъ Волынскаго если и составляетъ одинъ изъ главныхъ узловъ романа, то все-таки не единственный. Не меньшую роль играетъ въ романѣ и страстность его, а также дѣйствія Бирона и его приверженцевъ. Но въ „Послѣднемъ Новикѣ“ все творческое вниманіе автора сосредоточено на лицахъ, посвятившихъ себя служенію родинѣ. Не только главныя лица романа—Паткуль и Новикъ—отдали всю свою жизнь благу отчизны, но даже второстепенные — капитанъ Вульфъ, геройски себя взрывающій, дабы не посрамить чести шведскаго знамени, князь Вадбольскій, карла Шереметева,

Голіафъ Самсонычъ, самъ Шереметевъ, Траутфеттеры, изнывающій отъ тоски по родинѣ швейцарецъ, отецъ Розы, цѣлая многочисленная галлерея патріотовъ-солдатъ, наконецъ Петръ, Меньшиковъ,—всѣ они постоянно думаютъ о благѣ родины, отодвигая на задній планъ всѣ другіе свои интересы. Самый выборъ сюжета, именно завоеваніе русскими Лифляндіи, обусловленъ патріотизмомъ автора. ,,На случай вопроса: почему избралъ я сценою для русскаго историческаго романа Лифляндію", авторъ поясняетъ, что остальныя мѣста Россіи или не имѣютъ историческихъ воспоминаній, слѣдовательно не возбуждаютъ народной гордости, или-же достаточно для послѣдней цѣли эксплуатированы разными писателями. Лифляндія же—,,Эрастферъ, Гуммельсгофъ, Маріенбургъ, Канцы, Лустъ-Эйландъ—нынѣ имена мѣстъ, едва извѣстныя русскимъ, между тѣмъ какъ въ нихъ происходили великія явленія", очень почетныя для Россіи: ,,вездѣ родное имя торжествуетъ; нигдѣ не унижено оно".

Если такое страстное и искреннее желаніе прославить родину, усилить любовь къ ней сыновъ ея воспоминаніями о славномъ прошломъ не можетъ не расположить къ себѣ читателя и составляетъ, слѣдовательно, одну изъ сильныхъ сторонъ романа, то, съ другой стороны, этотъ-же пламенный патріотизмъ значительно повредилъ ,,Послѣднему Новику". Даже оставляя на время безъ вниманія то обстоятельство, что патріотизмъ дѣйствующихъ лицъ ,,Новика" весьма внѣшняго свойства, нельзя не видѣть, что желаніе Лажечникова создать лицо, которое являлось-бы апоѳеозомъ любви къ родинѣ, завлекло его въ непролазныя дебри неправдоподобности и искусственности. Главный герой романа, давшій ему названіе, Новикъ Владиміръ — фигура крайне неудачная, безжизненная, состоящая изъ одной только любви къ родинѣ, безъ всякой примѣси какихъ бы то ни было другихъ чувствъ и страстей. А между тѣмъ самъ-же авторъ, разсказывая жизнь Новика до того какъ начался романъ, представляетъ его человѣкомъ крайне необузданнаго нрава и честолюбія.

Эта же необузданность проявляется съ ужасною силою въ концѣ романа, точно Новикъ хотѣлъ сразу освободить весь запасъ страсти, накопившейся у него въ теченіе долгаго мыканія за предѣлами Россіи. Очевидно, значитъ, у Лажечникова была мысль рельефно показать, до какой степени любовь къ родинѣ облагораживаетъ человѣка. Вышло, однако, не рельефно, а лубочно.

Такого-же невысокаго калибра обрисовка патріотизма остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ не идетъ дальше обычныхъ двухъ пунктовъ казеннаго патріотизма того времени: желанія „славы“ своему отечеству и покорности. „Слава“, конечно, ратная, по преимуществу „русская удаль“, „русское молодечество“, „голову свою сложимъ“, „не посрамимъ земли русской“, „вѣрные слуги“ и т. д., все въ томъ-же ортодоксально-благонамѣренномъ родѣ, — вотъ элементы этой „славы“, распространяться о которыхъ нѣтъ надобности, потому что мы до горло достаточно знакомы съ ними по малиновому звону передовицъ „Руси“ и грому статей „Москов. Вѣд.“. Но, понятно, что мы не можемъ относиться къ Лажечникову за его внѣшній и казенный патріотизмъ съ такою-же ненавистью, съ какою относимся къ Каткову и Аксакову. Это люди, которые имѣютъ возможность быть истинными патріотами, но не желаютъ, а Лажечниковъ былъ не болѣе какъ сынъ своего вѣка. Вспомните, что и Бѣлинскій написалъ „Бородинскую годовщину“. Перечтите, наконецъ, произведенія самого Рылѣева, его „Ивана Сусанина“ и др., и вы увидите, въ какую страшную ошибку впадете, если вмѣните Лажечникову въ вину то, что было достояніемъ почти всей тогдашней интеллигенціи, за самыми ничтожными исключеніями. Притомъ-же, какъ уже намѣчено нами въ началѣ настоящаго очерка, внѣшній патріотизмъ съ такою искренностью и страстностью исповѣдуется Лажечниковымъ, что въ этомъ слѣдуетъ видѣть исключительно заблужденіе ума и притомъ не индивидуальное. Когда мысль вѣка получила другое направленіе, Лажечниковъ съ пламеннымъ восторгомъ примкнулъ къ періоду

реформъ, наступившему послѣ Крымской войны. Все это оттого, что въ чистотѣ и искренности патріотизма Лажечникова, хотя-бы и внѣшняго, таился источникъ чуткости ко всему хорошему. Вотъ почему вы и въ настоящее время смѣло можете рекомендовать всякому юношѣ романы Лажечникова, между тѣмъ какъ вы его всѣми силами постараетесь отговорить отъ „Руси“ и „Моск. Вѣд.“. Въ „Руси“ и „Моск. Вѣд.“ фальшь преднамѣренная и корыстная, будящая самые отвратительные инстинкты, а у Лажечникова если и заблужденіе, то не преднамѣренное; но за то столько искренняго чувства и увлеченія, которое въ воспріимчивой душѣ вызоветъ непремѣнно такой-же отзвукъ. А уже дать ему другое направленіе, разъ добывши золотую руду, сдѣлать изъ него надлежащее употребленіе — это уже дѣло не трудное.

Но есть, впрочемъ, въ патріотизмѣ Лажечникова, и именно въ патріотизмѣ, которымъ онъ надѣлилъ Владиміра, одна черта, по нашему мнѣнію, крайне замѣчательная и съ современной точки зрѣнія. Мы говоримъ о той готовности, съ которою Новикъ исполнялъ роль шпіона. Одинъ изъ позднѣйшихъ критиковъ Лажечникова — г. Нелюбовъ, авторъ въ общемъ не лишенной достоинствъ статьи о нашемъ романистѣ („Русскій Вѣст.“ 1869 г. № 10), объ этомъ фактѣ вотъ какого мнѣнія: „Въ главной личности романа, въ характерѣ Новика, есть сторона, съ которою нравственное чувство читателя не можетъ примириться. Средства, къ которымъ прибѣгаетъ Владиміръ для того, чтобы загладить свои преступленія предъ Петромъ Великимъ, въ глазахъ Петра могли уменьшить вину Новика, но въ глазахъ читателя могутъ только ее увеличить. Читателю бывшій преступникъ не дѣлается милѣе отъ того только, что онъ превратился въ шпіона и лицемѣра; напротивъ, онъ только падаетъ въ глазахъ читателя, и нужна вся теплота и вся поэзія автора, чтобы картиною страдающей и неутолимой любви Новика къ Россіи заставить забыть тотъ способъ дѣйствій, къ которому эта любовь привела героя“. Думаемъ, совсѣмъ наоборотъ. Именно современному читателю

образъ дѣйствія Владиміра можетъ показаться крайне симпатичнымъ. Именно современный читатель, отставшій отъ формалистики въ нравственныхъ вопросахъ, можетъ увидѣть въ шпіонствѣ Новика фактъ высокаго героизма и необыкновенную глубину патріотизма. Не особенно трудно любить родину подъ звуки торжественныхъ трубъ и литавръ, когда васъ ждетъ за это и почетъ и слава и всяческія блага земныя; не особенно трудно любить родину въ парадной одеждѣ дипломата, въ почетной роли патріотическаго журналиста, романиста и т. д.; естественно также быть патріотомъ, когда защищаешь неприкосновенность своего жилища, своего домашняго очага; но громаднѣйшій запасъ истиннаго, глубокаго и безкорыстнѣйшаго патріотизма нужно имѣть въ себѣ, чтобы приносить пользу родинѣ, взявши на себя весь позоръ такъ-называемыхъ „нечистыхъ средствъ“!... Вѣдь нелегко прибѣгать къ нимъ. Не разъ, конечно, у Владиміра, поставившаго суть выше формалистики, обливалось сердце кровью, когда приходилось накликать гибель на людей, лицъ, въ сущности не виноватыхъ-же тѣмъ, что судьба поставила ихъ по пути осуществленія извѣстнаго идеала; не разъ, конечно, цѣлый адъ кипѣлъ въ груди, когда онъ рѣшался на ту или другую мѣру, по существу своему глубоко омерзительную и, однако-же, единственно дѣйствительную при извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствахъ. Положеніе не человѣчески-мучительное, безысходный трагизмъ котораго одинъ только и даетъ возможность вынести душу свою изъ этой грязи столь-же чистою, какою и окунаешь ее туда...

Нѣкоторые критики тридцатыхъ годовъ находили, что Лажечниковъ заставилъ своего героя быть шпіономъ подъ вліяніемъ Куперова „Шпіона“. Едва-ли это вѣрно. Весьма вѣроятно, можетъ быть безусловно вѣрно, что, когда Лажечниковъ создавалъ фигуру Новика, ему былъ извѣстенъ Куперовскій „Шпіонъ“. Но, не говоря уже о томъ, что и простое подражаніе дѣлало бы въ данномъ случаѣ честь глубинѣ пониманія Лажечниковымъ истиннаго патріотическаго чувства, мы

въ „Новикѣ“ же находимъ доказательства того, что Лажечниковъ настолько хорошо понималъ всякое истинное чувство, что пренебреженіе Владиміромъ такъ называемыхъ „нечистыхъ средствъ“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо чертой наносной, продуктомъ простого подражанія. Приглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, къ одной изъ прелестнѣйшихъ, истинно поэтическихъ фигуръ „Новика“ — швейцаркѣ Розѣ. Если отдѣлаться отъ впечатлѣнія нѣкоторыхъ чисто-техническихъ, въ сущности внѣшнихъ неуклюжестей, обусловленныхъ литературными вкусами того времени, и если обращать вниманіе исключительно на *правду психологическую*, то фигура Розы, по справедливости, должна быть названа прекраснымъ изображеніемъ истинной и глубокой страсти. Твердо устоялъ Лажечниковъ противъ искушенія дать читателямъ своимъ картину прилизанной, чопорной и жеманной любви, во вкусѣ тогдашняго благонравія. Его Роза любитъ дѣйствительно беззавѣтно и потому не разсуждаетъ, гдѣ нужно дѣйствовать, не стѣсняется сухимъ формализмомъ тамъ, гдѣ чувство подсказываетъ ей образъ дѣйствія, діаметрально-противоположный правиламъ бездушной и ложной морали. Что можетъ быть трогательнѣе и поэтичнѣе того момента, когда Роза, для спасенія друга сердца,—Паткуля, окунается на самое дно такъ называемыхъ „нечистыхъ средствъ“, когда она, для возможности проникнуть, не возбуждая подозрѣнія, въ темницу къ Паткулю, сначала „голосомъ, въ которомъ выражались смущеніе и боязнь подпасть гнѣву караульнаго офицера, сторожащаго тюрьму, старается уговорить его такими словами: „позвольте мнѣ къ заключенному... вамъ извѣстно... я, презрѣнная тварь, люблю... связи давнишни“, а потомъ, когда это не подѣйствовало, добываетъ себѣ пропускъ тѣмъ, что исполнила волю пьянаго солдата—дала себя поцѣловать и сама „называла своего мучителя милымъ, добрымъ господиномъ, цѣловала его поганыя руки“. Такова истинная любовь, истинная глубина и чистота души, которую никакая грязь не можетъ осквернить. Вы ясно видите, что, понадобись, Роза и не только

поцѣловать себя позволитъ ради спасенія избранника души. Отчего ей не называть себя „презрѣнной тварью“, отчего ей даже не стать, формально конечно, такой „презрѣнной тварью“, когда на самомъ дѣлѣ она чище голубицы, когда при другихъ обстоятельствахъ она съ презрѣніемъ отвергнетъ цѣлыя сокровища.

Чтобы еще рѣзче подчеркнуть глубину чувства Розы, Лажечниковъ оттѣнилъ ее любовью къ Паткулю фрейлины Ейнзидель. Эта кислосладкая нѣмка любила по всѣмъ правиламъ строгой морали и оттого то она не сдѣлала ни одного шага для спасенія любимаго человѣка, въ то время, когда Роза жертвовала ему честью и жизнью. „Да, любезнѣйшій другъ“, говоритъ Лажечниковъ устами Траутфеттера: „теперь только узналъ я, что можетъ женщина, которая любитъ!.. Роза—это дивное созданіе, предъ которымъ все возвышенное, все благородное должно пасть на колѣна“.

Это говорится о *любовницѣ!* Укажите-ка другія произведенія тридцатыхъ годовъ, гдѣ было бы столько отсутствія формализма, столько демонстративнаго преклоненія предъ явленіемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ требованіями апробованныхъ шаблоновъ.

Столь же большую честь приносятъ Лажечникову тѣ немногія мѣста романа, гдѣ онъ робко выражаетъ протестъ противъ крѣпостного права. Конечно, намъ эта робость кажется архаичной. Но вспомните, время-то какое тогда было—1832 годъ, эпоха военныхъ поселеній и строжайшихъ мѣръ противъ крестьянскихъ бунтовъ. Пропустила бы что-нибудь болѣе рѣзкое тогдашняя цензура? Бѣлинскаго, *за писанную* драму, протестующую противъ крѣпостного права, выгнали изъ университета.

Вспомнивши время, когда писался „Новикъ“, отдадимъ также дань уваженія той добросовѣстности, съ которою Лажечниковъ отнесся къ своей задачѣ *историческаго* романиста. „Чего не перечиталъ я для своего „Новика“!—пишетъ онъ въ любопытной статейкѣ своей: „Мое знакомство съ Пушки-

нымъ". — „Все, что сказано мною о Гликѣ, воспитанницѣ его, Паткулѣ, даже Бирѣ и Розѣ и многихъ другихъ лицахъ моего романа, взято мною изъ Вебера, Манштейна, жизни графа А. Остермана на нѣмецкомъ языкѣ, 1743 года, Essai critique sur la Livonie par le compte Bray, Бергмана Denkmäler aus der Vorzeit, старинныхъ нѣмецкихъ историческихъ словарей, открытыхъ мною въ библіотекѣ сенатора графа Ѳ. А. Остермана, драгоцѣнныхъ рукописей канцлера графа И. А. Остермана, которыми я имѣлъ случай пользоваться, и, наконецъ, изъ устныхъ преданій маріенбургскаго пастора Рюля и многихъ другихъ, на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили главныя дѣйствія моего романа".

Въ приведенной нами выпискѣ изъ автобіографіи Публичной Библіотеки говорится, что изученіе Лажечниковымъ источниковъ началось въ 1826 г. Мы имѣемъ, однако-же, документальное доказательство, что это изученіе началось несравненно раньше. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Походныхъ запискахъ" подъ 1815 годомъ мы находимъ цѣлый отрывокъ: „Исторія города Дерпта", читанный Лажечниковымъ Воейкову и Жуковскому, когда онъ, въ промежутокъ между кампаніей 1814 и 1815 г., вмѣстѣ со своимъ полкомъ находился въ Дерптѣ. Вотъ когда еще, слѣдовательно, нашъ романистъ заинтересовался Лифляндіей и вотъ когда началось изученіе ея. Подобное тщательное изученіе дѣлаетъ величайшую честь Лажечникову, потому что въ то время въ русской литературѣ объ этомъ еще не имѣли понятія. Мы знаемъ, что еще въ 1817 году Лажечниковъ выпустилъ свою „Малиновку", представляющую собою совершенно невѣроятное игнорированіе самыхъ элементарныхъ историческихъ фактовъ. Надо полагать, что романы Вальтеръ Скотта съ ихъ замѣчательною эрудиціею выяснили Лажечникову задачи истинно-историческаго романиста. Но во всякомъ случаѣ въ русской литературѣ Лажечниковъ былъ піонеромъ подобной тщательной подготовки. Появившійся въ 1829 году „Юрій Милославскій", правда, тоже носилъ отпечатокъ порядочной эрудиціи. Но тѣмъ не менѣе

у Лажечникова не можетъ быть отнято право піонерства, потому что въ 1829 году онъ былъ уже въ разгарѣ подготовительной работы.

Но что дѣлаетъ еще бо́льшую честь Лажечникову — это путешествіе въ Лифляндію для ознакомленія съ мѣстностью. До такой тщательности и до такого стремленія къ реализму доходитъ не всякій историческій романистъ даже и въ наше время, когда реализмъ при рисовкѣ внѣшней обстановки сталъ непремѣннымъ требованіемъ. Что же касается тридцатыхъ годовъ, то достаточно вспомнить разсказъ Панаева о томъ, какъ Загоскинъ описывалъ Испанію и Италію по лакутинскимъ табакеркамъ.

Таковы разнообразныя достоинства „Новика“. Что-же касается не менѣе многочисленныхъ недостатковъ его, то, вѣрные принципу исторической критики, мы не станемъ останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которые обусловлены общимъ характеромъ тогдашняго времени, тогдашнихъ литературныхъ понятій и вкусовъ. Если мы позволили себѣ неодобрительно отнестись къ Владиміру, то исключительно потому, что и современникамъ онъ казался „образомъ безъ лица“ („Лит. мечтанія“); но мы не станемъ пускаться въ дешевый критицизмъ по поводу того, что злоба какого-нибудь кучера Франца и чухонки Ильзы на барона Фюренгофа играетъ рѣшительнѣйшую роль въ завоеваніи русскими Лифляндіи, что цѣлый рядъ dei ex machina является для распутыванія узловъ, завязанныхъ романистомъ, что въ баронѣ Фюренгофѣ и Никласзонѣ мы видимъ полное олицетвореніе злодѣйства, не смягченное ни однимъ свѣтлымъ штрихомъ. Все это совершенно въ духѣ тридцатыхъ годовъ, все это въ такой-же степени встрѣчается у величайшихъ представителей тогдашней литературы, у Вальтеръ Скотта, Виктора Гюго и т. д. Можно-ли, напр., нападать на крайнюю запутанность интриги, утомляющую современного читателя, когда въ журналѣ, издававшемся однимъ изъ проницательнѣйшихъ критиковъ своего времени, предшественникомъ и непосредственнымъ учителемъ Бѣлинскаго, —

именно въ „Телескопѣ“ Надеждина мы находимъ слѣдующее объясненіе, „почему романъ Лажечникова читается съ истиннымъ удовольствіемъ. Это происходитъ отъ того, что онъ умѣлъ опутать всѣ выведенныя имъ лица волшебною сѣтью, косй не въ силахъ распутать безпрестанно раздражающееся любопытство. Умѣніе сіе неоспоримо составляетъ одно изъ важнѣйшихъ началъ романической занимательности, и посему-то „Послѣдній Новикъ“, несмотря на разные свои недостатки (идетъ перечисленіе ихъ), возбуждаетъ искреннее къ себѣ участіе“ („Телескопъ“ 1831 г., ч. 4, стр. 513). Какъ видите, то самое, что насъ утомляетъ, въ свое время составляло pièce de resistance романа. Можемъ ли мы нападать на искусственность фигуры хитраго чертенка—сына Ильзы, когда современные рецензенты, вполнѣ одобряя самый типъ, находили только, что онъ сбивается на Вальтеръ-Скоттовскаго Флибертижибета изъ „Кенильворта“? Могутъ ли насъ шокировать необузданныя страсти Ильзы, когда необузданность и „титаничность“ составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей эпохи появленія „Послѣдняго Новика“? Прочтите „Воспоминанія“ Панаева, и вы увидите, что даже такіе мирные чиновники, какъ Кукольникъ, напускали на себя титаничкость и дикость страстей, взятую, конечно, напрокатъ у героевъ „Notre dame De Paris“ и другихъ произведеній только что народившагося романтизма. Можемъ ли мы, наконецъ, нападать на Лажечникова за слишкомъ идеальное изображеніе Петра, Екатерины или за крайне одностороннее отношеніе къ раскольникамъ, когда этотъ недостатокъ исключительно зависѣлъ отъ младенческаго состоянія русской исторіографіи того времени? Этотъ же самый Лажечниковъ лифляндцевъ и Лифляндію описалъ несравненно вѣрнѣе. А отчего? Оттого, что у него для Лифляндіи и лифляндцевъ было много источниковъ—съ перечисленіемъ ихъ мы знакомы,—а для ознакомленія съ Россіею и русскими того же времени почти ничего не имѣлось. Въ тридцатыхъ годахъ Петра знали только по апологіи Голикова и по анекдотамъ Штелина. И такъ какъ затѣмъ у всѣхъ

предъ глазами были плоды петровскаго насажденія цивилизаціи, то удивительно ли, что личность великаго преобразователя была окружена совершенно миѳическимъ ореоломъ. Однимъ изъ пунктовъ западнической „вѣры“ являлось боготвореніе Петра. Если же славянофилы нападали на него, то не касаясь полубожественнаго величія его личности, а только не одобряя направленія этого величія въ сторону гнилого Запада. Лажечниковъ не имѣлъ никакихъ данныхъ держаться иного взгляда на Петра и отступить отъ общаго всей тогдашней интеллигенціи героическаго представленія о немъ. Что же касается Екатерины, то и ея идеализація, весьма просто и вполнѣ извинительно для автора, объясняется піететностью къ памяти ея великаго супруга.

Но если нельзя ставить въ вину Лажечникову слишкомъ пристрастное отношеніе къ Петру, если его вполнѣ можно извинить тогдашнимъ младенческимъ состояніемъ историческаго матеріала, касающагося Петра, то еще менѣе можно обвинить Лажечникова за узко-ортодоксальный взглядъ на раскольниковъ и невѣрное изображеніе личности Андрея Денисова. Давно ли стали у насъ мало-мальски правильно смотрѣть на расколъ, да и стали ли? Мало ли еще и теперь найдется людей между самыми выдающимися представителями передовой интеллигенціи нашей, которые крайне враждебно относятся къ расколу и видятъ въ немъ исключительно дикое невѣжество и фанатическую заскорузлость?

А теперь, высказавши относительно „Новика“ нѣсколько соображеній „отъ себя“, перейдемъ къ тому, что всего важнѣе при оцѣнкѣ всякаго дѣятеля прошлаго—къ отзывамъ современниковъ. Для исторической критики, желающей выяснить дѣйствительное значеніе того или другого литературнаго дѣятеля прошлаго, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе современныхъ рецензій. Конечно, для всемірныхъ геніевъ, стоящихъ такъ-сказать внѣ времени и пространства, современныя рецензіи—вещь второстепенная; геніи велики, съ какой стороны къ нимъ ни подойдешь. Иной разъ современники даже не въ состояніи

понять всего величія того или другого генія, иной разъ оно только потомкамъ и становится ясно. Но для писателя не первоклаcснаго, въ свое время имѣвшаго успѣхъ и пришедшагося вполнѣ подъ общій уровень, современный отзывъ — вещь рѣшающая. То, что позднѣйшему читателю кажется банальностью, въ свое время нерѣдко бывало новымъ открытіемъ, то, что позднѣйшему критику кажется приторнымъ, въ свое время было благоуханнѣйшимъ цвѣткомъ поэзіи и такъ далѣе.

„Послѣдній Новикъ“ не сразу пріобрѣлъ себѣ ту популярность, которою онъ пользовался впослѣдствіи. Это объясняется тѣмъ, что романъ выходилъ по частямъ. Сначала появилась въ альманахѣ „Сиротка“ 1831 г. первая глава первой части, именно „Долина мертвецовъ“, а затѣмъ, въ томъ-же 1831 г., но не одновременно, — первыя двѣ части цѣликомъ. Публика и критика, хотя и страшно интересовались въ то время всякимъ историческимъ романомъ, все-таки очень осторожно отнеслись къ первой части, откладывая свое окончательное сужденіе до окончанія романа. „Сѣвер. Пчела“, напр., ограничилась только краткимъ пересказомъ и прямо заявила, что „по вышедшей первой части нельзя еще судить о цѣломъ романѣ“ (№ 109, 1831 г.) и затѣмъ упрекнула автора за растягиваніе времени выхода. „Весь романъ будетъ въ четырехъ частяхъ. Къ чему выдавать по одной части? Неужели мы должны будемъ ждать каждой части чрезъ годъ, какъ ждемъ продолженія „Монастырки“ (Погорѣльскаго)“? Еще сердитѣе отнесся къ новому роману „Сѣверный Меркурій“. Напомнивши публикѣ, какъ „денежки“ ея пропали за Полевымъ, такъ и не окончившимъ своей „Исторіи русскаго народа“, рецензентъ сердито кончилъ тѣмъ, что „до выхода остальнымъ частей романа г. Лажечникова ничего не можемъ сказать о немъ: ни добраго, ни худого“ (№ 62 за 1831 г.). Но уже появленіе второй части значительно подняло успѣхъ романа. Надеждинскій „Телескопъ“ далъ о немъ чрезвычайно благосклонный отзывъ, съ нѣкоторыми мѣстами котораго мы уже знакомы. Обѣ части романа „душевно порадовали“ кри-

тика „за русскую литературу“ (ч. 4, стр. 509). Дѣйствующія лица романа, по его мнѣнію, „одушевлены истинною жизнью и соединены между собою тѣсными узами. Все у г. Лажечникова вплетено въ одну общую ткань, все прицѣплено къ одному общему интересу. Каждому лицу дана своя удѣльная тяжесть, по силѣ которой оно производитъ бо́льшее или меньшее давленіе на ходъ всего романа. Коротко сказать — романъ г. Лажечникова, своею художественною организаціею, напоминаетъ лучшіе современные европейскіе романы“. По мѣрѣ выхода остальныхъ частей, успѣхъ „Новика“ все больше и больше росъ, а когда онъ вышелъ окончательно, въ 1833 г., Лажечниковъ отодвинулъ на второй планъ всѣхъ до него выступившихъ историческихъ романистовъ, въ томъ числѣ и гремѣвшаго въ то время Загоскина. Лажечниковъ былъ признанъ первымъ русскимъ романистомъ. Та-же самая „Сѣверная Пчела“, которая прежде такъ осторожно отозвалась о „Новикѣ“, теперь писала: „Наконецъ, романъ сей, нетерпѣливо ожиданный многими, явился вполнѣ. Кто вникалъ въ способъ изложенія и пріемы извѣстныхъ писателей, тотъ, конечно, согласится съ нами, что г. Лажечниковъ въ романѣ своемъ не подражалъ ни Вальтеръ-Скотту, ни кому-либо другому изъ славнѣйшихъ современныхъ романистовъ. Видны слѣдствія хорошей начитанности и долговременнаго изученія, но видно также, что авторъ измѣрялъ только по нимъ свои силы, творилъ собственными средствами и, такъ сказать, безъ справокъ съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ предшественниковъ: какъ произвесть то или кончить это? Повсюду замѣтна у него благоразумная отчетливость въ созданіи, не стѣсняющая свободы воображенія, но и не дающая излишней воли своенравнымъ скачкамъ его“. Переходя къ дѣйствующимъ лицамъ романа, критикъ находитъ, что „главное достоинство романа, сочиненнаго г. Лажечниковымъ, то, что почти всѣ лица его дѣйствуютъ, каждое въ своемъ кругу, каждое сообразно своему положенію и назначенію, и что дѣйствія ихъ удачно связаны съ событіями главными, дающими жизнь и

занимательность роману". „Занимательность цѣлаго и подробностей счастливо поддерживается съ начала до конца, и, несмотря на вышесказанную многосложность завязокъ, романъ вездѣ идетъ своимъ порядкомъ, вездѣ герой онаго привязываетъ къ себѣ вниманіе читателя. Тонъ разсказа вообще хорошъ и заманчивъ. Повѣсть послѣдняго Новика и изображеніе Паткуля въ темницѣ и на эшафотѣ написаны мастерскимъ перомъ. Многія картины и сцены романа имѣютъ неотъемлемое достоинство новости вымысла и смѣлости воображенія". Въ заключеніе критикъ пишетъ: „многіе любители чтенія и люди со вкусомъ признали „Послѣдняго Новика" за лучшій изъ русскихъ историческихъ романовъ, доднѣ появившихся. Рецензентъ, послѣ приведенныхъ имъ доказательствъ, вмѣняетъ себѣ въ обязанность объявить, что онъ совершенно раздѣляетъ сіе мнѣніе" („Сѣв. Пчела" 1833 г., №13—15, статья О. Сомова).

Нѣсколько сдержаннѣе отнесся „Московскій Телеграфъ" Полевого. Рецензентъ (судя по тонкости и мѣткости замѣчаній, должно быть самъ Полевой) кое за что пожурилъ автора, но, „безпристрастно указывая на недостатки сочиненія г. Лажечникова, скажемъ съ такимъ же безпристрастіемъ, что оно отличается и великими достоинствами своего рода. Главное: въ немъ есть жизнь, есть поэтическое одушевленіе" (ч. 51, за 1833 г., стр. 328). Не останавливаясь на другихъ похвалахъ рецензента, съ особеннымъ удовольствіемъ приведемъ слѣдующую, касающуюся личности автора: „Скажемъ, наконецъ, что немалое достоинство видимъ мы въ какомъ-то особенномъ простодушіи описаній автора. Читая его, видите прекрасную душу, на которой, какъ на безоблачномъ небѣ, рисуются чуждыя ему облака страстей человѣческихъ. Онъ понимаетъ всѣ оттѣнки ихъ, но смотритъ на нихъ по-своему, и оттого изображаетъ оригинально". Характеристика замѣчательно вѣрная, вполнѣ совпадающая съ тѣмъ, что намъ и изъ другихъ источниковъ извѣстно о прекрасномъ, кроткомъ характерѣ Лажечникова, которому, однакоже, ничто человѣческое не чуждо. Ничто хорошее человѣческое, впрочемъ,

Зло онъ понималъ плохо, и оттого его злодѣи такъ мрачны съ головы до пятокъ: незнакомый съ психологіею зла, Лажечниковъ создавалъ своихъ злодѣевъ схематически.

Но самый лестный и наиболѣе для насъ любопытный и авторитетный отзывъ о „Новикѣ“ далъ Бѣлинскій въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“:

„Г. Лажечниковъ не изъ новыхъ писателей: онъ давно уже былъ извѣстенъ своими „Походными записками офицера“. Это произведеніе доставило ему литературную извѣстность. Но, какъ оно было написано подъ карамзинскимъ вліяніемъ, то, несмотря на нѣкоторыя свои достоинства, теперь забыто, да и самъ авторъ называетъ его грѣхомъ своей юности. Но какъ бы то ни было, а г. Лажечниковъ пользовался по немъ славою литератора, и потому всѣ ожидали его „Новика“. Г. Лажечниковъ не только не обманулъ сихъ надеждъ, но даже превзошелъ общее ожиданіе и по справедливости признанъ первымъ русскимъ романистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, „Новикъ“ есть произведеніе необыкновенное, ознаменованное печатію высокаго таланта. Г. Лажечниковъ обладаетъ всѣми средствами романиста: талантомъ, образованностью, пламеннымъ чувствомъ и опытомъ лѣтъ и жизни. Главный недостатокъ его „Новика“ состоитъ въ томъ, что онъ былъ первымъ, въ своемъ родѣ, произведеніемъ автора; отсюда двойственность интереса, мѣстами излишняя говорливость и слишкомъ замѣтная зависимость отъ вліянія иностранныхъ образцовъ. За то какое смѣлое и обильное воображеніе, какая вѣрная живопись лицъ и характеровъ, какое разнообразіе картинъ, какая жизнь и движеніе въ разсказѣ!“

Вслѣдъ затѣмъ Бѣлинскій кое за что упрекаетъ Лажечникова (за Владиміра), многое хвалитъ и, наконецъ, резюмируетъ: „заключаю: „Новикъ“ обнаруживаетъ въ авторѣ высокій талантъ, удерживаетъ за нимъ почетное мѣсто перваго русскаго романиста“.

Въ публикѣ „Новикъ“ имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ. Въ теченіе перваго же года послѣ выхода всѣхъ частей романа

потребовалось новое изданіе, а чрезъ нѣсколько лѣтъ и третье. А между тѣмъ стоилъ „Новикъ“ ужасно дорого: 20 р. на ассигнаціи, что, принимая въ соображеніе тогдашнюю, сравнительно съ нынѣшнею дороговизною, дешевизну, ни въ какомъ случаѣ не есть меньше 20 р. серебромъ.

Заговоривши о матеріальномъ успѣхѣ Лажечникова, приведемъ кстати еще нѣсколько данныхъ объ этомъ, извлеченныхъ изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи подлинныхъ договоровъ Лажечникова съ разными книгопродавцами. Въ 1836 году Лажечниковъ задумывалъ оставшійся неоконченнымъ романъ „Колдунъ на Сухаревой башнѣ“. Романъ былъ еще только задуманъ, и уже книгопродавецъ Глазуновъ нотаріальною бумагою обязывался уплатить за него *19,000* р. ассигнаціями. Въ этомъ-же году Лажечниковъ заключилъ договоръ съ книгопродавцемъ Ширяевымъ, по которому получалъ за предстоящее изданіе „Басурманъ“ — *20,000* р. асс. Цыфра громадная, свидѣтельствующая о гигантскомъ успѣхѣ. Едва-ли наши современные литературные корифеи получаютъ столько. Недавно сообщалось въ газетахъ, что Гончаровъ продалъ право на *всѣ* свои сочиненія за 25,000 р., а тутъ 20,000 р. за одинъ только романъ, правда, ассигнаціями, но, какъ мы уже сказали только-что и что можетъ быть доказано сравнительнымъ сопоставленіемъ цѣнъ, тогдашній рубль ассигнаціями и теперешній quasi-серебряный положительно равноцѣнны.

Но этотъ-же самый Лажечниковъ въ 1857 году за полное собраніе своихъ сочиненій получилъ уже только 2,750 руб. серебромъ, что и на ассигнаціи-то выйдетъ только около 10,000 руб.

Eheu! fugaces labuntur anni! какъ говоритъ старикъ Горацій.

VIII

Въ 1831 году Лажечниковъ снова поступилъ на службу и былъ назначенъ директоромъ училищъ Тверской губерніи. Когда вышли всѣ части „Послѣдняго Новика“, Лажечниковъ

чрезъ министра народнаго просвѣщенія поднесъ Ихъ Величествамъ экземпляръ своего романа, за что Его Величество Государь Императоръ и Ея Величество Государыня Императрица Всемилостивѣйше пожаловали автору по бриллiантовому перстню. Въ мартѣ 1834 года Лажечниковъ, за ревностную службу, награжденъ всемилостивѣйше 1000 р. асс. Въ 1837 году, за „благоразумныя распоряженія и дѣятельность въ приведеніи учебныхъ заведеній Тверской губерніи въ должный порядокъ и устройство", ему изъявлена благодарность отъ попечителя Московскаго округа графа Строгонова. Въ 1837 году Лажечниковъ снова вышелъ въ отставку, награжденный полною пенсіею и правомъ ношенія директорскаго мундира.

Таковы рамки формулярнаго списка за періодъ вторичной службы нашего романиста, въ продолженіе которой онъ успѣлъ окончить „Новика" и написать „Ледяной домъ".

Болѣе интимныя свѣдѣнія о тверскомъ періодѣ жизни Лажечникова находимъ мы въ „Воспоминаніяхъ" извѣстной Татьяны Пассекъ. Страницы, посвященныя г-жею Пассекъ воспоминаніямъ о близкомъ знакомствѣ ея и мужа ея—даровитаго Вадима Пассека—съ Лажечниковымъ, крайне характерно обрисовываютъ симпатичную личность нашего романиста, и потому приводимъ ихъ цѣликомъ:

„Зимой (1834 г.) мы (г-жа Пассекъ и ея мужъ) поѣхали погостить къ отцу въ Тверь. Однажды, посѣтивъ балъ въ благородномъ собраніи, въ толпѣ я замѣтила человѣка невысокаго роста, съ игривыми чертами лица, выражавшими дѣтское простосердечіе и яркій юморъ. Небольшіе глаза его, смотрѣвшіе наблюдательно, какъ бы улыбались шутливо; надъ высокимъ лбомъ былъ высоко приподнятъ вверхъ цѣлый лѣсъ волосъ съ просѣдью. Движенія его были торопливы и робки.

„— Кто это такой?—спросила я одну даму, указывая на него.

„— Иванъ Ивановичъ *Лажечниковъ*,—отвѣчала она,—директоръ гимназіи, писатель.

„— Авторъ „Послѣдняго Новика“?—поспѣшно прервала я ее.—Это нашъ первоклассный романистъ! Что за прелесть его „Новикъ“! Если вы знакомы съ нимъ, сдѣлайте одолженіе, представьте ему насъ.

„Спустя нѣсколько минутъ, Лажечниковъ уже сидѣлъ между мною и Вадимомъ, и у насъ шелъ такой оживленный разговоръ, что мы не замѣчали, какъ мимо насъ мелькали танцующія пары, и не слышали, какъ гремѣлъ оркестръ музыки.

„Съ перваго дня нашего знакомства съ Иваномъ Ивановичемъ, мы такъ сблизились, что въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ Твери, рѣдкій день съ нимъ не видались. Въ этотъ-то періодъ времени Иванъ Ивановичъ писалъ свой романъ „Ледяной домъ“ и постоянно читалъ намъ изъ него отрывки въ рукописи, входя такъ глубоко въ роли героевъ и въ событія, что чувства, мысли ихъ отражались въ чертахъ его лица, въ его голосѣ, и картины оживали. Лажечникова чрезвычайно забавляли наши разсказы о странностяхъ, оригинальныхъ капризахъ и выходкахъ Ивана Алексѣевича *Яковлева* (отца Герцена). Его уединенный образъ жизни, три польскія собачки, постоянно находившіяся при немъ и, съ того времени какъ Александръ (Герценъ) поступилъ въ университетъ, а я вышла замужъ, замѣнявшія насъ; его поношенный халатъ на мерлушкахъ, красная шапочка съ лиловой кисточкой, мѣшанье въ печи дровъ, — все это такъ нравилось Лажечникову, что онъ принарядилъ этими странностями добродушнаго чудака совѣтника и при насъ же вмѣстилъ въ свой „Ледяной домъ“.

Разсказавши затѣмъ о разныхъ своихъ тверскихъ знакомыхъ, г-жа Пассекъ продолжаетъ: „Никто такъ искренно и глубоко не привязался къ намъ, какъ Лажечниковъ.

„Почувствовавши къ кому-нибудь симпатію, онъ отдавался весь, пылко, искренно, какъ юноша. Онъ и былъ юноша, несмотря на свои сорокъ лѣтъ. По живости чувствъ и впечатлительности—казался ровесникомъ Вадима.

„Онъ былъ юноша изъ числа той фаланги юношей, которые названы Александромъ (Герценомъ) героическими дѣтьми, выросшими на мрачной поэзіи Жанъ-Жака, къ которымъ онъ причисляетъ всѣхъ дѣтей революціи и которыя въ нашъ настоящій дѣловой вѣкъ встрѣчаются такъ рѣдко, такъ рѣдко, какъ *южная птица у полюсовъ*. Быть молодымъ еще не значитъ быть юнымъ. Можно встрѣтить старика лѣтъ двадцати и юношу лѣтъ въ пятьдесятъ. Для одного юность — эпоха, для другого — цѣлая жизнь. Въ юности есть нѣчто, долженствующее проводить до гроба, но, конечно, не все. Юношескія грезы смѣшны и жалки въ человѣкѣ старомъ. До гроба должна сохраниться юношеская энергія, безпрерывно обновляющаяся, развивающаяся, почти не имѣющая способности старѣться, она по преимуществу — душа живая. Такова натура реальная, — сказано въ «*Капризахъ и раздумьѣ*». Таковъ былъ Иванъ Ивановичъ *Лажечниковъ*.

„Онъ женился на первой женѣ своей, будучи еще очень молодымъ, находясь адъютантомъ при генералѣ, не помню какомъ. Онъ увезъ ее изъ дѣвичьей, изъ-за пялецъ, какъ-то черезъ окно. Это была женщина разсудительная, хладнокровная, которая любила и берегла его, какъ нянька ребенка, но постояннымъ наблюденіемъ и замѣчаніями стѣсняла до того, что онъ робѣлъ передъ нею, былъ покоренъ, и, выкинувши какую-нибудь неосторожную штуку или нарушивши программу порядка образа жизни, терялся и таился, какъ напроказившее дитя. Мы нерѣдко проводили у нихъ цѣлые дни, еще чаще онъ проводилъ у насъ во флигелѣ вечера, засиживаясь далеко за полночь. Вдали отъ сдерживающаго взора жены, онъ весь отдавался многостороннимъ интересамъ разговора и такъ свѣжо, сердечно хохоталъ, иногда бездѣлицѣ, что заражалъ своей жизненностью все его окружавшее, и самый воздухъ, казалось, проникался молодой жизнью его души.

„Иногда, слишкомъ поздно засидѣвшись, онъ вдругъ схватывался, какъ-бы опомнясь отъ угара, улыбался улыбкой виноватаго, предчувствующаго наказаніе, и торопливо начиналъ

сбираться домой, часто говоря: „бѣда, какъ это всегда съ вами заговоришься, Вадимъ Васильевичъ“, и, точно теперь вижу, какъ онъ, уже закутавшись въ шубу, лукаво выглядывая изъ-за мѣхового воротника, поднятаго выше ушей, иногда добавлялъ: „вы точно свѣтлая звѣздочка взошли на на нашемъ тверскомъ горизонтѣ, такъ и тянетъ любоваться вами; не закатывайтесь отъ насъ подальше“ [1]).

Когда въ ноябрю 1834 г. супруги Пассекъ поселились въ Харьковѣ, они получили отъ Лажечникова слѣдующее любопытное письмо, сквозь которое такъ и видна чистая душа Лажечникова:

„Знаю, что добрый, милый Вадимъ Васильевичъ не причтетъ мое молчаніе къ забвенію: сойдясь разъ душою съ человѣкомъ, не могу его разлюбить. Къ такому человѣку хотѣлось бы писать въ часы, когда грудь не отягчена заботой ежедневной прозы, мысли не сжались отъ формальныхъ бумагъ и приличій свѣта, сердце проситъ бесѣды съ другимъ сердцемъ. Улучая такія минуты, пишу къ вамъ.

„Читалъ я ваши „Записки“ и сколько въ нихъ поэзіи, души юной, кипящей любовью къ родинѣ и благу человѣчества! Много въ нихъ и свѣжихъ, зоркихъ наблюденій, свѣтлыхъ идей! Видно только, что все это высыпано въ без-

---

[1]) Г-жа Пассекъ едва-ли сообщаетъ вѣрныя свѣдѣнія о первой женѣ Лажечникова. Прежде всего не думаемъ, чтобы была вѣрна исторія съ похищеніемъ ея. Первая жена Лажечникова, по словамъ г. Нелюбова, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи нѣкоторые автобіографическіе матеріалы, была «бѣдная, но замѣчательно красивая дѣвушка, воспитанница графа Остермана-Толстого». Если бы Лажечниковъ дѣйствительно похитилъ ее, едва ли Остерманъ продолжалъ бы съ нимъ дружескія отношенія, а между тѣмъ мы знаемъ, что черезъ годъ послѣ свадьбы (она произошла въ 1819 г.) Лажечникова, Остерманъ рекомендовалъ его Магницкому.

Можетъ быть, не совсѣмъ точно и остальное, сообщаемое о первой женѣ Лажечникова. По крайней мѣрѣ, г. Нелюбовъ сообщаетъ, что «бракъ этотъ былъ вполнѣ счастливый и омрачался только смертью дѣтей, которыя всѣ умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ». (Русск. Вѣст. 1869 г. № 10, стр. 579).

порядкѣ изъ груди, которая не могла долѣе носить ихъ въ себѣ, что это эскизъ великолѣпнаго зданія — части, отрывки прекрасные, но нѣтъ цѣлаго. Между тѣмъ, любуешься и подмѣчаешь пылъ творчества; оно обѣщаетъ истиннаго художника.

„Плюньте на судъ Брамбеуса и его шайки, нападающей на все прекрасное, старающейся вырвать или истоптать цвѣтъ, обѣщающій плѣнять насъ. Я напередъ скажу: буду гордиться, если баронъ побранитъ мой „Ледяной домъ“. Пишите смѣло, но давайте вашимъ твореніямъ, какъ говорятъ французы, plus de consistance, сплачивайте ихъ въ нѣчто великое, цѣлое. Болѣе всего — не спѣшите издавать. Я самъ боюсь за „Ледяной домъ“, который, сверхъ того, что пишется за деньги, — и это ужь отрѣзываетъ крылья у вдохновенія, — будетъ скороспѣлка. Знаю, что идея хороша, но врядъ-ли исполненіе ей будетъ соотвѣтсвовать.

„Какъ жаль, что васъ здѣсь нѣтъ!... хотѣлъ-бы бесѣды вашей, чистой, первородной — въ ней черпалъ бы я новое вдохновеніе и силы жить въ *свѣтѣ*...

„Люблю васъ, знаю, что и вы меня любите; продолжайте меня любить попрежнему; пишите ко мнѣ, когда можно, обо всемъ, что около васъ дѣлается, о вашей природѣ, но болѣе всего о себѣ; въ васъ обоихъ прекрасный храмъ ея, не оскверненный ни однимъ изъ тѣхъ позлащенныхъ идоловъ, которые большой свѣтъ называетъ умѣньемъ жить и которые мы называемъ пороками“ („Русская Старина“ 1876 годъ, іюль, стр. 540 — 544).

Коснувшись личнаго характера Лажечникова, приведемъ тутъ-же, для большей рельефности, и другія имѣющіяся у насъ свѣдѣнія относительно душевной физіономіи автора „Ледяного дома“. Сконцентрированныя вмѣстѣ, всѣ эти свѣдѣнія, относящіяся къ разнымъ годамъ жизни Лажечникова, въ удивительно симпатичномъ свѣтѣ рисуютъ намъ ансамбль прекрасной личности его.

„Лажечниковъ располагаетъ къ себѣ съ перваго взгляда своею кротостью, мягкостью, благодушіемъ“... пишетъ Панаевъ

въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“. „Онъ настоящій поэтъ, увлекающійся, безпечный, исполненный фантазій, чуждый всякаго практическаго такта, не уживающійся съ дѣйствительностью и не входящій съ нею ни въ какія сдѣлки. Онъ занималъ довольно значительную административную должность, но служба никогда не везетъ такимъ людямъ, и Лажечниковъ вышелъ въ отставку, разстроивъ свои дѣла и наживъ себѣ бездну непріятностей и хлопотъ. Для того, чтобы увеличить свой пенсіонъ, онъ принужденъ былъ въ послѣднее время (1856—58 г.) принять на себя должность цензора; но въ этой должности, въ безпрестанной борьбѣ между своею обязанностью и своими убѣжденіями, онъ былъ истиннымъ страдальцемъ. Дослужившись до пенсіона, онъ тотчасъ-же оставилъ цензорство и говорилъ, что это счастливый день въ его жизни...

„Благодушіе Лажечникова часто доходило до дѣтской довѣрчивости, до трогательной наивности.

„Когда умеръ Загоскинъ, Лажечникова, который искалъ въ это время мѣста, одинъ изъ его знакомыхъ, человѣкъ очень серьезный, но съ нѣкоторымъ расположеніемъ къ юмору, увѣрилъ, что вакантное мѣсто директора московскихъ театровъ принадлежитъ ему по праву, что Загоскинъ былъ сдѣланъ директоромъ именно за то, что написалъ „Юрія Милославскаго“ и „Рославлева“.

„— Кому-же, — прибавилъ юмористъ, — какъ не вамъ, автору „Послѣдняго Новика“ и „Ледянаго дома“, принадлежитъ это мѣсто?...

„— Да къ кому-же мнѣ адресоваться? — спросилъ его Лажечниковъ.

„— Отправляйтесь къ директору канцеляріи министра Двора... Вы не знакомы съ нимъ лично, но это ничего: васъ знаетъ вся Россія, къ тому-же директоръ былъ самъ литераторомъ, онъ любитъ литературу, и я увѣренъ, что онъ приметъ васъ отлично и все устроитъ вамъ съ радостью... Ему только стоитъ сказать слово министру Двора...

„Я слышалъ этотъ разсказъ изъ устъ самого Лажечникова.

„Я по наивности принялъ это серьезно, — говорилъ мнѣ Лажечниковъ, — и отправился къ директору.

„Меня ввели въ комнату, гдѣ уже было нѣсколько просителей, замѣтивъ, что надо обождать, что генералъ занятъ. Мы ждали директора съ полчаса... наконецъ, его превосходительство входитъ; переговоривъ съ нѣсколькими просителями, онъ обратился, наконецъ, ко мнѣ:

„— Ваша фамилія? — спросилъ онъ меня.

„— Лажечниковъ.

„— Вы авторъ „Ледянаго дома“?

„— Точно такъ, ваше превосходительство.

„— Не угодно-ли пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ?

„Мы вошли туда... — „Милости прошу, — сказалъ директоръ, — не угодно-ли вамъ сѣсть“? И самъ сѣлъ къ своему столу. — „Что вамъ угодно?“ — спросилъ онъ. Сухой, вѣжливый тонъ свысока нѣсколько смутилъ меня. „Кажется, я сдѣлалъ величайшую глупость“, подумалъ я; однако, ретироваться было уже поздно, и я не безъ смущенія объявилъ ему, что желалъ-бы получить мѣсто Загоскина. Когда я произнесъ это, я видѣлъ, что лицо его превосходительства подернулось ироніей; я пришелъ отъ этого еще въ большее смущеніе и, если бы можно было, убѣжалъ-бы отъ него безъ оглядки, не дождавшись никакого отвѣта...

„— Какъ... я не дослышалъ... Что такое? Какое мѣсто?“ — произнесъ директоръ, устремляя на меня рѣзкій взглядъ. Я, проклиная внутренно свою довѣрчивость, повторилъ глухо. — „мѣсто директора московскихъ театровъ“. Его превосходительство такъ улыбнулся, что я не знаю, чего-бы я не далъ въ эту минуту, только-бы не видать этой улыбки.

„— Какое-же вы имѣете право претендовать на это мѣсто“? Я не совсѣмъ связно отвѣчалъ ему, что такъ-какъ Загоскинъ, вѣроятно, получилъ это мѣсто вслѣдствіе своей литературной извѣстности, то я полагалъ, что, пользуясь

также нѣкоторою литературною извѣстностью, могу надѣяться... Но директоръ прервалъ меня съ явною досадою...

„— Напрасно вы думаете, что Загоскинъ имѣлъ это мѣсто вслѣдствіе того, что сочинялъ романы... Покойный Михайло Николаевичъ былъ лично извѣстенъ Государю Императору, — вотъ почему онъ былъ директоромъ. На такомъ мѣстѣ самое важное — это *счетная часть*, тутъ литература совсѣмъ не нужна, она даже можетъ вредить, потому что господа литераторы вообще плохіе счетчики. На это мѣсто, вѣроятно, прочатъ человѣка опытнаго, знающаго хорошо администрацію, притомъ человѣка заслуженнаго и въ чинахъ...

„ Я сидѣлъ какъ на иголкахъ. При этихъ словахъ я вскочилъ со своего стула и началъ неловко извиняться и оправдываться въ томъ, что обезпокоилъ его превосходительство. — „Ничего, ничего, — проговорилъ онъ, — я сожалѣю, что не могу быть вамъ полезнымъ, но я вамъ долженъ сказать откровенно, что вамъ никакъ нельзя было претендовать на такое мѣсто“... Я не знаю, какъ я вышелъ отъ директора...

„— Ну, нечего сказать, славную штуку сыграли вы со мной, — сказалъ я моему знакомому, посовѣтовавшему мнѣ отправиться къ директору, — и передалъ ему, какой пріемъ былъ сдѣланъ мнѣ.

„— Скажите! — отвѣчалъ онъ добродушно, — а я вѣдь, право, думалъ, что онъ, какъ литераторъ, приметъ васъ, нашего перваго романиста, съ распростертыми объятіями и готовъ будетъ все сдѣлать для васъ. Вотъ какъ иногда ошибаешься въ людяхъ! Ну, кто бы могъ это предвидѣть? Ахъ, какъ жаль, какъ жаль! Да я и представить себѣ не могу, кого-же они назначатъ на это мѣсто? Я все-таки убѣжденъ, что оно, по всѣмъ правиламъ, принадлежитъ вамъ“.

„Лажечниковъ не столько досадовалъ на директора канцеляріи и на господина, посовѣтовавшаго ему идти къ нему, сколько на самого себя: самъ подсмѣивался надъ своею довѣрчивостью и наивностью“...

„Немногіе даже изъ замѣчательныхъ людей“, резюмируетъ Панаевъ, „сберегаютъ до старости то живое начало, ту смѣлость духа, тѣ благородныя стремленія, которыя одушевляли ихъ и давали имъ силу въ молодости. На такихъ старичковъ, благословляющихъ, а не клянущихъ новыя поколѣнія, смотрѣть легко и отрадно. Они одушевляютъ юность на подвиги и вселяютъ въ нее ту вѣру, безъ которой мертвы дѣла“ (стр. 346—350).

Чтобы оцѣнить значеніе отзыва Панаева, нужно вспомнить, что онъ писанъ при жизни Лажечникова. По какому-то непонятному логическому капризу, у насъ принято сколько угодно ругать живого человѣка, нисколько не щадя личныхъ качествъ его, но хвалить живого человѣка за хорошія стороны характера—не принято: конфузимся. Вотъ почему лестный отзывъ Панаева и знаменателенъ чрезвычайно.

Не менѣе лестенъ отзывъ о личныхъ качествахъ Лажечникова, который находимъ въ рѣчи А. Н. Островскаго, сказанной имъ на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ литературной дѣятельности нашего писателя:

„Я позволю себѣ упомянуть объ отношеніяхъ Ивана Ивановича къ русской жизни и къ литераторамъ, вступавшимъ на литературное поприще спустя много лѣтъ послѣ него, объ отношеніяхъ, которыя могутъ быть не совсѣмъ извѣстны читающей публикѣ. Онъ всегда шелъ за вѣкомъ, радовался всякому движенію впередъ на пути цивилизаціи и до глубокой старости юношески сочувствовалъ всѣмъ благимъ реформамъ. Въ отношеніи къ литературѣ и литераторамъ онъ одинъ, изъ весьма немногихъ, не старѣлъ душой: онъ не ставилъ начинающимъ талантамъ въ вину ихъ молодость, никогда высокомѣрною, покровительственною рѣчью не оскорбилъ онъ начинающаго писателя. Въ продолженіе 50-ти лѣтъ всѣ художественные дѣятели были ему современники и товарищи. Съ первыхъ словъ, съ первымъ пожатіемъ руки, онъ становился съ молодымъ талантомъ, который могъ бы ему быть сыномъ или внукомъ, въ отношенія самыя простыя и дружественныя,

въ такія отношенія, какъ будто они оба начали писать въ одно время. Этой черты намъ, молодымъ относительно его литераторамъ, забыть невозможно. Мальчишекъ въ искусствѣ для него не было. Оттого и юбилейный праздникъ Ивана Ивановича богатъ теплымъ чувствомъ и простымъ, истинно родственнымъ привѣтомъ, а не той холодной, натянутой почтительностью, которою отличаются другія юбилейныя торжества".

Итакъ, вотъ сколько свидѣтельствъ! Бѣлинскій, который всегда „любилъ и уважалъ" Лажечникова, Полевой (съ Полевымъ, какъ видно изъ статьи: „какъ я зналъ Магницкаго", Лажечниковъ познакомился въ 1829 г.; слѣдовательно, извѣстный намъ отзывъ о „Послѣднемъ Новикѣ" съ намеками на характеръ автора—есть результатъ прямого знакомства съ прекрасной личностью Лажечникова), Панаевъ, Татьяна Пассекъ, Островскій. Къ этому можно присоединить крайне симпатичные отзывы, которые намъ устно приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ литераторовъ, знавшихъ Лажечникова въ послѣдніе годы его жизни. Взгляните, наконецъ, сами, читатель, на приложенный къ настоящему очерку портретъ, и несомнѣнно, что, даже не обладая талантами Лафатера, вы въ этомъ симпатичномъ и добромъ лицѣ увидите отраженіе души прекрасной и чуткой ко всему хорошему и благородному.

Но и помимо разныхъ свидѣтельствъ и физіономистики—есть-ли хоть одинъ писатель, произведенія котораго не были-бы тѣсно переплетены съ личностью его и не служили-бы выраженіемъ душевныхъ качествъ его. Не служатъ-ли намъ поэтому лучшимъ и рельефнѣйшимъ свидѣтельствомъ о свойствахъ души Лажечникова его романы, драмы и воспоминанія, гдѣ столько наивной, но тѣмъ не менѣе столько чистой вѣры въ добро, столько отвращенія къ лести, пресмыкательству и чванству. Всего любопытнѣе и характернѣе тѣ мѣста многочисленныхъ воспоминаній Лажечникова, гдѣ онъ пробуетъ сердиться. Бурлитъ, бурлитъ добродушный старичокъ, ворчитъ и даже иной разъ бранится. И хоть-бы единая капля дѣйствительной злости во всемъ этомъ!

IX

Въ Твери, какъ мы уже знаемъ, Лажечниковъ написалъ второе крупное произведеніе свое — „Ледяной домъ“, прямо вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ въ 1835 году. „Ледяной домъ“ несомнѣнно лучшее произведеніе Лажечникова. Выражаясь по-старинному, это наиболѣе яркій алмазъ въ поэтической коронѣ нашего романиста, блескъ котораго не потускнѣлъ и до нашего времени. Время только въ томъ отношеніи повліяло на него, что блескъ этотъ виденъ не со всякой точки зрѣнія: нужно подойти извѣстнымъ образомъ.

Прежде всего нужно отбросить научно-историческую точку зрѣнія, т.-е. не нужно искать въ „Ледяномъ домѣ“ строгаго, буквальнаго соотвѣтствія съ дѣйствительными историческими событіями. Новѣйшая ученая критика доказала, что главный герой романа—Волынскій въ дѣйствительности былъ весьма не возвышенный честолюбецъ, надѣленный всѣми грубыми недостатками своего времени, запятнавшій себя не одною мерзостью. Манштейнъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ о Волынскомъ, какъ о человѣкѣ хотя и умномъ, но тщеславномъ, напыщенномъ, сварливомъ, а гдѣ нужно — льстивомъ. Изъ слѣдственнаго дѣла Волынскаго видно, что онъ и взятки бралъ превосходно, и вымогательства всевозможныя позволялъ себѣ, и людей до смерти заколачивалъ. Во время своего губернаторства въ Казани и потомъ, ставши министромъ, Волынскій, подъ видомъ займа, вымогалъ у разныхъ лицъ огромнѣйшія суммы. Полицейскаго служителя за то, что, проходя мимо его дома, онъ не снялъ шапки, Волынскій велѣлъ отодрать кошками. Одного изъ конюховъ своихъ, за какую-то провинность, заставилъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ходить по деревяннымъ спицамъ вокругъ столба; мичмана кн. Мещерскаго Волынскій посадилъ на деревянную кобылу, предварительно вымазавъ ему лицо сажею, и затѣмъ привязалъ къ его ногамъ гири и живыхъ собакъ. Словомъ, личность не

особенно красивая и во всякомъ случаѣ нисколько не выдававшаяся душевными качествами среди современниковъ, какъ это выходитъ по „Ледяному дому“. Вся его „патріотическая“ оппозиція была въ сущности подкопомъ подъ Остермана и желаніемъ сѣсть на его мѣсто. Бирона онъ вовсе и не задѣвалъ, а когда Остерманъ, для своей безопасности, возстановилъ герцога противъ Волынскаго, послѣдній тотчасъ же поскакалъ умилостивлять гнѣвъ Бирона, но не былъ принятъ имъ.

Вотъ что выяснено новѣйшей исторіографіей, обнародованіемъ слѣдственнаго дѣла Волынскаго, статьями Іакинфа Шишкина, Афанасьева и др. Но и Пушкинъ еще, со свойственной ему геніальною прозорливостью, основываясь на фактѣ избіенія Волынскимъ Тредьяковскаго, чувствовалъ, что Лажечниковъ идеализировалъ своего героя. „Истина историческая не соблюдена въ „Ледяномъ домѣ“, — писалъ онъ Лажечникову, — „и это современемъ, конечно, повредитъ вашему созданію“. Кромѣ Волынскаго въ невѣрномъ свѣтѣ выставленъ Тредьяковскій, по отношенію къ которому Лажечниковъ поступилъ какъ разъ наоборотъ: одною только черною краской пользовался. Въ такой же степени, въ какой Волынскій — излюбленное дитя фантазіи автора, Тредьяковскій — пасынокъ ея.

Несправедливое отношеніе Лажечникова къ Тредьяковскому было подчеркнуто и современною появленію „Ледяного дома“ критикою, а всего сильнѣе Пушкинымъ, который въ цитированномъ уже письмѣ къ Лажечникову (помѣщено въ статьѣ „Какъ я познакомился съ Пушкинымъ“) горячо взялъ подъ свою защиту бѣднаго автора „Телемахиды“ отъ незаслуженнаго глумленія надъ нимъ Лажечникова и искаженія его дѣйствительнаго характера.

Да, все это несомнѣнно. Хотя также несомнѣнно, однакоже, что весьма многое уловлено Лажечниковымъ вполнѣ вѣрно. Тѣ главы, гдѣ не дѣйствуютъ Волынскій и Тредьяковскій, вѣрны и съ точки зрѣнія ученой критики. Характеръ Анны, шуты, „языкъ“, ледяной домъ, все это обрисо-

вано ярко, типично, выразительно, не только съ художественной точки зрѣнія, но и съ строго-исторической. Заслуживаетъ большого вниманія та простота, съ которою Лажечниковъ отнесся къ Аннѣ. Булгаринъ, Гречъ и другіе представители внѣшне-патріотическаго лагеря не позволили бы себѣ такой простоты, почли бы ее дерзостью.

Но предположимъ даже полную историческую невѣрность „Ледяного дома“,—потеряетъ ли онъ отъ этого свое значеніе? Едва-ли. Прежде чѣмъ быть *историческимъ* романомъ. „Ледяной домъ“ есть просто романъ, т.-е. художественное произведеніе, посвященное анализу и характеристикѣ человѣческихъ страстей. А „въ произведеніи искусства“, скажемъ мы словами Бѣлинскаго, „должно искать соблюденія художественной, а не исторической истины. Что за важность, что Шиллеръ, изъ Карлоса, непокорнаго сына и дурного человѣка, сдѣлалъ идеалъ возвышеннаго, благороднаго человѣка? Что намъ за нужда, что Гете изъ восьмидесятилѣтняго старика Эгмонта, отца многочисленнаго семейства, сдѣлалъ молодого, кипящаго избыткомъ жизни юношу? Онъ хотѣлъ изобразить не Эгмонта, а кипящаго избыткомъ духовныхъ силъ юношу въ положеніи Эгмонта. Исторія услужила ему только „поэтическимъ“ положеніемъ, а главное дѣло въ томъ, что его драма — великое произведеніе великаго художника. Кто хочетъ знать исторію, тотъ учись ей не по романамъ и драмамъ“ (т. III, стр. 13).

И вотъ, если отнестись къ „Ледяному дому“ просто какъ къ роману, онъ становится явленіемъ замѣтнымъ, а если еще принять во вниманіе время его появленія, то и очень замѣтнымъ. Но, конечно, для того, чтобы уяснить себѣ это значеніе, нужно подойти исключительно съ психологической точки зрѣнія. Нужно забыть, что Волынскій—пожилой царедворецъ начала нынѣшняго столѣтія, да еще представитель старыхъ „русскихъ“ идеаловъ, который на любовныя отношенія къ молодой дѣвушкѣ могъ смотрѣть исключительно какъ на распутство; нужно забыть, что Маріорица воспитанница гарема,

въ которой едва-ли можетъ развиться любовь на европейскій образецъ. Да, нужно отвлечь фигуры Волынскаго и Маріорицы отъ современной имъ эпохи, и вы тогда получите глубокоправдивую и трогательную повѣсть о любви двухъ сердецъ, которымъ условія жизни не даютъ насладиться всею полнотою заслуженнаго ими счастія. Въ этомъ отношеніи „Ледяной домъ“, можетъ быть, первая въ русской литературѣ проповѣдь *свободы чувства*. Правда, самъ же Лажечниковъ нѣсколько морализируетъ по адресу Волынскаго и слегка подчеркиваетъ „незаконность“ любви отъ живой жены, но именно только нѣсколько и только слегка, какъ ворчитъ всякій добродушный человѣкъ, которому и душевно жаль видѣть ваши терзанія, но которому все-таки зазорно потворствовать „грѣху“. Непосредственно послѣ ворчанія, пожуривши Волынскаго, Лажечниковъ пламенно распространяется о неотразимости любви, о томъ, что она всецѣло охватываетъ человѣка, туманитъ мозгъ и сердце и т. д. Маріорицу же онъ во все продолженіе романа отстаиваетъ грудью. Даже узнавши про то, что Волынскій женатъ, она, съ полнаго, такъ сказать, благословенія автора, продолжаетъ его любить и пишетъ ему письмо, полное такого пренебреженія ко всѣмъ установленнымъ регламентаціямъ чувства, что съ перваго раза удивительно, какъ современные блюстители благонравія не растерзали за него Лажечникова. Но это объясняется очень просто. Не обративши вниманія на тѣ мѣста письма, гдѣ Маріорица съ логикою здраваго и искренняго чувства говоритъ, что извѣстіе о женитьбѣ Волынскаго пришло слишкомъ поздно, что она не можетъ же перемѣнить себя, не можетъ покинуть любви своей, потому что „она сильнѣе ея“, — критика того времени все сводила къ фатализму, который, дѣйствительно, играетъ большую роль въ исторіи любви Маріорицы къ Волынскому. Дѣйствительно, желая придать любви Маріорицы то, что называется couleur locale, Лажечниковъ сначала заставляетъ стараго пашу, воспитывавшаго Маріорицу, говорить ей въ шутку, что онъ отдастъ ее въ подарокъ русскому послу Волынскому,

затѣмъ этотъ же Волынскій попадается Маріорицѣ на первыхъ же порахъ ея пребыванія въ Петербургѣ и, наконецъ, на святочномъ гаданіи дѣло опять устраивается такъ, что на вопросъ о суженомъ Маріорицы получается въ отвѣтъ—„Артемій“—имя Волынскаго, такъ что формально правъ былъ Бѣлинскій, когда, наравнѣ съ другими критиками того времени, резюмировалъ весь ходъ событій, приведшихъ Маріорицу къ тому, чтобы влюбиться въ Волынскаго, словами: „фатализмъ чудеситъ“. Вслѣдъ затѣмъ Бѣлинскій задаетъ себѣ вопросъ, какъ же любила Маріорица Волынскаго, и отвѣчаетъ: „она любила его какъ восточная женщина“. Въ доказательство онъ приводитъ отрывокъ изъ письма Маріорицы къ Волынскому: „Я вся твоя! Имѣй сто женъ, сто любовницъ—я твоя, ближе, чѣмъ кора при деревѣ, растеніе при землѣ. Дѣлай изъ меня что хочешь, какъ изъ вещи, которая тебя утѣшаетъ и которую, измявши, можешь покинуть, какъ изъ плода, который ты воленъ высосать и бросить!... Я создана на это; мнѣ это опредѣлено при рожденіи моемъ“. Но стоитъ, однакоже, внимательнѣе отнестись къ окончанію письма, и мы увидимъ, что Бѣлинскій былъ не правъ, что Маріорица любила не какъ восточная женщина, а какъ европейская, и именно того фазиса европейской мысли, когда было сознано, что только сама же любовь можетъ устанавливать для себя законы. „Говори мнѣ, что хочешь, противъ себя“, пишетъ Волынскому Маріорица: „пускай цѣлый міръ видитъ въ тебѣ дурное: я ничего не слышу, ничего не вижу, кромѣ тебя — прекраснаго, возвышеннаго, обожаемаго мною! Ты виноватъ предо мною?... Никогда! Ты преступникъ изъ любви-жъ ко мнѣ: могу-ль тебя наказывать? *Скажи мнѣ только, милый, безцѣнный другъ, что ты не любишь жены;* повтори мнѣ это нѣсколько разъ: мнѣ будетъ легче“. Въ этихъ немногихъ словахъ цѣлая теорія любви, идущая совершенно въ разрѣзъ съ установленными шаблонами и не имѣющая даже отдаленнаго сходства съ примитивными восточными понятіями о любви. Цѣлый міръ“ ничто для рѣшенія сердца — оно

само для себя единственный судья и законодатель. Неужели-же тутъ хоть крупица восточнаго? Развѣ не этотъ принципъ сдѣлалъ всемірно извѣстнымъ имя Жоржъ Зандъ? „Скажи мнѣ только, что ты не любишь жены“—развѣ эти слова не даютъ фразѣ „имѣй сто женъ, сто любовницъ—я твоя“ освѣщеніе діаметрально противоположное тому, какое мы находимъ у Бѣлинскаго. Не значитъ-ли оно вотъ что: будь ты связанъ какими угодно *формальностями*, но разъ ты *не любишь* тѣхъ, или, вѣрнѣе, *ту* (потому что „сто женъ, сто любовницъ“ есть, конечно, только façon de parler), съ которыми судьба тебя связала, ты воленъ полюбить другую, ты воленъ располагать сердцемъ своимъ по собственному усмотрѣнію.

Что это наше толкованіе правильнѣе объясненія образа дѣйствій Маріорицы восточнымъ фатализмомъ и восточными понятіями о любви, можно, какъ намъ кажется, безусловно рѣшающе доказать *общимъ характеромъ всѣхъ излюбленныхъ женскихъ фигуръ Лажечникова*. Основная черта лучшихъ женскихъ характеровъ Лажечникова та, что, пренебрегая мнѣніями и правилами „цѣлаго міра“, онѣ поступаютъ такъ, какъ имъ диктуетъ сердце. Уже въ юношеской повѣсти Лажечникова „Спасская лужайка“ Агата вмѣстѣ съ Леонсомъ находитъ, что природа дала имъ „святыя права“, столь-же важныя, какъ и „законы свѣта“. Роза изъ „Новика“—это апогей пренебреженія шаблонами, а колѣнопреклоненіе предъ нею Лажечникова показываетъ, какъ глубоко было развито въ немъ сознаніе того, что въ дѣлѣ чувства все простительно, что искренно и цѣльно. Наконецъ, Анастасія изъ „Басурмана“ опять представляетъ собою протестъ противъ путъ и преградъ, которыя людская тупость и ограниченность ставятъ на каждомъ шагу всякому чувству, родившемуся безъ приноровленія къ установленнымъ нормамъ. Да и, наконецъ, въ исторіи любви Маріорицы можно-ли себѣ представить болѣе рѣзкое пренебреженіе всѣми шаблонными схемами любви, чѣмъ „Ночное свиданіе“ въ Ледяномъ домѣ. Цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ спустя, Тургеневъ поднялъ противъ себя бурю негодованія

всѣхъ матушекъ и тетушекъ тою главою изъ „Наканунѣ“, гдѣ Елена приходитъ къ Инсарову и говоритъ ему: „возьми меня“. Сколько-же моральной инціативы нужно было Лажечникову, чтобы дойти до такой смѣлости. Въ этомъ отношеніи Лажечниковъ настолько переросъ своихъ современниковъ, что огромнѣйшее большинство ихъ даже не поняло всей новизны и значенія „Ночного свиданія“. По крайней мѣрѣ, ни въ одной изъ рецензій мы не нашли обсужденія ея. Даже враждебно отнесшійся къ „Ледяному дому“ „Сынъ Отечества“ Греча, выискавшій множество прегрѣшеній Лажечникова, ни однимъ словомъ не упомянулъ о „Ночномъ свиданіи“. А несомнѣнно, пойми благонравный Гречъ значеніе этой главы, онъ бы, конечно, не преминулъ разразиться громомъ и молніею.

Одинъ только Бѣлинскій, со свойственной ему чуткостью, понялъ жгучую поэзію высшаго момента любви Маріорицы и охарактеризовалъ его слѣдующими прекрасными словами: „Маріорица сходитъ со сцены, какъ вошла на нее: какъ звѣзда любви, которая ярче и прекраснѣе всѣхъ небесныхъ свѣтилъ и вечеромъ, когда является, и утромъ, когда скрывается. Послѣднее ея свиданіе съ Волынскимъ было апотеозомъ всей ея жизни, и мы рѣшительно отрицаемъ всякое человѣческое, не только эстетическое, чувство въ томъ, кто бы, увлеченный сухимъ, какъ ариѳметика, морализмомъ, увидѣлъ въ послѣднемъ мгновеніи ея жизни паденіе, а не просвѣтлѣніе, не торжественное просвѣтлѣніе, не торжественное свершеніе подвига жизни...“ (Сочин. т. 3, стр. 19).

Маріорица представляетъ собою кульминаціонный пунктъ романа. Поэтическая прелесть ея не потеряла своего обаянія и на современнаго читателя и яснѣе всего показываетъ, на что былъ способенъ талантъ Лажечникова въ тѣхъ случаяхъ, когда творчество его не было сковано узкими шаблонами офиціальныхъ доктринъ.

Сопоставьте въ самомъ дѣлѣ полетъ духа нашего писателя, когда онъ, слѣдуя указаніямъ истиннаго чувства, создавалъ фигуру Маріорицы, и тогда, когда онъ, довольствуясь

рамками ходячаго въ то время понятія о „патріотизмѣ“, рисовалъ „патріотическую“ дѣятельность Волынскаго и его друзей изъ „русской партіи“. Основной догматъ казеннаго патріотизма состоялъ въ томъ, чтобы обѣлять все свое и унижать все чужое. И вотъ, въ угоду этому суздальскому методу, во всемъ романѣ, за исключеніемъ Эйхлера, нѣтъ ни одного хорошаго нѣмца. Эйхлеръ, впрочемъ, не представляетъ собою исключенія, потому что примыкаетъ къ русской партіи. Русскія же лица романа, за исключеніемъ Подачкиныхъ, всѣ прекрасны, чисты и не имѣютъ ни одного пятнышка на себѣ. Перокинъ, Суминъ-Кушшинъ, Щурховъ, Зуда — все это воплощенія и сосуды всевозможныхъ добродѣтелей. Въ своемъ „патріотическомъ“ рвеніи Лажечниковъ доходитъ до того, что даже шута русскаго — Балакирева и то беретъ подъ свое покровительство и даетъ ему нравственное первенство предъ Педрилло и другими иностранными шутами. А уже, казалось бы, занятіе шута нравственно уравниваетъ и иностранца и туземца.

Въ разборъ самаго „патріотизма“ Волынскаго намъ нѣтъ надобности вдаваться, ибо это все тотъ же самый старый знакомецъ, достаточно нажужжавшій намъ въ уши про свои два главныхъ принципа: „славу“ и покорность. Но авторъ самъ такъ пламенно увѣренъ въ томъ, что патріотизмъ этого сорта и есть настоящій, что опять-таки, какъ и при чтеніи „Послѣдняго Новика“, вы можете только не соглашаться, но не сердиться и негодовать; и опять-таки приходится припомнить наши двѣ отправныя точки: патріотизмъ, составляющій одинъ изъ центральныхъ пунктовъ почти всѣхъ произведеній Лажечникова, по своимъ принципамъ тотъ же, какъ и у другихъ представителей внѣшне-патріотической школы; но Лажечниковъ вкладываетъ въ него столько искренности и глубокаго убѣжденія, что вамъ становится понятнымъ, почему ложный путь, избранный имъ, не завелъ его, однако, въ тѣ дебри, въ которыя зашелъ какой-нибудь Гречъ и Булгаринъ, почему вамъ противно читать разныя измышленія патріотовъ одного съ Лажечниковымъ направленія, а самого Лажечникова — ничуть.

„Ледяной домъ“ имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ, превзошедшій успѣхъ „Послѣдняго Новика“ и окончательно укрѣпившій литературное положеніе Лажечникова.

„Вотъ, наконецъ, этотъ долго и съ нетерпѣніемъ ожиданный романъ г. Лажечникова“, писала „Сѣверная Пчела“, всегда шедшая въ хвостѣ общественнаго мнѣнія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда у Булгарина являлся спеціальный интересъ разойтись съ нимъ. „Да, съ нетерпѣніемъ: оно началось съ той самой минуты, когда публика прочла первое объявленіе о „Бироновскихъ праздникахъ“, и усилилось при вторичномъ извѣщеніи объ этомъ романѣ и перемѣнѣ его заглавія въ „Ледяной домъ“. Нетерпѣніе наше удовлетворено: новая, свѣжая книга у насъ въ рукахъ. Всѣ съ жадностью бросились на новость. Бѣда, если авторъ „Послѣдняго Новика“ не удовлетворитъ новымъ своимъ произведеніемъ долгому ожиданію, если второй романъ ниже перваго. Мы только что кончили чтеніе „Ледяного дома“ и пишемъ эти строки, еще наслаждаясь прочитаннымъ: это лучшее время для выраженія всего пристрастія, внушеннаго намъ книгою, по крайней мѣрѣ, для фельетонной рецензіи, если не для подробной и строгой критики, которой это произведеніе вполнѣ достойно, потому что выйдетъ изъ нея въ новомъ блескѣ, съ побѣдою и славою.

„Кончивъ книгу, пройдя эту занимательную эпоху борьбы аристократической, блещущей всѣмъ разнообразіемъ характеровъ и изображенной съ поразительною истиною дѣйствительности, вы еще долго чувствуете сладостное впечатлѣніе, оставленное въ васъ романомъ.

„Ледяной домъ“, заканчиваетъ рецензентъ, г. Н. Д., „доставилъ намъ много пріятныхъ часовъ, и мы увѣрены, что всякій русскій прочтетъ его съ такимъ-же наслажденіемъ. Господа! пріѣзжайте съ дачъ — (№ „Пчелы“ отъ 24-го августа) — хоть для этого романа: „Ледяной домъ“ васъ разогрѣетъ“ („Сѣв. Пчела“ 1835 г., № 190).

„Еще не успѣли мы забыть удовольствія, которымъ наслади-лись при чтеніи „Ледяного дома“, вышедшаго въ 1835 году“,

пишетъ Бѣлинскій въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1839 года, „какъ взялись, кажется, за третье, если не за четвертое, чтеніе этого романа, по случаю второго его изданія въ концѣ прошлаго (1838) года и прочли его еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели въ первый разъ: лица, которыя начали уже, отъ времени, представляться нашимъ глазамъ подъ какими-то туманными дымками, снова ожили передъ нами, и мы радушно и весело встрѣтились съ старыми знакомцами, и нашли ихъ такъ же интересными, милыми и любезными, какъ и въ пору перваго знакомства; прекрасныя ощущенія, которыя, отъ времени, уже начинали терять свою предметность и повторялись въ душѣ нашей, напѣвы какой-то забытой, но прекрасной пѣсни вновь воскресли въ ней, живые, свѣжіе, могучіе, и снова взволновали ее своими очаровательными потрясеніями...“

Въ нѣкоторыхъ главахъ Бѣлинскій видѣлъ „львиное могущество“ (т. 3, стр. 23).

„Библіотека для чтенія“ дала чрезвычайно странный отзывъ, своимъ ехидствомъ нѣсколько похожій на рѣчь Антонія въ „Юліи Цезарѣ“: „Ледяной домъ“ такая книга, о которой совершенно нечего сказать, кромѣ того, что она прелестна. Надобно ограничиться однимъ словомъ—прелестна! и даже не должно съ точностью опредѣлять смысла, въ какомъ вы принимаете это слово. Разборъ его уничтожилъ бы, можетъ, пріятность общаго впечатлѣнія, которому оно служитъ вѣрнымъ выраженіемъ. Это не chef d'oeuvre, не верхъ искусства, не произведеніе мысли сильной и глубокой; сверхъ того, это романъ историческій, родъ рестаураціи старыхъ картинъ, гдѣ художникъ только обновляетъ поблекшія краски и дополняетъ мѣста, истертыя временемъ, однимъ словомъ—это простой разсказъ пріятнаго разсказчика: разсужденія его поверхностны и обыкновенны; тонъ и пріемъ ихъ не самый изящный; остроты не блистательны; веселость не всегда ловкая; игривость немножко школьническая; но эта книга прелестная, — чрезвычайно милая и занимательная, которая съ

самаго начала увлекаетъ васъ своимъ интересомъ и быстро мчитъ по мелкимъ столбцамъ своимъ и некрасивой печати до послѣдней странички, не давая вамъ отдохнуть, ни подумать, въ чемъ состоятъ недостатки, что такое поражаетъ васъ иногда непріятно. Только прочитавши и воскликнувъ — прелесть! — вы можете примѣтить, что изъ этого чтенія не осталось въ васъ ни одной идеи, даже ни одного счастливаго выраженія для вашихъ всегдашнихъ мыслей. Два раза невозможно читать этого романа, но еслибъ мы сегодня забыли его содержаніе, въ первый досужный часъ опять принялись бы за него же, съ увѣренностью найти полное удовольствіе". („Библіотека для чтенія" 1835 г., т. 12).

Происхожденіе этой ехидной рецензіи можно легко себѣ объяснить, если предположить, что авторъ ея — Сенковскій. А судя по тяжеловѣсному остроумничанью, она именно ему принадлежитъ. Сенковскій былъ изъ породы тѣхъ надутыхъ людей, которые считаютъ ниже своего достоинства чѣмъ-нибудь сильно восторгаться, и потому, ежели даже хвалятъ что-либо, то все-таки съ высоты своего величія и такъ, чтобы унизительно вышло для того, кого они хвалятъ.

Въ заключеніе приведемъ ругательную рецензію Гречевскаго „Сына Отечества", которая, однакоже, именно своею бранью свидѣтельствуетъ о томъ, что „Ледяной домъ" имѣлъ сильный успѣхъ.

„Романъ этотъ — страшнѣе романовъ Евгенія Сю, замысловатѣе (!) романовъ Бальзака, и развѣ только съ романами Сулье можно сравнить его. Чего вы хотите? *Страстей?* Какихъ же вамъ страстей сильнѣе страстей Волынскаго, Маріорицы, цыганки, — матери ея, Бирона? *Происшествій?* Чего вамъ еще, начиная съ „Ледяной статуи" до послѣдней сцены въ „Ледяномъ домѣ", и съ погребенія замороженнаго малороссіянина до пытки Волынскаго? *А характеры?* Этотъ Волынскій, который на шестомъ десяткѣ лѣтъ шалитъ, какъ юноша; этотъ Биронъ, который только что не ѣстъ людей; этотъ Тредьяковскій, и замѣтьте, что все это лица *исто-*

рическія. Вы скажете, что они такими *никогда не бывали*, что сочинитель жертвовалъ желанію блистать эффектами истиною событій и правдою сердца человѣческаго — но кто-же повѣритъ вамъ? Не расхвалили-ль согласно всѣ журналы „Ледяной домъ“? Не достигъ ли онъ теперь второго изданія, а это не доказываетъ ли, что онъ понравился очень многимъ“. („Сынъ отечества“ 1838 г., т. 5).

Объясненіе этой злобной рецензіи Греча, автора многихъ повѣстей, имѣвшихъ не болѣе какъ средній успѣхъ, мы находимъ у Бѣлинскаго. Отзывъ его о „Ледяномъ домѣ“ начинаетъ съ того, что онъ не станетъ относиться къ Лажечникову такъ, какъ относятся къ послѣднему нѣкоторые рецензенты; отъ этого „г. Лажечникова защищаетъ его огромная извѣстность и громкій авторитетъ у публики, а еще болѣе одно, повидимому, маленькое, но въ самомъ-то дѣлѣ очень важное обстоятельство, а именно: мы сами не пишемъ романовъ, и г. Лажечниковъ не перебиваетъ у насъ дороги. Вотъ если бы мы вздумали написать, или (все равно) дописать какой-нибудь романъ, что-нибудь въ родѣ Евгенія Сю, примиреннаго съ Августомъ Лафонтеномъ, о, тогда плохо бы пришлось отъ насъ г. Лажечникову; мы умѣли бы его отдѣлать въ коротенькой „библіографической статейкѣ“.

Слѣдовательно, и крайне-враждебный отзывъ „Сына Отечества“ свидѣтельствуетъ о сильномъ успѣхѣ „Ледяного дома“. Что въ самомъ дѣлѣ доказательнѣе говоритъ о чьемъ-нибудь успѣхѣ, какъ не зависть?

X

Вышедши въ отставку въ 1837 г., Лажечниковъ поселился въ деревнѣ подъ Старицей, на берегу Волги. Здѣсь написанъ имъ „Басурманъ“, появившійся въ 1838 году.

Въ ряду трехъ романовъ, доставившихъ Лажечникову его громкую извѣстность, „Басурманъ“ считается менѣе удач-

нымъ, чѣмъ „Послѣдній Новикъ“ и „Ледяной домъ“. Публикою „Басурманъ“ тоже былъ принятъ нѣсколько холоднѣе другихъ романовъ Лажечникова. Правда, до выхода въ 1858 году полнаго собранія было раскуплено два изданія „Басурмана“, что для русской книжной торговли, да еще того времени, не мало, но другихъ двухъ романовъ Лажечникова за это-же время потребовалось три изданія.

Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы въ общемъ „Басурманъ“ былъ дѣйствительно ниже „Новика“ и „Ледяного дома“, хотя этого мнѣнія держится Бѣлинскій. Въ частности, въ „Басурманѣ“ дѣйствительно есть большіе недостатки, но есть за то въ немъ и такія сильныя стороны, что ансамбль получается весьма удачный. И если еще можно согласиться съ тѣмъ, что „Басурманъ“ хуже „Ледяного дома“, съ его прекраснымъ образомъ Маріорицы, то „Послѣднему Новику“ онъ не уступаетъ ни въ какомъ случаѣ.

Основной недостатокъ „Басурмана“ такой-же, какъ и въ „Новикѣ“: главный герой его, лѣкарь Антонъ — фигура крайне-безцвѣтная, образъ безъ лица, на которомъ, однакоже, вертится вся интрига романа. Въ обрисовкѣ его нѣтъ рѣшительно ничего типичнаго, почти ни одной черты, которая бы говорила намъ о XV вѣкѣ. Антонъ воспитывался въ Италіи, въ самомъ началѣ эпохи возрожденія, когда смѣшеніе замирающихъ среднихъ вѣковъ съ воскресающимъ духомъ античной свободы и античной широты взгляда создавало такой дикій разгулъ страстей, хорошихъ и дурныхъ, когда выступали на сцену Савонароллы и Борджіи. И хоть-бы капельку этой страстности далъ авторъ своему герою. Антонъ представляетъ собою полный образецъ сентиментальнаго нѣмецкаго юноши начала нынѣшняго столѣтія, скромнаго, цѣломудреннаго, безмятежнаго, не знающаго пороковъ даже по названію. Лажечниковъ создавалъ его совершенно схематически, по тому рецепту, по которому создавались „идеальные“ юноши въ нѣмецкихъ сентиментальныхъ романахъ; а то можетъ быть онъ даже списанъ съ какого-нибудь живого нѣмецкаго аптекарскаго

ученика, которому „злой свѣтъ“ мѣшалъ соединиться узами добродѣтельнѣйшей любви съ какою-нибудь голубоокой и свѣтловолосой Лотхенъ, — дочерью самого содержателя аптеки.

Схематичны и нѣкоторыя другія лица романа. Докторъ Фіоравенти — образецъ оперная героя, всю жизнь помнящаго обиду и „дьявольски“ мстящаго за нее. Русалка и Мамонъ — такіе-же образцы оперныхъ злодѣевъ, черныхъ, безъ единаго бѣлаго пятнышка.

Если къ нимъ присоединить еще сына Аристотеля Фіоравенти — Андрюшу, — лицо совершенно неудачное и сочиненное, то всѣ главные недостатки „Басурмана“ будутъ перечислены. Въ рисовкѣ-же остальныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, Лажечниковъ проявилъ много художественнаго чутья, а, главное, проявилъ столько *реализма и жизненной правды*, что, принимая во вниманіе время его появленія, „Басурманъ“ становится явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ.

Приглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, съ какою удивительною для тридцатыхъ годовъ художественною смѣлостью обрисовалъ Іоаннъ III. Въ обрисовкѣ этой Лажечниковъ почти исключительно руководствовался своимъ художественнымъ инстинктомъ, потому что ни современная ему исторіографія, ни современные ему историческіе романисты, драматурги и поэты не позволили-бы себѣ такъ просто и естественно отнестись къ личности великаго объединителя Руси. Карамзинская исторія и остальная исторіографія того времени, — большею частью примыкавшая къ народившемуся тогда славянофильству, на старину смотрѣла исключительно сквозь призму самаго розоваго оптимизма. Старая жизнь рисовалась тогдашнему воображенію непремѣнно въ величавыхъ очертаніяхъ; казалось святотатствомъ представлять себѣ предковъ нашихъ людьми, обуреваемыми такими-же страстями и надѣленными такими-же грѣхами и грѣшками, какъ и хилыя дѣти девятнадцатаго вѣка. А уже что говорить о такихъ выдающихся лицахъ, какъ Іоаннъ III. О нихъ вмѣнялось въ обязанность говорить только молитвенными словами и колѣнопреклоненно. Величайшій ху-

дожникъ того времени—Пушкинъ, въ своемъ „Борисѣ Годуновѣ“ не позволилъ себѣ надѣлить своихъ героевъ ни одною вульгарною чертою; за исключеніемъ Варлаама, языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ величавъ, какъ величавы и поступки ихъ, все равно будь эти поступки хороши или дурны. Ни у одного изъ героевъ Пушкинской великой драмы нѣтъ той мелкой суетливости, которая характеризуетъ живыхъ людей, нѣтъ той житейской пошлости, которая въ извѣстной дозѣ присуща въ дѣйствительности даже величайшимъ героямъ. Но тотъ-же самый Пушкинъ въ „Арапѣ Петра Великаго“ по крайней мѣрѣ въ три раза реальнѣе отнесся къ эпохѣ и людямъ, а въ „Капитанской Дочкѣ“ уже прямо рисовалъ живыхъ людей, безъ всякихъ попытокъ идеализировать и ставить на ходули. Выходило, значитъ, такъ, что чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ эпоха, тѣмъ величавѣе и торжественнѣе нужно ее изображать. Другой великій геній тридцатыхъ годовъ — Лермонтовъ, въ своей „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ“ окуталъ древнюю русскую жизнь поэтическимъ туманомъ, сквозь который дѣйствительныя очертанія ея почти не видны. Эпическое величіе Кирибѣевича и всей остальной обстановки, несомнѣнно, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому величію, которымъ народный эпосъ, надѣляетъ своихъ героевъ—въ усвоеніи этого народнаго эпическаго колорита и заключается, въ сущности, художественное значеніе „Пѣсни“, но несомнѣнно, однакоже, и то, что вотъ уже которое поколѣніе по „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ“ рисуетъ себѣ древнюю Русь такою, на которую она въ дѣйствительности весьма мало похожа была, несомнѣнно и то, что и самъ Лермонтовъ признавалъ за своею „Пѣснью“ историческую вѣрность.

Мы взяли двухъ величайшихъ представителей всей русской литературы, а тѣмъ паче того времени, когда выходилъ „Басурманъ“. Что-же сказать о другихъ тогдашнихъ писателяхъ, трогавшихъ русскую исторію? Все это безъ исключенія была грубая и приторная идеализація, паточное умиленіе и лубочная рисовка нашихъ предковъ трехсаженными „богатырями“.

Гоголь съ его „Бульбой“, при всемъ геніальномъ реализмѣ этой превосходнѣйшей повѣсти, не опровергаетъ нашего утвержденія, потому что въ одномъ намѣреніи выставить запорожцевъ, по крайней мѣрѣ на половину состоявшихъ изъ простыхъ разбойниковъ, обыкновенными людьми—уже заключается сильнѣйшая идеализація. И затѣмъ все-таки Бульба и его товарищи,—люди простые, а не цари и бояре. Ихъ все-таки смѣлѣе можно было заставить говорить и дѣйствовать въ обыкновенномъ „штилѣ“.

Не станемъ утверждать, что Лажечниковъ, рисуя Іоанна, совсѣмъ освободился отъ условности своего времени, что его Іоаннъ дѣйствительно выведенъ со всею тою реальностью, съ какою только можно его вывести. Несомнѣнно, что и у Лажечникова онъ мѣстами дѣйствуетъ и говоритъ такъ высокопарно и ходульно, какъ дѣйствительный Іоаннъ не могъ говорить и дѣйствовать. Но общій методъ, съ которымъ нашъ романистъ приступилъ къ обрисовкѣ объединителя Руси, все-таки въ высшей степени замѣчателенъ своею простотою и реальностью.

Вмѣсто того чтобы указывать или приводить въ доказательство мѣста романа, которыя намъ нравятся своимъ стремленіемъ къ реализму, приведемъ лучше выдержки изъ яростной рецензіи, которою разразился по поводу „Басурмана“ наиболѣе бдительный стражъ общественнаго и литературнаго благонравія въ то время—Ѳаддей Булгаринъ. Эта рецензія тѣмъ пригоднѣе для нашей цѣли, что все-таки далеко не всякій читатель въ состояніи проникнуться духомъ исторической критики, чтобы отдѣлить суть отъ одежды времени и очень можетъ быть, что, приступивши къ „Басурману“ съ мѣркою современнаго высокаго развитія реализма, онъ въ Іоаннѣ увидитъ только идеализацію и ходульность. Но вотъ послушаемъ свидѣтельство современника, пришедшаго въ ужасъ отъ той дерзости, съ которою Лажечниковъ занесъ святотатственную руку на величіе древней Руси и великаго государя.

„Г. Лажечниковъ изобразилъ не тогдашнюю Русь, а какую-то дикую орду. Авторъ „Басурмана“ думалъ, что, изо-

бразивъ дикость и невѣжество, свирѣпость и безчеловѣчіе, подлость и гнусную интригу, онъ изображаетъ тогдашнее время".

Но больше всего, понятно, ожесточило Булгарина изображеніе Іоанна:

„Іоаннъ III изображенъ какимъ-то неистовымъ, который отъ каждаго слова приходитъ въ бѣшенство, хватаетъ за горло своихъ вельможъ, ругаетъ ихъ послѣдними словами, велитъ ихъ бить, ловитъ по городу, запираетъ въ темницы, хочетъ воевать, а самъ труситъ, боится войны, дѣйствуетъ одною измѣною, посредствомъ низкихъ своихъ придворныхъ. Срамъ и стыдъ! Это великій Іоаннъ!" („Сѣв. Пчела" 1839 г., № 47).

Чтобы усилить эффектъ своей критики и совсѣмъ поразить дерзкаго романиста, Булгаринъ прибѣгнулъ къ пріему, небезызвѣстному и въ наше время:

„Законодатель, зиждитель Москвы, *основатель самодержавія на Руси*, не могъ быть эгоистомъ" (№ 98).

Видите-ли, на что пошло: въ художественномъ пріемѣ найдена политическая неблагонадежность. „Мы не постигаемъ",— говоритъ затѣмъ Катковъ тридцатыхъ годовъ, — „съ какой стати авторъ романа пустился въ историческія разсужденія, въ споръ съ г. Полевымъ, чтобъ доказать, что Іоаннъ III трусъ!"

Больше всего возмущенъ Булгаринъ тѣмъ превосходнымъ по реализму мѣстомъ романа, въ которомъ Іоаннъ, какъ истый сынъ грубаго, хвастливаго и мстительнаго вѣка своего, какъ истый сынъ эпохи, еще полной татарскаго духа и варварства, показываетъ Антону смрадную тюрьму, гдѣ содержатся его плѣнники—татарскіе цари и Марѳа Борецкая. „Чуланы, гдѣ содержались плѣнники", цитируетъ Булгаринъ Лажечникова, „походили на нечистыя клѣтки".

«*Этихъ нечистыхъ клѣтокъ*», прибавляетъ онъ вслѣдъ затѣмъ отъ себя, „мы не показываемъ нашимъ читателямъ. Брррръ! брррррръ!".

До самой глубины души возмущается тоже Булгаринъ отвѣтомъ Борецкой: „Спроси объ этомъ, *собачій сынъ*, у моего дѣтища“. Вся вообще сцена между Іоанномъ и Борецкой: „не натуральная и отвратительная; не таковъ былъ Іоаннъ, не такова была и Борецкая! *Они не хвастали и не болтали по пустому, а дѣлали свое дѣло геройски*“.

Таково мнѣніе Булгарина. Но на самомъ дѣлѣ, какъ правдива эта сцена, какъ смѣло обрисованы здѣсь Іоаннъ и Марѳа. Чего стоитъ одна фраза „собачій сынъ“, вложенная въ уста той самой Марѳы Посадницы, которая въ тридцатыхъ годахъ говорила почти исключительно александрійскими стихами? Одною этою фразою Лажечниковъ показалъ, какъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ *правдиво* онъ отнесся къ изображенной имъ эпохѣ. Читайте, въ самомъ дѣлѣ, полемическія сочиненія *духовныхъ* лицъ не только XV, но и конца XVII вѣка и, Боже мой, сколько тамъ отборнѣйшихъ ругательствъ при обсужденіи самыхъ божественныхъ и высокихъ сюжетовъ. Но Лажечникову, тѣмъ не менѣе, нужна была громадная смѣлость, чтобы ввести въ историческій романъ такое вульгарное ругательство. Лучше всего объ этой смѣлости можно судить потому, что въ полномъ собраніи, вышедшемъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ спустя, „собачьяго сына“ нѣтъ. Самъ Лажечниковъ, значитъ, поразмысливши, испугался своей смѣлости, внушенной ему, такъ согласно съ историческою дѣйствительностью, инстинктомъ правды, присущей всякому истинному таланту.

Рецензія Булгарина, какъ мы уже сказали, избавляетъ насъ отъ необходимости доказывать, сколько новизны и смѣлости проявилъ Лажечниковъ въ своемъ романѣ. Есть отзывы и мнѣнія, предназначенные для „позора и поношенія“ того или другого лица, но которые на самомъ дѣлѣ служатъ лучшею похвалою. Булгаринская рецензія принадлежитъ къ нимъ. Это увѣреніе, что Іоаннъ не могъ хвастать, не могъ драться собственноручно, не могъ трусить и дѣлать мерзостей, наконецъ, это прелестное „бррръ! бррръ!“ — представляютъ собою

лучшую аттестацію той оригинальности художественныхъ пріемовъ, съ которою Лажечниковъ приступилъ къ „Басурману“.

Изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа нельзя не остановиться съ похвалою на Аристотелѣ Фіоравенти. Правда, онъ нарисованъ по тому шаблону, по которому въ тридцатыхъ годахъ рисовали геніальныхъ артистовъ. Но все-таки въ его положеніи много истиннаго трагизма. Замыселъ нарисовать человѣка, страстно преданнаго идеалу, стремящагося къ небу, но, благодаря тупоумію окружающей обстановки, обязаннаго весь вѣкъ копошиться въ грязи и чувствовать, что безъ компромиса съ этою грязью не достигнешь осуществленія и той ничтожнѣйшей части своего идеала, которое возможно въ дѣйствительности,—замыселъ этотъ показываетъ, что въ самомъ Лажечниковѣ было живое сознаніе истинно-возвышеннаго, истинно-человѣческаго.

Героиня романа—Анастасія имѣла несчастіе понравиться Булгарину. Это единственное, что ему во всемъ романѣ понравилось.

„Но зато любовь Анастасіи изображена прекрасно. Это точно русская дѣвушка временъ татарскаго ига (?) Мы не только не желаемъ лишить автора его достоинства, но рады-бы прибавить ему всякаго добра, а потому съ удовольствіемъ сознаемся, что любовь Анастасіи и вообще русской дѣвицы XVI и XVII вѣка начертана превосходно и заставляетъ сожалѣть о томъ только, что русская дѣвица и русская любовь описаны басурманскимъ языкомъ“.

На этотъ разъ мы отчасти должны согласиться съ Булгаринымъ. Любовь Анастасіи, конечно, отбросивши нѣкоторую ходульность, безъ которой что-же въ 30-хъ годахъ и обходилось, а взявши психологическую сущность ея, обрисована очень удачно. Анастасія, если и не совсѣмъ русская дѣвушка „временъ татарскаго ига“, то во всякомъ случаѣ жизненно-правдивый образъ дѣвушки вообще. Не спрашиваетъ ни у кого сердце дѣвушки, кого полюбить, и безсильны всѣ предразсудки тамъ, гдѣ заговорило чувство.

Не станемъ останавливаться на второстепенныхъ лицахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ удачны, какъ напр., Бартоломей, деспотъ Морейскій, Хабаръ-Симскій и др. Есть и неудачныя: жидъ Схарія, напр. Но мы не войдемъ въ такой детальный анализъ. Наша задача состояла въ томъ, чтобы выяснить общій духъ романа, художественный методъ его. Намъ хотѣлось подчеркнуть крайне замѣчательный для тридцатыхъ годовъ реализмъ „Басурмана“, дѣлающій его выдающимся явленіемъ литературы того времени.

Этотъ реализмъ въ значительной степени ослабилъ черту, которая такъ не по нутру современному читателю въ романахъ Лажечникова — казенный патріотизмъ его. Правда, не мало его и въ „Басурманѣ“. Ортодоксальный взглядъ, напр., на жидовскую ересь въ достаточной степени узокъ. Но за то какое широкое представленіе о „славѣ“ въ обрисовкѣ Іоанна. Нѣтъ уже той малодушной боязни сказать слово осужденія, „патріотизмъ“ не заключается въ употребленіе исключительно свѣтлыхъ красокъ, „преданность“ не состоитъ изъ одной сервильности.

„Басурманъ“ вызвалъ большое оживленіе въ критикѣ. Обсужденію его было удѣлено весьма много мѣста и, за исключеніемъ „Сѣверной Пчелы“, это обсужденіе было весьма лестное для автора. „Сѣв. Пчела“, какъ мы знаемъ, съ пѣною у рта набросилась на Лажечникова. Въ цѣлыхъ трехъ статьяхъ, она, что называется, въ клочки разносила романъ. Булгаринъ былъ страшно задѣтъ отзывомъ „Отеч. Зап.“ и „Библ. для чтенія“, которыя называли Лажечникова первымъ русскимъ романистомъ. Булгарину самому хотѣлось быть первымъ русскимъ романистомъ. Критика начиналась съ страшной брани за слогъ, который по мнѣнію Булгарина, въ „Басурманѣ“ отвратителенъ.

„Какъ-же можно быть *великимъ* и *первымъ* писателемъ, какимъ провозгласили г. Лажечникова „Библ. для чтенія“ и „Отеч. Зап.“, безъ языка и слога? Какъ-же можно быть великимъ писателемъ, не умѣя писать, т.-е. не зная грамма-

тики и не владѣя слогомъ? Вѣдь мы не въ киргизской степи, и не можемъ довольствоваться безсвязнымъ разсказомъ дикаря о подвигахъ какого-нибудь удальца, разсказомъ, отъ котораго въ киргизской степи требуется только, чтобъ онъ сократилъ время, пока изжарится конское мясо! Мы народъ образованный, требуемъ искусства, а нѣтъ искусства безъ первоначальнаго механизма" (№ 46).

Нужно замѣтить, что слогъ Лажечникова, именно вычурность и затѣмъ своеобразная орѳографія, составляли предметъ нападокъ даже дружелюбно относившихся къ нашему автору критиковъ. Намъ нельзя объ этомъ судить, потому что если слогъ Лажечникова и кажется намъ вычурнымъ, то вѣдь спрашивается, слогъ какого другого писателя тридцатыхъ годовъ не кажется намъ вычурнымъ? Слогъ этого-же самаго Лажечникова въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ старческаго возраста гораздо менѣе вычуренъ. И если старикъ проявилъ такую воспріимчивость, если подъ вліяніемъ упрощенія слога всей литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, шестидесятилѣтній старикъ мѣняетъ и свой слогъ, то не ясно-ли, что вычурность слога первыхъ его произведеній главнымъ образомъ есть вина времени. Что-же касается правописанія Лажечникова, то оно дѣйствительно было странное. Онъ писалъ: этѣхъ, этово, ево, моево, твоево, своево, какбудто, можетстаться, кактеперь, полагая что такая орѳографія ближе подходитъ къ разговорной рѣчи. Но, конечно, одинъ только Булгаринъ могъ строить на этомъ свою „критику".

Ровно двѣ трети Булгаринской критики удѣлены нападкамъ на слогъ и орѳографію. Затѣмъ идутъ извѣстныя уже намъ нападки на святотатственное отношеніе Лажечникова къ Іоанну и древней Руси, и, наконецъ, оканчивается разборъ „Басурмана" рѣшительнымъ заявленіемъ, что „этотъ романъ есть просто карикатура на избранную авторомъ эпоху, написанная карикатурнымъ языкомъ и слогомъ".

Въ „Современникѣ" нѣкій г. Д. Пр. посвятилъ „Басурману" большую статью, разбирающую романъ почти исключи-

тельно съ исторической точки зрѣнія. Рецензентъ указывалъ разные по его мнѣнію промахи автора, но въ общемъ закончилъ все-таки слѣдующимъ:

„Г. Лажечниковъ новымъ сочиненіемъ своимъ еще разъ доказалъ, какъ онъ ясно понимаетъ существенныя достоинства историческаго романа. Избравши эпоху и лица, обозначенныя въ исторіи только главными чертами, онъ предался изученію ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Едва-ли остался какой-нибудь источникъ, изъ котораго-бы онъ не почерпнулъ матеріаловъ. Лѣтописи, сказанія, пѣсни, пословицы, повѣрья, преданія, древности—все употреблено имъ въ пользу его сочиненія. Такимъ образомъ романъ его, между русскими сочиненіями того-же разряда, представляетъ что-то странное, не сходственное съ тѣмъ, къ чему мы привыкли". („Совр." 1839 г. т. XIV, стр. 131).

„Библіотека для чтенія", на этотъ разъ безъ всякаго ехидства отнеслась къ „Басурману" восторженно.

Рецензентъ начинаетъ рѣчь съ „литературныхъ медвѣдей" (очевидно, подъ этимъ подразумѣвается извѣстная намъ злобная рецензія Греча въ „Сынѣ Отечества"), которые „хотѣли пожрать, между прочимъ, г-на Лажечникова. Но толпа—мы поставляемъ себѣ въ честь принадлежать къ этой толпѣ — толпа его оцѣнила, толпа его поняла и увѣнчала своею любовью; и между тѣмъ какъ толпа торжественно несла на плечахъ своихъ это прекрасное дарованіе, медвѣди карабкались съ ревомъ на него, запускали въ него свои лапы и старались стащить наземь, чтобы высосать кровь. Толпа спасла его своею любовью. Не бойтесь этихъ лѣсныхъ хищниковъ, даровитый русскій романистъ.

„Басурманъ" романъ историческій,—быть можетъ, слишкомъ историческій, но эпоха, сюжетъ и примѣчательное искусство въ группировкѣ лицъ и подробностей дѣлаютъ его крайне занимательнымъ и любопытнымъ. Первый томъ читается довольно трудно,—что, вѣроятно, зависитъ нѣсколько отъ орѳографіи автора, къ которой нужно привыкнуть, какъ ко вся-

кому нововведенію, но, съ самаго начала второго тома, любопытство воспламеняется и погасаетъ только на послѣдней страницѣ книги. Мѣстами встрѣчаются длинноты, которыя немножко мѣшаютъ свободному и быстрому ходу повѣсти, но, за исключеніемъ этихъ немногихъ страницъ, все остальное одушевлено высочайшей занимательностью. Положеніе главнаго дѣйствующаго лица, столь странное, столь опасное, содержитъ участіе читателя къ нему въ безпрерывномъ напряженіи; вамъ трудно разстаться съ нимъ на одно мгновеніе; вамъ хотѣлось-бы слѣдовать за нимъ повсюду. Многія, удачно введенныя обстоятельства, запечатлѣны тою могущественною увлекательностью, которую только высокій талантъ можетъ и умѣетъ придать вымыслу. Можно было-бы замѣтить, что первая часть дѣйствія, помѣщенная въ Германіи и Италіи, не довольно тѣсно связана съ тою, которая происходитъ въ Россіи; но этотъ ничтожный недостатокъ легко можетъ быть исправленъ при второмъ изданіи. Болѣе важное возраженіе относится къ слогу: многіе будутъ сожалѣть, что въ немъ недостаетъ той отдѣлки, того изящества, которыя составляютъ душу всякаго произведенія изящной словесности, но это уже дѣло рѣшенное: на слогъ г. Лажечникова надобно согласиться, чтобы получить отъ него одинъ изъ тѣхъ романовъ, которые украшаютъ литературу. Не будемъ говорить о слогѣ: „Басурманъ“ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ превосходнаго романа, и мы поздравляемъ русскую словесность съ превосходнымъ историческимъ романомъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ, какой только случалось намъ встрѣтить въ новѣйшей литературѣ“ („Биб. для чтенія“, т. XXXII, отд. 6, стр. 10—11).

Еще болѣе восторженный отзывъ дали „Отеч. Зап.“, безыменный критикъ которыхъ посвятилъ „Басурману“ цѣлыхъ 3 листа. По мнѣнію критика:

„Басурманъ“ — явленіе, которому подобнаго не было ничего въ произведеніяхъ другихъ русскихъ романистовъ. Большая часть изъ того, что до сихъ поръ выдавалось намъ подъ

именемъ русскаго историческаго романа, было или перефразированныя выписки изъ „исторіи“ Карамзина и другихъ историческихъ книгъ, или черты изъ „Опыта о русскихъ древностяхъ“ г. Успенскаго; все это было вяло, сухо, безсвязно или сшито грубою рукою, такъ что по швамъ видны были бѣлыя нитки. Одинъ Лажечниковъ понялъ совершенно поэзію русской исторіи и, возсоздавая дивные образы нашего XV вѣка, успѣлъ остаться вѣрнымъ и поэзіи и исторіи. Лица, имъ выведенныя,—лица типическія, стоящія вровень съ своимъ вѣкомъ и поэтически-прекрасныя; весь романъ его—художественное цѣлое, проникнутое одною идеею и романически-занимательное. Вотъ почему мы причисляемъ его „Басурмана“ къ разряду первокласныхъ твореній русской литературы и представляемъ его нашимъ читателямъ какъ явленіе отрадное, какого не было у насъ со времени появленія на Руси „Бориса Годунова“ Пушкина“. („Отеч. Зап.“ 1839 г., т. 2, отд. VI, стр. 46).

XI

Намъ остается теперь *досказать* жизнь Лажечникова Мы подробно останавливались на дѣтствѣ его, заронившемъ въ душу мальчика первыя сѣмена добра, подробно останавливались на отрочествѣ и первой молодости, воспитавшихъ въ немъ горячую любовь къ родинѣ, говорили болѣе или менѣе подробно о его первыхъ произведеніяхъ, потому что интересно слѣдить за первымъ полетомъ орленка, даже раньше, чѣмъ онъ научится надлежащимъ образомъ расправлять крылья; наконецъ, столь-же подробно обсуждали три романа, составляющихъ фундаментъ славы ихъ автора. Но жизнь Лажечникова послѣ появленія „Басурмана“, хотя она продолжалась еще цѣлыхъ тридцать лѣтъ, достаточно обозрѣть самымъ краткимъ образомъ; достаточно бѣгло *досказать* эти послѣдніе тридцать лѣтъ жизни его, потому что и не жизнь это была, а только доживаніе, доживаніе жизни и таланта. Десятилѣтіе

съ 1830 г. по сороковой представляетъ собою кульминаціонный пунктъ жизни Лажечникова. „Послѣднимъ Новикомъ“ Лажечниковъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ своей славѣ. „Ледяной домъ“ былъ апогеемъ этой славы, „Басурманъ“ тоже очень много симпатій привлекъ на сторону своего автора, но все-таки онъ, хотя и не отдѣленъ бо́льшимъ разстояніемъ отъ вершины, чѣмъ „Послѣдній Новикъ“, находится уже по ту сторону перевала. А послѣ „Басурмана“ уже начинается жизнь подъ гору.

Въ служебномъ отношеніи, впрочемъ, Лажечниковъ слегка преуспѣвалъ, но именно только слегка. Въ третій разъ (въ 1842 г.) поступивъ на службу, онъ вскорѣ былъ назначенъ тверскимъ вице-губераторомъ. Человѣкъ, знающій, гдѣ раки зимуютъ, конечно, сумѣлъ-бы „отличиться“. Но Лажечниковъ, несмотря на знакомства и связи, которыя онъ имѣлъ, благодаря своей литературной славѣ, не только не „отличился“, но, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Твери, а затѣмъ чрезъ нѣкоторый промежутокъ назначенный въ Витебскъ тоже вице-губернаторомъ, въ 1854 году вышелъ снова въ отставку. Скоро, однакоже, нужда опять погнала его на службу — онъ хотѣлъ дослужиться до полной пенсіи. Въ новой своей должности — цензора петербургскаго цензурнаго комитета — Лажечниковъ пробылъ всего два года, съ 1856 по 1858 г., и въ чинѣ статскаго совѣтника (не важный результатъ 35-ти лѣтней службы) вышелъ окончательно въ отставку. Разсказъ Панаева, — редактора „Современника“, слѣдовательно человѣка мало склоннаго къ идеализаціи цензоровъ, свидѣтельствуетъ намъ, какъ тяжела была для Лажечникова новая его служба, хотя не слѣдуетъ забывать, что 1856, 1857 и 1858 годы — это медовый мѣсяцъ новой эры, наступившей послѣ крымской кампаніи, когда цензурѣ ни въ какомъ случаѣ не вмѣнялось въ обязанность давить литературу. Напротивъ того, желая по возможности прогрессивно обставить цензурное дѣло, правительство пригласило многихъ извѣстныхъ писателей. Въ это время поступилъ въ цензора и Гончаровъ. И тѣмъ не менѣе,

какъ мы знаемъ изъ разсказа Панаева, Лажечниковъ сильно терзался своею должностію.

Относительно цензорской дѣятельности Лажечникова существуетъ слѣдующее свѣдѣніе, сообщенное покойнымъ Ливановымъ въ „Совр. Извѣстіяхъ“ 1869 года, по поводу предстоящаго тогда пятидесятилѣтняго юбилея писательской дѣятельности Лажечникова:

„Въ послѣднее время, бывши цензоромъ въ С.-Петербургѣ, Ив. Ив. Лажечниковъ долженъ былъ читать романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?“ Какъ честный человѣкъ, онъ не могъ посягать, безъ собственной душевной боли, на чужую мысль, и въ то же время требованія службы (какъ единственное средство жизни) налагали на него извѣстныя обязанности. И сколькихъ мученій стоилъ этотъ романъ И. И. Лажечникову! Онъ плакалъ, прося Чернышевскаго согласиться выпустить нецензурное (тогдашняго времени). Чернышевскій плакалъ, защищая свое дѣтище. Обоимъ было больно до слезъ. Оба они собирались, плакали всегда до-сыта и расходились до слѣдующаго раза. И это во все время цензированія романа. Въ какомъ первоначальномъ видѣ написанъ былъ романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“—знаетъ только маститый старикъ И. И. Лажечниковъ“. („Совр. Изв.“ 1869 г., № 119).

Въ томъ видѣ, какъ фактъ этотъ переданъ Ливановымъ, онъ безусловно невѣренъ. Стоитъ только сопоставить цифры, чтобы увидѣть, что Ливановъ напуталъ. „Что дѣлать“ печаталось въ 1863 году, то есть пять лѣтъ спустя послѣ того, какъ Лажечниковъ оставилъ цензорскую службу, и писался въ тюрьмѣ, гдѣ Чернышевскій сидѣлъ тогда по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Но если мы, тѣмъ не менѣе, привели этотъ фактъ, то потому, что Ливановъ былъ довольно близокъ съ Лажечниковымъ въ послѣдніе годы его жизни, слѣдовательно, въ извѣстной степени разсказъ его все-таки имѣетъ значеніе, именно онъ, какъ намъ кажется, характеризуетъ, какъ неловко было другу Бѣлинскаго въ роли „умѣ-

рителя". Весьма вѣроятно, что Лажечниковъ какъ-нибудь разсказывалъ Ливанову о своихъ цензорскихъ терзаніяхъ, а Ливановъ, схвативши общій колоритъ, конкретные случаи перепуталъ. Предполагать же, что Ливановъ взялъ весь разсказъ изъ своей фантазіи, было-бы слишкомъ жестоко для памяти покойника, который, правда, привиралъ, но не могъ же, ни съ того, ни съ сего, сочинить цѣлую исторію, безъ всякой фактической подкладки.

Что касается литературной дѣятельности, то послѣ „Басурмана" Лажечниковъ, въ теченіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ, далъ себя знать только двумя драмами: „Христіернъ II и Густавъ Ваза" и „Дочь Еврея", комедіей „Окопировался" да крошечнымъ отрывкомъ изъ „Колдуна на Сухаревой Башнѣ". Неправильно было бы объяснить такую скудную дѣятельность однимъ утомленіемъ таланта. Одна изъ главныхъ причинъ этой скудости, несомнѣнно, служба, не дававшая никакихъ-либо живыхъ впечатлѣній, ни оставлявшая достаточно досуга. Въ доказательство: даже то немногое, что написано Лажечниковымъ съ 1838 г. до 1856 г., когда Лажечниковъ опять дѣятельно берется за перо, написано имъ, когда онъ былъ въ отставкѣ, а за время вице-губернаторства написана только крайне-примитивная „Дочь Еврея". Если сухой формализмъ тогдашней службы не повліялъ на Лажечникова, когда онъ писалъ „Ледяной домъ", то это была за то пора полнаго расцвѣта его таланта. Но періодъ утомленія таланта требовалъ болѣе тщательнаго и подходящаго подбора обстоятельствъ.

Нужно, впрочемъ, и то сказать, что, начиная съ конца тридцатыхъ годовъ, біографическій матеріалъ о Лажечниковѣ крайне скуденъ, такъ что, можетъ быть, какія-нибудь другія причины дурно повліяли на талантъ нашего писателя.

Очень можетъ быть, что его сильно обезкуражила передряга съ „Опричникомъ". Дѣло въ томъ, что въ 1842 г. Лажечниковъ написалъ бѣлыми стихами драму „Опричникъ". Бѣлинскому она очень нравилась, а Сенковскій ее взялъ у автора для помѣщенія въ „Библіотекѣ для чтенія"; но когда

онъ отправилъ ее къ цензору, тотъ ее рѣшительно запретилъ. И только въ 1859 году „Опричникъ“ могъ быть напечатанъ. Читая въ настоящее время „Опричника“, совершенно недоумѣваешь, что въ ней нецензурнаго. Намъ, привыкшимъ къ совершенно свободному обсужденію царственныхъ особъ, жившихъ до Петра I, непонятна такая строгость тогдашней цензуры.

Строгость эта служитъ лучшимъ доказательствомъ новизны пріемовъ, употребленныхъ Лажечниковымъ при обрисовкѣ Іоанна Грознаго, и слѣдовательно однимъ изъ „смягчающихъ обстоятельствъ“ для большихъ недостатковъ этой драмы. Убѣдительнѣе всего оправдалъ слабость „Опричника“ самъ Лажечниковъ въ предисловіи къ отдѣльному изданію драмы, появившемуся въ 1867 г. „Никто оспаривать не будетъ, *что я первый замыслилъ вывести гигантскую фигуру Іоанна на сцену*“. Литературное піонерство, какъ и всякое другое, всегда задача чрезвычайно трудная, а главное — чрезвычайно неблагодарная. На сценѣ, впрочемъ, „Опричникъ“ давался въ 1867 году съ успѣхомъ.

Съ другою историческою драмою Лажечникова, именно „Христіерномъ II и Густавомъ Вазой“ вышла курьезная исторія, до сихъ поръ ставившая втупикъ библіографовъ. Въ 1841 году въ „Отеч. Зап.“ появились первыя три явленія трагедіи „Густавъ Ваза“, подъ которыми было подписано: Лажечниковъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1842, сначала въ сборникѣ „Дагерротипъ“, а потомъ и отдѣльно появилась вся драма подъ заглавіемъ „Христіернъ II и Густавъ Ваза, драматическій опытъ въ 4 актахъ, соч. *А.* Лажечникова“. „Трудно было предполагать“, писалъ извѣстный библіографъ М. П. Лонгиновъ въ „Атенеѣ“ 1858 г., „чтобъ на заглавномъ листѣ этой книжки была пропущена опечатка въ самомъ имени автора. Страннѣе всего, что журналъ, помѣстившій за годъ до того отрывокъ изъ этой трагедіи, не разрѣшилъ вопроса: Иванъ-ли Ивановичъ Лажечниковъ написалъ ее, или какой-нибудь его однофамилецъ? Причемъ жур-

налъ этотъ сказалъ, что „и то и другое, можетъ быть, весьма вѣроятно“ („Отеч. Зап. 1842, № 9). Мы съ своей стороны не беремся разрѣшить это обстоятельство“. Еще страннѣе, прибавимъ мы отъ себя, что въ тѣхъ же „Отеч. Зап.“ Бѣлинскій, разбирая „Дагерротипъ“, говорилъ о „Христіернѣ“, нимало не сомнѣваясь въ томъ, что онъ принадлежитъ автору „Ледяного дома“. Когда-же Лажечниковъ не включилъ „Христіерна“ въ „полное собраніе“, то вопросъ, дѣйствительно, былъ запутанъ окончательно, такъ что недоумѣніе Лонгинова было вполнѣ законное. Есть, однакоже, данныя распутать „это обстоятельство“. Во-первыхъ, драма посвящена „Александру Михайловичу Бакунину“. Изъ воспоминаній Лажечникова о Бѣлинскомъ мы знаемъ, что Лажечниковъ былъ очень друженъ съ семействомъ Бакунинныхъ. А затѣмъ, мы въ „Воспоминаніяхъ“ Пассекъ прямо находимъ, въ одномъ изъ писемъ Лажечникова къ обоимъ супругамъ, слѣдующее мѣсто: „знаете-ли что? Я пишу теперь трагедію, и удивитесь—стихами. Густавъ Ваза герой моей піесы“ („Рус. Старина“ т. 19, стр. 436). „Обстоятельство“, значитъ, рѣшается окончательно.

„Скажемъ только“, говоритъ Лонгиновъ въ той-же статьѣ, „что трагедія не много прибавляетъ къ репутаціи Лажечникова, если и написана имъ“. Скажемъ и мы то же самое. Но несомнѣнно, однакоже, что „Христіернъ“ несравненно лучше драмъ его: „Вся бѣда отъ стыда“ (или „Дочь Еврея“), „Горбунъ“ и комедіи „Окопировался“, которыя тѣмъ, не менѣе, Лажечниковъ счелъ нужнымъ помѣстить въ полное собраніе своихъ сочиненій, между тѣмъ какъ „Христіерна“ выбросилъ.

О „Дочери Еврея“ и „Горбунѣ“ мы лучше ничего не скажемъ. Что-же касается „Окопировался“ то, какъ отъ водевиля, отъ него и требовать нечего. Поставленный въ 1854 г. на сцену (см. Вольфъ, „Хроника Петербургскихъ театровъ“), онъ имѣлъ успѣхъ.

„Колдуна на Сухаревой Башнѣ“ появилось только 4 главки или письма, по которымъ ничего нельзя было предсказать отно-

сительно цѣлаго. Личность Ивана Долгорукова обрисована невѣрно, но Остермана весьма недурно.

Долгое молчаніе свое Лажечниковъ прервалъ въ 1856 г. напечатаніемъ „Черненькихъ, Бѣленькихъ и Сѣренькихъ“ въ только-что народившемся „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова, который тогда еще былъ очень бѣленькимъ и не мѣтилъ еще въ предводители черненькихъ.

„Черненькими, Бѣленькими и Сѣренькими“ Лажечниковъ началъ цѣлый рядъ воспоминаній, которыя всѣ читаются съ большимъ интересомъ. Вслѣдъ за „Черненькими, Бѣленькими и Сѣренькими“, написанными въ беллетристической формѣ— какъ-бы исторія какого-то Пшеницына, — но тѣмъ не менѣе безусловно автобіографическаго характера, послѣдовало „Мое знакомство съ Пушкинымъ“, затѣмъ „Новобранецъ 12 года“, описывающій перипетіи вступленія нашего героя въ ряды дѣятелей отечественной войны, — затѣмъ въ „Моск. Вѣст.“ 1859 „Замѣтки для біографіи Бѣлинскаго“, которыя мѣстами полны захватывающаго интереса. Чрезъ пять лѣтъ, Лажечниковъ, въ „Р. Вѣст.“ 1864 г., помѣстилъ „воспоминанія о Ермоловѣ“, или вѣрнѣе объ Остерманѣ-Толстомъ и, наконецъ, въ 1866 г. „Какъ я зналъ Магницкаго“. Послѣднія двѣ статьи написаны нѣсколько запутано, старикъ-авторъ постоянно сбивается съ нити разсказа, начинаетъ одно, не кончивши другого, повторяется и т. д. Но все-таки онѣ читаются съ интересомъ, и самая разбросанность ихъ и отсутствіе системы придаютъ имъ особенно добродушный характеръ. Въ общемъ весь этотъ циклъ воспоминаній составляетъ лучшее, что писалъ Лажечниковъ за вторую половину своей литературной дѣятельности. Такъ и отражается въ нихъ ясная, чистая и незлобивая душа добродушнаго старичка-автора, безъ тѣни какого-либо брюзжанія, столь свойственнаго людямъ, разговорившимся о времени, когда и они были солью земли. Написаннымъ-же чисто-беллетристически „Черненькимъ, Бѣленькимъ и Сѣренькимъ“ еще большую прелесть и привлекательность придаетъ эпическая простота и спокойствіе, съ которыми разработанъ сюжетъ.

Хорошо-бы было, еслибы Лажечниковъ только и ограничился воспоминаніями, т.-е. вращался-бы въ сферѣ явленій, ему вполнѣ знакомыхъ. Но человѣкъ живой и впечатлительный, юноша у порога гроба, Лажечниковъ не захотѣлъ возиться только со старьемъ и, снова усиленно взявшись съ 1856 г. за перо, во что бы то ни стало захотѣлъ сказать свое слово и о злобѣ дня. Результатомъ этого явились два большихъ романа, одинъ—„Немного лѣтъ назадъ“, начатый въ 1858 г. и выпущенный въ свѣтъ въ 1862 г., а другой—„Внучка панцырнаго боярина“, напечатанный во „Всемірномъ Трудѣ“ 1868 г.

Лажечниковъ имѣлъ полное право вмѣшаться въ злобу дня, потому что едва-ли было много молодыхъ юношей, которые такъ близко приняли-бы ее къ сердцу, какъ 64-лѣтній авторъ „Ледяного дома“, когда онъ садился писать „Немного лѣтъ назадъ“.

Съ чисто-молитвеннымъ восторгомъ относился онъ къ новой эрѣ, наступившей послѣ крымской войны. Свидѣтельства Панаева, Пассекъ и Островскаго, общій духъ его произведеній достаточно выяснили намъ Лажечникова со стороны его воспріимчивости и чуткости ко всему хорошему и благородному. Какъ-же должно было радоваться его доброе сердце при видѣ торжества гуманности и свѣта надъ мракомъ и грубостью прежней эпохи, какимъ искреннимъ благоговѣніемъ должна была наполниться чистая душа его, всю жизнь жаждавшая правды и справедливости, при видѣ грядущей побѣды новыхъ началъ, выступавшихъ именно подъ знаменемъ правды и справедливости для борьбы съ арміей зла.

Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, почему Лажечниковъ, по лѣтамъ человѣкъ стараго поколѣнія, долженъ былъ относиться восторженнѣе къ новой эрѣ, чѣмъ представители поколѣнія молодого, хотя они и были дѣти этой эры. Человѣкъ все познаетъ и цѣнитъ чрезъ сравненіе. Вотъ почему молодое поколѣніе, не знавшее старыхъ безобразій, не могло такъ восторженно относиться къ новому порядку, какъ старикъ Ла-

жечниковъ, помнившій не только николаевскія, но и павловскія времена. И могъ-ли раздѣлять Лажечниковъ тотъ скептицизмъ, который, въ силу общаго закона человѣческой души желать всего лучшаго и лучшаго, вскорѣ заставилъ молодое поколѣніе насмѣшливо относиться къ россійскому „прогрессу?“ Могъ-ли понимать Лажечниковъ недовольство Пироговымъ, онъ, который помнилъ Магницкаго, могъ-ли Лажечниковъ понимать недовольство той свободою, которою пользовалось русское слово въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ, которому наложило veto на невиннѣйшаго „Опричника“, могъ-ли, наконецъ, Лажечниковъ понимать, что не всякій согласится быть владѣльцемъ фабрики даже съ „вольнонаемными“ рабочими, онъ который семьдесятъ лѣтъ прожилъ при крѣпостномъ правѣ и видѣлъ военныя поселенія.

Нѣтъ, ничего такого не въ состояніи былъ понимать восторженный старикъ. Новая эра могла ему казаться только золотымъ вѣкомъ, идеаломъ человѣческихъ желаній и стремленій. Сердце его черезъ край было наполнено безграничнымъ благоговѣніемъ и благодарностью.

И вотъ этотъ-то восторгъ и благоговѣйное отношеніе къ началамъ русскаго „прогресса“ и составляетъ основу романа „Немного лѣтъ назадъ“. Въ немъ столько наивной вѣры въ то, что эти начала насадятъ рай земной, съ такою серьезностью авторъ вамъ доказываетъ на многихъ страницахъ вредъ сословныхъ предразсудковъ, съ такимъ жаромъ обличаетъ взяточниковъ, съ такимъ восторгомъ проповѣдуетъ, что слѣдуетъ быть добрымъ, а не злымъ, и, наконецъ, такъ глубоко убѣжденъ, что порокъ всегда наказывается, а добродѣтель всегда торжествуетъ, что въ общемъ именно эта азбучность васъ трогаетъ и умиляетъ. Развѣ неумилительно видѣть человѣка, сквозь семьдесятъ лѣтъ жизни пронесшаго вѣру, хотя-бы и очень примитивнаго свойства, въ добро и справедливость на землѣ.

Но понятно, что эта-же самая наивность, которая такъ симпатично обрисовываетъ душу Лажечникова, не могла не отозваться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на романѣ, ко-

торый вышелъ образцомъ прописной морали, паточнаго взгляда на жизнь и чисто-маниловской прогрессивности.

Критика того времени не только не осталась довольна романомъ, какъ литературнымъ произведеніемъ, но даже далеко не вся прониклась вѣрою въ искренность прогрессивности автора. Было высказано даже такое несправедливое и неосновательное предположеніе, что Лажечниковъ хотѣлъ *подладиться* къ молодому поколѣнію. Конечно, это говорили люди, плохо знавшіе жизнь и литературную дѣятельность Лажечникова. Но за то авторитетнѣйшій изъ тогдашнихъ журналовъ— „Современникъ", вполнѣ правильно оцѣнивши самый романъ, съ большою симпатіею отнесся къ добрымъ намѣреніямъ автора.

„Несмотря на многолѣтній періодъ своей литературной дѣятельности", говорилось въ рецензіи, „несмотря на то, что въ теченіе этого періода много воды утекло, г. Лажечниковъ всегда оставался вѣренъ тѣмъ чистымъ и честнымъ убѣжденіямъ, которыя проходятъ сквозь всю его литературную дѣятельность. Пылкій и воспріимчивый юноша (?) двадцатыхъ годовъ, восторженными красками изображавшій любовь пламеннаго старца Волынскаго къ цыганкѣ Маріорицѣ, онъ сдѣлался пылкимъ и воспріимчивымъ старцемъ, восторженными красками изображающимъ радость, по поводу разныхъ предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ для блага отечества. Добро и зло, проходившее мимо его, не оставляли его равнодушнымъ: первое встрѣчало всѣ его симпатіи, второе волновало его. Съ этой стороны, г. Лажечниковъ самая сочувственная молодому поколѣнію личность изъ всей фаланги старыхъ литераторовъ".

Вслѣдъ затѣмъ рецензентъ восхищается тою „драгоцѣнною искренностью", которою „въ замѣчательной степени обладаетъ г. Лажечниковъ. Онъ весь виденъ въ своихъ произведеніяхъ; читая его, можно не соглашаться съ его образомъ мыслей, можно даже находить его нѣсколько наивнымъ и отсталымъ, но нельзя не сказать: это писалъ честный человѣкъ; это писалъ человѣкъ, которому нечего скрываться и не для кого

рядиться въ шутовскія одежды притворныхъ радостей и своекорыстнаго, скороудовлетворяющагося либеральничанья". („Современ". 1863 г., № 1—2, стр. 111).

Что сказать о другомъ романѣ Лажечникова, — „Внучка панцырнаго боярина", въ которомъ онъ старался задѣть одинъ изъ вопросовъ дня — именно вопросъ польскій? Лучше всего ничего не сказать. У каждаго писателя есть свой lapsus calami. У Бѣлинскаго была „Бородинская годовщина". Простимъ-же и Лажечникову его „Внучку панцырнаго боярина", писанную притомъ, однакоже, въ простотѣ душевной. Въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ только-что кончившагося польскаго возстанія, почти во всемъ русскомъ обществѣ господствовала узкая ненависть къ полякамъ. Лажечниковъ поддался ей, слѣдовательно, забылъ обязанность писателя стать выше предразсудковъ и слѣпыхъ страстей — въ этомъ его вина.

Послѣднимъ произведеніемъ Лажечникова была выкроенная изъ „Басурмана" драма „Матери соперницы", писанная за годъ до смерти. Также какъ и всѣ почти драматическія произведенія Лажечникова, она всего менѣе усиливаетъ славу его.

XII

Въ заключеніе нашего очерка разскажемъ про юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности Лажечникова, который праздновался въ Москвѣ 3 мая 1869 г. Собственно говоря, это былъ только пятидесятилѣтній юбилей со времени вступленія Лажечникова въ члены общества Любителей словесности. Писать же онъ началъ, какъ мы знаемъ, въ 1807 году. Устройство празднованія взялъ на себя Артистическій кружокъ. Празднованіе вышло очень характерное. Въ чемъ заключалась эта характерность — объяснимъ дальше, а покамѣстъ изложимъ ходъ юбилея, на которомъ самъ юбиляръ, вслѣдствіе болѣзни, не могъ присутствовать, а присутствовала его жена и дѣти. Скажемъ кстати, что, лишившись въ 1852 г. первой жены своей, Лажечниковъ въ слѣдующемъ (1853) году

женился вторично на Маріѣ Ивановнѣ Озеровой. Несмотря на значительную разницу лѣтъ (Лажечникову было при женитьбѣ 61 годъ, а г-жа Озерова была совсѣмъ молодая дѣвушка), Лажечниковъ, по словамъ г. Нелюбова: „нашелъ въ своей второй женѣ нѣжную и безгранично-преданную подругу, которая сдѣлалась самою благодѣтельною и самоотверженною опорою состарѣвшагося писателя. Отъ этого брака родились у Лажечникова одинъ сынъ и двѣ дочери, оставшіеся наслѣдниками его славнаго имени".

Празднованіе происходило въ городской думѣ.

Когда прибыло семейство юбиляра—жена его и дѣти,—оркестръ исполнилъ торжественный маршъ, и вслѣдъ затѣмъ А. Н. Островскій открылъ засѣданіе рѣчью, главное содержаніе которой уже извѣстно намъ; послѣ него попечитель Московскаго округа, князь Ширинскій-Шихматовъ, сказавши отъ себя нѣсколько привѣтственныхъ словъ, прочиталъ письмо министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, извѣщавшее юбиляра о пожалованіи ему „во вниманіе къ почетной извѣстности въ литературѣ" брилліантоваго перстня. Затѣмъ попечитель-же прочиталъ рескриптъ, данный на имя Ивана Ивановича Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ — нынѣ царствующимъ императоромъ Александромъ III:

„Иванъ Ивановичъ! Узнавъ о совершившемся пятидесятилѣтіи вашей литературной дѣятельности, вмѣняю себѣ въ удовольствіе привѣтствовать васъ въ день, предназначенный къ празднованію этого событія. Мнѣ пріятно заявить вамъ при этомъ случаѣ, что *Послѣдній Новикъ*, *Ледяной домъ* и *Басурманъ*, вмѣстѣ съ романами покойнаго Загоскина, были, въ первые годы молодости, любимымъ моимъ чтеніемъ и возбуждали во мнѣ ощущенія, о которыхъ и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю. Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей, въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ къ оживленію народнаго со-

мосознанія и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу. Не сомнѣваюсь, что и ваши произведенія, по духу, которымъ они проникнуты, всегда согласовались со свойственными каждому русскому человѣку чувствами преданности Государю и Отечеству и ревности о благѣ, о правдѣ и чести народной.

„Препровождаемый при семъ портретъ мой да послужитъ вамъ во свидѣтельство моего уваженія къ заслугамъ многолѣтней вашей дѣятельности".

По прочтеніи рескрипта, выслушаннаго стоя, оркестъ заигралъ гимнъ „Боже Царя храни". Затѣмъ началось чтеніе профессоромъ Московскаго университета Н. А. Поповымъ адресовъ, письменныхъ и телеграфическихъ поздравленій. Приведемъ наиболѣе характерные. Первыми привѣтствовали юбиляра соотечественники—городское общество города Коломны: „Что звѣзды красятъ небо, то заслуженные таланты и съ высокими достоинствами граждане красятъ всякое отечество. Мы, жители Коломны, твои одногорожане, гордились доселѣ тѣмъ, что среди насъ родилось свѣтило науки — покойный Филаретъ московскій; нынѣ будемъ гордиться и тѣмъ еще, что изъ нашего города, и притомъ изъ среды купеческаго сословія, вышелъ замѣтный представитель литературы русской и достойный слуга Царя нашего на всѣхъ государственныхъ должностяхъ, ему поручаемыхъ. Мы чтимъ въ твоемъ лицѣ лучшаго гражданина города Коломны и подносимъ тебѣ, вмѣстѣ съ кубкомъ, русскіе хлѣбъ-соль изъ колыбели твоей родины. Прими ихъ отъ насъ, какъ знакъ того глубокаго уваженія, съ какимъ имя твое будетъ навсегда сохранено въ лѣтописяхъ города Коломны".

Затѣмъ было прочитано замѣчательное письмо — привѣтствіе отъ Писемскаго.

„Иванъ Ивановичъ! Вы принадлежите еще къ писателямъ „Пушкинскаго времени" и посреди ихъ вы являетесь лучшимъ русскимъ историческимъ романистомъ: за вами тогда еще было усвоено названіе, что вы нашъ „Вальтеръ-Скоттъ".

Успѣхъ вашихъ романовъ былъ всеобщій: вся тогдашняя грамотная Россія прочла ихъ и восхищалась ими. Такую общую симпатію, я полагаю, они возбудили не столько новостью этого рода произведеній и не тѣмъ, что въ нихъ описывались историческія происшествія и историческія лица, сколько другимъ, гораздо болѣе прочнымъ качествомъ — это всюду проникающими въ нихъ вашимъ поэтическимъ міровоззрѣніемъ и тѣмъ добрымъ и мягкимъ колоритомъ, который разлитъ во всѣхъ изображаемыхъ вами картинахъ и присущъ даже всѣмъ выводимымъ вами лицамъ. Кто не помнитъ этой кроткой племянницы пастора, ѣдущей въ жаркій день по пустынямъ Лифляндіи, и которой потомъ слѣпецъ предсказываетъ высокую будущность русской императрицы! Кто не знаетъ наизусть вашей пѣсенки:

Сладко пѣлъ душа-соловушекъ
Въ зеленомъ моемъ саду.

Я до сихъ поръ не могу забыть того поэтическаго впечатлѣнія, которое произвела на меня глава *Тильзитъ* въ вашемъ романѣ: *Ледяной домъ*, гдѣ пылкая Маріорица посылаетъ съ груди своей крестъ предмету своей преступной страсти. (Писемскій тутъ перепуталъ Анастасію изъ „Басурмана“ съ Маріорицей). Даже самый Волынскій, не говоря уже объ его пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, какъ-бы очищенъ вами и отъ всѣхъ другихъ, гораздо болѣе существенныхъ недостатковъ человѣческихъ: онъ является у васъ молодымъ, благороднымъ и влюбленнымъ!

„Но, при всей вашей наклонности изображать добрую и хорошую сторону души человѣческой, вы, въ лучшихъ вашихъ произведеніяхъ, совершенно избавились отъ несвойственной русскому человѣку мечтательности Жуковскаго. Передъ вашими товарищами-романистами вы имѣли огромное преимущество: добродушнаго Загоскина вы превосходили своимъ образованіемъ и ужь, разумѣется, какъ свѣточъ ничѣмъ незапятнанной честности, горѣли надъ темною дѣятельностью газет-

чика Булгарина; въ вашихъ произведеніяхъ никогда не было безстрастныхъ страстей Марлинскаго и его фосфорическаго блеска, который только свѣтилъ, но не грѣлъ; ваша теплота была сообщающаяся и согрѣвающая! Вы ни разу не прозвучали тѣмъ притворнымъ и фабрикованнымъ патріотизмомъ, которымъ запятналъ свое имя Полевой, и никогда не рисовали, подобно Кукольнику, риторически ходульно-величавыхъ фигуръ. Всѣхъ ихъ, смѣю думать, вы были истиннѣе, искреннѣе и ближе стояли къ вашему великому современнику Пушкину, будя вмѣстѣ съ нимъ въ душѣ русскихъ читателей настоящую и неподдѣльную поэзію".

Престарѣлый Ѳедоръ Глинка въ своемъ привѣтствіи вспоминалъ: „какъ возникла, росла, крѣпла и мужала заслуженная извѣстность" Лажечникова, свидѣтельствовалъ, что *„Новикъ"* былъ, дѣйствительно, явленіемъ новымъ и скоро сталъ другомъ стариковъ и юношей, а въ *„Ледяномъ домѣ"* какъ-то тепло было многочисленнымъ читателямъ".

Погодинъ старался убѣдить юбиляра, что „признательность соотечественниковъ" должна служить ему „утѣшеніемъ въ перенесенныхъ скорбяхъ, неразлучныхъ съ нею и вообще съ человѣческой жизнью". Вмѣстѣ съ тѣмъ маститый историкъ, очевидно знакомый съ финансовымъ положеніемъ Лажечникова, утѣшалъ его, что „касательно судьбы семейства, дѣтей" своихъ онъ „можетъ быть совершенно спокоенъ, такъ какъ они остаются на попеченіи не только семейства, но и всего русскаго общества".

Тверитяне, „полные воспоминаній о литературной, общественной и административной дѣятельности" Ивана Ивановича, слали ему „свой привѣтъ и поздравленіе". Петербургскій клубъ художниковъ приносилъ „свой сердечный привѣтъ старѣйшему изъ русскихъ литераторовъ". Поздравлялъ затѣмъ юбиляра, чрезъ князя Черкасскаго, петербургскій отдѣлъ Славянскаго комитета. „Проживающіе въ Кронштадтѣ почитатели таланта" Ивана Ивановича „и честнаго гражданскаго направленія его", поздравляли его съ полувѣковымъ юбилеемъ и

„съ живѣйшею благодарностью“ вспоминали „о покровительствѣ, оказанномъ незабвенному Бѣлинскому на первыхъ порахъ его литературной дѣятельности“. Члены педагогическаго совѣта владимірской гимназіи просили А. Н. Островскаго передать юбиляру, что „всѣ они живо помнятъ благотворное на себѣ вліяніе прекрасныхъ его твореній, и всѣ въ этотъ многознаменательный для него день приносятъ ему искреннее благодареніе за благородныя чувства, которыя не безслѣдно рождались въ ихъ душѣ, при чтеніи прекрасныхъ его произведеній“. Воронежская гимназія просила старшинъ артистическаго кружка „выразить достойнѣйшему юбиляру отъ лица наставниковъ и воспитанниковъ гимназіи искреннее поздравленіе, глубочайшую благодарность за воспитаніе многихъ поколѣній въ чувствахъ любви и преданности ко всему русскому и за примѣръ собственной, строго-честной и поучительной жизни“. Поздравляли 5-я петербургская гимназія, тамбовская, смоленская. Особенно тепло привѣтствовала юбиляра тверская гимназія: „Учащіе и учащіеся тверской гимназіи, въ которой живо сохраняется память о васъ, какъ о бывшемъ ея директорѣ, шлютъ вамъ искреннія благожеланія и привѣтствія. Въ памяти каждаго изъ насъ и болѣе взрослыхъ нашихъ воспитанниковъ, какъ у каждаго образованнаго русскаго человѣка, хранятся ваши литературныя произведенія, дышащія чувствомъ любви къ родинѣ. Все въ Твери постоянно живо напоминаетъ о васъ: гимназическая библіотека, многія книги которой хранятъ ваши замѣтки, сдѣланныя, можетъ быть, во время самаго созданія нѣкоторыхъ вашихъ произведеній; кромѣ гимназіи—самый городъ Тверь, въ которомъ вы долго были главнымъ помощникомъ начальника губерніи, даже самыя окрестности Твери, описанныя вами въ вашихъ прекрасныхъ, поэтическихъ созданіяхъ. Нѣкоторые изъ гимназической семьи и вообще жителей города, имѣвшіе счастіе пользоваться вашею бесѣдою, съ удовольствіемъ вспоминаютъ литературные вечера, на которыхъ слышали чтеніе *Опричниковъ* и другихъ вашихъ произведеній, въ то время, когда вашъ

голосъ изъ первыхъ началъ обличительно раздаваться въ нашей литературѣ, съ поэтическою вѣрностію воспроизводя наши историческія эпохи и ихъ дѣятелей". Редакція „Сына Отечества" поздравляла юбиляра съ пятидесятилѣтіемъ „литературной дѣятельности, которая навсегда останется въ исторіи русскаго образованія и въ памяти всѣхъ, кому оно дорого". Редакція „Всемірнаго Труда" констатировала, что юбиляръ „долго и честно служилъ родному слову и русской мысли и на этомъ поприщѣ пріобрѣлъ себѣ искреннее сочувствіе русской публики и русской литературы".

Послѣ поздравительныхъ писемъ и телеграммъ, г. Ливановъ прочелъ довольно обстоятельный очеркъ жизни юбиляра, любопытный тѣмъ, что состоитъ, главнымъ образомъ, изъ автобіографической записки самого Лажечникова. Затѣмъ, послѣ небольшого антракта, была исполнена увертюра, сочиненная въ честь юбиляра старшиною артистическаго кружка г. Герберомъ, и читались отрывки изъ сочиненій Лажечникова гг. Чаевымъ, кн. Кугушевымъ и артистами гг. Вильде, Самариномъ и Васильевой.

Закончился вечеръ рѣчами редактора „Совр. Изв." Гиляpова-Платонова и поднесеніемъ подарковъ юбиляру. Подарки (всѣ серебряные) были слѣдующіе: отъ города Коломны кубокъ; отъ него-же блюдо съ надписью: „честному мужу честенъ и поклонъ отъ гор. Коломны"; отъ него-же солонка; отъ Московскаго артистическаго кружка большой, почти въ аршинъ величины серебряный, вызолоченный ковчегъ, въ которомъ положены были сдѣланныя изъ серебра XI томовъ соч. Лажечникова. На ковчегѣ сдѣлана между другими слѣдующая надпись: на одной сторонѣ Московскій артистическій кружокъ „чествуетъ дарованіе, честное служеніе отечеству и патріотизмъ"; отъ издателей „Русскаго Вѣстника", гг. Каткова и Леонтьева—большая массивная стопа изъ серебра; кубокъ отъ „Всемірнаго труда"; кубокъ отъ газеты „Новое Время"; кубокъ отъ „Совр. Извѣстій" и кубокъ, кружка и подносъ отъ г. Твери.

Отъ читателя, конечно, не ускользнулъ основной колоритъ юбилея, на подробностяхъ котораго мы нарочно останавливались, потому что онѣ характерны. Если мы, при разборѣ произведеній Лажечникова, дорожили отзывами и находили, что они устанавливаютъ дѣйствительное значеніе и положеніе нашего романиста въ русской литературѣ, то еще болѣе драгоцѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ намъ юбилей, который является собраніемъ множества рецензій, одновременно высказанныхъ. Правда, высказался на юбилеѣ, за двумя, тремя исключеніями, почти одинъ только изъ литературныхъ лагерей. Но именно это-то и характерно, что не всѣ литературные лагери захотѣли принять участіе въ чествованіи автора „Ледяного дома“. Кто, въ самомъ дѣлѣ, чествовалъ Лажечникова? Большею частью лица оффиціальныя, гимназіи, журналисты „охранительнаго“ лагеря. Что они говорили въ похвалу Лажечникову? Почти всѣ выдвигали на первый планъ его «*патріотическое*» направленіе.

Передовая петербургская журналистика и публика, представляемая ею, въ юбилеѣ Лажечникова участія почти не принимала. Такой фактъ съ перваго раза поражаетъ и какъ-бы ослабляетъ ту симпатичную обрисовку, которую мы старались придать ансамблю творческой дѣятельности Лажечникова. Но на самомъ дѣлѣ тутъ никакого противорѣчія нѣтъ. Нужно припомнить время, когда праздновался юбилей, и дѣло выяснится намъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Юбилей происходилъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда шла отчаяннѣйшая ломка прошлыхъ идеаловъ и сбрасываніе съ пьедесталовъ прежнихъ кумировъ. Не только Лажечниковъ, писатель сравнительно второстепенный, но и Пушкинъ, и Лермонтовъ, наконецъ вся блистательная плеяда сороковыхъ годовъ, все это подвергалось жестокому отрицанію. Если бы открытіе памятника Пушкину происходило не въ 1880 г., а въ 1869 г., то нѣтъ сомнѣнія, что онъ не былъ бы такимъ всеобщимъ праздникомъ русской интеллигенціи и привлекъ бы какъ разъ именно тѣ же самые элементы, которые чествовали

Лажечникова, какъ разъ тѣ же элементы, которымъ въ Пушкинѣ, попреимуществу, нравится „Чернь“, „О чемъ шумите вы, народные витіи“ и другія стихотворенія въ этомъ родѣ. Въ свою очередь, и петербургская журналистика именно изъ-за этихъ стихотвореній, забывая все остальное, созданное Пушкинымъ, и не приняла бы участія въ чествованіи Пушкина, если бы оно происходило въ шестидесятыхъ годахъ. Что мы не высказываемъ одни только ничѣмъ фактическимъ не подтверждаемыя предположенія, можно доказать юбилеемъ Писемскаго. Даже въ 1875 г. вражда къ людямъ, не совсѣмъ въ унисонъ поющимъ съ нами, была еще настолько сильна, что чествованіе такого крупнаго и первоклаcснаго писателя, какъ авторъ „Тысячи душъ“, вышло очень одностороннимъ.

Одностороннее празднованіе юбилея Лажечникова обязываетъ насъ закончить нашъ очеркъ такъ же, какъ мы его начали, —подчеркиваніемъ, внѣшне-патріотическаго направленія автора „Новика“. Повидимому правильно выдвигали на первый планъ директора гимназіи и редакціи изданій въ родѣ „Совр. Извѣстій“ „патріотизмъ“ Лажечникова. Они имѣли извѣстное право видѣть въ „Новикѣ“ и „Ледяномъ домѣ“ отраженіе своего духа и своихъ мыслей.

Но право только внѣшнее. Если дѣйствительно мы у Лажечникова находимъ полный букетъ идей шаблоннаго патріотизма, то все-таки, какъ это уже развито болѣе подробно въ нашемъ вступленіи, они согрѣты такимъ страстнымъ огнемъ убѣжденія и исповѣдуются съ такою искренностью, что только съ большою натяжкою г. Катковъ, поднося кубокъ, зачислялъ юбиляра въ ряды „своихъ“. Вѣдь если Бѣлинскій въ 1842 году, слѣдовательно уже во второй періодъ своей жизни, когда онъ съ краскою на лицѣ вспоминалъ статейку о „Бородинской годовщинѣ“, если Бѣлинскій этого періода, т.-е. человѣкъ, подъ направленіемъ котораго съ радостью подпишется всякій передовой человѣкъ и нашего времени, писалъ про Лажечникова: „онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ вліяніе особенно сильно на нравственное

развитіе современнаго имъ общества"; да, если таково мнѣніе Бѣлинскаго объ ансамблѣ творческой личности Лажечникова, то неужели-же можно серьезно зачислить автора „Новика" въ ряды такъ называемыхъ „патріотовъ своего отечества". Нѣтъ, Лажечниковъ патріотъ искренній и пламенный и если современному человѣку нельзя у него заимствовать содержаніе его понятій о патріотизмѣ, то можно за то научиться у него глубинѣ и полнотѣ самаго чувства любви къ родинѣ.

Въ заключеніе приведемъ слова Пушкина изъ письма его къ Лажечникову: *„поэзія всегда останется поэзіей, и многія страницы вашего романа („Ледяной домъ") будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ"*. Приводя эти слова, мы не желаемъ задавить читателя авторитетомъ Пушкина. Мы только этимъ еще разъ хотимъ напомнить ему объ обязательности исторической критики при знакомствѣ съ писателями прошлаго, той самой исторической критики, безъ которой не будетъ вполнѣ понятенъ и самъ Пушкинъ. Читая Лажечникова, пусть читатель не вмѣняетъ ему внѣшнихъ недостатковъ, обусловленныхъ вкусами того времени. Пусть отдѣляетъ *суть*, пусть ищетъ правды не внѣшней, а психологической, —и, несомнѣнно, онъ и въ „Новикѣ", и въ „Басурманѣ", уже не говоря о „Ледяномъ домѣ" найдетъ много весьма замѣчательнаго.

Не долго жилъ Лажечниковъ послѣ своего юбилея. 26-го іюня 1869 г. онъ тихо умеръ. Въ завѣщаніи своемъ онъ написалъ: „состоянія женѣ и дѣтямъ моимъ не оставляю никакого, кромѣ честнаго имени, каковое завѣщаю и имъ самимъ блюсти и сохранить въ своей чистотѣ".

С. Венгеровъ.

БѢЛЕНЬКІЕ, ЧЕРНЕНЬКІЕ И СѢРЕНЬКІЕ

Подъ этимъ заглавіемъ выдаю исторію одного семейства и портреты нѣкоторыхъ его современниковъ. Семейство это зналъ я съ первыхъ годовъ моей юности. Послѣдній представитель его, Иванъ Максимовичъ Пшеницынъ, (вымышленная фамилія, какъ и всѣ прочія, упоминаемыя въ этомъ временникѣ), умеръ въ концѣ прошедшаго года, назначивъ меня своимъ душеприказчикомъ. Разбирая его бумаги, я нашелъ въ нихъ нѣсколько рукописныхъ тетрадей, хранившихся вмѣстѣ подъ одной обложкой, на которой была затѣйливая надпись: «*Бѣленькіе, Черненькіе и Сѣренькіе —списаны на поученіе и удовольствіе моихъ потомковъ*». Каждая тетрадь носитъ свое собственное заглавіе и имѣетъ свое содержаніе. Такъ, въ первой идетъ разсказъ о жизни семейства Пшеницыныхъ въ *Старомъ домѣ;* во второй—помѣщены портреты *Замѣчательныхъ городскихъ личностей;* третья, подъ заглавіемъ: *Соляной приставъ;* въ четвертой опять описаніе жизни семейства Пшеницыныхъ въ *Новомъ домѣ;* затѣмъ описаніе ихъ жизни въ *деревнѣ*, со включеніемъ портретовъ *Замѣчательныхъ деревенскихъ личностей*, и такъ далѣе. Всѣ тетради составлены изъ разныхъ лоскутковъ, безпорядочно сшитыхъ.

Списаны на поученіе и удовольствіе потомковъ? думалъ я; слѣдственно авторъ желалъ, чтобы по смерти его рукопись была издана. Воля покойника священна для душеприказчика его. Исполняю эту волю, какъ полагаю, лучше.

Кажется, сочинитель временника желалъ, но, вѣроятно, не успѣлъ или полѣнился соединить свой разсказъ въ болѣе стройное цѣлое. Это замѣтно изъ того, что онъ далъ всѣмъ тетрадямъ одно общее заглавіе; сверхъ того, въ описаніяхъ современниковъ его нерѣдко упоминается о томъ или другомъ изъ членовъ семейства Пшеницыныхъ, имѣвшихъ съ самими оригиналами портретовъ сношенія и связи. Въ подлинной рукописи оказывались пробѣлы, возбуждавшіе нѣкоторые занимательные вопросы о характерѣ и жизни Пшеницыныхъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ обращался къ собственнымъ своимъ воспоминаніямъ, такъ какъ многія событія, касающіяся этого семейства, проходили передъ моими глазами. Все это, гдѣ нужно и возможно было, связалъ я и дополнилъ собственными замѣтками и дорисовкой, какъ живописецъ склеиваетъ и подправляетъ старыя картины, въ разныхъ мѣстахъ прорванныя. Такимъ образомъ составилъ я нѣчто цѣлое, сколько позволила мнѣ форма, въ которую авторъ облекъ свои произведенія. При сочиненіи оставилъ я названіе, данное ему самимъ завѣщателемъ, по пословицѣ: «всякій баронъ имѣетъ свою фантазію». Объ Иванѣ Максимовичѣ говорю въ третьемъ лицѣ, какъ и онъ говорилъ о себѣ. Можетъ быть, въ трудѣ моемъ и видны бѣлыя нитки: что-жь дѣлать? я выполнилъ его по разумѣнію моему и по возможности.

Представляю этотъ сборникъ суду читателей, какъ издатель и отчасти авторъ его. Прошу помнить, это не романъ, требующій болѣе единства и связи въ изо-

браженіи событій и лицъ, а временникъ, не подчиняющійся строгимъ законамъ художественныхъ произведеній.

Необходимо еще оговорить, что онъ начинается съ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія и доходитъ до двадцатыхъ годовъ XIX-го. Какъ видите,

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ!

ТЕТРАДЬ I

Въ старомъ домѣ

Иванъ Максимовичъ Пшеницынъ родился въ уѣздномъ городкѣ Холоднѣ. Вы не найдете этого города на картѣ. Однакожь, для удобности разсказа, я помѣстилъ его верстахъ во ста отъ Москвы. Хоть эта уловка похожа на хитрость, кажется, страуса, который, чтобъ укрыть себя отъ преслѣдованій охотниковъ, прячетъ свою голову и туловище въ дупло, а оставляетъ хвостъ наружу; но, несмотря на то, что въ вымышленномъ названіи мѣсторожденія Пшеницына видѣнъ хвостъ, я все-таки, по нѣкоторымъ уважительнымъ причинамъ, прячу лицо въ это дупло.

Иванъ Максимовичъ помнилъ изъ первыхъ годовъ своего дѣтства жизнь въ этомъ городкѣ, на Запрудьѣ, въ каменномъ одноэтажномъ домикѣ, съ деревянною ветхою крышей, изъ трещинъ которой, на зло общему разрушенію, пробиваются кое-гдѣ молодыя березы. Она испещрена наросшимъ на нее мохомъ разныхъ цвѣтовъ. Верхи стѣнъ окаймлены зеленью плѣсени въ видѣ неровной бахромы. Въ окнахъ желѣзныя рѣшетки. Когда мальчикъ впослѣдствіи перешелъ на новое жилище, ему долго еще чудились жалобные стоны

отъ желѣзныхъ ставней, которые такъ часто, на яву въ темные вечера и сквозь сонъ, заставляли жутко биться его дѣтское сердце. Памятенъ ему былъ даже сиплый лай старой цѣпной собаки и домикъ ея у воротъ, такой же ветхій, какъ и господскій. Увидавъ мальчика, она съ визгомъ бросалась къ ногамъ его и лизала ему ручонки, забывая сытную подачку, которую онъ приносилъ ей отъ своего стола. Въ комнатахъ темно, пахнетъ затхлымъ; мебель старая, неуклюжая, обитая черною кожею; всѣ принадлежности къ дому разрушаются, заборы кругомъ если не совсѣмъ прилегли къ землѣ, такъ потому, что подперты во многихъ мѣстахъ толстыми кольями. Домъ стоитъ на огромномъ пустырѣ. Сзади, на нѣсколько десятковъ саженъ, ямы и рытвины, изъ которыхъ, вѣроятно, много лѣтъ добывалась глина. Зато далѣе какой чудный видъ изъ двухъ калитокъ, обращенныхъ на западъ и полдень! На возвышеніи кругомъ въ два ряда высятся къ нему столѣтнія липы: онѣ съ воемъ ведутъ иногда споръ съ бурями, и несмотря на свою старость, еще не сломили головы своей.—Это стонетъ змѣй Горынычъ, который провалился тутъ сквозь землю—говорила няня, употребляя орудія страха, въ числѣ прочихъ своихъ убѣжденій, чтобы неугомонное дитятко перестало возиться и заснуло. Отецъ же сказывалъ, что тутъ былъ просто-на-просто прудъ, давно высохшій и давшій цѣлому кварталу города названіе Запрудья.

Далѣе видно поле. Въ иную пору года подернуто оно зеленымъ бархатомъ, въ другую—появляется на немъ роскошная жатва въ ростъ человѣческій. Малютка любуется, какъ вѣтеръ по ней то бѣжитъ длинною струею, то, играя, вьетъ завитки, то гонитъ волны перекатныя или облако цвѣтной пыли, обдающей его какою-то благоуханною свѣжестью. О! какъ

весело мальчику броситься и утонуть въ густой ржи! какъ онъ нѣжится въ этомъ лѣсу колосьевъ! Но вотъ зардѣлась вечерняя заря. Будто на небѣ гдѣ-то распахнулись настежъ ворота и понесло черезъ нихъ холодкомъ; роса пала на землю, жаворонки замолкли; зато закудахтали перепела, загорѣлся неугомонный крикъ дергачей. Таинственно выходили изъ калитки дядька Ларивонъ и барченокъ, какъ онъ называлъ своего питомца, хотя Ваня только сынокъ купеческій. Будто крадутся они отъ людей для какого-нибудь худого дѣла, ныряя въ глиняныхъ ямахъ и рытвинахъ, помимо протоптанныхъ дорожекъ. Вотъ показалась темная полоса, и надъ нею переливается золотистая поверхность; еще далѣе, и для Вани закрылся румяный горизонтъ—онъ ничего не видитъ, кромѣ стѣны высокой жатвы. Дядька даетъ ему знакъ, чтобы онъ присѣлъ, а самъ заботливо устраиваетъ западню. Ваня садится на корточки, притаивъ дыханіе. Засвистала дудочка тихо, нѣжно, будто замираетъ голосъ птички. Крикъ перепела встрепенулся гдѣ-то вдали, потомъ бьетъ ближе, живѣе; дудочка ему отвѣчаетъ, и вотъ повели они промежъ себя любовный разговоръ. Еще минута,—и какой-то клубочекъ упалъ въ рожь, что-то стукнуло... Попалъ!—кричитъ дядька, и мальчикъ опрометью бѣжитъ на этотъ крикъ, путается и падаетъ во ржи. Наконецъ пойманная птичка въ его рукахъ. Какъ будто въ ладъ бьется сердце у ней и у того, кто ее держитъ. Онъ цѣлуетъ ее, называетъ ее самыми нѣжными именами, утѣшаетъ, говоритъ, что ей будетъ хорошо жить у него. Восторгамъ малютки нѣтъ конца.

Подлѣ полуденной садовой калитки, у наружной стѣны забора, лицомъ къ городу, Ваня, съ помощью дядьки, устроилъ себѣ скамеечку. Тутъ онъ, иногда съ матерью, иногда на колѣняхъ пригожей сосѣдки,

купеческой дочери, которая очень ласкаетъ его, и даже одинъ, засиживается по цѣлымъ часамъ. Отъ ножекъ скамейки начинается зеленый скатъ къ рѣкѣ Холодянкѣ. Вотъ спѣшитъ и все спѣшитъ она унести свои воды въ рѣку, которая издали будто манитъ ее къ себѣ. На пустынной Холодянкѣ ни одного челнока, берега тѣсно сжимаютъ ее; а тамъ какое раздолье! Полногрудая красавица кокетливо выказываетъ только край своей голубой ферязи, только мелькаютъ разноцвѣтныя ленты, развѣвающіяся на безчисленныхъ мачтахъ ея каравановъ. И вотъ почему рѣчка такъ суетливо торопится все впередъ и впередъ! Казалось-бы, немного добѣжать и броситься въ широкое раздолье, а тутъ, на зло ей, загородила дорогу колдунья-мельница. Брюзжитъ старушка, и стучитъ костылями, и поднимаетъ пыль столбомъ. Смирныя до сихъ поръ воды, сердито бросаются на нее; начинается схватка—вопль, тревога на всю окрестность... Но вотъ вырвались онѣ изъ плѣна. Вспѣненныя, весело, игриво, какъ-бы радуясь своей свободѣ, онѣ бросаются въ широкія объятія М—ы рѣки, которая сама спѣшитъ отнести свою добычу ожидающей ее неподалеку О—ѣ. Влѣво, между мельницей и кожевеннымъ заводомъ, стоящимъ въ Запрудьѣ, видѣнъ вдали Ба—евъ монастырь. Туда Ваня ѣздитъ иногда на богомолье съ своею матерью. Тамъ ликъ Спасителя такъ привѣтливо на него смотритъ, а добрый старецъ-архимандритъ, благословляя его и давая ему свою ручку поцѣловать, всегда жалуетъ его просвирой. За монастыремъ тянется мрачный лѣсъ, которому конца не видно. Вправо, противъ мельницы, на отвѣсной вышинѣ, одиноко стоитъ полуразвалившаяся башня, которая, какъ старый, изувѣченный инвалидъ, не хочетъ еще сойдти съ своего сторожевого поста. Кругомъ все развалины. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея начинается гряда кам-

ней, все идетъ возвышаясь, сливается потомъ въ сплошную стѣну и, наконецъ, замыкается высокою угловою башнею. Это отрывокъ кремля, построеннаго въ давнія времена отъ нашествія татаръ. Широкая стѣна, которая поворачиваетъ влѣво отъ этого угла, болѣе уцѣлѣла, несмотря на то, что она безпрестанно расхищалась на разныя постройки, казенныя и изъ-за нихъ частныя.

Со скамеечки Ваня видитъ почти всю панораму города съ золотою главой стариннаго собора и многими церквами. Насупротивъ стелются по берегу Холодянки густые сады. Весною они затканы цвѣтомъ черемухи и яблонь. Въ эту пору года, въ вечерній часъ, когда садится солнце, мѣщанскія дѣвушки водятъ хороводы. Тамъ и тутъ оглашается воздухъ ихъ голосистыми пѣснями. Ваня заслушивается этихъ пѣсенъ, засматривается на румяное солнышко, которое будто киваетъ ему на прощанье, колеблясь упасть за темную черту земли; засматривается на развалины крѣпости, облитыя будто заревомъ пожара, на крестъ Господень, сіяющій высоко надъ домами, окутанными уже вечернею тѣнью. Только нѣжный голосъ матери сквозь калитку или приказаніе дядьки могутъ оторвать его отъ этого зрѣлища. Странный былъ мальчикъ!

Ларивонъ водитъ часто его въ ближайшую березовую рощу, раскинутую по двумъ скатамъ оврага. Будто для Вани расчищена она, будто для него устроены въ ней концерты разноголосыхъ птичекъ, для него по дну зеленаго оврага проведена цѣлая дорожка незабудокъ и вездѣ разсыпано столько разнородныхъ цвѣтовъ, красивыхъ, пахучихъ. И куда только пѣстунъ не водилъ своего питомца по окрестностямъ, по какимъ рощамъ они не бродили! Но «умыселъ другой тутъ былъ». Ларивонъ былъ страстный соловьиный охотникъ. Онъ ловилъ, покупалъ, бралъ въ

ученіе и продавалъ соловьевъ. Не только что въ комнатѣ его всѣ стѣны обвѣшаны клѣтками едва не до полу, но и въ залѣ, въ гостиной, висятъ ихъ по двѣ, по три. Какъ скоро Ларивону было свободно (онъ въ домѣ исполнялъ должности дядьки, слуги иногда и приказчика), сейчасъ принимался онъ за свои лекціи. Начинались онѣ тѣмъ, что профессоръ бралъ вилку и ножикъ, и шурканьемъ одной на другомъ поднималъ пернатыхъ къ пѣнію. Потомъ высвистывалъ колѣна на разный ладъ, такъ что вы не могли разобрать, губы-ли его пѣли, или соловей. Это былъ настоящій органъ. Иногда, забывшись на самыхъ нѣжныхъ или горячихъ переливахъ, онъ закрывалъ глаза, какъ настоящій соловей, когда восходитъ до пафоса своего пѣнія,—и съ замирающимъ свистомъ, изнеможенный, опускался на стулъ. Не подумайте, чтобы одна корысть питала въ немъ эти занятія; нѣтъ, это была истинная страсть — онъ былъ охотникъ. И вотъ ради какихъ побужденій таскалъ онъ своего питомца по всѣмъ кустарникамъ и рощамъ, которые были въ окрестностяхъ. Случалось имъ увлечься такъ далеко, что малютка приходилъ домой безъ ногъ, или пѣстунъ на рукахъ своихъ приносилъ его спящаго, иногда въ вѣнкѣ изъ ландышей, перевитыхъ кукушкиными слезками и васильками. Поэтому-то Ваня рано сталъ любить *природу*, рано сталъ сочувствовать красотамъ ея. Никогда не отговаривался онъ отъ этихъ прогулокъ, какъ бы ни утомительны онѣ были для него.

Въ домѣ всѣ любили и уважали Ларивона, не выключая и самихъ родителей Вани, котораго отдали, казалось, на безотчетное его попеченіе. Надо сказать, что и дядька не употреблялъ во зло довѣрія своихъ господъ—какъ называлъ и почиталъ ихъ, потому что былъ приписанъ къ заводу, принадлежащему Пшеницынымъ. Воспитанникъ не видалъ отъ него сердитаго

толчка, не только розги (которая, правда, ни отъ кого никогда не была на малюткѣ); никогда бранное слово не вырывалось изъ устъ воспитателя, а если нужно было сдѣлать выговоръ, такъ это дѣлалось во имя *стыда*.—Эхъ! какъ вамъ не стыдно, Иванъ Максимовичъ,—говаривалъ онъ въ минуты крайней необходимости, когда видѣлъ непростительную шалость своего питомца:—этого и бурлакъ не сдѣлаетъ.—За рѣзвость и не думали взыскивать; дядька находилъ ее приличною мальчику. — «Любо смотрѣть, — говаривалъ тотъ-же природный наставникъ: — любо смотрѣть на молодого коня, когда его выпустятъ погулять. Шея его словно лебединая, грива встала крыломъ, ноздри огнемъ горятъ, изъ-подъ ногъ мечетъ онъ искры и землю — вольный конь летитъ съ вольнымъ вѣтромъ взапуски. А свинья только-что роется въ своей поганой лужѣ, да спитъ въ ней, зарывшись въ грязи; за то свиньею и прозвали».—Слово: *стыдно*, такъ запечатлѣлось на душѣ малютки, что онъ и во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ случаяхъ жизни чтилъ его свято, какъ одну изъ заповѣдей Господнихъ. Первому лепету молитвы няня выучила ребенка, но молиться съ благоговѣніемъ — Создателю Господу Богу — внушалъ ему дядька, который самъ всегда такъ молился, иногда со слезами на глазахъ. Ларивонъ любилъ очень странниковъ-богомольцевъ, и слушалъ съ упоеніемъ простосердечной души бесѣды ихъ о житіи святыхъ и мучениковъ.

Все это любилъ онъ горячо; за господъ своихъ готовъ былъ *положить животъ*. Въ честности его были такъ увѣрены, что не разъ поручали ему большія суммы. Усердію его, нѣжной заботливости о нихъ не было границъ. Когда они бывали по дорогамъ, онъ первый усматривалъ опасный косогоръ, мигомъ слеталъ съ козелъ и, какъ новый Атласъ, принималъ на

себя всю тяжесть склонявшагося экипажа. Въ топкихъ мѣстахъ, — а ихъ было тогда много и по большимъ дорогамъ, — онъ первый возился съ коломъ, чтобы вырвать изъ грязи захваченное ею колесо. Ларивонъ не разсуждалъ, надорвется-ли отъ этого усилія или изломаетъ свои кости, онъ думалъ только о безопасности своихъ господъ. Заботливый до безконечности, онъ просыпался въ три часа, если ему велѣно было встать въ четыре. Не полагайте, чтобы это былъ старикъ: ему считали съ небольшимъ тридцать лѣтъ. Сложенный какъ богатырь, онъ имѣлъ и силу исполинскую. Лицо у него было очень мало по росту и дѣтски-добродушно. Говорятъ, что въ физіономіи каждаго человѣка есть какой-то отпечатокъ звѣринаго или птичьяго первообраза; можно сказать, что въ его физіономіи было что-то соловьиное.

Нянька Домна, имѣвшая въ это время ключи отъ всѣхъ кладовыхъ и амбаровъ, была тоже рѣдкій человѣческій экземпляръ. Вся жизнь ея прошла въ няньченьѣ и хозяйствѣ; въ этихъ только занятіяхъ сосредоточены были всѣ ея помыслы и чувства. Она выняньчила мать Вани и успѣла выдать ее замужъ; выняньчила Ваню и сдала его дядькѣ, румянаго, разумнаго. Сколько безсонныхъ ночей напролетъ провела она надъ кроватями своихъ питомцевъ, когда они бывали больны! Сколько гнула она спину—и почаще деревенскихъ жницъ—чтобы выучить ихъ ходить! Зато сама ходила крюкомъ. А чего стоили ей заботы и опасенія, не сглазили-бы ребенка, не выучили-бы его сосѣдніе ребятишки худымъ словамъ! Взглядъ его, движеніе, намекъ, тревожное слово или улыбка во снѣ—все это умѣла она перевести на свой сердечный языкъ. Бывало, удастся ей двумя изсохшими руками поймать Ваню, вертляваго, какъ вьюнъ, за кудрявую головку, и цѣлуетъ, цѣлуетъ ее, — вотъ единственное наслаж-

деніе, которое вознаграждало старушку за тяжкіе труды многихъ лѣтъ!

Въ числѣ прислуги была еще старая кухарка Акулина, мать Ларивона. Ее считали первою особой въ домашнемъ штатѣ. Чрезвычайно дородная, съ зобомъ въ три этажа, смотрѣвшая на всѣхъ съ высоты, она походила на важную купчиху. Никого не удостоивала она низкимъ поклономъ, даже господъ своихъ, а только едва замѣтнымъ киваніемъ головы. Если нужно было господамъ о чемъ посовѣтоваться, приглашали Акулину, какъ женщину старшую въ домѣ, бывалую и разумную. На этомъ совѣтѣ обыкновенно рѣшалъ ея голосъ, которому покорялась и сама Прасковья Михайловна (такъ звали Ванину мать). Акулина превосходно готовила кулебяки, всякія похлебки, холодныя и жаркія, квасы, меды, мочила отличнымъ образомъ яблоки и умѣла сохранять свѣжія до новыхъ. Она же съ такимъ складомъ и прибаутками разсказывала сказки, что ея не только Ваня, но и большіе заслушивались. Даръ этотъ перешелъ и къ сыну ея Ларивону.

Да еще въ домѣ былъ кривой кучеръ Кузьма, горькій пьяница, который на старой сивой лошади возилъ и воду и воеводу.

Въ домѣ не очень любили его: хозяйка за то, что былъ грубъ и запрягалъ лошадь по два часа; Ваня за то, что бранилъ и бивалъ больно желѣзную лошадку, какъ называлъ онъ ее по цвѣту масти; ключница за то, что воровалъ овесъ, и краденыя деньги пропивалъ; Ларивонъ—вообще за безпорядочную жизнь; кухарка—за то, что былъ нечистоплотенъ и даже подлѣ *Божьяго милосердія* нюхалъ проклятое зелье. Подъ носомъ у него всегда оставалось гнѣздышко табаку. Сѣрые налитые кровью глаза его смотрѣли недоброжелательно. Онъ самъ не любилъ никакой твари. Еслибъ не Ваня и Ларивонъ, старый песъ, оберегавшій домъ, давно

померъ-бы съ голоду. А чего не доставалось отъ Кузьмы его жертвѣ, сивой лошадкѣ? Кузьму терпѣли, потому что не кѣмъ было замѣнить его.

— Что вы лаетесь: кривой да кривой? — говаривалъ онъ, отдѣлываясь отъ брани дворовыхъ. — Не своею охотой, Божья воля! Былъ хмѣленъ, да наткнулся на какой-то сукъ. Ослѣпнуть-бы вамъ всѣмъ!

Вздумалось однажды этому грубіяну отплатить своей госпожѣ за какой-то сердитый выговоръ. — Купчиха! больно спѣсива!—говорилъ онъ вслухъ самъ съ собою, запрягая лошадь и колѣнкой посылая ей въ бокъ ударъ за ударомъ. — Вишь какая знать! Давай мнѣ денегъ, и я буду купцомъ не хуже васъ. Были мы прежде генеральскіе—не такихъ возили.

И вотъ ѣдетъ Прасковья Михайловна куда-то въ гости, въ четвероугольной линеечкѣ, съ порыжѣлыми кожаными фартуками. Вдругъ лошадь останавливается противъ *красныхъ рядовъ*, на самомъ бойкомъ мѣстѣ въ городѣ. Возничій опускаетъ возжи, преспокойно достаетъ тавлинку изъ-за голенища сапога, запускаетъ въ нее концы своихъ пальцевъ и готовится вложить зарядъ въ свою широкую ноздрю... Послышался смѣхъ лавочниковъ; но вслѣдъ за тѣмъ мелькнула бѣлая ручка въ шелковыхъ перчаткахъ, что-то горячее стегнуло Кузьму по щекѣ; щепоть табаку и тавлинка, вмѣстѣ съ кусками перламутроваго вѣера и играющими на немъ амурами, далеко полетѣли въ сторону.—«Пошелъ! я научу, какъ со мною шутить!» — раздался тонкій, но повелительный голосъ Прасковьи Михайловны. Возничій, невольно повинуясь этому голосу, взялся за возжи. Линеечка тронулась, провожаемая одобрительными возгласами лавочниковъ, ставшихъ, по обыкновенію людскому, тотчасъ на сторонѣ побѣдителя. Никогда еще сивка такъ прытко не бѣжала, будто изъ благодарности, что отплатили за многія ея стра-

данія. Съ той поры Кузьма держалъ месть за пазухой.

Ванѣ въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, едва минуло семь лѣтъ. Матери его Прасковьѣ Михайловнѣ было только двадцать четыре года. Максимъ Ильичъ взялъ ее изъ купеческаго дома, который хотя былъ прежде очень богатъ, но разстроился вслѣдствіе разныхъ торговыхъ неудачъ. Она слыла первою красавицей въ городѣ, и хорошо это знала. Отецъ и мать баловали ее, единственное свое дитя, какъ ненаглядное сокровище. Всякая прихоть, капризъ ея, исполнялись какъ законъ. Съ дѣтскаго возраста она привыкла повелѣвать. Вырваться изъ смиреннаго круга, въ который обстоятельства ее бросили, и стать на высшую, блестящую степень — было однимъ изъ самыхъ горячихъ ея мечтаній. Властолюбивая дома, гдѣ все ходило по ея ниточкѣ, она хотѣла и судьбу поставить на свою ногу. Дѣвочка твердила, что выйдетъ за генерала. Увезъ же сосѣдку, красивую попову дочку, помѣщикъ, у котораго тысяча душъ, и женился на ней. Но генераловъ въ кругу ея не оказывалось, да и не было ни передъ ней, ни за ней богатой придачи, за которою превосходительные женихи гонятся болѣе, чѣмъ за умомъ и красотою. Купеческихъ претендентовъ на ея руку, которыхъ предлагали ей родители, иногда на колѣняхъ, было множество. — «Вспомни, Парашенька,—говорили они:— вѣдь тебѣ шестнадцать лѣтъ. Твои погодки ужь два года замужемъ, да и дѣтей породили. Сраму, срамуто не оберешься, какъ засидишься въ дѣвкахъ.»—Прасковья Михайловна, утомленная этими мольбами, а еще болѣе, убѣжденная доводами няни своей, которая вывѣдывала для нея всѣ качества и недостатки жениховъ, рѣшилась осчастливить купеческаго сына, Максима Ильича Пшеницына. Неужели его домикъ, смиренный, ветхій, могъ прельстить гордую красавицу? Нѣтъ, она

видѣла далѣе, она шла за богатыя, блестящія надежды... Этотъ бѣдный домикъ долженъ былъ, рано или поздно, превратиться въ роскошныя палаты.

Грамотѣ Прасковья Михайловна плохо знала; она едва разбирала по складамъ пѣсенки и ужасными каракульками подписывала свое имя; однакожъ цыфры знала до ста тысячъ. Она слыхала, что одна барыня, также безграмотная, имѣвшая дѣла съ отцомъ ея, проводила за носъ самыхъ крючковатыхъ законниковъ, могла разсказать, какъ лучшій адвокатъ, содержаніе каждой дѣловой бумаги, и отъ небольшого наслѣдственнаго состоянія оставила своимъ дѣтямъ нѣсколько тысячъ душъ, да построила десятокъ каменныхъ церквей. И у нашей купеческой дочки грамота была въ головѣ, или она, по крайней мѣрѣ, такъ думала. Мужъ ея, страстно влюбленный въ нее, смотрѣлъ ей въ глаза; свекоръ ласкалъ ее и называлъ своею любимою невѣсткой. Къ тому-жъ, всегда живя въ Москвѣ, онъ не мѣшалъ ея домашнему владычеству. Перешагнувъ изъ жилища отъ своего въ жилище мужа, она только расширяла свое господство.

Максиму Ильичу было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, когда онъ на ней женился. Онъ имѣлъ пріятную наружность, сердце доброе, свѣтлый умъ и стремленіе къ дворянской жизни, чему способствовали немало связи его отца, Богъ знаетъ какъ и когда сдѣланныя, со многими знатными лицами того времени. При выборѣ его Прасковьей Михайловной склонило также вѣсы на его сторону и то, что онъ и весь родъ его, со времени Петра Великаго, ходили въ нѣмецкомъ платьѣ, что Пшеницыны ѣли серебряными, а не деревянными ложками, каждый съ своего оловяннаго прибора, а не изъ общей семейной деревянной чаши, что они имѣли прислугу и кое-какой экипажъ. Говорили, что этотъ родъ шелъ отъ новгородскихъ именитыхъ людей, ко-

торые, избѣжавъ казней во времена Іоанна Грознаго, переселены имъ были въ Холодню. Поэтому въ фамиліи Пшеницыныхъ сохранилась какая-то наслѣдственная, кровная гордость, которой не замѣчали въ прочихъ смиренныхъ обитателяхъ Холодни. Во всѣхъ городскихъ собраніяхъ видали ихъ всегда передовыми.

Надо прибавить, что Максимъ Ильичъ имѣлъ врожденное стремленіе къ образованію себя. Случай развилъ еще болѣе эту склонность. Въ одну изъ частыхъ поѣздокъ своихъ въ разные предѣлы Россіи, которыя онъ всякій годъ совершалъ по торговымъ дѣламъ, познакомился онъ гдѣ-то съ *какимъ-то господиномъ* Новиковымъ: [1]) Новиковъ полюбилъ молодого человѣка, бесѣдовалъ съ нимъ часто о благахъ, доставляемыхъ просвѣщеніемъ, и снабдилъ его спискомъ всѣхъ книгъ и журналовъ, какіе только были изданы на русскомъ языкѣ. Максимъ Ильичъ не замедлилъ купить эти книги и читалъ ихъ съ жадностію. Къ сожалѣнію, въ число ихъ попалась и нравственная контрабанда, которую умѣлъ искусно навязать ему книгопродавецъ: это былъ «Фоблазъ» и нѣсколько другихъ подобныхъ сочиненій.

Когда красавица Пшеницына ѣхала въ своей колесницѣ—покуда скромной, четвероугольной линеечкѣ, наподобіи ящика, съ порыжелыми кожаными фартуками, на сивой старой лошадкѣ, съ кривымъ кучеромъ,

---

[1]) Въ *Семейной Хроникѣ* Аксакова упомянуто, что переписка Новикова съ Софьей Николаевной имѣла большое вліяніе на ея образованіе. Мудрено-ли, что молодой Пшеницынъ, живя ближе къ Москвѣ, имѣлъ случай столкнуться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, который своими бесѣдами, внушилъ ему любовь къ просвѣщенію? Нашлась-бы, конечно, не одна сотня подобныхъ фактовъ, если-бы ихъ вовремя собирать. Мы увидѣли-бы тогда, какъ онъ обильно сѣялъ Божіе сѣмя на русскую ниву. Почему въ подлинномъ разсказѣ Ивана Максимовича Пшеницына названъ Новиковъ *какимъ-то господиномъ*—мнѣ неизвѣстно.

и подлѣ нея сидѣлъ ея миловидный сынокъ,—прохожіе, мѣщане, купцы, и даже городскія власти низко кланялись ей. Привѣтливо, но свысока отвѣчала она на ихъ поклоны. Въ приходской церкви ей отведено было почетное мѣсто; священникъ подавалъ ей первой просвиру; всѣ съ уваженіемъ сторонились, когда она выходила изъ храма.

Опять спросимъ, отчего-жь такой смиренный, ветхій домикъ, мрачно глядѣвшій на пустырѣ, такой бѣдный экипажъ и прислуга, и вмѣстѣ такое общее уваженіе жителей Холодни къ Пшеницынымъ? Загадка была легка; ее давно разгадала Прасковья Михайловна: отецъ мужа ее былъ — милліонеръ. Милліонеръ того времени!... Максимъ Ильичъ имѣлъ еще брата, который жилъ въ Москвѣ. Старикъ - богачъ здравствовалъ. Онъ давалъ сыновьямъ на содержаніе только то, что ему вздумается, да и въ томъ требовалъ отчета. Итакъ, жители кланялись богатымъ надеждамъ.

Ванинъ дѣдушка, Илья Максимовичъ, широко торговалъ хлѣбомъ, производилъ значительныя поставки въ казну, которыя едва-ли не съ начала XVIII столѣтія удерживались въ родѣ Пшеницыныхъ, имѣлъ сѣрный заводъ въ N губерніи, фабрики парчевыя и штофныя въ Холоднѣ, нѣсколько лавокъ для отдачи въ наймы въ этомъ городѣ, и дома въ немъ и въ Москвѣ. Дѣла свои велъ онъ дѣятельно, съ точностію и честно; слову его вѣрили болѣе чѣмъ акту. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ того, какъ начинается нашъ разсказъ, случилось Ивану Максимовичу въ одномъ обществѣ быть представленнымъ сенатору и чрезвычайно богатому человѣку, князю Д* (умершему едвали не столѣтнимъ старикомъ). — Очень радъ, очень радъ съ *вами* познакомиться, молодой человѣкъ,—сказалъ сенаторъ, положивъ руку на плечо Пшеницына.

— Мы съ *твоимъ* дѣдушкой были большіе пріятели, дѣлали и дѣла не малыя. Времена были не тѣ, что нынѣ. Теперь дашь деньги и на актецъ, глядишь — пропадаютъ, или получишь ихъ съ великими хлопотами да съ помощью подъячихъ. Высосутъ у тебя мошенники не только деньги, но и кровь. Съ дѣдушкой твоимъ вели мы дѣла иные. Бывало, понадобится тысячъ десятокъ, двадцать—и шлешь къ нему цыдулку: пришли-де, пріятель, на такой-то срокъ. Или ему понадобится. Давали другъ другу безъ росписки, на слово, и день въ день получали обратно свои денежки. Все это стоило только одного спасибо.—Да, да,—прибавилъ князь вздыхая,—нынѣ времена другія.

Смутно помнилъ Иванъ Максимовичъ, какъ пришла въ Холодню вѣсть, что скончалась «матушка Екатерина Алексѣвна», какъ отецъ его поблѣднѣлъ и прослезился при этой вѣсти, какъ въ городѣ всѣ ходили, повѣся носъ. Сначала думалъ Ваня, что умерла родная мать отца его. Но Максимъ Ильичъ сказалъ, что той давно ужь нѣтъ на свѣтѣ, а скончалась государыня, благодѣтельница русскаго народа.—Люби и уважай память ея во всю жизнь свою, да и дѣтей своихъ, коли будутъ, учи тому-жь,—сказалъ онъ, и поставилъ Ваню предъ иконой Спасителя и велѣлъ положить три земныхъ поклона, со крестомъ, да приговаривать: «Спаси, Господи, и упокой душу рабы твоей императрицы Екатерины».

Между тѣмъ мечты Прасковьи Михайловны начинали осуществляться. Свекоръ писалъ ей, что онъ очень хвораетъ, не встаетъ съ постели, и просилъ навѣстить его, такъ какъ мужъ ея въ дальней отлучкѣ. Хотя наступилъ февраль, на дворѣ были сильные морозы,—наскоро собралась она и поѣхала съ сынкомъ. Тогдашніе холодненскіе ямщики дѣлывали въ зимній путь сто верстъ, не кормя, въ девять часовъ. Для

скорости, чтобы поспѣть въ Москву въ семь часовъ, она перемѣнила лошадей на половинѣ дороги, въ Б...ахъ. Въ пе́рвомъ селѣ отсюда осадили кибитку рои дѣвочекъ съ крикомъ: «булавочку, барыня, пригожая!» и едва-ли не съ версту бѣжали, запыхавшись, за булавочкой. Въ Островцахъ дали лошадямъ перехватить по ковшу воды. Пока ямщикъ занимался этимъ дѣломъ, кибитку обступила толпа, большею частію женщинъ и ребятишекъ. Въ числѣ молодыхъ бабъ много было пригожихъ. Золотыя кички крѣпко, какъ въ тискахъ, стягивали ихъ лбы, а сзади шеи, почти до плечъ, ниспадала блестящая стеклярусная сѣтка. У всѣхъ въ ушахъ пестрѣли стеклярусныя подвѣски и на шеѣ такія же ожерелья; зачерствѣлые отъ работъ пальцы унизаны были мѣдными перстнями и кольцами. Поступь ихъ была важная и даже граціозная. Станъ держался прямо, но юпочка, *понева*, изъ шерстяной клѣтчатой матеріи, похожей на шотландку, и подвязанная очень низко, съ каждымъ шагомъ колебалась изъ стороны въ сторону. Замѣчено, что на этотъ шагъ изъ крестьянскихъ кокетокъ есть особенныя мастерицы. Много безобразила ихъ обувь. Шерстяные толстые чулки въ безчисленныхъ сборахъ спускались къ котамъ, а у бѣднѣйшихъ—къ лаптямъ. Сапоги по колѣно означали особенное вниманіе къ нимъ мужей. Спустя съ плеча лѣвый рукавъ овчиннаго полушубка, обшитаго у иныхъ котикомъ, молодыя бабы, большею частію, опирались на плечо своихъ подругъ и лукаво пускали на проѣзжихъ стрѣлы своихъ карихъ или сѣрыхъ глазъ. Похвалы ихъ или критическія замѣтки сопровождались разсыпнымъ хохотомъ, иныя мурлыкали про себя отрывки пѣсенъ. Дѣти, несмотря на морозъ, были въ одной рубашонкѣ (замѣтить надо, очень чистой). Издали многія изъ нихъ казались ходячею огромною шапкой, клочкомъ рубашки и двумя огромными сапо-

гами. По сторонамъ каждаго изъ этихъ движущихся чучелокъ мотались рукава рубашки, потому что руки у всѣхъ спрятаны были подъ пазухой. Прасковья Михайловна замѣтила, что въ толпѣ женщинъ двѣ молодки держали передъ собою по одному мальчику въ рубашонкѣ, защищая ихъ отъ холоду полами своихъ шубъ.

— Что, это ваши братишки?—спросила Прасковья Михайловна.

При этомъ вопросѣ въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Такъ неужели дѣтки?

Тутъ ужь разразился заливной хохотъ.

— Это мужья ихъ! — закричало нѣсколько голосовъ.

— Да сколько же имъ лѣтъ?

— Мужьямъ-то?

— Да.

— Съ Николы вешняго пошелъ четырнадцатый.

— А молодицамъ?

— А молодицамъ-то?

— Да.

— Одной безъ годика два десятка, а другой равнехонько два.

Надо замѣтить, что этихъ молодыхъ бабенокъ очень баловали свекры, налегая всею тяжестію черныхъ работъ на старыхъ женъ своихъ, которыя также имѣли нѣкогда свое счастливое время. Молодой невѣсткѣ пряникъ или калачикъ изъ города, и кусочекъ зеркала, купленный у гуляки дворового человѣка, и, что считалось большою драгоцѣнностью—кусочекъ бѣлаго мыла. Старушкамъ былъ почетъ только для вида, при народѣ на улицахъ, а дома ставили ихъ ни во что. Эта безнравственная очередь смѣнялась тогда съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, пока не вышло благодѣтельное постановленіе, чтобы не вѣнчать мужчинъ

прежде восемнадцати, а женщинъ прежде шестнадцати.

По случаю счета годовъ молодымъ бабамъ, начались у нихъ споры, потомъ причитанія разныхъ достопамятныхъ эпохъ, ознаменовавшихъ исторію деревни. Тогда-то былъ пожаръ, Аксюшка родила уродца съ собачьей головой, Сидорка ошпарился въ банѣ, Емелька напился до того, что вороны клевали у него глаза, волки ходили по улицѣ середи бѣлаго дня. Пошли упреки, брань, къ молодицамъ присоединились старушки, къ старушкамъ мужики. Война разгоралась... Но ямщикъ тронулъ лошадей... Кококольчикъ зазвенѣлъ, полозья засипѣли, оставляя за собою два пушистые, блестящіе искрами, хвоста... Замелькали верстовые столбы, напудренныя рощи, поля, покрытыя саваномъ снѣговъ, длинныя деревни, бабы, достающія воду изъ колодцевъ, наподобіе журавлей на одной ногѣ, мохнатыя лошаденки и полинялыя коровенки, утоляющія жажду изъ оледенѣлыхъ колодъ, опять и опять ходячія чучелки въ огромныхъ шапкахъ съ заломомъ и въ сапогахъ по брюхо или въ лаптенкахъ. Но не все это скоро затушевалось. Завечерѣло на дворѣ; всѣ предметы начали рябить въ глазахъ и наконецъ потонули во мракѣ. Верстахъ въ десяти отъ Москвы полный мѣсяцъ затеплился на матовомъ небѣ и вскрылъ прежнюю панораму, только при ночномъ освѣщеніи. Немного походя, разноцвѣтная дуга обогнула мѣсяцъ. — «Къ добру!» — сказалъ Ларивонъ. — «Къ морозу!»—прибавилъ ямщикъ, и захлопалъ рукавичками. Прасковья Михайловна и Ваня не спали; мать потѣшала сына, указывая ему на живыя картины зимы. То блеснетъ передъ ними верста подъ хрусталемъ ледяной коры, то засверкаетъ поле милліонами дрожащихъ искръ, то сучья въ рощѣ, покрытые густымъ инеемъ, протянутъ надъ путешественниками

или страусовое перо, или пушистое марабу, или освѣженное гроздье; иногда, словно шаловливый лѣшій осыплетъ кибитку горстями снѣгу. Среди глубокой тишины распѣваетъ одинъ колокольчикъ, да развѣ ямщикъ, для отдыха лошадей—а можетъ статься, непонятное ему чувство попросилось у него въ груди наружу—затянетъ свою грустную, замирающую пѣснь, которая такъ тѣшитъ и щемитъ душу. Бьетъ колокольчикъ рѣже; кажется, все слушаетъ: и поля, и рощи, и самый мѣсяцъ на небѣ. Но вотъ разсыпался крикъ и гамъ ребятишекъ по деревнѣ, ямщикъ молодецки окликнулъ своихъ коней-сударіковъ, мелькнулъ рядъ моргающихъ въ окнахъ огоньковъ, и опять среди глубокой тишины распѣваетъ одинъ колокольчикъ. Забѣлѣли двѣ пирамиды, поперекъ ихъ легъ шлагбаумъ. Кибитка остановилась. Ларивонъ побѣжалъ въ караульню, ямщикъ слѣзъ, чтобы подвязать болтливый языкъ у колокольчика; лошади отряхнулись, поднявъ отъ себя блестящую снѣжную пыль, фыркнули, причемъ ямщикъ каждый разъ приговаривалъ:—будь здоровъ!—и стали чистить морды, запушенныя снѣгомъ, то объ оглобли, то о тулупъ своего хозяина.

Тогда на заставахъ было очень строго. Прасковья Михайловна забыла запастись видомъ, который въ прежнія ея поѣздки въ Москву никогда отъ нея не требовали, и ей приходилось поворотить оглобли назадъ или ночевать въ съѣзжемъ домѣ. Но цѣлковый все уладилъ.—«Подвысь!—закричалъ цѣлковый въ видѣ засаленнаго сюртука съ клюковнымъ носомъ. — «Подвысь!»—повторилъ бравый *ундеръ* архаровскаго полка, и Пшеницына съ трепетомъ сердечнымъ въѣхала въ Москву, сотворивъ широкое крестное знаменіе. Подвязанный колокольчикъ молчалъ; ямщикъ, озираясь робко, возвышалъ голосъ на лошадей; на улицахъ было пусто и жутко. Будто ѣхали по вымерзшему городу.

Только изрѣдка будочникъ постукивалъ въ окно, чтобы гасили огни, хотя былъ только девятый часъ. На этотъ стукъ отзывался со дворовъ басистый лай собаки, и протяжно гремѣла ея тяжелая цѣпь.

Кибитка остановилась въ Таганкѣ, у каменнаго двухэтажнаго дома, бѣлѣвшаго среди длинныхъ заборовъ. Нигдѣ въ немъ не видать огонька. Доступъ въ старинные купеческіе дома, особенно ночью, не менѣе труденъ, какъ въ древніе баронскіе замки, хотя нѣтъ около нихъ ни рвовъ, ни мостовъ подъемныхъ, ни рогатинъ. Ларивонъ нырнулъ въ облакѣ пара, валившаго отъ лошадей, и исчезъ. Тихо, сквозь желѣзную рѣшетку, застучалъ онъ въ окно флигеля; тихо, сквозь форточку, опросилъ его голосъ. Вскорѣ безъ шума отворились ворота; будто изъ земли выступилъ маленькій человѣчекъ, остриженный въ кружокъ, въ крашенинномъ халатѣ, и впился въ ручку Прасковьи Михайловны. Осторожно въѣхала тройка на дворъ. Тутъ пошли опять постукиванья и переговоры на заднемъ крыльцѣ. Наконецъ отворились двери въ сѣни. Чернобровая дѣвка съ длинною косою до пятъ, съ помощью фонаря осмотрѣвъ сонными глазами пріѣзжихъ въ лицо, повела ихъ вверхъ по каменной, изрытой лѣстницѣ. И на лѣстницѣ, и въ сѣняхъ чистота необыкновенная, какой и нынѣ съ задняго хода не бываетъ во многихъ купеческихъ и даже дворянскихъ домахъ. Посмотришь съ улицы — палаты; съ парадная входа все, какъ и быть должно, по регламенту палатъ: комнаты великолѣпно убранныя; мебель, обитая бархатомъ, стоитъ чинно, по ранжиру; полы блестятъ, хоть глядись въ нихъ. Зайдите-ка съ задняго крыльца—вамъ бросятся въ глаза кучи сора, въ которыхъ и завитки огуречной кожи, и разбитая посуда, и пучки волосъ; тутъ же обледенѣлые потоки помоевъ, клочки рогожекъ на дверяхъ и художническіе эскизы

мѣломъ національной школы живописи; васъ обдастъ удушливый запахъ, который пропитаетъ въ одинъ мигъ вашу одежду. Зоркій глазъ Ильи Максимовича, казалось, проникалъ и въ самые потаенные углы; домъ содержался въ величайшемъ порядкѣ и опрятности, какъ и всѣ дѣла его. Въ верхнихъ сѣняхъ встрѣтили пріѣзжихъ: малый лѣтъ двадцати съ небольшимъ и мальчикъ лѣтъ шестнадцати, прилично одѣтые, и немолодая женщина въ платкѣ на головѣ, котораго одно крыло было на отлетѣ, какъ у птицы, когда она отъ сна только-что выправляется изъ гнѣзда. Всѣ приложились къ ручкамъ Прасковьи Михайловны и Вани, а женщина, сверхъ того, осыпала ихъ разными олимпійскими эпитетами. Въ одной изъ прохожихъ комнатъ стояла кровать съ двумя или тремя перинами подъ ситцевымъ балдахиномъ. Она была пуста. Тутъ же отъ лежанки, за нѣсколько шаговъ, пышалъ африканскій жаръ, и на ней возлежала на заячьей шубкѣ какая-то великолѣпная особа. Тяжело волновалась бѣлая, пышная грудь, торчали двѣ огромныя ноги въ синихъ шерстяныхъ чулкахъ съ красными стрѣлками. Это было лицо безъ названія должности. Въ наше время назвали-бы ее фавориткой. Она проснулась, но не удостоила пріѣзжихъ словомъ. Сама Прасковья Михайловна прошла около нея на цыпочкахъ съ подобающимъ уваженіемъ, зная, что такія именно особы обладаютъ волшебнымъ жезломъ покровительства.

Не хотѣли тревожить Илью Максимовича, но чуткое ухо его слышало прибытіе гостей. Накрывшись малиновымъ штофнымъ одѣяломъ, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Прасковью Михайловну. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти пяти, мощно построенный. Только недавно сталъ онъ поддаваться немочамъ, и вдругъ свалился въ постель. Какъ дитя, обрадовался онъ пріѣ-

ѣзду любимой невѣстки, не далъ онъ руки своей, къ которой она хотѣла было приложиться, нѣжно обнялъ ее и осыпалъ ласками мать и сына.

Прасковья Михайловна помѣстилась въ ближайшей отъ него комнатѣ, сдѣлалась постоянною сидѣлкою у постели его, вставала по ночамъ, чтобы дать ему пить—лѣкарства онъ не хотѣлъ принимать,—утѣшала его своими разсказами и ласками. Ваня помогалъ матери развеселить старика. Фавориткѣ сдѣлано было отъ Пшеницыной два, три пріятные ей подарка и пріобрѣтено ея любезное вниманіе.

Разъ, когда старикъ былъ въ особенно пріятномъ расположеніи духа и тѣла, онъ подозвалъ къ себѣ Прасковью Михайловну. Время было вечернее; нѣсколько серебряныхъ лампадъ теплились передъ иконами въ золотыхъ ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

— Поди сюда, Параша,—сказалъ онъ и, когда та подошла къ нему, ласково потрепалъ ее по розовой щечкѣ.—Спасибо тебѣ, что старика не обездолила. Но спасибомъ сытъ не будешь... Вотъ ключъ—отопри-ка и выдвинь верхній ящикъ.

Тутъ вынулъ онъ изъ-подъ подушки ключъ, передалъ его невѣсткѣ и указалъ на комодъ, стоявшій у кровати.

Прасковья Михайловна дрожа спѣшила исполнить это приказаніе. И что-жь она увидѣла? Одна сторона ящика была набита кипами ассигнацій, синенькихъ, красненькихъ и бѣленькихъ, перевязанныхъ тонкими бичовками, а на другой сторонѣ лежали холстинные пузатые мѣшечки; сквозь рѣдину ихъ и дырочки кое-гдѣ вспыхивалъ жаръ золота. Молодая женщина никогда не видала такого наличнаго богатства; она то краснѣла, то блѣднѣла, и растеряла глаза свои.

Улыбка сомодовольствія пробѣжала по губамъ ста-

рика: Онъ радовался смущенію невѣстки, которую, какъ дитя, взманилъ дорогою игрушкой.

— Все мое, Параша!—сказалъ онъ торжественнымъ голосомъ, и привсталъ съ постели. Огромная тѣнь отъ него покрыла молодую женщину и легла на стѣну. Старикъ былъ высокаго роста, но ей показалось. что онъ еще выросъ въ эту минуту и занялъ собою всю комнату. Свѣтъ отъ лампадъ засіялъ на голомъ черепѣ его, окаймленномъ вѣнцомъ серебряныхъ волосъ.—Все мое!—повторилъ онъ:—да еще столько же въ верхнемъ и нижнемъ ящикахъ. А мѣди въ кладовой едваль не до потолка. Все это будетъ *ваше*... (тутъ онъ остановился немного и перекрестился), когда Богу угодно будетъ позвать меня въ другую сторону. Тамъ ничего этого не нужно. Честно, трудами нажито, благодареніе Богу! Не съ неба, какъ у иныхъ, упало на меня богатство: отецъ и дѣдъ наживали, я пріумножилъ. Не изъ Гуслицкихъ лѣсовъ пришли ко мнѣ капиталы; не топилъ я пустыхъ барокъ—будто съ казенною кладью, не удерживалъ у рабочихъ трудовыхъ денегъ, не шильничалъ... но и не моталъ. И вамъ завѣщаю тоже. Ты знаешь, въ чести-ли я у своей братьи; знаешь, что и господа знатные водятъ со мною хлѣбъ-соль и жалуютъ меня своимъ пріятствомъ. А?...

— Знаю, батюшка.

— Думаешь, это мнѣ такъ кланяются, мнѣ такъ усердствуютъ? Нѣтъ, вотъ этимъ бумажкамъ, вотъ этому серебру и золоту, что въ мѣшечкахъ дрянныхъ лежатъ. Сберегите это безъ жадности... Почему-жь человѣку и не потѣшиться Божьими дарами безъ вреда себѣ и людямъ? На то и дарами Божіими называются. Но, говорю вамъ, не мотайте. Сберегите мое наслѣдство съ добрымъ смысломъ, съ умнымъ хозяйствомъ, собственнымъ глазомъ, и вамъ отъ малыхъ и

большихъ будетъ также почетъ. Не послушаетесь меня, вамъ же будетъ худо. Расточите добро, такъ всѣ ваши други и лизоблюды побѣгутъ отъ васъ, да надъ вами же будутъ насмѣхаться. Кругомъ васъ останется мерзость запустѣнія. Слышишь, Прасковья Михайловна?

— Слышу, батюшка.

— Ванюшку учите добру, порядку и хозяйству; пожалуй, учите и наукамъ, да только такимъ, какія пригодны купцу. По мнѣ, довольно бы грамотѣ русской и ариѳметикѣ, да не моя воля!... А воля-то, словно Божія, нагрянула на меня отъ матушки Екатерины Алексѣевны. Премудрая была, дай ей Господи царствіе небесное! Она это дѣло знала лучше меня. Сама изъ устъ своихъ приказала.

— Развѣ вы съ государыней говорили?—спросила Прасковья Михайловна.

— Осчастливленъ былъ таки, сударыня моя.

Старикъ сдѣлалъ особенное удареніе на этихъ словахъ и продолжалъ:—Вотъ какъ было дѣло. Въ запрошломъ лѣтѣ ѣздилъ я съ депутаціей нашей братьи купцовъ въ Питеръ. Позваны были во дворецъ и допущены къ ручкѣ императрицы. Сначала струсилъ было я, да какъ повела она на насъ своими ласковыми очами, такъ откуда взялась рѣчь, помолодѣлъ десятками двумя годовъ и сталъ съ ней говорить, будто съ матерью родной. Завела она съ нами рѣчь о разныхъ торговыхъ дѣлахъ, со мной особь о парчевой и штофной фабрикѣ, о сѣрномъ заводѣ. Такая доточная, все знала, будто сама при всякомъ дѣлѣ была. Потомъ изволила спросить меня:—Есть у тебя дѣти, Пшеницынъ?—(Тутъ старикъ опять сдѣлалъ удареніе на своей фамиліи).—Есть, говорю я, два сынка, матушка ваше императорское величество.—А училъ ты ихъ?—изволила опять спросить.—Грамотѣ-де русской знаютъ

да счеты бойко, а меньшій больно любитъ книги: не мѣшаю.—Хорошо, а внучки есть?—И внучками двумя благословилъ Господь; еще малые.—Такъ ихъ учи. Ученіе свѣтъ, а неученіе тьма, а свѣтъ, знаешь самъ, всему міру на добро. Не все иностраннымъ купцамъ ѣздить къ намъ за нашимъ же товаромъ на своихъ корабляхъ. Пора и намъ въ широкое море, на русскихъ суденышкахъ; пора и намъ стать съ ними по плечо не только силою оружія, да и разумомъ, да и наукой. Учи своихъ внуковъ, старикъ; этимъ докажешь, что вы истинныя дѣти мои и не даромъ называете меня своею матерью.—Вотъ что говорила мнѣ матушка-царица. И я скажу тебѣ по завѣту ея: учите Ванюшку, да только чтобъ было впрокъ, не на вѣтеръ... Пускай учится кораблики строить, пожалуй и самъ корабликъ свой снарядитъ, да назоветъ его *дѣдушка Пшеницынъ*, ха, хе, хе! Пускай гуляетъ наше имя по широкимъ морямъ и чужимъ берегамъ!... (Глаза у старика загорѣлись необычайнымъ блескомъ; онъ протянулъ передъ собою руку, на которой выпукло изваяны были мускулы, и раздвинутыми пальцами широкой руки тянулся будто схватить сокровище въ невѣдомыхъ моряхъ). Но смотрите... не вздумайте его въ офицеры. Чтобы онъ у меня оставался купцомъ! Слышишь, купцомъ! Я этого хочу—довершилъ старикъ грознымъ, властительнымъ голосомъ, и огромная тѣнь его заколебалась на стѣнѣ.

— Слушаю, батюшка,—отвѣчала Прасковья Михайловна дрожащимъ голосомъ, стоя все у открытаго комода, и робко потупила глаза.

Старикъ, какъ-бы утомленный, прилегъ на подушку, но вскорѣ спросилъ тихо и ласково: —А хоромины, чай, у васъ плохи, Параша?

— Стареньки, батюшка, въ большой дождикъ сквозь потолокъ течетъ.

— Нечего скважины затыкать. Вотъ хоть мою старую хламиду какъ ни чини, а все развалится скоро. Вы съ мужемъ люди молодые, вамъ и житье надо новое. Отодвинь-ка еще ящикъ... Впереди не тронь. Не смотри, что смазливы цвѣтомъ, все ребятишки, дрянь, хе, хе, хе!... Запусти-ка ручку подальше, въ темный уголокъ... тамъ все сотенные бояре!... Даромъ что старички, можно около нихъ погрѣться... Возьми стопочки двѣ. Да, знаешь, чтобы не дразнить дорогой недобраго человѣка, зашей подъ поясомъ. Бери же, дурочка.

Дрожащими руками взяла молодая женщина двѣ кипы ассигнацій тамъ, гдѣ указывалъ свекоръ; на ярлыкахъ каждой написано было: десять тысячъ. Она взглянула на надписи и, показавъ Ильѣ Максимовичу, примолвила:—Не много-ли, батюшка?

— Что взято, то взято,—сказалъ старикъ ухмыляясь:—слушай: какъ пріѣдешь домой, пошли отъ мужа Ларьку къ хозяевамъ пустыря, что на Московской большой улицѣ, противъ Іоанна Богослова... дескать, твой мужъ накидываетъ за мѣста съ старою рухлядью сто рублевъ противъ того, что я давалъ. Люди въ нуждѣ, обижать не надо. Максимъ пріѣдетъ, купчую совершите. Простору много—цѣлый кварталъ, стройте, что вздумается, да чтобъ было все каменное, вѣковое. Знай, что дома Пшеницыныхъ!... А какъ заложите хоромы, такъ я новорожденному пришлю на зубокъ еще стопочки три сѣденькихъ старичковъ... чтобы росъ скорѣе.

Невѣстка хотѣла поцѣловать руку у свекра, но тотъ не далъ руки, а поцѣловалъ ее въ малиновыя губки, какъ самъ ихъ называлъ.

— Да куда Ванюшка запропастился? Позовите его ко мнѣ.

Позвали Ваню, котораго также очень любилъ ста-

рикъ. Онъ указалъ ему на выдвинутый ящикъ комода.—Помнишь, поросенокъ,—сказалъ онъ:—считалъ ты со мною все шиши да шиши? (Ваня въ первые годы своего дѣтства называлъ такъ тысячи, которыя перебиралъ съ дѣдомъ на счетахъ). Возьми, что полюбится; вѣдь ты также ухаживалъ за старикомъ.

Ваня заглянулъ въ ящикъ и съ неудовольствіемъ сказалъ:—Вишь какой дѣда, бумажками потчуетъ; мнѣ давай золотыхъ арабчиковъ.

— Нечего дѣлать съ дурачкомъ; развяжи, Параша, первый мѣшочекъ-то налѣво, съ краю.. *все супротивни* [1]). Пускай хватаетъ горсткой и сыплетъ себѣ въ карманы, что наберется. Слышь, на эти деньги ему особую горенку, да чтобъ штофомъ вся была обита—не покупать стать, съ своей фабрики.

Прасковья Михайловна развязала мѣшочекъ, указанный свекромъ; изъ него полился блестящій потокъ имперіаловъ. Ваня захватилъ горстью, что могло въ ней набраться, и сказалъ:—Довольно.

— Не жаденъ будетъ,—замѣтилъ старикъ.

Мать сочла деньги, прибавивъ:—Чтобъ не растерялъ!—Это дѣйствіе видимо понравилось старику. Онъ сказалъ ей спасибо, да кстати приказалъ ей заштопать дырочки, оказавшіяся въ мѣшечкахъ.

Долго не могла заснуть молодая женщина, строя въ мечтахъ своихъ палаты на пустырѣ. Въ Холоднѣ было много каменныхъ двухэтажныхъ домовъ, но она хотѣла поставить домъ на удивленіе всѣмъ. И во снѣ снились ей волшебные замки изъ литого золота, съ такими причудливыми затѣями, какія только разсказываются въ сказкахъ, или изъ воска выливаются на свя-

---

1) Такъ звали имперіалы временъ Елисаветы и Екатерины, которыхъ грудныя изображенія чеканились на монетахъ съ правой и съ лѣвой стороны, какъ бы одно противъ другого.

точныхъ вечерахъ; снился ей также какой-то сказочный царевичъ у ногъ ея.

Прасковья Михайловна прожила слишкомъ три недѣли у свекра, въ томъ числѣ и масляницу, и стала скучать. Она горѣла нетерпѣніемъ отвезть домой начатки своего богатства; казалось ей, въ домѣ свекра они еще не принадлежали ей. Между тѣмъ Илья Максимовичъ старался сдѣлать какъ можно пріятнѣе ея пребываніе у него: давалъ ей своихъ рысаковъ для катанія къ ледянымъ горамъ и къ бѣгу, которые тогда на Москвѣ-рѣкѣ кипѣли народомъ; заставлялъ молодого слугу и мальчика играть камедь—чьего сочиненія, неизвѣстно. Старшее лицо представляло мельника-колдуна, обсыпаннаго мукой, въ сѣдомъ парикѣ и съ бородой изъ конскихъ волосъ; младшее исполняло роль дурачка-угольщика. Въ этомъ игрищѣ было много народнаго юмору, пересыпаннаго однакожь такими непристойными остротами, что Прасковья Михайловна просила скорѣе прекратить эту мужицкую забаву, какъ она назвала ее. Это очень удивило всю дворню, и не мудрено. Въ то время, и даже до десятыхъ годовъ XIX столѣтія, въ Москвѣ безъ «мельника и угольщика» не обходилась почти ни одна богатая купеческая свадьба или пирушка. Наштукатуренныя и чернозубыя купчихи, подгулявши (замѣтьте, онѣ считали за величайшій стыдъ и порокъ пить вино при мужчинахъ, но удалялись въ особенную потаенную горенку вкушать его подъ именемъ меда), заливали остроты скомороховъ простодушнымъ хохотомъ, а иногда, за перегородкой, награждали ловкаго колдуна и тайнымъ поцѣлуемъ. За комедіей выступалъ обыкновенно доморощенный трубадуръ съ бандурой, съ пѣснями и пляской. Дивныя штуки выдѣлывалъ онъ ногами, да и каждая косточка въ немъ говорила. А какъ подскочитъ подъ самый носъ пригожей купчихи,

поведетъ плечомъ, на которое вскинетъ клѣтчатый платокъ, и обдастъ ее, какъ кипяткомъ, молодецкимъ спросомъ: «аль не любишь?»—такъ восторгу не было конца. Но вѣнцомъ его искусства былъ какой-то *сальтомортале:* на всемъ скаку раздвинетъ ноги впередъ и назадъ и упадетъ на нихъ такъ страшно, что, казалось, долженъ былъ-бы разодраться пополамъ, а онъ, понемногу, какъ стрѣла, станетъ опять на ноги. Зато, когда артисты, окончивъ представленіе, обходили зрителей съ тарелкой въ рукахъ, со всѣхъ сторонъ сыпались на нее щедрые дары мелкою и крупною серебряной монетой, между которою попадалась иногда и золотая.

Любилъ Илья Максимовичъ тѣшить себя и честолюбивую невѣстку разсказами о связяхъ своихъ съ тогдашними знатными господами, о томъ, какъ они живутъ, да какъ убраны у нихъ палаты, какъ онъ обращался съ ними уважительно, да и себя не ронялъ, а тѣхъ, которые вышли изъ подъячихъ, да зазнались, дразнилъ игрою своего милліончика или намекомъ на нечистое дѣльце. Гордился онъ очень знакомствомъ своимъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ.—Вотъ русскій бояринъ! алмазъ-бояринъ!—говаривалъ онъ.—Посыпьте передъ нимъ дорожку золотомъ, да по грязи, не захочетъ замарать рукъ своихъ, чтобы подбирать ихъ. Не то что какой-нибудь шематонъ, изроетъ цѣлую навозную кучу, чтобъ достать червончикъ, да еще подумаетъ, нельзя-ли изъ навозу сдѣлать золота. И осанкою, и мощью, и духомъ, всѣмъ взялъ! Стоитъ на кулачномъ бою промежъ чернаго народа, а тотчасъ видно, что бояринъ! Кажись, ласковъ и съ малымъ ребенкомъ, а глазами поведетъ, такъ поневолѣ хватаешься за шапку.

— А знаешь-ли, Прасковья Михайловна!—прибавилъ Илья Максимовичъ:—въ прошедшемъ лѣтѣ не

погнушался въ гости къ моему Гаврюшкѣ. (Тутъ указалъ онъ на Ларивонова старшаго брата, остриженнаго въ кружокъ, въ чуйкѣ изъ зеленаго порыжѣлаго бархата съ цвѣточными дорожками, въ галстукѣ, затянутомъ наподобіе ошейника). Провѣдалъ какъ-то графъ, что у него диковинный голубь—турманъ что-ли, песъ ихъ знаетъ—да и пріѣхалъ съ пріятелями посмотрѣть.—Я, говоритъ, не къ Ильѣ Максимовичу, а къ Гаврилѣ его.—Ужь и потѣшилъ Гаврюшка мой важнаго гостя! Понесся голубь воронкой все выше и выше, забилъ крылышками, словно двумя серебряными листиками, потомъ сталъ въ небѣ пятнышкомъ не болѣе гроша, да и пропалъ... Навели трубу, и въ нее не видать! Думалъ я, ужь не ястребъ-ли скушалъ. А голубь вдругъ замелькалъ въ высотѣ поднебесной, и сталъ, словно клубочекъ, разматываться, разматываться, да какъ падетъ сверху кувыркомъ, примѣромъ сажень пятьдесятъ, и брякъ о земь, прямо къ ногамъ его сіятельства. Всѣ диву дались и захлопали въ ладоши. Графъ вынулъ изъ кошелька штукъ пять золотыхъ, отдалъ ихъ этому дураку, да погладилъ его по головѣ.—Да вотъ и возгордился Гаврюшка,—прибавилъ Илья Максимовичъ,—надѣлъ нынѣ бархатную чуйку. Подарилъ, вѣдь, съ плечъ своихъ. Кажись, будни.

— Для Прасковьи Михайловны, батюшка, Илья Максимовичъ, — сказалъ человѣкъ, остриженный въ кружокъ.

— Чай, своя! Смотри, братъ, не заламывайся; знаешь, не люблю мотовства. У меня, Параша, вотъ какой обычай. Припадетъ кому изъ нихъ охота до чего — возьми у меня, сколько угодно, на разводъ; да только, чтобъ въ прокъ шло, и назадъ долгъ отдай. Гаврюшка къ голубямъ пристрастился: на, купи, братъ, голубей, да чтобъ не были дрянь, отборныхъ.

Вотъ и купилъ, и богатъ сталъ отъ голубей, и долгъ отдалъ. Такъ и мельнику-бандуристу далъ на струментъ и дурацкую одежду: въ прокъ пошло — молчу и по головкѣ поглаживаю. А зашалитъ да замотаетъ, такъ у меня разомъ полетитъ на заводъ нюхать сѣру. А кстати, Гаврюшка, изъ какой заморской стороны добываютъ много сѣры?

— Цыцыла,—отвѣчалъ Гаврила.

— Ха-ха-ха! Цецилія, говорилъ я тебѣ; Цецилія, дуракъ! Вѣдь я самъ, Параша, учился, неравно спроситъ по сѣрному заводу матушка императрица.

И Прасковья Михайловна, чтобы угодить на случай старику, твердила про себя имя заморской страны Цецилiи, откуда добываютъ много сѣры.

На концѣ первой недѣли великаго поста Илья Максимовичъ, чувствуя себя гораздо лучше, такъ что могъ бродить по комнатамъ, и замѣтивъ по лицу Прасковьи Михайловны, что въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, благословилъ ее на возвратный путь. Собрались ужь послѣ обѣда.—Смотри, душа моя, ночуй въ Люберцахъ,—говорилъ онъ, провожая невѣстку,—а то въ Волчьихъ-Воротахъ шалятъ.

Кто ѣзжалъ по холоденской дорогѣ, тотъ не могъ не замѣтить на возвышенной равнинѣ, за двадцать верстъ съ небольшимъ отъ Москвы, нѣсколько вправо отъ дороги, одинокую сосну, вѣроятно, пережившую цѣлый вѣкъ. Такъ какъ окрестные жители искони хранятъ къ этому дереву особенное благоговѣніе и не запахиваютъ корней его, то оно свободно раздвинуло кругомъ на нѣсколько сажень свои жилистые сучья, изъ которыхъ образовалась мохнатая шапка. Въ тѣни ея могутъ укрыться нѣсколько десятковъ человѣкъ. Видно, она стала тяжела старому богатырю, и онъ къ верху нѣсколько согнулъ подъ нею свой станъ. Это

дерево подало Мерзлякову мысль написать извѣстную пѣсню:

Среди долины ровныя на гладкой высотѣ,
Стоитъ, ростетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.

Она была во времена-оны въ такомъ-же ходу по всей Руси, какъ «Черная шаль» Пушкина. Только по самоуправству поэтическому, сосна превращена въ дубъ.

Когда съ сосной поравнялась кибитка, въ которой ѣхала Прасковья Михайловна съ двумя сокровищами—сыномъ и богатымъ подаркомъ свекра, ужь начинало темнѣть. Предметы стали сливаться; только одинокое дерево въ своей черной, мохнатой шапкѣ господствовало надъ снѣжною равниной. Вѣтеръ наигрывалъ въ его сучьяхъ какую-то заунывную мелодію и взметалъ около него снѣжный кругъ. Показалась деревня *Теряевка*. Вся она изъ четырехъ, пяти дворовъ, безъ улицы. Избы наподобіе свиныхъ клѣтуховъ, солома на крышахъ взъерошенная, какъ волосы у пьянаго мужика, кругомъ поваленные и прорванные плетни, дворы безъ покрышки — все это худо говорило о довольствѣ и нравственности жителей. Сквозь маленькія окна, заткнутыя кое-гдѣ грязными тряпицами, заморгали подслѣповатые огоньки. Вѣтеръ колотилъ по крышамъ не утвержденныя на нихъ жерди. Одно имя Теряевки звучитъ недобрымъ смысломъ, и не даромъ: сюда переселены были изъ какихъ-то дальнихъ помѣстій избранные негодяи; въ виду—деревня Волчьи-Ворота, гдѣ не одинъ прохожій и проѣзжій потерялъ свое добро и свою голову. Сдѣлалась темь, только-что чертямъ за волосы драться. У крайней избы, вросшей въ землю, послышался какой-то зловѣщій свистъ. Этому свисту отвѣчали далеко впереди. Сердце дрогнуло и сильнѣе забилось у ямщика, Ларивона и молодой куп-

чихи. Ямщикъ толкнулъ слугу и сталъ съ нимъ перешептываться, слуга взглянулъ на госпожу свою. Ваня спалъ крѣпкимъ сномъ возлѣ матери. Тутъ вспомнила Прасковья Михайловна слова свекра и поздно раскаялась, что не послушалась его совѣта ночевать въ Люберцахъ. Лишиться такой важной суммы, какую она везла, можетъ быть, видѣть, какъ зарѣжутъ сына ея, и умереть самой во цвѣтѣ лѣтъ, съ такими блестящими надеждами, подъ ножомъ разбойника... — подумала она, и вся кровь ея прилила къ сердцу.

— Голубчикъ, Ларивонъ, худо? — спросила она:— не воротиться-ли назадъ?

— Что назадъ!—перехватилъ ямщикъ.— До Островцовъ рукой подать, а назадъ до первой деревни добрыхъ пять верстъ. Не ночевать-же въ разбойничьей Теряевкѣ!

— Сотворите крестное знаменіе, барыня, — сказалъ Ларивонъ: — Богъ милостивъ. У меня мушкетонъ, а въ случаѣ нужды на подмогу топоръ.

— Дай мнѣ топоръ,—сказала она.

— Пожалуй, да что вы съ нимъ сдѣлаете?

— Что смогу.

Она приняла тяжелое орудіе, но не могла сдержать его и положила возлѣ себя. Ларивонъ, осмотрѣвъ мушкетонъ, посыпалъ пороху на полку изъ патрона, который вынулъ изъ-за пазухи.

Ямщикъ поѣхалъ шагомъ... Какъ будто въ ладъ общему настроенію, и колокольчикъ робко зазвенѣлъ.

— Пошелъ! — закричала молодая женщина: — ты ужь съ ними не заодно-ль? Первому тебѣ этотъ топоръ.

— Не мѣшай, барыня,—отвѣчалъ сердито ямщикъ выхватилъ изъ кибитки топоръ и положилъ его въ свое сидѣнье:—не твое дѣло. Разбуди-ка лучше дитя, чтобы не испугался.

Потомъ снялъ шапку, перекрестился и промолвилъ:—Съ крестомъ худыхъ дѣлъ не дѣлаютъ.

Мать, невольно повинуясь ямщику, разбудила ребенка.

— А что, пріѣхали?—спросилъ Ваня, встрепенувшись и протирая глаза.

— Нѣтъ еще, а близко... услышишь, можетъ, крикъ... не пугайся... это ямщикъ хочетъ вперегонку съ знакомымъ ямщикомъ.

— Гдѣ-жъ, мама?

— Впереди, голубчикъ, тебѣ не видать за лошадьми.

Продолжали ѣхать шагомъ... колокольчикъ нѣтъ-нѣтъ звякнетъ, да и застонетъ... Ужь чернѣлъ мостъ въ оврагѣ; на концѣ его что-то шевелилось... За мостомъ — горка, далѣе мрачный лѣсъ; въ него надо было въѣзжать черезъ какія-то ворота: ихъ образовали встрѣтившіяся съ двухъ сторонъ вѣтви нѣсколькихъ вѣковыхъ сосенъ. Мать лѣвою рукою прижала къ себѣ сына, правою сотворила опять крестное знаменіе. — Теперь держитесь крѣпко, — сказалъ ямщикъ, и гаркнулъ изо всей мочи:—эй! соколики! выручайте, грабятъ!..

Въ голосѣ его было что-то дикое, отчаянное; казалось, лѣсъ вздрогнулъ отъ этого крика и повторилъ его въ безчисленныхъ перекатахъ. Лошади, и безъ принужденія привыкшія выносить въ гору такъ, что не было еще человѣка, который могъ-бы удержать ихъ на подобныхъ выносахъ, рванулись и помчались, будто бѣшеныя. Что-то крякнуло на мосту, полетѣли куски жерди, которою онъ былъ загороженъ, кто-то застоналъ... порвалась бранная рѣчь, перехваченная вѣтромъ... Всѣ эти звуки слѣдовали одинъ за другимъ по мгновеніямъ ока такъ, что чуткое ухо сидѣвшихъ въ кибиткѣ, ловившее малѣйшій признакъ опасности, могло смутно различить ихъ. Кибитка взле-

тѣла на горку и понеслась будто по воздуху. Между тѣмъ что-то ударило въ волчокъ кибитки и раздробило его верхушку, послышался ружейный выстрѣлъ... Ваня закричалъ и прижался къ матери. Разъяренныхъ коней не могли удержать ближе Островцовъ.

Въ деревнѣ отрадно забѣгали со всѣхъ сторонъ огоньки въ фонаряхъ и обступили кибитку; послышались ласковые голоса, приглашавшіе проѣзжихъ переночевать и обольщавшіе ямщика и дешевымъ кормомъ, и крупчатыми папушниками съ липовымъ медомъ. Онъ угрюмо молчалъ и въѣхалъ въ знакомый постоялый дворъ. Паръ отъ лошадей застлалъ дворъ.

Кибитка подъѣхала къ чистому крылечку, устланному соломой. На немъ старушка съ добродушнымъ лицомъ встрѣтила пріѣзжихъ и освѣтила имъ дорогу фонаремъ. Горенка, въ которую они вошли, напитанная смолянымъ запахомъ отъ стѣнъ только перелѣтовавшихъ, была чистая и теплая; свѣтъ отъ лампады, теплившейся передъ иконами, обдалъ ихъ какимъ-то благодатнымъ чувствомъ. Первымъ дѣломъ Прасковьи Михайловны было броситься на колѣни и со слезами благодарить Господа за спасеніе ея съ сыномъ; Ваня сдѣлалъ то-же по ея приказанію. Она была блѣдна, наскоро оправилась, и за самоваромъ почти забыла только-что минувшую бѣду.

Вошелъ ямщикъ, сердитый, угрюмый, почесалъ голову и съ досадой бросилъ свою шапку на залавокъ. — Ну, барыня, — сказалъ онъ, —крѣпко обидѣла ты меня... поусумнилась во мнѣ...

— Прости мнѣ, голубчикъ мой, — перебила Прасковья Михайловна: — не въ своемъ разумѣ была... самъ посуди, возлѣ меня дитя... одинъ только и есть... вѣдь и у тебя чай дѣти.

И слезы помутили глаза молодой женщины.

— Кабы не этотъ мальчуганъ, не безсудь — заказался-бы во вѣки вѣковъ возить тебя по дорогамъ. Ну, да ты добрая барыня (тутъ ямщикъ махнулъ рукой); на тебя и зла нѣтъ!.. А все-таки лошадокъ полечить надо, да и мнѣ не худо отвесть душу.

Прасковья Михайловна вынула изъ кошелька, висѣвшаго у ней на груди, два имперіала изъ Ваниныхъ денегъ и отдала ямщику. Мальчикъ зналъ, что эти деньги ему подарены, и весело смотрѣлъ, какъ отдавали ихъ.

— А что лошадки, не больно-ли ушиблись?—спросила она.

— Благо разбойничья жердь пришла въ упоръ хомутамъ... царапины есть на всѣхъ, одна похрамываетъ... да Богъ не безъ милости!.. А коли зачахнутъ, знаю, не обидишь меня. Пшеницыны по Холоднѣ первые люди, а ты краля холодненская.

— Вотъ тебѣ Господь свидѣтель (и она указала на образъ), если случится бѣда какая, приходи ко мнѣ прямо... я поставлю тебѣ тройку такихъ же лихихъ лошадей. А для чего вырвалъ ты у меня топоръ?— прибавила Прасковья Михайловна.

— Неравно померещилась-бы тебѣ невѣсть какая напасть... у страха глаза велики, бѣсъ лукавъ... да пришла бы тебѣ блажь хватить меня топоромъ. Убить-бы не убила .. гдѣ тебѣ!.. а шкуру-бы попортила. Вотъ тутъ ужь разбойнички сдѣлали-бы свое дѣло.

Расхохоталась молодая женщина, и миръ былъ заключенъ.

Въ Островцахъ она давала какъ-то въ долгъ богатому мужику на свадьбу двадцать пять рублей. Обѣщался отдать черезъ недѣлю; божился всѣми угодниками, клялся и дѣтьми и утробой своей. Прошло мѣсяца два. Теперь былъ случай получить деньги. Но много труда и ходьбы взадъ и впередъ стоило Лари-

вону, чтобы вытянуть эти деньги. Да и тутъ должникъ, отдавая ихъ Прасковьѣ Михайловнѣ, вмѣсто благодарности, почесалъ себѣ голову и примолвилъ:—А что-жь, барыня? надо-бы на водку.

Пріѣхали въ Холодню, въ старый, бѣдный домикъ. Казалось, послѣ поѣздки въ Москву, онъ сдѣлался еще древнѣе и сумрачнѣе, еще болѣе наросло на него моху, который выступилъ изъ-подъ снѣга, уже много сбѣжавшаго. Но вскорѣ возвратился изъ своихъ странствованій Максимъ Ильичъ. Свиданіе молодыхъ супруговъ было самое нѣжное. Прасковья Михайловна разсказала мужу, съ какимъ успѣхомъ съѣздила она въ Москву и какому страху подвергалась на возвратномъ пути въ Волчьихъ-Воротахъ. Въ свою очередь, мужъ разсказалъ ей, какъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ плаваніе его съ караваномъ судовъ по Волгѣ, въ Кос—ой губерніи, напала на него шайка разбойниковъ, а атаманомъ у нихъ былъ князь К—ій. Этотъ князь имѣлъ домъ, въ видѣ замка съ башнями, на берегу рѣки, и занимался съ своею дворнею грабежомъ проходящихъ судовъ. Молодой Пшеницынъ отдѣлался отъ него страхомъ и нѣсколькими сотнями рублей [1]).

Мѣсто подъ новый домъ тотчасъ было куплено, спѣшно началась заготовка подъ него матеріаловъ. Оно занимало почти цѣлый кварталъ и выходило на три улицы. Было гдѣ разгуляться капиталамъ Ильи Максимовича! Закипѣла работа, и въ мартѣ потянулись къ пустырю цѣлые обозы съ лѣсомъ, камнемъ и кирпичемъ; застучали сотни топоровъ, ломы начали шевелить остовъ одряхлѣвшаго, давно необитаемаго дома; съ пискомъ и крикомъ, высыпали изъ него стаи встревоженныхъ нетопырей и галокъ. Эта постройка соста-

[1]) Самъ внукъ князя К—аго, молодой человѣкъ, очень образованный, подтвердилъ мнѣ все это въ 1836 году.

вила важную эпоху въ городѣ, едва-ли не равную съ построеніемъ кремля. Толпы народа ходили глазѣть на нее, какъ на необыкновенное зрѣлище. Каждый толковалъ о ней по своему; домостроительнымъ фантазіямъ этихъ прожектеровъ не было конца. Иной возводилъ зданіе едва-ли не съ Ивана Великаго, другой вытягивалъ его сплошь на всѣ три улицы. Съ этого времени жители еще ниже кланялись семейству Пшеницыныхъ. Но добрый Максимъ Ильичъ не перемѣнился къ своимъ согражданамъ: былъ такъ же ласковъ и общителенъ съ ними, какъ и прежде всегда. Только, не знаю почему, сталъ на *ты* съ властями, которыя съ нимъ были на *ты*, хотя и прежде не унижался передъ ними, но не выходилъ изъ церемоніальнаго *вы*. Странно, и власти не обижались этой перемѣной, водворявшею равенство между дворяниномъ и купцомъ.

Между тѣмъ родители Вани вспомнили, что пора ему приняться за ученіе. Приходскій священникъ взялся за это дѣло, и вскорѣ обрадовалъ отца и мать, что ученикъ прошелъ безъ наказанія букварь въ одинъ мѣсяцъ, когда онъ самъ въ дѣтствѣ употреблялъ на это цѣлый годъ съ неоднократными побужденіями лозы.

Въ Холоднѣ, кромѣ тревожной постройки дома Пшеницыныхъ, ничто не измѣняло мертвой тишины города. Попрежнему нарушалась эта тишина мѣрными ударами валька по мокрому бѣлью и гоготаніемъ гусей на рѣчкѣ; по-прежнему били на бойняхъ тысячи длинноргихъ воловъ, солили мясо, топили сало, выдѣлывали кожи, и отправляли все это въ Англію; попрежнему, въ базарные дни, среди атмосферы, пропитанной сильнымъ запахомъ дегтя скрипѣли на рынкахъ сотни возовъ съ сельскими продуктами и издѣліями, и межъ ними сновали, обнимались и дрались пьяные мужики. По воскреснымъ днямъ толпы отча-

ливали къ городскому кладбищу, чтобы полюбоваться на землѣ покойниковъ очень живыми кулачными боями. Пузатые купцы, какъ и прежде, послѣ чаепитія, упражнялись въ своихъ торговыхъ дѣлахъ, въ полдень ѣли рѣдьку, хлебали деревянными или оловянными ложками щи, на которыхъ плавало по вершку сала, и уписывали гречневую кашу пополамъ съ масломъ. Послѣ обѣда, вмѣсто кейфа, бесѣдовали немного съ высшими силами, т. е. пускали къ небу изъ воронки рта струи воздуха, потомъ погружались въ сонъ праведныхъ. Выбравшись изъ-подъ тулупа и съ лона трехъ-этажныхъ перинъ, а иногда съ войлока на огненной лежанкѣ, будто изъ баннаго пара, въ нѣсколько пріемовъ осушали по жбану пива, только-что принесеннаго со льду; опять кейфовали, немного погодя принимались за самоваръ въ боченокъ, потомъ за ужинъ съ рѣдькой, щами и кашей, и опять утопали въ лонѣ трехъ-этажныхъ перинъ. Какъ видите, жизнь патріархальная! Немногіе избранники отступали отъ нея. Книжки въ домѣ ни одной, развѣ какой нибудь отщепенецъ-сынокъ, отъ котораго родители не ожидали проку, тайкомъ отъ нихъ, гдѣ-нибудь на сѣнникѣ, теребилъ по складамъ замасленный пѣсенникъ, или сказки про «Илью Муромца» и «Бову Королевича». Нынѣ ужь не то: мотишка-сынокъ, тайкомъ отъ отца, читаетъ «Вѣчнаго Жида», куритъ дорогія сигары и пьетъ напропалую шампанское.

Прекрасный полъ въ Холоднѣ имѣлъ тоже свои умилительныя забавы. Купчихи ѣзжали другъ къ другу въ гости. Посѣщенія эти начинались киваніемъ головы, какъ у глиняныхъ кошечекъ, когда ихъ раскачаютъ, и прикладываніемъ устъ къ устамъ. Затѣмъ усаживались чинно, словно нѣмые гости на нашихъ театральныхъ подмосткахъ; слѣдовали угощенія на двадцати очередныхъ тарелкахъ съ вареньями, пастилою и орѣ-

хами разныхъ породъ. При этомъ неминуемо соблюдалась китайская церемонія безчисленныхъ отказовъ и неотступнаго потчиванія съ поклонами и просьбою *понудиться*. Кукольная бесѣда нарушалась только пощелкиваніемъ орѣшковъ и оканчивалась такими же китайскими церемоніями, съ прошеніемъ впредь жаловать и не *безсудить* на угощеніи. И возвращались гостьи домой, довольныя, что видѣли новыя лица, подышали на улицѣ свѣжимъ воздухомъ и свободой!

Надо оговорить, къ чести гражданъ, что чистота нравовъ, несмотря на грубую оболочку, крѣпко соблюдалась между ними. Хлѣбосольствомъ искони славился городъ Когда стояли въ немъ полки, мундиры у солдатъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, дѣлались узки, и считалось обидой для зажиточнаго хозяина, если постоялецъ его офицеръ держалъ свой чай и свой столъ.

Въ городѣ ни одного трактира. Они появились только незадолго до двѣнадцатаго года. Да и то купеческія дѣтки, даже сначала мѣщанскія, ходили въ нихъ тайкомъ, перелѣзая черезъ заборы и пробираясь задними лѣстницами, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія или проклятія отцовскаго. Съ того времени ни одна отрасль промышленности не сдѣлала у насъ такого шибкаго успѣха, и вы теперь не только въ Холоднѣ, но и по дорогѣ къ ней отъ Москвы, почти въ каждой деревнѣ, найдете домъ подъ вывѣскою елки, трактиръ и харчевню.

Случались однакожь въ городѣ важныя происшествія, возмущавшія спокойствіе цѣлаго населенія. То появлялся оборотень, который по ночамъ бѣгалъ въ видѣ огромной свиньи, ранилъ и обдиралъ клыками прохожихъ; то судья, въ нетрезвомъ видѣ, въѣзжалъ верхомъ на лошади и безъ приключеній съѣзжалъ по лѣсамъ

строившагося двухъ-этажнаго дома; то зарѣзывался казначей, обворовавшій казначейство. Полицейскія личности въ городѣ были то смирныя, то сердитыя; большею частію, ихъ отличали не по уму и честности, а по степени огня въ крови; но во всякомъ случаѣ онѣ приходились по городу, какъ домовой, по народному повѣрію, всегда любъ во всякомъ жильѣ, хотя бъ и проказничалъ надъ своими жильцами. Администрація и судъ творились въ духѣ патріархальномъ, безъ большого поощренія бумажной фабрикаціи. Дѣла, по обыкновенію, дѣлались черезъ секретарей. Подъячіе довольствовались малымъ и брали больше за исполненіе, нежели за обѣщанія, жили умѣренно, экипажей и лошадей не знавали, женъ и любимицъ своихъ не одѣвали, какъ богатыхъ барынь, и не прикасались устами къ струямъ шипучей ипокрены, хотя и можно было дешево черпать изъ нея на Арбатѣ, подъ вывѣскою: *здѣсь дѣлаютъ самое лучшее шампанское.* Въ Холоднѣ не сказали-бы того, что я слышалъ лѣтъ десять тому назадъ въ одномъ уѣздномъ городѣ отъ продавца винъ, у котораго спрашивалъ шампанскаго: — А что, батюшка, будемъ мы дѣлать, когда вдова Клико помретъ? — Пили, правда, много, очень много, но съ патріотизмомъ — все свое доморощенное: цѣлебныя настойки подъ именами великихъ россіянъ, обезсмертившихъ себя сочиненіемъ этихъ питій наравнѣ съ изобрѣтателями желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ, и наливки разныхъ цвѣтовъ по тѣнямъ ягодъ, начиная отъ янтарнаго до темнофіолетоваго.

Были однакожъ замѣчательныя личности въ городѣ, и мы обязаны посвятить имъ особенную тетрадь.

Весна дохнула на землю своимъ тепломъ и благоуханіемъ, накинула зеленую сѣтку на рощи, ковры на

луга, заговорила лепетомъ своихъ ручьевъ и шумною рѣчью своихъ водопадовъ, запѣла пѣснями любви и свободы своихъ крылатыхъ гостей. Пришло и лѣто. Ваня, въ сопровожденіи Ларивона, посѣтилъ прежнія любимыя мѣста свои; попрежнему отзывалось въ его сердцѣ сердечное біеніе природы. Но не такъ часто ужь гулялъ онъ: Ваня полюбилъ *книгу*.

Между тѣмъ домъ Пшеницына росъ не по днямъ, а по часамъ. Изъ ветхаго каменнаго зданія между тѣмъ сколотили домикъ, на который надстроили деревянный этажъ. Верхній долженъ былъ служить для временнаго житья самихъ владѣльцевъ, нижній назначался для службъ. Флигель этотъ, съ выведеннымъ уже вчернѣ большимъ каменнымъ двухэтажнымъ домомъ, соединили галлереей на аркѣ. Въ нижнемъ этажѣ этого дома устроили съ одной стороны двѣ огромныя кладовыя, а съ другой — двѣ большія комнаты, одну для залы, а другую для Вани. Пшеницыны хотѣли переѣзжать на новое жилище, когда получили съ нарочнымъ извѣстіе, что Илья Максимовичъ умираетъ.

Застали еще старика при послѣднихъ минутахъ. Онъ успѣлъ только благословить сыновей своихъ, невѣстокъ и внучекъ. Похороны были великолѣпныя; два дня таскали изъ кладовой мѣшки съ мѣдною монетою, которую раздавали нищимъ, запрудившимъ улицу. Раздѣлъ между сыновьями совершился полюбовно, какъ сдѣлали-бы его промежъ себя Орестъ и Пиладъ. Что хотѣлось одному, того не желалъ другой. Женщину, бывшую при старикѣ и не носившую названія своей должности, выпроводили со двора безъ уваженія, но и безъ обиды, со всѣмъ ея скарбомъ.

Потянулся въ Холодню обозъ съ сундуками, изъ которыхъ нѣсколько было съ «Божіимъ милосердіемъ», какъ называетъ русскій человѣкъ иконы—самое доро-

гое свое достояніе; другіе — съ разнымъ движимымъ имуществомъ. Все это едва могло умѣститься въ двухъ кладовыхъ. И сами владѣльцы этого богатства, тотчасъ по пріѣздѣ въ Холодную, переселились на новое жилище.

ТЕТРАДЬ II

Замѣчательныя городскія личности

Характеристику лицъ, современныхъ Пшеницынымъ, Максиму Ильичу и его сыну, начнемъ съ генераціи городничихъ. Не знаю почему, ихъ типы скорѣе схватываются.

Ее открываетъ Язонъ, или, какъ его называли въ городѣ, Насонъ Моисѣевичъ Моисѣенко, поручикъ въ отставкѣ. Ему близь шестидесяти. Маленькій, худенькій, съ лицомъ наподобіе высушеннаго яблока, съ острымъ носикомъ, въ рыжемъ паричкѣ, завитомъ, какъ руно крымскаго барашка. Букли и коса, все это маленькое, дорисовываютъ его портретъ. Голосъ тоненькій, пискливый. Съ характеромъ уступчивымъ, робкимъ, онъ боялся гражданъ, а не граждане его боялись. Принесутъ ему сахару полголовки, чайку четвертку, нанки на исподнее, полотенчико съ крестьянскими кружевами, сапожную щетку — ничѣмъ не гнушается, все принимаетъ съ благодарностію. Самъ ни на что не напрашивается. Развѣ придетъ въ лавку, да полюбуется иною вещицей, повертитъ ее не разъ въ рукахъ своихъ и скажетъ: Хорошая вещица!.. Чай, дорога?.. (А вещь стоитъ всего два гривенника).—Для

васъ, Насонъ Моисѣичъ (его ужь и не величали благородіемъ), для васъ плевое дѣло. Позвольте завернуть и уложить на ваши дрожки (такъ граждане для приличія называли *войлочки*, родъ роспусковъ, съ войлокомъ на нихъ) [1]).—И принимаетъ онъ эти приношенія и подобныя, разсыпаясь въ благодареніяхъ и оговоркахъ:—Да зачѣмъ это? да къ чему это?.. я и на грошъ вамъ не заслужилъ. Неравно узнаетъ начальство... лишусь мѣста... отдадутъ подъ судъ.

Иногда, въ крайности, очертя голову, отважится на сильнѣйшій кушъ. Была не была! А послѣ и труситъ. Ночь не спитъ, мучительно ворочается на постели, отмахивается отъ ужасной мысли, какъ будто отъ неотвязчивыхъ мухъ, да не разъ спрашиваетъ кухарку, не слыхать-ли ревизорскаго колокольчика, словно у ревизора колокольчикъ съ особеннымъ звономъ. Готовъ съ передачею отдать, что получилъ. Не дождется утренняго солнышка. Вотъ и солнце заглянуло къ нему въ окно. Посылаетъ разсыльнаго за такимъ-то, дескать крайняя нужда. Приходитъ такой-то, и умоляетъ онъ его взять назадъ. —Батюшка, будь благодѣтель, ради Бога, развяжи душу. Всю ночь не спалъ.—И возьметъ приноситель, посмѣется да плюнетъ въ сѣняхъ, и отнесетъ кушъ письмоводителю. А потомъ, видитъ Насонъ Моисѣичъ, ревизоръ не ѣдетъ, и жалко ему станетъ приношенія. Чего-бы, думаетъ, не сдѣлалъ на него! Кушъ былъ экстренный—не дождешься скоро такого.

И крѣпко призадумается Насонъ Моисѣичъ, и грустно ему станетъ, что не взялъ хорошаго куша.

По части порядка и чистоты въ городѣ, не требуетъ, не грозитъ, а умоляетъ. Посреди улицы

---

1) Такіе *войлочки* были въ употребленіи у московскихъ извощиковъ, если не ошибаюсь, до 12 года. Ихъ замѣнили *камберныя* дрожки.

валяется по нѣсколько дней лошадиная падаль и заражаетъ цѣлый кварталъ, пока воронья плотоядныя не истребятъ ее и вѣтры буйные не изсушатъ. Грязь на торгу по колѣна, дѣти-нищіе тонутъ въ ней (говорятъ, были двѣ жертвы). Придутъ благодатные лѣтніе деньки съ припекомъ солнечнымъ, когда изжаренная трава хруститъ подъ ногами и на торгу сухохонько.— Вотъ видите,—умиленно говоритъ онъ лавочникамъ,— самъ Богъ высушилъ, инда пыль глаза ѣстъ! — Простой, богобоязливый человѣкъ! отзывались объ немъ граждане, и вѣрно соорудили-бы ему памятникъ, если-бъ на памятникъ не потребовалось денегъ, а можно было-бы соорудить его изъ грязи и костей лошадиныхъ.

Судъ творилъ онъ коротко и ясно.—Ты, братенько, правъ,—говорилъ онъ одному,—потому что тебя обидѣли, а ты правъ — говорилъ онъ другому — потому что онъ тебя выбранилъ. Слѣдственно, вы оба неправы. Помиритесь-ка лучше, да поцѣлуйтесь. Помирятся, поцѣлуются тяжущіеся, да выйдутъ за ворота на широту поднебесную, выбранятъ городничаго на чемъ свѣтъ стоитъ, затѣютъ опять ссору, вцѣпятся другъ другу въ волоса, клочка два-три полетятъ у каждаго; кто кого сможетъ, тотъ и правъ останется. А иногда и въ самомъ дѣлѣ помирятся, да и запьютъ миръ добрымъ крючкомъ пѣннаго подъ вѣткою оливы, въ видѣ ельника, прославляя городничаго.

Случалось иногда, что Насонъ Моисѣичъ не на шутку расходится, только не самъ собою: на подвиги раскачивалъ его писмоводитель. Разъ какъ-то ссора двухъ гражданъ оканчивалась подобною мировою сдѣлкой. Но вотъ письмоводитель по секрету зоветъ Насона Моисѣича въ ближнюю комнату. — Что это вы, ваше благородіе, настоящая мокрая курица. И такъ вами въ городѣ словно тряпицей потираютъ. Этакъ съ

вами и служить нельзя. — И вотъ Насонъ Моисѣичъ, пришпоренный такою рѣчью, встаетъ на дыбы, входитъ въ азартъ и, сдернувъ на одно ухо свой рыжій паричекъ въ завиткахъ, бросаетъ громъ и молнію въ камерѣ судилища. Прикажетъ отвѣтчика наказать за то, что виноватъ, а праваго, чтобы впередъ не ходилъ жаловаться.—У меня въ городѣ все тихо, и муха не смѣетъ ворчать. Ни гу-гу! Настоящее благословеніе Божіе! — говорилъ онъ, гнѣвно ходя вокругъ стола. — А тутъ какой-нибудь вольнодумецъ, безпардонный, вздумаетъ мутить да ябедничать, да въ доносы ходить! Пожалуй себѣ, и правъ, и оченъ правъ, да зачѣмъ нарушать спокойствіе гражданъ? Не тобою городъ начало имѣетъ, не тобою и стоитъ. Пускай стоитъ, какъ стоялъ! — Письмоводитель, съ упоеніемъ сердечнымъ подслушивая у дверей, ждетъ своего сыра. Позоветъ къ себѣ тяжущихся и накажетъ только того, который не смогъ заплатить выкупныя. Вслѣдствіе такого премудраго суда, и дѣлъ за нумерами въ полиціи очень мало оказывалось: все дѣлалось больше на словахъ и на палкахъ. Къ чести Насона Моисѣича надо оговорить, что послѣднее дѣлопроизводство онъ употреблялъ очень рѣдко, и то когда письмоводитель раскачаетъ желчь со дна этого чистаго сосуда.

Наконецъ пріѣхалъ въ городъ, десять лѣтъ съ такимъ страхомъ ожидаемый, начальникъ-ревизовъ. Ужасные дни! они отняли у городничаго нѣсколько лѣтъ жизни. Ревизоръ былъ человѣкъ добрый, пріятный; въ бумагахъ много не рылся, за очисткою нумеровъ не гонялся. Узналъ, что городничій человѣкъ непритязательный, съ живого и мертваго не дралъ, жалобъ на него не имѣлось, и остался всѣмъ доволенъ и благодарилъ. А все-таки, пока его особа пребывала въ городѣ, Насонъ Моисѣичъ чувствовалъ себя неловко, какъ будто и чужой мундиръ надѣлъ, и рыжій пари-

чекъ скоблитъ его черепъ. То словно его крапивой посѣкутъ, то въ ледяную ванну опустятъ. Надо было видѣть, съ какою дипломатическою тонкостью ѣхалъ онъ съ начальникомъ на дрожкахъ, которыя выпросилъ у предводителя! Балансеръ, да и только!... Угораздило его сидѣть на карточкахъ, въ такомъ видѣ, какъ громовая стрѣла изображается на картинкахъ, зигзагомъ, одною рукою держится за ободокъ козелъ, другою, какъ азіацъ подстрѣленную лапку, покачиваетъ на воздухѣ, а носками сапоговъ упирается въ подножки, не смѣя ни одною частью своей персоны прикоснуться къ подушкѣ. Еще бы! на этой подушкѣ возсѣдитъ важная особа, которой одно маніе бровей, какъ у громовержца Юпитера, можетъ смять его въ прахъ и оставить безъ куска хлѣба. — Видно, Господь умудрилъ его сидѣть на дрожкахъ не сидя, за его добрую душу! — говорилъ голова, ѣхавшій за ними въ своей линеечкѣ.

Все, казалось, шло хорошо. Но ревизоръ пожелалъ видѣть временную арестантскую при полиціи. Вотъ ведетъ Насонъ Моисѣичъ, немного окураженный, великую персону къ сѣнцамъ и останавливается у дверей.—Извольте головку наклонить,—говоритъ онъ, — не стукнуться-бы лобикомъ о косякъ. — Предверіе тюрьмы не представляетъ ничего страшнаго. Вмѣсто орудій казни въ глаза бросаются одни любезные идиллическіе предметы: ненакрытое ведро съ водою и плавающій на ней ковшикъ съ изумрудными букашками, стопочки двѣ-три дровъ, небрежно развалившіяся, онучки сторожа, растянутыя для просушки противъ сквозного вѣтра, жиденькая метла, которую, какъ видно, очень обижали, вытаскивая изъ нея прутья для чистки платья или на другое употребленіе. Ключъ къ мѣсту заключенія у самого Насона Моисѣича; онъ держитъ его въ мундирѣ, у сердца своего, какъ и

UNIVERSITY
ILLINOIS LIBR

подобаетъ. Вотъ прикладывается ключемъ къ огромному замку, но еще разъ умильно оборачивается на своего начальника и предостерегаетъ его, чтобъ онъ былъ невзыскателенъ, арестанты-де грубый и невоспитанный народъ. — Сколько у васъ здѣсь арестантовъ?—спрашиваетъ ревизоръ.—«Только три человѣка, ваше (и прочее),—отвѣчаетъ градоначальникъ:—здѣсь не только злодѣянія, и моральные проступки очень рѣдки. Мораль между жителями примѣрная!» — Надо замѣтить, что на французскихъ словечкахъ онъ очень упиралъ: дескать, знай нашихъ

Входятъ въ арестантскую. Это большая изба; половину ея занимаетъ русская печь, сколоченная изъ глины. Ревизора обдаетъ атмосфера, отъ которой онъ напрасно старается освободиться, то отдуваясь, то отплевываясь, то зажимая носъ. Въ избѣ никого не видно. Насонъ Моисѣичъ со страхомъ осматриваетъ все кругомъ и тоненькимъ, пискливымъ голосомъ окликаетъ арестантовъ: — «арестанты! арестанты! гдѣ вы?» — Нѣтъ отвѣта. Онъ ищетъ глазами, носомъ, всѣмъ своимъ существомъ, заглядываетъ во всѣ углы, подъ нарами, на печкѣ, въ подпечьи, въ печуркахъ; взываетъ опять жалобнымъ, отчаяннымъ голосомъ, какъ будто зоветъ свою Эвридику: — «арестанты! гдѣ вы?» — Нѣтъ арестантовъ. Ревизоръ помираетъ со смѣху. Въ это время является письмоводитель, чтобы развязать узелъ этой ужасной драмы. На носу его, толстомъ и красномъ, торчатъ нахально два стеклышка въ мѣдной заржавленной оправѣ; голова его, прилично наклоненная, дрожитъ, руки также трясутся, но не отъ страха... Нѣтъ, это чувство еще никогда не колебало такой души, привыкшей къ ежедневнымъ подвигамъ. Съ приходомъ его вносится густая струя воздуха, напитаннаго виномъ и лукомъ. Отрывистымъ, но твердымъ голосомъ, какъ человѣкъ самостоятель-

ный, знающій свое дѣло, онъ объявляетъ, что еще рано поутру выпустилъ арестантовъ, потому что на дѣлѣ они оказывались невинными. Какъ сдѣлалъ этотъ фокусъ ловкій письмоводитель, когда ключи были у городничаго, это осталось покрыто густою завѣсой тайны. Снисходительный къ слабостямъ человѣческимъ, ревизоръ и не взялъ на себя труда ее изслѣдовать. Кончилась вся исторія однимъ смѣхомъ главной персоны. Но на городничаго она такъ подѣйствовала, что онъ, по отъѣздѣ ревизора, слегъ въ постель и не вставалъ съ нея болѣе.

Во время болѣзни все бредилъ арестантами и взывалъ жалобнымъ голосомъ: «арестанты! гдѣ вы?» Передъ смертью пришелъ въ разсудокъ, исполнилъ свои христіанскія обязанности, попросилъ у всѣхъ прощенія, въ чемъ кого обидѣлъ, не намекнулъ даже письмоводителю, что умираетъ отъ его руки и завѣщалъ похоронить себя въ рыжемъ парикѣ, чтобы въ гробу ему не было стыдно.

За гробомъ шло много народу. За нимъ слѣдовалъ письмоводитель, держа шпагу въ рукахъ, печальный, понуря голову, какъ бывало въ рыцарскія времена вѣрный конь, носившій своего господина въ бояхъ и на турнирахъ, слѣдовалъ за носилками его, чтобы положить свои кости въ одной съ нимъ могилѣ. Купечество сдѣлало богатыя поминки, стоившія большихъ денегъ; ѣли и пили много въ память своего бывшаго благодѣтеля. Но когда (по приглашенію Максима Ильича) приступлено было къ подпискѣ на уплату его долговъ, которыхъ оказалось рублей на шестьдесятъ по счетамъ (можетъ, и съ нѣкоторою добросовѣстной приписочкой на умершаго), всѣ отозвались, что и такъ много потратились на вина и прочее угощеніе для покойника. Вслѣдствіе чего Пшеницынъ одинъ взялъ уплатить долги и содержать старушку кухарку, крѣ-

постную его женщину, оставшуюся безъ крова и куска хлѣба. Кухарка, какъ увидимъ, надѣлала много хлопотъ своему благодѣтелю.

Сдѣлали вѣрную опись оказавшемуся послѣ покойника имѣнію; присяжные цѣновщики оцѣнили его въ 36 рублей 27 и $^3/_4$ копѣекъ. Но какъ наслѣдниковъ на лицо не оказалось, то и приступили къ вызову посредствомъ публикаціи, не означая цѣны имѣнію. Между тѣмъ нанята коморка для храненія вещей и отдана лошади въ полицію, чтобы содержать ее положеніе. Войлочки взялъ себѣ на память письмоводитель. Черезъ годъ наслѣдники отыскались. Но когда они потребовали имѣніе или деньги по выручкѣ за него съ аукіоннаго торга, то оказалось, что съ нихъ слѣдуетъ довзыскать, сверхъ вырученной суммы, еще рублей двадцать пять и столько-то копѣекъ съ дробями за наемъ комнаты для храненія вещей и за содержаніе лошади. Дѣло объ этомъ тянулось лѣтъ десять и на него изведено бумаги на сумму, которая превышала самое взысканіе. Кухарку, попавшую то же въ опись, за старостію лѣтъ никто не согласился взять.

На безыменной земляной насыпи, подъ которою навсегда почилъ Насонъ Моисѣичъ, поставленъ деревянный крестъ усердіемъ кухарки, и ею же творились по немъ поминки. Но и тѣ скоро замолкли. Только неизмѣнные съ вѣками солнышко и мѣсяцъ попеременно, да звѣзды разсыпныя, приходятъ и понынѣ голубить своими лучами могилку его, какъ и прочихъ братьевъ, почіющихъ на общей усыпальнѣ; только вѣтры непогодные прилетаютъ на нее съ своими заунывными пѣснями и гулятъ покойниковъ въ ихъ смертной колыбели. Еще чадолюбивая церковь не перестаетъ ежегодно поминать всѣхъ ихъ въ общей своей молитвѣ. Богъ знаетъ, и могилка-то Насона Моисѣича *его*-ли нынѣче?.. Можетъ быть, два-три новые вѣчные

жильца пришли занять ее и потѣснить въ ней кости бывшаго начальника цѣлаго города.

Не знаю, какой дурной человѣкъ выучилъ Ваню разыгрывать роль городничаго, отыскивающаго своихъ арестантовъ. Всѣ помирали со смѣху, когда мальчикъ, щуря глаза и ныряя по сторонамъ, взывалъ тоненькимъ, пискливымъ голосомъ: «арестанты! арестанты! гдѣ вы»? Но Ларивонъ скоро прекратилъ эту комедію, сказавъ Ванѣ, что стыдно и грѣшно передразнивать покойника.

Послѣ Насона Моисѣича принялъ бразды правленія какой-то коллежскій секретарь. Онъ былъ изъ числа тѣхъ господъ, которые носятъ романическое имя и половину фамиліи своего отца. Назовемъ его просто Модестомъ Эразмовичемъ. Это былъ человѣкъ порядочно-образованный по тогдашнему, писалъ отличнымъ почеркомъ по-французски и даже сочинялъ русскіе стихи. Презентабельная наружность говорила въ его пользу. Онъ всегда былъ одѣтъ щегольски. Такъ и сіяло отъ него перстнями, золотомъ массивныхъ цѣпей съ разными побрякушками и дорогими булавками въ видѣ пылающаго сердца, колчана съ стрѣлами и голубя, несущаго во рту письмо. Особенно имѣлъ онъ искусство, даруемое только нѣкоторымъ избранникамъ, поражать взоры ослѣпительнымъ блескомъ солитера на указательномъ пальцѣ.

Разница въ управленіи городомъ между начальниками была неизмѣримая. Предшественникъ никогда ни на шагъ не отлучался изъ города, подъ опасеніемъ, что его разстрѣляютъ, если онъ нарушитъ это правило; а преемникъ почти никогда не бывалъ въ городѣ. Первый трясся на войлочкахъ, окутавъ ноги тряпицей, а второй спокойно ѣзжалъ на дрожкахъ, ничѣмъ не покрывая глянцовитыхъ своихъ сапогъ. Одинъ имѣлъ письмоводителемъ низенькаго старичка, съ носомъ, въ

видѣ кровяной колбасы, на которомъ нахально торчали два стеклышка въ родѣ очковъ, а другой привезъ своего письмоводителя, высокаго, среднихъ лѣтъ, съ орлинымъ носомъ, у котораго кончикъ былъ очень бѣлъ, какъ-бы отмороженный, но замѣтьте—съ носомъ, нетерпящимъ никакого ига. У одного письмоводитель пилъ горькую и закусывалъ лукомъ, у другого пилъ сладкую и замаривалъ водочный запахъ гвоздикой и амбре. Секретарь Насона Моисѣевича дѣлалъ только *свои* дѣла, а секретарь Модеста Эразмовича—домашнія и служебныя дѣла свои и своего начальника съ неутомимымъ рвеніемъ и преданностію, отчего расходы просителей и вообще гражданъ получили быстрое развитіе и преуспѣяніе. Сначала жители ощутили эту разницу, немного втайнѣ пороптали, но, едва прошло нѣсколько недѣль, попривыкли къ новому ходу дѣлъ, какъ привыкаетъ ко всему человѣкъ, сумѣвшій ужиться и между льдами полярными, и подъ зноемъ тропиковъ. Впрочемъ, какъ скоро новый письмоводитель ознакомился съ жителями, а еще болѣе вникъ глубоко въ статистику ихъ состояній, онъ очень уравнительно, по правилу товарищества, *обложилъ* каждаго, не обходя и сумы нищаго, а купцы *наложили* маленькіе проценты на товары и съѣстные припасы. Вскорѣ граждане обучились считать городничаго и его штатъ какою-то законною повинностью. Новаго письмоводителя начали также провозглашать благодѣтелемъ человѣчества и говорили при этомъ: —Вотъ и Насонъ Моисѣичъ, дай Богъ ему царствіе небесное! ужь не добрая-ли была душа... а все-таки бывало гнетъ на законъ. Все упрашивалъ, чтобы купцы не скупали ничего за заставами.—Это, говоритъ, какое-то манноболіе! Видно, по-малороссійски или по-чухонски, прости Господи! Не равно, говоритъ, пріѣдетъ ревизоръ, меня и васъ всѣхъ упечетъ подъ судъ. Толку что въ немъ,

что честный—ни себѣ, ни лядямъ! А этотъ—молодецъ, никого не боится, любитъ взять, да и нашему брату любитъ дать поживу.

Новый благовоспитанный городничій былъ очень далекъ отъ всѣхъ этихъ продѣлокъ. Попробуй принести, турнетъ, что и своихъ не узнаешь. Онъ сердито на словахъ гналъ взяточничество и даже написалъ оду на ляхоимство, гдѣ представилъ его во образѣ какого-то ужаснаго чудовища, пожирающаго собственныхъ дѣтей. А вздумай кто жаловаться на письмоводителя, погнетъ такъ, что ступеньки всѣ на лѣстницѣ его пересчитаешь. Не пожалѣетъ и солитера!

Такъ жители забыли добрѣйшаго Насона Моисѣича и обращались къ Модесту Эразмовичу только съ высокоторжественными поздравленіями, въ томъ числѣ и въ день его ангела.

Какъ выше сказано, новый городничій большую часть дня, иногда и ночи, проводилъ внѣ города. Почти каждый день ѣзжалъ онъ къ какой-то графинѣ, жившей врознь съ мужемъ, въ богатомъ помѣстьѣ, за нѣсколько верстъ отъ Холодни. Ея протекціи обязанъ онъ былъ своимъ новымъ мѣстомъ, и зато въ благодарность исполнялъ при ней должность домашняго секретаря. А такъ какъ графиня занималась сочиненіемъ французскихъ романовъ, довольно многотомныхъ, которыхъ рукописи любила имѣть въ нѣсколькихъ экземплярахъ, то и записывался онъ до изнеможенія силъ. Въ нынѣшнее время графиня взяла-бы въ секретари француза, но тогда въ Россіи иностранцы бѣли рѣдки, особенно трудно было ихъ найти для должности домашняго секретаря. Все были старые роялисты!... Собираясь къ графинѣ, чтобы явиться къ ней въ пріятномъ видѣ, онъ часа два тщательно занимался туалетомъ своимъ: чистилъ себѣ ногти, артистически обдѣлывалъ свои букли, помадилъ губы, пу-

дрилъ лицо, надѣвъ свой солитеръ, долго любовался имъ и т. п.

Сверхъ того Модестъ Эразмовичъ страстно любилъ охоту съ ружьемъ. Стрѣлялъ онъ такъ мѣтко, что попадалъ въ серебряный пятачекъ. Письмоводитель, котораго онъ опредѣлилъ въ эту должность за то, что нѣсколько лѣтъ таскался съ нимъ по болотамъ и носилъ застрѣленную дичь, хотя и славился тоже мастерской стрѣльбой, попадалъ только въ мѣдный пятакъ. Можетъ быть, какъ политичное лицо, онъ немного кривилъ ружьемъ и душой, чтобы не помрачить славы своего начальника. Новый городничій посвящалъ также нѣсколько часовъ сочиненію стиховъ. Стихи эти, большею частію эротическіе или любовные, какъ ихъ называли, ходили между властями по городу и даже губерніи. Немудрено, что многія изъ пѣсенъ дошли до насъ въ пѣсенникахъ того времени и тѣ, которыя считаются лучшими въ этихъ сборникахъ, принадлежатъ, конечно, тогдашнему городничему. Съ дамами могъ-бы, но боялся быть очень любезнымъ, потому что люди, при немъ въ услуженіи находившіеся, принадлежали графинѣ.

Такъ какъ онъ обрѣтался болѣе въ уѣздѣ, чѣмъ въ городѣ, то и прозвали его уѣзднымъ городничимъ. Въ этомъ названіи, какъ и во многихъ другихъ, довольно мѣткихъ, былъ виновенъ добрѣйшій Максимъ Ильичъ Пшеницынъ, который, несмотря на свой кроткій, миротворный характеръ, любилъ почесать язычекъ на счетъ другихъ. Это была врожденная слабость, за которую онъ не разъ дорого платился и однажды едва не подпалъ большой бѣдѣ.

Уѣздный городничій ласкалъ Ваню и имѣлъ отчасти вліяніе на его воспитаніе. Модестъ Эразмовичъ научилъ его первымъ правиламъ стихотворства и декламаціи. Ваня съ одушевленіемъ и вѣрно читалъ его стихи

передъ многочисленной публикой и даже разъ произнесъ русскій акростихъ, заранѣе переведенный на французскій языкъ, передъ поэтической графиней, которой городничій представилъ его, какъ ранній талантъ. Ваня декламировалъ стихи «съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой», и графиня наградила ранній талантъ поцѣлуемъ и французскимъ молитвенникомъ въ роскошномъ переплетѣ.—«*Будь добродѣтель, имѣй нравъ чистъ и благочесть*» [1])—сказала Ванѣ русская графиня и дала городничему поцѣловать свою ручку въ знакъ благодарности, что привезъ такого милаго цитатора стиховъ. Надо сказать, что эта высоконравственная женщина, покинувшая своего мужа за его безпутную жизнь, когда ей было гораздо за сорокъ лѣтъ, одѣвалась иногда въ подражаніе островитянкамъ Тихаго океана — въ какомъ-то легкомъ, полувоздушномъ пеньюарѣ, обрисовывавшемъ очень хорошо ея роскошныя формы.

Разъ зашла откуда-то въ Холодню цыганка-гадальщица и предсказала, что городничіе тамошніе не будутъ долго сидѣть на мѣстѣ. Какъ сказала, такъ и сдѣлалось. Черезъ два, три года Модесъ Эразмовичъ очень захирѣлъ, вышелъ въ отставку и отправился съ графиней поправлять свое здоровье на какія-то воды, изумительно возстановлявшія силы.

Преемникомъ его былъ титулярный совѣтникъ Герасимъ Сазонычъ Поскребкинъ, собою молодецъ, и ростомъ и дородствомъ взялъ. Грудь широкая, выя хоть сейчасъ подъ ярмо, глаза, какъ у рыси, спокойствіе и твердость невозмутимыя во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ былъ женатъ на пріемышѣ какой-то знатной особы, подъ покровительствомъ

---

[1]) Въ десятыхъ годахъ зналъ я одну русскую графиню, которая такъ худо по-русски говорила, что даже и другія аристократки надъ нею смѣялись.

которой и состоялъ. О! этотъ далеко обогналъ своихъ предшественниковъ. Надо сказать, что онъ, сколько извѣстно было, служилъ прежде какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ по пожарной части и потерялъ это мѣсто за неблаговидныя дѣла, потомъ проходилъ служеніе въ какомъ-то мѣстѣ въ родѣ экзекуторскаго.

Здѣсь обнаружилъ онъ широкія способности къ экономіи. Такъ, отпуская на канцелярію свѣчи, сберегалъ изъ нихъ нѣкоторое количество, не только для своего домашняго обихода, на что начальство посмотрѣло-бы сквозь пальцы, но и для дешеваго распространенія сальнаго свѣта по городу. Это-бы еще ничего. Слабость къ сальнымъ свѣчамъ!.. Вотъ, напримѣръ, что можетъ быть гаже зеленаго фонарнаго масла? Что-жь дѣлать, я имѣю слабость къ зеленому фонарному маслу. Зеленое масло, особенно когда оно горитъ à petit jour, производитъ на меня какое-то магическое дѣйствіе. Вы не повѣрите? Право, не шучу. Впрочемъ, не я одинъ съ такимъ страннымъ вкусомъ: въ каждомъ порядочномъ городѣ вы найдете мнѣ товарища гебра, поклонника фонарнаго огня, горящаго отъ зеленаго масла. Затѣмъ Поскребкинъ имѣлъ слабость къ бумагѣ. Отпуская бумагу канцелярскимъ служителямъ, удерживалъ онъ утонченнымъ хозяйственнымъ образомъ изъ каждой дести по нѣскольку листовъ, а изъ каждой стопы по нѣскольку дестей. Такимъ образомъ, въ извѣстный періодъ времени, накапливалось достаточное количество стопъ, которыя, завѣдомокраденыя, покупали у него мелкіе торговцы. Для избѣжанія чего начальство вынуждено было накладывать на бумагу штемпель того мѣста, которому принадлежала бумага. Съ дровами опять экономія! Изъ каждыхъ двухъ покупаемыхъ саженей выводилъ онъ три, а когда недоставало дровъ, рубилъ на отопленіе и заборы.

Поскребкинъ былъ человѣкъ ловкій, умѣлъ угодить. То на паперти выхватитъ коверчикъ изъ рукъ выѣзднаго за женою своего начальника: она къ церкви, а ужь подъ ноги ея Герасимъ Сазонычъ стелетъ коверчикъ, и награжденъ улыбкой; то при выходѣ ея изъ театра онъ первый прокричитъ: карета ваша подана! Тутъ привѣтливое киваніе, а онъ успѣетъ хоть подолъ салопа ея посадить въ карету, да еще дружески раскланяться съ выѣзднымъ, котораго когда-то употчивалъ въ трактирѣ.—Какой прекрасный, услужливый человѣкъ этотъ Поскребкинъ! — говорила жена начальника своему мужу. И швейцаръ первой особы въ городѣ жметъ «съ своимъ почтеніемъ» щедрую руку ловкаго человѣка. Случится-ли пожаръ, онъ тутъ, хотя и не его дѣло, и первый въ глазахъ начальника зажметъ мощною рукою то мѣсто пожарной кишки, которое прорвалось. На другой день начальникъ видитъ его съ обожженнымъ ухомъ или съ подвязанною рукой Онъ хвастался, что, когда былъ на службѣ въ какой-то глухой губерніи, никто лучше его не умѣлъ управлять кишкою пожарной трубы. Особенно мастеръ былъ на это дѣло, въ угожденіе какого-то главнаго начальника, который, катаясь съ ледяныхъ горъ, приказывалъ опрыскивать изъ трубы каждаго, кто осмѣливался смотрѣть на его забавы.

Но, увы! несмотря на всѣ эти угожденія, начальникъ, увидавъ, что хозяйственные таланты Поскребкина все болѣе и болѣе совершенствуются и принимаютъ ужасающіе размѣры, сначала говорилъ, что постыдно такъ воровать. Потомъ, видя, что эти учтивые намеки не помогаютъ, сказалъ ему наединѣ, въ кабинетѣ, что онъ плутъ, воръ, мошенникъ, и что нельзя съ нимъ служить. Поскребкинъ, съ благороднымъ достоинствомъ ударяя себя въ грудь, отвѣчалъ:— ваше!.. (и прочее: надо замѣтить, что онъ своихъ

начальниковъ величалъ всегда одною степенью выше, нежели какую они имѣли) изволите обижать меня понапрасну. Ей-богу, понапрасну! Я воромъ и мошенникомъ никогда не былъ. И на что мнѣ? Я самъ имѣю состояніе—деревушку въ Расторгуевой губерніи; довольствуюсь малымъ. — Начальникъ, высчитавъ всѣ хозяйственныя его продѣлки, очень вѣжливо опять повторялъ прежнія деликатныя имена и просилъ сдѣлать ему одолженіе избавить его отъ служенія съ нимъ. Тутъ Поскребкинъ, показывая на уголъ комнаты, восклицалъ яркимъ, басистымъ голосомъ, вылетавшимъ изъ широкой груди его: — Чтобъ мнѣ сальнымъ огаркомъ подавиться! Утроба моя разорвалась-бы отъ одного листа бумаги! Дѣтей моихъ перебило-бы полѣномъ дровъ! Вы изволили видѣть, жена моя беременна... чтобъ она родила бревно, вмѣсто живого ребенка, если я посягнулъ на разореніе хоть одного столба въ заборѣ!.. А я еще уповалъ (тутъ онъ говорилъ болѣе жалостнымъ голосомъ, фистулой), что ваше (и прочее), какъ всегдашній мой благодѣтель и отецъ, удостоите быть у меня крестнымъ отцомъ! Помилуйте! Какимъ-нибудь кускомъ сала или ветошнымъ отребьемъ захочу-ли марать свою честь! — Потомъ начиналъ кулакомъ утирать слезы, упрекалъ въ клеветѣ своихъ недоброжелателей, которые будто требовали отъ него *акциденціи*, да онъ, помня присягу и долгъ благороднаго человѣка и вѣрнаго сына отечества, не посягнулъ на такія гнусныя дѣла. — «Чтобъ имъ такъ сладко было, какъ мнѣ теперь, передъ лицомъ великодушнѣйшаго, благороднѣйшаго изъ начальниковъ! Ежеденно молю Господа за здравіе ваше и вашей супруги... Божественная женщина!.. Чтобъ Господь даровалъ вамъ хоть одно дѣтище на порадованіе ваше! Помилосердуйте, ваше (и пр.). Жена, куча дѣтей, малъ-малымъ меньше... пить, ѣсть надо...» Говоря

это, Поскребкинъ думалъ, какъ искусный ораторъ, какую мимику употребить въ пособіе своему краснорѣчію. Поцѣловать у начальника ручку? — неравно ткнетъ его въ глазъ огнемъ сигары. Броситься въ ноги?—оттолкнетъ, какъ гадину, концомъ своего сапога. И не рѣшился ни на то, ни на другое. А начальникъ думалъ: настоящій разбойникъ! какъ-бы еще не задушилъ!.. Однакожь порѣшилъ это дѣло тѣмъ, на чемъ его началъ: Поскребкинъ долженъ былъ выйдти въ отставку.

Не долго, только полгодика, томился онъ въ ней. Жена бросилась къ своей покровительницѣ, расплакалась, жаловалась на несправедливость начальства, на коварство и недоброжелательство клеветниковъ и наушниковъ, и успѣла до того разжалобить сильную, особу, что та обѣщала ей свою протекцію и даже назвала бывшаго главнаго начальника Поскребкина человѣкомъ безъ сердца, злодѣемъ. Un homme sans foi, ni loi—прибавила она, обратясь къ сидѣвшему у ней генералу. Даже, говорятъ, попрекнула гонителя бездѣтностью.

И вотъ Поскребкинъ городничимъ въ Холоднѣ Здѣсь представился широкій кругозоръ его наклонностямъ; начальства для него въ городѣ не было. «Гуляй, мой мечъ!» сказалъ-бы онъ, еслибъ зналъ стихи изъ новѣйшихъ трагедій. Тутъ начались у него— вѣдь голодалъ шесть мѣсяцевъ — ненасытные припадки какихъ-то аппетитовъ. То появятся аппетиты на сахаръ, осетрину, стерлядь, лиссабонское и прочіе съѣстные и питейные припасы, то на сукно или матерію для жены. Давай то и другое, пятое и десятое. Бѣда, коль не заморить этихъ прихотей. Берегись тогда первый купецъ, попавшійся ему на глаза: сейчасъ оборветъ, да еще хуже чтобъ не надѣлалъ. — Пожалуй, чего добраго, подлецъ и впрямь

обезчеститъ, наплюетъ въ глаза! —говоритъ торговецъ, который успѣлъ ему подвернуться. И несетъ съ низкимъ поклономъ отъ усердія своего. Наконецъ вкусы Поскребкина до того стали разнообразиться, что слюнки у него потекли на все, что жаднымъ глазамъ его только полюбится, даже на коровъ, на лошадей. Можетъ быть, современемъ пришелъ-бы аппетитъ и на домикъ; но, какъ увидимъ далѣе, Максимъ Ильичъ умѣлъ разомъ пересѣчь припадки его бѣшенаго обжорства.

Ѣздилъ Поскребкинъ, развалясь въ крытыхъ дрожкахъ, на чубаромъ иноходцѣ съ такою же пристяжною, которая завивалась кольцомъ и ѣла землю. Вотъ увидалъ онъ у Максима Ильича кровнаго сѣраго рысака; спитъ и видитъ—достать рысака. Вихремъ прокатитъ на немъ хозяинъ: кажется, такъ и топчетъ имъ городничаго.

— Воля твоя, — говоритъ Поскребкинъ Максиму Ильичу:—уступи, братъ, сѣраго коня. И во снѣ меня мордой пихаетъ. Аппетитъ на него такой припалъ... слышь (тутъ онъ взялъ руку своего собесѣдника и приложилъ ладонь къ желудку), такъ и ворчитъ: подай ры-са-ка! Не дашь, свалюсь въ постель, будешь Богу отвѣчать. Я-ли тебѣ не слуга?

— Поворчитъ, — отвѣчалъ Пшеницынъ: — да и перестанетъ, а я тебѣ по этой части не лекарь. Сѣраго коня любитъ жена, не отдамъ ни за какія деньги.

— Ой-ли?

— Сказалъ.

— Послѣднее слово?

— Рѣшительное.

— Ну, смотри, братъ Максимъ, доѣду.

— Доѣзжай, а я покуда поѣду на рысакѣ. Еще будь разъ навсегда сказано: безчестныхъ и беззаконныхъ дѣлъ не дѣлаю и не только тебя, *никого* не боюсь.

— Помни ты у меня эти слова!—сказалъ Поскребкинъ и погрозилъ своимъ пальцемъ, какъ жезломъ.

— Никогда не забываю, готовъ повторить и повыше кому.

Съ того времени городничій и рветъ и мечетъ и кипитъ гнѣвомъ на Пшеницыныхъ. Еще болѣе разожгли его слѣдующіе случаи. На другой день въ церкви у обѣдни Прасковья Михайловна стала впереди городничихи, а послѣ обѣда проѣхала мимо оконъ ея на лихомъ сѣромъ рысакѣ, въ новыхъ щегольскихъ дрожкахъ. Мелькнула молніей, и сердита и блистательна, да еще обдала городничиху, будто въ насмѣшку, облакомъ пыли.

— Купчиха лѣзетъ впередъ! Я все-таки начальница города,—говорила жена городничаго.—Воля твоя, это афронтъ. Я этого не потерплю, я напишу къ моей благодѣтельницѣ. Какъ хочешь, Герасимъ Сазонычъ, ты у меня упеки ее въ тюрьму чтобы не хвалилась; не то разведусь съ тобой.

Выжидая случая подкосить Максима Ильича, какъ говорилъ Поскребкинъ, онъ продолжалъ безбоязненно свои подвиги. Такъ забываютъ этого рода люди свои прежнія невзгоды, иногда нужду, холодъ, голодъ, страданія цѣлаго семейства, лишь только на новомъ мѣстѣ удаются имъ новыя беззаконныя пріобрѣтенія. Такъ-то бываетъ... Придетъ бѣда—люди охаютъ, стонутъ, обѣщаютъ исправиться, обновиться и просвѣтиться добромъ; пройдетъ невзгода — забываютъ все, и опять принимаются за старое, и опять погрязаютъ въ тинѣ невѣжества, въ нѣгѣ взяточничества.

Приведутъ въ полицію краденую лошадь съ воромъ — конокрада выпустятъ, а похищеніе рано или поздно дѣлается достояніемъ Поскребкина, словно онъ всеобщій наслѣдникъ. Является за лошадью хозяинъ крестьянинъ. Онъ обѣгалъ болѣе ста верстъ по раз-

нымъ уѣздамъ, упустивъ дома важныя полевыя работы, отъ которыхъ живетъ цѣлый годъ, растрясъ на мошенниковъ и колдуновъ послѣднія свои деньжонки, чтобы указали ему только на слѣдъ *живота* его. Услужливо ему выводятъ лошадь изъ полицейской конюшни. Скотина его, по всѣмъ примѣтамъ, описаннымъ въ явочномъ объявленіи! И масть та же, и конецъ уха также обрубленъ, и грива лежитъ на ту же сторону, какъ у пропавшей лошади. Его, да не его. Жена притащилась съ нимъ и дочерью выручать своего добраго воронка. И онѣ также признаютъ ее.—«Вотъ,—говоритъ старушка—и сама признала насъ: заржала, кормилица и мордочку къ намъ протянула, только насъ завидѣла. Въ какой сторонѣ была ты, моя голубушка? По какимъ мытарствамъ не водили тебя! Чай, не во время попоили, не въ сласть накормили, а, можетъ, и вовсе цѣлый денекъ была не ѣвши. Легче-бъ намъ самимъ безъ хлѣбушка оставаться».—И начнетъ старушка причитать разныя нѣжности своему животу и выть надъ нимъ. Дочь подставляетъ руку свою подъ морду лошади, и та лижетъ руку, которая привыкла ее лакомить краюхами хлѣба, посыпаннаго солью.—«Наша да и только, матушка,» говоритъ дѣвка, и отъ радости цѣлуетъ воронка. Дѣйствительно, ихъ лошадь, а выходитъ не ихъ. У ихъ лошади на одной ногѣ бѣлое пятнышко, а у этой вся нога словно въ черный чулокъ обута. Опытный глазъ увидѣлъ бы, что пятно закрашено черною краской. Въ явочномъ объявленіи стоитъ бѣлое пятнышко на ногѣ.—«Такъ-ли, мужикъ?»—спрашиваетъ безпристрастный письмоводитель.—Такъ, батюшка, грѣшить нече, — отвѣчаетъ горюнъ. Гдѣ-жь мужику признать косметическую поддѣлку?.. Приходится отступиться. Почешетъ старикъ голову, почешетъ грудь, горько вздохнетъ да поохаетъ съ старушкой, а дѣлать нечего—знать, лукавый подшутилъ надъ

ними. Но дѣвкѣ не такъ легко растаться съ воронкомъ;видно, натура молодая и неопытная! Обвила шею его своими мощными, загорѣлыми руками, и замерла на ней, несмотря на брань полицейскихъ служителей! Рыдая, говоритъ она: — «Нашъ, свято слово, нашъ! Не разстанусь съ тобой, родной мой, кормилецъ ты нашъ!» — И пуще прежняго сжимаетъ шею коня въ своихъ объятіяхъ. Позвали городничаго. Мигнулъ онъ двумъ бравымъ молодцамъ... Разомъ оторвались отъ лошади двѣ дѣвичьи руки, какъ двѣ гибкія вѣтви молодой березы, дружно сплетшіяся: хотѣли было молодцы куда-то потащить дѣвку, да... взглянули на городничаго. Тотъ махнулъ рукой, плюнулъ и скрылся, чтобъ, неравно, не случилось при немъ какого несчастія. Дѣвка лежала полумертвая наземлѣ, пѣна клубомъ била у ней изо рта...

Такимъ образомъ и другими фокусами краденыя забѣглыя лошади поступали въ собственность Поскребкина. Также и краденые самовары, кастрюли, оловянная посуда, якори, рогожи, бичевки,—все цѣнное поглощалось ненасытною утробой его. Въ извѣстный, благопріятный періодъ времени, подъ укрывательствомъ волчьей ночи, всѣ эти вещи укладывались въ краденую телѣгу, въ которую запрягали лошадь неотысканнаго хозяина, и отправлялись съ вѣрнымъ служителемъ въ деревушку Герасима Сазоновича, родъ закутки, укрытой лѣсами и охраняемой болотами. Такъ понемногу изъ песчинокъ невидимо слѣпливаются дома и большія состоянія!

Случилось однажды богатому купцу, по невѣдѣнію-ли законовъ, по намѣренности-ли, сдѣлать какой-то проступокъ. Виноватъ, да и только. Приходило ему худо, и добрые люди присовѣтовали ему отнести сотнягу рублей Герасиму Сазонычу. Такъ и сдѣлалъ купецъ. Главный совѣтникъ его по этому дѣлу далъ

знать Поскребкину о кушѣ, который ему готовится, и о часѣ, въ который сдѣлано будетъ приношеніе. Въ это время остановилось въ городѣ, по болѣзни или по домашнему дѣлу, значительное лицо. Вотъ приходитъ *по секрету* къ городничему виновный купецъ. Ласково принимаютъ его. Онъ осторожно затворяетъ за собою дверь и, объяснивъ, что у него есть такое и такое то дѣльце, проситъ пощады; вмѣстѣ съ этимъ осторожно, съ низкими поклонами, кладетъ на столъ кувертъ, немного отдувшійся. Для вящаго эффекта положены въ него все синенькія. Надо было видѣть, какъ гнѣвно привсталъ Поскребкинъ во всю громадную высоту свою, какъ онъ вскипѣлъ гнѣвомъ, швырнулъ на полъ кувертъ такъ, что бумажки разлетѣлись, и закричалъ громовымъ голосомъ, потрясшимъ стѣны:—Что это?. Подкупать?.. Меня?.. Развѣ я взяточникъ?.. Поклянешься-ли, что я бралъ отъ тебя когда-нибудь?.. Подъ колоколами спросятъ. Развѣ я не присягалъ служить, какъ подобаетъ вѣрнымъ подданнымъ? . Господа, прошу засвидѣтельствовать.—А тутъ какъ тутъ выросли изъ земли три свидѣтеля. Впереди самъ стражъ законовъ, богобоязненый старичекъ, съ постнымъ лицомъ, выплываетъ мѣрно и, ныряя головой, точно утка со своими утенятами скользитъ по зеркалу пруда, гдѣ рыболовы закинули неводъ. Онъ смиренно дѣлаетъ какіе-то знаки рукой на груди, словно готовится на какое-нибудь благочестивое дѣло. За нимъ невозмутимо выступаетъ своимъ брюшкомъ купецъ, тоже должностное лицо. Онъ держитъ пальцы правой руки, налитые брагою, между петлями сюртука. Сзади, господствуя надъ всѣми взъерошенною головой, выказываетъ свой острый, бекасиный носикъ надзиратель, испитой, длинный и прямой какъ верстовой столбъ. Въ его глазахъ видны одно холодное безстрастіе и строгое исполненіе своего долга. Онъ

знаетъ, что отъ сладкаго пирога ему достанутся только корки.

Улика на-лицо. Купецъ помертвѣлъ и бросается въ ноги городничему.—Не погубите, ваше благородіе, — вопіетъ онъ отчаяннымъ голосомъ. — Не самъ собою, помутили худые люди. — Нѣтъ пощады! Записать въ журналъ, да и только; отослать деньги въ пользу богоугоднаго заведенія!

Въ ту же минуту, съ быстротою электрическаго телеграфа, сказалъ бы я, еслибъ электричество было тогда изобрѣтено, и потому скажу — съ быстротою стоустой молвы, честный, благородный, примѣрный поступокъ Герасима Сазоныча разносится по городу и доходитъ до ушей значительнаго человѣка, который, по болѣзни или по домашнимъ обстоятельствамъ, остановился въ городѣ Значительный человѣкъ въ неописанномъ восторгѣ отъ этого неслыханнаго подвига, желаетъ видѣть въ лицо городничаго, чтобы удержать благородныя черты его въ своей памяти, разсыпается въ похвалахъ ему, говоритъ, что разскажетъ объ этомъ по всему пути своему, въ Петербургѣ, когда туда пріѣдетъ, вездѣ, гдѣ живутъ люди. Мало — надо непремѣнно въ газетахъ напечатать объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, на поученіе всѣмъ городничимъ и прочимъ правителямъ. Съ такими высокими мнѣніями о Поскребкинѣ и чувствами удивленія къ его душевнымъ качествамъ значительный человѣкъ уѣзжаетъ изъ Холодни. Чѣмъ же все это оканчивается? Чтобы замять и потушить дѣло, купецъ вноситъ уже, по секрету, не сто, а пятьсотъ рублей, да еще задаетъ на славу обѣдъ. Никакое богоугодное заведеніе не записывало у себя на приходъ ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ. Надо прибавить къ чести Герасима Сазоныча, онъ на этотъ обѣдъ не явился, но уговаривалъ всѣхъ ѣхать, говоря, что купецъ человѣкъ прекрасный, только

опростоволосился по наущенію недобрыхъ людей, желавшихъ его погубить.

Разъ какъ-то на дворъ къ Максиму Ильичу въѣхала лихая тройка одной масти. Подъ дугою гудѣлъ заливнымъ звономъ валдайскій колоколъ; бубенчики лепетали разными звуками, мастерски подобранными отъ самаго тоненькаго до самаго густого. Въ звукахъ этихъ былъ какой-то музыкальный строй. Покромка краснаго сукна обвивала сбрую на лошадяхъ; мѣдь въ бляхахъ, звѣздахъ и полумѣсяцахъ, казалось, должна была сдавить коней. Пестрый, съ азіатскими узорами яркихъ цвѣтовъ, коверъ упадалъ съ креселъ пошевень почти до земли. Всю ширину пошевень занимала огромная медвѣжья шуба и поверхъ ея торчала, похожая фигурой на башню съ куполомъ, высокая шапка изъ сѣрыхъ мерлушекъ съ бархатнымъ верхомъ зеленаго цвѣта. Кучеръ былъ въ нагольномъ тулупѣ, видавшемъ разные виды и непогоды на своемъ вѣку, и потому носившій какой-то неопредѣленный цвѣтъ, не то желтый, не то красный, не то буропѣгій. Рядомъ, свѣсивъ съ кучерскаго мѣста ноги въ холодныхъ сапожкахъ, которыми изрѣдка постукивалъ одинъ объ другой, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, остриженный въ кружокъ. Онъ также былъ въ овчиномъ тулупчикѣ, только совершенно новенькомъ, что можно было не только видѣть по мучистой бѣлизнѣ его, но и слышать по запаху. Нарядомъ своимъ онъ очень занимался; это замѣтно было изъ движеній его рукавовъ, которые поднималъ поперемѣнно, смотря на нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Казалось, онъ любовался въ нихъ самъ собою, какъ въ зеркалѣ. На головѣ у него нахлобучена была высокая шапка изъ порыжѣлыхъ мерлушекъ, безпрестанно наѣзжавшая ему на лобъ. Вѣроятно, ее сняли съ большой головы, взявши однакожъ предосторожность удержать ее по возможности

на мальчикѣ, о чемъ можно было также догадаться по нѣсколькимъ вѣткамъ сѣна, упорно выползавшимъ изъ-подъ шапки. Тройка лихо завернула къ крыльцу. Ваня игралъ въ это время на дворѣ въ снѣжки.

— Что дома тятенька?—спросила медвѣжья шуба.

Это былъ исправникъ Трехвостовъ.

— Дома,—сказалъ Ваня, и побѣжалъ къ отцу повѣстить о пріѣзжемъ гостѣ. Послѣ того онъ ужь не показывался въ гостиной, потому что всегда чувствовалъ какой-то страхъ къ Трехвостову.

И немудрено. Трехвостовъ былъ мужикъ ражій, широкоплечій, но сутуловатый. Оспа такъ обезобразила его лицо, какъ будто первоученикъ портной вывелъ на немъ суровыми нитками грубые швы и рубцы, и выковырялъ толстою иглой брови и вѣки Слеза всегда била у него изъ глазъ, какъ у старой болонки. Голосъ его, казалось, выходилъ не изъ груди, а изъ желудка. Правда, онъ считалъ этотъ органъ едва-ли не лишнимъ. Вся бесѣда его обыкновенно происходила въ нѣсколькихъ словахъ, произношеніе которыхъ иногда сбивалось на сдержанное мычанье коровы. До смысла ихъ слушатели доходили съ трудомъ, да и не гонялись за смысломъ, зная, что его не оказалось-бы много, если-бъ онъ изъяснялся и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ уѣздѣ называли его прекраснымъ человѣкомъ, а онъ считалъ себя честнѣйшимъ, потому что не бралъ отъ дворянъ взятокъ деньгами, а развѣ некупленными съѣстными припасами для себя и лошадей. Пощечиться, гдѣ можно, отъ казны и купцовъ, дѣло другое.—Что имъ? богаты!—говорилъ онъ. Отъ крестьянъ любилъ только угощеніе.—«Добрѣйшая душа!—говорилъ въ одной деревнѣ староста, у котораго торчала одна половина бороды (русскій человѣкъ не злопамятенъ),—только больно сердцемъ горячъ».—Бывало, разъяренный, заскрежещетъ зубами, казалось, съѣстъ тебя,

дастъ волю кулакамъ, того и гляди убьетъ, а за клочкомъ бороды, какъ староста, ужь и не гоняйся. За то сердце скоро и сбѣжитъ, словно съ гуся вода. Опомнится, сниметъ передъ битымъ шапку, да еще поцѣлуетъ его.—«Не взыщи, братъ,—молвитъ онъ—больно горячъ! Такъ матушка уродила».—Надо сказать, что у русскаго мужика голова вылита будто изъ чугуна. Лежитъ себѣ на печкѣ, а сѣрозеленая мгла угара стоитъ съ потолка по поясъ избы. Ему ничего, тогда какъ у васъ въ этой избѣ въ двѣ, три минуты затрещитъ черепъ. Посмотришь на сельскихъ праздникахъ,—пьяный мужикъ за угломъ клѣти замертво валяется въ ужасномъ видѣ: голова проломлена, кровь бьетъ изъ носу и ушей. Пьяный-ли, падая, ударился объ уголъ клѣти или подвизался въ рукопашномъ бою? кто его знаетъ. Только и думаешь, послать бы за лѣкаремъ да за попомъ.—«Э, батюшка, не тревожьтесь напрасно,—говоритъ братъ или сынъ родной,—бывалое дѣло»!—И подлинно, не для чего было тревожиться. Окатятъ холодной водой, а иногда дѣло и безъ того обойдется: сдѣлаетъ богатырскую высыпку на полсутки безъ движенія, потомъ встанетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, да только попроситъ опохмѣлиться.

Любилъ-таки покушать Трехвостовъ. Ѣда для него была все равно, что жвачка для коровы. Чего и въ какое время дня и ночи не былъ онъ въ состояніи проглотить! Неразъ случалось, что онъ бывалъ на двухъ закускахъ и двухъ обѣдахъ, черезъ часъ на каждомъ. Онъ ѣлъ и пилъ за вторымъ такъ же аппетитно, какъ и за первымъ. По окончаніи послѣдняго говорилъ иногда:—«Много-ли надо человѣку, чтобы сыту быть»!—Послѣдствій отъ такихъ пресыщеній никогда не случалось, кромѣ двухъ, трехъ лишнихъ часочковъ сна—хоть на кочкѣ болотной или въ пол-

день на солнечномъ припекѣ. Зато могъ, какъ верблюдъ, оставаться по цѣлымъ суткамъ безъ ѣды. Развѣ заморитъ червяка коркою хлѣба, посыпаннаго солью едва-ли не въ толщину самой корки. Дѣлавшимъ ему въ этомъ случаѣ замѣчаніе, почему онъ своей провизіи никогда не возитъ, отвѣчалъ:—«А на что жь я и исправникъ»?—Но испытать эту діэту случалось ему очень рѣдко, и то развѣ въ дремучихъ лѣсахъ, на ловлѣ разбойниковъ. Когда онъ пріѣзжалъ на слѣдствіе, головы, старосты и приказчики угощали его отборными сельскими яствами на-убой и питіями до положенія.

Велѣлъ Пшеницынъ принять гостя.

Пыхтя, ввалился онъ въ гостиную, молча обнялъ Максима Ильича, также молча подошелъ къ рукѣ Прасковьи Михайловны, которая только наклонилась къ щекѣ его и, въ осторожномъ разстояніи, послала ей поцѣлуй.

— Не за дѣломъ-ли?—спросилъ Пшеницынъ (а случались у нихъ дѣла по караванамъ, проходившимъ въ уѣздѣ).

— Нѣтъ, братецъ.

Помолчали.

— А закусить... будетъ?

Подали закуску: икры, пирогъ, ветчины окорокъ, холоднаго поросенка, холодной телятины, копченаго гуся и графинъ ерофеичу. Будто голодный боа, глоталъ гость куски полнаго блюда въ ужасающихъ размѣрахъ; къ концу закуски графинъ былъ пустъ. Это упражненіе продолжалось съ полчаса; изрѣдка только кряхтѣлъ и пыхтѣлъ онъ, какъ иногда мужикъ, когда рубитъ очень твердое дерево, кряхтитъ, чтобы придать себѣ силы. Наконецъ, Трехвостовъ всталъ, молча обнялъ Максима Ильича, опять съ тою же процедурой подошелъ къ ручкѣ Прасковьи Михайловны, взялъ свою

шапку, въ видѣ башни, и вывалился въ переднюю. Влѣзъ было онъ въ своего медвѣдя, да вдругъ ударилъ себя широкою ладонью по лбу, сбросилъ медвѣдя и воротился.

— Забылъ.

— Что такое?—спросилъ Максимъ Ильичъ.

— Прошу... завтра... на свадьбу, Прасковью Михайловну... посаженной матерью. Удостойте. Му!...

— Къ кому-жь?—спросила она.

— Вѣстимо ко мнѣ.. къ моей невѣстѣ, гм!

— По нашему обычаю, долженъ объ этомъ просить ближній родственникъ невѣсты.

— Какіе родственники!... (Тутъ онъ махнулъ рукой). Знаете Палашку?

Максимъ Ильичъ зналъ подъ этимъ именемъ у Трехвостова довольно красивую дѣвку или женщину среднихъ лѣтъ. Она являлась для прислуги пріѣзжихъ гостей босикомъ, но въ черевикахъ, съ ситцевымъ платкомъ на головѣ и такой-же матеріи шалью, которою крестъ-на-крестъ покрывала грудь и опоясывала себя такъ, что назади торчалъ горбомъ огромный узелъ съ длинными концами. Иногда Пшеницынъ видалъ ее съ подбитымъ глазомъ и волосами, причесанными въ подозрительномъ безпорядкѣ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, онъ видимо смутился и не зналъ, что отвѣчать. Но Трехвостовъ и не далъ ему этого труда и опять спросилъ:—Видалъ ребятишекъ? (тутъ указалъ онъ на переднюю). Одинъ здѣсь. . Накормили-ли его?

— Накормили,—сказалъ Ларивонъ, прибиравшій опорожненную послѣ закуски посуду.

— Ладно.

Максимъ Ильичъ не отвѣчалъ. Онъ также видалъ у Трехвостова двухъ дворовыхъ мальчиковъ, лѣтъ тринадцати и одиннадцати, которые за столомъ бойко подавали и принимали тарелки. Трехвостовъ опять не

дождался отвѣта и продолжалъ. На этотъ разъ онъ разлился такимъ потокомъ словъ, какого Пшеницынъ не слыхивалъ съ перваго знакомства съ нимъ.—Проворные ребята!... Третій пищитъ еще въ люлькѣ. Три дѣвки... двѣ ужь славно шьютъ въ пяльцахъ. И баба служила мнѣ вѣрою и правдой. Сколько побоевъ отъ меня приняла! Признаюсь, братецъ, больно горячъ, такимъ матушка уродила!... жаль ихъ! Хочу все вѣнцомъ прикрыть. Неравно карачунъ... отниметъ деревню мерзавецъ братъ, му!... останутся безъ куска хлѣба, да еще, чего добраго! въ крѣпость возьметъ...

— Доброе дѣло,—сказала жалостливо Прасковья Михайловна, у которой навернулись слезы при этомъ разсказѣ.—А свадьба неужели завтра?

— Завтра, спѣшу. Вотъ видите, шея коротка (тутъ онъ щелкнулъ себя по шеѣ пальцами); подчасъ бьетъ въ голову, будто молотомъ кто тебя ударитъ... наклоненъ къ пострѣлу.

— Какъ-же, — спросила Прасковья Михайловна:— чай и приданаго не успѣли приготовить?

— Есть праздничное тряпье.

— Какъ-же это можно? Все-таки съѣдутся у васъ дворяне на свадьбу... Жена исправника.. И въ церкви отъ прихожанъ будетъ стыдно. Позвольте мнѣ самой снарядить невѣсту У меня есть платья два, три— новехоньки... надѣвала только по разу... Кое-что изъ уборчиковъ еще привезу.

Трехвостовъ, вмѣсто благодарнаго отвѣта, молча поцѣловалъ у Прасковьи Михайловы руку, на которую упала слеза, какъ она всегда падала—изъ больныхъ глазъ его. И опять влѣзъ онъ въ своего медвѣдя, и опять занялъ имъ пошевни во всю ширину ихъ, и опять мальчикъ въ новомъ нагольномъ тулупчикѣ бойко вскочилъ на сидѣнье, рядомъ съ кучеромъ.

Проводивъ гостя, долго еще сидѣлъ Максимъ Ильичъ на одномъ мѣстѣ въ раздумьѣ о семействѣ Трехвостова и его свадьбѣ. Чтобъ освободиться отъ гнета этихъ мыслей, онъ принялся читать «Жизнеописанія великихъ мужей Плутарха» (чьего перевода, теперь не припомню). Съ своей стороны, Прасковья Михайловна думала только о той роли, которую будетъ играть посаженою матерью, и о томъ, чтобы одѣть завтра невѣсту въ лучшіе свои наряды. Началась выборка ихъ изъ сундуковъ и раскладка по стульямъ, диванамъ и кроватямъ. Часто отрывала она Максима Ильича отъ чтенія разспросами, какого цвѣта волосы и глаза у невѣсты, какого роста, худа или дородна. Эти занятія наполнили весь день и захватили половину ночи. Объ ѣдѣ она забыла; только перехватила коечто на-лету

Мы было забыли сказать о томъ, что случилось съ Ванею въ то время, когда сидѣлъ гость у отца его. Онъ приходилъ въ переднюю посмотрѣть на мальчика въ новомъ тулупчикѣ. Мальчикъ былъ очень хорошенькій и съ такою заманчивою, грустною улыбкой смотрѣлъ на барченка, что тотъ поддался этой привлекательной наружности и посягнулъ было на приглашеніе играть съ нимъ въ снѣжки на дворѣ. Но Ларивонъ, вышедшій въ это время въ переднюю, пресѣкъ разомъ это желаніе, покачавъ очень серьезно головой. Ваня догадался, что ему неприлично связываться съ дворовымъ мальчишкой. Услыхавъ, что стучатъ въ гостиной тарелками, попросилъ онъ дядьку накормить маленькаго слугу.— Господа ѣдятъ, и слуга, чай, хочетъ тоже кушать,— говорилъ онъ. Между тѣмъ, пользуясь новымъ отсутствіемъ своего ментора, сталъ любоваться чернымъ пушистымъ волосомъ медвѣдя, ласкалъ его своею рученкой и называлъ хорошенькимъ, добрымъ Мишей.

Мальчикъ въ тулупчикѣ сдѣлался смѣлѣе, выворотилъ рукавъ шубы, накрылъ имъ лицо свое и осторожно, на приличномъ разстояніи, подходилъ къ Ванѣ, приговаривая:—«У! у! медвѣдь—съѣстъ».—Но, видя, что тотъ не боится медвѣдя, а только смѣется, схватилъ его съ недѣтскою силой въ охапку, посадилъ на скамейку и закуталъ въ огромную шубу такъ, что изъ нея было видно только горящее лицо малютки, окаймленное черною, густою шерстью ужаснаго звѣря. Въ этихъ новыхъ забавахъ накрылъ ихъ опять Ларивонъ, но на этотъ разъ отвелъ своего питомца въ другую комнату, велѣлъ ему смирно сидѣть на стулѣ и сказалъ съ педагогическою важностью:—Въ этакую шубу зарылись! Богъ знаетъ, гдѣ валялась, да и грѣхомъ воняетъ....

Тутъ Ларивонъ, для вящаго подкрѣпленія своихъ наставленій, не преминулъ плюнуть.

Отчего грѣхомъ воняетъ,—разсказалъ послѣ дядька. Богатая эта шуба была подарена Трехвостову купцомъ, чтобы онъ показалъ, что у него потонула барка съ казеннымъ провіантомъ, а провіантъ былъ заранѣе проданъ въ сосѣднія прибрежныя деревни. Понятые, какъ водится, получили ведерка два вина, и прочее, и прочее. — Грѣхъ великій! — говоритъ Ларивонъ, — не скоро отмолить его этому богопротивному человѣку.

Свадьба дѣйствительно состоялась на другой день. Невѣста, по милости Прасковьи Михайловны, была разряжена впухъ и блаженствовала. Казалось, она помолодѣла десятью годами. И какъ не радоваться ей было? Она дѣлалась свободною, дворянкой; существованіе ея и семьи было навсегда обезпечено. За свадебнымъ обѣдомъ сидѣло человѣкъ двадцать дворянъ. Самъ предводитель Подсохинъ былъ приглашенъ, но не удостоилъ пріѣхать. Это обстоятельство нагнало легкую тучу на пирующихъ; задумался и Трехвостовъ.

На другой день, когда подали ему медвѣжью шубу, онъ, неизвѣстно почему, оттолкнулъ было ее отъ себя и надѣлъ съ сердцемъ. Нѣсколько дней медвѣдь тяготилъ его могучія плечи, какъ будто живой звѣрь сжималъ его въ своихъ лапахъ. Взглянулъ онъ на своихъ дѣтей, погладилъ одного и другую по головѣ, поцѣловалъ малютку въ люлькѣ, сквозь слезы улыбнулся женѣ, махнулъ рукою,—и снова медвѣдь сдѣлался для него легокъ, какъ и прежде. Съ того времени бывшая Палашка, нынѣ Палагея Софроновна, никогда не была бита.

По поводу-ли медвѣжьей шубы, подъ которою скрывалось нечистое дѣло, не пріѣхалъ щекотливый въ дѣлѣ чести предводитель, или по другой причинѣ,—неизвѣстно. Но какъ мы о немъ заговорили, то и остановимся нѣсколько на его замѣчательной личности.

Это былъ одинъ изъ достойно уважаемыхъ дворянъ того времени, человѣкъ бѣленькій, съ которыхъ сторонъ ни посмотрѣть на него. Рѣдко въ комъ можно было найти соединеніе такой чистоты нравовъ съ такимъ прямодушіемъ, честностію и твердостію. Онъ всегда думалъ не только о томъ, что скажутъ о немъ при его жизни, но и послѣ смерти. Молодость провелъ онъ въ морской службѣ, дѣлалъ нѣсколько кампаній, былъ офицеръ ретивый и исполнительный, и такъ же требовалъ строгаго исполненія своихъ обязанностей, какъ и самъ исполнялъ ихъ. Хозяйство, порученное ему на кораблѣ, шло какъ нельзя успѣшнѣе—не для него, но для всей команды. Онъ не имѣлъ привычки извлекать свои выгоды изъ общественныхъ или казенныхъ суммъ, и пріобрѣлъ для себя только имя прекраснаго *экономa*—разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ. Обстоятельства потребовали, чтобъ онъ вышелъ въ отставку. Его призвали къ домашнему

очагу мать, молодая жена, трое дѣтей и сестра, которыхъ обязанъ онъ былъ содержать отъ небольшихъ деревушекъ въ Холоденскомъ уѣздѣ, а имѣніе это подъ слабымъ, можетъ быть безтолковымъ, женскимъ управленіемъ, начинало разстраиваться. Взявъ въ твердыя и искусныя руки руль хозяйства, онъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ привести свое и женино имѣнія въ цвѣтущее положеніе и удвоилъ доходы безъ отягощенія крестьянъ.

Вскорѣ дворянство уѣзда потребовало отъ него жертвы. Прежній судья не выполнилъ надеждъ своихъ избирателей и, какъ мы видѣли, взъѣзжалъ верхомъ на лошади по лѣсамъ строившагося, вмѣсто того, чтобы твердо сидѣть на своихъ курульскихъ креслахъ. Къ тому же, замѣчено было, высшимъ-ли начальствомъ или дворянствомъ, что онъ очень *однообразенъ* въ пріисканіи и приложеніи законовъ къ судебнымъ опредѣленіямъ, между тѣмъ слишкомъ *разнообразенъ* въ рѣшеніяхъ своихъ помимо законовъ. Такъ, въ уголовныхъ дѣлахъ ни одного опредѣленія не обходилось безъ того, чтобы онъ не включилъ слѣдующихъ реченій: «Лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго. Судья долженъ помнить, что онъ человѣкъ есть». И эти рѣшенія выставлялъ даже тогда, когда опредѣлялись кнутъ или каторжная работа. Въ судъ поступило однажды дѣло *о зарѣзаніи на смерть* медвѣдемъ мужика. И тутъ судья не преминулъ поставить свой любимый текстъ: «Лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго наказать»; виновнаго же въ опредѣленіи своемъ предоставилъ суду Божіему. Зато какъ любилъ онъ разъигрываться въ рѣшеніяхъ своихъ! Когда подносили ему въ одно время два журнала по преступленіямъ, хотя совершеннымъ двумя разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ, но одинаковымъ по обстоятельствамъ и сте-

пени вины, даже по лѣтамъ преступниковъ, онъ опредѣлялъ одного наказать кнутомъ, а другого плетьми. Если же секретарь замѣчалъ ему, что законы въ обоихъ журналахъ подведены одни и тѣ же, онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ:—«Что ты, братецъ, толкуешь мнѣ о законахъ? Законы сами по себѣ; пусть и остаются на своемъ мѣстѣ. Заборъ стоитъ что-ль или ровъ вырытъ между ними и постановленіемъ? Или, по твоему, запряжены они вмѣстѣ, какъ парныя лошади въ дышло? Видишь, тутъ два человѣка разные: одинъ изъ Перекусихиной — тамъ народъ все разбойничій, а другой изъ Белендряевки—когда проѣзжаешь, такъ всѣ міромъ встаютъ, будто единый человѣкъ, и всѣ въ поясъ, будто единое лицо. Одинъ убитъ въ густомъ лѣсу, а другой въ кустарникахъ. Понимашь-ли, умная голова? Въ лѣсу никто не видитъ, а въ кустахъ—самъ посуди—бываетъ рѣдочь, тамъ этакъ вербочка или жиденькій олешникъ, ну какъ-бы, напримѣръ сказать, будто сквозь стеклянную бутыль видно, какая тамъ себѣ ягода плаваетъ. Слѣдственно, понимаешь, душегубство одного совершено въ отчаянномъ азартѣ, другого—осторожно, съ наклоненіемъ головы и прочее.... понимаешь? Да и *тамъ* у начальства, ты самъ, умная голова, тамъ увидятъ разнообразіе; оно и читать пріятнѣе. Видно, дескать, тонкій судья, даромъ, что хмѣльнымъ зашибается! все по косточкамъ разобралъ. Эхъ! братецъ, нужна вездѣ политика, т. е букетъ поднеси только къ носу, узнаешь сейчасъ по одному духу, какого поля ягода, вишневка или смородиновка. Помни ты, крыса архивная, магазинъ ты этакой законовъ, вездѣ нуженъ букетъ!»— При этомъ судья дружески потрепалъ секретаря по плечу, а секретарь поклонился и крякнулъ. Вся канцелярія поняла, что въ этомъ звукѣ отзывалось больше смысла и значенія, нежели въ произнесенной рѣчи.

Хотя судья и самъ походилъ съ лица на букетъ разнородныхъ ягодъ по тѣнямъ наливокъ, какія онъ вкушалъ, однакожь дворянство и судилище раскланялись съ нимъ навсегда. На новыхъ выборахъ Подсохинъ былъ единодушно избранъ въ судьи. Знакомъ онъ былъ съ девятымъ валомъ грозной стихіи, какъ съ движеніемъ пуховика, когда онъ въ безсонницу переминалъ на немъ съ боку на бокъ свою тучную особу. Но его ожидалъ девятый валъ еще болѣе грозной стихіи—подъяческой. Здѣсь собственная его неопытность и геніальная сноровка приказныхъ, передъ которою блѣднѣютъ величайшіе умы и таланты промышленнаго міра, готовили ему мели и скалы, гибельнѣе всѣхъ, какія только случалось ему встрѣтить на своемъ вѣку.—Однакожь,—подумалъ онъ,—одарилъ же меня Господь кой-какимъ разсудкомъ, правилъ я успѣшно хозяйствомъ на кораблѣ, вынесъ и собственное хозяйство отъ крушенія, къ тому-жь, грѣхъ таить, *писать охотникъ*, да и отказываться отъ чести, мнѣ сдѣланной, *постыдно*—и рѣшился принять должность, на которую вызвалъ его голосъ дворянства цѣлаго уѣзда. Отслуживъ молебенъ въ своей сельской церкви, онъ поднялся со всѣмъ семействомъ, большими и малыми, и переѣхалъ на житье въ Холодню. Передъ входомъ въ судейскую, онъ, какъ простой работникъ, начинающій свой поденный трудъ, перекрестился на всѣ четыре стороны. Здѣсь первымъ его дѣломъ было изучить добросовѣстно свои новыя обязанности, и, изучивъ ихъ, онъ принялся за исполненіе съ рѣдкимъ усердіемъ и твердостью.

Не очень уважаю я судью, у котораго секретарь, извѣстный каждому въ уѣздѣ и даже въ губерніи не только по фамиліи, но и по имени и отчеству, какъ-то: Семенъ Макарычъ, Антонъ Сидорычъ (охъ ужь эти Макарычи!), пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность ве-

ликаго дѣльца, закрывающаго своею важною, иногда неприступною, персоною ничтожность президента и его товарищей. Секретарь у Подсохина ничего не значилъ или значилъ то, чѣмъ ему велѣно быть законами. Просители безъ всякихъ предварительныхъ сношеній, посредничества и остановокъ, обращались прямо къ судьѣ. Онъ заранѣе ничего не обѣщалъ, но, вникнувъ въ дѣло, обнявъ его хорошо со всѣхъ сторонъ, сообразивъ съ законами, говорилъ твердо, наотрѣзъ одному: «ваше дѣло право», другому—«не могу для васъ ничего». Слова эти были неизмѣнны. Иногда удавалось ему помирить тяжущихся и безъ поощренія бумажной фабрики.

И прошло его шестилѣтнее служеніе въ судейской камерѣ, какъ для трудолюбиваго пахаря дни лѣтней *страды*. Отеръ онъ честный потъ съ чела своего и отслужилъ въ той же сельской церкви благодарственный молебенъ за то, что сподобилъ его Милосердый Отецъ исполнить свято Долгъ свой. Съ той поры могъ онъ ежедневно засыпать съ невозмутимою совѣстью младенца и также спокойно готовъ былъ навсегда закрыть глаза на лонѣ своего Господа. Никогда не промышлялъ онъ ничего для себя изъ своей должности, никогда не продавалъ ни за какія выгоды чужихъ интересовъ. Трудился много и трудился особенно, когда предстояло въ судѣ рѣшеніе дѣла, въ которомъ замѣшано было благосостояніе беззащитныхъ сиротъ или женщины, несвѣдующей въ законахъ. Горячо, до изступленія, гналъ лихоимство, но закрывалъ глаза, когда благодарили его бѣдныхъ подчиненныхъ за усиленные труды по дѣлу, которое было ужь рѣшено присутствующими. Уважалъ онъ высшія губернскія власти, но никогда не унижался передъ ними и никогда не былъ ихъ угодникомъ изъ надежды на награды или не милостивое *взысканіе:* не знаю почему, а мо-

жетъ быть, потому, что рѣзко говорилъ правду въ глаза, и губернскія власти заискивали въ немъ. То назовутъ дружечкомъ, то посадятъ за столъ рядомъ съ женою, то велятъ слугѣ, помимо болѣе значительныхъ лицъ, подать ему трубку табаку. Но онъ никогда не обольщался этими приманками и для нихъ не перемѣнялъ своихъ правилъ. Были даже случаи, когда онъ велъ съ дружечками борьбу упорную и часто выходилъ изъ нея побѣдителемъ. А если торжествовала иногда неправда сильнаго, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію, что исполнилъ долгъ свой. Скорѣе готовъ онъ былъ претерпѣть гоненіе, чѣмъ согласиться на несправедливую потачку богатству и сильнымъ связямъ.

Да это феноменъ! скажутъ многіе. И я то же скажу, да еще переведу это иноземное слово по-русски: чудакъ! диво-дивное! Иной, пожалуй, въ насмѣшку прибавитъ:—уродъ!... И опять съ этимъ соглашусь. Что-жь дѣлать? выскакиваютъ во всѣ времена изъ толпы румяныхъ, пригожихъ человѣчковъ такіе уроды. Вотъ, напримѣръ, знавалъ я въ одной губерніи подобнаго возвышеннаго урода; знаю и теперь въ той же губерніи такой-же экземпляръ. Это молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, кончившій свое образованіе въ московскомъ университетѣ. Дворянство убѣдило его принять должность судьи. Онъ принялъ ее и, принеся въ жертву долгу лучшіе годы своей жизни, любовь къ искусствамъ, свѣтскія удовольствія, которыми состояніе его дозволяло ему пользоваться въ столицахъ, постригся на служеніе правдѣ и добру въ скучномъ городѣ. Честь ему и мѣсту, гдѣ онъ воспитывался! Не сомнѣваюсь, что и во многихъ губерніяхъ найдутся подобныя прекрасныя личности, въ душѣ которыхъ неугасимо горитъ искра Божія. Поболѣе такихъ сыновъ отечеству, и, я увѣренъ, что правда и милость утвердятся въ судахъ по слову помазанника Божія!

Подсохину не дали отдохнуть въ деревнѣ. Такъ, ретиваго коня почаще и запрягаютъ. На этотъ разъ, къ чести холоденскаго дворянства, выбрали его въ предводители, несмотря на то, что этого мѣста домогались соперники несравненно его богаче, выше чинами и съ сильнѣйшими связями. Эта почетная должность была какъ бы наградою за его прошедшее трудное служеніе и польстила его благородному самолюбію. При этомъ тѣшила его еще одна затаенная мысль, о которой будемъ сейчасъ говорить. Здѣсь, въ кругѣ своихъ обязанностей, дѣйствовалъ онъ, какъ и прежде, обращая главныя свои попеченія на опеки. До него онѣ отдавались, какъ воеводства въ древнія времена, на прокормленіе и поправку оборванныхъ судьбой или собственною виною бѣдняковъ. Кончались эти опеки тѣмъ, что ощипанныя до послѣдняго пера имѣнія продавались съ молотка. Наслѣдники вступали въ свои права, получая только право входить въ тяжбу съ опекунами. Подсохинъ противился подобнымъ назначеніямъ и наблюдалъ за имѣніями сиротъ и другихъ лицъ, подпавшихъ опекамъ, болѣе, нежели за своимъ собственнымъ.

Но, увы! и у него была ахиллесова пята, и онъ имѣлъ слабости. Кто же изъ адамовыхъ дѣтей не имѣетъ ихъ? Его слабость никому не вредила, а была только смѣшна. Подсохинъ любилъ—*писать*.

Еще въ морской службѣ посягалъ онъ въ офиціальныхъ бумагахъ на кудреватость и обиліе словъ. Хотя они не шли вовсе къ дѣлу, онъ думалъ однакожъ щегольнуть, блеснуть ими. Иногда и самъ, въ душѣ своей признаваясь, что они лишнія, долго колебался, выкинуть-ли ихъ или оставить; наконецъ рѣшался выкинуть. Но лишь только исполнитъ это, какъ набѣгало на душу его сожалѣніе, неотступное, грызущее, что этими перлами никто уже не полюбуется, и они оста-

нутся зарытыми въ его собственной персонѣ. И вотъ опять нанизываетъ ихъ въ своихъ *репортахъ*. Доставалось же ему за эти перлы отъ начальства, которое ихъ не понимало или не умѣло оцѣнить. Капитанъ говорилъ ему:—Сдѣлайте одолженіе, Владиміръ Петровичъ, избавьте меня отъ вашего краснорѣчія. Оно, можетъ, и хорошо въ другомъ мѣстѣ, но въ служебныхъ бумагахъ никуда негодно. Скажите мнѣ сущность дѣла въ нѣсколькихъ словахъ, хотя въ одномъ, если можно, да чтобъ я зналъ, въ чемъ дѣло. Дайте мнѣ ядро, сударь, а мнѣ вашей красивой скорлупы или шелухи не нужно. Въ другой разъ, извините, я выброшу ее за бортъ.—Не унялся было Подсохинъ, увлекаемый своимъ демономъ; но капитанъ не любилъ дважды повторять своихъ приказаній, даже въ видѣ поученій, и арестовалъ витію. Въ сердцахъ Подсохинъ мысленно назвалъ капитана человѣкомъ черствымъ, не одареннымъ отъ природы чувствомъ высокаго и прекраснаго; но, крѣпко сохраняя субординацію, пересталъ съ того времени писать служебныя бумаги пространно и кудревато. Зато по секрету писалъ, ужь по своему дубликаты этихъ бумагъ и услаждался чтеніемъ ихъ про себя по нѣскольку разъ. Иногда на вопросъ своихъ сослуживцевъ:—не написали-ли вы чего новенькаго, Владиміръ Петровичъ?—таинственно посвящалъ какого-нибудь неопытнаго юношу въ красоты своихъ созданій. Иногда товарищъ, плохо владѣющій перомъ, просилъ его сочинить письмецо къ родителямъ своимъ или къ далекой красавицѣ, вздыхающей въ какомъ-нибудь русскомъ портѣ по юномъ мореходцѣ. Нельзя было сдѣлать ему лучшаго подарка.

Порывался-было онъ на краснорѣчіе въ судейскихъ опредѣленіяхъ. Но тутъ являлся передъ нимъ, какъ тѣнь Гамлету, грозный голосъ его капитана и стучали ему въ уши роковыя поученія. Казалось ему, вотъ

сейчасъ арестуетъ его капитанъ, всегда добрый для него, кромѣ одного случая, и даже разъ оказавшій ему кровную братскую услугу. И опредѣленіе писалось Подсохинымъ, сколько возможно ему было преодолѣть натуру, простымъ, понятнымъ языкомъ безъ авторскаго пошиба. Но какъ скоро попалъ онъ въ предводители, искуситель шепнулъ ему, что именно тутъ на этомъ мѣстѣ, краснорѣчіе необходимо, въ адресахъ, воззваніяхъ и тому подобныхъ бумагахъ. Вздохнулъ онъ свободно, будто свалился камень съ груди и развязались руки. Съ того времени принялся по поводу или безъ повода писать. Цвѣты краснорѣчія сыпались изъ его головы, какъ изъ рога изобилія, даже по случаю приглашенія къ обѣду или присылки ему индѣйскаго пѣтуха хорошей породы. Богъ мой! страшно сказать, какъ онъ писалъ!

Владиміръ Петровичъ не скрывалъ своей слабости, или вѣрнѣе, таланта, ниспосланнаго ему свыше, считая грѣхомъ зарывать его въ землю.—*Люблю писать!* говорилъ онъ съ гордостью, увѣренный, что каждое произведеніе его пера возбудитъ восторгъ въ его современникахъ. И находились дѣйствительно въ то время люди, которые приходили въ восторгъ отъ его твореній, хотя ихъ не понимали, и провозглашали его великимъ писателемъ. Списывали ихъ другъ для друга и заставляли дѣтей своихъ выучивать наизустъ.

— Каково пишетъ нашъ предводитель!—говорилъ сосѣдъ сосѣду почти со слезами на глазахъ.

— Откуда это у него берется?—говорилъ другой, растопыривъ руки и пожимая плечами въ видѣ фигуры недоумѣнія (замѣтьте, новая риторическая фигура!)—Изъ какого родника бьетъ такой талантъ? Вотъ, братецъ, попробовалъ и я было. Сядешь чинно, какъ и слѣдуетъ, за письменный столъ, возьмешь порядкомъ перо въ руки, подумаешь, какъ слѣдуетъ, а что-то

не пишется. Поворочаешь еромъ, какъ будто прутомъ желѣзнымъ, даже поковыряешь имъ въ головѣ, еще разъ поковыряешь—не лѣзетъ ничего. Инда постучишься въ ней съ сердцемъ—что-жь ты, голова?... Настоящій выдолбленный арбузъ или тыква; пустотой какой-то и отдается. Плюнешь на бумагу, съ тѣмъ и отъѣдешь отъ нея.

— Видно, даръ ему такой отъ Бога!— говорилъ третій сосѣдъ.—По моему, братецъ, я думаю, голова у него устроена, какъ-бы органъ какой. Завелъ, и пошла, пошла писать музыка... симфонія, лакосезъ, концерты...Вотъ какъ рѣка бурная льется, или бьетъ бутылка съ пивомъ, когда ее раскупоришь.

— Сильно пишетъ!—молвитъ новый собесѣдникъ, вздыхая и возводя глаза къ небу.—Инда подчасъ волосъ дыбомъ поднимается. Иной разъ махнетъ такъ, что кровь въ голову ударитъ, зарябитъ въ глазахъ и свѣтъ Божій помутится.

— Сладко пишетъ,—прибавилъ одинъ господинъ.— Захочетъ за сердце схватить, такъ ужь не пеняй схватитъ, а слезы и кулакомъ не удержишь.

— Ужь не бѣсъ-ли пишетъ за него,—вмѣшалась тутъ старушка, занятая въ своихъ креслахъ вязаньемъ чулка и слышавшая весь разговоръ (она не любила предводителя за то, что, когда былъ судьей, рѣшилъ ея неправое дѣло въ пользу противника).—Тфу, пропасть! прости мнѣ, Господи, съ этимъ... вотъ и петлю распустила. А вы думаете, скажу, Парфенъ Михайловичъ, — прибавила она, относясь къ собесѣднику, большому волтеріанцу, который смотрѣлъ на нее съ ироническою улыбкой, какъ будто поймалъ ее въ преступленіи: — нѣтъ-таки, не скажу, опять, не скажу...

— Какой, матушка, бѣсъ,—перебилъ ее обиженнымъ тономъ одинъ изъ панегиристовъ Подсохина.—

Станутъ-ли Владиміръ Петровичъ съ этимъ яшкаться; они человѣкъ богобоязненный.

И долго еще собесѣдники разсуждали о томъ, откуда это у него берется, что онъ такъ хорошо и мудренно пишетъ.

Дѣйствительно, Подсохинъ писалъ такъ мудренно, что и самый борзый умъ не добрался бы въ десять лѣтъ до смысла его бумагъ. Никакой гидравлическій прессъ, никакая молотильная машина, если-бы они были изобрѣтены для литературныхъ произведеній, не выдавили-бы, не вымолотили-бы этого смысла. Чего не было въ его сочиненіяхъ! И кочующіе номады, и высоты бездны, и почіющая на крыльяхъ бури тишина, все это переплетенное, свитое въ какой-то пестрый, нескончаемый жгутъ, ударяющій по воздуху! Сожалѣю очень, что не сохранилъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній. Для примѣра даю здѣсь одинъ слабѣйшій изъ нихъ отрывокъ, уцѣлѣвшій въ бумагахъ Пшеницына. Это воззваніе къ дворянамъ уѣзда о пожертвованіи въ пользу пострадавшихъ отъ пожара или наводненія (не могу вѣрно сказать) жителей Петербурга.

«Малъ мыслію и способностію найтися въ убѣжденіяхъ краснорѣчія, ибо холоденское благородное общество превышаетъ всякое краснорѣчіе имѣющихъ даръ на оное. Вспомните, мм. гг., что мѣсто сіе (Петербургъ) дало намъ начало и науки и возвело насъ на степень, нынѣ при насъ имѣющуюся, и что дѣти и младые родственники наши послѣдуютъ подъ тотъ же покровъ нашего начала, или, такъ сказать, во вторую природу, и наконецъ обратимся духомъ къ слову Божію: «Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ». Съ истиннымъ почтеніемъ» и проч.

Когда Подсохинъ имѣлъ только малѣйшій поводъ писать или чувствовалъ въ себѣ позывъ на вдохнове-

ніе, онъ, какъ жрецъ, готовящійся служить своему божеству, уединялся въ особую комнату. Тихи, важны, размѣрены были его шаги въ это время, словно онъ боялся вытряхнуть изъ головы великія идеи, въ ней нагруженныя, какъ драгоцѣнный, но хрупкій фарфоръ; лицо его осѣнялось даже какою-то мрачною таинственностію. При этомъ случаѣ онъ самъ не отворялъ двери, чтобы не было какого потрясенія въ его персонѣ; капище открывалось передъ нимъ и закрывалось за нимъ любимымъ его слугой, который исполнялъ эту обязанность съ особенною важностію и глубокими поклонами. Въ особенной комнатѣ Подсохинъ облекался въ долгополый, испещренный чернильными пятнами сюртукъ гороховаго цвѣта, прозванный имъ *писчимъ*, запирался крѣпко-на-крѣпко, писалъ и переписывалъ до тѣхъ поръ, пока уже мурашки бѣгали у него въ глазахъ и онъ самъ не понималъ, что пишетъ. Слуга, лѣтъ сорока слишкомъ, низенькій, съ лысиной на головѣ (хотя и не терялъ названія *мальчика*), облеченъ былъ въ высокую должность хранителя писчихъ снарядовъ и въ особенности писчаго сюртука. Когда невидимо производилась великая работа въ кабинетѣ, онъ сидѣлъ у дверей его на стулѣ, не двигаясь и затаивъ дыханіе. Боже сохрани—кашлянуть! Онъ скорѣе лопнулъ-бы отъ натуги, чѣмъ рѣшился-бы посягнуть на нарушеніе узаконенной тишины. Если какой-нибудь отчаянный сорванецъ проходилъ мимо, хотя и неспѣшными шагами, слуга махалъ рукой, чтобы ходилъ еще осторожнѣе, еще тише, если-бъ можно — пролеталъ. Такое высокое понятіе имѣлъ онъ о занятіяхъ своего барина, полагая, что въ кабинетѣ творится что-то чудесное, въ родѣ литья золота или дѣланія алмазовъ! Въ это время и вся многочисленная семья Подсохина ходила на цыпочкахъ, даже и въ отдаленныхъ комнатахъ, боясь малѣйшимъ шумомъ прервать нить краснорѣчія.

И вдругъ, въ глубокую, бездонную тишину канулъ какой-то звукъ. Чуткое, приложенное къ двери ухо хранителя писчаго сюртука послышало въ кабинетѣ движеніе креселъ; затѣмъ великій писатель крякнулъ. Это было знакъ, что работа кончена. Капище отворялось. Тогда скидался писчій сюртукъ, принимаемый слугой съ подобострастіемъ, дохидившимъ едва-ли не до благоговѣнія, и укладывался въ комодъ. Баринъ облекался къ обыкновенный сюртукъ. И вотъ онъ съ исписаннымъ листомъ бумаги въ рукѣ, съ лицомъ, сіяющимъ важнымъ спокойствіемъ и самодовольствомъ, вступаетъ въ комнату, гдѣ ожидаетъ его семья. Она первая должна выслушать произведеніе, родившееся въ этотъ часъ, хотя и не можетъ постигать его высокое значеніе. Что-жъ дѣлать? Не первый разъ нѣтъ болѣе достойныхъ слушателей, а новорожденнаго необходимо заявить свѣту, какъ принца крови, родившагося въ хижинѣ, должно показать хоть крестьянамъ. Послѣ процесса чтенія, дитя передается протоколисту, который принимаетъ его съ достодолжнымъ уваженіемъ. Наконецъ, твореніе переписывается въ нѣсколько рукъ возможно лучшимъ почеркомъ и развозится по уѣзду въ сотняхъ экземпляровъ, если это циркулярное воззваніе къ дворянству или тому подобное.

Надо было видѣть величавую и самовольную фигуру охотника писать, когда онъ вступалъ въ среду своего семейства для предъявленія ему великаго творенія. Старушка-мать слушала, повременамъ творила про себя молитву и возводила глаза къ небу, какъ будто благодарила Господа, что даровалъ ей такого умнаго сынка. Жена, добрая, любящая женщина, жившая въ мужѣ, въ дѣтяхъ и хозяйствѣ, не находила нужнымъ вмѣшиваться въ литературныя дѣла своего мужа и даже простодушно утвердилась на томъ, что

она глупенькая, потому что ничего не понимаетъ изъ его сочиненій. Она слушала, а, можетъ быть, и не слушала, потому что молчала во время и послѣ чтенія. Какъ понимали произведенія отца двѣ дочери, довольно взрослыя, и сынъ лѣтъ пятнадцати, это неизвѣстно. Только и они попривыкли владѣть своею физіономіей, зная по опыту, что малѣйшая улыбка или знакъ разсѣянія навлечетъ на нихъ родительское негодованіе. А сынъ помнилъ, что ему выдрали уши за то, что задремалъ въ одинъ изъ подобныхъ литературныхъ сеансовъ. Случалось, что и дѣти послѣ чтенія изъявляли свой восторгъ... У Владиміра Петровича была сестра, дѣвица немолодыхъ лѣтъ, которую онъ называлъ обыкновенно esprit-fort, хотя всѣ знали ее за женщину богобоязненную. Имя это заслужила она своимъ здравымъ умомъ и прямодушіемъ Выслушивая новое твореніе брата, рѣшалась она иногда, призвавъ на помощь всѣ небесныя силы, именемъ ихъ умолять его писать *проще* и *понятнѣе*.

Что за улыбка, что за взглядъ бывали отвѣтомъ на смиренныя мольбы ея! Словъ тутъ никогда не употреблялось. Но въ этомъ безмолвномъ отвѣтѣ было болѣе краснорѣчія, нежели во всѣхъ сочиненіяхъ Подсохина. Въ немъ заключались и высокое сознаніе собственнаго достоинства, и жалость къ слабой женщинѣ, не умѣющей понимать литературныхъ красотъ, и великодушіе могущества, которое можетъ задавить червяка, но шагаетъ черезъ него. Самъ Юпитеръ не улыбнулся бы другою улыбкою, не взглянулъ бы другимъ взглядомъ, смотря на высоту своего Олимпа на ребяческую суету человѣческаго муравейника, который копошится подъ громовыми тучами. На эту улыбку и взглядъ можно-бы ходить, какъ на представленіе великаго артиста. Если-бы Барнумъ жилъ въ то время, онъ откупилъ-бы ихъ.

Какъ морякъ, Подсохинъ любилъ разсказывать о корабельныхъ снастяхъ и эволюціяхъ тѣмъ, которые этого не понимали. Побывалъ онъ нѣкогда въ Лондонѣ, и потому, когда ему случалось играть въ бостонъ, при объявленіи пришедшей игры, иначе не произносилъ ея, какъ англійскимъ выговоромъ: *бостонъ*. Если-жь другіе, не бывшіе въ Лондонѣ, подражали ему въ интонаціи и въ произношеніи этого слова, то взглядъ и улыбка его были *отчасти* такіе, какими онъ награждалъ сестру свою за простодушныя замѣчанія ея при слушаніи его сочиненій.

Можно сказать, что въ Подсохинѣ были два человѣка: одинъ — хорошій отецъ семейства, домовитый хозяинъ, исправный офицеръ, примѣрный судья; другой—чудакъ, въ арлекинскомъ, писчемъ сюртукѣ, воображающій его цицероновскою тогой, всегда на ходуляхъ, самолюбивый до безразсудства. Когда онъ въ обществѣ разсуждалъ о чемъ-нибудь, онъ говорилъ просто, ясно и умно, шутилъ, не оскорбляя никого, умнѣйшему собесѣднику всегда уступалъ первенство. Какъ онъ писалъ, мы ужь видѣли.

Подсохинъ любилъ Максима Ильича. Зная, что тотъ имѣлъ хорошую русскую библіотеку, и потому, полагаясь на вкусъ обладателя ея, не обошелъ его чтеніемъ своихъ произведеній. Дѣйствительно, Максимъ Ильичъ, одаренный отъ природы чувствомъ добра и красоты, изощривъ его бесѣдами съ Новиковымъ и чтеніемъ книгъ, могъ понимать, что такое сочиненіе Подсохина. Но, уважая въ охотникѣ писать высокія душевныя качества и столь-же прекрасную жизнь, служебную и частную, не желалъ нарушать его самодовольства, такъ пріятнаго для него и ни для кого не обиднаго. Онъ зналъ по опыту, что Подсохинъ не станетъ мстить, еслибъ сдѣлали ему непріятныя замѣчанія—добрая душа предводителя была выше мще-

нія — но желалъ лучше пожертвовать часомъ скуки, нежели огорчить его этими замѣчаніями. И потому, искренно преданный человѣку, хвалилъ творенія писателя. Надо сказать еще, что въ отношеніяхъ къ людямъ, которыхъ Максимъ Ильичъ любилъ, онъ былъ особенно мягокъ и податливъ.

Имѣлъ еще друга предводитель, холоденскаго соляного пристава. Этотъ былъ философъ, какъ и прозвали его, и напрямикъ сказалъ Подсохину, что по книжной части не далекъ, а до письменной и подавно не охотникъ. Такая разница вкусовъ не мѣшала имъ однакожъ быть задушевными пріятелями. Соляной приставъ и его дочка стоятъ, чтобы имъ посвятить особенную тетрадь.

ТЕТРАДЬ III

Соляной приставъ и его дочь

I

На самомъ высокомъ мѣстѣ берега Холодянки, тамъ, гдѣ она уходитъ въ М—у-рѣку, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ одинокой, полуразвалившейся башни, стоялъ деревянный домикъ. Три окна, глядѣвшія на клочекъ улицы, упиравшейся въ берегъ плетеною изгородью, четыре—на другую улицу, которая вела къ соборной площади и вышка въ одно окно, называемая нынѣ мезониномъ, предупреждали, что и внутри этого смиреннаго зданія не найти большого простора. Въ самомъ дѣлѣ, въ нижнемъ этажѣ были только три комнатки, да въ верхнемъ одна свѣтелка. Избушка на курьихъ ножкахъ для кухни, прибавьте навѣсъ для дровъ, — вотъ все строеніе, которое увидали-бы на дворѣ. Даже не было собачьей конуры, неминуемой при каждомъ домѣ въ Холоднѣ. Хозяинъ не любилъ звука цѣпей и сиплаго, иногда безтолковаго лая, и потому держалъ на волѣ собаченку, исполнявшую зато свои обязанности получше цѣпного сторожа. Домикъ былъ однако-жь внутри и снаружи опрятенъ. Не ви-

дать въ немъ было, какъ это случается въ жилищѣ бѣднаго чиновника, разбитыхъ стеколъ, замѣняемыхъ бумагой, на которой прохожіе могутъ читать многозначащіе глаголы Ѳемиды: репортъ, вслѣдствіе просимости, учинить слѣдующее, объ утонутіи крестьянина, городничій и кавалеръ и т. п. Можно даже сказать, что домикъ глядѣлъ весело. Пѣтушась на самомъ высокомъ мѣстѣ города, онъ будто говорилъ: «видите, куда взлетѣлъ! малъ, да удалъ!» Къ тому-жъ мысль, что тутъ живутъ добрые, бѣленькіе люди, придавала ему и ту привлекательность, которой онъ самъ по себѣ не имѣлъ. Замѣтьте, сколько-бы дурной человѣкъ ни украшалъ своего жилища, оно все-таки пасмурно смотритъ. Въ немъ часы подъ богатою бронзой бьютъ какъ-то уныло, фарфоровые пастухи и пастушки невесело смѣются, мраморъ давитъ; кажется, изъ-за шелковыхъ занавѣсокъ выглядываютъ рожки злаго генія дома

Ко двору примыкаетъ садикъ. У входа въ него можно сосчитать число его яблонь, кусты сирени, піоновъ и желтаго шиповника. Бесѣдка изъ акацій единственное его украшеніе. Но стоитъ только подойти къ скамейкѣ на берегу рѣки, и вамъ трудно оторваться отъ картины, которая съ этого мѣста передъ вами развертывается. Прямо изъ луговъ выбѣгаетъ широкая рѣка, идетъ распахнувшись на городъ и вдругъ, остановленная берегомъ, на которомъ держится старый Кремль, поворачиваетъ угломъ подъ пловучій мостъ, черезъ нее перекинутый. Какъ эти воды иногда оживлены! Огромный караванъ судовъ гусемъ тянется по нимъ, пустивъ по вѣтру разноцвѣтныя ленты своихъ мачтъ. Берега осыпаны роями лошадей, ползущихъ на высоты или сбиваемыхъ съ высотъ натянутою, какъ струна, бичевой. Слышны повелительный голосъ рулевого, посвистъ коноводовъ,

всплескъ бичевы, отрясающей съ себя зеленыя пряди скошенной ею водяной травы, торопливые крики испуганныхъ куликовъ. Вдали на темной глади рѣки, мелькаетъ бѣлое, едва замѣтное пятнышко; вотъ ужь словно лебедь широкою грудью разрѣзываетъ струи, сцѣпляется съ другимъ товарищемъ, опрокинутымъ въ водѣ, поднимаетъ крылья... Нѣтъ, это летитъ, надувшись, парусъ — все ближе и ближе; упалъ, и передъ вами является бѣдный остовъ рыбачьей лодки; на кривой мачтѣ ея мотается кусокъ полотна съ заплатами. Лодка причалила къ берегу; перекинутая съ нея доска установила между ними сообщеніе. Вотъ взбирается осторожно по этому мостику дородная горожанка въ блестящемъ кокошникѣ, съ кулечкомъ въ рукахъ. Рыбакъ сѣточкой вытащилъ изъ садка рыбу, будто груду серебра. Избранъ въ жертву огромный пестрый налимъ. Захваченный мощными руками онъ открылъ пасть свою и, какъ змѣй, вьется въ нихъ. Между тѣмъ жена рыбака достала изъ-подъ кормы спеленатаго ребенка и, присѣвъ на первую доску, стала кормить его своею грудью, на которую изъ-подъ клочка паруса упалъ солнечный лучъ. Цѣлая идиллія!.. Живой мостъ гремитъ и катитъ клубы пыли. За лугами, къ сосновому лѣсу прижалась бѣлая ограда монастыря, и среди нея высится разноцвѣтная купа церквей; золотыя звѣздочки крестовъ искрятся на темномъ фонѣ лѣса. Коегдѣ по сторонамъ выползаетъ изъ-за горки деревушка или цѣпляется по берегу оврага. Дорого-бы далъ богатый человѣкъ, чтобы перенести въ свой паркъ великолѣпныя руины башни, которыми владѣлецъ домика пользовался даромъ.. Камни этихъ развалинъ, упавшіе на межу садика, служатъ его хозяину скамейками; время покрыло ихъ густымъ, разноцвѣтнымъ мохомъ, какъ барсовою кожею. Внизу подъ башней шумитъ мельница. Ее-то Ваня видѣлъ изъ дома на Запрудьѣ и

воображалъ жилищемъ сердитой колдуньи, которая безпрестанно стучитъ своими костылями и ведетъ схватку съ любимою его Холодянкой. Рѣчка нѣсколькими каскадами бросается на колеса, упадаетъ въ омутъ, закипаетъ бѣлою кипѣнью и потомъ безчисленными нитями убѣгаетъ въ изгибъ М—ы рѣки, какъ будто испуганная стая рыбокъ бросается въ одну сторону, сверкая серебромъ и золотомъ своей чешуи. Мимо башни влѣво спускается широкая дорога къ низменному берегу Холодянки и провожаетъ ее до самаго моста, переброшеннаго черезъ рѣчку. Здѣсь идетъ почтовый губернскій трактъ, со всѣми живыми и мертвыми сценами, происходящими на подобныхъ дорогахъ, въ уѣздномъ городкѣ. Черезъ рѣку, еще лѣвѣе, видны, какъ на блюдечкѣ, Запрудье, деревни и тѣ живописные поля, рощи, овраги, которые Ваня любилъ посѣщать съ своимъ дядькой. И ночью какъ хороша картина съ межи садика! На М—ѣ рѣкѣ тихо, будто она отдыхаетъ послѣ дневной работы подъ грузомъ судовъ. По ней скользятъ двойники рыбачьихъ лодокъ, иныя съ огненнымъ лучемъ, отражающимся въ водѣ; на берегахъ пылаютъ костры, ярко освѣщая группы, тѣснящіяся около нихъ въ разныхъ положеніяхъ. Мѣсяцъ заглянулъ въ амбразуру башни и даетъ живописный свѣтъ и тѣнь развалинамъ. То едва слышенъ однозвучный, какъ маятникъ, плескъ волны, бьющейся о берегъ, то сдержанная мельница лѣниво шумитъ, будто въ просоньѣ. И вотъ, гдѣ-то въ саду или клѣткѣ, зажурчалъ соловей, застоналъ, замеръ въ нѣгѣ своей пѣсни, и вдругъ обдалъ окрестность огненною трелью, отъ которой встрепенется ваша душа.

Кто-жь былъ хозяинъ этого уголка? Подайте намъ его имя, отчество, фамилію, должность или званіе! скажете вы. Признаюсь, я всегда запутываюсь въ этихъ названіяхъ. Одна русская школьная память, ко-

торая затверживаетъ тридцать страницъ, безъ пропуска единаго слова, изъ вступленія во Всеобщую Исторію Шрекка, въ состояніи удержать въ своемъ мозговомъ хранилищѣ имена и отчества цѣлой фаланги лицъ, о которыхъ вамъ въ жизни приходилось слышать и съ которыми случалось вамъ говорить или переписываться. Что-жь дѣлать? Пусть будетъ, какъ принято обычаемъ, а то, пожалуй, назовутъ меня отщепенцемъ отъ всего родного.

И потому скажу, что хозяинъ домика и сада былъ соляной приставъ Александръ Ивановичъ Горлицынъ. Отецъ его, маіоръ временъ Екатерины, при ней началъ, при ней и кончилъ службу вмѣстѣ съ своимъ земнымъ поприщемъ. Александръ Ивановичъ едва помнилъ добродушный, привѣтливый образъ матери, которую потерялъ, имѣя пять лѣтъ, но глубоко врѣзались въ его памяти и сердцѣ предсмертный поцѣлуй ея ледяныхъ губъ и ея послѣднее благословеніе. Суровъ съ вида былъ отецъ, но и на пасмурномъ его лицѣ мальчикъ угадывалъ иногда грусть нѣжной, любящей натуры; среди рѣдкихъ его ласкъ замѣчалъ на глазахъ его невольную слезу, которую старый воинъ тотчасъ старался скрыть отъ сына. Отпуская Сашку, какъ называлъ его, въ кадетскій корпусъ, отецъ сказалъ мальчику: «Будь честенъ, что бы съ тобою не случилось, какую бы ты службу ни несъ. Честь — все равно, что дѣвичья слава: не возвратишь, потерявъ ее однажды. Помни, мать смотритъ за тобою съ того свѣта. Забудешь мое приказаніе, не будетъ тебѣ моего благословенія ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни». Узнавъ впослѣдствіи, что кадетъ унесъ у своего товарища какую-то малоцѣнную вещицу, выпросилъ его къ себѣ на домъ и наказалъ такъ, что мальчикъ слегъ въ постель. Когда ему попеняли за слишкомъ жестокое взысканіе, онъ отвѣчалъ: «лучше

хочу видѣть сына мертвымъ, чѣмъ негодяемъ». Старикъ умеръ, успѣвъ однако-жь обнять своего сына офицеромъ. Доброе имя, домикъ въ Холоднѣ, пятьсотъ рублей и семья людей, состоящая изъ жены и мужа среднихъ лѣтъ съ двумя малолѣтними дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой—вотъ все наслѣдство, которое осталось послѣ отца. Александръ Ивановичъ былъ исправный офицеръ, дѣлалъ нѣсколько походовъ и уже въ штабсъ-капитанскомъ чинѣ, въ турецкую войну, получилъ въ ногу рану, отъ которой сталъ прихрамывать и вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Оставленнымъ наслѣдствомъ нечѣмъ было жить, тѣмъ болѣе что онъ, во время квартированія его роты въ Нѣжинѣ, женился на дочери одного тамошняго грека, за которою приданаго было только красота и доброе сердце. Она полюбила въ немъ привлекательную наружность, открытый характеръ и любовь его. Плодомъ этого брака была одна дочь. Несмотря на различныя лишенія и недостатки, Горлицынъ прожилъ двѣнадцать лѣтъ съ женою, какъ одинъ счастливый день. Катѣ было десять лѣтъ, когда она потеряла мать; но, одаренная отъ природы нѣжною и привязчивою натурой, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, сохранила въ душѣ своей грустныя впечатлѣнія этой потери, оставившей надолго слѣды на задумчивомъ ея лицѣ. Горлицынъ былъ убитъ потерею жены и мыслью, что онъ, часто затрудняясь въ пріисканіи себѣ насущнаго пропитанія, не можетъ ничего для довольства и воспитанія дочери, которая сдѣлалась для него еще дороже послѣ ужасной его утраты. Испытавъ напрасно разныя хожденія по лѣстницамъ сильныхъ особъ, онъ вспомнилъ, что одинъ изъ его корпусныхъ товарищей, съ которымъ былъ въ дружбѣ до того, что помѣнялись крестами, имѣлъ родственныя связи съ людьми знатными и сильными и шелъ быстро въ

чинахъ по гвардіи. Мысль, что черезъ него пріютитъ дочь въ институтъ подъ покровъ самой императрицы и, можетъ быть, добудетъ себѣ мѣстечко съ порядочнымъ жалованьемъ, заставила Горлицына обратиться къ прежнему своему товарищу. Отвѣтъ былъ въ четырехъ словахъ: «пріѣзжай поскорѣе, мой другъ!» — Вотъ направилъ онъ съ дочерью свой путь въ Петербургъ. Нельзя сказать, что онъ совершилъ это путешествіе на долгихъ, потому только, что ѣхалъ на одной лошадкѣ, которою управлялъ слуга, готовый, какъ и всякій русскій человѣкъ, на всѣ должности и мастерства. Нынѣ онъ тачаетъ сапоги, завтра играетъ на скрипкѣ, или списываетъ Брюллова картину. Надежды не обманули Горлицына. Крестовый братъ, несмотря на то, что стоялъ уже высоко, принялъ его съ открытыми объятіями, но не остановился, какъ часто бываетъ, на однихъ изъясненіяхъ дружбы, а спѣшилъ доказать ее на дѣлѣ Дочь вскорѣ была принята въ казенное воспитательное заведеніе, а отецъ получилъ гдѣ-то мѣсто смотрителя значительной больницы, весьма выгодное по понятіямъ благодѣтеля. Человѣкъ въ такой нуждѣ, какъ Горлицынъ,—думалъ онъ,—поневолѣ воспользуется благовидными доходами, которые обѣщаетъ это мѣсто. Ничуть не бывало Этотъ честный чудакъ пользовался только своимъ жалованьемъ и квартирой съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и думалъ единственно о томъ, какъ лучше успокоить и призрѣть страждущихъ, ввѣренныхъ правительствомъ его заботамъ. Онъ почиталъ страшнымъ преступленіемъ урѣзать что-нибудь отъ содержанія больныхъ или дать имъ худую пищу. Но этотъ странный образъ управленія больницей сначала изумилъ нѣкоторыя лица, потомъ возродилъ въ нихъ намѣреніе столкнуть глупца съ мѣста, которое было не по немъ. У нихъ былъ отнятъ кусокъ хлѣба, а этотъ кусокъ доходилъ у нѣ-

которыхъ до хорошаго золотого пріиска. Такого рода люди удивительно ловки, даже геніальны въ искусствѣ подшибать людей, которые не по нихъ. Горлицынъ черезъ два, три года потерялъ свое мѣсто — какимъ образомъ, было-бы грустно разсказывать. И вотъ рѣшился онъ, скрѣпя сердце и ни на кого не жалуясь, прибѣгнуть опять къ своему другу и благодѣтелю; и опять этотъ другъ, пожуривъ его за аркадскую простоту (онъ хотѣлъ сказать, глупую честность, но языкъ не поворотился на это выраженіе), выхлопоталъ ему мѣсто соляного пристава въ Холоднѣ. Чего-жь лучше для Горлицына? Здѣсь была его родина, здѣсь онъ имѣлъ и собственный домикъ. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ принялся за исполненіе своихъ скромныхъ обязанностей, при скромномъ жалованьѣ, такъ же усердно и честно, какъ онъ дѣлалъ и прежде. Предмѣстникъ его, прослуживъ на этомъ мѣстѣ десять лѣтъ, свилъ своимъ птенцамъ теплое гнѣздышко. И немудрено: въ Холоднѣ, какъ я уже сказалъ, солили большое количество мяса на Англію. На это намекали не разъ Горлицыну люди, желавшіе ему добра, навязывали ему *благодарность;* но намеки и благодарность скоро перестали его безпокоить, когда увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Въ маленькихъ городахъ, въ которыхъ, кажется, и сами дома насквозь видны, гдѣ узнаютъ, что у васъ каждый день готовится въ горшкѣ или кастрюлѣ, также скоро узнается и нравственность человѣка. Спросите, пріѣхавъ въ любой изъ этихъ городковъ, перваго лавочника, перваго трактирнаго слугу, каковъ такой-то, и, если вы не ревизоръ, противъ котораго заранѣе подведены всѣ подступы и приготовлены всѣ камуфлеты, лавочникъ и трактирный слуга вѣрно опишутъ вамъ человѣка съ ногъ до головы. Вскорѣ граждане прозвали Горлицына честнымъ и, что для нихъ значило одно и то же, простымъ человѣкомъ

Но сыскались и недоброжелатели, хотя Горлицынъ никого не оскорбилъ, ни о комъ дурно не отзывался, ни въ какія дрязги и сплетни не входилъ. Пуще всѣхъ закопошился приказный людъ. Пошли толкованія о томъ, какъ это и зачѣмъ такой странный человѣкъ появился въ ихъ городѣ. Кто говорилъ, что онъ съ придурью, другіе—что по виду не замутитъ воды, а изподтишка готовъ всякаго укусить, что имѣетъ замыслы не только на свою родную сторону, но и на весь родъ человѣческій: хочетъ, дескать, перевернуть весь шаръ земной. Находили его улыбку подозрительною: іезуитъ, надо быть, или фискалъ. Были даже люди, которые сомнѣвались, подлинно-ли онъ русскій: такіе-де чудаки у насъ и не родятся. Должно быть, какой-нибудь самозванецъ подъ фамиліей Горлицына.

— Русскій-то онъ русскій — порѣшилъ стряпчій съ бѣльмомъ на глазу:—дѣйствительно онъ родомъ изъ Холодни. Мы съ Сашкой и въ бабки игрывали. Такой азартный былъ: того и гляди, норовитъ гнѣздо стащить.

— Что-жъ онъ такое?—спрашивали его.

— А вотъ извольте видѣть, вольтерьянецъ, философъ, прости мнѣ Господи! (Тутъ рѣшитель уѣздныхъ судебъ сдѣлалъ рукою какіе-то таинственные знаки на груди). Нахваталъ фармазонской науки, да и пустился въ вольнодумство.

На томъ и кончилось по приговору стряпчаго, что Горлицынъ философъ, хотя многіе и не понимали этого слова: съ того времени и пошелъ онъ слыть въ городѣ подъ этимъ названіемъ.

По пріѣздѣ Александра Иваныча въ Холодню явился къ нему Пшеницынъ. Такъ какъ соляная поставка на всю губернію производилась чрезъ Максима Ильича съ товарищемъ, то онъ, вѣрный установленному порядку, почелъ долгомъ принести новому приставу свою *акциденцію*.

— За что даете мнѣ эти деньги? — спросилъ Горлицынъ. — Не смѣю думать, чтобы вы, сударь мой, хотѣли меня подкупить на безчестныя сдѣлки: вы не таковы — я слышалъ объ васъ отъ предводителя дворянства. За исполненіе моихъ обязанностей? Мнѣ за нихъ Государь даетъ жалованье. Служба—не торговля. По крайнему моему разумѣнію, я понимаю ее такъ: не знаю, какъ понимаютъ другіе.

— Это такъ водится, — отвѣчалъ краснѣя Пшеницынъ, смущенный неожиданными сужденіями философа.

— Не обижаюсь вашимъ приношеніемъ, если оно было сдѣлано по заведенному порядку. Но, сударь мой, вы меня извините: я не бралъ до сихъ поръ взятокъ и не хочу теперь начинать, даже подъ самыми благовидными предлогами. Можетъ быть, оно и глупо, но что-жь дѣлать? это въ моей натурѣ. Бываютъ разныя странности. Вотъ я слышалъ, ваша супруга... Прасковья Михайловна—кажется, такъ имѣю честь ее называть?

— Точно такъ. Вы хотите сказать, она боится птицъ, когда летаютъ по комнатѣ. Кажется, медвѣдя въ лѣсу не болѣе-бы испугалась. Что ни дѣлалъ, ничѣмъ нельзя было отучить ее отъ этой странной боязни.

— Вотъ видите, кажись, птичка — маленькое, хорошенькое Божье созданіе, можетъ статься, и пѣвунья, утѣшала въ клѣткѣ вашу супругу... Говорятъ, бойкая, безстрашная барынька, а изволите видѣть, пташки боится. Еще доложу вамъ, у меня малый—принималъ сейчасъ съ васъ шубу—повѣрите-ли, не можетъ ѣсть садовыхъ ягодъ. Думалъ сначала, блажь на себя напустилъ для проказъ, да и накорми его смородиной. Что-жъ, сударь ты мой, сдѣлался нездоровъ, инда я самъ испужался. Понимаете меня, Максимъ Ильичъ?..

Теперь объ этомъ на вѣки-вѣковъ ни словечка, я ни гу-гу, вы тоже... Обнимемся, да будемъ вѣшать съ вами соль, какъ стрѣлка на вѣсахъ и на совѣсти указываетъ, ни на мою, ни на вашу сторону, и останемся навсегда друзьями.

Пшеницынъ горячо обнялъ соляного пристава, даже съ уваженіемъ поцѣловалъ его въ плечо и вышелъ отъ него, какъ ошеломленный. Съ того времени согласіе между ними не нарушалось.

Дѣйствительно, Горлицынъ былъ философъ, мудрецъ въ своемъ родѣ. На одномъ жалованьѣ, которое получалъ, не могъ онъ жить въ довольствѣ. Да о довольствѣ Александръ Иванычъ и не думалъ, лишь-бы къ истеченію года концы съ концами свесть, да ложась спать, благодарить Бога, что услышалъ молитву его: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь» «и не введи насъ во искушеніе». И доходилъ онъ до исполненія своихъ умѣренныхъ желаній, сжимаясь, тѣснясь, отказывая себѣ во многомъ, что другимъ было обыденною потребностью, а для него роскошью. Занимая верхній этажъ, какъ онъ называлъ свѣтелку съ перегородкой на вышкѣ, онъ отдавалъ въ наймы за небольшую плату нижній этажъ одной барынѣ — правда, скрѣпя сердце, потому что она была большая сутяжница, имѣвшая у себя притонъ подъячихъ. Впрочемъ, эти деньги откладывалъ для Кати въ особенный секретный ящикъ. Одного изъ членовъ семейства, доставшагося ему по наслѣдству, малаго лѣтъ двадцати, отдалъ онъ въ услуженіе кому-то за очень скромную плату. Дѣвушка изъ этого семейства находилась въ ученіи у портнихи. Оставались при немъ старикъ и старуха, которыхъ называлъ онъ Филемономъ и Бавкидой. Женская половина исполняла должность кухарки и прачки, а мужская, какъ я уже сказалъ,—всѣ должности. Изъ любви къ своему барину, Филемонъ сдѣ-

лался портнымъ и сапожникомъ, чтобы не отдавать на сторону шить платье и сапоги, а когда Александръ Иванычъ намекнулъ ему, что не худо бы къ пріѣзду барышни выучиться и дамскіе башмаки шить, — выучился препорядочно и этому мастерству. Платье Горлицынъ носилъ изъ толстаго сукна, да и то, приходя домой, снималъ, а на мѣсто его облекался въ какой-то инвалидный ситцевый халатъ, давно отслужившій свой законный срокъ. Правда, была у него пара изъ щегольскаго англійскаго сукна, которую не безъ труда и уловокъ подарилъ ему бывшій корпусный товарищъ, но ее надѣвалъ онъ только въ двунадесятые праздники. Онъ берегъ это платье какъ драгоцѣнность, чтобы показаться въ немъ во всемъ блескѣ передъ дочерью. Крѣпко наказывалъ онъ своему слугѣ почаще перебирать его, чтобы не забралась въ него моль, приговаривая: — «Вѣдь институтка, сударь ты мой, Ричардъ ты мой возлюбленный, петербургская барышня, не то что здѣшнія уѣздныя дѣвицы какія-нибудь, орѣшки себѣ грызутъ. Надо при ней и поприличнѣе себя показать, не удариться въ грязь лицомъ. Красавица она у меня: разумница, ангелочекъ!»— При этомъ отъ восторга, что имѣлъ такое сокровище, пощелкивалъ пальцами, трепалъ своего стараго слугу по щекѣ, потомъ охорашивался, смотрясь въ зеркало, и подпиралъ руку въ бокъ. Какъ будто молодецъ собирался на любовное свиданіе! А вѣрный Ричардъ хотя и улыбался на радостныя выходки своего господина, однако-жь думалъ про себя: — «Чѣмъ-то, голубчикъ, будешь содержать петербургскую барышню? Чай, нѣженка, не по-нутру ей будутъ наши щи да каша.»—Дѣйствительно, Александръ Иванычъ не былъ прихотливъ на кушанье: ѣлъ то, что ѣли его люди; только дозволялъ себѣ чай вмѣсто лакомства. Могъ-бы онъ обойтись и безъ своего стола, потому что его

безпрестанно приглашали: то предводитель Подсохинъ, то Пшеницынъ откушать у нихъ хлѣба-соли. Первый жилъ отъ него въ нѣсколькихъ саженяхъ, нерѣдко захаживалъ за нимъ и, провозглашая ему, что наступилъ адмиральскій часъ, почти силою увлекалъ его къ себѣ. И на этотъ счетъ Александръ Иванычъ былъ очень деликатенъ, если не гордъ; хаживалъ обѣдать къ тому и другому, но чаще къ предводителю, съ которымъ не имѣлъ служебныхъ отношеній, а иногда рѣшительно отказывался отъ трапезы того или другого за дѣлами или нездоровьемъ. — «Развѣ нѣтъ у меня своего куска хлѣба?—говорилъ онъ Филемону:— не въ нахлѣбники же идти! Хоть щей горшокъ, да самъ большой.» — Провизію Горлицынъ ходилъ самъ покупать. Зато съ этого простого, совѣстливаго господина лавочники, въ уваженіе этихъ достоинствъ, брали, безъ зазрѣнія совѣсти, лишняго по копейкѣ съ фунта. Видали иногда, какъ онъ прихрамывая плетется по утру съ кулечкомъ въ рукахъ, изъ котораго выглядывала то нога баранья, то рыбій хвостъ, или огородная зелень. Если въ это время встрѣчалась съ нимъ знакомая дама, онъ останавливался и, закинувъ лѣвою рукою кулечекъ за спину, подходилъ къ ручкѣ прекрасной особы. Пожелаетъ ей добраго здоровья, тутъ же успѣетъ сказать нѣсколько привѣтствій на счетъ ея красоты и любезности. Кулечекъ съ мясомъ или рыбой не очень нравился нѣкоторымъ прихотливымъ особамъ, которыя, однако-жъ, дома не стыдились бѣлыми ручками таскать своихъ дѣвокъ за волосы, напомаженные коровьимъ масломъ; но потомъ попривыкли онѣ къ кулечку, въ уваженіе того, что Александръ Иванычъ все-таки превѣжливый и пріятный кавалеръ.

Покончивъ свои служебныя обязанности, онъ уходилъ въ свой садикъ, сажалъ плодовыя деревья, цвѣтущіе кусты, самъ ухаживалъ за ними въ потѣ лица,

какъ исправный садовникъ. — «Вотъ,—говорилъ онъ самъ съ собою, — пріѣдетъ Катя, сорветъ румяное яблочко съ дерева, скушаетъ его и подумаетъ: вѣдь папаша приготовилъ ей эти яблочки. И цвѣточками полюбуется, да приколетъ къ груди или въ черные свои волосы,—какъ хороша будетъ голубушка въ этомъ нарядѣ!»—Выпроситъ иногда книжечку у Пшеницына, только съ уговоромъ, чтобъ не сказывалъ охотнику писать, да почитаетъ иное хорошенькое сочиненіе, разъ и два, а какъ пріѣдетъ къ нему Подсохинъ, поспѣшитъ спрятать подъ подушку, будто запрещенный товаръ.— «Очень понравилась мнѣ эта книженка,—скажетъ Пшеницыну:—какъ пріѣдетъ Катя, попрошу у васъ опять.» Подчасъ заглянетъ въ секретную шкатулку и сосчитаетъ въ ней крупную и мелкую монету. Вотъ ужь накопилось въ Катинъ банкъ пятьдесятъ рублей; авось, къ пріѣзду ея накопится еще столько же. И радуется онъ, какъ дитя, этому богатству дочери. А получать ея письма, перечитывать ихъ по нѣсколько разъ, перебирать нѣжность и силу каждаго словечка, будто разные лады музыкальнаго инструмента, было для него высочайшимъ наслажденіемъ. Для этого занятія запирался онъ на ключъ, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ его восторгамъ. Онъ цѣловалъ эти письма втайнѣ, какъ нѣжный любовникъ, клалъ ихъ, засыпая, подъ подушку, авось приснится ему Катя. Радовался онъ, что милое дитя его здорово, дѣлаетъ успѣхи въ ученіи и переходитъ все въ высшіе классы. «Вотъ, думалъ онъ, осталось ей годикъ побыть въ институтѣ; вотъ ужь и нѣсколько мѣсяцевъ. Ждетъ и не дождется времени, когда обрадуетъ его своимъ пріѣздомъ.» Въ этихъ сладкихъ надеждахъ онъ забывалъ, что этотъ прекрасный цвѣтокъ можетъ поникнуть головкой подъ непогодами тяжелыхъ нуждъ, которыя онъ, привыкшій къ нимъ, такъ безропотно переноситъ. Всегда

довольный, всегда улыбающійся, Горлицынъ, кажется, и горестей никакихъ не зналъ. Развѣ сядетъ одинъ-одинехонекъ, подъ сводомъ ночнаго неба, на садовую скамейку и раздумается о своей покойницѣ. Глядитъ на небо и ищетъ между звѣздочками, въ которой-то изъ нихъ живетъ душа ея. Кажется, ждетъ онъ, не не взглянетъ-ли оттуда она, не подастъ-ли голоса или хоть знака. Вспомнитъ про нѣжную ея любовь: цѣлая, прекрасная жизнь съ нею пройдетъ передъ нимъ; остановится на нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ часахъ и даже минутахъ. Грустно и сладко ему станетъ, и горячія слезы потекутъ изъ глазъ его. Послѣ того легче ему бываетъ возвращаться домой, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ свою бывшую подругу, будто бесѣдовалъ съ ней и съ веселымъ лицомъ встрѣтитъ своимъ домочадцевъ.

Такъ прошли три, четыре года его пребыванія въ Холоднѣ. Здѣсь никто изъ его недоброжелателей не смѣлъ посягнуть на его мѣсто, потому что самъ губернаторъ, наслышавшись объ его безкорыстной службѣ, приказалъ своему чиновнику, ѣхавшему въ Холодню, поклониться соляному приставу. Воздаяніе чести только одному честному сильно дѣйствуетъ на нравственность должностнаго общества. И потому этотъ необыкновенный знакъ вниманія такой высокой особы къ такому мелкому чиновнику заставилъ прикусить языки, изощренные противъ Горлицына и забилъ тревогу въ нечистыхъ душахъ. Многіе изъ прежнихъ его противниковъ стали заискивать его добраго расположенія.

Былъ день лѣтній. Александръ Иванычъ работалъ въ своемъ саду, когда Филемонъ принесъ ему письмо съ почты. Слуга къ этому прибавилъ:—«Отъ Катерины Александровны». Онъ не зналъ грамоты, но такъ ужь привыкъ къ почерку своей барышни, что могъ его сейчасъ угадать.—«Отъ Кати!»—сказалъ радостно

Горлицынъ, бросивъ свою лейку, обливъ себя порядкомъ водой, и, какъ дѣлалъ обыкновенно въ важныхъ случаяхъ, перекрестился. Дрожащими руками развертываетъ онъ письмо, сердце его необыкновенно бьется; читая, онъ нѣсколько разъ переводитъ духъ. Катя пишетъ, что здорова, что кончила курсъ своего воспитанія. Государыня при выпускѣ сдѣлала ей денежный подарокъ, и, что для нея дороже всего, наградила ее такими привѣтливыми словами, которыя на всю жизнь залягутъ въ ея сердцѣ. Выпущенная изъ золотой клѣтки, птичка прилетитъ черезъ три недѣли на родное холодненское гнѣздышко и припадетъ къ груди отца. Она будетъ ѣхать до Москвы съ подругой и матерью ея, а въ Москву надо ужь будетъ послать *своихъ* лошадей и прислугу, именно въ такой-то день... Александръ Иванычъ, внѣ себя отъ радости, велитъ позвать Матрену Бабкиду, читаетъ своимъ домочадцамъ письмо во всеуслышаніе, толкуя имъ силу каждаго выраженія. Немного запнулся было на словахъ: «*своихъ* лошадей»; легкая тѣнь набѣжала на его лицо и сейчасъ исчезла. Онъ махнулъ рукой, промолвилъ:— «Не бѣда, наймемъ славную тройку»!—При этомъ случаѣ Филемонъ спросилъ барина:—«Гдѣ-жь, по пріѣздѣ, изволитъ проживать Катерина Александровна: не въ одной же комнатѣ съ нимъ».—«Отказъ Чечеткиной, сейчасъ отказъ».—закричалъ Горлицынъ такъ что едва-ли не слышала эти слова барыня, нанимавшая у него покои. Слуга покачалъ головой и скорчилъ жалкую мину въ знакъ того, что этотъ подвигъ не скоро можно будетъ совершить. И въ самомъ дѣлѣ не легко было выкурить со двора барыню-сутяжницу.

Перезрѣлая дѣва, маіорская дочь Чечеткина, была сама по себѣ на-подъемъ тяжела. Тучная, обремененная нѣсколькими уродливыми выступами, она не иначе вставала съ своего сидѣнья, какъ съ помощью двухъ

дюжихъ дѣвокъ. Ноги ея отекали, и потому, чтобы не стѣснять ихъ, носила башмаки съ приплюснутыми задками. Когда-же маіорская дочка покоилась на своемъ сѣдалищѣ, при ней находилась неотлучно на полу живая машинка, лѣтъ десяти дѣвочка, безпрерывнымъ треніемъ возбуждавшая въ нихъ обращеніе крови. Если-жь машинка отъ усталости останавливалась, госпожа, съ своей стороны, возбуждала въ ней движеніе добрымъ пинкомъ ноги, а иногда пугала ее, что татарамъ продастъ. Калмыцкій обликъ, совиный взглядъ, черные съ просѣдью усы, которые щетинились, потому что нерѣдко подвергались острію ножницъ, голосъ рѣзкій, ударявшій въ уши, какъ свистъ паровика, возбуждали въ созерцателѣ этихъ красотъ не очень пріятное чувство. Пріемная комната ея походила на канцелярію: въ ней вѣчное сонмище подъячихъ, вѣчное совѣщаніе объ искахъ, пропажахъ, проторяхъ и убыткахъ, безпрестанный шелестъ отъ переворачиванія листовъ и неумолкаемый скрипъ перьевъ. То оттягивала она нѣсколько сотъ душъ за крестьянина, который отъ предковъ ея, во времена Петра I, бѣжалъ къ одному помѣщику; то требовала полъ-уѣзда, на основаніи малѣйшаго сходства названій пустошей или угодій, которыми владѣла ея прапрабабушка; то заложитъ въ двое рукъ землю свою и старается отдѣлаться отъ кредиторовъ, будто за несоблюденіе законныхъ формъ. Во всѣхъ актахъ, которые она совершала, оставляла всегда лазейку для процесса. Придетъ къ ней родственникъ или знакомый, для того только, чтобы, при будущей встрѣчѣ съ ней, отдѣлаться напередъ отъ какого-нибудь дерзкаго привѣтствія, и начнетъ она душить посѣтителя своими дѣлами.—Вообрази, батюшка,—говоритъ,—какой кладъ послалъ мнѣ Господь на дняхъ. Ѣду я изъ своей подгородной деревни. Вотъ, видишь, переѣзжаю рѣчку

Перекусиху, что за деревнею Бабій-носъ. А тутъ, видишь, въ горку ужасенные сыпучіе пески. Вѣчно умаешь на нихъ лошадокъ... какъ пріѣдешь домой, ужь все велишь лишній гарнчикъ засыпать, а овесъ, знаешь самъ, въ прошломъ лѣтѣ не уродился у меня. Скажешь, Божья воля, батюшка. Что за Божья воля? Мошенникъ староста Сидорка поморилъ господскихъ коровенокъ, земли истощали. Ужь и проучила же его порядкомъ—съ новотела корову подъ красную шапку; тьфу ты пропасть! корову... сынка его подъ красную шапку, а корову-таки привели за рога на господскій дворъ. Вору впередъ наука!...Скотина славная—немудрено, господскимъ добромъ разбойникъ откормилъ—по ведру молока даетъ... За то велю каждый разъ при мошенникѣ Сидоркѣ доить ее...

— Что-жь, матушка, кладъ-то вашъ?—перебилъ ее посѣтитель, боясь, чтобы она въ увлеченіи своего разсказа не довела его до колыбельныхъ пеленокъ своихъ.

— Такъ, вотъ, батюшка, ѣдемъ по пустошѣ Семенихинѣ. А тутъ, знаешь самъ, наколесилъ нечистый дорожекъ промежъ кочекъ, словно гнѣздо змѣиное расползлось, куда попало. Проклятое мѣсто! Въ недобрый часъ лѣсовикъ закружитъ тутъ прохожаго или проѣзжаго, такъ что столбнякъ нападетъ... Вотъ ѣдемъ мы. Стала меня дрема томить — отъ жару, что-ли, аль блинками нагрузилась. Хочу, хочу перемочь себя, а глаза такъ и липнутъ, будто медомъ кто ихъ намазалъ. Осунулась, да и окунись въ мертвый сонъ. И вижу во снѣ, вотъ словно тебя, батюшка, — стоитъ передо мною старецъ, сѣденькій, худенькій, немудреный такой, шапка облизанная, да и говоритъ мнѣ:— «Сестра Олимпіада, слышь, сестра Олимпіада, возстань съ одра. Много лѣтъ ищешь ты урочища «стыдно назвать», что отнялъ у твоего прадѣдушки незакон-

ными путями сенатскій курьеръ Лизоблюдкинъ, много денегъ потратилп межевымъ, а все по-пусту. Жаль мнѣ тебя стало, бѣдную, сизую голубицу; хлопочешь, многострадалица, за грѣхи отцовъ твоихъ, и въ дѣвичествѣ изъ того пребываешь. Вотъ и привелъ я тебя къ урочищу «стыдно сказать,» кладъ у тебя подъ ногами, а ты спишь, неразумная? — Испужалась я и обрадовалась; хочу, хочу встать, не могу, словно меня веревками связали по рукамъ и ногамъ. Разсердился старикъ, да и толкни меня посошкомъ въ зубы. Встрепенулась я. Смотрю, оводъ такъ и снуетъ передъ глазами, а губу всю раздуло въ грецкій орѣхъ. Кучеръ-мошенникъ спитъ, подлецъ-холопъ спитъ, вотъ этотъ пострѣленокъ спитъ (тутъ указала Чечеткина на живую машинку, у ногъ своихъ), лошади стоятъ у какой-то ямы, понуря голову, и спятъ. Мѣста незнаемыя, на вѣку моемъ видомъ невиданныя! Грѣхъ таить, пощипала я таки порядкомъ дѣвчонку, зачѣмъ спала, да пуще всего, зачѣмъ не доложила барынѣ, что кучеръ спитъ, а кучера своею владычною рукою потузила по загорбинѣ. Сама люблю, батюшка, управляться—дѣло хозяйское! Уходила на немъ сердце, протерла себѣ глаза, знать отъ сна заплыли, и вижу у ямы прижался къ межевому столбу мужичекъ — сѣденькій, худенькій, шапка общипанная. А за столбомъ цѣлая палестина съ рожью— частая, густая, словно кудель, колосъ-то а колосъ-то, повѣришь ли, батюшка? съ добрую четверть, инда матушкѣ бѣдной тяжело головкой покачивать. Меня дрожь такъ и проняла, говорю мужичку: скажи-ка добрый человѣкъ, куда это мы заѣхали? А онъ и брякни мнѣ съ сердцемъ: урочище «стыдно сказать.» Я такъ и обомлѣла.—«Правду-ли говоришь, добрый человѣкъ?» спросила я его. «А то, можетъ статься, и нагрубить хотѣлъ нехорошею рѣчью.»—«Баю тебѣ, такъ и зовутъ, сказалъ онъ, махнулъ рукой и поплелся по

межѣ. Вотъ, батюшка, десять лѣтъ искала, искала, сколько въ межевыхъ книгахъ порылись, а тутъ благодать какая, за мою добрую душу и сиротство...» (Чечеткина хотѣла было ткнуть ногой живую машинку, да воздержалась). Старичекъ пожаловалъ мнѣ справочку, ужъ подлинно сонъ въ руку... Землица-то, батюшка, десятковъ тысячъ стоитъ, да и деревеньку, что на ней поселена, оттягаемъ. Зато и не дремлю, не таковская голова! Ужь и межевщика наняла, и поколѣнную роспись написали. Пріятель мой, что былъ секретарь уѣзднаго суда, знаешь Сопелкинъ, клянется и божится, что не миновать моихъ рукъ ..» И начала Чечеткина описывать посѣтителю права свои на пустошь «стыдно сказать,» и какъ сутяга, сенатскій курьеръ, оттягалъ ее неправедными путями у дѣдушки ея. Посѣтитель осовѣлъ, начали чертики плясать передъ его глазами, а въ ушахъ будто били въ набатъ. Отуманенный, оглушенный, онъ извинялся недосугомъ по служебнымъ дѣламъ (хоть на службѣ нигдѣ не состоялъ), и утекъ отъ маіорской дочери, давъ себѣ клятву впредь къ ней не заглядывать. Чечеткина, получивъ въ наслѣдство отъ отца и брата въ разныхъ губерніяхъ прекрасныя имѣнія, изъ трехъ сотъ душъ состоявшія, въ томъ числѣ холодненскую, довела эти имѣнія до совершеннаго разстройства безпорядочнымъ управленіемъ и разорила себя въ конецъ сутяжничествомъ. Лѣсъ рубила на продажу, какъ попало, хлѣбъ продавала на корню. Въ одной оброчной деревнѣ крестьяне были такъ истощены и вслѣдствіе того такъ излѣнились, такъ нравственно испортились, что продали большую часть своего скота и оставляли истощенныя поля свои незасѣянными. Съ іюня отправлялись они цѣлымъ обозомъ, будто цыганскій таборъ, въ одну изъ степныхъ губерній для сбора на годовое прокормленіе свое. Изъ такихъ періодическихъ путешествій они сдѣлали даже

родъ промышленности. Надѣвали опаленные кафтаны, намазывали себѣ лицо сажей, и съ женами и малолѣтними оборванными дѣтьми бродили вразсыпную по деревнямъ, возбуждая жалость хлѣбныхъ степныхъ мужичковъ исторіею своихъ пожаровъ. Обильныя подаянія сыпались въ ихъ телѣги. Въ одной изъ деревень или въ лѣсахъ имѣли они свой притонъ, гдѣ дѣлили, безъ обиды одинъ другому, плоды своего промысла. А на возвратномъ пути собирали въ городахъ и денежное подаяніе. Въ такихъ случаяхъ останавливались днемъ за городомъ и проѣзжали его ночью. Прибывъ же въ свои дома съ возами, нагруженными всякимъ хлѣбомъ, и съ туго набитыми кошелями, пропитывались до будущаго подобнаго путешествія, а изъ денежнаго подаянія уплачивали кое-какъ оброкъ и пропивали остальное въ кабакахъ. Маіорская дочь знала все это очень хорошо, но смотрѣла сквозь пальцы на бродяжничество своихъ крестьянъ. Въ подгородной деревнѣ состояніе мужичковъ, довольно работящихъ, держалось еще, какъ подгнившее дерево, которое скрипитъ отъ малѣйшаго вѣтра, но еще даетъ зелень и плоды. Однакожъ, и тамъ собственное хозяйство Чечеткиной было запущено. Скота приходилось у ней на три десятины по одной штукѣ, да и тотъ былъ заморенный. Въ поляхъ она никогда сама не бывала. Луга ея травили чужіе крестьяне, между тѣмъ любила, чтобы ея скотъ пользовался кормомъ на сосѣднихъ паствахъ, а иногда и въ чужомъ хлѣбѣ. Домъ былъ у ней каменный, двухъэтажный, но обгорѣлый. Слышно было, что его подожгли въ ея отсутствіе пьяные дворовые люди. Сама она проживала въ банѣ. Зато уцѣлѣло отъ огня деревянное зданіе, сколоченное изъ досокъ, въ видѣ башни, въ которомъ собирала Чечеткина помадныя банки, пузырьки, бутылки, обломки желѣза, половинки изразцовъ, заржа-

вленные гвозди и всякую подобную рухлядь. Тяжелый замокъ оберегалъ это сокровище отъ хищенія, да при зданіи этомъ, денно и нощно, неотлучно находился перемѣнный сторожъ. Жестокая кара пала бы на этого стража, еслибъ онъ въ урочное время не постучалъ въ чугунную доску, висѣвшую у башни. Обо всемъ, что дѣлалось въ ея отсутствіе, знала Чечеткина отъ своихъ шпіоновъ въ юбкѣ, которыя, по пріѣздѣ ея въ имѣніе, тотчасъ рапортовали ей со всею подробностью; разумѣется, ей докладывали объ однѣхъ мелочахъ, а важныя хищенія и злоупотребленія начальствующихъ лицъ, бывшихъ въ кумовствѣ, сватовствѣ съ этими женскими соглядатаями, закрывались очень осторожно. Птичница украла нѣсколько яицъ и прибила почти до смерти любимаго барышнина индюка; дворовая дѣвка выдрала за волосы такъ-называемаго крестника маіорши, а можетъ быть и болѣе близкаго ея родственника; пьяный мужикъ выбранилъ барыню мотовкою и колотыркой, — таковы были, большею частію, доносы преданныхъ ей лицъ. Особенно любила Чечеткина слушать скандальныя исторіи сосѣдей и даже дворовыхъ людей и крестьянъ. Наконецъ, Чечеткина дошла до того, что все мнѣніе ея было заложено и перезаложено. Отъ кредиторовъ бѣгала она изъ одной деревни въ другую или въ Холодню. Когда она жила въ деревнѣ, ее писали въ такой-то губерніи; когда пребывала въ такой-то губерніи, объявляли, что обрѣтается въ Холоднѣ. Даже разъ отозвались, что уѣхала въ Томскъ. Все состояніе ея висѣло на ниточкѣ, которую порвать могъ первый аукціонъ. Между тѣмъ Чечеткина отыскивала земель съ полъ-уѣзда и деньгами сотни тысячъ.

Вотъ эту-то особу нужно было Горлицыну выжить изъ своего дома. Нелегка была задача.

— Безпокоить меня, дочь заслуженнаго маіора,

для какой-нибудь дѣвчонки, дочери соляного пристава!—кричала она въ окно, когда мимо ея по двору проходилъ хозяинъ дома:—это ни на что не похоже; это одна безстыжая харя можетъ сдѣлать! Да я не позволю надъ собой насмѣхаться. Я поѣду къ самому губернатору. Онъ троюродный братъ моей двоюродной тетки. Какой ни есть хромой Иванычъ долженъ бы, изъ уваженія ко мнѣ, загодя, хоть за нѣсколько мѣсяцевъ, объявить. Нѣтъ, батюшка, со мной шутить нельзя, не таковская досталась тебѣ. Заплатишь мнѣ за протори и убытки.

Горлицынъ не разслышалъ и половины этой филиппики, потому что въ самомъ приступѣ заткнулъ себѣ уши. Такъ и послѣ дѣлалъ, проходя мимо оконъ Чечеткиной.

Созвала маіорская дочка на совѣщаніе синклитъ подъячихъ и начала было диктовать прошеніе въ городническое правленіе съ жалобой на Александра Иваныча. Но только что приказный дописывалъ: «А о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты», какъ явился къ самой Чечеткиной самъ предводитель дворянства. Онъ убѣждалъ ее оставить хоть этотъ процессъ, грозя, въ противномъ случаѣ, присоединить нѣкоторыя новыя нечистыя дѣла ея, дошедшія до его слуха, къ тѣмъ, которыя были уже въ ходу. Надо было видѣть, какъ засверкали ея совиные глаза, какъ зашевелились ея усы и разразился крикъ ея паровика. Подсохинъ не вынесъ и бѣжалъ изъ дому. Но вслѣдъ за нимъ дѣвица Чечеткина, зная свои грѣшки, одумалась и, убѣжденная однимъ изъ задушевныхъ вождей ея процессовъ, переѣхала на другой же день на новую квартиру, поближе къ присутственнымъ мѣстамъ. Только оставила Горлицыну письмо. Въ немъ вывела по пунктамъ, что, вслѣдствіе варварскихъ и неслыханныхъ гоненій ея со двора, лишенія ея нѣсколько дней

пищи и нѣсколько ночей сна, не взирая ни на полъ, ни на дѣвическое, сиротское состояніе и высокое званіе ея, и вслѣдствіе неминуемыхъ чрезъ то расходовъ на переѣздъ, въ томъ числѣ и за гербовую бумагу на прошеніе, которое собиралась писать, она, нижеименованная Чечеткина, отказывается платить хозяину деньги за двадцать два дня, пять часовъ и тридцать двѣ минуты.

Александръ Иванычъ вздохнулъ свободно, когда потерялъ ее изъ виду со всѣмъ скарбомъ ея и челядинцами. Однако-жь озадачило его одно обстоятельство. Въ ящикѣ стола и на полу найдены были какія-то бумаги, иныя съ гербовымъ штемпелемъ. Опасаясь, чтобы Чечеткина не затѣяла процесса о похищеніи этихъ бумагъ во время переѣзда, онъ позвалъ къ себѣ полицейскаго чиновника и просилъ его, освидѣтельствовавъ ихъ и опечатавъ, передать маіорской дочери.

— Уфъ! точно гора съ плечъ свалилась,—сказалъ Горлицынъ, отирая потъ съ лица, и приказалъ комнаты хорошенько вымыть, прибрать и выкурить можжевельникомъ, чтобы духу маіорскаго не пахло. Послѣ того вытребовалъ свою дворовую дѣвку изъ ученія и принялся нанимать ямщиковъ для посылки за Катей. Уговоръ былъ, чтобы лошади были смирныя и добрыя, чтобы кибитка была покойна, съ просторнымъ волчкомъ и двойнымъ рогожнымъ навѣсомъ. Тройка была нанята исправная съ желаннымъ экипажемъ и дешево. Мудрено-ль? Максимъ Ильичъ заплатилъ ямщику болѣе половины денегъ, за которыя былъ этотъ подряженъ, но умѣлъ такъ искусно скрыть свою услугу, что Горлицынъ и не подозрѣвалъ обмана. Горничная засѣла въ кибиткѣ на почетномъ мѣстѣ, въ праздничномъ своемъ нарядѣ, какъ пава на гнѣздѣ, боясь пошевелиться. Филемонъ, взобравшись на облу-

чекъ, гордо глядѣлъ съ высоты на всю холоденскую мелочь, какъ будто ѣхалъ за принцессой крови. Сколько наказовъ было, чтобы берегли барышню, какъ зеницу ока, съ горъ потише спускались, по ночамъ не ѣздили, на надежныхъ дворахъ останавливались! Наконецъ, кибитка тронулась со двора. Долго провожалъ ее глазами Александръ Иванычъ, крестя вслѣдъ ей. Затѣмъ онъ, вмѣстѣ съ молодымъ слугой, котораго также вытребовалъ ради торжественнаго случая, принялся холить садикъ, проводить по немъ новыя дорожки, усыпать ихъ пескомъ, обрѣзывать и подвязывать кусты и давать всему, сколько возможно, лучшій видъ. То зайдетъ съ одной стороны, то съ другой, какъ бы все это сдѣлать пріятнѣе для глазъ. Портретъ жены его, исполненный художническою кистью и очень схожій, былъ поставленъ въ комнату, назначенную для Катиной спальни. Этотъ портретъ писалъ живописецъ грекъ, не изъ денегъ, а изъ любви къ искусству. Въ проѣздъ свой черезъ Нѣжинъ, увидавъ жену Горлицына вскорѣ послѣ ихъ свадьбы, онъ былъ пораженъ ея типическою южною красотой до того, что пожелалъ сохранить ея черты на полотнѣ и написалъ два портрета, одинъ для мужа, а другой для себя. Къ встрѣчѣ Кати придумано даже было, вмѣстѣ съ Максимомъ Ильичемъ, чтобы Ваня сказалъ пріѣзжей стихи, которые недавно читалъ такъ хорошо графинѣ и которые общимъ совѣщаніемъ найдены приличными для произнесенія на этотъ торжественный случай. Подсохинъ, узнавъ объ этомъ, порывался было написать своего рода привѣтствіе, но отдѣлались отъ этого сочиненія по той причинѣ, что мальчикъ не любитъ учить на память прозу.

Съ трепетомъ сердечнымъ сталъ Горлицынъ дожидаться прибытія молодой хозяйки, какъ онъ называлъ свою Катю. То выбѣгалъ по нѣскольку разъ въ день

на высокій берегъ Холодянки и смотрѣлъ, не видать-ли на мосту кибитки съ извѣстною тройкой и людьми. То доходилъ до самаго моста и караулилъ тутъ проѣзжихъ. Вездѣ являлся онъ щеголемъ, въ нарядной парѣ изъ англійскаго сукна, да и малому своему строго наказывалъ, чтобы одѣвался какъ можно опрятнѣе и поменьше сопѣлъ, этого-де барышня не любитъ. Даже по ночамъ вставалъ съ постели и, отворивъ окно, прислушивался, не усиливается-ли звукъ колокольчика, повременамъ едва отзывавшійся вдали.

Между тѣмъ, вотъ что происходило съ Катей, ожидаемой такъ нетерпѣливо въ Холоднѣ. Во первыхъ, надо сказать, что отецъ ея не преувеличилъ нимало, назвавъ ее красавицей. Передъ ней становились подруги на колѣни съ знаками обожанія. Посѣтители института, не смѣя вслухъ восторгаться ея наружностью, нерѣдко останавливались передъ ней, какъ будто изумленные собраніемъ столькихъ наружныхъ совершенствъ въ одномъ лицѣ. Даже самыя женщины, увидавъ ее, невольно говорили: «какъ она хороша!»—«А что моя красавица?» спрашивала о ней нерѣдко государыня.

Тонкія правильныя черты, возвышенный лобъ, густые, черные волосы, очертаніе губъ, едва оттѣненныхъ нѣжнымъ пухомъ, станъ, ростъ, формы,—все въ ней было изящно, роскошно. Развѣ прибавимъ, что въ черныхъ глазахъ ея, осѣненныхъ длинными рѣсницами, подъ черными дугами бровей, почти сходившихся вмѣстѣ и придававшихъ ей нѣсколько гнѣвный видъ, не было игриваго блеска, не было нѣги. Въ нихъ—какъ-бы сказать сравнительно?—отражался зной лѣтняго дня съ его грозовыми тучами. Взглядъ ихъ, глубокій, вдумчивый, чарующій, налегалъ на васъ тяжело, томительно, могъ возбуждать только страсть въ страстной душѣ, а не привлекать къ себѣ

легкія натуры. Смуглый отливъ ея кожи, съ весьма слабымъ румянцемъ на щекахъ, напоминалъ въ ней кровную расу южной страны. Смотря на портретъ ея матери, гречанки, которую художникъ съ такою любовью передалъ полотну, можно-бы подумать, что онъ списалъ его съ дочери. И въ характерѣ Кати было что-то южное. Со всѣми подругами своими она была хороша; но, избравъ разъ одну изъ нихъ въ друзья себѣ, предавалась ей совершенно и ни съ кѣмъ ужь болѣе не дѣлила своихъ задушевныхъ мыслей и чувствъ, какія могутъ быть только у институтки. Для нея готова она была на всякія жертвы. Сколько разъ Катя принимала на себя вину своего друга! Ученію предавалась она горячо. Внѣ классовъ, когда она не занималась уроками, видали ее занятою горячею бесѣдой съ ея другомъ, или одну, погруженную въ глубокую, не по лѣтамъ, задумчивость. Если-жь и разыгрывалась Катя, что случалось очень рѣдко, то это была мгновенная, бурная вспышка, которая въ нѣсколько минутъ пробѣгала электрическимъ токомъ по всей вереницѣ ея подругъ и разстраивала чинный порядокъ заведенія. Она была такъ добра, что готова была отдать лучшую свою вещь той, которой эта вещица понравилась. Зато глубоко принимала обиду и не скоро прощала ее. Когда она вышла изъ института, ей было восемнадцать лѣтъ.

Въ самый Петровъ день Катя пріѣхала въ Москву. Она застала ужь тамъ посланныхъ отцомъ ея. Катя очень имъ обрадовалась, поцѣловала стараго слугу и свою новую горничную, разспрашивала ихъ долго объ отцѣ, объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о Холоднѣ. Посланные со всею дипломатическою тонкостью старались представить все холоденское въ благопріятномъ видѣ. Не смотря на убѣжденія своей подруги и матери ея, Катя, простившись съ ними не безъ слезъ и обѣщавъ

другу своему переписываться съ нею до гроба, отправилась въ путь съ первымъ просвѣтомъ зари.

Дорогой все ее восхищало: и живописныя мѣста, увѣнчанныя Мячковскимъ курганомъ, и крики дѣвочекъ просившихъ булавочки, и длинные ряды косцовъ въ красныхъ рубашкахъ, разсыпанныхъ по широкимъ, привольнымъ москворѣцкимъ лугамъ, и пестрыя вереницы крестьянокъ, раскидывавшихъ для просушки скошенную за два дня траву. Она рукою навѣвала на себя воздухъ, напитанный ароматическимъ запахомъ травъ, и съ наслажденіемъ дышала имъ.

Наканунѣ лилъ цѣлыя сутки дождикъ, и ямщикъ, боясь вязкаго пути въ крутую гору у Мячковскаго кургана и за нею по глинистой дорогѣ, по которой надо было плестись шагомъ до самыхъ Б—цъ, рѣшился ѣхать окольною дорогой. Здѣсь (немного пониже того мѣста, гдѣ нынѣ устроенъ пловучій судовой мостъ на шоссейной дорогѣ) былъ переѣздъ вбродъ черезъ Москву-рѣку. Ямщикъ ручался головой, что перевезетъ барышню безъ опаски: «сто разъ переѣзжалъ»,—говорилъ онъ. Къ тому-жь люди Горлицына только за два дня ѣхали тутъ же безъ приключеній. Поколебался однако-жь старый слуга, снялъ въ раздумьи разъ и другой фуражку и опять надѣлъ, не преминувъ почесать голову. Но въ то же время зазвенѣлъ чужой колокольчикъ. Какой-то баринъ, въ щегольской бричкѣ, на тройкѣ прекрасныхъ лошадей, догналъ кибитку и смѣло поворотилъ съ большой дороги на луговую. Тутъ слугѣ Горлицына нечего было раздумывать. Онъ приказалъ ямщику слѣдовать за бричкой и не отставать отъ нея. Подъѣхали оба экипажа къ берегу рѣки. Широко разстилались по немъ песчаныя, голыя отмели, на которыхъ волны оставили свои слѣды грядами; слышенъ былъ грустный, однообразный плескъ рѣчного прибоя; по рѣкѣ не ходили

валы, но какъ-то порывисто, страшно бѣжали густые, какъ массы растопленнаго стекла, воды, мутныя отъ вчерашняго дождя, и, казалось, готовы были захлебнуть все, что преграждало имъ ходъ. Видъ этотъ немного смутилъ молодую дѣвушку. Передовой экипажъ, на которомъ откинутъ былъ верхъ, чтобы онъ не парусилъ, спустился въ рѣку. Надо было искусно пробираться извилинами по гребню, образовавшемуся на днѣ рѣки, чтобы не попасть въ глубокіе омуты, находившіеся близъ самаго гребня. Правившій лошадьми долженъ былъ, какъ опытный кормчій, знать здѣсь всѣ удобныя и опасныя мѣста. Черезъ нѣсколько саженей господскій кучеръ сталъ забирать влѣво, но ямщикъ не послѣдовалъ за нимъ и взялъ крутымъ поворотомъ вправо, сказавъ только: «Щеголь! неладно ѣдетъ; не потонуть-бы имъ».—«Такъ закричиже имъ», — сказала испуганная Катя. — Только-что успѣла она это выговорить, а ямщикъ закричалъ. «бери вправо, олухъ, дуракъ ты этакой, оселъ вислоухій, утопишь ни за что барина!» какъ вся господская тройка разомъ погрузилась въ воду, такъ что стали видны только головы лошадей. Бричку начало покачивать и вскорѣ заливать. Господинъ и слуга, сидѣвшій подлѣ него, поджали подъ себя ноги; ноги у кучера и сидѣвшаго съ нимъ рядомъ другого слуги болтались въ водѣ. Казалось, эти люди плыли на какихъ-то обломкахъ экипажа. Лошади боролись съ сильнымъ потокомъ, увлекавшимъ ихъ внизъ по теченію рѣки, навострили уши и храпѣли, поднявъ свои морды. Видно было, что онѣ потеряли подъ собою землю и начали плыть. Кучеръ, доселѣ молодцоватый и самонадѣянный, растерялся: то ухватится одною рукой за желѣзный ободокъ козелъ, чтобы не свалиться съ нихъ, то дернетъ безъ толку лошадей. Голосъ его замеръ. Колокольчики уныло переговаривали по во-

дамъ. — «Господи, спаси ихъ! Милосердый Боже, спаси!»—закричала внѣ себя Катя, высунувшись изъ кибитки и поднявъ руки. Баринъ, сидѣвшій до того въ какомъ-то угрюмомъ спокойствіи, слышалъ эти слова. Онъ взглянулъ на ту, которая ихъ произнесла, привсталъ разомъ съ своего мѣста, не смотря на то, что долженъ былъ погрузить ноги въ воду, наполнявшую уже экипажъ, вырвалъ у кучера возжи и съ окликомъ, огласившимъ оба берега, круто и сильно повернулъ лошадей въ правую сторону. Животныя, возбужденныя этимъ повелительнымъ голосомъ, казалось, получили новыя силы, рванулись куда были направлены и грудью пошли противъ напора стремнины, валившей на нихъ. Борьба была отчаянная, на жизнь и смерть! Вскорѣ однако-жь лошади ухватились передними ногами за гребень, по которому ѣхала кибитка. Сначала вынырнула изъ воды холка ихъ, потомъ показалась и спина; наконецъ, приподнялся и экипажъ. Тутъ ужь не было болѣе опасности. Лицо Кати просіяло: она перекрестилась. Въ это время бричка начинала сближаться съ кибиткой. Господинъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія кучеру, спокойно передалъ ему возжи. Садясь на свое мѣсто, онъ скинулъ картузъ и глубоко поклонился Катѣ. Онъ слышалъ, какъ молилась спутница его, посланная въ эти роковыя минуты самимъ Провидѣніемъ для его спасенія, успѣлъ только мелькомъ увидать ея лицо, испуганное, но прекрасное, черные и выразительные глаза, обращенные къ небу; потомъ, когда онъ выбрался изъ опасности, видѣлъ, какъ было радостно ея лицо, какъ она крестилась,—и глубоко сохранилъ въ душѣ своей эти мимолетныя видѣнія. Не могла также не оставить сильнаго впечатлѣнія въ душѣ Кати ужасная картина, которой она была зрительницей. Навсегда врѣзались въ ея памяти и сердцѣ бѣгущія мутныя воды, готовыя ра-

зомъ поглотить четырехъ человѣкъ, и вставшій изъ среды ихъ статный мужчина, который, какъ-бы могучій кормчій, схватилъ руль погибавшаго въ волнахъ судна и разомъ вынесъ его изъ опасности. Какъ хорошъ, величавъ былъ незнакомецъ, съ распущенными по вѣтру волосами, среди грозной стихіи, надъ которою, казалось, господствовалъ! Этотъ видъ долженъ былъ сильно поразить дѣвушку, воспитанную въ стѣнахъ института-монастыря, гдѣ все такъ тихо и правильно, гдѣ всѣ дни такъ похожи одинъ на другой. Подобное зрѣлище могла она видѣть развѣ на гравюрѣ, изображающей Петра Великаго на ладьѣ, съ изломанною мачтою, во время морской бури. Оба экипажа благополучно переѣхали на другой берегъ, но съ этого времени щегольская бричка слѣдовала ужъ за смиренною кибиткой.

Пріѣхали въ Б—цы. Тогда тамъ не было гостиницы. Лучшій постоялый дворъ находился на главной улицѣ. Въ него въѣхали, одна за другою, кибитка и бричка. Изъ кибитки выползла сначала горничная; за нею только-что успѣла Катя ступить на подножку, ее принялъ не одинъ старый слуга, а еще незнакомое лицо. Это былъ спутникъ ея, въ которомъ она принимала такое живое участіе. Лицо его было выразительно и привлекательно. Ему могло быть лѣтъ тридцать съ небольшимъ, но серебряныя нити изрѣдка пробирались уже въ густыхъ каштановыхъ волосахъ. Катя могла это замѣтить, потому что незнакомецъ скинулъ свой картузъ. Катя безъ жеманства подала ему руку свою и, сходя съ подножки, принуждена была опереться на его руку.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ съ чувствомъ:— вамъ обязанъ я спасеніемъ своей жизни, и этого никогда не забуду.

— Помилуйте, что-жь я могла сдѣлать?—отвѣчала

Катя краснѣя:—это мой ямщикъ... А какъ я перепугалась за васъ!

— Съ тѣхъ поръ могу дорожить жизнью,—сказалъ незнакомецъ, но, увидѣвъ, что спутница его еще болѣе краснѣла отъ его словъ, примолвилъ:—позвольте васъ спросить, кому обязанъ я такъ много?

Катя сказала свою фамилію, прибавила, что ѣдетъ изъ института въ Холодню къ отцу своему, тамошнему соляному приставу, поклонилась привѣтливо незнакомцу и быстро поднялась на лѣстницу. Нѣсколько минутъ простоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, изумленный красо, той своей спутницы, простотой ея манеръ и рѣчи и смотрѣлъ ей долго вслѣдъ, хотя она ужь исчезла.

Онъ остановился въ комнатѣ рядомъ съ тою, которую заняла Катя, и имѣвшею особенный входъ Чувствуя ознобъ отъ сырости, такъ долго державшейся въ его обуви, онъ желалъ бы напиться чего-нибудь горячаго; но не велѣлъ людямъ своимъ требовать самоваръ, единственный на постояломъ дворѣ, пока не напьется сосѣдка. Какъ же удивился онъ, когда старый слуга ея принесъ къ нему самоваръ.—«Барышня велѣла отнести къ вамъ»,—сказалъ Филемонъ,—«вамъ нужнѣе; небось, порядкомъ намокли. Извольте-ка поскорѣе горяченькаго испить: это больно пользительно».—Разумѣется, сосѣдъ, тронутый такимъ вниманіемъ хорошенькой сосѣдки, разсыпался въ благодарностяхъ. Она слышала ихъ за перегородкой.

Филемонъ былъ любопытенъ. Онъ скоро узналъ отъ людей этого господина, что его зовутъ Иванъ Сергѣевичъ Волгинъ, что онъ очень богатъ, имѣетъ помѣстья въ разныхъ губерніяхъ и ѣдетъ въ Холодню хлопотать о вводѣ во владѣніе прекраснымъ имѣніемъ, которое недавно досталось ему въ Холоденскомъ уѣздѣ. Ему было только тридцать четыре года, да рано сѣдина въ головѣ засѣла, и немудрено—много горя въ

жизни видѣлъ: женился очень молодъ, а съ женою радостей не зналъ. Была больно зла, оттого вскорѣ послѣ брака и съ ума рехнулась, съ тѣмъ года два тому назадъ и въ землю пошла. Дѣтей у нихъ не было. Баринъ же душа предобрая; житье у нихъ такое, что и на волю не захочешь. Только часто одолѣваетъ его тоска, инда подчасъ жалко на него смотрѣть.

— Славный женишокъ былъ бы для барышни, даромъ что сѣдина въ волосахъ пробиваетъ—подумалъ Филемонъ, но не сказалъ вслѣдствіе дипломатической осторожности. Это разсужденіе про себя закончилъ вѣрный ричардъ глубокимъ вздохомъ, который можно бы перевесть слѣдующимъ образомъ: да гдѣ-жь нашей бѣдной холоденской пташкѣ залетать въ такія высокія хоромы!

Камердинеръ Волгина спросилъ Филемона, не знаетъ-ли онъ хорошенькой квартиры для его барина.— Цѣну дадимъ хорошую,—промолвилъ онъ.—Какъ не знать! Словно нарочно къ этой оказіи, напротивъ дома Горлицына отдавались четыре комнаты въ домѣ безсемейнаго купца, который хотя и въ нуждѣ, а ищетъ смирнаго, хорошаго постояльца. Не хотѣлъ отдать барынѣ Чечеткиной оттого, что большая сутяжница и дѣвокъ больно бьетъ. Сниметъ съ себя башмачище, въ пору доброму мужику, да и начнетъ шлепать по щекамъ; а каковъ часъ, и скалкой отваляетъ. Чего-жь лучше этой квартиры для Волгина! На обоюдныхъ любезностяхъ слуги сосѣда и сосѣдки выпили нѣсколько паръ чайку, съ пожеланіями оставаться сосѣдями и въ Холоднѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ лошади нашихъ путешественниковъ были выкормлены и отдохнули. Кибитку подали къ крыльцу, но бричка стояла на дворѣ незапряженная. Катя, прежде чѣмъ сѣсть въ свой бѣдный

экипажъ, осмотрѣлась, какъ будто искала и надѣялась встрѣтить своего временного сосѣда. Ее началъ сильно занимать незнакомецъ. Ужь и она стала думать, не само-ли Провидѣніе назначило имъ первое роковое свиданіе на переправѣ. Не проѣзжай она вò-время съ надежнымъ ямщикомъ вбродъ, немудрено, что незнакомецъ могъ бы потонуть. То представлялся онъ ей сидящимъ спокойно, во время опасности, то видѣла, какъ онъ, будто по слову ея, разомъ вышелъ изъ своей апатіи и энергически вывелъ экипажъ изъ омута, который готовъ былъ поглотить его. Не укрылись отъ взгляда Кати и раннія его сѣдины, и грусть, оттѣнявшая его блѣдное лицо. Мудрено-ль, что интересъ происшествія, вмѣстѣ съ чувствами удивленія къ его отвагѣ, и состраданіе къ нему сильно зашевелили ея пылкое воображеніе и доброе сердце. Невольно вспомнила она слова его: «съ этихъ поръ могу дорожить жизнью».—Не простое, приличное только къ случаю, привѣтствіе заключалось въ нихъ: слышалось въ голосѣ его глубокое, задушевное чувство.

Волгинъ не вышелъ въ сѣни проводить Горлицыну, чтобы изъ этого не сдѣлали какого-нибудь заключенія дворовые ихъ люди и хозяева постоялаго двора, охотники, какъ и вся братья ихъ, выводить изъ всякой бездѣлицы догадки своего рода. Для этой же причины онъ не хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за нею. Между тѣмъ сильно затронула и его сердце интересная Катя Горлицына со всею романическою обстановкой настоящаго дня.

Наконецъ Катя въ Холоднѣ. Отецъ въ парадномъ платьѣ сторожилъ на берегу Холодянки. Она выпрыгнула изъ кибитки и упала въ его объятія. Ласкамъ съ обѣихъ сторонъ не было конца. Александръ Иванычъ не насмотрится на нее, не налюбуется ею. Любовь его къ дочери была какая-то благоговѣйная, какъ

будто не къ земному существу. Такъ дивно хороша она ему кажется, такъ напоминаетъ мать свою! Пошли въ гору. Горлицынъ задыхался отъ усталости и радости. Катя хотѣла вести его подъ руку; онъ долго спорилъ, наконецъ побѣда осталась за нею. Въ нѣсколько минутъ осмотрѣла она свое новое жилище, находила его слишкомъ обширнымъ, просила отца обмѣняться комнатами: на этотъ разъ онъ восторжествовалъ. Увидавъ портретъ матери въ своей спальнѣ, она со слезами пала передъ нимъ на колѣни. Ей казалось, мать улыбалась ей, посылала ей свой привѣтъ и благословеніе. Не знала Катя, какъ благодарить отца за то, что помѣстилъ съ нею въ спальнѣ такую дорогую подругу. Отнынѣ будетъ она ежедневно отдавать ей отчетъ въ каждомъ тайномъ помыслѣ, въ каждомъ необыкновенномъ движеніи души. Птичкой облетѣла она садъ; полюбовалась цвѣтами, подышала ихъ запахомъ, приколола розы къ груди, въ волосы, съ межи садика успѣла налюбоваться живописными видами.

— Боже мой! какъ это хорошо! да это рай земной!—твердила она.

— Это все твое, душа моя,—говорилъ Александръ Иванычъ.

— Все мое!—восклицала она и цѣловала руки у отца, какъ будто принимала отъ него въ даръ домъ, садъ, окрестность, все, что глазами могла только окинуть.

Съ этого времени онъ называлъ ее молодою хозяйкой.

На третій день Горлицынъ, счастливый, гордый, выпросивъ экипажъ у Пшеницына, повезъ свою молодую хозяйку съ визитами по городу. Вездѣ, куда пріѣзжалъ, казалось, говорилъ: — смотрите, какова моя Катя! полюбуйтесь ею!—И какъ было ему не гордиться такимъ сокровищемъ? Вездѣ показала она себя

скромною, любезною, привѣтливою; нигдѣ не выставляла превосходства своего воспитанія и ума надъ дѣвицами, мало образованными, съ которыми познакомилась; со всѣми изъ нихъ охотно дѣлилась новостями о покроѣхъ платья и разныхъ петербургскихъ нарядахъ, которые составляютъ важный предметъ любопытства даже не однѣхъ провинціалокъ. Всѣ хвалили ее, нѣкоторыя съ завистью, большая часть отъ искренняго сердца. Во всѣхъ домахъ, гдѣ она была съ отцомъ, говорили: «Ну ужь дочка у соляного пристава! Нечего сказать, красавица таки, и разумница, и уважительна къ старушкамъ. Вѣдь сама государыня жаловала ее въ институтѣ. Не худо-бы, дочки, и вамъ перенимать ея деликатность и придворное обращеніе. Уродилась, видно, подъ счастливой планидой. Только врядъ-ли скоро женишка найдетъ: безприданница! Отецъ голъ, какъ соколъ, а красота не одѣваетъ и не кормитъ. За бѣднаго идти самой не приходится, изъ куля да въ рогожу».—Но маіорская дочь Чечеткина, не видавши Кати въ лицо, съ особенною злобой отзывалась, что однѣ холоденскія неотесанныя дуры могутъ найти въ ней что-нибудь хорошее; амбиціи вовсе не имѣютъ, унижаются передъ дочерью соляного пристава. Даже готова была затѣять процессъ о томъ, что пріѣзжая и не такъ красива, и не такъ воспитана, какъ объ ней говорятъ.

Ваня Пшеницынъ мило прочелъ Катѣ стихи. Мальчикъ ей очень понравился. Она цѣловала его въ дутыя, румяныя щечки, въ глаза, исполненные живости и наблюдательности, убирала его шелковыя кудри, падавшія по плечамъ. Объявила также, что онъ отнынѣ будетъ ея пажемъ. Когда-жь узнала, что его зовутъ Ваней, еще болѣе осыпала его своими ласками. Замѣтивъ книжный выговоръ его, когда онъ произносилъ стихи, вѣроятно, по примѣру своего наставника-

семинариста, вызвалась, отъ нечего дѣлать, давать мальчику уроки въ томъ, что сама знала. Александръ Иванычъ боялся, что это будетъ ей трудно. Пшеницыны обрадовались предложенію, но совѣстились принять его, хотя втайнѣ и имѣли намѣреніе сыскать случай поприличнѣе отблагодарить дочь Горлицына. Катя настояла на своемъ. Восьмилѣтній мальчикъ очень любилъ ласки дѣвицъ и дамъ, только хорошенькихъ, любилъ цѣловать ихъ бѣлыя, нѣжныя ручки и засматриваться на ихъ глазки. Онъ прыгалъ отъ радости, что его учителемъ будетъ хорошенькая Катя вмѣсто долгополаго семинариста, у котораго голова съ овинъ, вѣчно въ пуху, голосъ гнусливый, какъ будто ему прищемили чѣмъ нибудь носъ; къ тому-жь говорилъ не такъ, какъ другіе люди, всегда на *о* и на *аго*, свысока; иной разъ и не разберешь, что толкуетъ.

Катя была въ восторгѣ отъ всего, что нашла въ Холоднѣ и особенно отъ своего домика и садика. Но повременамъ закрадывалось въ ея сердце воспоминаніе о переправѣ черезъ рѣку и образъ интереснаго дорожнаго спутника. Не могла она дать себѣ отчета, къ чему, на какой конецъ всѣ эти думы, эти впечатлѣнія. Вѣдь она дочь незначительнаго соляного пристава, а Волгинъ, очень богатый человѣкъ, вѣроятно ужь и забылъ странную встрѣчу, которая только для нея, простодушной институтки, была занимательна. Онъ и не думаетъ объ ней: это легко понять изъ того, что давно пріѣхалъ въ городъ, а въ домѣ ихъ не показывается.

Она разсказала отцу все, что съ нею случилось въ дорогѣ, утаивъ, разумѣется, впечатлѣніе, произведенное на нее Волгинымъ. Александръ Иванычъ крестился и благодарилъ Бога, что дочери послалъ счастливый случай спасти отъ такой бѣды четырехъ чело-

вѣкъ, а пуще всего, что сама избавилась отъ бѣды. Не скрыла, однакожъ, Катя отъ отца своего, что слышала о Волгинѣ отъ стараго слуги.

— Кабы видѣли, папаша, какой онъ бѣдненькій, грустный,—говорила она.—Если придетъ, приласкайте его хорошенько.

— Какъ же, какъ же, душечка,—отвѣчалъ Горлицынъ. — Жаль, человѣкъ не старый, а сколько горя претерпѣлъ! Только нейдетъ что-то, а видѣли его въ судѣ дня съ три.

Эти слова заставили Катю сказать про себя съ досадой: «Какой же онъ негодный!»

Дѣйствительно, Волгинъ дня съ четыре былъ въ Холоднѣ; но, противясь, неизвѣстно по какой причинѣ, собственному желанію увидать Катю и переѣхать на квартиру противъ Горлицына, о которой ужь много ему говорили, искалъ себѣ, съ необыкновеннымъ упрямствомъ, по разнымъ частямъ города другого помѣщенія. Однакожь удобной квартиры нигдѣ не отыскалось, и онъ поневолѣ пошелъ смотрѣть ту, которую указывалъ Филемонъ его людямъ. Катя видѣла изъ своего садика, какъ Волгинъ пошелъ осматривать домъ сосѣда, какъ вышелъ изъ него, послѣ, на другой день, въ него переѣхалъ и выѣзжалъ со двора, но ни разу ему не показалась. А онъ—онъ желалъ увидать хотя край ея одежды. Странно! Ему стоило только сдѣлать нѣсколько шаговъ черезъ улицу, чтобы увидать ее самоё. Наконецъ онъ не выдержалъ и послалъ своего слугу къ Горлицыну просить позволенія представиться ему, приказавъ также сказать, что онъ тотъ самый, который обязанъ такъ много Катеринѣ Александровнѣ. Горлицынъ отвѣчалъ, что будетъ очень радъ дорогому гостю. Во время этихъ переговоровъ сердце Кати сильно замирало. Она желала и какъ будто боялась этой встрѣчи.

Гость былъ принятъ на парадной половинѣ Катерины Александровны. Молодая хозяйка не показывалась. Съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись простыми, задушевными привѣтствіями. Волгинъ извинялся, что ранѣе не исполнилъ своей обязанности за недосугами по дѣламъ въ судѣ. Катя все еще не приходила. Отецъ, отворивъ нѣсколько дверь въ другую комнату, сказалъ: «Что-жь ты, Катя, нейдешь посмотрѣть на утопленника съ того свѣта? А сама еще...» Онъ не договорилъ, потому что дочь лукаво погрозила ему пальцемъ.— «Сейчасъ»,—былъ отвѣтъ изъ другой комнаты. Какъ ни старалась она, махая на себя вѣеромъ, освѣжить свое лицо, на которомъ румянецъ жарко разыгрался, не могла въ этомъ успѣть и вынуждена была, съ разгорѣвшимся лицомъ показаться гостю. Обворожительно хороша она была въ эту минуту! Красота ея, не обремененная дорожными принадлежностями одежды, въ которой видѣлъ ее Волгинъ, озаренная горячимъ душевнымъ колоритомъ, такъ смутила его, что онъ растерялся и видимо отыскивалъ слова, чтобы начать съ нею разговоръ. Въ эти минуты можно было принять его за новичка въ свѣтѣ и даже не очень умнаго. Но, оправившись, онъ успѣлъ завязать съ Горлицынымъ интересный разговоръ, въ которомъ выказалъ умъ свой, знаніе, людей и образованіе, довольно рѣдкое въ тогдашнее время. Старику онъ полюбился съ перваго раза. Потомъ обратился къ Катѣ, разспрашивалъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ на нее Холоднею, не позволяя себѣ ни малѣйшей насмѣшки на счетъ городского общества, какъ это обыкновенно дѣлаютъ пріѣзжіе изъ столицъ въ провинцію, и спросилъ, не скучаетъ ли она о Петербургѣ.

— Мнѣ здѣсь такъ хорошо, какъ нигдѣ не бывало,—отвѣчала она.—Скромная жизнь здѣшняя мнѣ очень нравится. Тамъ я жила въ палатахъ; вспоминаю

о нихъ съ благодарностью, съ любовью, потому что въ нихъ получила воспитаніе. Все-таки это была клѣтка, хоть и золотая... Но здѣсь, по милости папаши, я хозяйка, вольная птичка. А посмотрите сюда (она указала Волгину изъ окошка на видъ за рѣкой): это все мои владѣнія. Никто не мѣшаетъ мнѣ наслаждаться ими.

— И ничто?—спросилъ Волгинъ.

— И покуда ничто,—сказала Катя.

Вскорѣ Горлицына стали вызывать въ другую комнату по дѣламъ службы. Ему надо было идти, а между тѣмъ онъ совѣстился оставить гостя. Волгинъ замѣтилъ это и спѣшилъ сократить свое первое посѣщеніе. Но черезъ день пришелъ опять.

Молодая хозяйка повела своего гостя въ садъ, и отсюда указала ему на лучшіе виды. Слова ея придавали каждому предмету тотъ художественный или поэтическій образъ, который только избранныя натуры могутъ угадывать и уловить въ созданіяхъ природы и искусства, въ наружности и душѣ человѣка. Волгинъ восхищался садомъ, восхищался мѣстностью, но болѣе увлекательною, живописною рѣчью своего прекраснаго чичероне.

— Если вы такъ любите природу,—сказалъ онъ ей:—чтожь съ вами станется, когда всю эту прекрасную картину застѣлятъ снѣга?

— А люди? развѣ ихъ нѣтъ здѣсь? Со мною отецъ, который для меня все. Здѣсь я нашла добрыхъ и любезныхъ людей въ семействѣ предводителя, еще коегдѣ. Вотъ, даже въ семействѣ купца Пшеницына... Вы съ нимъ, конечно, не успѣли еще познакомиться?

— Купца? нѣтъ.... я еще.... не познакомился. Да чтожь, особенно вамъ, съ вашимъ образованіемъ, можно найти пріятнаго въ семействѣ холоденскаго купца?

— Познакомьтесь, и вы скажете совсѣмъ другое. У этого купца прекрасная русская библіотека. Такой, конечно, нѣтъ у всѣхъ дворянъ вмѣстѣ здѣшняго уѣзда. Этотъ купецъ живетъ съ большимъ приличіемъ. Не говорю вамъ объ его домѣ: въ немъ найдете, вмѣстѣ съ роскошью, вкусъ и любовь ко всему прекрасному. Скажу только, что онъ выписываетъ иностранца-учителя для своего сына, премиленькаго мальчика, что онъ хочетъ дать ему отличное воспитаніе.

— Вы меня удивляете!

— Познакомьтесь, я вамъ совѣтую, и полюбите тамъ моего пажика Ваню. Видите, я ужь набираю здѣсь свой холоденскій штатъ.

— И вѣрно, успѣшно. Вамъ стоитъ только взглянуть, сказать слово, и преданные служители стекутся къ вамъ со всѣхъ сторонъ. А меня, старика... приняли бы вы въ число ихъ, этихъ вѣрныхъ, преданныхъ служителей?

— Старика? (Катя засмѣялась при этомъ словѣ). Какой же вы старикъ?... Васъ я.... знаете ли, какую должность я бы вамъ дала?

— Желалъ бы очень знать, къ чему удостоите.

— Васъ сдѣлала бы я начальникомъ своего холоденскаго флота. Вы такъ отважны на водахъ....

— Могъ бы я сказать: немудрено; я служилъ во флотѣ. Но, чтобъ не солгать, скажу: меня, въ опасныя минуты, на которыя вы немекаете, одушевляли вашъ взглядъ, слова, которыя вы произнесли, когда молились за насъ и, скажу еще болѣе, желаніе жить, отъ котораго я было отвыкъ....

— Развѣ вамъ такъ рано наскучила жизнь?

— Наскучила было; я сдѣлался ипохондрикомъ. Но.... вы говорили, что поручили бы мнѣ свой холоденскій флотъ. Я почелъ бы за счастіе быть хоть ру-

левымъ на томъ кораблѣ, на которомъ вы сами поплывете. О! тогда не боялся бы ни бурь, ни подводныхъ скалъ.

— Благодарю васъ. Но, какъ вы скоры!... Я не успѣла еще заслужить такой горячей преданности. Мы видимся только въ третій разъ.

— А путешествіе по водамъ? Оно стоитъ годовъ знакомства. Не вамъ ли обязанъ....

— Это сдѣлалъ Богъ.

— Но вы были орудіемъ Его.

— Благодарю за это Бога и буду вѣчно въ молитвахъ своихъ благодарить.

— Поэтому вы будете помнить и спасеннаго вами?

— Ужь конечно.

— Забудете.

— Никогда!

Это слово было такъ энергически сказано, какъ будто бы Катя давала священный обѣтъ въ роковую минуту жизни. Кажется, болѣе съ обѣихъ сторонъ нельзя сказать: такъ скоро увлеклись они чувствомъ, которое старались оправдывать предопредѣленіемъ судьбы.

Въ одно изъ первыхъ затѣмъ посѣщеній Волгина, Катя, замѣтивъ, что сосѣдъ былъ очень грустенъ, сказала ему:—Знаете-ли, я желала бы видѣть въ своемъ штатѣ людей веселыхъ, счастливыхъ. А вы... Катя не докончила.

— Говорите.

— Я только-что со школьной скамейки и потому скажу вамъ съ простодушіемъ институтки и участіемъ доброй сосѣдки: на лицѣ вашемъ вижу часто грусть, которая какъ будто васъ преслѣдуетъ. Вотъ теперь... признайтесь.

— Слѣды меланхолическаго характера... Еще прибавлю—и я буду съ вами откровененъ, какъ предан-

ный вамъ человѣкъ—можетъ быть оттого, что я въ жизни своей не зналъ счастія, именно сердечнаго, душевнаго счастія. Лучше скажу, я былъ очень, очень несчастливъ. Но какъ же вы... замѣтили?

— Видно, у женщинъ есть для этого особенный инстинктъ. Какъ, отчего,—я вамъ теперь не растолкую. Когда-нибудь послѣ... съ лѣтами, съ опытомъ, хотѣла я сказать... я до этого дойду.

— А вашъ инстинктъ отгадаетъ-ли, что у меня теперь на сердцѣ, кромѣ печальныхъ мыслей о прошедшемъ?

— Теперь?... Нѣтъ, моя премудрость отказывается отъ этой разгадки.

— Жаль, вы прочли бы въ этомъ сердцѣ надежды на лучшіе дни. Можетъ быть, безразсудныя надежды! но все-таки онѣ обольстительны. Не знаю, что сталось бы со мною безъ нихъ.

Подошелъ къ собесѣдникамъ Александръ Иванычъ, который до этого обрѣзывалъ сухіе сучья на деревьяхъ, и разговоръ сдѣлался общимъ.

Съ этого времени Волгинъ и Катя видѣлись чаще. Видѣться, говорить другъ съ другомъ сдѣлалось для нихъ потребностью жизни. Ужь и отецъ ея полюбилъ своего добраго, умнаго сосѣда, который умѣлъ такъ хорошо разсказывать о морскихъ сраженіяхъ подъ начальствомъ Чесменскаго и Ушакова, о Греціи, родинѣ предковъ Горлицыной, гдѣ природа такъ хороша, женщины такъ похожи на портретъ, висѣвшій въ спальнѣ Кати. Случалось, Волгинъ не придетъ день, другой, и шлютъ къ нему посла: «приказали-де сказать, соскучились по васъ сосѣди». А иной разъ Катя прибавитъ: «адмиралъ велитъ своему капитану немедленно явиться къ нему по дѣламъ службы». Иной разъ Горлицынъ увидитъ, что сосѣдъ сидитъ пригорюнясь у своего окна, и махнетъ ему рукой, а дочка

изъ-за него покажетъ свое хорошенькое личико: этого было довольно, чтобы сосѣдъ сейчасъ явился. Уженіе подлѣ мельницы, прогулки по рѣкѣ и въ рощѣ, путешествіе на богомолье въ ближайшіе монастыри, по обѣтамъ, которые каждый держалъ при себѣ—всегда съ отцомъ, иногда съ семействами предводителя и Пшеницыныхъ, съ которыми пріѣзжій успѣлъ познакомиться, сблизили еще болѣе Катю и Волгина. Вмѣстѣ наслаждались красотами природы, веселились одними удовольствіями, вмѣстѣ въ храмѣ молились и, можетъ быть, объ одномъ и томъ же. Улицы какъ будто между ними не существовало: казалось, они жили и засыпали подъ одною кровлей. Хотя между ними не было произнесено слово любви, оно было ужь неоднократно высказано въ ихъ глазахъ, въ движеніяхъ, въ прерванной рѣчи, даже въ пожатіи руки. Катя любила первою и послѣднею своею любовью; порывы ея страстной души были сдерживаемы только чувствомъ стыдливости и приличія, и правилами, данными ей въ институтѣ. Не укрылись отъ отца взаимныя чувства дочери и Волгина; партія для нея была блестящая, какой и во снѣ ему не снилось. Сначала смотрѣлъ Горлицынъ на любовь ихъ съ удовольствіемъ, потомъ она стала пугать его.

Прошло три мѣсяца съ того времени, какъ Волгинъ жилъ въ Холоднѣ и между тѣмъ не дѣлалъ предложенія. Дѣло его по вводу во владѣніе имѣніемъ было кончено, однакожь онъ не выѣзжалъ изъ города. Разъ какъ-то далъ онъ Горлицыну понять темными, таинственными намеками, что у него есть какія-то обстоятельства, которыя еще мѣшаютъ ему яснѣе открыться... Чтобы такое было? Отецъ ломалъ себѣ голову надъ догадками, сердце дочери разрывалось отъ неизвѣстности. Родителей у Волгина нѣтъ, слѣдственно онъ воленъ располагать своею судьбою. Гор-

лицынъ подумалъ, нѣтъ ли у него тайной связи, которую онъ желаетъ разорвать, можетъ быть дѣтей, которыхъ обязанъ обезпечить. Эта мысль очень тревожила старика, слыхавшаго нерѣдко, какъ человѣку, особенно честному и благородному, трудно бываетъ выпутаться изъ подобныхъ связей, въ которыя люди вступаютъ часто безъ участія сердечнаго. Еще болѣе встревожился Горлицынъ, когда стали доходить до него слухи, что въ городѣ кумушки, завистницы и сплетницы начали чесать язычекъ на счетъ короткаго знакомства сосѣда и сосѣдки. Богъ знаетъ, чего тутъ не прибрали! Всѣ эти обстоятельства заставили Александра Иваныча держать себя съ сосѣдомъ въ отношеніяхъ болѣе размѣренныхъ. Волгинъ уже не былъ приглашаемъ такъ дружески; Катю не оставляли съ нимъ одну и даже замѣтили ей, чтобы она была осторожнѣе. Катя любила сильно, но вынуждена была признать основательность этихъ замѣчаній и съ глубокою грустью, съ тайными слезами исполнила волю отца.

Волгинъ не могъ не замѣтить этой перемѣны. Онъ разрывался отъ досады, проклиналъ свою судьбу и—молчалъ. За то погрузился въ какую-то ожесточенную дѣловую переписку, точно заразился страстью маіорской дочери Чечеткиной. Знали, что онъ никому не поручалъ тайнъ этой переписки и самъ занимался ею; знали, что онъ не отдавалъ своихъ писемъ и посылокъ на мѣстную почту, а посылалъ ее съ довѣреннымъ человѣкомъ въ другой ближайшій городокъ и оттуда получалъ всю корреспонденцію. Таинственность эта возбудила въ Холоднѣ еще болѣе толковъ на счетъ его и нанесла новое огорченіе Горлицыну, который съ каждымъ днемъ видѣлъ, что Катя его дѣлается все грустнѣе и грустнѣе. Осень обнажила ея садикъ, успѣхи ученика ея Вани не утѣшали ея болѣе,—все кругомъ ея приняло мрачный видъ.

Чтожъ могло останавливать влюбленнаго Волгина просить руки той, въ чувствахъ которой онъ самъ былъ увѣренъ? Вотъ что:

Все, что о несчастной жизни Волгина сказали его люди старому слугѣ Горлицына, было справедливо. Объ одномъ они только умолчали, что сумасшедшая жена еще была—жива.

II

Лѣтъ за десять, съ небольшимъ, до происшествія на описанной нами переправѣ черезъ Москву-рѣку, въ одномъ изъ подмосковныхъ губернскихъ городовъ, именно на святкахъ, появился блестящій метеоръ. Это былъ морской офицеръ Волгинъ. Двадцати трехъ лѣтъ, свободный обладатель богатаго имѣнія, оставленнаго ему отцомъ и матерью, привлекательной наружности, уменъ, ловокъ, онъ въ нѣсколько дней сосредоточилъ на себѣ все вниманіе избраннаго городскаго общества. Нынѣ прозвали бы его львомъ. Въ то время почли бы такое прозваніе слишкомъ низкимъ; мода, а за нею художники, писатели и весь хотя нѣсколько образованный людъ, лѣзли, во что бы ни стало, на высоты недосягаемыя. Зато сами обитатели Олимпа, по велѣнію этой моды, сходили на землю, даже въ губернскіе города Россіи, куда только проникалъ свѣтъ изъ очаговъ столицъ, роднились съ простыми смертными и давали имъ свои имена и качества. И потому богини-дѣвицы губернскаго города N съ душевнымъ замираніемъ ждали, не поднесетъ ли счастливѣйшей изъ нихъ Парисъ-Волгинъ золотого яблока; не одна неутѣшная Калипсо молила небеса о сердцекрушеніи юнаго мореходца у береговъ ея очаровательныхъ владѣній. Не одна маменька, скажу низкимъ слогомъ,

старалась, какъ можно лучше, скрасить свой живой товаръ, чтобы сбыть его въ такія дорогія руки. У всѣхъ у нихъ былъ одинъ напѣвъ мужьямъ, чтобы употребили всѣ возможныя и невозможныя средства привлечь въ свой домъ такого завиднаго женишка для ихъ единственной дщери или одной изъ безчисленныхъ дочекъ. Во что бы ни стало подай Волгина! За удовольствіе имѣть его у себя на обѣдѣ, вечерѣ, фантахъ и другихъ святочныхъ увеселеніяхъ тогдашняго времени, спорили, какъ нынѣ спорятъ за честь и удовольствіе имѣть у себя въ домѣ севастопольскихъ героевъ.

Закружился было Волгинъ въ этихъ увеселеніяхъ. Въ танцахъ ему не давали отдыха. Въ менуэтѣ à la reine это былъ настоящій Аполлонъ по отзыву прекраснаго пола. Никто такъ граціозно не велъ своей дамы въ полькахъ, не дѣлалъ въ контрадансахъ такихъ мудреныхъ антраша и шассе battu. А казачекъ? Хотя Волгинъ, по тогдашнему обычаю, исполнялъ его въ башмакахъ съ стразовыми пряжками и шелковыхъ чулкахъ, старики отзывались, что родовитый казакъ лучше его не пропляшетъ своего національнаго танца. То пригласитъ его мать сдѣлать честь пройтись съ ея дочерью, не имѣвшею еще случая танцовать съ такимъ ловкимъ кавалеромъ и выказать свои таланты, развитые въ столицѣ. То очаровательная дѣвица мимоходомъ броситъ на него молнію своихъ глазъ, которая могла бы поднять и мертваго — а въ Волгинѣ, казалось, было двѣ жизни — и понесется онъ въ слѣдующемъ танцѣ съ своею очаровательницей. Никого такъ часто не поднимали со стула въ игру *сосѣдъ* и не требовалъ къ себѣ *оракулъ*; ни на кого такъ горячо не палъ жгутъ въ доказательство, что чѣмъ сильнѣе бьешь, тѣмъ сильнѣе любишь. За то ничьихъ фантовъ столько не было, какъ Волгина, а фанты въ то время, большею

частью, выкупались безчисленнымъ счетомъ поцѣлуевъ.

Пріѣзжая къ себѣ съ разсвѣтомъ дня, утомленный, разбитый, Волгинъ не чувствовалъ, какъ слуга раздѣвалъ его и укладывалъ въ постель. Только во снѣ все еще мерещились ему огненные и томные глазки, тоненькія и толстенькія губки, и отдавался въ ушахъ его звукъ сладкихъ рѣчей. На другой день встанетъ свѣжъ, здоровъ, веселъ, и опять за тѣ же упражненія. Мудрено-ль? Онъ былъ такъ молодъ, не зналъ за собой горя и не видалъ его передъ собой.

Чаще другихъ посѣщалъ молодой морякъ домъ Сизокрылова, очень значительнаго лица въ губернскомъ городѣ, и потому чаще, что у этого лица былъ сынъ, пріятель Волгина. Молодые люди вмѣстѣ поступили на службу, вмѣстѣ дѣлали одну морскую кампанію, вмѣстѣ кутили. Принявъ наслѣдство, Волгинъ поѣхалъ въ губернскій городъ познакомиться съ властями, съ которыми имѣлъ дѣла по своимъ имѣніямъ, повеселиться и повидаться съ своимъ бывшимъ товарищемъ вышедшимъ уже въ отставку. Не испытавъ еще ни измѣны любви, ни измѣны дружбы, мало знакомый со свѣтомъ, онъ видѣлъ во всѣхъ людяхъ одни добрыя, благородныя качества. За молодого же Сизокрылова, умѣвшаго доказать ему свою дружбу многими послугами, готовъ былъ, какъ говорятъ, на ножи. Напротивъ того, этотъ другъ, хотя и немного постарше Волгина, но ловкій, пронырливый, перегорѣвшій уже въ опытахъ жизни, съ перваго раза, какъ увидалъ его въ своемъ семействѣ, схватился за счастливую мысль загнать эту дорогую птичку въ разставленныя сѣти. И вотъ на какую приманку.

У него были три сестры. Старшая, Гликерія, по календарю, и Лукерія, по народному произношенію, была красивѣе и бойчѣе другихъ. Она танцовала ме-

нуэтъ, какъ королева французская, пѣла русскія пѣсни, какъ малиновка. Еслибъ заглянуть въ актъ ея крещенія, можно бы по немъ счесть ей двадцать пять лѣтъ. Но кто-жь пойдетъ справляться съ актами? Наружность и родители давали ей только двадцать лѣтъ. Въ свѣтѣ это была самая привлекательная изъ дѣвицъ губернскаго города N. Увы! мѣстные женихи знали, чѣмъ она была дома, и потому не посягали на счастіе назвать ее своею супругой. По этой-то причинѣ и засиживалась она въ дѣвическомъ состояніи. Младшимъ сестрамъ, хотя и не съ такими блистательными наружными качествами, но добрымъ и любезнымъ, представлялись достойныя партіи, и напрасно. Мать ихъ, женщина неразумная и безтолковая, страстно любившая старшую дочь, баловавшая ее съ малолѣтства, и слышать не хотѣла, чтобы, помимо ея идола, шли меньшія ея дочери къ брачному алтарю. Старшую дочь величала она Лукерьей Павловной, а меньшихъ не иначе называла, какъ дѣвчонками. Вы думаете, что баловень-дочка платила ей такою же любовью? Нимало. Часто Лукерія Павловна хохотала надъ своею маменькой, когда та, за неимѣніемъ бровей, разрисовывала себѣ неправильно брови такъ, что одна уходила концомъ вверхъ, а другая угломъ загибалась на вѣки; часто прикрикивала на нее, говорила ей въ глаза, что она необразованная, степная барыня, а за глаза, при сестрахъ и домашней прислугѣ, честила ее даже и дурой. Мать приказывала, а дочка отмѣняла приказаніе, не для того, что считала свое распоряженіе лучшимъ, а для того, чтобы поставить на своемъ. Чего не терпѣли отъ нея двѣ Сандрильоны, ея меньшія сестры! Покупка и выборъ для нихъ матерій на платья, покрой этихъ платьевъ, прическа, выѣзды, даже рукодѣлья, все что могло радовать и утѣшать этихъ бѣдныхъ жертвъ, зависѣло отъ домашняго вла-

стелина, все получалось отъ каприза или великодушія его. Сестры не могли любить Лукерью Павловну, но боялись ее и льстили ей изъ надежды щедрыхъ ея милостей. Зато мало уважали мать, которой несправедливое предпочтеніе любимой дочки возмущало ихъ душу. Властолюбивая, нетерпѣливая и вспыльчивая, Лукерія Павловна жестоко обращалась и съ своей прислугой. Сколько разъ ея ручка оставляла красное пятно на щекѣ ея горничной! Даже разъ удостоилась эта несчастная кроваваго возмездія булавкой за то, что, одѣвая свою барышню, слегка нечаянно уколола ее. Вотъ какое сокровище готовилъ молодой Сизокрыловъ своему другу! Виды были не глупые. Онъ хотѣлъ, во-первыхъ, избавиться отъ домашняго тирана, подъ зависимостью котораго и самъ находился, хотя и въ меньшей степени, нежели другіе члены семейства; во-вторыхъ — занять мѣсто этого властелина и чрезъ то свободнѣе удовлетворять свои страстишки, до сихъ поръ стѣсняемыя контролемъ сестры. Надо сказать, что и сынокъ былъ маменькинъ баловень, но занималъ только второе мѣсто въ сердцѣ ея и въ домѣ. Пожалуй, удовлетвореніе этихъ видовъ могло принесть пользу меньшимъ сестрамъ, которымъ, вслѣдъ за старшею, открывался выходъ изъ нерадостнаго дома родительскаго. Тогда-то молодой Сизокрыловъ могъ бы распоряжаться своею маменькой, какъ хотѣлъ.

Отецъ, не мѣшавшійся ни въ какія домашнія распоряженія, озабоченный только дѣлами и черезъ нихъ пріобрѣтеніемъ денегъ, и ежедневно искавшій развлеченія отъ служебныхъ занятій въ карточной игрѣ, довольно сильной и счастливой, не зналъ и не хотѣлъ знать, что происходитъ въ его семействѣ. Онъ далъ, какое могъ, воспитаніе дѣтямъ; безотговорочно, по требованію жены, выдавалъ ей деньги на расходы, протягивалъ каждое утро и каждый вечеръ свою руку

сыну и дочерямъ для обычнаго лобызанія и увѣренъ былъ, что выполненіемъ этихъ обязанностей дѣлаетъ все, что повелѣвалъ ему долгъ отца и главы дома.

Волгину нравилась Лукерія Павловна, пожалуй, немного болѣе другихъ дѣвицъ. Ни съ кѣмъ онъ такъ охотно не рисовался въ менуэтѣ, какъ съ нею; съ удовольствіемъ заслушивался ея соловьинаго голоска, наслаждался ея живою, умною болтовней, говорилъ ей комплименты. Но особенной любви къ ней не чувствовалъ, тѣмъ менѣе думалъ искать руки ея, несмотря на всѣ старанія братца выставить ее въ самомъ привлекательномъ видѣ. Съ своей стороны Лукерія Павловна, искренно, безъ разсчетовъ на богатство Волгина, всѣми силами души пылкой, необузданной, полюбила друга своего брата. Не знавъ до двадцати пяти лѣтъ, что такое любовь къ кому-нибудь, лишь только извѣдала ее, она предалась ей безгранично, съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ предавалась своимъ худымъ наклонностямъ. Казалось, любовь преобразовала ее. Ласкаясь къ матери, угождая сестрамъ, особенно внимательная къ брату, добрая съ прислугой, она какъ бы хотѣла вознаградить всѣхъ ихъ за прошедшія несправедливости и оскорбленія. Всѣ въ домѣ были веселы, счастливы, прислуга крестилась.

Былъ званый вечеръ у Сизокрыловыхъ. Въ этотъ день любовь придала голосу, рѣчи, всей наружности Лукеріи Павловны какое-то особенное очарованіе. Она дѣйствительно была хороша. Морякъ ею одною только и занимался.

Въ одномъ изъ антрактовъ между танцами онъ сталъ отыскивать ее въ залѣ и, не найдя, прошелъ анфиладу комнатъ, наконецъ пробрался въ какой-то отдаленный уголокъ дома. Здѣсь царица этого вечера сидѣла на диванѣ одна, въ глубокомъ раздумьѣ, опустивъ голову на грудь, скрестивъ руки. Восковой ога-

рокъ слабо освѣщалъ комнату. Услышавъ чьи-то шаги, Лукерія Павловна вздрогнула и подняла голову. Печальный и вмѣстѣ знойный взглядъ ея упалъ прямо въ сердце молодого человѣка. Волгинъ не могъ ему противиться и сѣлъ возлѣ нея. Нѣсколько словъ было имъ сказано съ восторгомъ о томъ впечатлѣніи, которое она сдѣлала въ этотъ вечеръ и особенно на него. Отвѣчали съ глубокимъ вздохомъ, что если она желала нравиться, такъ это одному только. Затѣмъ дрожащая ручка попала какъ-то въ его руку; онъ горячо поцѣловалъ ее, еще разъ и еще. Какъ-то нечаянно набрелъ братъ на эти поцѣлуи. Онъ показалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и закричалъ: «чаю мнѣ!» потомъ присѣлъ къ смущенной парочкѣ, будто для того, чтобы помѣшать повторенію слишкомъ нѣжныхъ сердечныхъ изъясненій. Разговоръ упалъ на очень обыкновенные предметы. Но вскорѣ смычекъ подалъ свой призывный голосъ, и всѣ трое отправились въ залъ, чтобы снова пуститься въ выдѣлываніе разныхъ затѣйливыхъ фигуръ и па, строго предписываемыхъ въ тогдашнее время законами моды.

Когда разъѣхались гости, молодой Сизокрыловъ зазвалъ къ себѣ въ свое холостое отдѣленіе Волгина вмѣстѣ съ близкимъ своимъ родственникомъ, тоже молодымъ человѣкомъ. Надо было ковать желѣзо, пока оно было горячо. Подали вина; хозяинъ не жалѣлъ его. Пошли горячія изъясненія дружбы. Волгинъ, отуманенный напитками и еще свѣжими сладкими воспоминаніями, провозгласилъ тостъ: «нынѣшняго вечера царицѣ и хорошенькой сестрицѣ!»

— Послушай, братъ,—сказалъ Сизокрыловъ: — мы съ тобою друзья; я это, кажется, доказывалъ тебѣ не разъ на дѣлѣ. Но есть шутки, которыхъ и дружба не терпитъ равнодушно.

— Я не шучу,—отвѣчалъ съ горячностью Волгинъ.

— Надѣюсь, и поцѣлуими, на которыхъ я давича засталъ тебя. Зашелъ, братъ, далеконько!.. Добро-бъ еще къ случаю, при многихъ, а то наединѣ, въ дальней комнатѣ... ты не зналъ, что это спальня Луши (онъ лгалъ); ты не зналъ, что подлѣ чайная комната и люди видѣли все изъ нея... Теперь при постороннемъ, хотя и моемъ родственникѣ, ты вздумалъ хвастаться тостомъ за здоровье *хорошенькой!*.. Ваня, я этого не ожидалъ отъ тебя...

И Сизокрыловъ закрылъ себѣ глаза руками.

— О! когда такъ, зови сейчасъ сюда свою сестру. Я никогда не дѣлалъ неблагородныхъ дѣлъ и это докажу. Говорю тебѣ, проси сюда съ отцомъ и матерью... Я повторю при нихъ.

— Сюда?

— Воля твоя, у меня ноги подкашиваются, и я не въ силахъ взойти наверхъ.

— Послушай, опомнись, не вино ли говоритъ въ тебѣ?

— Вино?.. Смотри, братъ, есть границы и для дружбы, ты самъ сказалъ.

— Когда такъ, видно на то воля Божія! Иду, но прежде, другъ и братъ, сюда къ сердцу, которое предаю тебѣ на жизнь и смерть.

Пріятели горячо обнялись, и Сизокрыловъ, боясь, чтобы слово, въ чаду опьянѣнія, не выдохлось скоро, отправился радостнымъ вѣстникомъ на половину своихъ родителей. Третье лицо, пировавшее съ ними, заключило также въ свои объятія будущаго своего родственника.

Упавшая съ неба манна или груда золота не могла бы такъ изумить и обрадовать стариковъ Сизокрыловыхъ и любимую дочку, какъ неожиданная вѣсть, принесенная имъ дипломатомъ-сынкомъ. Несмотря на

странность вызова по такому важному случаю, въ пять часовъ утра, въ отдѣленіе молодого Сизокрылова, отецъ, мать и Лукерья Павловна, въ чемъ ихъ застала эта вѣсть, одинъ безъ парика и галстуха, другая съ остаткомъ брови, третья въ интересномъ безпорядкѣ, поспѣшили исполнить волю дорогого жениха. При появленіи ихъ въ комнату, гдѣ недавно оргія была въ разгарѣ, гдѣ не успѣли еще прибрать бутылокъ и бокаловъ, предложеніе Волгина было повторено и запечатлѣно поцѣлуемъ жениха и невѣсты. Нашли еще нужнымъ, чтобы до настоящаго обрученія они помѣнялись кольцами, которыя случились у нихъ на рукахъ. Это дѣлалось будто въ силу какого-то древняго повѣрья, а скорѣе для того, чтобы Волгинъ не забылъ, проснувшись, что онъ женихъ. При пожеланіи счастья будущей четѣ, вспрыснули ихъ шампанскимъ. Требовалось подсластить вино, и Волгинъ въ восторгѣ цѣловалъ безъ счета свою нареченную, упоенную также своимъ неожиданнымъ счастіемъ. Разстались всѣ довольны. Молодой Сизокрыловъ отвезъ своего пріятеля на его квартиру, уложилъ самъ въ постель и щедро одарилъ людей его, не забывъ прибавить, что это дѣлается отъ имени невѣсты, Лукеріи Павловны.

Въ полдень проснулся Волгинъ, разбитый, съ отяжелѣвшею головой, сердитый, смутно помня роковое событіе утра, какъ будто видѣнное во снѣ. Но удостовѣрили его въ этомъ событіи поздравленія слугъ и незнакомое кольцо, сіявшее на его рукѣ.

Воротить прошедшаго было ужъ невозможно, и черезъ двѣ недѣли состоялась свадьба.

Хотя Волгинъ о приданомъ и не спрашивалъ, *молодая* принесла ему въ свадебной корзинѣ слишкомъ сто душъ, много серебра и всѣ другіе предметы роскоши, которые въ подобныхъ случаяхъ отпускаются

съ дочкой богатыми и нѣжными родителями. Замѣчено однако-жь было, что въ числѣ женской прислуги, вошедшей въ роспись приданаго, по собственному выбору Лукеріи Павловны, отпущены такія личности, которыя не награждены были отъ природы очень хорошенькимъ личикомъ.

Казалось, ангелъ-хранитель молодой четы уберегъ медовый мѣсяцъ ихъ отъ всякихъ непріятностей. Счастливой, влюбленной парочкѣ завидовали. Волгину не было причинъ раскаяваться въ бракѣ, такъ нечаянно, экспромптомъ состряпанномъ, и онъ не каялся. Онъ полюбилъ жену искренно. Но вскорѣ начали обнаруживаться въ ней вспышки ревности. Въ первые мѣсяцы нѣсколько сдержанныя новостью положенія и приличіемъ, онѣ въ послѣдующіе стали развиваться. Иногда, безъ всякаго повода, Лукерія Павловна умоляла мужа, чтобы онъ клялся ей въ вѣчной любви и вѣрности. Это сначала смѣшило его. Видя въ этихъ просьбахъ только порывы сильной къ нему привязанности, онъ исполнялъ ея желанія, но замѣчалъ притомъ женѣ, что если благородный, съ твердыми правилами, человѣкъ разъ далъ клятву при алтарѣ Божьемъ вѣрно любить свою жену, такъ новые обѣты совершенно лишни; вѣтренаго же мужчину и клятвы не удержатъ. Повтореніе этихъ просьбъ стало надоѣдать Волгину. Иногда супруга надуется на него, не говоритъ съ нимъ по нѣскольку часовъ. За что? за то, что онъ велъ нѣсколько живой разговоръ съ хорошенькою дамой или дѣвицей. Случалось даже, что Лукерія Павловна наговоритъ колкостей этой дамѣ или дѣвицѣ. Терпѣть эти оскорбленія никто не находилъ нужнымъ. Замужнія женщины платили ей тою же монетою, за дѣвицъ заступались матери, и отъ этихъ ссоръ выходили неблаговидныя исторіи, падавшія всѣмъ бременемъ своимъ на голову бѣднаго Волгина. Домъ

молодыхъ супруговъ сталъ понемногу пустѣть; вслѣдствіе того и выѣзды ихъ сдѣлались рѣже. Волгинъ любилъ танцовать. Ему посовѣтовали, а потомъ потребовали, чтобы онъ не танцовалъ болѣе, потому что мужчина, посвятивъ себя разъ избранной имъ женщинѣ, не долженъ находить удовольствіе ни въ чемъ съ другою. И это требованіе вынужденъ былъ исполнить, не по слабости характера, а для того только, чтобы избѣгнуть домашнихъ ссоръ или гласнаго оскорбленія, на которое жена, забывъ всякій стыдъ, не разъ покушалась. Даже сестры получали отъ нея обидные выговоры за то, что осмѣлились слишкомъ любезно говорить съ ея мужемъ. И сестры ограждали себя холодными отношеніями къ человѣку, котораго любили, какъ достоинаго всякаго уваженія родственника, и ограничивали бесѣду съ нимъ одними лаконическими отвѣтами: «да-съ, нѣтъ-съ».

— Помилуй, сестра — говорилъ Лукеріи Павловнѣ братецъ-дипломатъ:—я устроилъ твое счастіе, а ты, какъ безумная, ставишь его вверхъ дномъ. Мужъ тебя любитъ, но есть мѣра и терпѣнію. Ну, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ маленькая невѣрность... эка бѣда!

— О! тогда я убью его,—возражала Лукерія Павловна:—или сама убьюсь.

Довольно было всѣхъ этихъ выходокъ, чтобы ожесточить мужа. Но, какъ вспышки, онѣ скоро проходили, уступая глубокому, искреннему раскаянію. Кто увидалъ бы въ это время несчастную, пожалѣлъ бы ее. Она падала передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки, обливала ихъ слезами и умоляла простить ея безразсудство, клянясь, что исправится. Волгинъ, добрый до безконечности, любя еще жену и стараясь самъ себѣ оправдать эти вспышки одною безмѣрною любовью къ нему, великодушно прощалъ. И миръ воцарялся между супругами хоть на нѣсколько недѣль.

Тѣмъ болѣе Волгинъ считалъ долгомъ быть снисходительнѣе, что Лукерія Павловна была въ *интересномъ* положеніи. Какихъ странностей и капризовъ не приписываютъ этому положенію! И онъ любилъ относить къ нему жь припадки ея ревности. За то сколько утѣшеній принесетъ обоимъ супругамъ первенецъ ихъ! Благоразуміе, миръ, счастіе долженъ онъ былъ водворить въ семействѣ! Такими надеждами лелеялъ себя Волгинъ и окружилъ жену заботами и угожденіями, какъ нѣжный любовникъ.

Былъ лѣтній мѣсяцъ. Они поѣхали на нѣсколько недѣль въ деревню. На бѣду случилось, что въ это время пріѣхала къ нимъ замужняя дочь его родной тетки, женщина очень пріятная и любезная. Пріемъ ей сдѣланъ былъ радушный. И хозяева, и гостья были веселы. Волгинъ повелъ кузину показать ей хорошенькій свой садъ, которымъ любилъ особенно заниматься. Жена, по нездоровью, осталась дома, но, подстрекаемая своимъ демономъ, не могла противиться его наущенію и отправилась вслѣдъ за ними. Она не пошла по дорожкамъ, а стала пробираться кустами. Вдругъ видитъ, мужъ и кузина его идутъ рука подъ руку... они смѣются... потомъ какъ будто поцѣлуй... Никакого поцѣлуя не было: ей все мерещилось. Лукерія Павловна, не помня, въ какомъ она положеніи, бросается впередъ и падаетъ на пень... Ушибъ былъ силенъ, страданія велики; но ни одного стона не вырвалось изъ груди ея. Чего не вытерпѣла она, одинъ Богъ знаетъ! Скрывшись за кустомъ, Лукерія Павловна дала пройти мимо ея мужу и гостьѣ, и потомъ кое-какъ дотащилась до своей спальни, не сказавъ никому, что съ нею случилось. На другой день родился мертвый ребенокъ. Причина этого несчастнаго случая была скрыта и отъ мужа. Положеніе ея сдѣлалось опасно, но чрезъ два мѣсяца она оправилась съ

помощью искуснаго врача и сладкой увѣренности, что мужъ ее любитъ, потому что во все время болѣзни почти неотлучно находился у ея постели, какъ самая усердная сидѣлка. Урокъ былъ ужасный!

Между тѣмъ отъ болѣзни и безпрестанныхъ душевныхъ тревогъ Лукерія Павловна начала худѣть и дурнѣть. Глаза ея впали, въ нихъ потухъ прежній блескъ и что-то дикое выражалось повременамъ, какъ у звѣря, который хочетъ, но боится броситься на свою жертву; кожа ея приняла шафранный цвѣтъ. Зеркало и демонъ ея каждый день наговаривали ей, что мужъ, который моложе ея и такъ хорошъ собой, долженъ скоро перестать ее любить. Ревность ея, которая съ каждымъ днемъ росла болѣе и болѣе, стала изобрѣтать для себя разныя видѣнія и избирать низкія средства, чтобы удовлетворить себя. Наконецъ въ два послѣдующіе года страсть эта приняла такіе ужасающіе размѣры, что сдѣлала для Волгина домъ его настоящимъ адомъ. Я забылъ сказать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ свадьбы онъ вышелъ въ отставку; а теперь, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшился бѣжать отъ жены и вступить вновь въ службу съ тою надеждою, что откроется морская кампанія или ученая экспедиція, которая отдѣлитъ его на нѣсколько тысячъ верстъ отъ домашняго тирана. Если бъ онъ уѣхалъ, жена преслѣдовала бы его на край свѣта: были ужь и на это намеки.

Въ эти два года Волгинъ былъ истиннымъ мученикомъ. Лукерія Павловна, какъ стоокій аргусъ, слѣдила всѣ его поступки, всѣ его шаги. Подкупала людей, чтобы ей доносили, куда мужъ ѣздилъ, съ кѣмъ видается, что дѣлаетъ. Люди брали деньги, смѣясь надъ нею же, но не могли лгать на барина, и потому эти средства сдѣлались для нея недостаточны и невѣрны. Иногда, вечеромъ, надѣвъ салопъ своей горничной и

безобразный капоръ, отправлялась къ дому, гдѣ находился ея мужъ, и вывѣдывала черезъ какого-нибудь подосланнаго посторонняго человѣка, кто изъ дамъ были въ домѣ. И если случалось, что ей назовутъ имя женщины, на которую падало ея подозрѣніе, то, по возвращеніи мужа, сыпались на него упреки, отъ которыхъ онъ убѣгалъ въ свой кабинетъ, гдѣ и запирался. Но и черезъ дверь слышалось еще долго ея бѣсованіе. Письма его, если были приносимы въ его отсутствіе, подвергались ея контролю, послѣ чего она ихъ вновь запечатывала, какъ могла. Всѣ шкатулки его были перерыты... Волгинъ хотя и замѣчалъ эти продѣлки, но, не имѣя особенныхъ секретовъ отъ жены, пожималъ только плечами и молчалъ. Когда жь письмо получалось при немъ, Лукерія Павловна была ужь тутъ, въ его кабинетѣ, и изъ-за плеча его старалась прочесть, не скрывается ли какой-нибудь тайной связи въ посланіи. Мужъ преспокойно отдавалъ ей письмо и просилъ прочесть его вслухъ, такъ какъ она всѣ руки хорошо разбираетъ, а почеркъ этого письма неразборчивъ. Казалось, нельзя было имѣть большаго терпѣнія и снисхожденія. Этими-то орудіями онъ хотѣлъ побѣдить ревность жены. Иногда покажется ей, что мужъ чѣмъ-то смущенъ; что при внезапномъ появленіи ея, онъ чего-то испугался, и начнетъ требовать у него отчета въ такихъ чувствахъ, отъ которыхъ онъ былъ совершенно далекъ. — «Скажи мнѣ, другъ мой, милый мой, — говорила она ему, — если ты дѣйствительно любишь кого, такъ лучше признайся мнѣ... Для тебя я пожертвую своею любовью: откройся мнѣ, ради Бога, я тебѣ все прощу». — «Никого не люблю и лгать на себя не намѣренъ», — отвѣчалъ рѣзко Волгинъ на подобные вопросы, дѣлаемые для того, чтобы вовлечь его въ ловушку. До такого простодушія и ослѣпленія доходила безумная страсть! Въ другой разъ

представится ей, что изъ его комнаты вышла какая-то женщина, и ужь ей слышится шелестъ женской одежды... На всѣхъ хорошенькихъ женщинъ въ деревнѣ она злилась и всегда искала случая чѣмъ-нибудь оскорбить ихъ. Но горничнымъ ея доставалось болѣе всѣхъ: онѣ терпѣли настоящую пытку. То взглянула слишкомъ умильно на барина, то одѣлась пощеголеватѣе, чтобы понравиться барину. Одна изъ нихъ вздумала кокетливо убрать свою чудную, густую, косу, и коса была острижена. Другая, по подозрѣнію, совершенно несправедливому, отдана замужъ за горбуна-крестьянина.

Часто эти бѣшеные припадки кончались тѣмъ, что она становилась на колѣни передъ мужемъ и умоляла прибить ее.

— За кого принимаешь меня, безумная?—говорилъ Волгинъ. — Унизиться до того, чтобы наложить руку на жену?.. Это можетъ сдѣлать только пьяный лакей или мужикъ. Довольно стыда и отъ твоихъ дѣлъ; не съ обѣихъ же сторонъ безумствовать и позориться передъ людьми и Богомъ.

Еще чаще кончались припадки ревности истерикой и ужасными страданіями. Какія чувства могли оставить въ сердцѣ мужа всѣ эти сцены, кромѣ ожесточенія? Только изрѣдка сострадалъ онъ несчастной, какъ будто больной, одержимой неисцѣлимою болѣзнью.

На третій годъ своего замужества Лукерія Павловна сдѣлалась опять беременна. Радоваться будущему появленію въ свѣтъ сына или дочери не могъ уже Волгинъ по прежнему. Что ожидаетъ это дитя, когда оно осмыслится, когда пойметъ ужасный характеръ матери, несчастное положеніе отца и станетъ посредникомъ между ними? Можетъ статься, отецъ вынужденъ будетъ бѣжать отъ жены и ребенка своего; можетъ статься, этого ребенка выучатъ ненавидѣть

имя отца. Въ Лукеріи Павловнѣ, несмотря на ея положеніе, не произошло никакой благопріятной перемѣны; казалось, ея ревность достигла высшей силы своего безумія. Сыскалась женщина, старушка, присланная ей матерью, какъ будто изъ ада, именно для того, чтобы слѣдить за поступками Волгина. Изъ угожденія барынѣ своей она старалась потворничать ея страсти. Между разными клеветами эта мегера передала однажды горяченькую вѣсть, что видѣли, какъ Иванъ Сергѣевичъ ласкалъ дочь своего садовника. Можетъ быть, и дѣйствительно Волгинъ сказалъ пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ ласковое слово, потрепалъ ее рукой по розовой щечкѣ—небольшое еще преступленіе, тѣмъ болѣе, что дѣвочкѣ былъ онъ крестнымъ отцомъ! Ее до сихъ поръ любила сама Лукерія Павловна, знавшая, что отецъ и мать воспитывали дочь въ строгихъ правилахъ. Но довольно искры, брошенной въ душу ревнивой женщины, чтобы произвесть пожаръ. Лукерія Павловна потребовала отъ мужа вопіющей несправедливости, выдать пятнадцатилѣтнюю дѣвочку замужъ, и за крестьянина. Волгинъ возразилъ, что дѣвочка слишкомъ молода, дочь любимаго имъ, заслуженнаго дворовaго человѣка, никакого преступленія не сдѣлала, что крестницѣ своей готовитъ онъ женихомъ сына своего приказчика изъ другой деревни. Отказъ этотъ возбудилъ новыя подозрѣнія. Лукерія Павловна стала горячо настаивать. Мужъ отказался наотрѣзъ. — «Итакъ довольно несчастныхъ изъ угожденія твоей ревности,—прибавилъ онъ:—глубоко раскаяваюсь въ томъ, что былъ участникомъ въ этихъ гнусныхъ дѣлахъ.

— Такъ выбирай любое, — сказала Лукерія Павловна:—или дочь садовника завтра замужъ, или завтра меня не будетъ на свѣтѣ.

— Дѣлай, что хочешь, — отвѣчалъ съ твердостью

Волгинъ:—а я не отступлю отъ своего рѣшенія. Богъ и совѣсть мнѣ это приказываютъ.

Тогда произошла сцена ужасная. Когда я слушалъ разсказъ о ней, сердце мое обливалось кровью. Довольно, если я скажу, что эта женщина, превратившаяся въ дикаго звѣря, въ минуту изступленія стала бить себя въ грудь... потомъ удары сыпались по чемъ попало... Волгинъ, передъ этимъ только-что выходившій изъ двери, тотчасъ возвратился, но не имѣлъ времени остановить ее. Лукерія Павловна на другой день родила сына, носившаго слишкомъ явные признаки ушибовъ и проживавшаго только однѣ сутки. Молоко бросилось у ней въ голову, и она лишилась разсудка навсѣгда! Да, навсегда, несмотря на всѣ пособія искуснѣйшихъ врачей столицы, куда несчастный мужъ отвезъ ее, несмотря на всѣ попеченія и заботы, которымъ усердно посвятилъ себя. Было отчего и самому ему сойти съ ума! Въ нѣсколько дней показались у него сѣдины на головѣ. Цѣлые полгода не отлучался онъ отъ жены. Что жь? сыскались люди, которые съ голоса отца и матери Лукеріи Павловны осуждали Волгина, говорили, что причиной ея сумасшествія вѣтренный образъ его жизни и худое обращеніе съ женой. Но совѣсть его была чиста, онъ ни въ чемъ себя упрекнуть не могъ. Лучшія лѣта его жизни принесены ей въ жертву; не вѣкъ же ему было оставаться зрителемъ и участникомъ невыносимыхъ страданій. Волгинъ уѣхалъ изъ дому своего, оставивъ Лукерію Павловну на попеченіе домоваго врача и избранной наемной прислуги и вступилъ вновь на службу.

Долго еще преслѣдовали его ужасныя видѣнія.. Во всѣхъ морскихъ сраженіяхъ, въ которыхъ случалось ему участвовать, онъ искалъ смерти и не нашелъ ея. Въ продолженіе пяти лѣтъ получались имъ одни и тѣ же извѣщенія, что жена его все въ томъ же состоя-

ніи. Одинъ врачъ не могъ вынести болѣе двухъ лѣтъ тяжкаго ухаживанья за сумасшедшею. Отецъ и мать взяли ее къ себѣ, и также долго не выдержали этого бремени. Принуждены были перевесть ее въ домъ умалишенныхъ. Чрезъ нѣсколько времени Волгинъ получаетъ письмо изъ Петербурга отъ одного изъ двухъ братьевъ отца своего. Дядя описывалъ ему безнадежное состояніе Лукеріи Павловны и совѣтовалъ расторгнуть бракъ, столько лѣтъ существовавшій только по имени. — «Я старый вдовецъ, — писалъ ему дядя, — дѣтей не имѣю; братъ мой также; ты одинъ послѣ насъ остаешься изъ нашего рода. Неужели погаснуть ему? Тебѣ только тридцать два года. За легкомысленный поступокъ молодости, за необдуманный шагъ, ты уже заплатилъ девятью годами страданій. Природа, законъ, справедливость и Богъ приказываютъ тебѣ выйти изъ твоего настоящаго положенія. Выбери себѣ жену по сердцу, только, чтобъ была гораздо моложе тебя. Не смотри на богатство, на блестящее наружное воспитаніе; ты самъ богатъ, все наше съ братомъ достанется тебѣ же. Пускай выборъ твой падетъ на бѣдную, хоть самую бѣдную дворянку, но только съ добрымъ сердцемъ, скромную. Вѣрь моимъ предсказаніямъ, ты еще будешь счастливъ. Пріѣзжай въ Петербургъ; посмотри, какія у насъ милыя, образованныя, воспитанныя въ строгихъ религіозныхъ правилахъ дѣвицы выходятъ изъ института.—Съ стряпчими совѣтовался о твоемъ дѣлѣ; головой ручаются за успѣшный исходъ его. Препятствій нѣтъ и быть не можетъ. Еще скажу тебѣ, писалъ къ Сизокрылову (супруга его отошла на вѣчное житье; всему злу корень была. Еще бы сказалъ.... да грѣхъ тревожить память покойниковъ недобрыми словами). Получилъ отъ него отвѣтъ благосклонный. Чего-жь ему? Возвратили все имѣніе дочери со всѣми доходами за нѣсколько прошедшихъ лѣтъ и

все приданое ея до послѣдней нитки. Теперь сталъ мягко стлать. Пишетъ, что христіанскій долгъ повелѣваетъ ему помочь тебѣ въ расторженіи брака. Тебя во всемъ оправдываетъ. Это письмо будетъ служить важнымъ документомъ, когда начнется дѣло. Видѣлъ я и ее, несчастную, въ заведеніи... Въ нѣсколько минутъ она мнѣ разсказала (и всякому разсказываетъ) ужасныя вещи, которыя только бѣснующаяся ревнивая женщина можетъ изобрѣсти. Я, старикъ, краснѣлъ, слушая ее... Еслибъ женщина въ полномъ разумѣ сказала бы вслухъ то, что эта несчастная говорила, она достойна была бы позорнаго столба. Какъ описать тебѣ ея наружность! Это пятидесятилѣтняя женщина, остовъ человѣка, готовый разрушиться. Доктора говорятъ, что она можетъ скоро умереть и можетъ еще нѣсколько лѣтъ протянуть».

При чтеніи этихъ строкъ Волгинъ облилъ ихъ слезами. Это была послѣдня дань женщинѣ, которая такъ долго носила его имя. Но съ этого времени сердце его раскрылось для надеждъ лучшей жизни. Онъ сдѣлался неравнодушенъ къ совѣтамъ дяди, вышелъ въ отставку и началъ дѣло о разводѣ. Въ первой инстанціи духовнаго суда оно было рѣшено; въ высшей должно было скоро рѣшиться также благопріятно для него. Какъ писалъ дядя, законныхъ препятствій, наконецъ, не оказалось. Но во время ожиданія этого окончательнаго рѣшенія умеръ другой дядя, оставившій племяннику въ наслѣдство имѣніе въ Холоденскомъ уѣздѣ. Встрѣча съ Катей на Москвѣ-рѣкѣ была роковая. Сама судьба указывала ему будущую подругу его жизни. Онъ видѣлъ въ ней благодѣтельнаго генія, пришедшаго избавить его отъ ужасныхъ оковъ, въ которыхъ до сихъ поръ находился. Первый взглядъ на нее, первыя слова, ею сказанныя, рѣшили его участь. Познакомившись съ Катей, онъ нашелъ въ

ней ту избранную, которую назначалъ ему дядя въ письмѣ своемъ. Она воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, была скромна, добра, образована и любила его — въ этомъ онъ увѣрился. Волгинъ, пріѣхавъ въ Холодню, боялся сблизиться съ нею, какъ будто совѣсть запрещала ему вступать въ новыя сердечныя связи, которыя законы не могли еще освятить. Мы видѣли, однакожъ, что противиться влеченію сердца онъ не былъ въ состояніи.

И прежде знакомства своего съ дочерью Горлицына отдано имъ было, разъ навсегда, его людямъ приказаніе, сказывать вездѣ, гдѣ не знали его несчастной исторіи, что онъ вдовецъ. «Такимъ образомъ, думалъ онъ, избавлюсь отъ тягостныхъ разспросовъ и сожалѣній». Полюбивъ же Катю, радовался, что сдѣлалъ это распоряженіе, безъ котораго былъ-бы ему загражденъ путь къ сердцу ея; но повременамъ не могъ не тревожиться за послѣдствія этой уловки, противной его благороднымъ правиламъ. Дѣло сдѣланное поправить было невозможно. Только увѣрившись во взаимныхъ чувствахъ къ нему Кати, Иванъ Сергѣевичъ открылъ все дядѣ своему и умолялъ его поспѣшить окончаніемъ дѣла. —«Высвободите меня,—писалъ онъ къ нему, — изъ ужаснаго положенія, въ которое я себя вновь поставилъ, и откройте мнѣ доступъ къ моему благополучію». Дядя въ отвѣтъ посылалъ ему свое благословеніе и обнадеживалъ, что рѣшеніе дѣла не замедлитъ. Сказать же Горлицыну, что бракъ еще не уничтоженъ, когда это обстоятельство было скрыто прежде, боялся, не рѣшался Волгинъ. Между тѣмъ новая гроза вставала надъ его головою.

Въ такомъ состояніи были дѣла его, когда мы въ Холоднѣ разстались съ ними и съ семействомъ Горлицына.

Вскорѣ послѣ того въ Холодню пришелъ пѣхотный

полкъ. Военный блестящій строй, развѣвающіяся знамена, изувѣченные въ славныхъ екатерининскихъ битвахъ статные офицеры, ловко выкидывающіе разныя фигуры своими эспантонами, грохотъ барабановъ, торжественная музыка,—все это было ново въ уѣздномъ городкѣ. Спавшее до сихъ поръ населеніе его проснулось и зашевелилось. Толпа дивилась треугольнымъ шляпамъ на офицерахъ и солдатахъ, пучкамъ ихъ и пуклямъ, краснымъ отворотамъ, и бѣгала за военными, какъ за пришельцами изъ чужой земли. Во время вечерней зари весь городъ стекался около гауптвахты. Это былъ настоящій праздникъ. И въ сердцахъ прекраснаго пола забилъ барабанъ тревогу. Въ полку было нѣсколько красивыхъ отважныхъ офицеровъ, готовыхъ идти смѣло на всякій приступъ.

Военные имѣютъ особенный даръ, тотчасъ по приходѣ на новыя квартиры, узнавать, гдѣ живутъ хорошенькія дамы и дѣвицы. Разумѣется, большая часть ихъ познакомились съ Горлицыными и стали оспаривать другъ у друга счастіе понравиться Катѣ. Со всѣми была она свободна, привѣтлива, ровна, старалась, какъ молодая хозяйка, чтобы въ домѣ отца ея не скучали, но никому не показывала предпочтенія. Какъ скоро же замѣчала, что за нею начинаютъ слишкомъ ревностно ухаживать, умѣла скоро дать знать своему поклоннику, что это ей не нравится и успѣха его искательству не будетъ. Никогда самый храбрый изъ этихъ рыцарей не осмѣливался переступить границъ уваженія къ ней. Столько было скромности, приличія, достоинства въ дочери бѣднаго соляного пристава! Въ это самое время вставала для этихъ рыцарей новая звѣзда, которая хотя давно блистала на холоденскомъ горизонтѣ, но не имѣла еще поклонниковъ. Это была Прасковья Михайловна Пшеницына. Гостепріимный домъ мужа ея былъ открытъ для всѣхъ, и

офицеры хлынули туда вслѣдъ за своимъ генераломъ Эс—мъ, молодымъ, красивымъ. Оставался только геройски вѣренъ знамени Кати Горлицыной одинъ офицеръ, пріятной наружности и съ прекрасными душевными качествами. Онъ влюбился въ Катю. Поощряемый своимъ сердцемъ и опираясь на преимущества хорошаго состоянія, онъ не могъ думать, чтобы дочь бѣднаго соляного пристава не склонилась, наконецъ, на постоянство его почтительной, безкорыстной любви. Въ Волгинѣ же, у котораго была ужь сѣдина въ головѣ, хотя пріятномъ и достойномъ всякаго уваженія человѣкѣ, не видалъ опаснаго соперника. Этого молодого человѣка звали Селезневымъ.

Катя не поощряла его никакими надеждами, но и не отталкивала рѣзкими выходками и была съ нимъ равно любезна, тѣмъ болѣе, что отецъ полюбилъ Селезнева отъ души. Эта партія льстила Горлицыну, потому что онъ видѣлъ въ немъ достойнаго, благороднаго, пылкаго искателя руки его дочери, идущаго скорымъ шагомъ и прямымъ путемъ къ цѣли своей. — Вотъ этакъ по нашему!—говорилъ онъ самъ съ собою. Въ Волгинѣ же началъ нѣсколько сомнѣваться. Иванъ Сергѣевичъ казался ему какимъ-то рыцаремъ печальнаго образа, подъ непроницаемою броней таинственности, нерѣшительнымъ, колеблющимся. Все это не скрылось отъ глазъ Волгина и прибавило новыя страданія къ тѣмъ, которыя онъ терпѣлъ отъ невозможности сдѣлать предложеніе Катѣ.

Между тѣмъ нужды начинали сильно осаждать Горлицына. Съ пріѣздомъ его дочери бюджетъ его доходовъ и расходовъ совершенно измѣнился. Доходы уменьшились важною статьею — домъ ужь ничего не приносилъ. Расходы значительно выросли. Для Кати нужно было держать получше столъ; приличіе требовало угощать посѣтителей чаемъ, закуской. Эти уго-

щенія считались необходимыми, чтобы не показаться голыми бѣдняками и не пристыдить Кати. Посѣтителей нельзя же не принимать, чтобы Катѣ не было скучно, да и неловко принимать одного Волгина. Любовь отца разсчитывала также на вѣрнаго женишка между ними. Прибавилось два человѣка прислуги; надо было ихъ одѣть и накормить. Хорошо еще, что Катя на деньги, полученныя ею при выпускѣ изъ института, составила себѣ порядочный гардеробъ. Но мало ли что нужно дѣвицѣ, выѣзжающей въ свѣтъ, хотя и холоденскій? Разныя вещицы для нея, которыя у зажиточныхъ людей считаются ничтожными бѣздѣлками, опустошали также кошелекъ Горлицына, и безъ того скудный. Катя, жившая на всемъ готовомъ въ институтѣ, не имѣла понятія о томъ, что надо издерживать на нее и что могъ отецъ ея издерживать. Должность соляного пристава, конечно, очень скромная; отецъ ея небогатъ, потому что не имѣетъ каменнаго дома, экипажа, большой прислуги, — это знала она; но не воображала, чтобы онъ могъ нуждаться въ необходимомъ. Настоящую же нужду, бѣдность, не иначе представляла себѣ, какъ въ лохмотьяхъ, протягивающую руку для подаянія. Маленькіе остатки отъ собственныхъ ея деньжонокъ почти всѣ, мало по-малу, перешли къ такимъ бѣднякамъ. Впрочемъ, желая ознакомиться съ домашнимъ хозяйствомъ (не даромъ же называли ее молодою хозяйкой!) и облегчить отцу занятія по этой части, она просила поручить ей эти занятія. Но Горлицынъ, упрямо, подъ разными предлогами, отказывался посвятить ее въ тайны домашняго очага. Онъ хотѣлъ оставить ее въ спокойномъ, счастливомъ невѣдѣніи его скудныхъ средствъ. Зачѣмъ ее, такую молодую, довольную своей судьбой, знакомить съ горькою существенностью? Радости, какъ пѣгуньи-птички, свили себѣ гнѣздо въ ея сердцѣ; спугнешь

ихъ, не скоро загонишь назадъ. Людямъ строго наказано было скрывать отъ Кати все, что могло ее огорчить или потревожить.

Когда она еще не пріѣзжала изъ Петербурга, Александръ Иванычъ не стыдился ходить съ своимъ кулечкомъ въ лавки и на рынокъ. Что ему были мнѣнія холоденскихъ жителей! Но когда поселилась въ домѣ петербургская, воспитанная дѣвица, на которую обратилъ вниманіе богатый сосѣдъ, Горлицынъ сталъ стыдиться этого кулечка. Онъ передалъ его Филемону. Хозяйство отъ такого распоряженія не потерпѣло; напротивъ того, вѣрный слуга покупалъ все дешевле своего барина, да еще умѣлъ, за недостаткомъ денегъ, кредитоваться то у одного, то у другого торговца. Но и кредитъ началъ мало-по-малу колебаться. — Больно горды вы съ бариномъ, — говорили Филемону лавочники. — То-то бы ломаться не надо. Что за честь, когда нечего ѣсть! — Такіе отзывы очень раздражали стараго слугу.

Грозно, настойчиво осаждали, враги называемые нуждами, домикъ холоденскаго соляного пристава и съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе обступали его.

Даже въ присутствіи Кати крѣпко задумывался иногда Горлицынъ. Забывшись, онъ что-то бормоталъ про себя и перебиралъ пальцами, какъ будто дѣлалъ какія-то выкладки.

— Что это вы, папаша, нынѣ такъ скучны?—говорила Катя, ласкаясь къ отцу. — Все считаете по пальцамъ. Ужь не безпокоятъ-ли васъ какіе счеты?

— На службѣ не безъ заботъ, душа моя, — отвѣчалъ Горлицынъ.—Однакожь, все пустяки! Показалось мнѣ, въ нѣсколькихъ куляхъ соли обчелся.

— Чтобы мнѣ поручить вашу счетную книгу? Вѣдь я знаю тройное правило, а это правило золотое, пригодно во всѣхъ случаяхъ жизни, говаривалъ мнѣ учи-

тель. Хотите, я вамъ сочту, сколько у васъ зеренъ соли въ магазинѣ? Положимъ, въ фунтѣ столько-то зеренъ, въ пудѣ столько-то фунтовъ, въ кулѣ—пудовъ, въ магазинѣ—кулей. Проэкзаменуйте-ка меня.

Горлицынъ засмѣялся и сказалъ:—Кто-жь считаетъ зерна соли? Вѣдь это все равно, что сосчитать песчинки на берегу рѣки.

— Ну, такъ я вамъ сочту приходъ и расходъ вашихъ денегъ съ моего пріѣзда, и выведу остатокъ. Положимъ, у васъ было такого-то числа 2,157 рублей $63^{7}/_{8}$ копѣйки...

— Полно ты, моя милая счетчица,—перебилъ Катю отецъ, у котораго сердце сжалось еще сильнѣе, когда она произнесла гигантскую сумму его мнимаго богатства.—Вѣрю, что ты ариѳметику хорошо знаешь, да твоя мнѣ не годится... Вотъ, какъ выйдешь замужъ...

— Чтожь вы меня такъ скоро гоните отъ себя?

— Гнать?... Можно ли, душа моя?... Ты мнѣ одна отрада на свѣтѣ. Да вѣдь когда-нибудь надо. Сыскался бы добрый человѣкъ, такъ я бы самъ къ вамъ перебрался.

— А, напримѣръ, кого бы вы выбрали мнѣ?—спросила лукаво Катя.

— Напримѣръ, вотъ Селезнева.

— Селезнева?...—И неудовольствіе изобразилось на лицѣ Кати.

— Молодой человѣкъ очень достойный. Онъ мнѣ ужь дѣлалъ предложеніе...

— Чтожь вы ему сказали?

— Просилъ подождать. Знаю, сосѣдъ былъ бы больше по сердцу, да... чудакъ какой-то... Вотъ ужь слишкомъ три мѣсяца къ намъ ходитъ, ухаживаетъ за тобой и только... серьезнаго ничего... Гдѣ жь? такой богатый человѣкъ, можетъ быть и знатная родня... а мы живемъ въ хижинѣ, званіемъ неве-

лички... Ужь не потѣшается-ли, какъ игрушкой, отъ скуки?...

— Потѣшается?... Не можетъ быть, неправда!— сказала съ одушевленіемъ Катя; но, понявъ, что слишкомъ рѣзко отвѣчала отцу и могла этимъ оскорбить его, стала къ нему ласкаться и промолвила: — Зачѣмъ же, папаша, обижать напрасно добраго, благороднаго человѣка?

Катя не могла ничего болѣе сказать, заплакала и упала на грудь отца. Александръ Иванычъ замѣтилъ, что любовь пустила слишкомъ глубокіе корни въ сердцѣ дочери, крѣпко смутился и проговорилъ: — Ну, виноватъ, душечка; такъ къ слову сказалось... Прости мнѣ. Времени у тебя впереди много. Господу поручаю тебя и твою судьбу. Онъ лучше насъ все устроитъ.

Этотъ разговоръ оставилъ, однакожь, тяжелое впечатлѣніе на душѣ Кати и заставилъ ее придумывать, что бы могло остановить Волгина сдѣлать отцу предложеніе, Волгина, который, казалось, такъ ее любитъ. Обманывать ее онъ не можетъ, нѣтъ, и сто разъ нѣтъ!

Когда Катя вышла изъ комнаты отца, онъ грустно проводилъ ее глазами, покачалъ головой и опять впалъ въ глубокое раздумье, и опять сталъ перебирать пальцами.—Жалованье взято впередъ за два мѣсяца: статья конченная. — Занять у Пшеницыныхъ? Неловко: по службѣ имѣетъ отношенія. За послугу надо быть благодарнымъ. Сколько знаетъ онъ людей, которые, задолжавъ усерднымъ кредиторамъ, дѣлались ихъ ревностными слугами; какъ часто благодарность вводила въ нечистыя дѣла!...—У предводителя? Просить, охъ, тяжело!.., Дадутъ: чѣмъ отдать?... Предводитель же самъ не Богъ знаетъ какой богачъ, ждать долго не можетъ. Еще болѣе запутаешься.—Заложить серебряные часы, подарокъ жены на второй день брака? Развѣ прибавить къ нимъ обручальныя кольца?... По-

жалуй, скрѣпя сердце, онъ послалъ бы ихъ съ Филемономъ въ какому-нибудь ростовщику. Но что дастъ за нихъ ростовщикъ? Бездѣлицу, а возьметъ жидовскіе проценты. — Заложить домъ? Но завтра-жь онъ можетъ умереть, и какое наслѣдство оставитъ дочери?...

Приближался часъ, когда Горлицынъ могъ отчаянно сказать— не знаменитое, хотя пригодное на этотъ случай, изреченіе Франциска I-го послѣ пораженія подъ Павіей: все потеряно, кромѣ чести! — нѣтъ, роковыя слова чиновника-бѣдняка, у котораго есть дочь, нѣжно любимая — слова, много значащія, хотя и очень простыя: осьмушку чаю, фунтъ сахару на завтрашній день! Годъ жизни за осьмушку чаю, за фунтъ сахару!

Правда, были еще у Горлицына два средства отдалить этотъ роковой часъ и взять передышку отъ бремени нуждъ, которыя на него налегали. Первое средство предложилъ ему усердный Филемонъ въ одно изъ совѣщаній, на которыя они сошлись тайно отъ всѣхъ; другое само собою представилось Александру Иванычу въ минуты отчаяннаго его положенія.

Филемону передалъ по секрету старый инвалидъ, приставленный къ соляному магазину, что въ этомъ магазинѣ есть нѣсколько десятковъ лишнихъ кулей, накопившихся съ годами, оттого, что у Александра Иваныча не было или было очень мало утечки и усышки, положенныхъ даже закономъ. Неровенъ часъ, пріѣдетъ ревизоръ, да еще взыщетъ за лишнюю соль; пойдутъ допросы, откуда взялась. Что скажешь? какъ отдѣлаешься отъ этихъ зубастыхъ допросовъ? Для безопасности должно, безъ грѣха можно, ее продать. Инвалидъ и старый слуга берутся это сдѣлать такъ, что никто не узнаетъ. А денежки можно выручить хорошія.

— Продать, изъ казеннаго мѣста, казенное добро въ свою пользу? Посягнуть на воровство первый разъ въ жизни? Сдѣлать дольщиками этого воровства слугу и сторожа? Да какъ ты осмѣлился мнѣ это предложить, сударь ты мой? Да я тебя упеку и съ твоимъ инвалидомъ, куда воронъ костей не заноситъ! Что мнѣ ревизоръ? Соль на лицо; не безчестно, не съ корыстными умыслами копилъ!... Я самъ донесу по начальству, и дѣлу конецъ.

Такою рѣзкою исповѣдью Александръ Иванычъ осыпалъ Филемона, словно картечью; но слуга не струсилъ. Раздосадованный, что его золотой совѣтъ, такъ хитро и съ такимъ усердіемъ придуманный, не удался, онъ нагрубилъ первый разъ въ жизни своему барину и покончилъ тѣмъ, что предсказывалъ ему суму, да и несчастной дочкѣ такую же участь. Горлицынъ въ сердцахъ вытолкалъ его изъ двери. Послѣ такой неудачи и оскорбленія, старый слуга впервые въ жизни запилъ, и такъ запилъ, что не могъ идти на рынокъ. Эту обязанность исполнила Бавкида, не преминувъ сначала поколотить порядкомъ своего супруга. Новый ударъ принялъ бѣдный Горлицынъ въ сердце, будто истинное наказаніе Божье.

Другое средство избавиться отъ всѣхъ этихъ мирскихъ треволненій было — прибѣгнуть къ секретной шкатулкѣ, въ которой хранилась экономическая сумма, накопленная въ столько лѣтъ къ пріѣзду дочери. Въ шкатулкѣ уже близъ ста рублей. Но деньги эти назначены Катѣ; онѣ сдѣлались ея добромъ, ея собственностью. Чтожъ? онъ займетъ не у чужого, у дочери. Придутъ болѣе счастливые дни, и деньги возвратятся на свое мѣсто. Рѣшено: секретная шкатулка — единственный источникъ, изъ котораго можно почерпнуть безъ укора совѣсти. Не то завтра у Кати не будетъ чаю, завтра... мало-ли чего не будетъ?

Въ раздумьѣ ходилъ Александръ Иванычъ нѣсколько времени по своей комнатѣ взадъ и впередъ, тяжелыми шагами, которые отдавались въ потолокъ Катиной спальни. Вѣщее чувство сказало ей, что отецъ ея чѣмъ-нибудь необыкновенно озабоченъ. Грустный, пасмурный видъ, котораго она прежде въ немъ не замѣчала, какая-то скрытность въ поступкахъ, тяжелые шаги, никогда такъ сильно не раздававшіеся надъ ея головой,—все это встревожило ее, и она рѣшилась идти къ отцу наверхъ.

Въ это время Александръ Иванычъ, доставъ завѣтный ящикъ, блѣдный, дрожащими руками отперъ его, будто собирался украсть чужія деньги. Только что успѣлъ онъ взглянуть на свое сокровище, какъ дверь тихо отворилась. Въ страхѣ онъ опустилъ руки, затрясся, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить слова. Жалкій, умиленный видъ имѣлъ онъ, будто застигнутый воришка. Шкатулка была наполнена почти до верху крупною и мелкою серебряною монетой. Въ первыя минуты Катя не могла приписать смущеніе отца ничему другому, какъ испугу, что застала его надъ деньгами, которыя онъ старался скрыть отъ нея... Она всплеснула руками и промолвила: — О го-го! папаша, сколько у васъ денегъ!...

— Немного, Катя, немного, и ста рублей нѣтъ — едва могъ выговорить Александръ Иванычъ:—для тебя было копилъ... да понадобились... крайняя нужда... Хотѣлъ у тебя въ долгъ взять, прости мнѣ.

И въ глазахъ его заблистали слезы.

Въ этихъ словахъ, въ слезахъ этихъ, было столько горькой истины, вылившейся изъ глубины души, что Катя сейчасъ поняла свою ошибку. Она схватила руку отца, нѣжно, крѣпко поцѣловала ее и сказала: — О! какой вы добрый!... А все-таки грѣхъ вамъ сомнѣваться во мнѣ, да еще просить у меня прощенія. Развѣ

все мое — не ваше, все ваше — не мое?... Еще бы намъ дѣлиться!.. Вѣдь только насъ двое и есть въ семьѣ... Давайте, сочтемъ, сколько тутъ денегъ. Еще есть у меня петербургскихъ рублей десятокъ слишкомъ, положимъ вмѣстѣ.

И еще разъ поцѣловавъ руку отца, подала ему стулъ, потомъ важно присѣла къ столу, на которомъ стояла шкатулка, высыпала изъ нея деньги и начала раскладывать ихъ кучками, пятачки къ пятачкамъ, гривенники къ гривенникамъ, и такъ далѣе. Тутъ же проговорила: «вотъ я васъ за это накажу, погодите!..» Отъ сердца Александра Иваныча отлегло; онъ улыбнулся прежнею своею дѣтскою, прекрасною улыбкой и сталъ помогать дочери укладывать деньги. Сосчитавъ деньги, которыхъ дѣйствительно оказалось близъ ста рублей, она сыскала клочекъ бумаги, взяла перо и стала писать и произносить вслухъ написанное, припоминая себѣ форму заемнаго письма, которое видѣла въ Петербургѣ у матери своей подруги: — Я нижеименованный отецъ такой-то дочери занялъ у единородной своей Кати 103 рубля 65 копѣекъ—понимаете, тутъ будутъ и петербургскія деньги — на безсрочное время; буде чего не заплачу, то вольна она, вышереченная Катя, требовать отъ меня сверхъ законныхъ поцѣлуевъ, выдаваемыхъ ей каждый день, столько, сколько она пожелаетъ. Теперь подписывайте. — И Александръ Иванычъ, усмѣхаясь, взялъ перо и подписалъ рукою, еще нетвердою, свое имя и фамилію.

— А теперь, — сказала она, цѣлуя его, — проценты впередъ. Вотъ вамъ, вотъ вамъ... вѣдь я ростовщикъ!

Оживили Горлицына эти слова и ласки, и онъ, собирая деньги опять въ шкатулку, сказалъ:—Вѣдь я не шутя возьму у тебя деньги; онѣ мнѣ нужны.

— Сказано, сдѣлано, вотъ рука моя, а вотъ и ваша заемное письмо—отвѣчала Катя, скорчивъ серьезную мину, ударила отца въ ладонь его, молодецки пожала ее и, свернувъ клочекъ бумаги, спрятала у себя на груди.

Такъ пасмурно начался и такъ отрадно кончился этотъ день. Счастливый Александръ Иванычъ повеселѣлъ. По старой привычкѣ онъ велѣлъ позвать къ себѣ Филемона, да тотъ оказался опять въ несостоятельномъ положеніи. Опять поручили Бавкидѣ сдѣлать покупки, и на этотъ разъ болѣе важныя. И вслѣдъ за тѣмъ довольство полилось въ домѣ. Катя, узнавъ, что старый слуга боленъ, очень этимъ встревожилась, состряпала ему бузиннаго отвара въ чайникѣ и сама пошла къ одру больного, чтобы дать ему это лекарство. Филемонъ былъ въ жару, мутные глаза едва узнали барышню, къ которой потянулся было цѣловать руку... Катя думала, что старикъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, съ жалостью на него посмотрѣла и велѣла своей горничной давать ему бузины, да почаще ей сказывать, будетъ ли ему легче или хуже, неравно придется послать за лекаремъ. Такое вниманіе доброй барышни къ недостойному очень озадачило его и пробудило въ немъ совѣсть. На другой же день явился онъ къ Катеринѣ Александровнѣ, когда барина не было дома, и повалился ей въ ноги.

— Матушка барышня, простите мнѣ, — говорилъ онъ ей, — я васъ обманулъ, боленъ не былъ. Бѣсъ лукавый попуталъ: хмѣльнымъ зашибся. Отродясь не бывало со мною этакой оказіи. Божусь вамъ, въ первый и послѣдній разъ... Тятенька вѣдь всему причиной... больно ужъ совѣстливъ.

Этими словами подана была нить въ руки Катерины Александровны, и клубокъ сталъ разматываться. Тутъ Филемонъ разсказалъ причину своего нравствен-

наго паденія и кстати уже развернулъ свитокъ исторіи всѣхъ нуждъ, которыя одолѣвали Александра Ивановича едва ли не со смерти Катиной матери, какъ онъ терпѣлъ ихъ, не смѣя царскою копѣечкой поживиться, да какъ отказывалъ себѣ во всемъ, и прочее и прочее, что мы ужь прежде разсказывали.

Чего не открыла Катѣ эта простая, но страшная для нея повѣсть! Какимъ новымъ свѣтомъ озарилась душа ея! Теперь только узнала она всю силу любви къ ней отца. Все ея прошедшее было только сновидѣніе, мечты, коварно ласкавшія ее. Она походила на дитя, которое тѣшится огоньками, бѣгающими по стѣнѣ около его колыбели, не зная, что черезъ часъ весь домъ отъ нихъ разрушится. Сколько опыта пріобрѣла Катя въ нѣсколько минутъ! Въ какомъ горнилѣ закалилась душа! Да, нѣсколько минутъ тому назадъ, она была дѣвочка; теперь стала женщиной, твердою, сильною, готовою вступить въ борьбу съ невзгодами жизни. За самоотверженную любовь надо заплатить такою же любовью, за великія жертвы — еще высшими, если можно.

Катя поблагодарила стараго слугу за все, что онъ ей открылъ, обѣщаясь никому не говорить о томъ, что слышала отъ него, наказывала не огорчать болѣе отца неумѣстными совѣтами и дурнымъ поведеніемъ. Отпустивъ его, она отправилась въ свою спальню, усердно, со слезами молилась образу Спасителя, которымъ отецъ благословилъ ее, когда она поступила въ институтъ; долго стояла на колѣняхъ передъ портретомъ матери... Плакала она горько эту ночь, плакала и другія ночи, но съ каждымъ утромъ, умывшись, была на видъ весела и необыкновенно нѣжна съ отцомъ. Цѣлую недѣлю каждый день ходила въ соборную церковь, которая была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ дома, и такъ усердно молилась. Молитвы ея были объ

одномъ и томъ же, подать ей свыше силы принесть долгу свою жертву. Волгинъ, впродолженіе этой недѣли, приходилъ раза три, былъ по прежнему особенно внимателенъ къ Александру Иванычу. Въ каждомъ взглядѣ его, въ каждомъ словѣ, обращенномъ къ Катѣ, не могла она не замѣтить выраженій прежней любви. Сколько разъ, замѣчая, что отецъ сдѣлался къ нему холоднѣе, а дочь была особенно грустна, рѣшался онъ объяснить свое положеніе, но молчалъ, боясь безвременною откровенностью разрушить свое счастіе тогда, когда ожидалъ со дня на день окончанія дѣла о разводѣ.

Недѣля прошла, и Катя въ первый затѣмъ день объявила отцу, что идетъ за Селезнева.—Онъ добрый, достойный человѣкъ,—говорила она отцу:—я хочу, я буду его любить... Только прошу у васъ три дня сроку.: Только три дня, — повторяла она съ твердостью: а тамъ, не спрашивая меня, скажите ему, что я согласна.

Какъ ни желалъ Горлицынъ этого рѣшенія, онъ теперь испугался его. Согласіе было дано такъ неожиданно, безъ всякихъ приготовленій.—Я не неволю тебя, душа моя, — говорилъ онъ Катѣ: — тебѣ вѣдь жить съ мужемъ, такъ выбирай себѣ по сердцу. — Но Катя осталась на своемъ. Александръ Иванычъ пристально посмотрѣлъ на нее и сказалъ съ необыкновенною твердостью: «Подождемъ!...» Потомъ задумалъ онъ думу крѣпкую. Не получила ли ужь она письма отъ Волгина, которое заставило ее принять такое скорое рѣшеніе? Не можетъ быть. Еслибъ онъ осмѣлился къ ней написать, Катя не скрыла бы письма отъ отца. Не могъ же разсудокъ въ нѣсколько дней побѣдить склонность, которая такъ сильно выказалась въ послѣднемъ разговорѣ съ дочерью, склонность, которая такъ быстро развилась и долго росла, поощряе-

мая самымъ одобреніемъ отца! Волгинъ жилъ въ Холоднѣ безъ дѣла; не слыхать было, чтобъ онъ собирался куда, несмотря на то, что хозяйственныя дѣла требовали его въ новое имѣніе. Катя ходила каждый день въ церковь, чего прежде не дѣлала. У ней были на дняхъ глаза красны: сказано, что это отъ вѣтру... Нѣтъ, это не то, совсѣмъ не то!... Тутъ что-нибудь необыкновенное скрывается. Какъ бы узнать?

Передумалъ все это Александръ Иванычъ и рѣшился идти къ Волгину отплатить, можетъ быть, послѣднимъ визитомъ за десятки, которые былъ ему долженъ, между тѣмъ намекнуть о предложеніи Селезнева и испытать, какое дѣйствіе произведетъ оно на сосѣда. Надо было развязать судьбу Кати, а другого способа, какъ этотъ, не могъ отыскать Александръ Иванычъ въ простотѣ души своей.

Волгинъ былъ очень радъ посѣщенію гостя. Никогда сосѣдъ не видалъ его въ такомъ пріятномъ расположеніи духа; оно выражалось на лицѣ его, во всѣхъ его словахъ. — Вы, какъ нарочно, посѣтили меня, — говорилъ онъ Горлицыну: — когда я только что получилъ изъ Петербурга радостное извѣстіе. На дняхъ ожидаю другого, рѣшительнаго; оно развяжетъ мою судьбу, отъ него зависитъ вся моя будущность.

Въ чемъ же состояло это извѣщеніе, Волгинъ не сказалъ, и сосѣдъ почелъ неприличнымъ спрашивать. Загадка для Александра Иваныча все-таки осталась загадкой. Онъ рѣшился приступить къ болѣе сильнымъ мѣрамъ и, какъ дѣлаютъ удачно нѣкоторые хитрецы, простодушною откровенностью вызвать на такую же.

— И у меня въ домѣ, сударь вы мой, — сказалъ онъ: — готовится нѣчто пріятное.

— А что такое? — спросилъ нетерпѣливо Волгинъ.

— Отъ васъ не скрою: я васъ уважаю, какъ друга.

Вотъ видите, прекрасный, молодой человѣкъ Селезневъ... достойный во всѣхъ отношеніяхъ... вы его знаете... удостоилъ чести просить руки дочери моей...

Волгинъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.—Чтожь Катерина Александровна? — спросилъ онъ задыхаясь.

— Сначала Катя не хотѣла и слышать. Да она у меня разумная такая... Романическія бредни еще съ удовольствіемъ прочтешь въ книгѣ, а въ жизни куда какъ не годится!... Все дымъ, сударь мой!... Господь посылаетъ ей счастіе, грѣхъ пренебрегать... Просила только три дня сроку...

Волгинъ вскочилъ съ дивана, схватилъ руку Александра Иваныча и, крѣпко сжимая ее, сказалъ: — Нѣтъ, этому не быть!... Скажите, что этому не быть... Не убейте меня... Простите, что я такъ смѣло говорю... Воля родительская... но я люблю ее такъ сильно, такъ глубоко, что готовъ за нее съ цѣлымъ міромъ поспорить. Я полюбилъ ее съ перваго раза, какъ увидѣлъ; самъ Господь указалъ мнѣ на нее.., Мое счастіе, жизнь моя — въ надеждѣ получить ея руку. Ради Бога, не отнимайте у меня этой надежды

— Позвольте, для чего жь вы до сихъ поръ не объяснились?..

— Винюсь передъ вами, я сдѣлалъ въ жизни своей только одно худое дѣло — скрылъ отъ васъ одно обстоятельство, и то изъ боязни потерять доброе расположеніе Катерины Александровны. Но нынѣ же... на словахъ не могу... открою вамъ все. Нынѣ вечеромъ вы получите отъ меня письмо. Прочтите его сначала одни, потомъ, если дозволите, пусть прочтетъ ваша дочь, и тогда рѣшите мою участь.

— Вы знаете,—отвѣчалъ тронутый Горлицынъ:— сколько я люблю и уважаю васъ. И я за честь, за счастіе почелъ бы имѣть васъ своимъ зятемъ. Но... посудите сами... такія частыя посѣщенія, такъ долго...

голова молодой дѣвушки могла закружиться; далеко ли до сердца?... злые языки въ городѣ...

— Вините судьбу мою, обстоятельства!... Намѣренія мои были всегда чисты; заслужить руку вашей дочери, но заслужить ее честно, благородно,—было однимъ побужденіемъ моимъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ съ того времени, какъ ее знаю. Ради Бога, не осуждайте меня...

— Буду ждать вашего письма,—сказалъ Горлицынъ, крѣпко обнялъ своего сосѣда и простился съ нимъ. Возвратившись домой, обремененный радостнымъ предчувствіемъ и страхомъ неизвѣстности, онъ сказалъ Филемону, сидѣвшему уже въ передней въ здоровомъ положеніи, такъ что могла слышать Катя изъ другой комнаты: — Если придетъ нынѣ Селезневъ, сказать, что насъ дома нѣтъ. Слышалъ ты, Ричардъ мой возлюбленный?

— Слышалъ, батюшка, Александръ Иванычъ,— отвѣчалъ дрожащимъ отъ радости голосомъ Филемонъ, ободренный шуточнымъ привѣтствіемъ, которое всегда такъ пріятно щекотало его сердце и котораго онъ болѣе недѣли не слыхалъ отъ своего господина.

Вошедши же въ комнату дочери, Горлицынъ прибавилъ съ веселымъ видомъ:—Мы подождемъ, Катя; да, подождемъ!... Утро вечера мудренѣе, говоритъ пословица, а у насъ вечеръ будетъ мудрѣе утра. Не знаю ничего, а знаю только, что сосѣдъ нашъ человѣкъ благородный, хоть и темный. Не спрашивай меня ни о чемъ, и будь повеселѣй

И Катя, смущенная этими загадочными словами, не спрашивала ни о чемъ. Можно вообразить, что происходило въ душѣ ея. Она видѣла, какъ отецъ ходилъ къ сосѣду, замѣтила, что онъ возвратился домой веселѣй, нежели вышелъ изъ дому, ничего не понимала изъ путаницы словъ, сказанныхъ ей отъ омъ,

но слово: «подождемъ!» было для нея такъ странно. Она посмотрѣла на портретъ матери и подумала, покачавъ головой: «не ты-ли упросила тамъ за меня Господа?...» Довольно было для нея ужь и того, что откладывалось исполненіе ужаснаго приговора, на который она себя осудила.

Передъ вечеромъ Горлицынъ получилъ отъ сосѣда огромный пакетъ и заперся у себя на ключъ, чтобы никто не мѣшалъ ему прочесть, что въ немъ заключалось. Въ этомъ пакетѣ было письмо на его имя, тетрадь съ заглавіемъ: «моя исторія», нѣсколько документовъ и писемъ на имя Ивана Сергѣевича отъ дяди его.

Письмо, адресованное Горлицыну, было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь,
Александръ Ивановичъ!»

«Посылаю вамъ исторію моей жизни со времени пріѣзда въ губернскій городъ N, вмѣстѣ съ приложеніями, которыя удостовѣрятъ васъ въ истинѣ моего разсказа. Богъ свидѣтель, что я не старался въ немъ представить себя въ лучшемъ видѣ, нежели каковъ я былъ, и обременить лишними нареканіями женщину, и безъ того слишкомъ наказанную. Да проститъ ей Судія Всевышній, какъ я простилъ ее на этой землѣ!

«Желалъ бы я скрыть отъ всѣхъ въ глубинѣ растерзаннаго сердца эту ужасную исторію; но долгъ мой, послѣ того, какъ я признался вамъ въ чувствахъ своихъ къ Катеринѣ Александровнѣ, обязываетъ меня быть съ вами откровеннымъ, какъ съ отцомъ моимъ. Прочтите все и осудите меня, если у васъ достанетъ силы осуждать несчастіе, а не преступленіе.

«Жизнь моя безъ пятна, совѣсть чиста. Въ одномъ могу только обвинить себя—въ томъ, что я не от-

крылъ вамъ прежде моихъ обстоятельствъ; но и за этотъ невольный проступокъ ожидаю себѣ великодушнаго прощенія: любовь и тутъ была причиной обмана, безъ котораго я закрылъ бы себѣ, можетъ быть, навсегда доступъ къ сердцу вашей дочери.

«Любовь моя къ Катеринѣ Александровнѣ такъ сильна, что нѣтъ жертвы, какую бы я не принесъ ей, кромѣ самой любви. Я буду ждать вашего отвѣта цѣлыя сутки. Если не получу его въ этотъ срокъ, приговоръ мой будетъ мнѣ извѣстенъ. Ударъ этотъ, конечно, придется сердцу моему тяжелѣй всѣхъ, какіе я доселѣ испыталъ. Тогда останется мнѣ уѣхать изъ здѣшнихъ мѣстъ въ дальнюю мою деревню, можетъ быть въ чужіе края, пожелавъ Катеринѣ Александровнѣ всего счастія, котораго она такъ достойна, а вамъ— наслаждаться зрѣлищемъ этого счастія. Объ одномъ попрошу васъ только, вспомнить иногда несчастливца, которому судьба, безъ вины его, назначила испить до послѣднихъ дней его горькую чашу страданій. Мнѣ же останется навсегда хоть утѣшеніемъ воспоминаніе о тѣхъ прекрасныхъ дняхъ, единственныхъ въ жизни моей, которые я провелъ въ вашемъ семействѣ».

Читая это посланіе и всѣ приложенія къ нему, Горлицынъ нѣсколько разъ прекращалъ свое чтеніе, чтобы дать себѣ отдохнуть отъ бремени тѣхъ чувствъ, которыя оно возбуждало въ душѣ его; нѣсколько разъ слезы мутили его глаза и заставляли отрываться отъ печальныхъ строкъ. Пришедши къ дочери, онъ подалъ ей письма и бумаги, полученныя отъ Волгина, кромѣ копій съ разныхъ опредѣленій присутственныхъ мѣстъ, и сказалъ ей:—Ты не дитя, вооружись твердостью, прочти все и скажи мнѣ потомъ, что должно написать сосѣду. А я покуда пройдусь немного, подышу свѣжимъ воздухомъ... Мочи нѣтъ, мнѣ тяжело!

Когда онъ возвратился, Катя съ заплаканными глазами сидѣла у стола и писала что-то на почтовомъ листочкѣ, написавши, отдала отцу и прибавила:— Прочтите эту записку и пошлите ее къ Волгину. Знаю напередъ, что вы на нее согласны, потому что вамъ дорого счастіе вашей дочери.

Александръ Иванычъ прочелъ слѣдующее: «Отецъ мой предоставилъ мнѣ отдать руку мою тому, кого выберетъ мое сердце. Полюбила я васъ сначала—можетъ быть, и романически: мудрено-ль? Тогда я только что сошла съ институтской скамьи. Потомъ, съ опытомъ жизни, разсудокъ и сердце увѣрили меня, что я ни съ кѣмъ не могу быть счастлива, какъ съ вами. Теперь ни въ чемъ васъ не обвиняю. Уважаю васъ еще болѣе, прочтя ваши бумаги. Видно, Господь назначилъ мнѣ утѣшить васъ, сколько могу, за все ваше прошедшее — я исполню свято этотъ долгъ. Приходите къ намъ сейчасъ.

Ваша на вѣки
Катерина Горлицына.

Ничего не сказалъ отецъ, прочтя записку, поцѣловалъ дочь, благословилъ ее и, запечатавъ посланіе, отослалъ съ Филемономъ къ сосѣду, Вѣрный Ричардъ дожидался отвѣта. Радостный, какъ безумный, выбѣжалъ къ нему Волгинъ, поцѣловалъ его въ лобъ, всунулъ ему въ руку пучокъ ассигнацій, сказалъ: — иду!—но, видя, что тотъ, ошеломленный отъ такихъ невиданныхъ щедротъ, стоялъ все на одномъ мѣстѣ, почти вытолкнулъ его изъ двери. Черезъ нѣсколько минутъ Иванъ Сергѣевичъ былъ у ногъ Кати... Дѣтская улыбка мелькала на губахъ Александра Иваныча и радостныя слезы катились изъ глазъ его.

Прошло нѣсколько дней нетерпѣливаго и тревожнаго ожиданія извѣстія изъ Петербурга. Оно пришло. Вотъ что писалъ Ивану Сергѣевичу дядя его:

«Твое дѣло окончательно рѣшено. Но Богъ рѣшилъ его, за нѣсколько дней до того, по-своему. Пятаго ноября отошла твоя жена въ вѣчную жизнь. Передъ смертью пришла въ разсудокъ, узнала гдѣ находится, потребовала къ себѣ священника, исполнила всѣ христіанскія обязанности, со слезами просила прощенія, особенно у тебя, у всѣхъ, кого когда-либо обидѣла, пожелала тебѣ счастія (это были ея послѣднія слова) и скончалась тихо, на рукахъ людей, совершенно ей чужихъ. Пускай будетъ ея жизнь примѣромъ для многихъ! Подай ей, Господи, въ селеніяхъ небесныхъ миръ, которымъ она здѣсь не наслаждалась!... Посылаю тебѣ законное свидѣтельство о ея смерти».

Когда Волгинъ передалъ Катеринѣ Александровнѣ и отцу ея это извѣстіе и намѣреніе свое отслужить панихиду по усопшей, невѣста его вызвалась участвовать въ исполненіи этого священнаго и трогательнаго обряда.

Впослѣдствіи времени она этой обязанности не пропускала ни одного года до конца дней своихъ.

Помолвка и обрученіе были черезъ нѣсколько дней и изумили весь городъ. Семейство предводителя, Пшеницыны и многіе другіе отъ души радовались этому событію. Сыскались, однакожъ, люди, которые замѣтили, что дочери бѣднаго соляного пристава выпало такое высокое счастіе не по рангу. Селезневъ съ отчаянія спѣшилъ уѣхать въ отпускъ.

Въ это время Катерина Александровна получила при своемъ женихѣ письмо—отъ кого бы вы думали?—отъ маіорской дочери Чечеткиной.

— Что бы она могла ко мнѣ писать?—сказала Горлицына, взглянувъ на подпись:—ужь не изъ-за васъ-ли хочетъ начать со мною процессъ?

Маіорская дочка, расточивъ сначала изъясненія своего уваженія и сожалѣнія къ Катеринѣ Александровнѣ, принялась потомъ честить Волгина самыми

лестными для него эпитетами. И злодѣй-то онъ, и безнравственный человѣкъ, и свелъ-то съ ума жену, образецъ всѣхъ женщинъ, которую держитъ въ своей деревнѣ, едва ли не на цѣпи. Вмѣстѣ съ этимъ Чечеткина предлагала начать съ нимъ процессъ, для такой оказіи рекомендовала отличнаго ходока-повѣреннаго, который заставитъ вѣроломнаго обманщика, посягающаго на честь и благополучіе такой прекрасной дѣвицы, какова Катерина Александровна, заплатить ей важную сумму.

Какъ узнала о семейныхъ дѣлахъ Волгиной охотница до процессовъ,—никто изъ читавшихъ ея письмо не старался изслѣдовать. Довольно, что посмѣялись надъ этимъ посланіемъ, которое, однакожъ, еслибы получено было нѣсколько прежде, могло бы встревожить Горлицына и его дочь.

Когда невѣста собиралась къ вѣнцу, Ванѣ поручили надѣть на ея ножку башмачокъ. Говорятъ, что плутишка при этомъ случаѣ не преминулъ поцѣловать ея ножку и заставилъ Катю очень покраснѣть. Послѣ свадьбы Горлицынъ вышелъ въ отставку, предоставивъ лишніе кули соли распоряженію своего преемника, и переѣхалъ къ дочери въ новую деревню ея мужа, гдѣ былъ и прекрасный домъ, и прекрасный садъ, и протекала та же М— рѣка, омывавшая берегъ, на которомъ стоялъ домикъ соляного пристава въ Холоднѣ. До глубокой старости наслаждался онъ счастіемъ видѣть согласіе и любовь обоихъ супруговъ. И мнѣ разъ, въ юности моей, удалось провести нѣсколько дней въ этой благословенной семьѣ и видѣть, какъ два маленькіе внука и крошка внучка барахтались съ дѣдушкой на лугу. Та же дѣтская, прекрасная улыбка, одушевлявшая лицо старика, не оставляла его до тѣхъ поръ, пока не закрыла его послѣдняя, брошенная на него, горсть земли.

Въ виду того мѣста, гдѣ Катя и Волгинъ въ первый разъ познакомились, близъ переправы черезъ Москву-рѣку, у подножія Мячковскаго кургана, поставили они скромный памятникъ. Не знаю, существуетъ ли онъ теперь.

НОВОБРАНЕЦЪ 1812 ГОДА

(Изъ моихъ памятныхъ записокъ).

Въ роковыя двадцатыя числа рокового 12-го года находился я въ Москвѣ. Вышедши только что изъ подъ опеки гувернеровъ, Messieurs Beaulieu и маркизовъ Жюльекуровъ, еще недавно архивный юноша, проглотившій съ двѣнадцатилѣтняго возраста не мало пыли при разборѣ полусгнившихъ столбцовъ, перешедши потомъ въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора Обр., по приглашенію его, для узнанія службы, я, однакожъ, оставался въ Москвѣ не по служебнымъ обязанностямъ. Въ то время дана была каждому воля идти на всѣ четыре стороны. Паспортовъ не выдавалось, потому что всѣ дѣла канцеляріи были выпровожены на Владимірскую дорогу. Въ Москвѣ же задерживало меня ожиданіе письма отъ моего отца, который жилъ въ деревнѣ, за восемьдесятъ верстъ отъ Москвы, въ сторонѣ Коломны. Я рвался въ ряды военные и ждалъ на это разрѣшенія. Сердце мое радостно билось при одной мысли, что я скоро опоящусь мечомъ и крупно поговорю съ непріятелемъ за обиды моему отечеству. Въ войну 12-го года, истинно народную, патріотизмъ воспламенялъ и

старцевъ, и юношей. Порою рисовалось моему юношескому воображенію зарево биваковъ, опасное участіе въ ночномъ пикетѣ, къ которому вѣтерокъ доноситъ жуткій говоръ непріятеля, жаркая схватка, отважная выручка. Не скрою, что порой прельщали меня и красный ментикъ съ золотымъ украшеніемъ, и лихой конь, на которомъ буду гарцовать передъ окнами дѣвушки, любимой мною страстно... до первой новой любви. Но увы! мои надежды недолго тѣшили меня. Вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія, получаю отъ отца приказъ немедленно къ нему явиться. Я плакалъ какъ ребенокъ, но скоро одумался. «Чего-бъ ни стоило—сказалъ я самъ себѣ,—я буду военнымъ, хоть бы солдатомъ». Мыслію уже ослушникъ волѣ родительской, я тотчасъ сдѣлался ослушникомъ и на дѣлѣ, и не очень спѣшилъ выѣхать изъ Москвы.

Уже дошла до насъ вѣсть о бородинской битвѣ: все, что дѣлалось въ арміи, было черезъ нѣсколько часовъ извѣстно въ Москвѣ; каждое біеніе пульса въ русскомъ войскѣ отзывалось въ сердцѣ ея. Многіе купцы содержали по пути къ мѣсту военныхъ дѣйствій конныхъ гонцовъ, которые безпрестанно сновали взадъ и впередъ. Два исполина дрались съ ожесточеніемъ: французъ шелъ, очертя голову, въ бѣлокаменную, и хвалился передъ міромъ побѣдой; русскій, истекая кровью, но готовый лучше умереть, чѣмъ покориться, сильный еще силою крестнаго знаменія, любви и преданности къ государю и отечеству, шелъ отстаивать святыя сорокъ сороковъ матушки бѣлокаменной, пока не положитъ въ виду ея костей своихъ: *мертвые бо срама не имутъ*.

Но—въ военномъ совѣтѣ Кутузова рѣшено было сдать Москву безъ боя. Настали дни скорбные и вмѣстѣ великіе. Москвичи, не помышляя болѣе о спасеніи своихъ домовъ, думали только честно покинуть

ихъ. Кажется, въ одно время въ сердце народа и въ голову великаго полководца пала мысль, для блага Россіи, принесть на алтарь ея въ жертву первопрестольный городъ. Одинъ, для исполненія своихъ высшихъ плановъ, замышлялъ отдать Москву; другой замышлялъ сжечь ее, въ случаѣ сдачи непріятелю и тѣмъ очистить ее отъ поруганія нашествія. Такъ въ дни Божіи избранники Его и народъ понимаютъ другъ друга и дѣйствуютъ согласно, не повѣряя другъ другу своихъ намѣреній. Въ эти дни я слышалъ нерѣдко отъ купцовъ, извозчиковъ и моего дядьки, что, въ случаѣ сдачи Москвы, наши готовятся спалить ее до тла. — «Не доставайся-жъ, матушка, непріятелямъ». И потому, если мое свидѣтельство можетъ что-нибудь прибавить къ показаніямъ историковъ 12-го года, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что пожаръ московскій былъ просто слѣдствіемъ народнаго побужденія. Тогдашній градоначальникъ Растопчинъ, отгадавъ это побужденіе, не только не мѣшалъ, но даже содѣйствовалъ ему, — вотъ что надобно еще прибавить. Кому принадлежитъ честь этого подвига — судите сами.

Высокое и трудное бремя несъ тогда Растопчинъ. Надо было въ одно время поддерживать пламенное усердіе къ дѣлу общему, ослаблять уныніе, возбуждаемое вѣстями о скоромъ нашествіи непріятеля, и усмирять народные порывы. Рѣдки, однакожъ, были случаи вмѣшательства черни. Видны были кое-гдѣ грязныя лица, которыя заглядывали въ повозки, отъѣзжавшія изъ Москвы, и провожали удалявшихся именемъ *измѣнниковъ*... Въ то же время остававшіеся въ столицѣ, большею частію отцы семействъ, старики, женщины и дѣти и торгующій классъ, покидали стѣны ея, хотя не безъ тревоги, однакожъ, безопасно.

Для исполненія своихъ благоразумныхъ видовъ, градоначальникъ бросалъ каждый день въ пищу народу свои животрепещущія посланія, столько извѣстныя, и народъ, съ жадностью хватая ихъ, не только успокоивался, но и обращалъ свои помыслы къ благому — защитѣ города. Вскорѣ, однакожъ, представилась жертва сама собою. Безразсудный В*, сынъ купца, отмѣченный молвою какъ измѣнникъ, былъ обхваченъ буйствомъ толпы и заплатилъ жизнью за свой поступокъ. Наканунѣ видѣлъ я В* въ кофейной на Никольской, тогдашнемъ фойе всѣхъ политическихъ и не политическихъ новостей. Можно вообразить, что я чувствовалъ, узнавъ на другой день объ его участи.

Между тѣмъ какъ дядька мой устроивалъ дорожные сборы, поѣхалъ я за-городъ, къ Филямъ и на Поклонную гору, куда народъ стекался смотрѣть на плѣнныхъ французовъ, взятыхъ въ дѣлѣ бородинскомъ. Солнцѣ ужь западало, но, далеко не доходя до земной черты, скрывалось въ туманномъ горизонтѣ, который образовали жаръ и пыль, поднятые тревожною жизнью города и еще болѣе тревожною жизнью между городомъ и отступающимъ войскомъ. Въ Филяхъ нашелъ я дѣйствительно много плѣнныхъ разнородныхъ націй. Въ рѣчахъ и поступкахъ своихъ французы казались въ это время не плѣнниками нашими, а передовыми *великой арміи*, посланными занять для нея квартиры въ Москвѣ. На Поклонной горѣ особенное мое вниманіе привлекъ къ себѣ многочисленный кружокъ, составленный, большею частію, изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Въ срединѣ толпы стоялъ мужчина, довольно высокій, плечистый; лицо его казалось вдохновеннымъ, голосъ звучалъ знойно, энергически. За толпою, тѣсно окружившей его, я не могъ слышать его рѣчи, обращенной къ народу, но до меня долетали по временамъ слова его, глубоко западавшія въ грудь.

Толпа, творя крестное знаменіе, повторяла съ жаромъ его послѣднія слова: «за батюшку царя и Русь православную, подъ покровомъ Царицы небесной!» — Я узналъ, что это былъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, ревностный сподружникъ московскаго градоначальника въ тогдашнихъ его подвигахъ на служеніи отечеству. Съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на него! Онъ извѣстенъ мнѣ былъ заочно, какъ издатель «Русскаго Вѣстника», поощрившій мой первый литературный лепетъ: помѣстивъ въ своемъ журналѣ мою *военную тѣснь* и напечатавъ подъ нею мое имя, онъ сдѣлалъ меня на нѣсколько дней счастливымъ. Мое восторженное сердце поклонялось тогда всѣмъ современнымъ знаменитостямъ. Увидѣть Карамзина было однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній: сколько разъ собирался я идти къ нему, чтобы положить передъ нимъ мой сердечный поклонъ! Разъ въ театрѣ мнѣ указали его; онъ былъ съ женой въ креслахъ. Во все представленіе я не видалъ ничего, кромѣ Карамзина; когда, во время антракта, онъ вставалъ, я устремлялъ на него такъ пристально глаза, что онъ разъ улыбнулся и, перешептываясь съ женой, указалъ ей осторожно на меня Въ послѣдовавшую затѣмъ ночь я не спалъ отъ блаженства, что видѣлъ великаго человѣка и былъ имъ замѣченъ. Съ Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою знакомъ я былъ впослѣдствіи. Дивная была эта личность! Онъ содержалъ пансіонъ, въ которомъ воспитывались дѣти богатыхъ донцовъ, въ томъ числѣ и сынъ Платона. Золото обильно лилось въ его карманы, между тѣмъ не было у него часто копѣйки за душою. Выходя изъ дому съ деньгами, или изъ книжной лавки, куда являлся для полученія денегъ на крайнія домашнія нужды, онъ возвращался бѣдный, какъ Иръ, и всегда довольный. Часто, когда нечего ему было дать просящему у него бѣдняку, онъ отдавалъ ему что по-

падалось подъ руки — носовой платокъ, шейный, жилетъ, пустой кошелекъ, книжку... Онъ почти всегда ходилъ пѣшкомъ, если же бралъ извозчика, то самаго худого, котораго, вѣроятно, нанималъ для того, чтобы ему помочь. Замѣтенъ онъ очень былъ тѣмъ, что ходилъ въ самые жестокіе морозы въ сюртукѣ на ватѣ. Весь московскій людъ зналъ его; я видѣлъ часто, какъ извозчики на биржахъ кланялись ему въ поясъ, а многіе проѣзжавшіе мимо снимали передъ нимъ шапки.

Когда я выѣхалъ изъ Филей, по смоленской дорогѣ показался въ клубахъ пыли обозъ, которому не видно было конца. Везли раненыхъ. Поѣздъ тянулся въ нѣсколько рядовъ и затруднился у Драгомиловскаго моста. Сдѣлалась останока. Надо было видѣть въ это время усердіе москвичей къ воинамъ, пролившимъ кровь свою за отечество. Калачи летѣли въ повозки, сыпались деньги пригоршнями, то и дѣло опорожнялись стаканы и кувшины съ квасомъ и медами; продавцы распоряжались добромъ своихъ хозяевъ, какъ свою собственностью, не только не боясь взысканія, но еще увѣренные въ крѣпкомъ спасибо; восклицаніямъ сердечнаго участія, благословеніямъ, предложеніямъ услугъ не было конца. Облако пыли большею частію заслоняло это зрѣлище, и только изрѣдка, когда вѣтерокъ спахивалъ ее или густой лучъ прорѣзывалъ, видно было то добродушное лицо бородача, который подавалъ свою лепту, то лицо воина, истомленное, загорѣлое, покрытое пылью, то печальныя черты старушки, которая, облокотясь на телѣгу, разспрашивала о своемъ сынѣ-служивомъ. Въ одинъ изъ этихъ просвѣтовъ палъ на меня болѣзненно-унылый взоръ раненаго офицера. Ему могло быть лѣтъ двадцать пять съ небольшимъ; смертная блѣдность покрывала прекрасное и благородное лицо его; одна рука была у него на перевязи, другою онирался онъ на за-

докъ телѣги, гдѣ лежало нѣсколько солдатъ. Невольное чувство увлекало меня къ нему. — Неужели не сыскалось для васъ повозки? — спросилъ я его. — «Была—отвѣчалъ онъ—но случились раненые тяжелѣе меня... Слава Богу, я могу еще дойти».—При этихъ словахъ съ трудомъ приподнялся изъ телѣги одинъ изъ солдатъ, лежавшихъ въ ней, и сказалъ со слезами на глазахъ:—Его благородіе — нашъ ротный командиръ; намъ четверымъ раненымъ было тѣсно въ одной телѣгѣ... онъ уступилъ намъ свою. — Тутъ онъ не могъ продолжать и опустился въ повозку.

Возвратившись домой, я сталъ собираться въ путь, къ отцу въ деревню. Квартира моя была на Срѣтенскомъ бульварѣ (помнится, въ домѣ профессора Горюшкина), подлѣ узорочнаго дома съ садомъ, гдѣ хозяинъ, старый инвалидъ, причудливо устроилъ гауптвахту, поставилъ деревянную батарею и солдатъ, не смѣнявшихся со стражи. Онъ и на покоѣ, въ городѣ, не хотѣлъ разстаться съ военною жизнью. Старожилы, конечно, запомнятъ этотъ домъ, котораго ни одинъ проѣзжій не миновалъ, не полюбовавшись на игрушечный лагерь. Послѣ моего отъѣзда съ квартиры, гдѣ я жилъ, занялъ ее раненый офицеръ Франкъ съ рядовымъ Ишутинымъ. Выписываю страничку объ этихъ лицахъ изъ моихъ походныхъ записокъ: «По окончаніи бородинской битвы, когда смерть утомилась надъ безчисленными жертвами своими, раненый рядовой 2-й роты своднаго гренадерскаго батальона, Никифоръ Ишутинъ, присоединяясь къ ротѣ своей, шелъ отдаленно за нею съ поля сраженія. Вдругъ слышитъ онъ за собою слабые стоны, которые, казалось ему, звали его на помощь. Пренебрегая страхомъ попасться въ плѣнъ непріятелю, разставлявшему въ виду его свои пикеты, онъ возвратился на то мѣсто, откуда доносились звуки замирающаго голоса. Тамъ нашелъ

онъ роты своей прапорщика Франка, плавающаго въ крови отъ полученной имъ тяжелой раны пулею въ ногу. — Богъ принесъ меня къ вашему благородію, — сказалъ онъ, — дамъ ли я непріятелю ругаться надъ вами? — Несмотря на собственную боль, онъ стащилъ офицера на плечи свои и готовился одинъ нести его изъ опаснаго мѣста, какъ другой солдатъ той же роты, видѣвшій издали его усилія, присоединился къ нему и помогъ ему донести драгоцѣнную ношу въ цѣпь, гдѣ перевязывали раненыхъ. Съ этого времени Ишутинъ не отходилъ отъ больного Франка; въ продолженіе отступленія досталъ ему повозку съ лошадью, перевязывалъ раны и смотрѣлъ за нимъ, какъ нѣжный отецъ. При выходѣ русскихъ войскъ изъ Москвы онъ не разстался съ умирающимъ офицеромъ. Все, что они претерпѣли въ пребываніе непріятелей въ древней столицѣ нашей, не можетъ быть описано. Довольно сказать, что домъ, въ которомъ нашли они себѣ покойный уголокъ, преданъ былъ пламени. Вѣрный Ишутинъ вынесъ Франка изъ огня на плечахъ своихъ, какъ новый Эней отца своего Анхиза».

Я простился съ Москвой, какъ прощаемся съ родною, которую опускаемъ въ землю. При выѣздѣ изъ заставы, я пріобрѣлъ себѣ дорожныхъ товарищей, шесть или семь дюжихъ мужичковъ. Они не преминули упрекнуть меня за оставленіе первопрестольной столицы, и еслибъ не быстрота лошадей въ моей повозкѣ, мнѣ пришлось бы плохо. Мой геройскій духъ снова былъ озадаченъ въ Волчьихъ воротахъ жалобными криками умирающаго... На зарѣ, подъ Островцами, я сошелъ съ повозки и мимоходомъ взглянулъ въ часовню, которая стояла у большой дороги. Вообразите мой ужасъ: я увидѣлъ въ часовнѣ обнаженный трупъ убитаго человѣка... Еще теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, мерещится мнѣ бѣлый трупъ, блѣдное

молодое лицо, кровавыя, широкія полосы на шеѣ, и надъ трупомъ Распятіе...

На берегу Москвы-рѣки, въ виду сельскаго крова, подъ которымъ провелъ я лучшія лѣта моего дѣтства, встрѣтили меня родные со слезами радости. Въ ожиданіи меня—сколько страху испытали они: не попался ли я въ плѣнъ французамъ, не убили ли меня недобрые люди!

Черезъ нѣсколько дней узнали мы, что Москва занята непріятелями. Ожидали этого извѣстія, а между тѣмъ оно судорожно пронеслось по всѣмъ классамъ народа. Таковъ ужь русскій народъ: онъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и всякій неуспѣхъ приписываетъ или фатализму, или измѣнѣ. Много нелѣпыхъ слуховъ распускали по святой Руси люди несвѣдущіе! А говорили это именно тогда, когда знали, что къ концу бородинской битвы капитаны командовали полками, когда каждый изъ нашихъ генераловъ творилъ въ ней чудеса храбрости и кровью платилъ за любовь свою къ отечеству Не даромъ бородинская битва названа битвой генераловъ.

Въ первый вечеръ, слѣдовавшій за печальной вѣстью, въ сѣверной сторонѣ отъ нашей деревни разостлалось по небу багровое зарево: то горѣлъ, за восемьдесятъ верстъ отъ насъ, первопрестольный городъ, и всѣмъ намъ казалось, что горитъ наше родное пепелище. Нѣсколько дней сряду, каждый вечеръ, Москва развертывала для насъ эту огненную хоругвь. При свѣтѣ ея сельскіе жители собирались толпою передъ господскимъ домомъ или передъ церковью, молились и вздыхали о потерянномъ Сіонѣ. Тяжкимъ свинцомъ пало уныніе на душу нашу; казалось, всѣ ждали послѣдняго часа. Поплакавъ нѣсколько дней надъ пепломъ Москвы, стали, однакожъ думать о спасеніи своемъ. Никто не помышлялъ о

покорности непріятелю, о томъ, чтобы оставаться въ своихъ домахъ, бить ему челомъ. Ожидали его только съ тѣмъ, чтобы въ виду его спалить свои жилища. Имущество поцѣннѣе хоронили въ погребахъ, подъ овинами и подклѣтями, въ лѣсахъ, но топоры и косы приберегали на случай подъ рукою. Стали къ намъ приближаться переселенцы съ тѣхъ мѣстъ, которыя занялъ уже непріятель. Толпы, большею частію дѣти, женщины, старики, переходили съ мѣста на мѣсто, нерѣдко по ночамъ освѣщаемое кострами, воздвигаемыми изъ собственныхъ домовъ. Гдѣ могло остановиться это переселеніе? Никто не вѣдалъ; знали только, что къ восходу солнечному, къ Сибири, шелъ народъ. Въ эту тяжкую годину всѣ дѣлились между собою, какъ братья; каждый, кто бы онъ ни былъ, садился за чужой столъ, какъ семьянинъ; многіе богачи сравнялись съ бѣдняками, и часто бѣднякъ изъ сумы своей одолжалъ вчерашняго богача. Все это казалось, въ годину общаго бѣдствія, дѣломъ очень обыкновеннымъ.

Въ это время сталъ я проситься вновь у родителей своихъ вступить въ ряды военные, и опять напрасно.

Казаки прискакали съ вѣстью, что французы скоро появятся. Въ казенномъ селеніи Новлянскомъ, на противоположномъ отъ насъ берегу Москвы-рѣки, ударилъ роковой набатъ: это былъ народный сигналъ зажигать свои дома. Къ счастію, тревога тотчасъ оказалась ложною, и селеніе уцѣлѣло. Но какъ непріятель дѣйствительно перешелъ уже Бронницы (въ 27-ми верстахъ отъ насъ), то мы и рѣшились по-добру по-здорову выбраться изъ своего гнѣзда. Меня повезли, какъ плѣнника; по крайней мѣрѣ, я считалъ себя такимъ. Я помышлялъ уже освободиться изъ этого плѣна, но покуда не видѣлъ къ тому возможности. Передъ

Коломной присоединился къ намъ огромный караванъ помѣщиковъ съ ихъ домочадцами. Въ числѣ послѣднихъ была стая собакъ, съ которыми владѣлецъ ихъ, чудакъ и охотникъ страстный, не хотѣлъ разстаться.

Мы пріѣхали въ Коломну. Это моя родина. Горжусь ею, потому что въ ней родился одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ сановниковъ и проповѣдниковъ нашего времени (Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій). Сколько воспоминаній о моемъ дѣтствѣ толпилось въ головѣ моей, когда мы въѣхали въ Запрудье! Предстали предо мною, какъ на чудной фантасмагорической сценѣ, и вечернія, росистыя зори, когда я загонялъ влюбленнаго перепела на обманчивый зовъ подруги, и лунныя ночи на обломкѣ башеннаго зубца, при шумѣ водъ смиренной Коломенки, лѣниво движущихъ мельничныя колеса; ночи, когда я воображалъ себя на мѣстѣ грустнаго изгнанника, переселеннаго Грознымъ изъ великаго Новгорода въ Коломну. Вспомнилъ я прогулку на козлѣ и добраго француза-гувернера съ длинною косою за плечами, которую вмѣстѣ съ головою своею вынесъ онъ изъ-подъ гильотины. Явились предо мною и ты, maître corbeau, и вы, пламенныя страницы Руссо, — которыми душа моя жадно упивалась, какъ дикій конь, выпущенный изъ загона на широкую степь, — и вы, великіе мужи Плутарха!... Все это, и многое, многое, что глубоко бросило сѣмена въ сердцѣ моемъ, прошло теперь мимо меня во всѣхъ радужныхъ цвѣтахъ очарованія. — Кто идетъ? — закричалъ караульный громовымъ голосомъ у воротъ нашего дома, и очарованіе, спугнутое голосомъ часового, исчезло. Домъ этотъ славился нѣкогда роскошью своего убранства: вездѣ паркеты изъ краснаго, чернаго и пальмоваго дерева, мраморъ, штофъ... Въ немъ отецъ мой угощалъ великолѣпныхъ сыновъ кончавшагося 18 вѣка

изъ стаи славной
Екатерининыхъ орловъ.

Теперь помѣщалась въ немъ артиллерійская рота (впослѣдствіи онъ былъ проданъ подъ трактиръ), и мы съ трудомъ, въ собственномъ нашемъ домѣ, могли найти уголокъ, гдѣ бы преклонить на ночь нашу голову.

Съ разсвѣтомъ были мы ужь на дорогѣ къ Рязани. Близъ первой почтовой станціи (не помню названія деревни) расположили мы свой таборъ, для полдневанія. Раскинутыя по лугу безчисленныя палатки, табунъ коней, оглашающихъ воздухъ ржаніемъ своимъ, зажженные костры, многолюдство, пестрота возрастовъ и одеждъ, немолчное движеніе, — все это представляло зрѣлище прекрасное, но могло ли это зрѣлище восхищать насъ? Я пошелъ съ нѣсколькими помѣщиками и купцами прогуляться по деревнѣ. Когда мы подходили къ станціонному дому, возлѣ него остановилась колясочка; она была откинута. Въ ней сидѣлъ—Барклай-де-Толли. Его сопровождалъ только одинъ адъютантъ. При этомъ имени почти все, что было въ деревнѣ, составило тѣсный и многочисленный кругъ и обступило экипажъ. Смутный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ... Немудрено... Отступленіе къ Москвѣ расположило еще болѣе умы противъ него; кромѣ государя и нѣкоторыхъ избранниковъ, никто не понималъ тогда великаго полководца, который съ начала войны—до бородинской отчаянной схватки сберегъ на плечахъ своихъ судьбу Россіи, охваченную со всѣхъ сторонъ еще неслыханною отъ вѣка силою военнаго генія и столь же громадною вещественною силой. Но ропотъ тотчасъ замолкъ: его мигомъ сдержалъ величавый, спокойный, холодный взоръ полководца Ни малѣйшая тѣнь смущенія или опасенія не пробѣжала по лицу его. Въ

этомъ взорѣ не было ни угрозы, ни гнѣва, ни укоризны, но въ немъ было то волшебное, не разгадываемое простыми смертными могущество, которымъ надѣляетъ Провидѣніе своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не въ состояніи дать отчета, чему онѣ покоряются. Мнѣ случалось послѣ видѣть, какъ этотъ холодный, спокойный, самоувѣренный взглядъ водилъ войска къ побѣдѣ, какъ онъ одушевлялъ ихъ при отступленіи (изъ-подъ Бауцена и окрестностей Парижа, когда мы въ первый разъ подходили къ нему). Русскій солдатъ, всегда недовольный ретирадами, не ропталъ тогда, потому что, смотря на своего предводителя, увѣренъ былъ, что онъ не побѣжденъ, а отступаетъ ради будущей побѣды.

День былъ ясный, коляска стояла подъ тѣнью липы, урвавшей на улицу нѣсколько густыхъ сучьевъ изъ-за плетня деревенскаго сада. Барклай-де-Толли скинулъ фуражку, и засіялъ голый, какъ ладонь, черепъ, обезсмертенный кистью Дова и перомъ Пушкина. При этомъ движеніи разнородная толпа обнажила свои головы. Вскорѣ лошади были готовы, и экипажъ исчезъ въ клубахъ пыли. Но долго еще стояла толпа на прежнемъ мѣстѣ, смущенная и огромленная видѣніемъ великаго человѣка.

Не знаю, куда ѣхалъ тогда Барлай-де-Толли, но знаю, что 25-го сентября былъ онъ въ Калугѣ. Оттуда писалъ онъ, именно этого числа, къ графу Остерману-Толстому (у котораго впослѣдствіи былъ я адъютантомъ) письмо, чрезвычайно замѣчательное по тогдашнему положенію бывшаго начальника арміи. Въ немъ изъяснялъ онъ грусть свою, что разстается съ русскимъ войскомъ, и пріятную увѣренность, что въ немъ остаются полководцы, которые поддержатъ честь русскаго имени.

Богатое село Дѣдново, въ которомъ мы остановились на два дня, расположено на берегу Оки. Оно извѣстно сколько промышленностью крестьянъ, столько и оригинальностью своего помѣщика Л. Д. Измаилова, осуществившаго въ себѣ типъ феодальнаго владѣльца среднихъ вѣковъ. Такого рода дворяне нынѣ уже въ Россіи и не существуютъ. Особенно было оживлено Дѣдново въ нашъ пріѣздъ, потому что въ немъ собиралось рязанское ополченіе, котораго начальникомъ былъ владѣлецъ этого имѣнія Левъ Дмитріевичъ угостилъ насъ по-боярски.

Въ Рязани пробыли мы недолго. Здѣсь вскорѣ узнали, что французамъ не поздоровилось въ Москвѣ и что они, какъ журавли къ осени, начали потягивать на теплыя мѣста, и потому мы возвратились въ Коломну.

Здѣсь я сталъ вновь проситься у родителей моихъ позволить мнѣ идти въ военную службу и получилъ опять тотъ же отказъ. Тогда я далъ себѣ клятву исполнить мое намѣреніе, во что бы ни стало, бѣжать изъ дому родительскаго, и какъ я не имѣлъ служебнаго свидѣтельства, идти хоть въ солдаты. Намѣренію моему нашелъ я скоро живое поощреніе. Въ городѣ остановился отставной (помнится, штабъ-офицеръ) кавалеристъ Беклемишевъ, посѣдѣлый въ бояхъ, который, записавъ сына въ гусары, собирался отправить его въ армію. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ ѣхалъ туда же гусарскій юнкеръ Ардал., сынъ богатаго армянина. Я открылъ имъ свое намѣреніе; старикъ благословилъ меня на святое дѣло, какъ онъ говорилъ, и обѣщался доставить въ главную квартиру рекомендательное письмо, а молодые люди дали мнѣ слово взять меня съ собою. За душой не было у меня ни копѣйки: коломенскій торговецъ-аферистъ купилъ у меня шубу, стоющую рублей 300, за 50 рублей, подозрѣвая,

что я продаю ее тайно... Съ этимъ богатствомъ и дѣдовскою мѣховою курткой, покрытой зеленымъ рытымъ бархатомъ, шелъ я на службу боевую. Назначенъ былъ день отъѣзда. Всѣ приготовленія хранились въ глубочайшей тайнѣ. Роковой день наступалъ — сердце было у меня не на мѣстѣ. Въ одиннадцатомъ часу вечера простился я съ матерью, расточая ей самыя нѣжныя ласки; съ трудомъ удерживалъ я слезы, готовыя упасть на ея руку; я сказалъ ей, что хочу ранѣе лечь спать, потому что у меня очень разболѣлась голова. И она, будто по предчувствію, необыкновенно ласкала меня и раза два принималась меня благословлять. Въ своей спальнѣ я усердно молился, прося Господа простить мнѣ мой самовольный поступокъ и облегчить горесть и страхъ моихъ родныхъ, когда они узнаютъ, что я ихъ ослушался и бѣжалъ отъ нихъ. Меньшему брату, который спалъ со мною въ одной комнатѣ, сказалъ я, что пойду прогуляться по саду и чтобы онъ не безпокоился, если я долго не приду. Помолившись еще разъ, я вышелъ въ сѣни. Условный колокольчикъ зазвенѣлъ за воротами; я видѣлъ, какъ ямщикъ на лихой тройкѣ промчался мимо ихъ, давая мнѣ знать, что все готово къ отъѣзду. Еще нѣсколько шаговъ въ кремль, гдѣ жилъ Беклемишевъ, — и я на свободѣ. Но въ сѣняхъ встрѣтилъ меня дядька мой Ларивонъ. «Худое, баринъ, затѣяли вы,—сказалъ онъ мнѣ съ неудовольствіемъ: —я знаю всѣ ваши продѣлки. Оставайтесь-ка дома, да ложитесь спать, не то я сейчасъ доложу папенькѣ и вамъ будетъ нехорошо. Точно громовымъ ударомъ ошибли меня эти слова. Я обидно сталъ упрекать дядьку, что онъ выдумываетъ на меня небылицу, завѣряя его, что я только хочу пройтись по городу. Но Ларивонъ былъ неумолимъ «Воля ваша,—продолжалъ онъ:—заднія сѣни въ садъ у меня заперты на замокъ; я стану на караулѣ въ

нижнихъ сѣняхъ, что на дворъ, и не пропущу васъ, а если вздумаете бѣжать силою, такъ я тотчасъ подниму тревогу по всему дому. У воротъ поставилъ я караульнаго, и онъ тоже сдѣлаетъ, въ случаѣ удачи вашей вырваться отъ меня». Тутъ я перемѣнилъ упрекъ на моленія; я слезно просилъ его выпустить меня, и нѣжно цѣловалъ. Но дядька былъ неумолимъ. Дѣлать было нечего; надо было оставаться въ заключеніи. Отчаяніе мое было ужасно; можно сравнить это положеніе только съ состояніемъ узника, который подпилилъ свои цѣпи и рѣшетку у тюрьмы, готовъ былъ бѣжать, и вдругъ пойманъ... Дядька мой преспокойно сошелъ внизъ. Проклиная его и судьбу свою, я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Вся эта сцена происходила въ верхнемъ этажѣ очень высокаго дома. Изъ дверей сѣней виденъ былъ, сквозь проломъ древняго кремля, огонь въ квартирѣ стараго гусара, который собирался посвятить меня въ рыцари. Я вышелъ на балконъ, чтобы взглянуть на послѣдній разъ на этотъ завѣтный огонекъ и проститься навсегда съ прекрасными мечтами, которыя такъ долго тѣшили меня. Вдругъ, съ правой стороны балкона, на столѣтней ели, растущей подлѣ него, зашевелилась птица. Какая-то невѣдомая сила толкнула меня въ эту сторону. Вижу, довольно крѣпкій сукъ отъ ели будто предлагаетъ мнѣ руку спасенія. Не разсуждая объ опасности, перелѣзаю черезъ перила балкона, бросаюсь внизъ, цѣпляюсь проворно за сучекъ, висну на немъ и упираюсь ногами на другой, болѣе твердый сучекъ. Тутъ, какъ векша, сползаю проворно съ дерева, обдираю себѣ до крови руки и колѣна, становлюсь на землю и пробѣгаю минуты въ три довольно обширный садъ, бывшій за домомъ, на углу двухъ переулковъ. Отъ переулка, ближайшаго моей цѣли, былъ заборъ сажени въ полторы вышины: никакая преграда меня не

останавливаетъ. Перелѣзаю черезъ него, какъ искусный волтижеръ. Если бы заставили меня это сдѣлать въ другое время, у меня не достало бы на это ни довольно искусства, ни довольно силы. Но таково могущество воли, что оно удесятеряетъ всѣ способности душевныя и тѣлесныя. Перебѣжать переулокъ и площадь, раздѣлявшую домъ нашъ отъ кремля, и влетѣть въ домъ, гдѣ ожидали меня, было тоже дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Я прибѣжалъ задыхаясь, готовый упасть на полъ; на головѣ у меня ничего не было, волосы отъ поту липли къ разгорѣвшимся щекамъ. Мои друзья уже давно ждали меня, сильно опасаясь, не случилось ли со мною какой невзгоды. Старый гусаръ благословилъ меня образомъ, передъ которымъ только-что отслужили напутственный молебенъ; на меня нахлобучили первый попавшійся на глаза картузъ, мы сѣли въ повозку и промчались, какъ вихрь, черезъ городъ, берегомъ Коломенки и черезъ Запрудье. Кормили лошадей за 40 верстъ, потомъ въ Островцахъ. Нѣсколько разъ дорогою, казалось мнѣ, насъ догоняютъ; въ ушахъ отзывался топотъ лошадиный, насъ преслѣдующій; въ темнотѣ за мной гнались какія-то видѣнія. Сердце трепетало въ груди, какъ голубь. Въ Москву въѣхали мы поздно вечеромъ. Непріятель уже оставилъ городъ: у заставы на караулѣ были изюмскіе гусары; они грѣлись около зажженныхъ костровъ. Русскіе солдаты, русскій станъ были для насъ отрадными явленіями. Мы благоговѣйно перекрестились, въѣзжая въ заставу и готовы были броситься цѣловать караульныхъ, точно въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія. И было чему радоваться, было съ чѣмъ братьямъ поздравить другъ друга: Россія была спасена!

Москва представляла совершенное разрушеніе; почти всѣ дома были обгорѣлые, безъ крышъ; нѣко-

торые еще дымились; однѣ трубы безобразно высились надъ ними; оторванные желѣзные листы жалобно стонали; кое-гдѣ въ подвалахъ мелькали огоньки. Мы проѣхали весь городъ до Калужской заставы, не встрѣтивъ ни одного живого существа. Только видѣли два, три трупа французскихъ солдатъ, валявшихся на берегу Яузы. — Великолѣпная гробница! — сказалъ я, обратившись къ московскимъ развалинамъ: — въ тебѣ похоронены величіе и сила небывалаго отъ вѣка военнаго генія! Но изъ тебя возстанетъ новая могущественная жизнь, тебя оградитъ новая нравственная твердыня, чрезъ которую ни одинъ врагъ не посмѣетъ отнынѣ перейти; да увѣрится онъ, что для русскаго нѣтъ невозможной жертвы, когда ему нужно спасать честь и независимость родины.

Мы остановились въ селеніи Троицкомъ (имѣніи моего товарища Ардал.), помнится, верстахъ въ трехъ отъ Москвы. Въ домѣ нашли мы величайшій безпорядокъ; казалось, непріятель только-что его оставилъ. Зеркала были разбиты, фортепіано разломано, уцѣлѣвшее платье, въ томъ числѣ и мальтійскій мундиръ покойнаго помѣщика, которое не годилось въ дѣло, валялось по полу. Въ Троицкомъ прожили нѣсколько дней; здѣсь, казалось, укрывался я въ совершенной безопасности отъ поисковъ. Мы ѣздили разъ въ Москву, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Народъ съ каждымъ днемъ прибывалъ въ нее; строились противъ гостинаго двора и на разныхъ рынкахъ балаганы и досчатыя лавочки; торговля зашевелилась. Дымились на улицахъ кучи навоза, зажженныя для огражденія отъ заразы мертвыхъ тѣлъ.

Намъ, съ товарищами, надо было еще объѣхать деревни Ардал., которыя находились въ Московской губерніи, въ ближайшихъ уѣздахъ, помнится, Звенигородскомъ и Дмитровскомъ, и собрать оброки, потому

что молодой помѣщикъ, отправлявшійся въ армію, былъ совершенно безъ денегъ. Казалось, время для такого сбора, по случаю военной невзгоды, тяжело налегшей на эти края, было самое неблагопріятное. Напротивъ того, крестьяне этихъ уѣздовъ собрали богатую дань съ непріятелей, взявшихъ ее съ Москвы: почти у каждаго мужичка были деньги, серебряные или золотые часы, богатыя матеріи, сукна, головы сахару и пр. Крестьяне вездѣ встрѣчали своего молодого господина съ хлѣбомъ и солью и немедленно вносили ему оброкъ, даже часть впередъ. Только въ одной деревнѣ они немного заупрямились, но мы, трое юношей (и на меня надѣли гусарскій ментикъ, и меня опоясали саблею), на сходкѣ загремѣли саблями, и буйныя головы немедленно съ повинною преклонились передъ грозными воинами, у которыхъ еще усъ не пробивался. Морозы уже наступали; разъ, въ дорогѣ, желая согрѣться, я пошелъ пѣшкомъ и, отставши отъ товарищей, едва не замерзъ въ виду какой-то господской великолѣпной дачи, совершенно опустѣлой. Только что возвратились мы въ Троицкое и собирались уже на другой день отправиться въ главную квартиру арміи (это было поздно вечеромъ), какъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату хозяинъ и объявилъ, что пріѣхалъ мой отецъ. Не зная, что дѣлать, я спрятался въ *людскую*. Тутъ, подлѣ меня, лежала на смертномъ одрѣ какая-то старушка: я слышалъ предсмертный колоколецъ; первый разъ въ жизни видѣлъ я, какъ человѣкъ умираетъ. Лихорадка трясла меня, но не отъ этого зрѣлища, а отъ страху, что отецъ узналъ мое убѣжище и пріѣхалъ исторгнуть меня изъ него, чтобы вновь тѣснѣе связать мою волю. Но вскорѣ я услышалъ его голосъ, нѣжный, выходящій изъ любящей души: — «Пускай покажется Ваня,—говорилъ онъ: — пускай придетъ; я его прощаю, я самъ благословлю

его на службу». — Тутъ, не колеблясь ни минуты, бросился я въ его объятія, цѣловалъ его руки, обливалъ ихъ слезами. Съ груди моей свалился камень. Это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни.

На другой день отецъ повезъ меня въ Москву и представилъ бѣглеца московскому гражданскому губернатору Обрѣз., который возвратился въ столицу съ должностными чинами. (Онъ стоялъ тогда въ Леонтьевскомъ переулкѣ). Губернаторъ, въ присутствіи многихъ лицъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ, что я огорчилъ родителей своимъ побѣгомъ, но приказалъ, однакожъ, тотчасъ выдать мнѣ служебное свидѣтельство и вручилъ мнѣ рекомендательное письмо къ главному начальнику московскаго ополченія. Вскорѣ пріѣхалъ я въ московское ополченіе офицеромъ и черезъ нѣсколько дней былъ переведенъ въ московскій гренадерскій полкъ. Счастіе мнѣ улыбнулось: начальникъ 2-й гренадерской дивизіи, принцъ мекленбургскій Карлъ, взялъ меня къ себѣ въ адъютанты.

Вотъ какъ 12-й великій годъ завербовалъ меня въ свои новобранцы.

ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ПУШКИНЫМЪ

(Изъ моихъ памятныхъ записокъ).

Puis, moi, j'ai servi le grand homme!
Le Vieux Coporal.

Въ августѣ 1819 года пріѣхалъ я въ Петербургъ и остановился въ домѣ графа Остермана-Толстого, при которомъ находился адъютантомъ. Домъ этотъ на Англійской набережной, недалеко отъ Сената. Въ то время былъ онъ замѣчателенъ своими цѣльными зеркальными стеклами, которыя еще считались тогда большою рѣдкостью, и своею бѣлою залой. Въ ней стояли, на одномъ концѣ, бюстъ императора Александра Павловича и по обѣимъ сторонамъ его, мастерски изваянные изъ мрамора, два гренадера лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. На другомъ концѣ залы возвышалась на пьедесталѣ фарфоровая ваза, драгоцѣнная сколько по живописи и сюжету, на ней изображенному, столько и по высокому значенію ея. Она была подарена графу его величествомъ, взамѣнъ знаменитаго сосуда, который *благодарная* Богемія поднесла, *за спасеніе ея*, герою кульмской битвы, и который графъ съ такимъ смиреніемъ и благочестіемъ передалъ въ церковь Преображенскаго полка. Въ этомъ домѣ

была тоже библіотека, о которой стоитъ упомянуть. Въ ней находились всѣ творенія о военномъ дѣлѣ, какія могли только собрать до настоящаго времени. Она составлялась по указаніямъ генерала Жомини. Украшеніемъ дома было также высокое созданіе Торвальдсена, изображавшее графиню Е. А. Остерманъ-Толстую въ полулежачемъ положеніи: мраморъ въ одеждѣ ея, казалось, сквозилъ, а въ формахъ дышалъ жизнью.

Мы (я и прапорщикъ Сибирскаго гренадерскаго полка Д., нынѣ генералъ-лейтенантъ и командиръ дивизіи) ѣхали по Петербургу не главными улицами его. Къ тому-жъ въ четвероместной нашей каретѣ стояла противъ насъ клѣтка съ орломъ, ради чего мы сочли за благо спустить сторы у оконъ. Въѣхали мы въ домъ со стороны Галерной, на которую выходилъ задній фасадъ его. И потому я не могъ сдѣлать заключеніе о городѣ, въ которомъ никогда не бывалъ.

Только-что я успѣлъ выйти изъ экипажа, графъ прислалъ за мною. Онъ стоялъ на балконѣ, выходящемъ на Неву. Помню, вечеръ былъ дивный. Солнце ушло уже одною половиною своею за край земли, другою золотило и румянило рой носившихся около него пушистыхъ облачковъ.—«Ты не бывалъ еще въ Петербургѣ—посмотри...» сказалъ мнѣ графъ съ какою-то радостью, указывая *единственною* рукою своею на Неву. Казалось, онъ мановеніемъ этой руки раскрылъ для меня новый, прекрасный міръ.

Петербургъ тогда былъ далеко не тѣмъ, что онъ теперь, но и тогда видъ на голубоводную, широкую Неву, съ ея кораблями, набережными, академіей, биржей и адмиралтействомъ, провелъ меня въ восторгъ. Я бывалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Касселѣ, Кенигсбергѣ и Парижѣ, но ни одинъ изъ этихъ городовъ не сдѣлалъ на меня такого впечатлѣнія. Правда, когда я

въ первый разъ увидалъ Парижъ, я ощутилъ невыразимо высокое чувство; но надо прибавить, что это было въ вечеръ 18 марта 1814 года, что я увидалъ городъ съ высотъ Монмартра, при утихавшемъ громѣ нашихъ орудій, при радостныхъ крикахъ: ура! Въ эти минуты я вспомнилъ пожаръ Москвы, вспомнилъ, какъ я мѣсилъ снѣжные сугробы литовскіе, спотыкаясь о замерзшіе трупы, при жестокихъ морозахъ, захватывавшихъ дыханіе, въ походной шинели, сквозь которую вѣтеръ дулъ, какъ сквозь сѣтку рѣшета. Еще живо представлялась мнѣ великая и ужасная картина Березины, взломанной бѣгущей арміей. Какъ будто духъ Божій хотѣлъ показать на этомъ мѣстѣ всю силу своего гнѣва—взорвалъ рѣку съ основанія ея и, со всѣмъ, что засталъ живого, оледенилъ ее вдругъ своимъ дуновеніемъ. Среди обломковъ колесъ и осей, изорванной и окровавленной одежды, труповъ лошадей, руки, поднятыя изо льдинъ и какъ будто еще молящія о спасеніи или угрожающія, лики мертвецовъ, съ оледенѣвшими волосами, искривленные, съ бѣшенствомъ проклятія или съ улыбкою новой жизни на устахъ [1]), а кругомъ снѣжная, съ тощимъ кустарникомъ, степь, подернутая вечернимъ полусумракомъ. Ни одного звука на этомъ ледяномъ кладбищѣ, кромѣ стука отъ подковъ моей лошади, пугливо ступающей между мертвецами; ни одной живой души, кромѣ меня, съ (бывшимъ) дядькой моимъ, который весь трясется и жутко озирается. Все это живо представлялось мнѣ на монмартрскихъ высотахъ. Теперь я только-что вышелъ изъ огня сраженія, изъ-подъ свиста пуль, цѣлъ, невредимъ—и передо мною, у ногъ моихъ, разстилалась столица Франціи... О ней могъ я только мечтать во

---

[1]) Я проѣзжалъ Березину спустя немного дней послѣ переправы черезъ нее непріятеля.

снѣ, и вотъ, завтра же, вступаю въ нее съ побѣдоносною арміей... О! это чувство было высокое, восторженное, но его произвело не зрѣлище красотъ Парижа, а стеченіе обстоятельствъ, приведшихъ меня къ нему—обстановка этого зрѣлища. Чувство это было совсѣмъ не то, которое наполнило душу мою при взглядѣ на родной городъ, созданный геніемъ великаго Петра, возвеличенный и украшенный его преемниками. — Прекрасно! чудно! — могъ я только сказать графу.

Посвятивъ недѣли двѣ на осмотръ всего, что было замѣчательнаго въ Петербургѣ, я предался глубокому уединенію, какое только позволяла мнѣ служба. Въ это время готовилъ я къ печати свои «Походныя Записки», въ которыхъ столько юношеской восторженности и столько реторики. Признаюсь, писавши ихъ, я еще боялся отступить отъ кодексовъ Рижскаго и братіи его, столь твердо выученныхъ мнѣ профессоромъ московскаго университета По* —Счастливъ, кто забылъ свою реторику!—сказалъ кто-то весьма справедливо.—Увы! я еще не забылъ ея тогда... Въ это же время графъ поручилъ мнѣ привести свою военную библіотеку въ порядокъ и составить ей каталогъ.

Говоря о библіотекѣ, невольно вспоминаю посѣщеніе ея однимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени, который отличался сколько умомъ, столько и странностями. Это былъ генералъ-отъ-инфантеріи, князь В., командовавшій нѣкогда войсками, въ Оренбургскомъ краѣ расположенными; онъ пародировалъ во многомъ Суворова; а знавалъ его ужь въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ ходилъ и ѣздилъ по Петербургу съ непокрытою головою въ самые жестокіе морозы, иногда съ морковью въ рукѣ. Графъ Остерманъ-Толстой видалъ его изрѣдка у себя. Помню, что въ одно изъ этихъ посѣщеній, вставши изъ-за стола, хозяинъ

дома позвалъ князя и бывшаго тутъ же графа М. А. Милорадовича (тогдашняго генералъ-губернатора петербургскаго) въ свою библіотеку. Здѣсь старикъ-младенецъ, казалось, переродился, какъ будто взглядъ на военныя книги произвелъ въ немъ гальваническое потрясеніе. Онъ самъ сдѣлался живымъ военнымъ словаремъ. Многихъ и многихъ извѣстныхъ писателей, отъ Ксенофонта до нашихъ дней, перебралъ онъ критически, съ цитатами изъ нихъ, называя подробно и точно лучшія ихъ изданія. Всѣ тутъ присутствовавшіе были удивлены его бойкими сужденіями и необыкновенною памятью. Еслибъ я закрылъ въ то время глаза, то не повѣрилъ бы, что слушаю того старика-младенца, котораго встрѣчалъ нерѣдко на улицахъ, въ жестокіе морозы, съ непокрытою головой.

Оставивши князя В. въ нижнемъ этажѣ, хозяинъ повелъ графа Милорадовича въ верхній, чтобы показать ему дѣлаемыя тамъ великолѣпныя перестройки.—«Боже мой! какъ это хорошо!—сказалъ графъ Милорадовичъ, осматривая вновь отдѣланныя комнаты.—А знаете-ли? — прибавилъ онъ смѣясь: — я отдѣлываю тоже и убираю, какъ можно лучше, комнаты въ домѣ—только въ казенномъ, гдѣ содержатся за долги. Тутъ много эгоизма съ моей стороны: неравно придется мнѣ самому сидѣть въ этомъ домѣ».—Дѣйствительно, этотъ *рыцарь безъ страха и упрека*, отличавшійся, подобно многимъ генераламъ того времени, своею оригинальностію, щедро *даривший* своимъ солдатамъ колонны непріятельскія и также щедро разсыпавшій деньги (прибавить надо, много *на добро*), всегда былъ въ неоплатныхъ долгахъ, несмотря на щедроты, которыя часто изливались на него государемъ.

Какъ я сказалъ выше, жизнь моя въ Петербургѣ проходила въ глубокомъ уединеніи. Въ театръ ѣздилъ

я рѣдко. Хотя имѣлъ годовой билетъ моего генерала, отданный въ полное мое владѣніе, я передавалъ его иногда Н. И. Г. «Кого это пускаешь ты въ мои кресла?»—спросилъ меня однажды графъ Остерманъ Толстой съ видимымъ неудовольствіемъ. Я объяснилъ ему, что уступаю ихъ извѣстному литератору и журналисту.—«А! если такъ,—сказалъ графъ,—можешь и впередъ отдавать ему мои кресла».—Говорю объ этомъ случаѣ для того только, чтобы показать, какъ вельможи тогдашніе уважали литераторовъ.

Со многими изъ писателей того времени, болѣе или менѣе извѣстныхъ, знакомъ я былъ до пріѣзда моего въ Петербургъ, съ иными сблизился въ интересныя эпохи десятыхъ годовъ. С. Н. Глинку узналъ я въ 1812 году, на Поклонной горѣ: восторженнымъ юношей слушалъ я, какъ онъ одушевлялъ народъ московскій къ защитѣ первопрестольнаго города. Съ братомъ его, Ѳедоромъ Николаевичемъ, познакомился я въ колоніи гернгутеровъ, въ Силезіи, во время перемирія 1813 года, и скрѣпилъ пріязнь съ нимъ около костровъ нашихъ биваковъ въ Германіи и Франціи Никогда не забуду уморительныхъ, исполненныхъ сарказма и остротъ, разсказовъ и пародій поэта-партизана Д. В. Давыдова. Хлеснетъ иногда въ кого арканомъ своей насмѣшки и тотъ летитъ кувыркомъ съ коня своего. Этому также не надо было для бритья употреблять бритву, какъ говорили про другого извѣстнаго остряка,—стоило ему только поводить языкомъ своимъ. Часто слышалъ я его въ городкѣ Нимтшѣ, въ Силезіи, въ садикѣ одного изъ тамошнихъ бюргеровъ, гдѣ собирался у дяди Дениса Васильевича и корпуснаго нашего командира, Н. Н. Раевскаго, близкій къ нему кружокъ. Съ азіатскимъ обликомъ, съ маленькими глазами, бросающими искры, съ черною, какъ смоль, бородой, изъ подъ которой ви-

дѣнъ побѣдоносецъ Георгій, съ брюшкомъ, легко затянутымъ ремнемъ,—будто и теперь его въ очи вижу и внимаю его остроумной бесѣдѣ. Хохочутъ генералы и прапорщики. Раевскій, въ глубокомъ раздумьѣ, можетъ быть занесенный своими мыслями на какое-нибудь поле сраженія, чертитъ хлыстикомъ какія-то фигуры по песку; но и тотъ, прислушиваясь къ разсказу, воспрянулъ: онъ смѣется, увлеченный общимъ смѣхомъ и, какъ добрый отецъ, радостнымъ взоромъ обводитъ военную семью свою [1]). Батюшкову пожалъ я въ первый и послѣдній разъ братски руку въ бѣдной избушкѣ подъ Бріенномъ. Въ эту самую минуту грянула вѣстовая пушка. Извѣстно военнымъ того времени, что генералъ Раевскій, при которомъ онъ тогда находился адъютантомъ, не любилъ опаздывать на такіе вызовы. Поскакалъ генералъ и вслѣдъ за нимъ его адъютантъ,ославъ мнѣ съ коня своего прощальный поцѣлуй. И подлинно это былъ прощальный привѣтъ, и навсегда... Съ тѣхъ поръ я ужь не видалъ его. Съ А. Ѳ. Воейковымъ познакомился я въ зиму 1814—15 года, въ Дерптѣ, гдѣ квартировалъ штабъ нашего полка. Можно сказать, что онъ съ каѳедры своей читалъ въ пустынѣ: на лекціи его приходило два, три студента, да иногда человѣка два нашихъ офицеровъ или наши генералы Полуектовъ и Кнорринъ. У него узналъ я Жуковскаго, гостившаго тогда

---

1) Братъ мой имѣлъ честь находиться при немъ на ординарцахъ во время маршей по Германіи и въ лейпцигской битвѣ и много разсказалъ мнѣ о немъ. Николай Николаевичъ никогда не суетился въ своихъ распоряженіяхъ: въ самомъ пылу сраженія отдавалъ приказанія спокойно, толково, ясно, какъ будто былъ у себя дома; всегда разспрашивалъ исполнителя, такъ ли понято его приказаніе и если находилъ, что оно недостаточно понято, повторялъ его безъ сердца, называя всегда посылаемаго адъютанта или ординарца голубчикомъ или другими ласковыми именами. Онъ имѣлъ особый даръ привязывать къ себѣ подчиненныхъ.

въ его семействѣ. Оба посѣщали меня иногда. Горжусь постоянно добрымъ расположеніемъ ко мнѣ Василія Андреевича. Съ княземъ П. А. Вяземскимъ имѣлъ я случай нерѣдко видѣться *замѣчательною* весною 1818 года, въ Варшавѣ. Здѣсь, за дворцовой трапезой, на которую приходила вся свита Государя Императора, между прочими графъ Каподистрія и другія знаменитости того времени, сидѣлъ я почти каждый день рядомъ съ А. И. Данилевскимъ-Михайловскимъ, вступившимъ уже тогда на поприще военнаго писателя. Здѣсь же учился я многому изъ литературныхъ бесѣдъ остроумнаго Жихарева, котораго интересные мемуары помѣщаются нынѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но я еще нигдѣ не успѣлъ видѣть молодого Пушкина, издавшаго уже въ зиму 1819—20 года «Руслана и Людмилу», Пушкина, котораго мелкія стихотворенія, наскоро, на лоскуткахъ бумаги, карандашомъ переписанныя, разлетались въ нѣсколько часовъ огненными струями во всѣ концы Петербурга и въ нѣсколько дней Петербургомъ вытверживались наизусть, — Пушкина, котораго слава росла не по днямъ, а по часамъ. Между тѣмъ я былъ одинъ изъ восторженныхъ его поклонниковъ. Слѣдующій необыкновенный случай доставилъ мнѣ его знакомство. Разсказъ объ этомъ случаѣ прибавитъ нѣсколько замѣчательныхъ строчекъ къ его біографіи. Долженъ я также засвидѣтельствовать, что всѣ лица, бывшія въ немъ главными дѣятелями (кромѣ историка, вашего покорнаго слуги), уже давно померли, и потому могу говорить о нихъ свободно.

Квартира моя въ домѣ графа Остермана-Толстого выходила на Галерную. Я занималъ въ нижнемъ этажѣ двѣ комнаты, но первую отъ входа уступилъ пріѣхавшему за нѣсколько дней до того времени, которое описываю, маіору NN, служившему въ штабѣ одной

изъ дивизій...аго корпуса, которымъ командовалъ графъ. NN былъ малороссъ, учился, какъ говорятъ, на мѣдныя деньги и образованъ по вѣсу и цѣнѣ металла. Наружность его соотвѣтствовала внутреннимъ качествамъ: онъ былъ очень плѣшивъ и до крайности румянъ; послѣднимъ достоинствомъ онъ очень занимался и черезъ него считалъ себя неотразимымъ побѣдителемъ женскихъ сердецъ. Игрою густыхъ своихъ эполетъ онъ особенно щеголялъ, полагая, что отъ блеска ихъ, какъ отъ лучей солнечныхъ, разливается свѣтъ на все, его окружающее, и едва ли не на весь городъ. Мы прозвали его дятломъ, на котораго онъ и наружно, и привычками былъ похожъ, потому что безъ всякой надобности долбилъ своимъ подчиненнымъ десять разъ одно и то же. Кругъ своей литературы ограничилъ онъ «Бѣдною Лизой» и «Островомъ Бернгольмомъ», изъ котораго особенно любилъ читать вслухъ: «Законы осуждаютъ предметъ моей любви», да нѣсколькими пѣснями изъ «Русалки». Къ театру былъ пристрастенъ, и болѣе всего любилъ воздушные пируэты въ балетахъ; но не имѣлъ много случаевъ быть въ столичныхъ театрахъ, потому что жизнь свою провелъ болшею частію въ провинціяхъ. Любилъ онъ также покушать. Разсказываютъ, что во время отдыха на походахъ не иначе можно было разбудить его, какъ вложивши ему ложку въ ротъ. Вы могли толкать, тормошить его, сколько силъ есть,— ничто не дѣйствовало, кромѣ ложки. Впрочемъ былъ *добрый малый*. Мое товарищество съ нимъ ограничивалось служебными обязанностями и невольнымъ сближеніемъ по квартирѣ.

Въ одно *прекрасное* (помните зимнее/ утро — было ровно три четверти восьмого—только-что успѣвъ окончить свой военный туалетъ, я вошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ обиталъ мой маіоръ, чтобъ приказать по-

давать чай. NN не было въ это время дома; онъ уходилъ смотрѣть, все ли исправно на графской конюшнѣ. Только-что я ступилъ въ комнату, изъ передней вошли въ нее три незнакомыя лица. Одинъ былъ очень молодой человѣкъ, худенькій, небольшого роста, курчавый, съ *арабскимъ профилемъ*, во фракѣ. За нимъ выступили два молодца, красавца, кавалерійскіе гвардейскіе офицеры, погромыхивая своими шпорами и саблями. Одинъ былъ адъютантъ; помнится, я видѣлъ его прежде въ обществѣ любителей просвѣщенія и благотворенія; другой—фронтовой офицеръ. Статскій подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ: «Позвольте васъ спросить, здѣсь живетъ NN»?—«Здѣсь,—отвѣчалъ я:—но онъ вышелъ куда-то, и я велю сейчасъ позвать его». Я только хотѣлъ это исполнить, какъ вошелъ самъ NN. При взглядѣ на воинственныхъ ассистентовъ статскаго посѣтителя, онъ видимо смутился, но вскорѣ оправился и принялъ также марціальную осанку. «Что вамъ угодно?»—сказалъ онъ статскому довольно сухо. —«Вы это должны хорошо знать, — отвѣчалъ статскій: — вы назначили мнѣ быть у васъ въ восемь часовъ (тутъ онъ вынулъ часы); до восьми остается еще четверть часа. Мы имѣемъ время выбрать оружіе и назначить мѣсто...» Все это было сказано тихимъ, спокойнымъ голосомъ, какъ будто дѣло шло о назначеніи пріятельской пирушки. NN мой покраснѣлъ, какъ ракъ и, запутываясь въ словахъ, отвѣчалъ: «Я не за тѣмъ звалъ васъ къ себѣ.. я хотѣлъ вамъ сказать, что молодому человѣку, какъ вы, нехорошо кричать въ театрѣ, мѣшать своимъ сосѣдямъ слушать піесу, что это неприлично...»—«Вы эти наставленія читали мнѣ вчера при многихъ слушателяхъ, — сказалъ болѣе энергическимъ голосомъ статскій:—я ужь не школьникъ, и пришелъ переговорить съ вами иначе. Для этого не нужно много словъ: вотъ

мои два секунданта; этотъ господинъ военный (тутъ указалъ онъ на меня), онъ не откажется, конечно, быть вашимъ свидѣтелемъ. Если вамъ угодно...» NN не далъ ему договорить. «Я не могу съ вами драться,— сказалъ онъ:—вы молодой человѣкъ, неизвѣстный, а я штабъ-офицеръ...» При этомъ оба офицера засмѣялись, я поблѣднѣлъ и затрясся отъ негодованія, видя глупое и униженное положеніе, въ которое поставилъ себя мой товарищъ, хотя вся эта сцена была для меня загадкой. Статскій продолжалъ твердымъ голосомъ: «Я русскій дворянинъ, Пушкинъ: это засвидѣтельствуютъ мои спутники, и потому вамъ не *стыдно* будетъ имѣть со мною дѣло».

При имени *Пушкина* блеснула въ головѣ моей мысль, что передо мною стоитъ молодой поэтъ, таланту котораго ужь самъ Жуковскій поклонялся, корифей всей образованной молодежи Петербурга, и я спѣшилъ спросить его: «Не Александра ли Сергѣевича имѣю честь видѣть передъ собою?»

— Меня такъ зовутъ,—сказалъ онъ улыбаясь.

— Пушкину, — подумалъ я: — Пушкину, автору «Руслана и Людмилы», автору столькихъ прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній, которыя мы такъ восторженно затвердили, будущей надеждѣ Россіи, погибнуть отъ руки какого-нибудь NN, или убить какого-нибудь NN и жестоко пострадать... нѣтъ, этому, не бывать! Во что-бъ ни стало, устрою мировую, хотя-бъ и пришлось немного покривить душой.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ я по французски, чтобы не понялъ нашего разговора NN, который не зналъ этого языка: — позвольте мнѣ принять живое участіе въ вашемъ дѣлѣ съ этимъ господиномъ, и потому прошу васъ объяснить мнѣ причину вашей ссоры.

Тутъ одинъ изъ ассистентовъ разсказалъ мнѣ, что Пушкинъ наканунѣ былъ въ театрѣ, гдѣ на бѣду

судьба посадила его рядомъ съ NN. Играли пустую піесу, играли, можетъ быть, и дурно. Пушкинъ зѣвалъ, шикалъ, говорилъ громко: «несносно!» Сосѣду его піеса, повидимому, очень нравилась. Сначала онъ молчалъ, потомъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ Пушкину, что онъ мѣшаетъ ему слушать піесу. Пушкинъ искоса взглянулъ на него и принялся шумѣть попрежнему. Тутъ NN объявилъ своему неугомонному сосѣду, что попроситъ полицію вывесть его изъ театра.

— Посмотримъ,—отвѣчалъ хладнокровно Пушкинъ и продолжалъ повѣсничать.

Спектакль кончился, зрители начали расходиться. Тѣмъ и должна была бы кончиться ссора нашихъ противниковъ. Но мой витязь не терялъ изъ виду своего незначительнаго сосѣда и остановилъ его въ корридорѣ.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Пушкину, и вмѣстѣ съ этимъ поднялъ свой указательный палецъ:—вы мѣшали мнѣ слушать піесу... это неприлично, это невѣжливо.

— Да, я не старикъ, — отвѣчалъ Пушкинъ: — но, господинъ штабъ-офицеръ, еще невѣжливѣе здѣсь и съ такимъ жестомъ говорить мнѣ это. Гдѣ вы живете?

NN сказалъ свой адресъ и назначилъ пріѣхать къ нему въ восемь часовъ утра. Не былъ ли это настоящій вызовъ?...

— Буду,—отвѣчалъ Пушкинъ.—Офицеры разныхъ полковъ, услышавъ эти переговоры, обступили было противниковъ; сдѣлался шумъ въ корридорѣ, но, по слову Пушкина, все затихло, и спорившіе разошлись безъ дальнѣйшихъ приключеній

Вы видите, что ассистентъ Пушкина не скрылъ и его вины, объяснивъ мнѣ вину его противника. Вотъ этотъ-то узелъ предстояло мнѣ развязать, сберегая между тѣмъ голову и честь Пушкина.

— Позвольте переговорить съ этимъ господиномъ въ другой комнатѣ, сказалъ я военнымъ посѣтителямъ. — Они кивнули мнѣ въ знакъ согласія. Когда я остался вдвоемъ съ NN, я спросилъ его, такъ ли было дѣло въ театрѣ, какъ разсказалъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ. Онъ отвѣчалъ, что дѣло было такъ. Тогда я началъ доказывать ему всю необдуманность его поступковъ; представилъ ему, что онъ самъ былъ кругомъ виноватъ, затѣявъ вновь ссору съ молодымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, при выходѣ изъ театра, когда эта ссора кончилась ничѣмъ; говорилъ ему, какъ дерзка была его угроза пальцемъ и глупы его наставленія, и что, сдѣлавъ формальный вызовъ, чего онъ, конечно, не понялъ, надо было или драться, или извиниться. Я прибавилъ, что Пушкинъ сынъ знатнаго человѣка (что онъ извѣстный поэтъ, этому господину было бы нипочемъ). Всѣ убѣжденія мои сопровождалъ я описаніемъ ужасныхъ послѣдствій этой исторіи, если она разомъ не будетъ порѣшена. «Въ противномъ случаѣ, — сказалъ я:--иду сейчасъ къ генералу нашему, тогда... ты знаешь его: шутить не любитъ». Признаюсь, я потратилъ ораторскаго пороху довольно, и не даромъ. NN убѣдился, что онъ виноватъ, и согласился просить извиненія. Тутъ, не давъ опомниться маіору, я ввелъ его въ комнату, гдѣ дожидались насъ Пушкинъ и его ассистенты, и сказалъ ему: «Господинъ NN считаетъ себя виноватымъ передъ вами, Александръ Сергѣевичъ, и въ опрометчивомъ движеніи, и въ необдуманныхъ словахъ, при выходѣ изъ театра; онъ не имѣлъ намѣренія ими оскорбить васъ.

— Надѣюсь, это подтвердитъ самъ господинъ NN,— сказалъ Пушкинъ.—NN извинился... и протянулъ было Пушкину руку, но тотъ не подалъ ему своей, сказавъ только: «извиняю», и удалился съ своими спутниками, которые очень любезно простились со мною.

Скажу откровенно, подвигъ мой испортилъ мнѣ много крови въ этотъ день—по какимъ причинамъ, вы угадаете сами. Но теперь, когда прошло тому тридцать шесть лѣтъ, я доволенъ, я счастливъ, что на долю мою пришлось совершить его. Если-бъ я не былъ такой жаркій поклонникъ поэта, уже и тогда предрекавшаго свое будущее величіе; если-бъ на мѣстѣ моемъ былъ другой, не столь мягкосердый служитель музы, а черствый, браннолюбивый воинъ, который, вмѣсто того, чтобы потушить пламя раздора, старался-бы еще болѣе раздуть его, если-бъ я повелъ дѣло *иначе*, перешелъ только черезъ воръ къ *одному* лицу, можетъ быть Пушкина не стало-бы еще въ концѣ 1819 года, и мы не имѣли-бы тѣхъ великихъ произведеній, которыми онъ подарилъ насъ впослѣдствіи. Да, я доволенъ своимъ дѣломъ, хорошо или дурно оно было исполнено. И я нынѣ могу сказать какъ старый капралъ Беранже:

Puis, moi, j'ai servi le grand homme!

Обязанъ прибавить, что до смерти Пушкина и NN, я ни разу не проронилъ ни слова объ этомъ происшествіи. Были маленькія непріятности у NN въ театрахъ съ военными, вѣроятно, послѣдствія этой исторіи, но онѣ скоро кончились тѣмъ, что мой маіоръ (начинавшій было угрожать заочно Пушкину какими-то не очень рыцарскими угрозами), по моему убѣжденію, весьма сильному, ускакалъ скоро изъ Петербурга.

Черезъ нѣсколько дней увидалъ я Пушкина въ театрѣ: онъ первый подалъ мнѣ руку, улыбаясь. Тутъ я поздравилъ его съ успѣхомъ «Руслана и Людмилы», на что онъ отвѣчалъ мнѣ: «О! это первые грѣхи моей молодости!»

— Сдѣлайте одолженіе, вводите насъ почаще такими грѣхами въ искушеніе,—отвѣчалъ я ему.

По выходѣ въ свѣтъ моего «Новика» и «Ледяного Дома», когда Пушкинъ былъ въ апогеѣ своей славы, спѣшилъ я послать къ нему оба романа, въ знакъ моего уваженія къ его высокому таланту. Пріятель мой, которому я поручалъ передать ему «Новика», писалъ ко мнѣ по этому случаю 19 сентября 1832 года: «Благодарю васъ за случай, который вы мнѣ доставили увидѣть Пушкина. Онъ оставилъ самые пріятные слѣды въ моей памяти. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту небольшую, худенькую фигуру, и не вѣрилъ, какъ онъ могъ быть забіякой... На лицѣ Пушкина написано, что у него тайнаго ничего нѣтъ. Разговаривая же съ нимъ, замѣчаешь, что у него есть тайна— его прелестный умъ и знанія Ни блестокъ, ни жеманства въ этомъ князѣ русскихъ поэтовъ. Поговоря съ нимъ, только скажешь: «онъ умный человѣкъ. Такая скромность ему прилична». Совѣстно мнѣ повторить слова, которыми подарилъ меня Пушкинъ при этомъ случаѣ; но, перечитывая ихъ нынѣ, горжусь ими. Отчего-жь не погордиться похвалою Пушкина?..

Узнавъ, что онъ занимается исторіей Пугачевскаго бунта, я препроводилъ къ нему рѣдкій экземпляръ Рычкова. Вслѣдствіе этихъ посылокъ я получилъ отъ него письмо, которое здѣсь помѣщаю. Все лестное, сказанное мнѣ въ этомъ посланіи, принимаю за радушное привѣтствіе; но мнѣ всего пріятнѣе, что великій писатель почтилъ мое произведеніе своею критикою, а ею онъ не всякаго удостоивалъ, какъ замѣчено было недавно и въ одной изъ біографій его. Вотъ это письмо, которое храню, какъ драгоцѣнность, вмѣстѣ со спискомъ моего отвѣта:

«Милостивый государь,

«Иванъ Ивановичъ!

«Во-первыхъ, долженъ я просить у васъ прощеніе за мѣдленность [1]) и неисправность свою. Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ и, возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

«Позвольте, милостивый государь, благодарить васъ теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностію и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи, «Ледяной Домъ» и выше «Послѣдняго Новика», но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ..., которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

---

[1]) Такъ писалъ это слово Пушкинъ.

«Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно [1]): въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово *хоботъ* въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

«Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ,

«Милостивый государь,
«Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
«*Александръ Пушкинъ*».

3-го ноября 1835 г.
С.-Петербургъ.

Отвѣтъ мой былъ на трехъ листахъ почтовой бумаги. Онъ не можетъ быть напечатанъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, я крѣпко защищалъ въ немъ историческую истину, которую оспариваетъ Пушкинъ. Прежде чѣмъ писать мои романы, я долго изучалъ эпоху и людей того времени, особенно главныя историческія лица, которыя изображалъ. Напримѣръ, чего не перечиталъ я для своего «Новика» [2])! Могу прибавить, я былъ столько счастливъ, что мнѣ попадались подъ руку весьма рѣдкіе источники. Самую мѣстность, нравы и обычаи страны списывалъ я во время моего

---

[1]) Замѣтьте, какъ Пушкинъ глубоко изучалъ русскій языкъ: ни одно народное слово, котораго онъ прежде не зналъ, не ускользало отъ его наблюденія и изслѣдованія.

[2]) Все, что сказано мною о Гликѣ, воспитанницѣ его, Паткулѣ, даже Бирѣ и Розѣ, и многихъ другихъ лицахъ моего романа, взято мною изъ Вебера, Манштейна, жизни графа А. Остермана на нѣмецкомъ 1743 года, „Essai critique sur la Livonie par le comte Bray“, Бергмана „Denkmäler aus der Vorzeit“, старинныхъ нѣмецкихъ историческихъ словарей, открытыхъ мною въ библіотекѣ сенатора графа Ѳ. А. Остермана, драгоцѣнныхъ рукописей канцлера графа И. А. Остермана, которыми я имѣлъ случай пользоваться, и, наконецъ, изъ устныхъ преданій маріенбургскаго пастора Рюля и многихъ другихъ на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили главныя дѣйствія моего романа.

двухмѣсячнаго путешествія, которое сдѣлалъ, проѣхавъ Лифляндію вдоль и поперекъ, большею частью по проселочнымъ дорогамъ. Также добросовѣстно изучилъ я главныя лица моего «Ледянаго Дома» на историческихъ данныхъ и достовѣрныхъ преданіяхъ.

Въ отвѣтѣ моемъ я горячо вступился за память моего героя, кабинетъ-министра Волынскаго, который, бывъ губернаторомъ въ Астрахани, оживилъ тамошній край, по назначенію Петра Великаго ѣздилъ посломъ въ Персію и исполнилъ свои обязанности, какъ желалъ царственный геній; въ Немировѣ велъ съ турками переговоры, полезные для Россіи, и проч., и проч. На Волынскаго сильные враги свалили преступленія, о которыхъ онъ не помышлялъ и въ которыхъ не имѣлъ средствъ оправдать себя. Пушкинъ указываетъ на дѣло, вѣроятно, слѣдственное Безпристрастная исторія спроситъ, кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ оно было составлено, кто были слѣдователи? На него подавалъ жалобу Тредьяковскій—и кого не заставляли подавать на него жалобы! Доносили и крѣпостные люди его, бѣлые и арабченки, купленные или страхомъ наказанія, или денежною наградой. Впослѣдствіи, одинъ сильный авторитетъ, передъ которымъ должны умолкнуть всѣ другіе, читавшій дѣло, на которое указываетъ Пушкинъ, авторитетъ, умѣвшій различать истину отъ клеветы, оправдалъ память умнаго и благороднаго кабинетъ-министра. Въ моемъ романѣ я представилъ его, какимъ онъ былъ—благороднымъ патріотомъ, и такимъ, какимъ были люди того времени, даже въ высшемъ кругу общества, волокитой, гулякой, буйнымъ, самоуправнымъ.

Что касается до защиты Пушкинымъ Тредьяковскаго, источникъ ея, конечно, проистекалъ изъ благороднаго чувства; но смѣю сказать, взглядъ его на тогдашнюю эпоху былъ одностороненъ.. Признаюсь,

когда я писалъ «Ледяной домъ», я еще не зналъ умилительнаго донесенія Василія Кириловича академіи о *причиненныхъ* ему *безчестіи* и *увѣчьи*. *По истинѣ* Волынскій поступилъ съ нимъ жестоко, пожалуй, безчеловѣчно—прибавить надо, если все то правда, что въ донесеніи написано. Но этотъ поступокъ—мелочь передъ тѣми дѣлами, которыя тогда такъ широко и ужасно разыгрывались... Что жь дѣлать? И я крайне скорблю о несчастіи бѣднаго стихотворца, еще болѣе члена академіи де-сіянсъ, которому, можетъ быть, мы обязаны нѣкоторою благодарностію; но отъ уваженія къ его личности да избавитъ меня Богъ! И я негодую на безчеловѣчный поступокъ Волынскаго, но все-таки уважаю его за полезныя заслуги отечеству и возвышенныя чувства въ борьбѣ съ могучимъ временщикомъ... Увы! сожалѣніямъ и негодованіямъ не будетъ конца, если къ самоуправству надъ Тредьяковскимъ кабинетъ-министра присоединить всѣ оскорбленія, которыя сыпались на голову Василія Кириловича. Грубые нравы того времени, на которые указываетъ самъ Пушкинъ—хотя въ другихъ отношеніяхъ и несправедливо—и, прибавить надо, унизительная личность стихокропателя поставили его въ такое мученическое положеніе. Если тогда обращались такъ дурно съ людьми учеными, образованными въ Парижѣ, писавшими даже французскіе стишки; если въ то время—вспомните, что это было слишкомъ за сто лѣтъ—князья не считали для себя унизительною должность офиціальнаго шута,—негодуйте, сколько угодно, на людей, поступавшихъ такъ жестоко и такъ унижавшихъ человѣчество; но вмѣстѣ съ тѣмъ вините и время [1]). Негодуйте, если

---

1) Прочтите *Семейную Хронику* (Аксакова)—эту живую картину нравовъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія—и особенно (что

хотите, и на самого писателя, что онъ былъ человѣкъ, какъ и вся раболѣпная толпа, его окружавшая, человѣкъ малодушный, не возвысившійся надъ нею ни на одинъ вершокъ. Но—на *нѣтъ* и суда нѣтъ! Зачѣмъ же дѣлать его благороднымъ, возвышеннымъ мученикомъ? Да и чьимъ, скажу опять, мученикомъ онъ не былъ?... Неохотно долженъ здѣсь привести разсказъ о томъ, какъ унижали бѣднаго Тредьяковскаго и другіе, кромѣ Волынскаго. Привожу здѣсь этотъ разсказъ, потому что отъ меня требуютъ доказательствъ... Вотъ слова Ив. Вас. Ступишина (лица, весьма значительнаго въ свое время и весьма замѣчательнаго), умершаго девяносто-лѣтнимъ старцемъ, если не ошибаюсь, въ 1820 году: «Когда Тредьяковскій являлся съ своими одами..., то онъ всегда, по приказанію Бирона, ползъ на колѣняхъ изъ самыхъ сѣней черезъ всѣ комнаты, держа обѣими руками свои стихи на головѣ; такимъ образомъ, доползая до тѣхъ лицъ, передъ которыми долженъ былъ читать свои произведенія, дѣлалъ имъ земные поклоны. Биронъ всегда дурачилъ его и надсѣдался со смѣху». Не смотря на увѣчья, отъ которыхъ Тредьяковскій ожидалъ себѣ кончины и которыя просилъ освидѣтельствовать, отказался ли онъ писать дурацкіе стихи на дурацкую свадьбу? Нѣтъ, онъ все-таки написалъ ихъ и даже прочелъ, вставъ съ одра смерти

Свищи, весна, свищи, красна!

восклицаетъ онъ въ жару піитическаго восторга, и наконецъ повершаетъ свое *сказаніе* такими достопамятными виршами:

Здравствуйте жъ женившись, дуракъ и дурка,
Еще... то-то и фигурка!

ближе къ настоящему предмету моему) стр. 99. Это стоитъ жесткаго обращенія съ Тредьяковскимъ. А время этого происшествія поближе къ намъ!

Посмотрите, какъ Тредьяковскій жалуется. «Размышляя,—говоритъ онъ въ рапортѣ академіи,—о моемъ *напрасномъ* безчестіи и увѣчьи (за дѣло ничего бы?), раздумалъ по утру, избравъ время, *пасть въ ноги* къ его высокогерцогской свѣтлости и пожаловаться на его превосходительство. Съ симъ намѣреніемъ пришелъ я въ покои къ его высокогерцогской свѣтлости по утру и ожидалъ времени *припасть къ его ногамъ*»... И въ донесеніи графу Разумовскому тоже «*слезно припадаетъ къ ногамъ его*».

Если Пушкинъ приписываетъ духу времени и нравамъ народа то, въ чемъ они совсѣмъ неповинны, что никогда не могло быть для нихъ потребностью, почему жь не сложить ему было на духъ и нравы того времени жестокаго поступка Волынскаго съ кропателемъ стиховъ, который сдѣлался общимъ посмѣяніемъ? Развѣ это жестокое обращеніе, однажды совершенное, тяжелѣй (не говорю больнѣй) того униженія, въ которомъ влачилъ его безпрестанно другой мучитель его? Развѣ потому легче это униженіе, что оно подслащалось нѣкоторыми *эмульсіями* покровителя? Къ тому жь, если винить одного, зачѣмъ оправдывать другого, на тѣхъ же данныхъ, въ дѣлахъ, болѣе вопіющихъ?...

Вопросъ другой: долженъ ли я былъ помѣстить Тредьяковскаго въ своемъ историческомъ романѣ? — Долженъ былъ. Мое дѣло было нарисовать вѣрно картину эпохи, которую я взялся изобразить. Тредьяковскій—драгоцѣнная принадлежность ея; безъ Тредьяковскаго картина была бы неполна, въ группѣ фигуръ ея недоставало бы одного необходимаго лица. Онъ нуженъ былъ для нея, какъ нужны были шутъ Кульковскій, барская барыня, родины козы, дурацкая свадьба и пр. А если я долженъ былъ помѣстить, то слѣдовало его изобразить, какимъ онъ былъ. Мы привыкли вѣрить, что черное черно, въ жизни ли оно человѣка, или въ его сочи-

неніяхъ, и не ухищрялись никогда дѣлать его бѣлымъ, не смотря ни на предковъ, ни на потомковъ. Мы привыкли смѣяться надъ топорными переводами и стишками собственной работы Василія Кириловича, какъ смѣялись надъ ними современники; намъ съ малолѣтства затвердили, что при дворѣ мудрой государыни давали читать ихъ въ наказаніе. Говорили мы спасибо Василію Кириловичу за то, что онъ училъ современниковъ слагать стихи и ввелъ гекзаметръ въ русскую просодію. Но и это доброе дѣло можно было легче сдѣлать, не терзая насъ тысячами стиховъ «Телемахиды», счетомъ которыхъ онъ такъ гордился, не играя съ нами въ піитическія жмурки на островѣ Любви и не работая тридцать лѣтъ надъ переводомъ Барклаевой «Аргениды». Но и на добро наложена была, видно, тяжелая рука знаменитаго труженика: гекзаметръ не пришелся по духу и крови русской, не смотря на великіе подвиги, совершенные въ немъ Гнѣдичемъ и Жуковскимъ. По крайней мѣрѣ, это мое убѣжденіе.

Упрекали меня, что я заставилъ говорить педанта въ своемъ романѣ, какъ педанта. Въ разговорѣ-де Василій Кириловичъ былъ не таковъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ, — сказалъ нѣкогда одинъ критикъ, — впрочемъ лицо, достойно уважаемое за его умъ и ученость, не смотря на парадоксы, которыми оно любитъ потѣшаться. Да кто-жь, спрашиваю, слышалъ его разговоры? Кто потрудился подбирать эти жемчужины, которыя, мимоходомъ, по пути своему, сыпалъ этотъ великій человѣкъ, и сохранить ихъ для потомства? Дайте намъ ихъ во всевѣдѣніе!... Ба, ба, ба! а донесеніе академіи? Передъ нимъ-то вы, конечно, должны преклониться и умилиться. Извините, я и въ донесеніи академіи не вижу ничего, кромѣ рабской жалобы на причиненные побои. Помилуйте, такъ ли

пишутъ люди оскорбленные, но благородные, не уронившіе своего человѣческаго достоинства?... Положимъ еще, что и у Василія Кириловича была счастливая обмолвка двумя стишками и нѣсколькими строчками въ прозѣ: даютъ ли они дипломъ на талантъ, на уваженіе потомства? И дураку удается иногда въ жизни своей умненькое словечко. Такъ и Василію Кириловичу если и удалось разъ написать простенько, не надуваясь, языкомъ, какимъ говорили современники, неужели всѣ безчисленные памятники его педантизма и бездарности должны уступить единственному клочку бумаги, почеловѣчески написанному?

Я распространился о Тредьяковскомъ потому, что съ появленія «Ледяного Дома» онъ сдѣлался конькомъ, на которомъ поскакали кстати и некстати наши рецензенты. Поломано не мало копій для возстановленія памяти его Даже, въ одной журнальной статьѣ, написанной въ концѣ великаго 1855 года, поставленъ этотъ подвигъ едва ли не въ самую важную заслугу нашей современной критикѣ. Какъ будто дѣло шло о возстановленіи обиженной памяти, положимъ, Державина и Карамзина!... Эта критика махнула еще далѣе. Нарочно для Василія Кириловича изобрѣли новыхъ *историческихъ писателей*, въ сонмъ которыхъ его тотчасъ и помѣстили. Наконецъ, въ утѣшеніе тѣни великаго труженика, добавили, что черезъ сто лѣтъ, именно въ 1855 году, языкъ Гоголя будетъ не лучше того, какимъ для насъ теперь языкъ Тредьяковскаго!.. Изобрѣтатель этой чудной гипотезы подумалъ ли, что безталанный Тредьяковскій писалъ на помѣси какого-то языка, ребяческаго, пожалуй ученическаго, а Гоголь, высоко даровитый писатель — на языкѣ, уже установившемся въ полномъ своемъ развитіи и даже образованіи? Подумалъ ли, что нашъ современный языкъ воспитанный Карамзинымъ, Жуковскимъ, Ба-

тюшковымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, вступилъ уже въ эпоху своей возмужалости, — имѣетъ *душу живу*, которая не умираетъ?...

Продолжайте, господа, ратоборствовать за непризнаннаго *историческаго писателя*—вамъ и книги его въ руки, хотя бы и въ новомъ, самомъ роскошномъ изданіи!... А я думаю, что игра не стоитъ свѣчъ, и что пора дать покой костямъ Василія Кириловича, и вживѣ непощаженнымъ. Есть у насъ о чемъ подѣльнѣе и по-и поважнѣе толковать, хотя-бъ и по литературѣ. Въ противномъ случаѣ попрошу полнаго *историческаго* и *эстетическаго* разбора всѣхъ сочиненій его...

Со всѣмъ уваженіемъ къ памяти Пушкина, скажу: оправданіе Бирона почитаю непостижимою для меня *обмолвкой* великаго поэта. Несчастіе быть нѣмцемъ?... Напротивъ, для всѣхъ, кто со временъ царя Алексѣя Михайловича посвящалъ Россіи свою службу усердно, полезно и благородно, никогда иностранное происхожденіе не было несчастіемъ. Могли быть только временныя несправедливости противъ нихъ. Въ доказательство указываю на Лефорта, на барона, впослѣдствіи графа, Андрея Ивановича Остермана, Миниха, Манштейна, Брюса и многихъ другихъ. Поневолѣ долженъ высказать здѣсь доводъ, не разъ высказанный. Отечество наше, занятое столько вѣковъ борьбою съ дикими или неугомонными сосѣдями, для того, чтобы приготовить и упрочить свою будущую великую осѣдлость въ Европѣ, стоящее на грани Азіи — позднѣе другихъ западныхъ странъ озарилось свѣтомъ наукъ. И потому иноземцы, пришедшіе къ намъ поучить насъ всему полезному для Россіи,—поступили ли они въ войска, на флотъ, въ академіи, въ совѣтъ царскій,— всегда были у насъ приняты и обласканы, какъ желанные и почетные гости. Услуги ихъ, если онѣ были соединены съ истиннымъ добромъ для насъ, всегда

награждались и доброю памятью о нихъ. Чтожъ заслужилъ Бирономъ отъ народа? — Не за то, что онъ былъ нѣмецъ, назвали его время бироновщиною; а народы всегда справедливы въ названіи эпохъ. Что касается до великаго ума и великихъ талантовъ его, мы ждемъ ихъ доказательствъ отъ исторіи. До сихъ поръ мы ихъ не знаемъ.

Винюсь, я принялъ горячо къ сердцу *обмолвку* Пушкина, особенно на счетъ духа времени и нравовъ народа, требовавшихъ будто казней и угнетенія, и слова, которыя я употребилъ въ возраженіи на нее, были напитаны горечью. Одинъ изъ моихъ пріятелей, прочитавъ мой отвѣтъ, сказалъ, что я не поскупился въ немъ на рѣзкія выраженія, которыя можно и должно было написать — только не Пушкину. «Разсердился-ли онъ за нихъ?»—спросилъ меня мой пріятель. — «Я самъ такъ думалъ, не получая отъ него долго никакого извѣстія,» — отвѣчалъ я. Но Пушкинъ былъ не изъ тѣхъ себялюбивыхъ чадъ вѣка, которыя свое *я* ставятъ выше истины. Это была высокая, благородная натура. Онъ понялъ, что мое негодованіе излилось въ письмѣ къ нему изъ чистаго источника, что оно бѣжало несдержимо черезъ край души моей, и не только не разсердился за выраженія, которыми другой могъ бы оскорбиться: напротивъ, проѣзжая черезъ Тверь (помнится, въ 1836 году), прислалъ мнѣ съ почтовой станціи слѣдующую коротенькую записку. Какъ увидите, она вызвана одною любезностію его и доброю памятью обо мнѣ.

«Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ.—Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и

возобновить старое, минутное знакомство. — Отлагаю до сентября, т. е. до возвратнаго пути; покамѣсть поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

«Сердечно васъ уважающій
„Пушкинъ“

Записка безъ числа и года. Подпись много порадовала меня: она выказывала добрую, благородную натуру Пушкина; она возстановляла хорошія отношенія его ко мнѣ, которыя, думалъ я, наша переписка разстроила..

Въ послѣднихъ числахъ января 1837 года пріѣхалъ я на нѣсколько дней изъ Твери въ Петербургъ. 24-го и 25-го былъ я у Пушкина, чтобы поклониться ему, но оба раза не засталъ его дома... Нельзя мнѣ было оставаться долѣе въ Петербургѣ, и я выѣхалъ изъ него 26-го вечеромъ.

29-го — Пушкина не стало...

Потухъ огонь на алтарѣ!

ГРИМАСА МОЕГО ДОКТОРА

изъ походной записной книжки 1813 года).

Съ первымъ шагомъ за границу Польши, на насъ повѣяло новою, радостною жизнью. Не во снѣ-ли видѣли пожаръ Москвы и пепелище ея? Не въ страшномъ-ли кошмарѣ полки безобразныхъ мертвецовъ заступили намъ дорогу по снѣжнымъ пустынямъ и между лѣсовъ дремучихъ; живые совершали передъ нами трапезу лошадиною падалью; обозы съ сотнями замороженныхъ человѣкъ, увязанныхъ веревками, проходили мимо насъ на Вилейку для сожженія. Даже смутно помню—а давно-ли это было?—въ Вильно вошелъ я съ шефомъ своимъ въ родъ больницы, гдѣ оставлены были бѣжавшею арміею раненые всякихъ націй. На полу сгнившая солома служила имъ постелью; тутъ лежали живые, въ полной памяти, перемѣшанные съ мертвыми. Въ этой грудѣ, среди непріятелей, русскій генералъ отыскивалъ своихъ мекленбургскихъ соотечественниковъ. *Честный* жидъ, хозяинъ дома, представилъ ему вѣрный, самовѣрнѣйшій *сидтецъ*, что стоило содержаніе больныхъ!... Слава Богу, мы оставили за собою картины человѣчества на послѣдней ступени униженія, и нечистыя корчмы съ ихъ нечистыми жидами, и упаданье въ

ноги, и «падамъ до ногъ»! Мы перешли въ Пруссію. Боже! какъ радуетъ насъ видъ образованной земли! Какъ легко, отрадно здѣсь сердцу! Взоръ и мысль нѣжатся на красивыхъ домикахъ, на поляхъ, прекрасно обработанныхъ и усаженныхъ плодовыми деревьями, на твореньи Божіемъ, которое чувствуетъ свое человѣческое достоинство и не влачитъ его по грязи. Удивляешься, какъ дерзкая рука прохожаго или проѣзжаго давно не поломала этихъ деревъ для своей минутной потребы, или просто для того, что хотѣлось поломать. Удивляешься, отчего мосты не пляшутъ подъ вами, отчего нѣтъ криковъ, ссоры и драки, когда разводятъ намъ квартиры, нѣтъ обвѣсковъ и обмѣру при выдачахъ... Отчего, вмѣсто бабы съ засученными и засаленными рукавами, босоногой, брюзгливой бабы, которая толкала васъ въ угарную избу и отдавала на съѣденіе своимъ безцѣннымъ пенатамъ; отчего, вмѣсто этой мегеры, какая-нибудь миловидная Лотхенъ или Фрицхенъ, оторвавшись отъ своего Лафонтена или Плейеля, съ привѣтомъ вводитъ васъ въ чистую комнату, гдѣ находите чистую постель, вкусный обѣдъ и — нерѣдко при разставаніи — тайный поцѣлуй, который долго будетъ вамъ мерещиться во снѣ и на яву? И мало ли чему дивимся здѣсь! Отчего? отчего? Вопросы мудреные для рѣшенія! А чтобы отдѣлаться отъ нихъ, скажу просто, оттого, что мы перешли за черту Польши

Въ Калишѣ сошелъ я съ сѣдла и теперь качу на почтовыхъ въ Шверинъ вслѣдъ за отрядомъ Чернышева, который побѣдѣ не даетъ перевести духу. На почтовыхъ, въ коляскѣ или въ штулвагенѣ!... Ощущали-ли это блаженство вы, не дѣлавшіе никогда по пятисотъ верстъ, зимою, на хребтѣ какого-нибудь

россинанта!... Шефъ мой, принцъ мекленбургъ-шверинскій, получилъ отпускъ на родину, и я съ нѣсколькими товарищами ему сопутствую. Двадцати лѣтъ, беззаботный, ничего не выжидая, смѣясь равно надъ кислою рожей и благосклонною улыбкою фортуны, засыпая такъ же сладко безъ копѣйки въ карманѣ, какъ и съ полнымъ золота кошелькомъ, я живу весело, весельемъ ласточки, вылетѣвшей въ первый разъ изъ гнѣзда своего подъ лазурь безграничнаго неба. И на долю моего честолюбія — какъ бы вы думали! — пали крупицы съ высоты. Имя адъютанта des Prinzen von Meklenburg звучитъ довольно громко въ ушахъ почтарей, станціонныхъ смотрителей и бюргеровъ и нерѣдко отъ городского фонтана привлекаетъ съ станціонному дому рои пригожихъ нѣмочекъ. А имя русскаго? Оно звучитъ выше всѣхъ въ наше время; ему народы съ восторгомъ кричатъ: Hoch! Какъ принимаютъ насъ въ Пруссіи!... Становишься здѣсь выше нѣсколькими вершками и съ гордостью повторяешь: я русскій! Вездѣ привѣтъ намъ, какъ братьямъ; вездѣ благодарность, какъ избавителямъ своимъ. Цвѣты, огни, тріумфальныя ворота, серенады, ласки, благословенія, — все это встрѣчаетъ и провожаетъ насъ по пути нашему. Дня будняго не знаемъ.

Дворъ мекленбургскій нашли мы въ Лудвигслустѣ. Природа здѣсь угрюмая, сердитая мачиха — гладь, пески, тощіе лѣса, болота! Какъ это вздумалось герцогу Лудвигу избрать такія грустныя мѣста для своего увеселительнаго замка! Видно, они вторили его душѣ. За то люди, насъ окружающіе, какъ будто стараются вознаградить намъ скудость природы удовольствіями, какія можно только здѣсь придумать, и особенно милостивымъ радушіемъ. Всѣ члены высокой фамиліи, отъ стараго герцога, патріархальнаго старшины своего

народа и молодой наслѣдной принцессы [1]), ангела доброты, не говорю ужь о дѣтяхъ *нашей* великой княгини Елены Павловны, осыпаютъ насъ своими ласками. Даже казаки принцевой свиты не забыты. Житье имъ здѣсь раздольное! Старый герцогъ любитъ, чтобы въ прогулкахъ его верхомъ по окрестностямъ, провожалъ его казакъ и въ каждую прогулку выучиваетъ у него по русскому *словцу*, за которое платитъ своему бородатому учителю по червонцу и которымъ любитъ послѣ щеголять передъ русскими офицерами. На-дняхъ въ саду, въ Елениномъ павильонѣ, давали донцамъ вечеръ; угощеніе было роскошное. Весь дворъ приходилъ любоваться казацкими танцами съ русскою присядкою. Балъ увѣнчался вальсомъ, къ которому миловидныя нѣмочки сами ангажировали питомцевъ Дона. При этомъ случаѣ были сцены уморительно-смѣшныя.

По нѣторымъ отношеніямъ, для меня только драгоцѣннымъ, я одинъ изъ русскихъ помѣщенъ въ главномъ дворцѣ. Это сближеніе съ членами герцогскаго дома дало поводъ къ происшествію, исполненному глубокаго интереса для физіолога и всякаго любящаго сердца. Невольный двигатель этой драмы, я разскажу ее во всей ея печальной подробности и безъ малѣйшихъ сказочныхъ вымысловъ.

Мартъ былъ на дворѣ Солнце согрѣло землю не на радость мою; болота, которыми окрестности изобилуютъ, начали испаряться, и я, надышавшись вдоволь гнилымъ воздухомъ, увидѣлъ скоро у изголовья своего непріятную гостью—лихорадку. Разумѣется,

---

[1]) Матери нынѣшней герцогини Орлеанской, родившейся въ январѣ 1814 года.

вслѣдъ за нею долженъ былъ явиться ко мнѣ врачъ, и онъ явился, не раздушенный, не въ перстняхъ и съ дорогими булавками, съ утонченною рѣчью и манерами придворнаго, какъ я ожидалъ, а во всей простотѣ и даже со всею наивностью нѣмецкаго галертера, который только-что покинулъ свой сельскій очагъ. Немудрено: ко мнѣ явился не придворный врачъ (онъ былъ боленъ), а окружной, впрочемъ пріобрѣвшій себѣ славу искуснѣйшаго не только въ Мекленбургѣ, но и въ Пруссіи. Мозелю—такъ звали моего доктора—было лѣтъ пятьдесятъ. Съ перваго взгляда на него, съ первыхъ его рѣчей, видно было, что это не рядовой въ безчисленномъ легіонѣ бѣднаго человѣчества. Печать Бога рѣзко означалась на высокомъ челѣ, въ глазахъ горѣлъ свѣточъ ума и благородства; разговоръ его, повременамъ живой и одушевленный, словно нагорный потокъ, все быстро схватывалъ и увлекалъ, что ему ни попадалось,—повременамъ, сказалъ я—потому что иногда отъ него нельзя было добиться слова. Меня особеннно привлекала къ нему какая-то грусть, преобладавшая въ немъ надъ всѣми другими чувствами, грусть, которая не исчезала съ его лица даже и тогда, когда онъ улыбался. Скоро закабалилъ онъ мое сердце, несмотря на хину съ краснымъ виномъ и красное вино съ хиной, которыми онъ преусердно потчивалъ меня, несмотря на короткія размолвки наши и цѣлый коробъ зла, который мнѣ нанесли на него. «Вы судите по его наружности?—говорили мнѣ:—такъ знайте подъ, этими цвѣтами кроется змѣя. Проникните только въ его семейство. Тамъ творятся ужасы... Тиранъ своей дочери! Отецъ безчеловѣчный! Запираетъ ее въ четырехъ стѣнахъ за тридевятью замками. Если и тѣшитъ ее чѣмъ-нибудь, такъ это игрушками; и тутъ цѣль злодѣйская—оставить ее въ вѣчномъ дѣтствѣ! Старый опекунъ не ревнивѣе посту-

паетъ съ своею питомицею, на которую имѣетъ сердечные или корыстные виды. Бѣдняжка никого не видитъ, кромѣ отца своего, семейства одного бюргера, кормилицы своей, двухъ служанокъ и стараго садовника. Когда мастеровые приходятъ исправлять домъ, фрейлейнъ Мозель переводятъ во флигель; кто чиститъ дворъ и садъ и убираетъ ихъ,—она не видитъ, а между тѣмъ это дѣлается будто ей въ угожденіе; проснулась, и все представляется глазамъ ея въ свѣжемъ, обновленномъ видѣ, словно феи во всю ночь для нея хлопотали. Добро бы еще запирали ее, кабы она была дурна собою; а то — красавица, въ полномъ смыслѣ художественной красоты, красавица, которою гордился бы любой дворъ нѣмецкій. Но и маленькій мекленбургскій дворъ, къ которому она могла бы имѣть доступъ, какъ дочь врача, замѣняющаго иногда придворнаго, никогда не видалъ ея. Однимъ изъ главныхъ условій ревнивца, при поступленіи сюда, было, чтобъ оставили его дочь въ томъ обществѣ, какое онъ самъ ей выберетъ. Бѣдная Пери въ неволѣ у духа тьмы, восточное диво—подъ надзоромъ евнуха, и—наконецъ, даже... вторая Беатриче Ченчи...» Чего не наговорятъ добрыя, чувствительныя сердца, когда ими движетъ любовь къ человѣчеству!... Уши вяли, кровь бунтовала отъ всѣхъ злыхъ вѣстей, которыми осыпали врача.

Какъ согласить эти рѣчи съ добротою, написанною на лицѣ его? Нельзя же носить такъ постоянно личину; когда-нибудь да увидѣлъ бы природныя черты. Нельзя же настроить такъ искусно свои бесѣды, свой голосъ, чтобы въ нихъ не отозвалась низкая, безчестная натура. А я преслѣдовалъ постоянно его природу, даже въ звукахъ рѣчи, не проговорится ли хоть она ошибкою, и ничего не находилъ въ нихъ, кромѣ исповѣди души благородной. Надо сказать еще, что

со мною, иностранцемъ, прибавьте и простодушнымъ, молодымъ человѣкомъ, онъ не имѣлъ причины такъ закрываться. Здѣсь таится что-нибудь *другое*, необыкновенное,—думалъ я, по врожденной склонности своей къ чудесному. Да и самъ докторъ, фантастическими бесѣдами со мною, утверждалъ меня болѣе и болѣе въ этомъ заключеніи. Съ такою теплою вѣрой говорилъ онъ о предметахъ и явленіяхъ сверхъестественныхъ, какъ будто посвященъ былъ въ ихъ тайны, какъ будто живалъ нѣкогда въ ихъ мірѣ, откуда принесъ воспоминанія о связяхъ тамошнихъ жильцовъ съ нашею бѣдною землею. Онъ былъ убѣжденъ въ сродствѣ и братствѣ душъ, въ наслѣдствѣ ихъ качествъ, и никакіе доводы не могли ослабить въ немъ этихъ убѣжденій. Часто замѣчалъ я, что въ концѣ его бесѣды было всегда что-то недоговоренное, и именно объ этомъ недосказанномъ очень грустилъ я, какъ о концѣ строфы великаго поэта, подъ которою поставлено было нѣсколько десятковъ точекъ. Долго еще послѣ того, какъ онъ уходилъ отъ меня, въ головѣ и сердцѣ моемъ роились видѣнія, сладостныя, но—неуловимыя. Навести въ другой разъ на окончаніе таинственной бесѣды, на разрѣшеніе промолвленной задачи, не было возможности. Импровизація не повторялась; сошедъ съ своего треножника, Мозель дѣлался самымъ обыкновеннымъ, иногда самымъ тупымъ собесѣдникомъ.

Но что болѣе всего разстраивало гармонію его бесѣды, такъ это малѣйшій намекъ на семейныя связи. Онъ всегда неискусно отклонялъ этотъ предметъ и спѣшилъ переходить на другой. При этомъ случаѣ доброе, привлекательное его лицо дѣлало какую-то судорожно-болѣзненную гримасу, отъ которой мнѣ всегда становилось грустно и тяжело. И эти знаки,—твердо вѣрилъ я, — были еще легкимъ повтореніемъ

тѣхъ движеній, которыя совершались въ его душѣ. Несмотря на все стараніе, какое употреблялъ онъ, чтобы выйти изъ этого кризиса, не могъ ужь онъ попасть въ свою тарелку и спѣшилъ уходить отъ меня.

Удивлялся я также, какъ онъ, съ своимъ умомъ, съ своимъ искусствомъ и славою, рѣшился пойти окружнымъ лекаремъ въ ничтожный городокъ.

«Тутъ кроется что-нибудь таинственное, чудесное», повторялъ я.

Однажды, въ минуты какого-то припадка злости, возбужденной нѣсколькими новыми вѣстями насчетъ Мозеля, я нарочно заговорилъ съ нимъ объ его дочери. Это было въ первый разъ. До сихъ поръ я заводилъ съ нимъ неуспѣшно, издалече, бесѣду о семейныхъ отношеніяхъ его.

— Ужь вамъ сказали, что у меня дочь! Кто-жъ тамъ говорилъ?—спросилъ онъ, измѣнившись въ лицѣ и голосомъ встревоженнымъ.

— Всѣ и всякій, кто васъ знаетъ. Чтожъ тутъ удивительнаго, мой любезнѣйшій докторъ? Это все равно, какъ бы сказали, что у меня сестра!

И желая углубить еще болѣе стрѣлу въ его сердце, продолжалъ: — Какъ скоро выздоровѣю, вы не откажете меня представить ей...

— Извините... я долженъ отказать... есть причины... не могу... если хотите, я далъ обѣтъ... Я ужь знаю, что вамъ, при этомъ случаѣ, наговорили обо мнѣ... и ревнивецъ-то я, и злодѣй, и тиранъ своей дочери... Да, я таковъ... Думайте обо мнѣ, что вы хотите... но я... не могу... вы не увидите моей дочери.

Когда жь Мозель замѣтилъ, что на лицѣ моемъ изобразилось негодованіе, онъ прибавилъ, взявши меня дружески за руку:—Не упрекайте меня, молодой человѣкъ. Есть домашнія тайны, съ которыхъ завѣсу свѣтъ не долженъ приподнимать... Тайна моя соста-

вляетъ мое счастіе... не требуйте же, чтобы я нарушилъ ее. Вы, странникъ издалече, идите мимо насъ; вы у насъ минутный гость... вамъ только изъ любопытства хочется заглянуть въ мой домашній кругъ, за черту заповѣданную, нѣтъ ли чего интереснаго для васъ... нѣтъ ли чего, что можно было бы послѣ разсказать у себя, какъ анекдотецъ... Кто знаетъ, можетъ статься, на свое удовлетворенное любопытство купите себѣ горестное воспоминаніе на всю жизнь свою и прибавите чужому горю...

Потомъ на прощанье, силясь улыбнуться, онъ обратился ко мнѣ съ своею любимой поговоркой:

— Въ небесахъ и на землѣ, Гораціо, есть тысячи вещей, которыхъ существованіе никогда и не грезилось вашимъ мудрецамъ...

Таинственный отвѣтъ, грустный, дружескій звукъ голоса, съ которымъ онъ былъ произнесенъ, искаженныя черты лица—невольно обезоружили меня. Съ этихъ поръ я ужь никогда болѣе не упоминалъ Мозелю объ его дочери. Можетъ быть, глупенькая... думалъ я:—можетъ быть, какой-нибудь ужасный тѣлесный недостатокъ... скрытое безобразіе... кто знаетъ, преступленіе!.. Вѣдь онъ лѣкарь, да еще отецъ! Кому жь лучше знать, какъ не ему!... Оставимъ его въ покоѣ съ его тайной, тѣмъ болѣе, что онъ ею счастливъ.

Но... какими-то неисповѣдимыми судьбами, назначено мнѣ было преслѣдовать моего бѣднаго врача за порогъ его семейной жизни, которую укрывалъ онъ такъ ревниво отъ глазъ свѣта.

— Изъ Демица—сказалъ вошедшій ко мнѣ служитель, подавая мнѣ письмо.—Изъ Демица? отъ кого бы? — подумалъ я, распечатывая письмо. Когда жь увидѣлъ подпись, я обрадовался, какъ бы получилъ грамотку изъ Россіи, отъ своихъ. Лиденталь! милый

мой Лиденталь! тотъ самый умный, добрый, несравненный ротмистръ гусарскій, съ которымъ мы познакомились въ великой суматохѣ передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву и который былъ моимъ сватомъ при романическомъ обрученіи моемъ съ военной службой; Лиденталь, названный братъ мой, братъ по сердцу!.. И чтожъ? Онъ въ горѣ, боленъ отъ раны, полученной подъ Люнебургомъ, опять въ ту же роковую лѣвую руку, на которой Бородино врѣзало свой гербъ. Отосланный своимъ отрядомъ въ одинъ изъ прусскихъ госпиталей, онъ не могъ далѣе ѣхать и остался въ Демицѣ, одинъ посреди чужихъ, на съѣденіе какому-то мучителю-фельдшеру съ дипломомъ лѣкаря, который учился надъ его рукою, какъ будто ученикъ-столяръ надъ изломаннымъ стуломъ. И пилитъ, и рѣжетъ, и клеитъ; ошибся, — снова расклеивай и снова принимайся за работу!

Я еще держалъ письмо въ рукахъ, задумавшись надъ нимъ, когда вошелъ ко мнѣ наслѣдный принцъ. Онъ былъ такъ внимателенъ, что пришелъ навѣдаться о моемъ здоровьѣ и пожалѣть, что меня давно не видать при дворѣ. Замѣтивъ же письмо въ рукахъ моихъ, спросилъ, не съ родины ли посланіе. Я объяснилъ ему, отъ кого было оно, наши связи съ Лиденталемъ и трудное его положеніе въ Демицѣ. Во время моего объясненія вошелъ докторъ, какъ будто нарочно подосланный судьбою. — Мы поможемъ ему, мы пристроимъ его здѣсь, — сказалъ наслѣдный принцъ. — Раненый, русскій офицеръ? Да мы поставимъ себѣ за честь и особенное удовольствіе быть ему полезнымъ. Кстати... гдѣ жь лучше помѣстить его, какъ не у искуснаго врача. Напишите ему съ нарочнымъ о нашемъ распоряженіи, а мы немедленно же позаботимся доставить его сюда, какъ можно покойнѣе. — Потомъ, обратясь къ доктору, онъ прибавилъ

съ твердостью: — Любезный Мозель, я назначилъ къ вамъ постой — раненаго русскаго офицера. Завтра доставятъ его прямо къ вамъ въ домъ изъ Демица. Знаю васъ и потому увѣренъ, что вы оставите свои маленькіе капризы теперь, когда дѣлаются пожертвованія и не такого рода для блага своего отечества.

— Воля вашей свѣтлости будетъ исполнена,—едва могъ проговорить Мозель. Губы его и одну щеку подергивало, блѣдное лицо исказилось. Замѣтно было, что онъ не зналъ, куда ему дѣваться съ своею несчастною фигурой, такъ былъ онъ пораженъ неожиданною вѣстью. Наслѣдный принцъ не замѣтилъ, или не хотѣлъ замѣтить его смущенія, пожалъ мнѣ руку и вышелъ изъ комнаты.

Нѣсколько странныхъ движеній рукою, два, три безтолковыхъ вопроса и нѣсколько отвѣтовъ невпопадъ обличали въ Мозелѣ тревожное состояніе его души. Бѣднякъ, самъ нуждался въ помощи лѣкаря! Грустно, очень грустно мнѣ было играть роль его преслѣдователя. Я спѣшилъ, однакожъ помириться съ своею совѣстью, давъ себѣ слово предупредить Лиденталя обо всемъ, что зналъ, и увѣренъ былъ, что онъ постарается всячески успокоить ревнивца, или Богъ знаетъ, что такое онъ былъ.

Раненаго гусара вскорѣ доставили въ Лудвигслустъ и онъ поселился на назначенной ему квартирѣ. Посѣтить его и осмотрѣть въ подробности его жилище я не замѣшкалъ. Надо замѣтить, что весь Лудвигслустъ состоитъ изъ двухъ улицъ, составляющихъ двѣ неравныя стороны угла: одной главной—смѣло размахнувшейся въ длину, и другой боковой—очень робко сжавшейся. Къ концу главной улицы примыкаетъ площадь съ дворцомъ и его принадлежностями; на концѣ боковой стоитъ домикъ окружного врача. За нимъ начинаются песчаные бугры, на которыхъ семьями тѣс-

нятся другъ къ другу тощія сосны, какъ будто для того, чтобы оградить себя отъ напора песчаныхъ волнъ, готовыхъ залить ихъ. Далѣе, болота и болота—настоящая ссылочная земля въ царствѣ природы.

Веселымъ оазисомъ казался деревянный домикъ врача на концѣ кирпичныхъ домовъ, нештукатуренныхъ, построенныхъ подъ одинъ казенный образецъ, и на грани песковъ—съ своею прихотливою, веселою, кокетливою архитектурой, съ двумя флигелями, его красиво и легко окрыляющими, и съ садомъ, гдѣ цвѣтовъ было болѣе, нежели зелени, гдѣ каждое дерево просилось подъ кисть художника и каждый цвѣтокъ на грудь красавицы. А золотыя-то дорожки въ саду—бѣгали, рѣзвились и скрывались въ кустахъ, какъ своенравный ручей. Людей въ домѣ было очень мало, работники были приходящіе, какъ ужь замѣтили мы; но животныя разнаго рода населяли его, словно Ноевъ ковчегъ. Въ клѣткахъ, птичникахъ и голубятняхъ птицы пѣли разнородными голосами, ворковали, свистали, говорили или только красовались своими перьями; въ прудахъ купались лебеди, играли форели и золотыя рыбки; въ паркѣ рѣзвились олени, и всѣ они знали голосъ своей госпожи, почти всѣ получали пищу изъ рукъ ея. Снаружи и внутри дома сохранялась чистота изумительная. Все въ немъ было словно съ иголочки. Всякій мѣсяцъ бѣлили, мыли, лощили; малѣйшее пятно считалось преступленіемъ; когда его замѣчали, весь домъ поднимался на ноги и до тѣхъ поръ не успокоивался, пока преступленіе не было смыто. Одежда на служителяхъ согласовалась съ чистотою дома; какой-нибудь щеголь не чище одѣвался. Я замѣтилъ, что на самомъ хозяинѣ и слугахъ были цвѣта все свѣтлые, веселые.

— Ну,—подумалъ я,—какъ нарочно дали Мозелю постояльца такого же причудливаго, какъ и самъ онъ.

Сочетало же ихъ Провидѣніе! Да, и мой Лиденталь простиралъ любовь къ опрятности до мелочного пуризма. Добро бы дома, на осѣдлой квартирѣ: нѣтъ, въ походѣ, на бивуакахъ, въ крестьянской избѣ, — вездѣ былъ онъ вѣренъ своему кумиру. Гдѣ бы ни назначалась ему квартира, слуги его заранѣе осматривали всѣ углы, чистили, мыли, скоблили, и тогда только приглашали въ нее, когда она приведена была въ порядокъ, имъ узаконенный. Трубки онъ не курилъ, табаку не нюхалъ. Обыкновенно кроткій и терпѣливый, онъ переносилъ всякаго рода лишенія, голодъ, холодъ, слякоть, трудности марша; но пятно на бѣльѣ, разсыпанная табачная зола, сало на подсвѣчникѣ, тараканъ, винный запахъ отъ деньщика — до того раздражали его, что онъ на нѣсколько часовъ дѣлался грустнымъ и сварливымъ. За то въ полку и прозвали его ротмистромъ-бѣлоручкой. Мелочный характеръ!—думалъ я сначала и ошибался. Не знавалъ я въ жизни человѣка болѣе готоваго на истинныя услуги, на жертвы всякаго рода для счастія, чести и спокойствія ближняго, на трудные, безкорыстные подвиги. Со временемъ помирился я съ его прихотливой натурой. Самъ онъ говаривалъ, что, несмотря на усилія побѣдить ее, не могъ онъ съ нею сладить. А воля была въ немъ сильная

Все шло хорошо; миръ въ домѣ не нарушался; постоялецъ былъ доволенъ хозяиномъ, хозяинъ постояльцемъ. И могло ли быть иначе, когда одинъ лечилъ успѣшно другого, а другой старался всячески угождать ему. Лиденталь, котораго я предупредилъ, что хозяинъ ревнивъ, взялъ тотчасъ строжайшія мѣры, чтобы не подать ему малѣйшаго повода къ неудовольствію. Изъ флигеля его была маленькая терасса въ садъ; онъ иногда выходилъ на нее пользоваться воздухомъ; но лишь-только замѣчалъ женское платьеце

между деревъ, несмотря на сильное желаніе подсмотрѣть, по привычкѣ, какое личико ходило въ этомъ платьецѣ, тотчасъ исчезалъ съ терассы, и до тѣхъ поръ не возвращался на нее, пока не былъ твердо увѣренъ, что въ саду нѣтъ никого изъ женскаго пола. Строго запрещено было деньщикамъ встрѣчаться съ барышней и разспрашивать о ней у служителей. Самъ же Лиденталь, въ разговорахъ съ докторомъ, ни полслова о семействѣ его, какъ будто и не зналъ о существованіи дочери. Мозель былъ заочно благодаренъ своему жильцу за его вниманіе и отзывался объ немъ, какъ объ отличномъ, рѣдкомъ молодомъ человѣкѣ; но въ обращеніи съ нимъ показывалъ величайшую осторожность и даже холодность, какъ бы боясь съ нимъ сблизиться. Во всякомъ случаѣ, я, нейтральное лицо, оставался довольнымъ, что постоялецъ, котораго навязалъ моему доктору, не нарушалъ ничѣмъ его спокойствія.

— Какой прекрасный молодой человѣкъ вашъ пріятель!—говорилъ мнѣ Мозель едва ли не въ третій разъ. — Жаль только, что онъ любитъ опрятность до какой-то крайности.

— Удивляюсь,—отвѣчалъ я ему:—вы вините его, въ чемъ сами грѣшите.

— Правда, правда,—пробормоталъ онъ сквозь зубы, и обычная гримаса исказила его лицо.

— Странный, непонятный человѣкъ!—подумалъ я.

Въ концѣ апрѣля, между пасмурныхъ дней, напоминавшихъ намъ родной сѣверъ, удался одинъ вечеръ, ясный, теплый, душистый, настоящій праздникъ для всего, что жило въ Лудвигслустѣ. Въ этотъ вечеръ сидѣлъ Лиденталь на терассѣ, переходя въ своихъ думахъ изъ замковъ родной Лифляндіи на балы московскіе, — на которыхъ, въ послѣднее зимнее посѣщеніе

бѣло-каменной, была такая блестящая выставка красавицъ,—съ гигантской фигуры Наполеона на чуднаго своего хозяина. Мало ли куда западали его думы! Облокотясь на перила террассы, онъ не видалъ, что около него происходило.

Вдругъ слышитъ... шорохъ отъ женскихъ платьевъ, для котораго ухо молодого человѣка имѣетъ особенную чуткость... и смѣхъ, разсыпчатый смѣхъ... Тутъ оглянулся бы и старый флегматикъ. Это сдѣлалъ и Лиденталь, забывъ постановленіе ревниваго доктора и свой обѣтъ. Онъ увидѣлъ три женскія фигуры, которыя, сплетясь руками, проходили по дорожкѣ подъ его террассой... только что рукой подать... онъ могъ различить, что двѣ крайнія фигуры смѣялись, но какія были у нихъ лица, не могъ замѣтить... Лиденталь ихъ не видалъ; а видѣлъ онъ одно лицо, посрединѣ... только одно, больше ничего. Лицо это вздрогнуло и покраснѣло: это онъ видѣлъ. И такъ прекрасно, такъ обаятельно оно было въ своемъ смущеніи, что мой гусаръ не имѣлъ силъ встать и поклониться и сидѣлъ, какъ истуканъ.

Долго не могъ Лиденталь опомниться отъ своего изумленія; но, когда образумился, клятва была произнесена въ сердцѣ его—во что бы ни стало увидѣть ее еще не одинъ разъ и узнать по-короче. Къ чорту всѣ предосторожности доктора, вся эта діэта сердечная, на которую осудилъ-было молодого, пылкаго гусара ревнивый отецъ.

Хохотуньи были дочери здѣшняго бюргера, пріятельницы Каролины. Какъ попали три дѣвушки подъ самую террассу Лиденталева жилища? Какъ ускользнули онѣ отъ ревниваго надзора врача и дерзко переступили заповѣдную грань? О! это сдѣлалось очень просто. Мозеля не было дома; дочери бюргера, услыхавъ отъ своей подруги, что у отца ея есть постоялецъ, хоро-

шенькій русскій офицеръ—даже хорошенькій, и этого дозналась пылкость дѣвичьей дипломатики—къ тому жь такой чудакъ, медвѣдь,—только-что завидитъ въ саду женское платье и бѣжитъ ужь опрометью, не оглядываясь, въ свою комнату, и тамъ запирается. Вообразите, запирается! Боится, чтобы не вломилась къ нему женщина: статочное ли дѣло!.. Какъ бы увидать этого звѣрка? Какую имѣетъ особенную физіономію, какой сѣверный типъ—можетъ быть и снѣжный? Какой носитъ мундиръ? и прочее и прочее. Держали совѣтъ, и недолго. Гости были очень милыя, умныя дѣвушки, но большія рѣзвушки; онѣ схватили свою подругу подъ руку, увлекли ее въ садъ, подстерегли дикаря, и шасть мимо него, задавъ ему своего рода серенаду. Явленіе ихъ было мимолетное; словно серны, исчезли онѣ въ кустахъ. Какъ ни преслѣдовалъ ихъ Лиденталь глазами, ихъ... *ея* ужь не стало.

Шутка была забавная... очень забавная, какъ увидите!...

Въ этотъ день выѣхалъ я съ шефомъ своимъ изъ Лудвигслуста. Мы посѣтили стрелицкій дворъ и потомъ объѣхали почти все герцогство Мекленбургъ-Шверинское путемъ праздниковъ, иллюминацій, серенадъ и торжествъ разнаго рода. Особенно въ Шверинѣ былъ намъ пріемъ высокоторжественный. На встрѣчу принцу нѣсколько верстъ за городъ выѣхала депутація гражданъ; у заставы ожидали его двѣнадцать, на выборъ личикомъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, дѣвушекъ, изъ которыхъ двѣ, самыя хорошенькія, говорили ему рѣчь и стихи; намъ поднесли онѣ вѣнки и опутали насъ цвѣточными вязями... Вскорѣ пріѣхалъ въ Шверинъ и весь герцогскій домъ. Я веселился до головокруженія и упаду. Долго еще послѣ того, даже во снѣ, преслѣдовали меня виваты, звонъ перекрестныхъ мечей и мотивы бальной музыки. Такъ прошло двѣ недѣли.

Не спрашивайте меня, какія наблюденія сдѣлалъ я надъ краемъ. До нихъ ли было, какъ видите! Но, чтобы вы не упрекнули меня въ совершенномъ недостаткѣ наблюдательности, скажу вамъ, что я замѣтилъ большое довольство въ народѣ, крестьянъ и NB. крестьяночекъ, чисто одѣтыхъ и обутыхъ, лошадей едва ли не съ верблюда, вѣковую упряжь, тучныхъ коровъ, которыхъ можно бы прямо на выставку, богатыя пажити, и не видалъ, чтобы хоть одинъ нищій протянулъ намъ руку. У въѣздовъ въ города прибита доска: не глаголетъ она о томъ, чего никто не имѣетъ нужды знать, потому что всякій въѣзжающій въ него знаетъ; не гласитъ она о числѣ обывателей, которое никто не хочетъ вѣдать. На ней просто четыре слова крупными буквами: «Здѣсь запрещается просить милостыню». И бѣдные не жалуются, и не слышно палочныхъ ударовъ по пятамъ. Чудный это народъ нѣмцы, до чего ухищряются!

Возвратясь въ Лудвигслустъ, нашелъ я въ домѣ врача большія перемѣны. Лиденталь видѣлъ Каролину не одинъ разъ, говорилъ съ нею не однажды и—при отцѣ. Даже при отцѣ! Разслушалъ ли я хорошо?.. Не обманываетъ ли меня слухъ, можетъ быть немного попороченный громомъ народныхъ виватовъ?.. Позвольте, нельзя ли еще повторить? — Даже при отцѣ!.. Онъ, ревнивецъ, тиранъ, тотъ самый Мозель, который отъ одного только намека на знакомство съ его дочерью ужасно тревожился и приходилъ въ судорожное состояніе, смотрѣлъ, повидимому, спокойно на отношенія молодыхъ людей. Боже мой! какимъ чудомъ совершились эти превращенія? Не нашелъ ли ужь мой гусаръ приворотнаго зелья или благодѣтельной волшебницы? Сколько я ни протиралъ очки своей проницательности, ничего не могъ понять, сообразить и согласить. Непостижимо, да и только! Не отъ кого было изъ домаш

нихъ узнать ни мнѣ, ни моему гусару о причинахъ ревности Мозеля и почему онъ до сихъ поръ такъ жестоко держалъ дочь свою въ заключеніи. Можетъ статься, боялся, чтобы выборъ Каролины не палъ на недостойнаго, можетъ быть, хотѣлъ утвердить ея характеръ въ уединеніи. Никто не могъ отвѣчать намъ на эти вопросы. Всѣ служители въ домѣ старались избѣгать всякой бесѣды съ нами, или на наши запросы отвѣчали совершеннымъ невѣдѣніемъ того, что было выше ихъ и внѣ ихъ круга.

Что до Лиденталя, онъ былъ влюбленъ на жизнь и на смерть. Этому я ничуть не удивлялся; иначе и не могло быть. Увидавъ Каролину, узнавъ эту прекрасную, милую дѣвушку и зная характеръ моего друга, я угадывалъ, что тутъ затѣвается не шутка. Лиденталь имѣлъ богатое состояніе; лишившись давно отца и матери, былъ независимъ въ выборѣ себѣ подруги; прибавьте къ этому умъ, доброе сердце, благородство и твердость правилъ, и вы признаетесь, что такой женихъ былъ настоящій кладъ и не для дочери врача. Женившись, могъ онъ перевесть своего тестя въ Россію, чего жь лучше, въ Дерптъ, подъ сѣнь тамошняго университета. Эти виды не могли, казалось, встрѣтить препятствія. Каролина, съ своей стороны, была очень неравнодушна къ моему пріятелю. Ясно говорили это и глаза, и рѣчи, и малѣйшія движенія, которыя такъ хорошо понимаетъ сердце безъ переводчика. Этотъ прекрасный цвѣтокъ, прозябавшій до сихъ поръ въ тѣни, лишь-только взглянуло на него солнышко, весь раскрылся, чтобы напиться разомъ лучей его. Натура нѣжная, глубокая, воспріимчивая, она нашла своего двойника, она вспомнила, какъ говорилъ мой докторъ, что душа ихъ сочеталась когда-то прежде, и теперь бросилась не съ застѣнчивостью невѣсты, а съ восторгомъ супруги и любовницы въ

объятія того, съ которымъ такъ долго была въ разлукѣ. Испытайте вновь разлучить ихъ — попробуйте раздѣлить плющъ, сплетшійся уже нѣсколько десятковъ лѣтъ съ другимъ плющемъ, и вы только ихъ разорвете. «Чего-жь лучше для счастія будущей четы, думалъ я: любовь, гармонія характеровъ, пожалуй, сочетаніе душъ, согласіе земныхъ видовъ и разсчетовъ, безъ которыхъ нерѣдко самая пламенная любовь морщится! Дай-то Богъ другу моему насладиться всѣми благами, которыя онъ такъ заслуживаетъ!» Но какъ-то непонятно для меня, всегда при мысли объ его благополучіи, являлась передо мною, будто нарочно для того, чтобы разстроить это благополучіе, несносная гримаса моего доктора.

Я замѣтилъ, однакожъ, что влюбленную чету никогда не оставляли одну, безъ домашнихъ свидѣтелей; при ней были всегда или отецъ, или старая кормилица, любившая Каролину, какъ дочь свою. Если-бъ я сказалъ, что насѣдка не такъ зорко стережетъ птенцовъ своихъ отъ злого коршуна, я сдѣлалъ бы неправильное заключеніе. Нѣтъ, не за поступками молодого человѣка, казалось мнѣ, наблюдали неусыпные соглядатаи, а за рѣчами, за движеніями, даже за выраженіями глазъ Каролины слѣдили они. Упреждать ея малѣйшія движенія, исполнять даже ея капризы было какою-то строгою, святою обязанностью всѣхъ обитателей дома. Доказательства этому я видѣлъ каждый день, на каждомъ шагу. Влюбленный Лиденталь, разумѣется, не замѣчалъ всего. Однажды, какъ-то очень рано поутру, гулялъ я съ своимъ гусаромъ по саду; наша бесѣда, по обыкновенію, шла о красотѣ и душевныхъ достоинствахъ Каролины. Впродолженіе прогулки, встрѣтили мы садовника, который тщательно подбиралъ всѣ черные камешки, попадавшіеся ему на дорожкахъ, ощипывалъ всѣ листочки на деревьяхъ, принявшіе черный

или ржавый цвѣтъ отъ непогоды и другихъ причинъ.— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? — спросилъ я садовника. — Фрейлейнъ не любитъ черныхъ листовъ и черныхъ камешковъ,—отвѣчалъ онъ, и когда я хотѣлъ распространиться насчетъ ея причудливости, мы не могли ничего болѣе добиться отъ него какъ то, что она этого не любитъ. Я смѣялся надъ прихотями Каролины, называлъ ее даже своенравною, мелочною; Лиденталь защищалъ ее орудіями любви и согласія вкусовъ. Противъ такихъ рогатыхъ силлогизмовъ нельзя было идти.

Въ другой разъ сидѣли въ садовой бесѣдкѣ Каролина, отецъ ея, гусаръ и вашъ покорнѣйшій слуга. Разговоръ былъ оживленъ и веселъ, глаза дѣвушки нерѣдко останавливались съ любовію на моемъ пріятелѣ. Вдругъ лицо ея измѣнилось, прекрасные глаза, полные очарованія любви, сдѣлались мутными, она неподвижно остановила ихъ на песчаной площадкѣ, находившейся передъ нами; мнѣ показалось даже, что на губахъ Королины мелькнула гримаса, которую я такъ не любилъ у доктора. — Какъ мучитъ меня этотъ камешекъ! Кто-нибудь нарочно положилъ его, чтобъ меня потерзать. Ради-Бога, примите его!—закричала она, но не успѣла еще докончить свое ребяческое требованіе, а ужь старикъ, отецъ ея, какъ проворный мальчикъ, стремглавъ бросился подбирать какой-то черный, гадкій камешекъ и закинулъ его далеко въ кусты. Исполнивъ это, онъ смотрѣлъ то съ болѣзненнымъ участіемъ въ лицо своей дочери, то со страхомъ насъ озиралъ. На лицѣ Каролины уже сіяла божественная улыбка: она покраснѣла, взглянула съ нѣжностью на Лиденталя, схватила потомъ руку отца и прижала къ губамъ своимъ. Вмѣстѣ съ этимъ, просіяло лицо моего доктора.—Ага!—подумалъ я:—листъ-то оборачивается: не отецъ, а дочка деспотъ въ домѣ.

Не стану описывать всѣхъ фазъ любви, наростав-

шихъ въ сердцѣ Лиденталя и дочери Мозеля. Скажу только, любовь эта дошла до того, что соединить навсегда судьбу свою сдѣлалось для нихъ необходимостью. Онъ просилъ у ней позволенія говорить объ этомъ отцу; согласіе было дано и вмѣстѣ клятва принадлежать ему, или никому на свѣтѣ.

Кормилица слышала это рѣшеніе. Она всегда хорошо расположена была къ Лиденталю и старалась это выказать, гдѣ только могла. Было имъ замѣчено, что старушка не разъ какъ будто искала съ нимъ переговорить наединѣ, но, найдя этотъ случай, ни о чемъ не говорила, кромѣ какъ о вещахъ очень обыкновенныхъ. Когда-жь Лиденталь ее спрашивалъ, не имѣетъ ли она чего довѣрить ему, кормилица всегда отзывалась, что ничего и не думала ему сообщить, что не имѣетъ никакой тайны или чего особенно замѣчательнаго ему передать. Нынѣ-жь, съ видомъ таинственнымъ, сама подозвала его къ себѣ и, взявъ его дружески за руку, промолвила вполголоса: — Не дѣлайте предложенія, добрый господинъ... Изъ этого ничего не выйдетъ... Отецъ не желаетъ... вамъ откажутъ... Моей бѣдной Каролинѣ суждено оставаться въ дѣвкахъ... Послушайте меня, уѣзжайте поскорѣй, пока еще время...

— Мнѣ откажутъ? я не вижу причины... Каролина меня любитъ, самъ отецъ ко мнѣ расположенъ... Но скажи, ради Бога, почему ты, какъ вѣщій воронъ, пророчишь мнѣ такую невзгоду?

Кормилица не отвѣчала, пожала плечами, покачала головой, съ грустью взглянула на небо, —и удалилась. Ничего болѣе онъ не могъ добиться отъ нея. Ломая себѣ голову надъ этой загадкой, Лиденталь готовъ былъ разорваться. Тутъ и не съ такою пылкою душой пришелъ бы въ отчаяніе. Несмотря на черныя предсказанія, онъ рѣшился на другой же день утромъ

просить руки Каролины. Терпѣть долѣе неизвѣстность своей судьбы, было бы только жить въ нестерпимыхъ мученіяхъ.

Но докторъ предупредилъ его своимъ посѣщеніемъ.

Едва успѣлъ Лиденталь встать съ постели, какъ явился къ нему Мозель; немедленно принялся осматривать его руку, объявилъ, что рана его совсѣмъ залѣчена и онъ можетъ ѣхать безъ опасенія, куда ему заблагоразсудится.

— Благодарю васъ, мой почтеннѣйшій докторъ,— сказалъ Лиденталь: но, къ удовольствію моему, я остаюсь здѣсь въ вашихъ краяхъ. Одинъ изъ адъютантовъ принца К. возвращается въ свой полкъ, и его свѣтлости угодно принять меня на его мѣсто. Я вашъ, какъ видите, и, признаюсь вамъ, хотѣлъ бы быть вашимъ навсегда.

При этихъ словахъ душевная тревога изобразилась на лицѣ Мозеля.

— Какъ это случилось?.. — говорилъ онъ: — я не подозрѣвалъ... я всегда полагалъ, что вы у насъ не надолго... что вамъ нужно въ армію... кампанія не кончена...

— Не думалъ я, чтобы вы такъ скоро желали моего удаленія,—отвѣчалъ Лиденталь, въ свою очередь очень смущенный:—кажется, я не подалъ вамъ никакой причины...

— Господи! неужели я это говорилъ?... Если вы такъ поняли, простите меня, я нынче отъ старости заговариваюсь. Ваши душевныя качества привлекаютъ къ вамъ всякаго, кто только имѣлъ честь васъ узнать. Нѣтъ причинъ васъ не любить и не желать оставаться съ вами долѣе.

— Думаю, по крайней мѣрѣ, что съ своей стороны я все дѣлалъ, чтобъ этихъ причинъ не существовало.

И потому позвольте мнѣ, какъ человѣку военному, который не знаетъ другого языка, кромѣ языка сердца, какъ человѣку, которому честь дороже всего, открыться безъ дальнихъ околичностей. Я люблю вашу дочь; это чувство не должно было скрыться отъ отца и я не думалъ скрывать его: съ этимъ чувствомъ соединяется и надежда составить счастіе Каролины. Безъ того я никогда не осмѣлился бы посягнуть на изъясненіе моихъ намѣреній не только вамъ, но и вашей дочери. Не скрою отъ васъ, что она меня любитъ, что она сама позволила мнѣ просить у васъ ея руки. Вчера только я получилъ это позволеніе, прошу теперь вашего согласія и съ нимъ моего благополучія, моей жизни. Вы имѣли время узнать меня. Я богатъ: мой другъ Л, и, если хотите, мой послужной списокъ васъ въ этомъ удостовѣрятъ. Вы переѣдете къ намъ въ Россію; домъ мой будетъ вашимъ домомъ. Угождать вамъ будетъ нашею святою обязанностью. Но если вамъ неугодно будетъ оставить свои ученыя занятія, дерптскій университетъ за честь себѣ почтетъ предложить вамъ кровъ свой. Получивъ ваше согласіе, я не отложу надолго своего счастія. Бракъ нашъ долженъ быть совершенъ немедленно. Кампанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна скоро кончиться, а если разсчеты въ этомъ случаѣ меня обманываютъ, если Богу угодно будетъ, чтобы я палъ на полѣ битвы, вдовѣ русскаго офицера, умершаго съ честью, навсегда обезпеченной отъ житейскихъ нуждъ, нечѣмъ будетъ упрекнуть себя за перемѣну своего имени на новое, конечно, не менѣе благородное. Вотъ мои виды, мой почтеннѣйшій другъ и, если позволите, мой второй отецъ!

Казалось, на этотъ краснорѣчивый, убѣдительный вызовъ благороднѣйшаго сердца, какое только я зналъ, Мозель тотчасъ долженъ былъ бы ударить по рукамъ; радость составить такую выгодную партію

для дочери обнаружилась бы немедленно на лицѣ, въ рѣчахъ его. Напротивъ, Мозель выслушалъ предложеніе моего друга, какъ бы читали ему смертный приговоръ. Блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ лицомъ, которое обыкновенная его гримаса необыкновенно страшно подергивала, онъ благодарилъ Лиденталя за честь, ему сдѣланную, говорилъ, что никогда и мыслить не могъ о выгоднѣйшей партіи для своей дочери, но что считалъ всегда постояльца своего, русскаго офицера, мимолетнымъ у нихъ гостемъ, проѣзжимъ странникомъ, съ которымъ такія связи и въ голову ему, Мозелю, не могли придти. Дѣло идетъ о судьбѣ его дочери, предложеніе для него такъ неожиданно, такъ внезапно, прибавлялъ онъ, что ему нужно время образумиться, и потому просилъ дня два, три на размышленіе. До полученія же отвѣта Лиденталь обязанъ не видать его дочери.

По истеченіи двухъ дней, Лиденталь получилъ отъ доктора письмо съ увѣдомленіемъ, что отвѣтъ будетъ переданъ черезъ меня.

Черезъ меня?... Что бы это значило?... Это походило на отказъ! Можно вообразить, съ какими перемѣнными чувствами то страха, то надежды, Лиденталь ожидалъ рѣшенія своей судьбы. Сердце мое раздиралось при свиданіи съ нимъ, такъ жалко было его видѣть въ этомъ положеніи и такъ онъ наружно перемѣнился въ нѣсколько дней. Раза по три въ день приходилъ онъ навѣдываться ко мнѣ, былъ ли у меня врачъ и нѣтъ ли чего новаго. Въ такомъ состояніи видѣлъ я разъ солдата, котораго приговорили разстрѣлять и который все ожидалъ помилованія.

И наконецъ пришелъ ко мнѣ врачъ... О! зачѣмъ приходилъ онъ ко мнѣ! Легче бы, когда-бъ эта чаша меня миновала! Зачѣмъ не избралъ и онъ другого посредника съ сердцемъ болѣе жесткимъ, болѣе очер-

ствѣлымъ въ опытахъ этой бѣдной жизни? Я еще незнакомъ былъ съ насмѣшками судьбы.

Мозель пришелъ ко мнѣ. Никогда не видалъ я его такъ разстроеннымъ, въ такомъ жалкомъ состояніи. Онъ дрожалъ, словно въ лихорадкѣ. Все предвѣщало мнѣ что-то худое.

— Вы больны?—спросилъ я его.

— Боленъ душою и тѣломъ, другъ мой, но еслибъ я умиралъ и вы не могли бы придти ко мнѣ, кажется, и тогда, собравъ послѣднія силы, дотащился бы до васъ. Можете ли вы удѣлить часа два изъ вашего времени?

Я сказалъ, что свободенъ и готовъ выслушать его.

Мы сѣли; онъ началъ.

— Вы должны выслушать печальную, очень печальную повѣсть. Первые, хотя невольные виновники ея вторичной завязки, вы должны нести вдвойнѣ горькую обязанность перебрать звено по звену цѣпь чужихъ страданій и передать ее такимъ же образомъ вашему другу. Ни одно слово изъ моей исповѣди не должно быть потеряно; горячимъ свинцомъ, капля по каплѣ, упадутъ мои преступленія на ваше сердце. Да, молодой человѣкъ, вы говорите съ преступникомъ, вы вошли въ его сообщество, чтобы погубить его. Но я не обвиняю васъ: вы только орудіе Того, Кому угодно было распорядиться. Будь святая воля Его! Лобызаю руку, меня карающую. Теперь—къ самой повѣсти.

«Въ 1794 году жилъ я въ Берлинѣ; у гробовой доски роковыя числа будутъ еще рѣзко носиться передъ моими глазами. Несмотря на мою молодость,—мнѣ было тогда лѣтъ тридцать,—правительство ввѣрило моимъ заботамъ и искусству тамошній домъ сумасшедшихъ. Заведеніе приняло вскорѣ лучшій видъ, боль-

ныхъ стало выздоравливать больше прежняго. Этому улучшенію содѣйствовали моя новая метода лѣченія, усердное служеніе страждущему человѣчеству и, если хотите, жажда славы, а потомъ другое, еще сильнѣйшее чувство. Труды мои были вознаграждены: я пріобрѣлъ имя, деньги, похвалы моихъ соотечественниковъ и вниманіе правительства. Успѣхи сдѣлали меня счастливымъ и гордымъ

«Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по принятіи моей новой должности, поступила въ число несчастныхъ, ввѣренныхъ моему попеченію, одна благородная дѣвушка, лѣтъ осьмнадцати. Ее звали Амаліей... Сюда она была перевезена изъ эльбинскаго дома сумасшедшихъ. Давно умеръ отецъ ея, храбрый офицеръ, слышавшій себѣ не разъ на полѣ битвъ похвалу изъ устъ великаго Фрица. Съ добрымъ сердцемъ, онъ перенесъ изъ суровой жизни лагерей и походовъ грубость и жесткость обращенія въ свое семейство. Капитанъ строго командовалъ у себя въ домѣ и хотѣлъ, чтобы всѣ въ немъ ходили въ одну ногу и по стрункѣ, какъ ходятъ его солдаты. Хотя натуральная трость его и не прогулялась ни разу по спинѣ жены, дѣтей и даже слугъ, однакожь, она не однажды была снята со стѣны и грозила пасть на жертву его гнѣва. И потому, прежде чѣмъ ему скомандовали: маршъ, маршъ на вѣчныя квартиры, отъ него порядочно доставалось его домашнему отряду. Амаліи со смертью его сдѣлалось не легче. Она осталась лѣтъ четырнадцати на рукахъ злой мачихи, имѣвшей еще нѣсколько собственныхъ дѣтей. Ей было хуже, чѣмъ сиротѣ. Эту хоть состраданіе чужихъ можетъ пріютить и приголубить, а тутъ она должна была жить между своими и оставаться въ неволѣ въ такомъ кругу, изъ котораго ее каждый день вытѣсняли.

«Казалось, Господь богато вознаградилъ ее за се-

мейныя печали красотою необыкновенною, живымъ умомъ и добрымъ сердцемъ; да, казалось, потому что вмѣстѣ съ этами качествами, досталась ей отъ природы необыкновенная слабость, родъ помѣшательства, которой источникомъ была таки добродѣтель— любовь къ опрятности. Еще съ малолѣтства Амалія простирала эту любовь до странности; она не могла видѣть пятна безъ отвращенія, со слезами умаливала уничтожить его, или сама выскабливала, вымывала, вырѣзывала, и до тѣхъ поръ тревожилась, не могла ѣсть, пить и заснуть, пока не успокоивала своей странной натуры. Нечистота наводила на нее какой-то ужасъ. Она вся дрожала, когда, вмѣсто наказанія за какіе-нибудь дѣтскіе проступки, или для исправленія порока ея, какъ называли въ домѣ, надѣвали на нее черное бѣлье и, если продолжался этотъ опытъ, приходила въ такое болѣзненное положеніе, что съ нею дѣлались ужасныя судорги. Съ лѣтами развивалась ея красота, съ ними усиливалась ея несчастная слабость, которой помогали суровыя мѣры отца, чтобы переломить ее, и раздражали жестокіе поступки мачихи. Знаніе и усердіе врачей до сихъ поръ не помогали, можетъ и потому, что ихъ предписаніямъ не строго слѣдовали. Надо сказать, что кромѣ помѣшательства на одномъ предметѣ, которое домашнимъ могло повременамъ доставлять безпокойство и непріятность, не болѣе, она ничѣмъ ихъ не тяготила. Проходили ли ея болѣзненные припадки, это было существо самое кроткое, самое любящее. Кончилось однакожь тѣмъ, что мачиха выжила ее изъ отцовскаго дома и прямо въ домъ сумасшедшихъ. Здѣсь она поняла, гдѣ находится, взглянула безнадежнымъ окомъ въ бездну, въ которую ее бросили, и сердце ея замерло, голова закружилась. Помѣшательство ея приняло другой видъ, болѣе опасный: она стала ужь часто видѣть черныя пятна тамъ,

гдѣ ихъ и не было. Слава моя побудила правительство перевести эту несчастную въ Берлинъ и ввѣрить ее моимъ знаніямъ и попеченіямъ.

«Когда я увидѣлъ Амалію въ первый разъ, дивная красота ея поразила меня. Надъ чертами лица, тонкими, правильными, если хотите, античными, надъ стройными, роскошными формами ея тѣла, казалось, рѣзецъ высокаго художника истощилъ все свое искусство. Въ черныхъ, огненныхъ глазахъ ея было цѣлое море блаженства: душа замирала, погружаясь въ ихъ глубину. Понимаете ли, какъ она была хороша, когда я теперь, пятидесятилѣтній старикъ, не могу говорить о ней безъ страстнаго почитанія, не могу описывать ее, не занявъ выраженій у поэзіи юношеской, восторженной любви? Вы знаете мою дочь: это списокъ съ высокаго оригинала, какого я уже подобнаго не встрѣчалъ въ жизнь свою.

«Прежде чѣмъ я вошелъ въ нумеръ Амаліи—это былъ, твердо помню, нумеръ двѣнадцатый — обо мнѣ доложила сидѣлка; такое вниманіе ужь предупредило ее въ мою пользу. Бывало, мужчины входили къ ней прямо безъ доклада. Разумѣется, на этотъ разъ и въ будущія мои посѣщенія я старался всячески не оскорблять чувства, на которомъ она была помѣшана. Увидавъ меня, Амалія, хотя и предупредили ее обо мнѣ, сильно вздрогнула, но это былъ не трепетъ испуга, а какое-то пріятное изумленіе.—Знаете ли, господинъ докторъ,—сказала она мнѣ голосомъ обворожительнымъ:—я васъ гдѣ-то видала... мы съ вами гдѣ-то встрѣчались.

«И стараясь припомнить, гдѣ она меня видѣла, Амалія прижала бѣлую, чудесно изваянную руку ко лбу, какъ бы вытѣсняя оттуда прошедшее.—Нѣтъ, не припомню,—повторяла она:—а твердо увѣрена, что мы съ вами знакомы. Съ перваго раза душа моя

встрѣтила васъ, какъ брата, съ которымъ долго была въ разлукѣ. Не правда ли, такое признаніе можетъ только сдѣлать сумасшедшая дѣвушка?

«Я обратилъ ея слова въ шутку и старался дать нашей бесѣдѣ тонъ обыкновенныхъ свѣтскихъ разговоровъ. Но, подивитесь моему безумію, не состраданіе къ этой несчастной, не дружба наполнила мою душу, когда я на нее глядѣлъ и говорилъ съ нею, а любовь овладѣла мною, любовь самая страстная, самая безумная, какая могла только существовать когда.

«Я забылъ, гдѣ нахожусь, въ какомъ состояніи та, къ которой осмѣлился питать это чувство, я забылъ, что она сестра, дочь, дитя мое, которое поручила судьба моимъ отеческимъ попеченіямъ; я забылъ все, и сталъ искать взаимной любви этой дѣвушки, какъ будто она была въ полномъ разумѣ, не въ домѣ сумасшедшихъ. Я старался вылѣчить ее, употреблялъ для того всѣ свои познанія, всѣ свои заботы и усердіе, но—понимаете ли, молодой человѣкъ—не для нея, для меня самого!... Эгоизмъ, котораго весь ужасъ, всю низость понялъ я ужь поздно! Признаться ли вамъ, я дѣлалъ опыты надъ другими больными; я усердно надъ ними работалъ, чтобы счастливѣйшіе изъ этихъ опытовъ употребить надъ Амаліей. Мои ближніе, мои страждущіе братья служили мнѣ грубой матеріей, пробными чурбанами, которые я тесалъ, рѣзалъ, рубилъ для того, чтобы возсоздать свой кумиръ. Видите ли, судьба ошиблась въ моемъ назначеніи; не лѣкаремъ должно бы мнѣ быть...

«Первымъ моимъ попеченіемъ было окружить мою паціентку всѣми возможными удобствами жизни, которыя могли бы заставить ее забыть, что она въ домѣ сумасшедшихъ. Изъ главнаго дома, гдѣ неистовые крики напоминали ей собственное ея положеніе, перевели мы ее въ бельэтажъ флигеля, въ которомъ я

самъ жилъ, и помѣстили въ двухъ свѣтлыхъ, веселыхъ комнаткахъ, окнами на юго-востокъ и въ садъ, прекрасно меблированныхъ и со всѣмъ комфортомъ, который только позволяли мнѣ мои средства. Мои средства, сказалъ я, потому что я не довольствовался тѣми, которыя употребляло правительство, а прибавилъ къ нимъ собственныя свои, урѣзывая отъ другихъ потребностей жизни. Здѣсь она была полная госпожа, малѣйшее ея желаніе исполнялось съ точностью и усердіемъ, заплаченными мною щедро заранѣе. Да и двѣ сидѣлки ея, находившіяся при ней подъ именемъ служанокъ, не только изъ корыстныхъ видовъ, но изъ состраданія или особеннаго сердечнаго участія, старались всячески ей угождать. Самые капризы ея во время болѣзненныхъ припадковъ терпѣли онѣ отъ нея, какъ отъ человѣка имъ близкаго, родственнаго. — Цвѣты, картины, книги окружали ее; музыка, въ которой я нѣкогда былъ искусенъ, услаждала ея слухъ и не менѣе сердце. Но, признаюсь, въ выборѣ этихъ предметовъ все-таки преобладала любовь; я старался даже сюжеты картинъ и музыкальныхъ произведеній оцвѣтить, напитать этимъ чувствомъ. Признаюсь также въ своей ревности: никто, кромѣ меня, не игралъ для нея, никто изъ мужчинъ ее не посѣщалъ. Мудрено ли, что я достигъ своей цѣли? Сирота, одинокая въ мірѣ, брошенная родными въ домъ сумасшедшихъ, видя меня, молодого человѣка пріятной наружности, каждый день, иногда раза по два, по три, окруженная моими нѣжными заботами, моимъ уваженіемъ и пламенною любовью, которую Амалія не могла не замѣтить, она сама, съ нѣжной организаціей, съ добрымъ сердцемъ, съ душою пылкою, почувствовала ко мнѣ любовь. Ей дѣлалось скучно, грустно, когда она меня не видала; она подстерегала мой приходъ, и если я не приходилъ въ обыкновенные

часы, начинались ея капризы, помѣшательство искало себѣ пищи, придиралось къ малѣйшей бездѣлицѣ. Находило ли облачко на небо, оно для нея все было въ черныхъ пятнахъ, точки въ книгѣ расплывались въ пятна, собственные ея глаза въ зеркалѣ казались ей двумя мутными, несносными пятнами.

«Вы видите однакожь, что помѣшательство не проходило. Что жь сдѣлали мои заботы, мое искусство? Очень мало для нея. Припадки ея безумія, правда, становились рѣже, слабѣли; имъ нужна ужь была причина, они раждались отъ сопротивленія и раздраженія. Прежде Амалія отыскивала вездѣ, во всемъ черныя пятна и терзалась ими; теперь только, найдя ихъ, безпокоилась, но скоро одумывалась, или видѣла ихъ, какъ я уже сказалъ, во время долгой разлуки со мною, въ грустные часы своего одиночества. А эта разлука продолжалась не болѣе нѣсколькихъ часовъ, это одиночество было лишь тогда, когда меня съ нею не было. Да, помѣшательство ея приняло надежный видъ, но все еще не проходило.

«А я, я самъ, безумецъ, былъ счастливъ, упоенный ея любовью. Какъ она любила меня! Одно слово мое, одно мое появленіе прогоняло облако печали съ ея лица, исчезали капризы, разумъ дѣлался яснѣе. Когда мнѣ доносили, что безъ меня были съ нею припадки безумія, я даже не вѣрилъ этому, а видѣлъ въ словахъ сидѣлокъ только грубость, близорукость чувствъ, не постигающихъ тайнъ сердечныхъ: такъ любовь преобразовывала ее при мнѣ. Со мною Амалія была существо разумно-любящее. Эта Галатея только мною, только въ моемъ присутствіи, одушевлялась. Не думайте, однакожь, чтобы стыдливость не боролась въ ней съ любовью. Нерѣдко происходила эта борьба; нерѣдко, въ лучшія ея минуты, разсудокъ и даже сознаніе своего болѣзненнаго состоянія говорили ей,

что она недостойна меня, что связать судьбу свою съ моею было бы сдѣлать меня несчастнымъ:—не даромъ же она находилась въ домѣ сумасшедшихъ! Но привязанность ко мнѣ все превозмогала и усиливалась день ото дня. Мудрено ли? Во мнѣ видѣла она своего покровителя, врача, друга, родного, все свое настоящее и будущее; во мнѣ одномъ заключала все благо своей жизни: отъ одной мысли потерять это все серце ея леденѣло. Такъ передавала она мнѣ впослѣдствіи, въ часы душевныхъ изліяній, свои отношенія ко мнѣ. Слова подтверждались поступками. Какъ покорное дитя, Амалія вся ввѣрилась мнѣ. Иногда говорила она мнѣ такія задушевныя рѣчи, которыя и свѣтской разумницѣ не изобрѣсти; то забавляла меня, какъ рѣзвое дитя, то давала мнѣ поцѣловать свою бѣлую ручку, то дарила меня чудными прогулками по саду, вдвоемъ, въ лѣтнія ночи, упитанныя благоуханіемъ цвѣтовъ, растворенныя нѣгою теплоты и таинственнаго молчанія, когда вся природа, кажется, нарочно собравъ чары свои, навѣваетъ ихъ на все ваше существо, когда не остается уже въ этомъ существѣ мѣста для мысли, а переполнено оно однимъ чувствомъ.

«И во мнѣ происходила иногда борьба съ самимъ собою.—Одумайся, кого ты любишь?—говорилъ мнѣ разсудокъ.—Увѣренъ ли, что несчастная дѣвушка совершенно вылѣчится? Какіе у тебя виды на нее?—Настоящіе успѣхи моего лѣченія—замѣтьте, моего лѣченія!—ручаются за будущее,—говорило сердце.—Она можетъ быть только здорова и счастлива при мнѣ, со мною. Провидѣніе ввѣрило мнѣ ее—мнѣ ли ее покинуть? Мнѣ ли обмануть довѣренность Провидѣнія?... Я не могу жить безъ нея, она безъ меня. А бракъ?... Развѣ не можетъ онъ соединить всѣ интересы нашей жизни?... Кому-жь лучше ухаживать за несчастною, какъ не мужу? Посвящу ей всѣ свои познанія, всю

жизнь свою; а посвятить себя служенію несчастію развѣ не добродѣтель? а возвратить міру разумное существо—развѣ не подвигъ?... Да, бракъ все покроетъ: и немилости къ ней судьбы, и несправедливость родныхъ, и соблазнъ нашей любви, и пересуды злыхъ людей!

«Бракъ съ сумасшедшею?... А какія дѣти могутъ произойти отъ этого союза?.... Боже! я, врачъ, объ этомъ даже и не думалъ.

«Видите ли, воротиться было поздно, сердцу было невозможно.

«Я упомянулъ вамъ о пересудахъ людскихъ. Да, въ домѣ, у сосѣдей, въ городѣ, говорили, что я влюбленъ въ сумасшедшую, что я забываю для нея своихъ больныхъ, ее одну вижу, ею одною занимаюсь; говорили даже, что она—моя любовница!... Сумасшедшіе—о! иногда и до нихъ доходятъ такія тайны, которыя и людямъ въ полномъ умѣ не скоро достаются—даже сумасшедшіе, вспоминая объ отсутствіи Амаліи изъ двѣнадцатаго нумера, который никто послѣ нея не занималъ, говорили, что докторская пташечка давно переведена въ другую клѣтку.

«Кажется, по этому безразсудному пути далѣе нельзя сдѣлать шагу...

«Я сдѣлалъ этотъ шагъ!... Помню и теперь, адскій хохотъ сумасшедшихъ, какого я никогда не слыхивалъ, слившись въ одинъ ужасный хоръ, прилетѣлъ къ намъ, чтобы привѣтствовать мое преступленіе. Вижу негодованіе на вашемъ лицѣ. Да, молодой человѣкъ, вы не посягнули бы на такое злодѣяніе—я посягнулъ!... Не говорилъ ли я вамъ, что судьба ошиблась въ моемъ назначеніи, что мнѣ не врачемъ должно бы быть, а разбойникомъ, грабителемъ на большихъ дорогахъ?... Вы содрагаетесь, вы плачете... Не говорилъ ли я вамъ, что вы на свое любопытство купите

себѣ горькое воспоминаніе на всю вашу жизнь? Теперь ваше любопытство удовлетворено; вы имѣете въ запасѣ интересный анекдотецъ; можете разсказать его въ своей Россіи. Да повѣрятъ ли еще тамъ ему?...»

Докторъ пересталъ. Не видно было на лицѣ его обычной гримасы; правда, я ничего не видѣлъ—я плакалъ и только слышалъ, какъ возлѣ меня кто-то рыдалъ, какъ ребенокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова началъ.

«Теперь бракъ былъ неминуемъ. Но, чтобы приготовить къ нему другихъ, я не могъ не прибѣгнуть къ обману; донесъ начальству, что Амалія совершенно здорова и можетъ выйти изъ своего заключенія; пасторъ, который долженъ былъ насъ вѣнчать, получилъ такое же свидѣтельство. Вскорѣ соединили мы навсегда судьбу нашу въ храмѣ Божіемъ. Во время священнаго обряда, какъ я боялся, чтобы моя невѣста не измѣнила мнѣ словомъ или знакомъ! Такъ и случилось. Едва получили благословеніе, Амалія поблѣднѣла, вскрикнула и бросилась на грудь мою. Пасторъ сказалъ мнѣ вполголоса, но грозно:—«Вы обманули меня... Помните, вы хотѣли обмануть Бога».—Эти слова и теперь звучатъ въ ушахъ моихъ. Сдѣлалась суматоха въ церкви, всѣ спѣшили узнать причину этого крика; я съ трудомъ успокоилъ новобрачную и, съ помощью друзей своихъ, увлекъ ее въ карету. Здѣсь она пришла въ себя. Всю эту невзгоду произвелъ черный пластырь на глазу у одного изъ зрителей церемоніи. Друзья выдумали для толпы другую причину, изъ которой въ нѣсколько дней выросло огромное романическое приключеніе. Между тѣмъ въ городѣ славили мое искусство; женщины приписывали излѣченіе Амаліи могуществу любви; врачи и люди холодные, разсудительные, пожимали плечами или бранили меня.

Какъ бы то ни случилось, дѣвица изъ двѣнадцатаго нумера дома умалишенныхъ была моею женою.

«Не стану разсказывать вамъ подробностей моей жизни съ Амаліей. Это была безпрерывная цѣпь высокихъ страданій и высокаго блаженства. Годъ прошелъ такимъ образомъ. По окончаніи его, жена подарила меня дочерью. Боясь, чтобы съ молокомъ матери дитя не всосало въ себя ея помѣшательства, я приготовилъ кормилицу; но Амалія непремѣнно хотѣла сама кормить дочь свою. Можете судить о моихъ мукахъ; сердце мое рвалось съ двухъ сторонъ на части. Какъ открыть матери, почему я не желаю, что-бы она кормила дитя свое? Какъ опять рѣшиться предать это бѣдное, невинное твореніе въ жертву ужасной болѣзни и погубить его на всю жизнь? Не могъ же я съ первыхъ дней отнять несчастное дитя отъ груди матери! Знаю, это убило бы Амалію. Чрезъ нѣсколько дней однакожь я объявилъ ей, что молоко ея, по такимъ и такимъ-то признакамъ, должно быть нездорово для малютки, въ которомъ я будто замѣтилъ ужь болѣзненные припадки. Въ это время наша Каролина, румяная, свѣжая, какъ райское яблочко, лежала на рукахъ у матери и такъ сладко ей улыбалась. Послѣ такого свидѣтельства, моимъ словамъ не повѣрили. Въ другой разъ, страшась за будущность малютки, я рѣшился дать ей тайкомъ лѣкарство... средство, которое назовите, какъ вамъ угодно...- оно послужило моимъ видамъ.... дитя сдѣлалось нездорово, поблѣднѣло, начало стонать. Стоны эти раздирали душу Амаліи. Я напоминалъ ей о нездоровости ея молока; она испугалась за свою дочь и, для спасенія ея, спѣшила пожертвовать своими лучшими радостями, своимъ счастіемъ. Передавъ дитя кормилицѣ, она стала сильно задумываться... Вскорѣ молоко бросилось ей въ голову. Поставьте себя на моемъ мѣстѣ: вообразите себѣ, если мо-

жете, что я тогда чувствовалъ. Черезъ нѣсколько сутокъ я уже орошалъ слезами могилу моей бѣдной Амаліи.

«Дитя наше росло... И что жь? всѣ мои предосторожности не помогли... Вы видѣли мою Каролину... но вы еще не знаете ея... Такъ знайте же, такъ разскажите же вашему другу—она сумасшедшая!

«— Ваша дочь?... Не можетъ быть! — перебилъ я доктора, вскочивъ со стула. — Ваша дочь, та самая, которую я видѣлъ нѣсколько разъ, съ которою я нѣсколько разъ бесѣдовалъ... милая, умная, образованная?.., Не можетъ быть! Неправда!

«— О! если бы я могъ то же сказать, жизнью своею пожертвовалъ бы за это благо; готовъ бы купить его рабствомъ, безчестьемъ, публичной пощечиной... Довольно ли для васъ?... Хотите доказательствъ, испытаній?... Нѣтъ, нѣтъ, у васъ доброе сердце, вы не потребуете ихъ. Надо быть или злодѣемъ, или отцомъ, чтобы смотрѣть добровольно на подобное страданіе. Разъ вы сами были свидѣтелемъ небольшой вспышки, помните... въ саду, въ восточной бесѣдкѣ, когда Каролина увидѣла черный камешекъ на пескѣ?

«— Да, помню... теперь помню...—сказалъ я.

«— Это были только самыя легкія изъ ея страданій... Но выслушайте продолженіе моей повѣсти; вы съ вашимъ другомъ сами докончите ее.

«Дитя мое росло со всѣми признаками болѣзни, которою страдала Амалія Несчастное наслѣдство было вѣрно передано дочери отъ матери; въ этомъ случаѣ опека природы честно и усердно исполнила свои обязанности. Правда, въ Каролинѣ нѣтъ такого сильнаго помѣшательства, какъ у матери: она не изобрѣтаетъ причинъ, чтобы пугать ими свое воображеніе, не видитъ противнаго въ своей природѣ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Но все-таки необыкновенная страсть къ опрятности

переходитъ въ ней за предѣлы разсудка. Темные и особенно мелкіе, рябые предметы, нечистота, чернильное пятно, черный и, замѣтьте, одинокій камешекъ, все, что возмущало и сокрушало мать, пугаетъ и печалитъ дочь, приводитъ въ содроганіе. Не разъ, къ утѣшенію моему, замѣчалъ я въ ней сознаніе своей слабости, которую называетъ она порокомъ; не однажды слышалъ я отъ нея желаніе исправиться. Тогда проситъ она меня помочь ей напоминаніемъ, совѣтами, даже строгостью, говоритъ, какъ хотѣла бы утѣшить меня исправленіемъ Но при малѣйшемъ опытѣ, она вся дрожитъ и умоляетъ не продолжать его, или, если сможетъ сохранить довольно разсудка и силы, чтобы пересилить свой страхъ и уныніе, дѣлается больною, иногда опасно. Послѣ такихъ безполезныхъ опытовъ, возмущающихъ жизнь Каролины, я рѣшился лишь угождать ей. Хочу забыть, что она помѣшана; вижу въ ней только избалованное, капризное дитя — мое дѣло тѣшить ее всякими игрушками, какія могу достать или изобрѣсть. Это кумиръ, на служеніе которому посвятилъ я всю жизнь свою,—божество своенравное, котораго малѣйшія желанія обязанъ исполнить. Въ этомъ служеніи всѣ радости моей жизни, все мое благо. Такъ сердце опредѣлило мои отношенія къ больной дочери. Для кого-жь пошелъ я окружнымъ лѣкаремъ въ ничтожный уединенный городокъ? Развѣ не нашелъ бы я богатой жатвы для своей практики въ одной изъ столицъ Германіи? Для чего жь бы эта изысканная, изумляющая чистота въ моемъ домѣ, которую сторожимъ денно и нощно я самъ, пятидесятилѣтній старикъ, и всѣ, кѣмъ располагать могу? Для чего эти тысячи цвѣтовъ, въ лабиринтѣ которыхъ вы теряетесь, эти рои крылатыхъ пѣвцовъ и красавцевъ, населяющихъ мой домъ и садъ; эти золотистыя и красноперыя рыбки, играющія въ

прудахъ, ручные олени, покорные закону и волѣ одной своей госпожи, всѣ игрушки, которыя стоятъ мнѣ такъ дорого и поглощаютъ завтра все, что я нынѣ добылъ своими трудами? Для чего жь все это, если не для спокойствія и забавы моей бѣдной дочери? Когда вы будете имѣть дѣтей, вспомните меня: вы узнаете тогда, какъ они дороги отцу. Прибавьте еще, у нея нѣтъ матери, она больна — и какою болѣзнію! Положите еще на вѣсы моего сердца ужасное преступленіе, которое было виною всѣхъ моихъ несчастій.

«Здѣсь я живу третій годъ. Этотъ городокъ, забитый въ глушь болотъ и тощихъ лѣсовъ, оживляемый только на короткое время, когда дворъ сюда пріѣзжаетъ, избралъ я, послѣ многихъ неудачныхъ переселеній съ мѣста на мѣсто, пристанищемъ отъ люднаго, большого свѣта. Тамъ мою Каролину нельзя не замѣтить; тамъ найдетъ она поклонниковъ своей красотѣ, можетъ отдать избраннику свое сердце, погибнуть сама и погубить другого; въ глуши я сберегу этотъ бѣдный, заповѣданный цвѣтокъ. Съ такими мыслями пріѣхалъ я сюда. Здѣсь устроилъ я для своей Каролины маленькій земной эдемъ—по крайней мѣрѣ такъ воображалъ. Въ ограду его, до васъ съ Лиденталемъ, не входилъ ни одинъ мужчина, исключая стараго садовника; дочь моя не знаетъ другого общества, кромѣ жены одного здѣшняго торговца, немного посвященной въ мои тайны, и дочерей ея. На могилѣ Амаліи я далъ обѣтъ, что Каролина никогда не будетъ замужемъ. Не погубить же ее, какъ я погубилъ мать! не подарить же свѣту нѣсколько поколѣній сумасшедшихъ!... Но чтобы вѣрнѣе исполнить свои виды, чтобы уберечь мое дитя отъ состраданія людского, которое иногда тяжелѣе самой злобы, я принялъ на грудь свою всѣ стрѣлы клеветы; я самъ нарочно, съ помощью одного друга и черезъ служителей своихъ, рас-

пускалъ слухи, что я величайшій ревнивецъ, неугомонный мучитель своей дочери, запираю ее въ четырехъ стѣнахъ, берегу ее денно и нощно отъ глазъ мужчинъ— и, щедрый на такіе отзывы, свѣтъ спѣшилъ размножать и увеличивать ихъ. Что мнѣ до того? Не дочь мою бранятъ! Легче мнѣ, старику, слыть негоднымъ, злымъ человѣкомъ, чѣмъ слышать, какъ мое бѣдное дитя стали бы величать сумасшедшею, какъ ее оскорбляли бы сожалѣніемъ и, кто знаетъ, можетъ быть, насмѣшками! Можетъ статься, какому-нибудь важному лицу вздумалось бы для своей потѣхи испытывать ее въ сумасшествіи и забавляться ею, какъ фигляромъ, который искусно выдѣлываетъ свои штуки; можетъ статься, какой-нибудь добрый человѣкъ далъ бы ей самой замѣтить, что она — сумасшедшая!... Она этого до сихъ поръ не знаетъ... Что сталось бы тогда съ нею!

«Такъ я жилъ здѣсь, до появленія вашего, счастливый, что покоилъ и забавлялъ свое капризное, избалованное дитя. Простите отцу, если я скажу: вы пришли нарушить это счастіе. Когда вы заговорили въ первый разъ о моей дочери, и тогда ужь злое предчувствіе, какъ червь, припало къ моему сердцу и начало подтачивать его спокойствіе. Я сталъ бояться чего-то, самъ не зная чего, даже и тогда, когда увѣрился, что вы насъ не посѣтите. Судьбѣ угодно было оправдать мое предчувствіе: она вскорѣ послала въ домъ мой вашего друга. Одинакія въ немъ съ моею дочерью склонности поразили и испугали меня; сродство душъ было явно: я увѣренъ былъ, что она не полюбитъ никогда человѣка противныхъ свойствъ. Но Лиденталь, узнавъ, вѣроятно, отъ васъ о моей ревности, былъ такъ благороденъ, что не захотѣлъ оскорбить меня желаніемъ познакомиться съ Каролиной: поведеніе его служителей строго согласовалось

съ его отношеніями ко мнѣ. Я успокоился. — Русскій офицеръ скоро выздоровѣетъ, — думалъ я, заботясь усердно о его излѣченіи: — онъ уѣдетъ, и гроза, меня пугавшая, пройдетъ. Богу угодно было иначе Шутка двухъ вострушекъ, дочерей моей пріятельницы, уничтожила разомъ заботы многихъ лѣтъ, всѣ мои виды, всѣ надежды, опрокинула вверхъ дномъ мое семейное благополучіе... Я этого достоинъ; но Каролина, которая только тѣмъ виновата, что она дочь моя, зачѣмъ она несетъ со мною все бремя моихъ несчастій!

«Скоро замѣтилъ я взаимную любовь молодыхъ людей; но и тутъ успокоивалъ себя мыслью, что русскій офицеръ у насъ недолго прогоститъ и отправится скоро въ армію. Разлука и время придутъ на помощь ко мнѣ, думалъ я, и прежнее наше спокойное житье къ намъ возвратится; препятствія же, какія бы я теперь ни придумалъ, могутъ только раздуть страсть и нанести Каролинѣ одни огорченія. Провидѣнію угодно было и эти расчеты, сильные по моему мнѣнію, уничтожить въ одно мгновеніе. Лиденталь у насъ остается, Лиденталь просилъ руки моей дочери. Руки ея?.. Боже! съ этимъ словомъ встало передо мною все мое ужасное прошедшее, съ моимъ преступленіемъ во всей его чернотѣ; я услышалъ надъ собою хохотъ сумасшедшихъ, осязалъ холодный мечъ, которымъ разсѣкъ союзъ матери съ дочерью; передо мною встала изъ гроба моя Амалія, простирая руки къ младенцу, оторванному отъ ея груди; въ сердцѣ моемъ гремѣли слова: «Вспомни обѣтъ свой — не погуби дочери, какъ ты меня погубилъ!...» Посѣтилъ меня и пасторъ, насъ вѣнчавшій, и сказалъ мнѣ: «Если можешь, обмани опять Бога!»

«Нѣтъ, воля ваша, я не отдамъ свое дитя на поруганіе судьбы, я не пожертвую имъ чувству, которое погубило мать ея. Нѣтъ, вы не похитите мое

дитя: у васъ обоихъ съ вашимъ другомъ не злое сердце. Вспомните, въ ней все мое благо, моя совѣсть, будущность на томъ свѣтѣ. Подумайте, какія радости можетъ сумасшедшая обѣщать своему мужу? Не будетъ ли союзъ съ ней повтореніемъ моего безразсудства? Нѣтъ, вы не отнимете у меня моей дочери, не оторвете ея отъ груди моей! Если хотите, я паду къ ногамъ вашимъ, облобызаю ваши руки, оболью ихъ слезами, буду молить васъ именемъ вашего отца, вашей матери, всѣмъ, что только есть для васъ дорогого и святого въ мірѣ».

И Мозель въ самомъ дѣлѣ былъ у ногъ моихъ, тянулъ къ себѣ мою руку, чтобы ее поцѣловать...

Я поднялъ его, старался успокоить и ручался ему за благородство и твердость моего друга. Мы принялись сочинять планъ, какъ устроить общую ихъ судьбу. Составивъ самый благоразумный, какой могли только придумать бѣдный отецъ, совершенно растерянный, и неопытный молодой человѣкъ, разстроенный повѣстью всѣхъ этихъ несчастій, въ которыхъ самъ былъ невольно такимъ усерднымъ вкладчикомъ, мы разстались. Докторъ мой казался утѣшеннымъ.

Что за дивную повѣсть слышалъ я!... Господи! Господи! Какими молніеносными знаками выжегъ ты печать своего гнѣва на этихъ несчастныхъ! Какимъ земнымъ отверженіемъ заклеймилъ Ты два чудныя созданія, одаренныя Тобой же красотою нездѣшнею!

И до сихъ поръ не могу образумиться отъ всего, что я слышалъ.

Вечеромъ былъ я на придворномъ балѣ, и мнѣ все представлялись между танцующими помѣшанныя красавицы, и жаркій, изступленный поцѣлуй при хохотѣ сумасшедшей братіи, отчаянная мать, отъ груди которой отрываютъ дитя ея, и отецъ, рыдающій у ногъ коихъ, молящій за свою больную дочь. На балѣ былъ

и Лиденталь, смущенный, грустный... Онъ еще ничего не зналъ; я отложилъ разсказъ свой до завтрашняго дня. Тутъ же былъ и докторъ мой: онъ не могъ не быть: ему сдѣлали честь пригласить его... Увидавъ меня, Мозель подалъ мнѣ руку и силился выдѣлать улыбку, но вмѣсто улыбки выходила судорожно-болѣзненная гримаса, отъ которой у меня всегда такъ ныло сердце.

На другой день, приготовивъ, какъ сумѣлъ, Лиденталя, я передалъ ему свою чудную повѣсть. Онъ сначала вышелъ изъ себя, не хотѣлъ ей вѣрить, говорилъ, что вся она выдумана ревнивымъ докторомъ, которому жаль разстаться съ своей дочерью, что если Каролина подвержена слабости, конечно странной, но общей съ слабостью его, Лиденталя, такъ слѣдственно и его можно причислить къ сумасшедшимъ. Такимъ образомъ наберутся сотни сумасшедшихъ, которые теперь свободно гуляютъ по бѣлому свѣту, служатъ, трудятся и наслаждаются жизнію и которыхъ надо будетъ, по методѣ Мозеля, запереть въ домъ умалишенныхъ.

Пріятельница Мозеля, вдова здѣшняго бюргера, пришла на помощь ко мнѣ и подтвердила моему бѣдному другу все, что знала насчетъ болѣзни молодой дѣвушки. Не смотря на всѣ эти увѣренія, Лиденталь требовалъ доказательствъ, хотѣлъ самъ, своими глазами, видѣть опытъ... Но вскорѣ образумился... Благородство его души взяло верхъ надъ страстью. Онъ рѣшился лучше самъ страдать, чѣмъ видѣть страданія Каролины, и согласился на подвигъ. Да, иначе не назову его высокаго поступка, его самопожертвованія. Вмѣстѣ съ этимъ поклялся онъ доктору честью русскаго офицера, что ни одна женщина не назовется его супругой, кромѣ Каролины Мозель.

Объявлено Каролинѣ, что отецъ согласенъ на бракъ

ея съ Лиденталемъ, но, по случаю военнаго времени, долженъ отсрочить совершеніе этого союза до водворенія мира въ Германіи. Въ тайномъ же нашемъ совѣтѣ положено: Лиденталю навсегда отказаться отъ руки Каролины, черезъ нѣсколько дней отправиться въ армію, до того же времени притвориться счастливымъ женихомъ, въ такихъ отношеніяхъ вести переписку съ мнимою невѣстой, а остальное предоставить Богу. Все сдѣлано было, чтобъ обмануть сердце бѣдной дѣвушки и оружить ее всѣми радостями, всѣмъ очарованіемъ счастливой любви. Что долженъ былъ перечувствовать другъ мой, принужденный играть роль счастливца, между тѣмъ какъ муки безнадежной любви и извѣстность, что любимая имъ женщина никогда не можетъ ему принадлежать, что она сумасшедшая, терзали его сердце на части. Дорого стоило ему это лицедѣйство. Ударъ, потрясшій все его существо, усилія, которыя онъ надъ собою сдѣлалъ, подѣйствовали на его грудь, и безъ того слабую... Онъ сталъ ужь сильно и опасно покашливать, еще не покинувъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ заключалось все, что зналъ въ жизни прекраснѣйшаго и что только въ этой жизни было дорого для него. Бѣдный Мозель радовался за свою дочь, но страдалъ за молодого человѣка, который такъ великодушно принесъ себя въ жертву ея благополучію... Благополучію? По крайней мѣрѣ, мы такъ думали!

Каролина, съ своей стороны, была счастлива. Одно, что ее огорчало, такъ это разлука съ женихомъ: но ее утѣшали надежды скораго мира и, слѣдственно, скораго свиданія. — Пріѣзжай скорѣй, скорѣй, милый другъ! — говорила она, прижимая руку Лиденталя къ своему сердцу. Господь справедливъ, Онъ сохранитъ тебя отъ опасностей, Онъ скоро возвратитъ тебя моей любви. Здѣсь каждый часъ, каждую минуту буду

произносить молитву о твоемъ здоровьѣ, о нашемъ свиданіи. Ты не будешь далеко отъ меня; твой образъ всегда будетъ передъ моими глазами; окружу его всѣми ласками, какія только знаю, какія только могу придумать, покуда въ разлукѣ съ тобою. Выучу для тебя много русскихъ нѣжныхъ словъ; выучу русскую пѣсню, которую ты пѣвалъ мнѣ сладко не однажды и перевелъ для меня. А тамъ — поѣдемъ въ твою Россію... Она будетъ и моею, потому что ты въ ней будешь со мною. У тебя нѣтъ ближнихъ родныхъ, и зачѣмъ тебѣ ихъ! я замѣню тебѣ мать, сестру, родню своей дружбою, любовью, ласками. Не правда ли?

Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ Лиденталя; но онъ глоталъ ихъ и самъ также разсказывалъ о будущемъ своемъ блаженствѣ.

Дня за два до отъѣзда Лиденталя, пріятельница Мозеля, вдова лудвигслустскаго бюргера, добрая, можетъ быть и слишкомъ добрая, и до сихъ поръ осторожная, вздумала сгрустнуть о молодомъ человѣкѣ, который такъ сильно любилъ Каролину и, по достоинствамъ своимъ, могъ бы составить счастіе этой дѣвушки, если бы она излѣчилась отъ помѣшательства. Вслѣдствіе грустнаго расположенія духа, она рѣшилась испытать, не совершитъ ли любовь чуда. Къ этому испытанію приступлено немедленно, при первой отлучкѣ доктора изъ дома. Видамъ посредницы помогалъ и случай: Каролина только-что разсталась съ женихомъ своимъ и погружена была въ восторги счастливой любви и пріятнѣйшихъ надеждъ.

— Дочь моя,—сказала ей добрая посредница:—ты невѣста; выбранный твоимъ сердцемъ молодой человѣкъ, по своимъ душевнымъ качествамъ, богатству и положенію въ свѣтѣ, могъ бы всегда составить себѣ отличную партію. Не говорю, чтобы ты не была его достойна: ты богата красотою, умомъ и добрымъ серд-

цемъ, а это самыя драгоцѣнныя сокровища для мужа; цо—скажу тебѣ откровенно—ты имѣешь худую привычку, тягостную для всѣхъ тебя окружающихъ. Черныя пятна, малѣйшая неопрятность приводятъ тебя въ какое-то замѣшательство и даже страхъ; иногда отъ этихъ, ничего незначащихъ причинъ, гнѣвъ портитъ твое хорошенькое личико. Какъ же избѣжать предметовъ, тебѣ ненавистныхъ, когда ты будешь замужемъ за человѣкомъ военнымъ? Вотъ, напримѣръ, если бы онъ вздумалъ при тебѣ писать письмо и неосторожно капнулъ чернилами на бумагу...

Каролина вздрогнула.. посредница, замѣтивъ это, все-таки продолжала:

— Сколько непріятностей и тягости надѣлаетъ твоя странная привычка человѣку любимому! Нынче и завтра эти непріятности—могутъ послѣдовать ропотъ, ссоры и, наконецъ, Боже сохрани, холодность!

— Холодность? нѣтъ, лучше смерть!—сказала Каролина, слушавшая до того рѣчь посредницы съ жаднымъ вниманіемъ, не безъ примѣси страха.

— Такъ исправься. Возьми себѣ на помощь разсудокъ... подумай, что такое пятно.... какое зло можетъ оно тебѣ сдѣлать?...

— Исправлюсь, милая мамахенъ, непремѣнно исправлюсь... И вотъ, чтобы доказать вамъ, какъ ваши совѣты мнѣ по душѣ, какъ я люблю его, начну первый урокъ при васъ.

Каролина позвонила.

— Чернильницу!—сказала она съ веселымъ видомъ вошедшей служанкѣ.

Та стояла, какъ вкопанная, выпуча глаза, не понимая, какое чудо совершилось съ ея молодою госпожей. Каролина повторила свое требованіе. Но гдѣ достать чернильницу? Одна и была только въ домѣ, да и та запиралась на замкѣ въ кабинетѣ, за порогъ котораго

никто, кромѣ самого доктора, не смѣлъ перешагнуть.

— Принеси отъ насъ—сказала вдова.

Чернильница принесена. Несчастная дѣвушка поблѣднѣла, какъ будто принесли на нее орудія пытки, но старалась быть веселѣе.

— Вотъ вы увидите,—говорила она, взявши перо и обмакнувъ его въ чернильницу.

— Довольно на этотъ разъ; въ другой урокъ, милый другъ, ты пойдешь далѣе, — сказала посредница, испуганная отчаяннымъ видомъ Каролины, и хотѣла вырвать перо изъ рукъ ея; но та не отдала его.

— Нѣтъ, — продолжала несчастная, вся дрожа, между тѣмъ какъ изступленіе горѣло въ глазахъ ея, и начала ронять чернильныя пятна по своему платью, сначала рѣдко, потомъ учащая ихъ. — Нѣтъ, я хочу доказать, что можетъ мое сердце... Вотъ пятно... еще... еще... Изъ любви къ нему буду носить это платье... Что мнѣ сдѣлаютъ всѣ эти уроды? Не боюсь васъ!... Множьтесь, растите, осыпайте меня цѣлыми роями... жальте меня... ничего не боюсь... моя сила не отъ земли — отъ любви къ нему... Я чиста, какъ первый снѣгъ... Не замарать вамъ всей одежды моей души... ее моютъ мои братья... не здѣшніе... Во имя друга, за мной побѣда!

И несчастная, казалось, бичевала себя, неистово осыпая свое платье чернильными пятнами. Наконецъ она изнемогла и безъ чувствъ упала на руки испуганной, истерзанной посредницы.

Какую же пользу принесло это испытаніе? Ровно никакой. Оно доставило только бѣдной страдалицѣ сильный нервическій припадокъ, вдовѣ бюргера — размолвку съ врачемъ и служанкѣ — изгнаніе изъ дому. Съ того времени не было болѣе помину объ испытаніяхъ: отецъ и врачъ зналъ лучше свою паціентку.

До насъ съ Лиденталемъ дошло это происшествіе на другой же день и еще сильнѣе растравило сердечныя раны его.

Наконецъ Каролина и Лиденталь разстались съ надеждами: одна — скораго брачнаго поцѣлуя, другой— свиданія не на землѣ.

Затѣмъ все въ домѣ пошло попрежнему. Попрежнему во владѣніяхъ Мозеля наблюдалась изумительная чистота, птицы вили гнѣзда, пѣли и щеголяли своими перьями, лебеди купались въ водахъ, олени ѣли изъ рукъ своей молодой госпожи; попрежнему цвѣты, словно густые рои мотыльковъ, слетѣвшіеся со всѣхъ концовъ свѣта и павшіе на садъ Мозеля, красовались и благоухали. Но флигель былъ пустъ; молодая, прекрасная хозяйка чаще задумывалась, щеки ея начало поводить, тайная скорбь видимо день за днемъ обирала изъ ея прелестей; чаще стала появляться на худомъ лицѣ доктора несносная его гримаса.

Громъ оружій изъ-подъ Лютцена далъ намъ вѣсть о новой схваткѣ *нашихъ* съ Наполеономъ, не утомившимъ еще своего генія и восторженной любви къ нему французскихъ солдатъ. Мы, русскіе, должны были явиться на этотъ зовъ. Я простился съ новыми друзьями своими. Каролина просила меня сказать многое своему жениху; между тѣмъ, молила о свиданіи, хотя на одинъ часъ.—Скажите ему, что я долго не выдержу разлуки, — говорила она, протянувъ мнѣ свою бѣлую ручку, и отворотилась, чтобы не показать слезъ, струившихся по ея блѣднымъ щекамъ. Докторъ ничего не говорилъ, прощаясь со мной, но молча, крѣпко-крѣпко прижалъ меня къ своему сердцу.

Съ этого времени я потерялъ ихъ изъ виду.

Въ августѣ, именно наканунѣ кульмскаго дѣла, посланъ я былъ начальствомъ въ главную квартиру, въ Альтенбургъ. Дождь безъ устали цѣлый день осыпалъ меня, какъ изъ мелкаго рѣшета, и промочилъ насквозь; взбираясь нѣсколько верстъ по одной изъ гейерсбергскихъ горъ, я принужденъ былъ держаться за холку лошади: такъ крута была гора (а между тѣмъ по ней проходила наша артиллерія),—и плелся большею частію шагомъ; къ тому же у сердца моего сидѣла грызунья-мысль, что меня, молодого человѣка, еще мало окуреннаго порохомъ, судьба отзываетъ вновь отъ главной сцены военныхъ дѣйствій. «Товарищи мои»,—думалъ я,—«получатъ разные знаки отличія, а мнѣ не придется ли опять блеснуть своими подвигами на мекленбургскихъ паркетахъ»!.. Все это вмѣстѣ навело на душу мою тяжкое уныніе, отъ котораго, съ прибавкою тысячей разнородныхъ лицъ и мундировъ, мелькавшихъ мимо меня въ дождевомъ туманѣ, какъ въ водоворотѣ, главная квартира на этотъ разъ показалась мнѣ какимъ-то омутомъ, въ который я брошенъ злымъ геніемъ. Между тѣмъ дѣла дѣлались въ ней такъ скоро и точно, какъ въ конторѣ самаго исправнаго банкира. Поучиться бы тутъ нашимъ судейскимъ!... Въ нѣсколько минутъ доложили бумагу, съ которою я былъ посланъ, написали отвѣтъ и вручили мнѣ.

Смеркалось уже на дворѣ, небо еще болѣе насупилось и обѣщало волчью ночь; но разсуждать о погодѣ было некогда. Я облекъ себя плащемъ, который отъ мокроты вѣсилъ съ добрый богатырскій панцырь, и уладился-было на сѣдлѣ, проникнутомъ водою, какъ губка... Въ эту самую минуту слышу, кто-то окликаетъ вашимъ благородіемъ. Взглянулъ—подлѣ меня, запыхавшись, стоялъ нашъ дивизіонный писарь, причисленный на-время къ канцеляріи главной квартиры.—Что ты, Наливкинъ?—спросилъ я.

Лицо его радостно сіяло; онъ держалъ въ рукѣ печатный листокъ. — Ваше благородіе приказывали мнѣ... если будутъ вѣсти...

Въ лицѣ его, въ голосѣ ясно выразилось: будетъ богатая водка!... «Вѣрно, хочешь обрадовать меня свѣженькимъ извѣстіемъ о наградахъ на дивизію нашу»,—думалъ я;—«пріѣду къ своимъ радостнымъ вѣстникомъ»!

Писарь поднесъ печатный листокъ къ глазамъ моимъ и толстымъ, налитымъ эссенціею жизни, пальцемъ указалъ на строку, широко подчеркнутую чернилами, чтобы я не миновалъ ее глазами... Такъ было велик его усердіе услужить мнѣ!

— Вижу, вижу, злодѣй,—сказалъ я и прочелъ: *Исключается изъ списковъ умершій отъ ранъ... ротмистръ Лидентальъ.*

— Чтобы у тебя отсохла рука!—проворчалъ я въ сердцахъ, впился шпорами въ своего Молдавана и погрузился въ мракъ, какъ будто бросаясь въ пропасть. Я не слыхалъ дождя, ѣхалъ по горамъ, какъ по глади, не чувствовалъ боли, когда хлестали меня сучья по лицу и сдѣлалъ нѣсколько миль крюку.

Да, нечего сказать, радостная вѣсть!...

Перекидываемый судьбою, какъ мячикъ, то въ армію кронпринца шведскаго, то въ Берлинъ, то опять въ Мекленбургъ, я очутился мимоѣздомъ—въ Лудвигслустѣ. Какъ нарочно, надо было мнѣ ѣхать мимо дома лѣкаря. Не знаю отъ чего, я боялся на него взглянуть; однакожъ невольно взглянулъ... Окна были на-глухо забиты; ворота, настежь растворенныя, ходили туда и сюда по волѣ вѣтра. Тутъ я не выдержалъ... велѣлъ почтальону остановиться, выскочилъ изъ коляски и съ какою-то робостью дѣтскаго суевѣрія, которое боится въ пустыхъ комнатахъ встрѣтить домового, заглянулъ на дворъ и въ садъ. Нигдѣ

ни одной живой души; вездѣ нечистота, соръ и грязь; изломанные и разбросанные грудами стулья, въ птичникахъ мяуканье кошекъ, ни одного цвѣтка, поломанныя и порубленныя деревья—вездѣ безобразіе и сокрушеніе, какъ будто жестокій ураганъ только-что прошелъ по этимъ мѣстамъ свинцовою стопою. Когда я выходилъ со двора, вѣтеръ распахнулъ ставню у одного окна... петли жалобно завыли... и мнѣ показалось, сквозь стекло кивнула мнѣ на мертвомъ лицѣ доктора судорожно-болѣзненная его гримаса.

Я не спрашивалъ болѣе никого, что сталось съ Мозелемъ и его дочерью.

НѢКОТОРЫЯ ПОВѢРЬЯ МОРДВЫ

I

Проводы шайтана

Вечеръ. Солнце догораетъ уже на вершинѣ снѣжнаго кургана и бросаетъ тусклые лучи на бѣлый саванъ полей, какъ поту ающая лампада свѣтитъ на блѣдное лицо мертвеца; наконецъ таинственныя сумерки наступаютъ. Все тихо въ деревнѣ и за деревнею; лишь скрипъ отъ шаговъ запоздалаго путника далеко отзывается, и родникъ упрямый, котораго морозы не могли сковать, говоритъ въ долинѣ. Это наканунѣ Крещенія, въ день провода шайтана. Хозяева домовъ въ боязливомъ молчаніи ходятъ по клѣтямъ и сараямъ, устроеннымъ такъ, чтобы выходъ изъ одного отдѣленія въ другое былъ свободенъ; осматриваютъ, не запнулся бы обо что страшный гость и былъ ли онъ доволенъ яствами, ему въ разныхъ мѣстахъ предложенными. Ворота вездѣ отворены. Пора гостю со двора: надо знать и честь. Нечистый на святкахъ довольно погулялъ, попилъ и поѣлъ; даже въ часъ, когда зоркій пѣтухъ не могъ его подмѣтить, цѣловалъ сонныхъ пригожихъ мордовочекъ (у одной изъ нихъ оста-

лось и красное пятно на щекѣ). Онъ чуетъ величіе и святость завтрашняго дня и спѣшитъ удалиться въ боръ дремучій. Тамъ, въ глухую полночь, аукаетъ онъ, когда мордвинъ приходитъ красть чужія дрова; иногда бѣгаетъ огонькомъ и разсыпается по болотамъ или кричитъ совою на кладбищѣ, ломая кости недобраго покойника. Часъ насталъ; проводы не по пріему. Все приходитъ въ движеніе; бьютъ тревогу. Таково ужасное волненіе въ царствѣ пчелъ, когда онѣ потеряли матку; такъ, у насъ, на Руси, въ годину великую, православные хлынули изъ селъ своихъ на гибель супостата; женщины, дѣвки, парни, малые и большіе, всѣ въ праздничномъ одѣяніи, вооружаются кочергами, помелами, вилами, чѣмъ ни попало, летомъ вспрыгиваютъ на коней и, ударяя въ сковороды, съ ужаснымъ крикомъ: «шайтанъ! шайтанъ!» несутся во весь духъ по большой улицѣ, какъ-бы гоняясь за предметомъ убѣгающимъ. Въ это время лысый мѣсяцъ, какъ лукавый лѣшій, выглядываетъ изъ-за облаковъ и освѣщаетъ движущуюся картину. Блестятъ, какъ чешуйчатыя латы всадника, нагрудники у дѣвокъ, унизанныя серебряною монетою; развѣваются по вѣтру ленты и лоскуты разноцвѣтные. Кажется, кровью облита одежда ихъ, вышитая по плечамъ и спинѣ красною шерстью. Крикъ, гулъ и топотъ отзываются въ долинѣ. Старики, чинно стоя у воротъ своего дома, любуются скачущей толпой и, чувствуя, какъ вмѣстѣ съ нею расходилась кровь ихъ, вспоминаютъ лѣта давнопрошедшія. Выпроводивъ гостя за околицу, конница возвращается рядами, съ знаменами изъ разноцвѣтныхъ платковъ, съ торжественными пѣснями. Мальчики и дѣвочки, бѣжавшіе за конными, чтобы принять участіе въ проводѣ шайтана, спѣшатъ безъ оглядки въ селенія, боясь, чтобы нечистый, оборотясь, не захватилъ кого изъ нихъ въ кабалу къ себѣ. Рои кипятъ, и шумятъ,

и гогочутъ; но скоро голоса становятся рѣже и рѣже, наконецъ совсѣмъ замираютъ. Ворота заскрипѣли. Все умолкаетъ святою тишиной...

II

Поминки

Ждутъ гостя въ деревню. Толпы народныя движутся въ нетерпѣніи. Наконецъ, со стороны кладбища является онъ, верхомъ, нахлобучивъ шляпу на глаза. Тихо и недалеко проѣзжаетъ онъ разъ по улицѣ, въ другой разъ рысью далѣе, въ третій еще дальше во всю прыть. У крыльца одного дома хозяинъ, жена, сноха бросаются съ крикомъ на пріѣзжаго, останавливаютъ лошадь за повода, хватаютъ его самого и въ радостномъ торжествѣ вводятъ въ домъ.

Садится таинственный гость на большомъ мѣстѣ, подъ святыми иконами, не скидая шляпы. Передъ нимъ столъ, накрытый скатертью браною, отягощенный различными яствами и стекломъ съ играющимъ пѣнникомъ. Онъ не касается яствъ лакомыхъ, не пьетъ радости изъ чары круговой. Около него, на скамьяхъ, сидятъ друзья, родные, собесѣдники. Онъ не заведетъ съ ними разговора. Молодая женщина, небрежно повязанная платкомъ, не смѣя на него взглянуть, стоитъ у дверей и горько рыдаетъ. На него боязливо указываетъ мальчикъ, лѣтъ четырехъ, качая въ люлькѣ плачущаго младенца, и приговариваетъ: «нишни! вотъ тебѣ дастъ тятя!» Старушка, всплеснувъ руками и опершись на нихъ подбородкомъ, вперила слезящіяся очи на таинственнаго пришельца. Кажется, они хотятъ высказать: «Гость нашъ желанный, гдѣ ты былъ такъ долго? Молви намъ хоть одно слово ласковое,

привѣтливое». Но гость молчитъ... Не разрѣшатся уста его, связанныя печатью свинцовою.

Кто-жъ этотъ гость неразгаданный? Покойникъ—съ того свѣта Ужь недѣль шесть, какъ простились съ нимъ мать, жена, братъ и дѣти; уже шесть недѣль, какъ спеленали его въ саванъ бѣлый, заколотили въ домовище и зарыли глубоко въ мать-сыру-землю; но онъ въ урочный часъ разорвалъ оковы тесовые, разрылъ землю, его тяготившую, и пріѣхалъ погулять по бѣлому свѣту, подышать свѣжимъ воздухомъ, посидѣть съ родными и друзьями и потомъ проститься съ ними уже прощаніемъ вѣчнымъ. Только черезъ шесть недѣль по смерти, и то не болѣе дня, дозволено покойнику приходить въ здѣшній міръ въ тѣлесной одеждѣ; съ закатомъ солнца онъ сбрасываетъ ее навсегда и послѣ того не иначе можетъ явиться въ этотъ міръ, какъ въ видѣ безплотныхъ: домового, лѣшаго, привидѣнія и такъ далѣе.

Пируютъ собесѣдники. Краснорѣчивое поминовеніе перелетаетъ изъ устъ въ уста, какъ переходитъ изъ рукъ въ руки чаша круговая. Между тѣмъ съ того свѣта невидимо слетаютъ и безплотные гости. Хозяева говорятъ имъ: «Подите, кушайте. Пейте, не пеняйте на насъ, не судите насъ; потчуйте другъ друга сами; мы всѣхъ не знаемъ, сколько васъ тамъ; мы не сумѣемъ вамъ угодить: угодите сами себѣ». И каждый изъ тѣлесныхъ гостей, потчуя духовъ, ѣстъ и пьетъ за двоихъ—за себя и за мертваго. Такимъ образомъ, часы летятъ въ шумномъ пированіи. А онъ сидитъ все на одномъ мѣстѣ, неподвиженъ и молчаливъ. Но, вотъ, солнце, вѣстникъ надземной жизни, готово упасть въ волны озера. Покойникъ движется. Онъ вынимаетъ изъ-за пазухи серьги, платокъ, ленту, пряники; даритъ ими жену, мать, брата и дѣтей. Онъ встаетъ съ мѣста; за нимъ всѣ собесѣдники Родные

затянули жалобную пѣснь. Двое изъ нихъ берутъ его подъ руки и ведутъ изъ дому.—«Поклонись брату!» кричитъ одна.—«Снеси муженьку мой поклонъ!» говоритъ другая.—«И отъ насъ, и отъ насъ!...» кричатъ нѣсколько голосовъ.—Покойникъ всѣмъ откланивается и по разостланной соломѣ медленно, какъ-бы неохотно разставаясь съ здѣшнимъ свѣтомъ, тащится по улицѣ до конца деревни. Тутъ онъ исчезаетъ...

Родственники, друзья, знакомые проводили его. На возвратномъ пути они находятъ на той же соломѣ, въ разныхъ мѣстахъ, блины, пироги, свинину,—слѣды услужливой любви покойнаго, отплачивающаго имъ своимъ угощеніемъ. Садятся на землю. Пиръ снова начинается въ память добраго покойника, съ которымъ только-что разстались. Скоро кушанья изчезаютъ, кромѣ завѣтнаго пирога, который одна изъ старухъ несетъ къ послѣднему дому, кладетъ его подъ заборъ и опрометью оттуда прибѣгаетъ; а народъ кричитъ: «скорѣй, скорѣй! поймаетъ! ай, поймалъ!» День печали кончается, какъ проходилъ, въ веселье. Всѣ расходятся по домамъ, напѣвая:

А теть не мексте рямада,
Меркстъ еделдъ рямада,
(Старики велѣли намъ жить
И дѣтей кормить).

Таковы поминки у мордвы. Едва я не забылъ сказать, что роль покойника играетъ одинъ изъ ближайшихъ его родственниковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА

„КОЛДУНЪ НА СУХАРЕВОЙ БАШНѢ“

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

отъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго къ статскому совѣтнику Финку, отъ 20-го іюня 1726 г., изъ Петербурга въ Москву.

Осѣчка, жестокая осѣчка, любезный другъ! Чтожъ дѣлать? первую пѣсенку зардѣвшись поютъ. Впрочемъ, старые наши пѣвцы, изъ которыхъ, признаться, многіе спадаютъ ужь съ голосовъ, не могутъ пожаловаться, что мой 15-ли-лѣтній дискантъ разстраивалъ ихъ хоръ. Дядя Василій Лукичъ цѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ, что я поддержу нашу фамилію; батюшка, по обыкновенію, раскаявается, охаетъ и между тѣмъ не бранитъ меня—пуще всего доволенъ, что не было денежныхъ затратъ на мои затѣи; прочая братія, смиренно потупивъ очи (при дворѣ) и облизываясь, какъ старый котъ, ожегшійся на добычѣ, сказала мнѣ, однакожъ, даже по задушевному «спасибо». Самъ Остерманъ—этотъ старый рыбакъ, который любитъ

ловить рыбу въ мутной водѣ,—смотря издали съ берега, какъ мы запускали неводъ, бросилъ на меня свои лисьи взгляды одобренія. Онъ, и послѣ неудачи, сдѣлался особенно ко мнѣ внимателенъ. О! да этотъ человѣкъ видитъ, что по смерти императрицы надо будетъ искать во мнѣ...

Заговоръ былъ прекрасно устроенъ, время выбрано самое удобное: мы воспользовались отсутствіемъ Меншикова въ Курляндію, куда онъ ѣздилъ выпрашивать себѣ герцогство. Но онъ обжегся на этомъ пирогѣ, а мы—на закускѣ, ему приготовленной. Герцогъ голштинскій, по настоянію Бассевича, на бѣду свою—припомните мое слово—выхлопоталъ ему прощеніе. Это безразсудное ходатайство и чувство благодарности за старыя, семейныя заслуги превозмогли наши успѣхи въ сердцѣ доброй государыни.

По крайней мѣрѣ вы, любезнѣйшій статскій совѣтникъ и мой собственный тайный совѣтникъ, не можете сѣтовать на меня, что я худо понялъ ваши уроки. Право, ученичекъ и другъ достоинъ васъ. Исторія скажетъ, что я, шестнадцатилѣтній мальчикъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ заговорѣ противъ — кого-жъ? — Меньшикова, котораго боится вся Россія, опасается самъ Остерманъ и ласкаютъ иностранные государи. Попытка кончилась тѣмъ, что меня немножко пожурили, и я завтра же отправлюсь въ чужіе края. Нѣтъ худа безъ добра: хотя я съ вами долго жилъ и учился въ отечествѣ Лейбница и вашего любимаго преобразователя, Лютера, все-таки не мѣшаетъ еще поучиться. Не прежде увижу Россію, какъ тогда, когда увижу надъ ней царемъ внука Петра Великаго и моего товарища дѣтства, моего задушевнаго друга. О, тогда ожидайте перемѣнъ, и перемѣнъ большихъ. Россія! милое отечество! ты будешь счастлива...

Тогда и вы, любезнѣйшій наставникъ, постучитесь у моего сердца: будьте благонадежны, что въ немъ найдете отголосокъ на все высокое и доброе. По вашимъ совѣтамъ переймемъ что-нибудь отъ шведовъ, которыхъ вы такъ хорошо знаете. Тогда Боже сохрани васъ сказать, что они живутъ счастливѣе насъ, русскихъ: мы до этого нареканія васъ не допустимъ.

Если увидите у насъ въ домѣ дѣдушку Божедома, то скажите ему хоть черезъ сестру мою—съ вами сношеній онъ не захочетъ имѣть,—что я ѣду въ бусурманщину по-неволѣ, что я тамъ скоромнаго въ постъ ѣсть не буду, папскихъ туфель не поцѣлую и антихристу не поклонюсь, если онъ и народится. Вотъ человѣкъ, который съ вами составляетъ настоящую янусову фигуру: вы смотрите все *впередъ*, а онъ все назадъ; вы тянете меня voraus, а онъ тянетъ на попятный дворъ. Онъ хотѣлъ бы не только меня—всѣ народы загнать въ лѣса да заставить ихъ читать одну Четью-Минею. А надъ этими народами навѣрно поставилъ бы царицей свою Евдокію Ѳедоровну, первымъ министромъ сдѣлалъ бы какого-нибудь закоснѣлаго старообрядца. Утѣшьте старика и скажите ему, что я помню его совѣты: послѣднее дѣйствіе мое противъ заклятаго врага его, Меньшикова, это доказываетъ. Прибавьте, что здѣсь объ уничтоженіи Божіихъ домовъ и помину нѣтъ. Ему немного остается жить: зачѣмъ-же его тревожить? Время и народы, какъ вы говорите, идутъ впередъ; а для этихъ отсталыхъ и настоящее, и будущее—все въ прошедшемъ.

Что дѣлаетъ нашъ астрологъ, магикъ, алхимикъ или, просто, колдунъ, какъ называетъ его народъ? Окончитъ-ли онъ свой календарь съ пророчествомъ на сто лѣтъ? Мерзнетъ-ли попрежнему на Сухаревой башнѣ, гоняясь за звѣздами? Жарится-ли въ своей кузницѣ, стряпая золото и снадобье вѣчной жизни?

При свиданіи доброму, ученому чудаку мой низкій поклонъ. Я много люблю и уважаю его: онъ знаетъ меня лучше другихъ—не онъ-ли пророчилъ мнѣ высокую будущность?

Еще одно порученіе и—самое важное. Передайте, какъ можно осторожнѣй, графинѣ Шереметевой, Натальѣ Борисовнѣ, что есть человѣкъ, который за тысячи верстъ, при чужихъ дворахъ, подъ впечатлѣніями путевыхъ измѣненій, безпрестанно новыхъ, не перестаетъ... Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ей ничего обо мнѣ. Боюсь, чтобы эта гордая, возвышенная душа не оскорбилась вашими словами, какъ бы осторожно вы ихъ ни сказали. Пускай заочно, мысленно, сердечно, повторю ей то, что хотѣлъ вамъ передать. Только думать объ ней, думать о полученіи ея руки — вотъ что мнѣ теперь остается. И почему-жъ не сбыться этимъ мечтамъ?.. Развѣ я не значу что-нибудь въ имперіи?... А современемъ, и можетъ быть скоро, любимецъ государевъ, въ оберъ-камергерскомъ мундирѣ — голубая лента черезъ плечо... невѣста—чудопрелесть! Завидная парочка!

Но—гувернеръ мой простоналъ надъ моимъ ухомъ: in Gottes Namen voraus. При словѣ: voraus повинуюсь. Говорю съ глубокимъ вздохомъ: простите, прижимаю васъ къ своему сердцу, въ которое бросили вы столько любви къ прекрасному.

Вашъ первый другъ и преданный ученикъ

князь *Ив. Долгорукій.*

ВТОРОЕ ПИСЬМО

отъ того же къ тому же изъ Петербурга, отъ 10-го мая 1727.

Получаю въ Іенѣ секретную записочку отъ батюшки, что мнѣ надо, какъ можно скорѣе, назадъ;

лечу на крыльяхъ нетерпѣнія, пріѣзжаю въ Петербургъ и не застаю императрицы въ живыхъ.

Народъ оплакиваетъ мать свою.

Посылаю вамъ копію съ ея завѣщанія. Изъ него увидите, что князь Меншиковъ опять первенствуетъ въ имперіи и готовитъ себя въ тести императору Петру II. Однакожъ, Богъ не безъ милостей... Государь такъ мнѣ обрадовался, увидавъ меня, что бросился меня обнимать со слезами на глазахъ. Часу не разстается со мной. Многіе поздравляютъ меня его фаворитомъ: я это зналъ напередъ... Но временщикъ ничего не хочетъ видѣть и слышать, кромѣ своихъ выгодъ. Пускай еще болѣе закружится у него голова, тѣмъ легче будетъ столкнуть его. А мы покуда постараемся вырыть яму пошире и поглубже.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

отъ барона и вицеканцлера Андрея Ивановича Остермана къ отставному фельдцейхместеру графу Якову Виллимовичу Брюсу, изъ Петербурга въ подмосковную Глинки отъ 12-го сентября 1727.

Сколько дивныхъ перемѣнъ совершилось въ глазахъ нашихъ, почтеннѣйшій другъ! Жизнь Петра Великаго прошла передъ нами — довольно и этого, чтобы сказать: «*и мы жили*». Чудное было тогда время. Видѣли мы много переворотовъ, но всѣ они имѣли цѣль и послѣдствія великія, всѣ они клонились ко благу и славѣ Россіи. А нынѣ что дѣлается?... Исполинъ палъ; огромное мѣсто, которое онъ занималъ въ мірѣ, опустѣло;... всякій, кто былъ ближе къ нему, хочетъ занять это мѣсто и играть властителя; другой, третій— туда же, пока настоящій властитель не укрѣпился лѣтами и разсудкомъ и не спозналъ своего назначенія.

И всѣ думаютъ только о своихъ выгодахъ, ни у кого въ сердцѣ нѣтъ отечества; о завѣтѣ Петра: «продолжать имъ начатое» и помину нѣтъ. Господи! когда будетъ конецъ этимъ часовымъ, непризваннымъ повелителямъ — этимъ временщикамъ, какъ хорошо называютъ ихъ русскіе.

Ты удивишься, любезный другъ, когда я скажу, что *былъ* и Меншиковъ. Былъ? спросишь ты и, вѣрно, при этомъ словѣ протрешь очки, чтобы разглядѣть хорошенько, такъ ли прочелъ его. Да, Меньшикова уже нѣтъ!... Можетъ статься, когда будешь читать эти строки, изгнанника, лишеннаго чести и достоянія, везутъ черезъ Москву въ бѣдной кибиткѣ. Пожалѣешь и его, какъ подумаешь, кто его замѣняетъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ съ великими заслугами Петру и отечеству, имѣлъ великій умъ, испытанное мужество; а теперь его наслѣдники... и подумать-то страшно, что за люди! Ты изумишься еще болѣе, когда прибавлю, что колоссъ этотъ свалилъ шестнадцатилѣтній мальчикъ— князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, который, бывало, лѣтъ за шесть тому назадъ, чистилъ тебѣ за обѣдомъ любимыя твои раковыя ножки. Зная его нетерпѣливый, пылкій характеръ, ты видѣлъ въ томъ угожденіи особенную къ тебѣ любовь. А я видѣлъ—признаки честолюбія: вспомни, ты какъ-то предвѣщалъ ему, вмѣстѣ съ сестрою, великую будущность. Да, этотъ мальчикъ совершилъ нынѣшній переворотъ, котораго не могли произвесть мужи, испытанные въ дѣлахъ политическихъ. На престолѣ дитя, умное, доброе, подающее великія надежды, но имѣющее нужду въ испытанномъ, хорошемъ совѣтникѣ; тетка Елисавета— дитя характеромъ; сестра Наталія хотя и превышаетъ ихъ всѣхъ умомъ и духомъ, все еще не вышла изъ дѣтскаго круга, и я, не гадая, подобно тѣмъ, на звѣздахъ, предсказываю на нѣсколько лѣтъ царство дѣтей...

Страшусь не безъ причины за творенія Петра Великаго. Ты знаешь отца и дядю маленькаго фаворита; не великіе по душевнымъ качествамъ, они захватили бразды правленія. Можно судить, куда эти возничіе умчатъ колесницу Россіи, если скоро не успѣютъ сами сломить себѣ шею. Вмѣстѣ съ ними партія старовѣровъ, подъ щитомъ нелюбимой первой Петровой супруги, поднимаетъ уже голову и вопіетъ объ уничтоженіи всего новаго, основаннаго Великимъ; съ другой стороны, изступленные поклонники новизны, въ томъ числѣ и воспитатель маленькаго фаворита, нашъ пріятель Финкъ, не принимая въ разсужденіе ни времени, ни нравовъ народа, хотятъ разомъ выкроить народъ русскій по образцу иностранному. Охъ, охъ, страшусь за созданіе великаго царя!

Но, любезный другъ, мы, которые были первые исполнители гигантскихъ помысловъ Петра, мы, которымъ повѣрялъ онъ, какъ друзьямъ, всѣ любимыя, задушевныя думы, которымъ завѣщалъ, если не докончить, по крайней мѣрѣ, поддержать его созданіе и передать, сколько можно, въ цѣлости это наслѣдіе; мы, душеприказчики его, его дѣти, служители, обязанные ему всѣмъ, чѣмъ только пользуемся въ свѣтѣ,—мы должны въ нынѣшнее время не ограничиваться одними сѣтованіями и сожалѣніями. Дѣйствовать по совѣсти и разумѣнію пламенно, усердно, но осторожно—вотъ наша обязанность. Девизомъ нашимъ да будутъ слова Спасителя: «будьте добры, яко голуби, и мудры, яко зміи». Остановить на первыхъ порахъ безтолковыя попытки старовѣровъ, ограничить безумныя желанія нововводителей, не давать ни одной партіи честолюбцевъ возвышаться на счетъ Россіи и руководить юнаго государя ко благу ввѣреннаго ему народа,—вотъ подвигъ, который намъ предстоитъ. «Нелегкая обязанность», скажешь ты, «когда царю только

15 лѣтъ». Чтожъ дѣлать? исполнимъ свой долгъ, а тамъ буди воля Провидѣнія!

Пускай нашу партію называютъ нѣмецкою—она самая просвѣщенная, самая благонамѣренная и пригодная для Россіи въ нынѣшнее время. Мы, можетъ быть, лучше коренныхъ русскихъ жителей Россіи понимаемъ пользы ея.

Въ скоромъ времени дворъ отправляется въ древнюю резиденцію царей на коронацію. Ты долженъ оставить свое уединеніе и явиться въ Москву. Не извиняйся отставкой: для истинныхъ сыновъ отечества нѣтъ отставки; служеніе ихъ продолжается до гроба. Не говорю, чтобы ты долженъ былъ, въ твои лѣта, принять должность при новомъ дворѣ, чтобы ты каждый день напяливалъ мундиръ на свои старыя плечи и игралъ роль дневальнаго придворнаго; нѣтъ, эта служба не по тебѣ. Но ты можешь служить иначе: совѣтомъ, внушеніями, связями, кабалистикой... Твое таинственное вліяніе на народъ можетъ умы и мнѣнія расположить въ нашу оль у, ты можешь и судьбу подговорить въ нашъ заговоръ. Ты всемогущъ не только на землѣ, но и на небѣ. Чего стоитъ тебѣ иногда, для пользы общественной, переставить одну звѣздочку на мѣсто другой! Мы возстановимъ своихъ *девять*, устроимъ попрежнему, какъ въ бывалые дни Петровъ, свой совѣтъ на Сухаревой башнѣ, не многочисленный, но избранный, безкорыстный, съ одною цѣлью поддержать созданіе великаго преобразователя Россіи. Ты долженъ явиться, или да будетъ тебѣ стыдно въ будущемъ мірѣ передъ лицомъ безсмертнаго царя и нашего отца и благодѣтеля.

Надняхъ отправляется въ Москву мать фаворита съ дочерью своей. Ты любимъ въ семействѣ; ты отецъ крестный княжны и брата ея, нынѣ столь могущаго.. къ тебѣ имѣютъ они большую довѣренность и уваженіе.

Меншиковъ обручилъ-было дочь свою на царство; боюсь, чтобъ этого не домогался и отецъ Долгорукій... На всякій случай я сблизилъ съ домомъ фаворита чиновника при нынѣшнемъ цесарскомъ посольствѣ, графа Мелизино. Богатъ, знатенъ, красавецъ, онъ понравился матери и умѣлъ плѣнить сердце княжны Екатерины. Мать нечестолюбива; для 15-ти-лѣтней дѣвицы молодой, ловкій, красивый гусаръ привлекательнѣе мальчика, хотя бы и... Не смѣйся, любезный другъ! тутъ нѣтъ ничего смѣшного. Въ политикѣ и любви игрушки много значатъ.

По случаю паденія Меншикова ты имѣлъ право безпокоиться насчетъ его крестника, и твоего племянника. Горячій молодой человѣкъ, въ порывѣ благороднаго чувства, поговорилъ слишкомъ смѣло въ защиту своего крестнаго отца и за это пострадалъ... Я поспѣшилъ испросить ему прощеніе. Александру твоему велѣно покуда жить подъ карауломъ... и стражемъ его будетъ дядя. Постараюсь сократить и это наказаніе: неугомонная натура эта не стерпитъ этого и нравственныхъ цѣпей.

Жду съ нетерпѣніемъ минуты, когда и я обниму тебя.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО

отъ княгини Долгорукой къ сыну ея Ивану Алексѣевичу, отъ... 1728 г., изъ Москвы въ Петербургъ.

Другъ мой, Ивашенька, благодареніе Богу, мы благополучно пріѣхали въ Москву, успѣли ужь съѣздить въ Горенки да и назадъ воротиться. Все хлопочу, какъ бы отдѣлать домъ къ коронаціи: безъ отца твоего плохо; самъ посуди, женское дѣло. Боюсь, не дорого-бъ стало; ты знаешь, какъ отецъ за каждую лишнюю копѣйку гнѣвается.

Въ прошлое воскресенье, въ самый заутренній звонъ, мамка твоя Домна отдала Богу душу; въ послѣднее время ходила сгорбившись крюкомъ и плохо видѣла, а все по хозяйству прибирала. Объ тебѣ помнила при концѣ своемъ. Похоронили мы ее съ честью въ Горенкахъ.

Нынче у насъ уродилось много грибовъ; старики не запомнятъ такого года—говорятъ, къ войнѣ.

Привезли ко мнѣ изъ степной отчины диковинную карлицу, всего аршинъ съ вершкомъ; хотимъ выдать за гайдука Павлушку. Уморительная будетъ парочка!

Мадамъ наша отошла къ Шереметеву: говоритъ, хотя и тамъ учить некого, да привыкла къ дому; къ тому-жъ у Натальи Борисовны нѣту теперь ни отца, ни матери, такъ буду беречь ее, какъ дочь; хочу при ней и умереть. Жаль, мадамъ была такая добрая и разумная. Катя много плакала при разставаньи.

Что писать мнѣ еще, сердце мое, Ивашенька? Буди надъ тобою благословеніе Божіе на всѣ часы, дни и ночи и на всѣ дни живота твоего. Милостямъ царскимъ радуйся, но не кичись ими. Не бери примѣра съ подлыхъ людей, которые вышли въ знать и фавориты, да забыли, что они на свѣтѣ такіе же человѣки, какъ и другіе: за то Богъ и наказалъ ихъ. Помни свой родъ, будь милостивъ ко всѣмъ, нищую братью не забывай. За то Господь не оставитъ тебя въ сей жизни и другой. Цѣлую тебя

Мать твоя и проч.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

стр.

Критико-біографическій очеркъ С. А. Венгерова . . . . I—CXXXII

Бѣленькіе, черненькіе и сѣренькіе 1

Новобранецъ 1812 года 181

Знакомство мое съ Пушкинымъ 201

Гримаса моего доктора 227

Нѣкоторыя повѣрья Мордвы 277

Отрывокъ изъ романа: „Колдунъ на Сухаревой башнѣ“ 282

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА
ТОМЪ ВТОРОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ВТОРОЙ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
МОСКВА
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 23.
1913

1913

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прошу послѣдовать за мною въ уѣздный городъ одной изъ великороссійскихъ губерній. Дадимъ ему имя Луковки. Физіономія нашихъ уѣздныхъ городовъ такъ похожа одна на другую и такъ часто была описываема, что мы не примемъ на себя труда повторять зады. Въ Луковкахъ, замѣтимъ, однакожъ, побольше каменныхъ домовъ, нежели въ другихъ подобныхъ городахъ, но они, по крайней мѣрѣ на третью часть ихъ, стоятъ безъ оконъ, отданные зубамъ времени и разнымъ невзгодамъ нашего климата на окончательное разрушеніе. Кстати, хозяева ихъ, живущіе въ одной, двухъ заднихъ уцѣлѣвшихъ каморкахъ, гдѣ ночью едва виденъ подслѣповатый огонекъ, подъ защитою этого разрушенія избѣгаютъ надлежащаго военнаго постоя. Говорили одни, что эти дома строены для отдачи въ залоги и, отслуживъ свой казенный срокъ, заброшены. Говорили другіе, въ секретной бесѣдѣ, что воздвигали ихъ въ блаженное время, когда наши доморощенные алхимики вѣдали тайну творить изъ

тряпья золото и сбывали свое издѣліе на Дону и въ другихъ степныхъ губерніяхъ черезъ луковскихъ гражданъ, которые отъ того страшно богатѣли. Счастливое это время для нихъ миновалось и потому палаты ихъ пришли въ запустѣніе.

Начало нашего разсказа отнесемъ лѣтъ за десять назадъ, можетъ быть, немного болѣе.

Мы въ большомъ плодовитомъ саду, огороженномъ каменною оградою, изъ-за которой видны только блестящая игла колокольни и ярко-голубой куполъ пятиглавой церкви, осыпанный золотыми звѣздами. Садъ примыкаетъ съ одной стороны къ двухэтажному каменному дому съ колоннадой и террасой, по бокамъ которой, на подножіяхъ изъ дикаго камня, возлежатъ два огромные сфинкса. Русскій мастеръ, изваявъ ихъ, завѣрялъ, что они малымъ чѣмъ уступятъ петербургскимъ, и, для большаго правдоподобія, вздумалъ было изсѣчь на пьедесталахъ велемудрую надпись, украшавшую нѣкогда знаменитые подлинники; но хозяинъ дома, къ удивленію и огорченію доморощеннаго художника, не далъ ей покрасоваться и одного дня въ Луковкахъ. Съ другой стороны въ садъ смотрятъ рѣшетчатыя окна длиннаго трехэтажнаго, каменнаго же дома. По высокимъ трубамъ, суживающимся кверху, можно признать это зданіе за фабрику или заводъ. Нынѣ трубы не выкидываютъ дыма и не слышно стоновъ паровика. Вѣроятно, по какому-нибудь особенному случаю, рабочіе пошабашили, хотя день и не праздничный.

Домъ съ колоннадой, какъ видно, богатый, но нѣсколько запущенъ. Штукатурка на коллоннахъ и стѣнахъ мѣстами облуплена, зеленый цвѣтъ крыши выцвѣлъ и порябѣлъ. Посреди сада довольно большая ротонда, опоясанная цвѣточною рабаткою, а на концѣ его домикъ въ англійскомъ вкусѣ. Сквозь растворен-

ныя двери его видны грабли, лейки и прочія принадлежности садоводства.

Утреннее майское солнышко играетъ въ чистомъ небѣ. Развѣ изрѣдка пробѣжитъ по немъ тонкое облачко, словно снѣжная струя, и тотчасъ растаетъ, Въ воздухѣ замѣтно какое-то дрожанье. Кажется, слышишь, какъ грудь земли дышетъ и обдаетъ васъ своимъ теплымъ, ароматнымъ дыханіемъ. Яблонныя, вишневыя и грушевыя деревья оброились цвѣтами, такъ что изъ-за нихъ почти не видно зелени листьевъ. Будто на весь садъ накинута цвѣточная сѣть. Молочно-розовый фонъ его кое-гдѣ оттѣненъ лиловыми кистями сирени, или окропленъ желтымъ крапомъ акацій. Яблони ростутъ стройно, въ полной силѣ и красѣ, то вытягиваются пирамидой, то раскидываются легкимъ шатромъ. Стволы ихъ свѣжи, прямы, вычищены, выхолены; ни морщинистый мохъ не пестритъ ихъ, ни паукъ не смѣетъ ткать на вѣтвяхъ свою сѣть, или гусеница повѣситъ на нихъ свою паутинную колыбель. Тамъ, гдѣ дерево одряхлѣло и ждетъ, чтобы топоръ покончилъ съ его существованіемъ, уже невдалекѣ отъ него ростетъ молодой, но крѣпкій наслѣдникъ, который скоро надъ его могилой раскинетъ свои свѣжіе побѣги. Въ саду такъ тихо, что не только слышно, какъ прожжужитъ пчела, но и какъ шелестятъ крылья мотылька, ударяясь одно объ другое. Но вотъ послышались чьи-то шаги. Показался мужчина, которому на видъ можно дать лѣтъ съ небольшимъ пятьдесятъ. Хотя въ саду есть нѣсколько прямыхъ дорожекъ, сходящихся треугольниками у песчаной площадки, на которой стоитъ ротонда, однакожъ человѣкъ, нами замѣченный, не ходитъ по этимъ дорожкамъ, а пробирается черезъ куртины, между деревьевъ и кустовъ, какъ попало, безъ опасенія. Только тамъ, гдѣ вѣтви, увитыя гроздіями цвѣтовъ,

прегражданотъ ему дорогу, онъ бережно склоняется подъ ними, чтобы они не осыпались. Онъ останавливается почти у каждаго дерева, любуется имъ нѣсколько минутъ, потомъ обращается къ другому, то обрѣзываетъ ножомъ мертвый сукъ, а который не поддается ножу, отдѣляетъ пилой. Пробираясь между деревьями, онъ скоро исчезъ на другомъ концѣ сада. По одеждѣ видно, не простой садовникъ, даже и не рядовой житель города.

Въ Луковкахъ, гдѣ купцы и мѣщане ходятъ въ поддевкѣ или русскомъ кафтанѣ со сборами, и только «про всякій случай имѣютъ и панталоны», какъ изъяснялся одинъ тамошній сватъ на спросъ отца невѣсты о нарядѣ жениха; гдѣ господствуетъ разнохарактерная борода, а не носящіе ея брѣются одинъ разъ въ недѣлю; гдѣ неряшество, со всѣми его атрибутами, во вкусѣ не только канцелярскаго, но и высшаго чиновничества,—въ Луковкахъ, говорю я, очень замѣтны на человѣкѣ, завидѣнномъ нами въ саду, мастерской покрой пальто, тщательно обритая личность, свѣжая бѣлизна и тонкость полотна манжетъ, завороченныхъ за рукава, и рубашки, искусно сплоенной на груди. Вообще, по изысканной опрятности и щегольству во всей одеждѣ, можно бы признать его за столичнаго жителя, или за иностранца. Правильное и пріятное лицо, нѣсколько болѣзненное, чрезвычайно добродушно; свѣтло-голубые глаза, въ которыхъ отражается особенная мягкость характера, глядятъ на все такъ привѣтливо, такъ ласково. На деревья обращаетъ онъ ихъ съ какою-то любовью, какъ на живыя существа, съ которыми сроднился и жаль разстаться. Видно, что они радуютъ его, красуясь передъ нимъ въ своей весенней одеждѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это удовольствіе, по временамъ, смѣняется на лицѣ его какою-то заботой и грустью.

Мы ошиблись бы, принявъ его за столичнаго жителя, тѣмъ болѣе за иностранца. Онъ русскій уроженецъ и коренной житель Луковокъ, хозяинъ сада, дома съ колоннадой и фабрики, званіемъ купецъ, и купецъ первостатейный, не только именемъ, но и воспитаніемъ и образомъ жизни. Въ городкахъ, подобныхъ Луковкамъ, гдѣ даже самые богатые купцы не отличались, да и нынѣ, большею частію, не отличаются отъ богатыхъ мужиковъ, гдѣ донынѣ говорятъ, что женскія училища имъ не нужны, онъ, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, далеко выдвинулся изъ ряда своихъ сочленовъ. Его зовутъ Сергѣй Семеновичъ Патокинъ—фамилія, какъ видите, совершенно плебейская, къ которой никакъ не приклеишь никакого нѣмецкаго титла. Отцу его было дано, не знаю почему, гражданами Луковокъ придаточное прозваніе *король*, которое перешло и къ сыну.

Подобныя личности попадаются нынѣ чаще и чаще въ столицахъ. Мы видимъ, что многіе изъ тамошнихъ купцовъ даютъ прекрасное воспитаніе своимъ дѣтямъ, читаемъ безпрестанно въ газетахъ въ числѣ отъѣзжающихъ за-границу имена купцовъ и купеческихъ дѣтей. Многіе изъ нихъ ѣдутъ не только погулять, но и поучиться и дѣло дѣлать. Неумолимое время творитъ свое, и прогрессъ захватываетъ съ прочими классами народа и купеческій, который ожесточеннѣе другихъ противился ему.

На такія личности, дѣлающія честь не только мѣсту своего рожденія, но и отечеству, своимъ образованіемъ и просвѣщеннымъ, благотворнымъ вліяніемъ на все ихъ окружающее, можно бы указать и въ глухихъ уголкахъ Россіи. За примѣромъ далеко ходить не надо. Стоитъ только побывать въ Осташковѣ и видѣть, что сдѣлалъ одинъ купеческій домъ Са—на изъ бывшей ничтожной рыбачьей слободы, которую

Екатерина Великая возвела въ городъ даже противъ желанія жителей и вопреки ихъ слезныхъ моленій оставить ихъ въ томъ скромномъ положеніи, въ какомъ они были. Члены этого дома не трубили о своихъ подвигахъ, но скромно, твердо и разумно шли къ цѣли, ими предположенной. Они, конечно, думали о своихъ выгодахъ, но выгоды общественныя были для нихъ выше всего [1]).

Въ домѣ часы пробили восемь, и вслѣдъ за тѣмъ одиночество Сергѣя Семеновича нарушилось приходомъ новыхъ лицъ. Двое слугъ, чисто одѣтыхъ, въ бѣлыхъ

---

1) За то члены этого дома основали банкъ, публичную библіотеку, женское училище, когда о нихъ не говорили такъ горячо, какъ нынѣ, училище для дѣтей рабочихъ при своихъ фабрикахъ, бумагопрядильной и кожевенной, образцовую пожарную команду изъ гражданъ, которой подобную до сихъ поръ старается правительство завести въ другихъ городахъ: освѣтили газомъ цѣлый кварталъ, пустили пароходъ по озеру Селигеру и купеческіе корабли кругомъ свѣта, возбудили и поддержали въ городскихъ жителяхъ любовь къ искусствамъ и невиннымъ общественнымъ удовольствіямъ, отвлекающимъ жителей отъ кабацкихъ и трактирныхъ увеселеній, основали городской театръ, развели общественные сады и, чего забыть не надо, сами подавали примѣръ гражданскихъ доблестей. Присовокуплю къ чести осташковскаго общества, что оно, болѣе развитое и единодушное, нежели въ другихъ городахъ, сильно содѣйствовало Са—нымъ основанію многихъ полезныхъ учрежденій. Посѣтивъ однажды Осташковъ по дѣламъ службы, я не могъ долго придти въ себя отъ изумленія, когда нашелъ въ домѣ Са—ныхъ просвѣщенный комфортъ и одну только роскошь, невиданную до того въ нашихъ купеческихъ домахъ—роскошь лучшихъ англійскихъ журналовъ, газетъ, иллюстрацій, которые хозяинъ дома, осташковскій городской голова Ѳ. К., переводилъ мнѣ, читая ихъ по-русски. Приглашенный хозяиномъ дома на народный балъ, устроенный въ одномъ изъ флигелей его фабрики, я былъ также пріятно изумленъ, увидѣвъ рыбачекъ, мѣщанокъ, наканунѣ таскавшихъ неводъ или разсѣкавшихъ весломъ воды Селигера, а нынѣ по-бальному одѣтыхъ и обутыхъ, съ сохраненіемъ отчасти ихъ народнаго костюма—красивой жемчужной подвязки—исполняющихъ отчетливо и граціозно французскую кадриль и вальсы—хоть бы въ любомъ губернскомъ собраніи. Не говорю о купеческихъ женахъ и дочеряхъ, которыхъ я видѣлъ на другомъ *городскомъ* балѣ.

перчаткахъ, внесли въ садъ круглый столъ и поставили его подъ деревомъ, предлагавшимъ болѣе другихъ тѣни. Столъ накрытъ бѣлоснѣжною камчатной скатертью, на которой солнечные лучи обозначили роскошный рисунокъ. Огненнымъ снопомъ брызнули они на самоварѣ, разрѣзали они свѣтлыми полосами густой паръ, валившій изъ него, разсыпались блестящими искрами и переливами на серебрѣ, фарфорѣ и хрусталѣ. Всѣ эти принадлежности чайнаго прибора изобличали художественную, иностранную работу, вкусъ и богатство хозяина. Слуги, разставивъ кругомъ стола кресла и стулья, отошли на небольшое разстояніе.

Вскорѣ стали подвигаться къ столу, по одной изъ дорожекъ сада, два новыя лица. Одинъ высокій мужчина, среднихъ лѣтъ, по атлетическому сложенію своему готовъ, кажется, поддержать на плечахъ своихъ тяжелый дубъ, который свалила бы на него буря. Румянецъ играетъ на загорѣломъ, открытомъ его лицѣ. Волны бѣлокурыхъ волосъ падаютъ почти до плечъ. Онъ одѣтъ въ пальто изъ тонкаго синяго сукна съ бронзовыми пуговицами и въ широкихъ панталонахъ такого же сукна. Полный подбородокъ утопаетъ въ бѣломъ батистовомъ платкѣ съ пышнымъ бантомъ. Ни одной пушинки, ни одного пятнышка на всей одеждѣ. Косматая, высокая грудь видна сквозь разрѣзъ рубашки тонкаго полотна. Онъ говоритъ на какомъ-то ломаномъ русскомъ языкѣ, который можно понимать съ трудомъ. Мы передадимъ его въ переводѣ, очищенномъ отъ безсмыслицы подлинника. Спутникъ этого Самсона, маленькій человѣкъ, перешедшій гораздо за половину вѣка—приходящійся ему подъ мышку, тощій, тщедушный, истертый въ невзгодахъ жизни. Судя по наружности, порывъ вѣтра могъ бы повалить его, а широкоплечій товарищъ придавить своею тяжелою пятой. Въ лицѣ ни кровинки; глаза его немного ко-

сятъ. Вы не могли бы опредѣлить цвѣтъ ихъ: то кажутся они сѣрыми, то желтыми съ темными крапинками. Такъ и взглядъ его какъ бы двойственный, одинъ—наружный, мягкій, согласный съ его вѣчною улыбкой; другой—внутренній, бѣсовскій, выглядывающій изъ-за него. Несмотря, что рѣчь товарища ему непріятна, онъ умѣетъ владѣть собою. Чѣмъ болѣе тотъ возвышаетъ голосъ, тѣмъ болѣе мизерный человѣкъ склоняетъ голову и чаще вздыхаетъ, кладя изподтишка едва замѣтные кресты на предсердіе, какъ будто хочетъ избавиться отъ нечистаго духа, его осаждающаго, между тѣмъ не забываетъ оглядываться въ кусты и за деревья.

Смѣлая, твердая поступь одного идетъ въ разладъ съ вялыми шагами другого. Одежда человѣчка подъ-масть его наружности, изученно подобрана, какъ будто на показъ его бѣдности. На тощихъ, какъ жерди, ногахъ болтаются нанковыя, песочнаго цвѣта панталоны, сапоги осоюзены и не смазаны. Подъ мышками нанковаго, засаленнаго сюртука вставлена новая заплата, отличающаяся свѣжестью своею отъ поношенной матеріи всей одежды. Изъ-подъ узенькаго лоскута чернаго коленкора, отороченнаго кожей и повязаннаго въ видѣ ошейника со стальною, нѣсколько заржавленною пряжкой, выставляются два конца рубашки грубаго холста. Тощій рыжій паричекъ, а поверхъ его порыжѣлый кожаный картузъ вѣнчаютъ эту фигурку.

— Прошу выслушать меня, господинъ Опенкинъ,— говорилъ высокій мужчина своему спутнику, остановясь противъ него и взявшись крѣпко за пуговицу его сюртука.

— Какой я господинъ!—прибавилъ мизерный человѣкъ, приглядывая за своей пуговицей,—я бѣдный луковскій мѣщанинъ, и если значу что-нибудь, такъ по милости моего хозяина и благодѣтеля.

— Знаю,—отвѣчалъ первый,—что у васъ называютъ господами дворянъ, но я привыкъ такъ относиться ко всякому, будь онъ князь или простой гражданинъ. Не пріучаться же мнѣ къ вашимъ порядкамъ! Дѣло не въ званіи человѣка, а въ самомъ человѣкѣ. Вотъ вы называете меня нехристемъ за то, что я не ношу креста на груди; знайте, господинъ Опенкинъ, я ношу крестъ Спасителя въ груди своей.

— Господи помилуй,—прошепталъ второй, крестясь и вздыхая.

— Вы и тутъ въ моихъ словахъ находите святотатство. Да, я ношу крестъ Спасителя въ сердцѣ моемъ, потому что ученіе Его стараюсь выполнять по силамъ и разумѣнію моему. Я понимаю, что вѣра безъ дѣлъ мертва, любовь къ ближнему—высшій законъ Божій. Не думаете ли угождать Ему, когда одѣляете одною рукою нищихъ копѣечками, выходя изъ церкви, а другою тащите послѣдній кусокъ хлѣба изъ сумы истинно бѣднаго. Вы поступаете хуже язычника.

— У насъ есть свои православные проповѣдники, господинъ Джонсъ.

— Я и не думалъ говорить вамъ проповѣди, я хотѣлъ только обличить васъ въ вашихъ черныхъ поступкахъ. Не къ суду Божьему хочу васъ вести—придетъ и безъ меня часъ, когда вы сами на него пойдете. Я зову васъ покуда къ суду вашей совѣсти. Если мои слова на васъ не подѣйствуютъ, разскажу всѣ ваши продѣлки господину Патокину.

— Въ чемъ же я провинился передъ вами?

— Передо мною? О, въ такомъ случаѣ я плюнулъ бы, и еслибъ вы меня кровно оскорбили, я раздавилъ бы васъ, какъ поганое насѣкомое.

Мизерный человѣкъ, несмотря на такое презрительное обращеніе съ нимъ, не перемѣнился въ лицѣ;

только едва замѣтное подергиваніе щеки обличало его душевное волненіе.

— Не знаю, что намъ дѣлить, господинъ Джонсъ,— сказалъ онъ смиреннымъ голосомъ.—Вы управляете искусственною частью, какъ называетъ хозяинъ ваше дѣло, а я хозяйственной. Сверхъ того, я приказчикъ, кассиръ и стряпчій Сергѣя Семеныча, а въ эти дѣла вы не входите.

— Правда, наши занятія разныя, права также, но есть дѣло, которое должно быть близко сердцу всякаго человѣка, какое бы мѣсто онъ ни занималъ. Это дѣло нашего ближняго, когда онъ утѣсненъ. Онъ обиженъ и проситъ моей помощи; постыдно, безчестно, если я не подамъ ему этой помощи. Я не разбираю тогда чужихъ правъ—помню только долгъ христіанина, долгъ человѣка. Слушайте же меня. Ко мнѣ, басурману, пришла нынѣ цѣлая артель рабочихъ съ жалобами на васъ.

— У нихъ есть хозяинъ, къ нему должны обратиться.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ допустили бы!

— Вы ихъ балуете, такъ они и лѣзутъ къ вамъ.

— Нѣтъ, не балую, а обращаюсь съ ними по-человѣчески, какъ съ людьми, а не скотами, не обижаю ихъ, а требую съ нихъ должнаго, справедливаго. Отъ этого они довѣряютъ мнѣ, басурману. Говорятъ, если господинъ Патокинъ не выслушаетъ ихъ, такъ они всѣ до единаго бѣгутъ съ фабрики.

— Да это бунтъ, ихъ перепорятъ.

— Ого-го! какъ вы широко шагаете! Бунта тутъ нѣтъ никакого; ихъ не тронутъ пальцемъ, за это ручаюсь моею честью. Они просятъ довести ихъ жалобу до господина Патокина.

Зловѣщій живчикъ сильнѣе забился на лицѣ Опенкина.

— Фабричные жалуются,—продолжалъ Джонсъ,— что вы выдаете имъ заработанныя деньги истертою, обрѣзанною монетой, которую никто не беретъ; не даромъ вашъ народъ такъ вѣрно называетъ ее *слѣпою*.

— Монета государственная, — возразилъ Опенкинъ,—съ казеннымъ, императорскимъ гербомъ: орелъ двуглавый, держава на ней и точки, и ленточка есть. Запретятъ указомъ царскимъ брать, такъ мы и не будемъ, а покуда указа нѣтъ, мы ее беремъ и раздаемъ. Не копить же!

— То-то и есть, что вы берете ее отъ рабочихъ за полцѣны, а сбываете имъ же за указную. Хорошую монету собираете и отдаете мѣняламъ изъ барышей. Этого мало, вы подсовываете иногда и фальшивые билетцы. Хоть бы вчера.

Лицо мизернаго человѣчка еще сильнѣе подернуло.

— Слѣдовало бы представить въ полицію; дѣло уголовное.

— Въ полицію? Чтобы засадили рабочаго въ тюрьму, да затаскали по разнымъ мытарствамъ? Признаетесь ли, что вы дали билетъ?

— Я... не давалъ. Хоть къ присягѣ, хоть подъ колокола.

— Слыхали мы про эти колокола! У кого совѣсть спитъ, не разбудятъ они ея.

Опенкинъ пропустилъ мимо ушей сильный аргументъ своего спутника и продолжалъ: — Фабричный, плутъ, гдѣ-нибудь досталъ да взваливаетъ на меня, авось, дескать, испужается да промѣняетъ.

— Вы сдѣлались подрядчикомъ рабочихъ—отпускаете имъ впередъ въ счетъ заработанныхъ денегъ муку и говядину, и какую муку, какую говядину! Въ мукѣ на одну треть мякины и песку; мясо тухлое, и за все ставите самую высокую цѣну.

— Зачѣмъ же они берутъ?

— Затѣмъ, что имъ ѣсть надо; не умирать же съ голоду. Грѣшно и стыдно, господинъ Опенкинъ. А деньги, которыя вы удерживаете у нихъ за время ихъ болѣзни?

— Я поступаю по правиламъ нашего заведенія и отступиться отъ нихъ не смѣю; я соблюдаю хозяйскій интересъ.

Послѣднія слова онъ сказалъ громче: авось, не услышитъ ли Патокинъ, если бы находился гдѣ-нибудь тутъ, за деревьями.

— Это противно его собственнымъ правиламъ, противно доброму его сердцу.

— Мало ли лѣнтяевъ притворяются больными? не могу же я свидѣтельствовать ихъ безпрестанно по квартирамъ или посылать за дохтуромъ. Вижу, нѣтъ на работѣ, такъ и прогульный день.

— Притворяется?... А знаете ли, одинъ изъ этихъ притворщиковъ, одинъ изъ вашихъ лѣнтяевъ, у котораго вы удержали деньги не только за время его болѣзни, но и за рабочіе дни...

— Десятникъ говоритъ, работа его была плохая.

— Оттого, что она валилась изъ слабыхъ рукъ, оттого, что помутившіеся глаза не могли уже различать предметы. Смерть уже была за плечами его. Такъ знайте же, этотъ лѣнтяй, этотъ притворщикъ, умеръ съ часъ тому назадъ. Что онъ былъ боленъ, засвидѣтельствуетъ дѣвица Изумрудова. Она посылала къ нему лѣкаря и лѣкарства и сама навѣщала его. Потрудитесь сходить на его квартиру; подите, повѣрьте... Подлѣ гроба его стоитъ гробикъ его ребенка. Матери и вдовѣ нечѣмъ похоронить умершихъ. Вы услышите жалобныя причитанья ея, вопли трехъ сиротъ, которыя просятъ хлѣба.

— Божья воля, — сказалъ Опенкинъ, вздыхая и перекрестясь.

— Въ жизни нашей, конечно, Богъ воленъ. И мы всѣ умирать должны. Но есть, какъ вы знаете, другая жизнь—за гробомъ, господинъ Опенкинъ. Тамъ всѣмъ надо явиться предъ судомъ Божіимъ; туда же явится и несчастный работникъ съ своимъ младенцемъ. Не скажетъ ли онъ Господу, указывая на васъ: этотъ человѣкъ, когда я былъ боленъ, ускорилъ мою смерть; онъ отравилъ послѣдній часъ мой, онъ отнялъ насущный хлѣбъ у жены и у троихъ дѣтей, изсушилъ послѣднюю каплю молока въ груди матери?

Мускулы на лицѣ Опенкина сильно заиграли. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но, услыхавъ голоса, стиснулъ зубы... Оба повернули головы въ ту сторону, откуда слышались эти голоса, и остановились.

Опенкинъ скинулъ свой картузъ, пригладилъ на себѣ паричокъ и силился выжать улыбку на лицо свое.

Вскорѣ поравнялись съ ними три женщины, которыя такъ и просились на полотно художника. Между свѣженькими личиками двухъ дѣвушекъ, полныхъ жизни, рѣзко выдавалось бѣловосковое лицо старушки, будто вставшей изъ гроба. Лобъ ея былъ повязанъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ, а поверхъ его темнымъ шелковымъ, котораго концы спускались на спину. Голова ея сильно тряслась, помутившіеся глаза глядѣли безсознательно. Казалось, она погружена была въ какую-то летаргію. Но когда солнечные лучи на нее упали и оживили ее, улыбка порхнула на ея губахъ; она взглянула на небо, перекрестилась и сказала: «Словно въ Божьемъ раю». Несмотря на то, что лицо ея глубоко избороздили морщины, такъ искажающія старость, оно было не безобразно и дышало добродушіемъ. Старушка едва переступала, опираясь на костыль и руки своихъ спутницъ. Съ одной стороны, вела ея дѣвушка лѣтъ семнадцати. Красавицей нельзя

было ее назвать, но во всѣхъ правильныхъ, тонкихъ чертахъ ее лица, въ движеніяхъ, въ звукѣ голоса было столько привлекательнаго, столько симпатичнаго, что съ перваго взгляда ея темнокарихъ глазъ, глубоко упадавшаго въ вашу душу, съ перваго слова, къ вамъ обращеннаго, вы хотѣли бы, чтобъ эти глаза на васъ долго и долго смотрѣли, чтобы ея рѣчь не умолкала. На ней было бѣлое кисейное платье, опоясанное широкою голубою лентой; черная ленточка обхватывала ея лебединую шею, спускалась на грудь и скрывалась въ тайникахъ ея. Къ чернымъ, съ синеватымъ отливомъ, волосамъ, приколота была бѣлая, одинокая роза. Съ другой стороны поддерживала старушку миловидная, со вздернутымъ носикомъ, вертлявая дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Нетерпѣніе проглядывало во всѣхъ ея движеніяхъ, живые глаза ея безпрестанно бѣгали по сторонамъ. Такъ и замѣтно было, что если бы дали ей волю, она порхнула бы по саду, какъ бабочка — поди, лови ее! Съ благоговѣйною любовью вела одна старушку, будто выполняла святое служеніе; другая видимо дѣлала это по долгу, которымъ тяготилась: гримасы ея это доказывали.

Старушка будто встрепенулась и стала вслушиваться въ крупный разговоръ Опенкина и его товарища. Когда они всѣ поровнялись, дѣвушка съ голубымъ поясомъ едва кивнула Опенкину, а спутнику его протянула свою бѣленькую ручку, которая и потонула въ его огромной, косматой рукѣ, назвала его милымъ Джонсомъ и привѣтствовала съ добрымъ утромъ. Этотъ знакъ дружескаго вниманія видимо радовалъ его, а въ лицѣ Опенкина произвелъ то непріятное подергиванье, которое служило барометромъ его душевнаго состоянія.

— О чемъ они такъ спорятъ, Дуня?—спросила старушка, обращаясь къ дѣвушкѣ съ голубымъ поясомъ.

Дуня обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ Джонсу и онъ передалъ ей, со всѣмъ жаромъ взволнованной души, вполовину по-англійски, вполовину исковерканнымъ русскимъ языкомъ, содержаніе своего горячаго разговора съ Опенкинымъ, и Дуня передала этотъ разговоръ посвоему, дополняя мимикой то, чего старушка не понимала, какъ это дѣлаютъ няньки съ дѣтьми, у которыхъ понятія еще не совсѣмъ развились.

— Вотъ видите, бабушка, —говорила она, указывая на Опенкина: — этотъ человѣкъ у! какой! (здѣсь она сердито сдвинула свои брови, въ глазахъ ея вспыхнуло негодованіе) обижаетъ бѣдныхъ фабричныхъ, не платитъ имъ денегъ за работу. Одинъ умеръ... въ гробу... Маленькій ребенокъ сосалъ грудь у матери... молоко пропало отъ горя и отъ того, что нечего было ѣсть... Умеръ и маленькій... положили въ гробикъ. Осталось еще трое дѣтей... одинъ вотъ такой... другой этакій... третій немного больше (Дуня указывала рукой на возрастъ дѣтей), нѣтъ хлѣба...

Предчувствую, что если дѣвушка-пуританка читаетъ вслухъ мой разсказъ не только при постороннихъ, но даже въ домашней семьѣ, какъ скоро дойдетъ до слова «сосалъ грудь», смѣшается на этихъ словахъ; если же при чтеніи находится мать или русская гувернантка, то посмотритъ вопросительно на ту или другую, а та или другая скажетъ: «можешь пропустить это мѣсто». Да, таково наше женское воспитаніе! Оно пріучаетъ дѣвицъ въ ложному стыду, къ *игрѣ въ невинность*. Не говорю о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ этотъ ложный стыдъ доведенъ до крайности. Я видѣлъ, какъ вышедшія изъ этихъ заведеній, даже воспитательницы, краснѣли до бѣлка глазъ, когда при нихъ говорили, что женщина беременна, отворачивались, когда мать кормила свое дитя грудью; я былъ свидѣтелемъ, какъ одна изъ этихъ воспита-

тельницъ пришла въ истерическое состояніе отъ того только, что девятилѣтняя воспитанница ея съ дѣтскимъ простодушіемъ сказала ей: «вотъ и у васъ будутъ дѣтки и вы будете кормить ихъ грудью, у васъ будетъ молочко».

Вы видите, что Дуня не принадлежала къ разряду этихъ дѣвицъ-пуританокъ.

Разсказъ ея произвелъ какъ будто гальваническое потрясеніе во всемъ существѣ старушки, фосфорическій огонь блеснулъ въ ея глазахъ; она выпрямилась и погрозила на Опенкина костылемъ.

— Злодѣй!... пожаръ... укралъ много у моего друга... старичекъ со звѣздой мнѣ сказалъ... въ аду сгоришь... Денегъ... дай денегъ, Дуня!

Сказавъ это, старушка какъ будто истощила всѣ свои жизненныя силы, упала на руки своихъ спутницъ и пришла опять въ то безсознательное состояніе, въ которомъ прежде находилась.

Дуня, понявъ изъ рѣчи своей названной бабушки, что надо помочь осиротѣвшему семейству, пріостановилась немного и, кивнувъ вертлявой дѣвочкѣ, сказала ей:—«Постой, Параша, я сыщу Сергѣя Семеныча, разскажу ему все; онъ такъ добръ, вѣрно поможетъ несчастнымъ».—Потомъ, приложивъ палецъ ко лбу и немного подумавъ, прибавила:—«Нѣтъ, лучше ничего не скажу ему, чтобы не огорчать на дорогу. Мамаша сдѣлаетъ это, не потревоживъ его. Ему и такъ грустно разставаться съ родиной своей, съ этимъ садомъ, который онъ выростилъ и воспиталъ вмѣстѣ съ отцомъ. Мамашѣ будетъ пріятно, что мы въ этомъ случаѣ не обошли ее. Я ворочусь къ ней, а вы (она сдѣлала знакъ рукою Джонсу, чтобы тотъ подошелъ къ ней), мой добрый Джонсъ, вмѣсто меня поведите бабушку».

Джонсъ взялъ старушку подъ руку. Съ ея стороны не было сопротивленія. Такимъ образомъ, под-

держиваемая имъ и Парашей, она побрела къ мѣсту, гдѣ былъ накрытъ столъ, а Дуня побѣжала назадъ.

На встрѣчу ей шла величавая дама, въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовалъ за ней слуга.

Лицо ея, уже не совсѣмъ молодое, сохранило еще остатки прежней красоты, которую она постаралась подновить легкимъ слоемъ бѣлилъ и румянъ. По турецкой тысячной шали, модному кружевному чепцу, едва державшемуся на головѣ, и утренней блузѣ, обшитой дорогими блондами, можно бы думать, что она собралась дѣлать утренній церемонный визитъ. Между тѣмъ она ѣхала только въ свою деревню.

Это была супруга Сергѣя Семеновича Патокина-короля. Ее звали Маріей Михайловной.

Она смотрѣла на все свысока, походка ея была размѣрена.

Дуня со слезами на глазахъ, поцѣловавъ у ней руку, съ жаромъ разсказала, зачѣмъ воротилась къ ней.

— О чемъ же плакать, дурочка? Мертвыхъ не поднимешь, а живымъ надо помочь, — сказала Патокина, потрепавъ Дуню по щекѣ опахаломъ, заигравшимъ въ лучахъ солнца, вмѣстѣ съ богатыми перстнями и кольцами, которыми унизаны были ея пальцы.— Вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки —ты знаешь, она стоитъ въ спальнѣ, подлѣ кровати. Вынь изъ нея пятьдесятъ рублей и перешли съ Джонсомъ, съ кѣмъ хочешь, вдовѣ и сиротамъ. Хорошо, что ты обратилась ко мнѣ, а не къ Сергѣю Семенычу. Ты знаешь, его нынче тревожить не надо, онъ и безъ того не въ добромъ духѣ. Съ Опенкинымъ я сама справлюсь, по своему. Чтожь дѣлать, мой мужъ ввѣрился ему по уши и не хочетъ ничего слышать объ немъ. А воръ, самый хитрый воръ!

Ж. Ж. Руссо говоритъ, что женщина, даже очень молодая и очень хорошенькая, когда скоро бѣжитъ,

всегда неловка и возбуждаетъ какое-то непріятное чувство. Онъ перемѣнилъ бы свой суровый приговоръ, если бы увидалъ, какъ бѣжала Дуня.

Патокина не ускорила своего шага и, приблизясь къ Опенкину, повелительно махнула ему рукой, чтобы онъ подошелъ къ ней.

Мизерный человѣкъ, весь съежившись и держа картузъ подъ мышкой, спѣшилъ исполнить ея приказаніе. Откуда взялась у него прыть! Онъ хотѣлъ было приложиться къ рукѣ ея, но она отвернула свою руку и, бросивъ на него молніеносный взглядъ, сказала:—«Послушай, негодяй, долго ли будешь проказничать? Тебя вытащили изъ грязи, а ты въ нее опять лѣзешь и тащишь съ собою людей, которыхъ подметки не стоишь. Слишкомъ добръ мой мужъ, я давно прогнала бы тебя. Рабочіе хотятъ на тебя жаловаться. Подумай, что изъ этого будетъ? Сергѣй Семенычъ желалъ бы разстаться мирно со всѣми вами. Не смѣй тревожить его. Пошелъ сейчасъ на фабрику и уладь такъ, чтобы рабочіе съ жалобой не приходили, а если придутъ, такъ сказали бы, что пришли съ хозяиномъ проститься. Да чтобъ принесли хлѣбъ-соль на дорогу!«

Опенкинъ хотѣлъ что-то сказать, но Патокина сердито перебила его:—«Ни слова! Дѣлай, какъ я тебѣ приказала».—Онъ отошелъ было нѣсколько шаговъ. Патокина воротила его.

— Посмотри, полюбуйся на себя,—сказала она,—пришелъ провожать насъ — еще главный приказчикъ именитаго гражданина, коммерціи совѣтника и, какъ нарочно, въ этотъ день напуталъ на себя свое тряпье.

— Вы знаете, у меня сынъ чиновникъ, надо ему помогать. Времена тяжелыя.

— Да, бѣднякъ, жалости достоинъ! Чай, полгорода тебѣ долженъ.

Въ голосѣ Патокиной слышалась злая иронія.

— Клевета, сударыня, сущая клевета! Враговъ не оберешься.

— Ничего не хочу слышать. Поди, переодѣнься, а съ нищимъ въ отрепьяхъ не хочу сидѣть за однимъ столомъ. Маршъ! Мигомъ, чтобъ былъ здѣсь франтомъ, въ лучшемъ праздничномъ платьѣ. Не то, знаешь меня, при всѣхъ тебя осрамлю.

Опенкинъ дѣйствительно хорошо зналъ, что съ этой барыней шутить нельзя и она поставитъ на своемъ, да еще опозоритъ его при всѣхъ такъ, что радъ бы тогда провалиться сквозь землю, и засѣменилъ къ главному дому.

На встрѣчу ему бѣжала Дуня, вся разгорѣвшаяся отъ быстрой ходьбы и удовольствія.

— Ради Бога, не говорите ничего Сергѣю Семенычу,—сказалъ ей Опенкинъ умоляющимъ голосомъ.— Свидѣтель Богъ, напраслина (онъ прижалъ картузъ къ сердцу и показалъ глазами на небо), все напраслина.

— Я знаю хорошо Джонса и васъ,—отвѣчала она, покачавъ головою.

— Все поправлю, все улажу... буду дѣлать по вашему... буду дѣлать, какъ хочетъ англичанинъ.

— Если такъ, не скажу. Видите (она показала сѣренькую кредитку). Теперь я счастлива и хочу, чтобъ всѣ были довольны. Только не обижайте бѣдныхъ людей. Желаю отъ души, чтобы вы узнали удовольствіе помогать ближнему. Это болѣе всего наказываетъ намъ Спаситель. За то я всегда буду заступаться за васъ.

— Заступница?—пробормоталъ сквозь зубы Опенкинъ, когда Дуня была уже далеко отъ него.—Тоже лѣзетъ въ важныя особы. Дѣвчонка, нищая, еще подкидышъ! Пожимай-ка лучше руку своему англичанину, авось-либо присватается, да увезетъ во-свояси. Туда и дорога! А я и безъ васъ обойдусь. Пятьдесятъ

рублей, легко сказать! На мужицкіе похороны, по моему, цѣлковинкихъ два, да прикинуть развѣ три на сиротъ, вдова баба молодая, найдетъ работу и на нашей фабрикѣ. Сыпьте безъ толку деньги, усѣйте ими дорогу, хоть до своей деревни; глупъ былъ бы я, еслибъ не подбиралъ ихъ за вами. Вотъ ужь въ долги втянулись!... Долго ли такъ процарствуешь, луковскій король?... Такъ и быть, угожу тебѣ, гордая барыня, напослѣдяхъ, а тамъ... Придетъ и мое время... Только непрытко, Самсонычъ (здѣсь онъ обращался къ собственному лицу), непрытко: тише ѣдешь, дальше будешь. Господи, прости мои прегрѣшенія. Самсоша, для тебя только волочусь.

Когда Дуня воротилась, все общество, которое прошло мимо насъ съ начала нашего разсказа, кромѣ Опенкина, расположилось около стола. Хозяинъ сидѣлъ въ грустномъ раздумьѣ, жена его разливала чай, но дѣлала это очень медленно; видно было, она кого-то поджидала. Старушка не прикасалась къ своей чашкѣ и оглядывалась по сторонамъ; подлѣ ея не было той нѣжной заботливой руки, которая всегда замѣняла ей дрожащія ея руки, отказывающіяся ужь служить. Джонсъ былъ пасмуренъ. Всѣ молчали. При появленіи Дуни всѣ оживились, какъ будто небесный радостный вѣстникъ коснулся ихъ крыломъ своимъ.

— Гдѣ это пропадалъ ты, мой изумрудный крестикъ, — сказалъ Патокинъ, поцѣловавъ ее въ разгорѣвшуюся щеку, когда Дуня подошла къ рукѣ его.

— Бѣгала по дѣлу мамаши, — отвѣчала она, сѣла подлѣ старушки и стала исполнять свои обыкновенныя обязанности, какъ самая усердная хожалка; но смущеніе и озабоченность замѣтны были на лицѣ ея.—Какъ искуснѣе передать эти деньги Джонсу, чтобы не видѣлъ этого маневра Сергѣй Семенычъ, отъ котораго это скрыть хотятъ, думала она и по временамъ украд-

кою бросала тревожные взгляды то на англичанина, то на Марѳу Михайловну. Кстати вскорѣ выручилъ ее Опенкинъ. Вниманіе всѣхъ обратилось на него. Онъ пришелъ расфранченный въ пухъ, въ нарядѣ, который надѣвалъ только въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Отъ прежней одежды осталась одна фуражка, которую онъ почтительно держалъ въ рукѣ.

— Браво! — закричалъ Патокинъ, — каковъ нашъ Елизаръ Самсонычъ? Хоть къ вѣнцу. Да не пришелъ ли, братецъ, въ самомъ дѣлѣ звать на рукобитье?

Хозяйка хохотала отъ души, всѣ смѣялись; одна названная бабушка не принимала участія въ общей веселости.

Этимъ временемъ воспользовалася Дуня, чтобы осторожно вручить Джонсу таинственную посылку. Она подняла на него умоляющій взглядъ и приложила палецъ къ губамъ. Джонсъ понялъ эту мимику и, въ знакъ согласія, кивнулъ ей утвердительно. Чего-бъ онъ не сдѣлалъ для нея!... Когда-жь утихли общія поздравленія и привѣтствія герою этой сцены, зоркій глазъ Патокиной замѣтилъ, однакожъ, несчастную фуражку.

— Человѣкъ! — сказала она стоявшему невдалекѣ слугѣ,—возьми у Опенкина картузъ и брось его куда хочешь, хоть въ помойную яму.

Сергѣй Семеновичъ посмотрѣлъ на свою жену и покачалъ головою, давая знать, что шутка заходитъ слишкомъ далеко.

Слуга колебался исполнить приказаніе Патокиной.

— Возьми, говорю я тебѣ,—повторила она, возвысивъ голосъ,—ты знаешь, я два раза не приказываю.

Слуга взялъ изъ рукъ мизернаго человѣчка картузъ.

— На мѣсто этого дурацкаго колпака,—прибавила Марѳа Михайловна, — принеси изъ барскаго гардероба лучшій картузъ и отдай этому господину.

Новый щегольской картузъ былъ принесенъ и врученъ Опенкину.

— За особенную честь почту, — сказалъ онъ, — носить этотъ картузъ, который покрывалъ голову моего благодѣтеля.

На дворѣ, за оградой сада, послышались какіе-то тревожные голоса, довольно многочисленные.

Патокинъ смутился, жена его бросила грозный взглядъ на Опенкина, Дуня тоскливо посмотрѣла на Джонса, Джонсъ взглянулъ на Опенкина. Онъ видѣлъ, что зловѣщій живчикъ не играетъ на лицѣ его. Слышанные голоса были довольно громки, но вялы и отрывисты. Ему слишкомъ хорошо знакомы были другіе, тревожные голоса, въ другой странѣ, когда неудовольствіе рабочихъ на хозяина овладѣетъ массами. Они вылетаютъ тогда единодушно, будто изъ тысячей мѣдныхъ трубъ; они покрываютъ вой бури, стонъ рѣчныхъ водъ, прорвавшихъ плотину, обхватываютъ цѣлое графство, разливаются по цѣлой странѣ, взбѣгаютъ по лѣстницамъ парламента и смущаютъ сонъ обитателей Виндзора. Джонсъ увѣрился, что голоса, раздававшіеся на дворѣ, хотя и похожіе на демонстрацію, однакожъ неопасны, и догадался, что Опенкинъ успѣлъ обѣщаніями, магическимъ словомъ: «на водку» такъ сильно дѣйствующимъ на русскаго человѣка, отвесть отъ своей головы тучу, готовую надъ нимъ разразиться.

— Фальшивая тревога, — сказалъ онъ вполголоса, обращаясь къ Дунѣ.

Слуга былъ посланъ узнать, что дѣлается тамъ, на дворѣ, и возвратясь доложилъ, что фабричные требуютъ дозволенія проститься съ хозяиномъ и проводить его съ хлѣбомъ-солью, что запряженныя лошади встревожились и кучера гонятъ народъ со двора.

Лица Дуни и Патокиной просвѣтлѣли. Опенкинъ видимо торжествовалъ и бросалъ ироническіе взгляды на Джонса, будто хотѣлъ сказать: «что взялъ басурманъ»?

Патокинъ велѣлъ благодарить фабричныхъ и сказать имъ, что какъ скоро напьется чаю и отслужитъ напутственный молебенъ, придетъ съ ними проститься, а кучерамъ велѣлъ отъѣхать за ворота.

— Что они вздумали горланить во дворѣ хозяина, — прибавила Потокина, — могутъ подождать!

Между тѣмъ какъ происходили эти переговоры, вошли въ садъ два новыя лица — старичокъ съ сѣдою ощипанной бородой, съ круглымъ брюшкомъ, въ русскомъ кафтанѣ кирпичнаго цвѣта, застегнутомъ на крючки, и старушка въ малиновой штофной душегрѣйкѣ, обложенной золотыми галунами, въ огромномъ кокошникѣ, вышитомъ золотомъ и жемчугомъ. Они обратились лицомъ къ главѣ церкви, видной изъ-за каменной ограды, сотворили крестныя знаменія, ударяя себя въ плечи концами перстовъ, сложенныхъ по раскольничьему обряду, поклонились *честной компаніи* на три стороны и перецѣловались со всѣми на обѣ щеки, кромѣ Джонса, котораго считали, вѣроятно, нечистымъ животнымъ.

Это были родители великолѣпной дамы, гаспожи Патокиной.

Дочка очень равнодушно кивнула имъ, и вмѣсто всякихъ сердечныхъ привѣтствій, сказала только каждому: «здравствуйте, батюшка, здравствуйте матушка», допустила ихъ приложиться устами своими къ ея щекамъ, не безъ боязни однакожъ, что отъ этого прикосновенія слетитъ искуственный румянецъ съ ея лица, и указала имъ рукой на пустые стулья. Такое обращеніе дочери съ отцомъ и матерью сначала сильно волновало Джонса и Дуню, но со временемъ они по-

привыкли къ нему. Теперь, такъ какъ у Патокиныхъ не было никого кромѣ домашнихъ, родители принимались въ общемъ кругу. Когда жь бывали посторонніе, особенно почетные гости, стариковъ вводили черезъ заднюю лѣстницу въ чайную или дѣтскую, гдѣ оставляли ихъ однихъ возсѣдать на своихъ сѣдалищахъ и размышлять о суетахъ міра, пока дочка, урвавшись на минуту отъ гостей, удостоивала облобызаться съ ними. Разумѣется, на обѣды и пиры ихъ никогда не приглашали. Родители, съ своей стороны, не оскорблялись такимъ обращеніемъ, по крайней мѣрѣ, не смѣли этого выказывать и сами относились къ дочери и зятю съ особенными знаками уваженія. Они довольны были и тѣмъ, что лучи богатства и почета Патокиныхъ падали на нихъ хоть мимоходомъ—счастливые тѣмъ, что получали отъ дочери обильныя пособія. Чтобы не слыть дочерью банкрута, Марѳа Михайловна заплатила за отца долги его; чтобы не слыть дочерью мѣщанина, она вносила за него гильдейскія повинности. Къ довершенію благополучія ея родныхъ, великолѣпная дама не принуждала ихъ одѣваться въ нѣмецкое платье. Надо сказать, что самъ Патокинъ старался иногда смягчать холодность этого обращенія то ласковымъ словомъ, то пожатіемъ руки у старика, то усерднымъ приглашеніемъ ихъ сѣсть, потому что они всегда церемонно вставали, какъ скоро дочка или зять входили въ комнату, гдѣ они сидѣли въ заключеніи. И на этотъ разъ, когда обильное угощеніе чаепитіемъ произвело на нихъ дѣйствіе банныхъ паровъ, Патокинъ обратился къ тестю съ вопросами о ходѣ торговыхъ дѣлъ въ мучныхъ лавкахъ и на базарѣ. Далѣе понятія старика не простирались. Дуня, съ своей стороны, трудилась изо всѣхъ силъ занять тещу, принялась даже за стряпню и удой коровъ. Но какъ бесѣда съ обѣихъ сторонъ не вязалась, то Дуня

замолчала; Патокинъ, однакожъ, пытался расшевелить языкъ тестя новымъ предметомъ разговора.

— Вотъ, батюшка, Михаилъ Парамонычъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ нему: — купилъ себѣ деревеньку, землицы при ней малое-толико—болѣе тысячи десятинъ, луговъ заливныхъ до двухъ-сотъ, есть довольно строевого и дровяного лѣса, садъ плодовый на нѣсколькихъ десятинахъ, не считаю англійскаго; богатая усадьба!

— Текъ-съ! экая палестина! — произнесъ тесть, качая головой.

— Хочу сдѣлаться пахаремъ.

— Не къ лицу вашей милости, — отвѣчалъ старикъ, изумленный, что такой важный и богатый человѣкъ, какъ его зять, принимается за полевыя работы.—Чай, при деревнѣ и крестьянъ есть вдоволь и староста имѣется, всю работу и безъ васъ справятъ. На то и созданы рабы отъ Бога, чтобы работать на господъ.

— Рабовъ у насъ нѣтъ, Михайла Парамонычъ, — возразилъ Патокинъ,—а есть крѣпостные люди. Разумѣется, я самъ пахать не стану, ни косить, ни молотить, а буду нанимать тѣхъ же крестьянъ, какъ нанимаю теперь рабочихъ на свою фабрику.

— Какъ же, мужички крѣпостные и будутъ работать по волѣ?

— Вы знаете, купцы не имѣютъ права владѣть людьми. Мужички не мои. Они принадлежатъ генералу Огрызкову, на чье имя куплена деревня. Я только управляю ими по довѣренности. Конечно, по этой довѣренности, могу заставить ихъ работать на меня, но хочу, чтобы они были словно вольные, буду платить имъ деньги за работу, какъ это дѣлаютъ въ чужихъ краяхъ. Тамъ все вольные, а работы идутъ лучше нашего, и владѣльцы земель

получаютъ съ нихъ больше доходу, нежели наши помѣщики.

— Пожалуй, ты ихъ доведешь до того,—перебила Марѳа Михайловна съ неудовольствіемъ, — что они тебя самого запрягутъ въ соху. Удивляюсь, однакожъ, почему коммерціи совѣтникамъ не дано у насъ права покупать людей на свое имя; имъ пишутъ: его высокоблагородію, они считаются въ чинѣ маіора (при словѣ «маіора» она возвысила голосъ, желая придать еще болѣе значенія этому чину.

— И слава Богу, матушка. Было время, когда каждый писецъ, личный дворянинъ, имѣлъ своихъ крѣпостныхъ и жена его называла свою служанку рабою, когда помѣщицы на ярмаркахъ промѣнивали своихъ дѣвокъ татарамъ на шали. Благодаря нашему благодѣтельному и разумному правительству, время это миновалось и не возвратится. Поговариваютъ даже, что и дворяне не будутъ имѣть крѣпостныхъ людей.

— Ну ужь, батюшка, Сергѣй Семенычъ, я и вдомекъ не возьму, — осмѣлился возразить старичекъ: — какой это будетъ дворянинъ безъ крѣпостныхъ людей. Только и отличка отъ нашего брата.

— Если только на этомъ основывать отличіе, — перебилъ Джонсъ: — такъ оно постыдно. У насъ дворянинъ, по нашему джентльменъ, ландлордъ, потому считается выше другихъ, что знаетъ болѣе другихъ всякую науку, что онъ неподкупной честности, благороденъ не одною личностью своей, а дѣлами. За то и ставится правительствомъ или народомъ защищать права всѣхъ сословій, защищать слабыхъ и бѣдныхъ отъ притѣсненія сильныхъ. Онъ правая рука государя въ совѣтѣ его, мечъ противъ нарушителей правды, противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Будетъ время, и въ Россіи дворяне будутъ гордиться этимъ отличіемъ, а не тѣмъ, что имѣютъ на свое имя людей.

Рѣчь Джонса была не совсѣмъ понятна для старичка; но Дуня, привыкшая къ ломанному языку англичанина, съ жаромъ перевела ее по своему, такъ что и самый простой человѣкъ могъ ее понять. Грудь ея волновалась, глаза горѣли необыкновеннымъ огнемъ. Покончивъ свой переводъ, она съ одушевленіемъ прибавила уже отъ себя въ заключеніе:

— О Господи! пошли скорѣе это время, вложи въ сердце царя горячую мысль сдѣлать свой народъ свободнымъ. Какая слава можетъ быть выше этой?

Сергѣй Семеновичъ слегка погрозилъ Дунѣ пальцемъ.

Румяное и полное лицо Джонса такъ и сіяло удовольствіемъ. Пока она переводила его рѣчь, онъ все ударялъ ладонью по столу, будто билъ тактъ, прибавляя:

— Такъ, такъ, прекрасно, миссъ Дуня!

Но когда она перестала говорить, англичанинъ протянулъ ей черезъ столъ свою дебелую руку, въ которой скрылась ея ручка, какъ птичка въ пасти огромнаго кота, и прогремѣлъ своимъ басомъ:

— Клянусь вамъ, я желалъ бы имѣть такую дочку и гордился бы ею. Лучше того, что вы сказали, не могла бы сказать королева Викторія въ рѣчи своей парламенту.

Лицо Патокиной все болѣе и болѣе хмурилось. Разговоръ этотъ не могъ ей нравиться, потому что предметомъ его было ограниченіе чьей-либо власти, а это было противно ея натурѣ, и потому что первенство въ немъ принадлежало другому. Въ такомъ случаѣ она никого не щадила, даже тѣхъ, къ кому была истинно привязана. Видно было, что она долго удерживалась отъ вспышки, готовой разразиться надъ Джонсомъ и Дуней; наконецъ не выдержала и сказала съ гнѣвомъ:

— Охота вамъ, Джонсъ, своею неосторожною рѣчью кружить голову этой сумасбродной дѣвочки. Она и безъ васъ нахваталась разнаго вольнодумства отъ своей швейцарки...

— И отъ Владиміра Сергѣича, — прибавила Дуня.

Марѳа Михайловна пристально посмотрѣла на нее.—Почему жь не Володи?.. Ты его прежде всегда такъ называла. Что за перемѣна?

— По тону разговора, — сказала съ твердостью Дуня.

— Сынъ мой, — продолжала Марѳа Михайловна, сдѣлавшись пунцовою отъ досады:—дѣло другое; онъ знаетъ, гдѣ и что говорить; онъ уже студентъ университета. Совѣтую тебѣ молчать, когда говорятъ старшіе о такихъ порядкахъ, въ которыхъ ты знаешь столько же толку, сколько Параша (Патокина указала на четырнадцатилѣтнюю вертлявую дѣвочку, стоявшую за стуломъ старушки).

Дуня хотѣла что-то возразить, но Патокина сердито закричала на нее:

— Молчать, когда я тебѣ приказываю! Вспомни, что ты такое...

— Луковская мѣщанка, — сказала Дуня съ энергіей, побагровѣвъ отъ стыда и глотая слезы, готовыя выступить изъ глазъ. — Но развѣ мѣщанка не человѣкъ? Будто ей отказано въ смыслѣ и чувствѣ, будто ей нельзя высказаться передъ тѣми, которыхъ она привыкла любить, которые не отказывали ей до сихъ поръ въ этомъ правѣ? Мы не въ собраніи законниковъ.

— Не трожь ее, Марѳа, — сказала названная бабушка, гнѣвно посмотрѣвъ на свою невѣстку и силясь обнять дрожавшею рукою дѣвушку, невольно наклонившуюся. — Старичекъ со звѣздой не приказываетъ.

Такая защита была дѣйствительнѣе другихъ. Считалось во всемъ домѣ большимъ грѣхомъ огорчить чѣмъ-нибудь старушку.

— Напрасно, мой другъ, обижаешь Дуню, — съ неудовольствіемъ промолвилъ Сергѣй Семеновичъ, обращаясь къ женѣ. — Мы ее держимъ и любимъ, какъ родную дочь. Въ первый разъ слышу отъ тебя такой жестокій и неразумный упрекъ. Безразсудно и грѣшно! Нынче она мѣщанка, завтра можетъ быть купчихой, какъ и ты: стоитъ только заплатить гильдейскія повинности. Купецъ завтра можетъ быть... (онъ хотѣлъ сказать: мѣщанинъ, но не договорилъ). Сравнивать же ее съ Парашей ни въ чемъ нельзя. Параша все-таки служанка. Экая бѣда, что Дуня высказалась, какъ понимаетъ и чувствуетъ!

Дуня, удовлетворенная защитою своего воспитателя и бабушки, забыла тотчасъ сдѣланное ей оскорбленіе, бросилась съ жаромъ цѣловать у Патокиной руку и просила у ней прощенія, что сказала, можетъ быть, лишнее. Марѳа Михайловна сначала слегка оттолкнула ее. Видно было, что властолюбіе ея боролось съ добрымъ сердцемъ, наконецъ послѣднее побѣдило. Обезоруженная ласками Дуни, она искренно поцѣловала ее въ знакъ примиренія и сама просила у ней извиненія, что ее обидѣла; просила, чтобъ ея глупая вспышка была забыта.

— Кто противъ Бога и великаго Новгорода? — весело произнесъ Патокинъ, пожавъ съ нѣжностью у жены руку... — Ну, не сердись на насъ, душа моя, Марѳа Посадница.—(Такъ шутя онъ иногда называлъ ее).

Патокина улыбнулась.

— Шути, шути,—сказала она. — Совѣтую и тебѣ перестать пересыпать изъ пустого въ порожнее. Развѣ забылъ, что́ сдѣлалось съ отцомъ твоимъ? Взгляни-ка

на мать. Про Джонса скажутъ, онъ иностранецъ, про Дуню—малолѣтняя (по закону, прибавила она, чтобъ не оскорблять болѣе свою воспитанницу), а тебѣ можетъ и не сойти съ рукъ.

Такое сильное убѣжденіе заставило всѣхъ прикусить языкъ. Опенкинъ и безъ того, во время общаго разговора, не проронилъ слова, или отъ осторожности, или потому, что не соглашался въ душѣ съ мнѣніемъ главныхъ собесѣдниковъ. Тесть испугался не на шутку и всталъ со стула. За нимъ послѣдовала и его супруга. Она давно была нѣма, какъ рыба, и еслибъ могла, заткнула бы себѣ уши, чтобъ не слышать рѣчей, которыя принимала за богопротивную ересь. Оба поблагодарили хозяина и хозяйку за угощеніе и ласки, просили *напредки* ихъ не оставлять, сотворили опять крестныя знаменія, обратясь къ церковной главѣ, опять перецѣловались со всѣми членами общества, кромѣ Джонса, и отправились домой.

— Теперь,—сказалъ Патокинъ:—передъ отъѣздомъ хочу сказать вамъ мое послѣднее слово любви и мира, вамъ, мой добрый, честный и усердный Джонсъ, и вамъ, Елизаръ Самсонычъ. Можетъ быть, послѣ молебна, мнѣ и не удастся. О дѣлахъ мы толковали такъ много, убѣжденій остаться въ крѣпости при фабрикѣ слышалъ я также безъ числа, и не желаю болѣе ихъ слышать. Рѣшено. Во всемъ, какъ вы знаете, я уступчивъ; но на этотъ разъ не перемѣню того, на чемъ остановился. Ѣду на покой, хочу отдохнуть отъ дѣлъ, которыя заняли всю жизнь мою отъ самыхъ юныхъ лѣтъ. Я здѣсь живу посреди фабрикъ, будто посреди остроговъ, въ звукахъ паровика слышу стоны заключенныхъ; вѣчно стукъ ударяетъ мнѣ въ уши, дышу однимъ дымомъ. Въ глазахъ рябятъ безпрестанно числа, бумажныя нити. Это хоть кого измучитъ. Наконецъ и самъ сдѣлаешься какою-то маши-

ной. Здоровье мое портится, духомъ падаю, хочу обновить то и другое деревенскою жизнью, хочу подышать свѣжимъ воздухомъ, заняться полевыми работами, садоводствомъ. Это было всегда моею любимою мечтою. Я родился не фабрикантомъ, а фермеромъ и развѣ садоводомъ. Оставляю фабрику и торговыя дѣла на хорошихъ рукахъ.

— Хотя и жаль намъ разстаться съ вами, Сергѣй Семенычъ, — проговорилъ Опенкинъ глубоко тронутымъ голосомъ и прижавъ новый картузъ къ своему сердцу: — но ваше здоровье для насъ такъ дорого... мы готовы для сохраненія его удесятерить наши труды.

— Мои убѣжденія были напрасны, — сказалъ Джонсъ. — Вы хозяинъ въ своихъ поступкахъ. И потому мнѣ осталось только пожелать, чтобы Господь хранилъ васъ съ семействомъ на всѣхъ путяхъ вашихъ. Объ одномъ прошу: навѣщать насъ почаще для повѣрки нашихъ дѣйствій.

— Буду, буду пріѣзжать. Въ случаѣ экстренной надобности посылайте за мной нарочнаго; я сейчасъ прискачу. Двадцать верстъ какъ рукой подать. Теперь объ одномъ прошу васъ, продолжайте дѣйствовать, какъ вы дѣйствовали при мнѣ. Обнимите меня на прощанье, братъ и другъ мой Джонсъ.

Джонсъ смутился; на глаза его набѣжали слезы.

— Живите мирно, каждый занимайся своею частью и оба помогайте другъ другу. Тебѣ, Елизаръ Самсонычъ, особенно поручаю рабочихъ. Ради Бога, въ разсчетахъ съ ними не дѣлай тѣхъ гнусныхъ продѣлокъ, которыя, къ стыду нашему, водятся у нѣкоторыхъ нашихъ фабрикантовъ. Пускай пропадаютъ мои интересы; хочу только, чтобы соблюдались интересы бѣднаго человѣка. Тебѣ особенно Елизаръ Самсонычъ, наказываю это, потому что у тебя — извини меня —

сердце жестоконько. Опять скажу, ты стараешься соблюдать мои выгоды, поступаешь по правиламъ фабричнымъ... Ну ихъ, эту строгость, эти правила! Говорю тебѣ, они противны мнѣ. Помни болѣе всего, что фабричные — твои ближніе, что трудъ ихъ тяжелъ. Посмотри на ихъ испитыя лица, на ихъ вдавленныя груди. Многіе ли изъ нихъ умираютъ не отъ чахотки?

Джонсъ обѣщалъ молчать и угрюмо молчалъ, тѣмъ болѣе, что половина дѣла была сдѣлана рѣчью самого Патокина.

Гнѣвный голосъ *бабушки* покрылъ послѣднія слова Патокина.

— Накажи строже, Сергѣй,—говорила она, выпрямившись и грозя дрожащею, изсохшей рукой на Опенкина:—накажи строже. Онъ больно обижаетъ бѣдныхъ рабочихъ. Убьетъ его Богъ! Не придетъ старичекъ со звѣздою спасти его.

Сергѣй Семеновичъ смутился.

— Слышите ли, Елизаръ Самсонычъ, что говоритъ матушка?—грустно произнесъ онъ.—Болѣе къ словамъ ея ничего не прибавлю. Помните ихъ. Эхъ! я не съ такими чувствами думалъ выѣхать изъ Луковокъ. Вы испортили нѣсколько дней моей жизни.

— Патокинъ посмотрѣлъ на мать свою — она уже погружена была въ свою прежнюю летаргію; онъ взглянулъ на Опенкина — лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго и страшно подергивало. Сергѣю Семеновичу стало жаль его; онъ хотѣлъ бы разстаться безъ неудовольствія со всѣми, кого считалъ своими близкими людьми. Обратясь къ главному приказчику, онъ сказалъ ему болѣе ласковымъ голосомъ:

— Можетъ быть, матушка... Я хочу забыть слова ея, какъ будто ихъ не слыхалъ. Помню вашу службу отцу моему, ваши большія и большія услуги мнѣ самому, помню, что у васъ есть сынъ, котораго имя

надо поберечь... онъ уже чиновникъ... Но, — прибавилъ Сергѣй Семеновичъ: — если рабочіе когда-нибудь на васъ пожалуются, несмотря ни на что... мы съ вами разстанемся.

Слуга доложилъ, что священникъ и церковники пришли служить молебенъ.

— Кстати, — сказалъ Сергѣй Семеновичъ: — помолимся о мирѣ душъ нашихъ и о прощеніи всѣхъ, насъ обидѣвшихъ, и протянулъ свою руку Опенкину, которую тотъ едва не поцѣловалъ.

Затѣмъ все общество отправилось въ домъ.

Подлѣ террасы стоялъ старикъ въ синемъ армякѣ, подпоясанномъ краснымъ шерстянымъ кушакомъ; голый черепъ его сіялъ подъ солнечными лучами, глаза безъ рѣсницъ, окруженные двумя кровяными чертами, подслѣповато смотрѣли. Онъ схватилъ руку Патокина и силился поцѣловать ее; руки не дали, а крѣпко обняли старика.

— А, Матвѣй!—сказалъ Сергѣй Семеновичъ: — не думай, чтобы я тебя забылъ: я не уѣхалъ бы, не простившись съ тобой. Ты былъ слуга вѣрный отцу моему и мнѣ. Мы всѣ вмѣстѣ выростили этотъ садъ, работали въ немъ, холили его. Оставлю его во всей красотѣ, какъ былъ онъ при батюшкѣ. Жаль мнѣ разстаться съ нимъ. Знаю, пока ты живъ, будешь радѣть о немъ, какъ объ родномъ дѣтищѣ. Хотѣлъ бы взять тебя съ собою, но...

— Нѣтъ, батюшка, — перебилъ его старикъ: — я былъ молодъ, когда мы разводили этотъ садъ, теперь я старъ, немного осталось мнѣ пожить... Хочу и умереть при немъ... Велите только на моей могилѣ посадить яблонку, что возлѣ моей избушки; батюшка вашъ, дай Богъ ему царствіе небесное! больно любилъ ее... на ней словно райскія яблочки растутъ... подъ нею веселѣе мнѣ будетъ лежать.

— Не забуду, старикъ. Богъ дастъ, еще поживешь годы. А чтобъ тебѣ было при жизни хорошо, я велѣлъ Опенкину доходы съ сада всѣ тебѣ отдавать.

— Эхъ, батюшка, куда мнѣ такое богатство? Я и безъ того доволенъ милостью вашею. Много-ли мнѣ надо? А у меня и родные только что вы. Прикажите-ка лучше денежки эти отсылать къ сынку вашему Владиміру Сергѣичу... на леденецъ или на пряники годятся... Чай, ему, голубчику, нечѣмъ полакомиться, когда захочетъ—не у родной матушки живетъ.

Патокинъ засмѣялся.—У него на лакомство довольно денегъ отъ меня,—сказалъ онъ

— Не поперечьте, батюшка, Сергѣй Семенычъ, потѣшьте старика. На то моя добрая воля.

Патокинъ на прощаніи обнялъ еще старика.

— Прощай, Матвѣй,—сказала ласковымъ голосомъ Патокина, протянувъ ему руку.

— Позвольте и вашу ручку, барышня ненаглядная моя,—пробормоталъ старикъ Дунѣ, когда она съ нимъ поравнялась.—Не забудьте, какъ я училъ васъ прививать: помните, глазкомъ лучше. Да не помяните меня лихомъ, что подчасъ васъ журилъ Правда, доставалось и мнѣ за васъ отъ братца вашего Владиміра Сергѣича. Такъ, бывало, и налетитъ на меня ястребкомъ. Я вамъ, при оказіи, и прививочекъ, отъ лучшихъ яблонь пришлю—первый сортъ.

— Не забуду, не забуду, Матвѣй Яковличъ,—сказала Дуня, поцѣловавъ старика:—какъ прививать стану, всегда вспомню о своемъ учителѣ А что журилъ, такъ мнѣ впрокъ пошло.

Когда всѣ удалились, Матвѣй долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая отъѣзжающихъ глазами, которые уже плохо видѣли, и бормоча всѣмъ имъ благословеніе, котораго они не могли слышать.

Отслужили напутственный молебенъ. Семейство

Патокина, собравшись въ дорогу, присѣли на диваны и кресла, накрытые бѣлыми чахлами, въ знакъ печальнаго опустѣнія дома, когда пришли доложить, что голова съ обществомъ проситъ проститься съ Сергѣемъ Семеновичемъ. Приняли ихъ.

Всѣ чины городского общества, войдя въ пріемную комнату, пыхтѣли и отдувались, какъ будто совершили тяжелый подвигъ, обгладили разнокалиберныя свои бороды, расчесали ихъ своею пятернею, словно прядки льну, и стали полукругомъ по старшинству должностей и гильдій—впереди ихъ голова, дюжій старикъ, отличавшійся широкою бородою въ видѣ лопаты и гуменцемъ, остриженнымъ подъ гребенку. Между ними были только два либерала съ оголенною личностію. При входѣ ихъ понесло прогорклымъ коровьимъ масломъ, котораго они не пощадили на свою прическу. У тѣхъ, которые были въ русскихъ кафтанахъ съ золотымъ шитьемъ, означающимъ ихъ классы, мотался на боку кортикъ, и только у двухъ либераловъ при куртузыхъ мундирахъ—шпага; они не знали, какъ съ нею сладить: то болталась она у нихъ между колѣнъ, то зацѣпляла сосѣда. Подлѣ головы стоялъ ассистентъ, держа на блюдѣ коровай чернаго хлѣба и на немъ серебряную солонку съ солью. У входныхъ дверей, при рогожномъ кулькѣ, изъ котораго выглядывала сахарная голова, вытянулись въ струнку два молодца, какъ стража, охраняющая сокровище. Когда вошелъ къ нимъ Патокинъ, всѣ низко поклонились, отряхнули головы и снова погладили свои бороды. Голова принялъ изъ рукъ своего ассистента блюдо, поднесъ его Сергѣю Семеновичу, указалъ на кулекъ и промолвилъ:

— Прошу принять хлѣбъ-соль отъ усердія нашего на здоровье и на добрый путь.

— Напрасно безпокоились, — отвѣчалъ Патокинъ, обмѣнявшись рукопожатіемъ съ головой и поклонив-

шись на три стороны всему обществу. — Я ужь теперь человѣкъ частный.

— Мы не скоты какіе неблагодарные, — перебилъ голова: — сколько лѣтъ родитель вашъ, дай Богъ ему царствіе небесное, былъ у насъ головой, да и вы лѣтъ двѣнадцать правили эту должность: стараго и малаго не обидѣли перстомъ, учили насъ, дураковъ, уму-разуму, стояли за наши интересы горой, знали всякое обхожденіе съ большими чинами, умѣли и принять, и угостить, и замолвить за насъ доброе слово, да и грамотой не обижены, не то что мы, грѣшные. Вотъ хоть бы я теперь, словно новорожденный младенецъ, ни къ ставцу сѣсть, ни ко рту подместь.

— Благодарю васъ, господа; я исполнялъ только долгъ мой. Поучитесь маленько, справитесь, лишь бы усердіе было.

— Что и въ усердіи, коли нѣтъ умѣнья. Какъ ни бейся лбомъ объ стѣну, все-таки не прошибешь.

— А что, побывали въ губернскомъ городѣ, властямъ поклонились?—спросилъ Патокинъ.

— Охъ, батюшка, вымучили тамъ душку по разнымъ мытарствамъ. Вспомнилъ я холерный годъ, какъ нанимали за себя въ карантинѣ сидѣть. Числится по спискамъ — сидитъ, къ примѣру сказать, купецъ 2-й гильдіи Прохоръ Парамоновъ, а на лицо крестьянинъ какой-нибудь Антонъ Сидоровъ—право слово. Кабы можно было на эвтотъ манеръ нанять кого съѣздить въ губерню, ей-ей не пожалѣлъ бы двухъ тысячъ: гуляй на мой коштъ, сколько душѣ угодно.

Патокинъ засмѣялся, засмѣялись за нимъ и всѣ члены общества.

— Были у начальника губерніи?—спросилъ Сергѣй Семеновичъ.

— Какъ же, сударь, съ него началъ, на то и главный начальникъ. Скажу вамъ, такой добродѣющій и

ласковый, да и собой ражій — мое почтенье, первый сортъ. Изволилъ посадить противъ себя въ кресла, а тутъ стоитъ офицеръ съ густыми аполетами, да съ ножки на ножку переминаетъ. Сталъ его превосходительство разспрашивать про думскія дѣла и городскія: сколько дѣлъ нерѣшенныхъ, сколько входящихъ не заслушано, сколько исходящихъ въ теченіе года. Разумѣется, человѣкъ небывалый, я и сталъ втупикъ. Да и господинъ такой важный, сидитъ передъ тобой, ошибешься, такъ пожалуй въ сибирку засадятъ. Думаю, скажу спроста всю правду, будь что будетъ—не сниметъ же головы. Про то секретарь знаетъ, говорю я: мы за эвто ему и жалованье платимъ. Усмѣхнулся только; потомъ сказалъ:— «правда, вы человѣкъ новый. Накажите вашему секретарю, чтобы исправнѣе статистическія свѣдѣнія доставлялъ. А то въ прошломъ году, въ одномъ городѣ, въ графѣ рогатаго скота, поставили козла, да двухъ козленковъ, а козы нѣтъ. Стали перебирать прежнія вѣдомости, и тамъ козы не оказалось. Откуда-жь взялись козлята? сами посудите. Стыдно, получаешь за васъ замѣчанія. Да вотъ, какъ станете о народномъ здравіи доносить... Что бишь въ нашемъ проэктѣ объ этомъ написано?»—спросилъ онъ тутъ, оборотившись къ дѣтинѣ, что сидѣлъ неподалеку за столомъ и строчилъ бумагу. Говорятъ, присланъ изъ Питера. Молодехонекъ, а слышно, правда ли, въ генералы наровитъ.—По нашему проэкту,—отвѣчалъ онъ, не вставая:—чтобъ узнать крѣпость и силу жителей города или села, надо взять трехъ человѣкъ: одного худощаваго, другого потолще, а третьяго самаго толстаго, да поставить ихъ всѣхъ на вѣсы; сколько вѣсу будетъ въ нихъ, раздѣлить на три, и тогда можно будетъ знать, сколько крѣпости въ народѣ.

«— Затвердилъ я въ головѣ эвти слова, да пере-

бираю по пальцамъ, да и говорю губернатору: смекаю, ваше превосходительство, неладно будетъ.

«— Какъ не ладно?—вскричалъ онъ.

«Не оробѣлъ я и говорю: — а коли поставить на вѣсы мужика въ водянкѣ, всѣхъ перетянетъ; какая-жь тутъ крѣпость? того и гляди на тотъ свѣтъ уйдетъ.

«— Свѣтлая голова! — молвилъ онъ, и погладилъ меня рукой по головѣ: отъ ручки такъ розаномъ и понесло.

«— Сорока лѣтъ началъ уже сѣдѣть, ваше превосходительство, отвѣчалъ я.

«— А то неравно,—молвилъ онъ: — и тамъ найдется *такой*, пожалуй осмѣетъ насъ

«— Вижу, будущій генералъ (голова лукаво подмигнулъ глазомъ) крѣпко смутился и косо посмотрѣлъ на меня.

«— Не хотите ли познакомиться съ моей женой?— спросилъ меня губернаторъ.

«— Много милости, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я.

«— Проводите его къ женѣ,—сказалъ онъ офицеру съ густыми аполетами.

«— Пришелъ я къ начальницѣ губерніи, удостоился приложиться къ ручкѣ. Принесли въ скорости большую книгу въ бархатномъ окладѣ, словно какая церковная; не угодно ли, дескать, подписаться на сиротъ, сколько душѣ въ мѣру. Жертвую молъ, ваше превосходительство, пять сотъ рублевъ. Подали золотую чернильницу, да сунули мнѣ перо въ руки. Сѣлъ я на стулъ вѣ родѣ скамеечки—того и гляди упадешь съ нея—сталъ выводить каракулькамн свою должность, имя и фамилію... А тутъ, на мою голову, случись этакая оказія, право слово! Взберись за мною сынокъ губернаторскій, лѣтъ десяти, чай, будетъ, шустрый такой! да изъ-за плеча моего читаетъ по складамъ, что я пишу, и за-

смѣйся.—«Что это вы пишете? говоритъ: лу-каѳ-ской—гратской га-ла-ва Сидоръ Агурчиковъ. Надо писать го-ло-ва градскій съ добромъ, отъ города, града, а не съ твердомъ; Огурчиковъ, а не Агурчиковъ. Больно смутился я и оробѣлъ; инда руки затряслись, потъ градомъ прошибъ. Кабы мальчуганъ изъ своихъ купеческихъ или мѣщанскихъ, выдралъ бы ему порядкомъ вихоръ, долго помнить бы сталъ: не смѣйся щенокъ надъ стариками. А тутъ спасовалъ. Хотѣлъ было засыпать написанное пескомъ, да и хвать второпяхъ чернильницу вмѣсто песочницы: такую лужу напустилъ на книгу, что ахти мнѣ! Ничего, матушка, ваше превосходительство, говорю я, переводя духъ, дѣло поправимъ. За свою ошибку жертвую еще пятьсотъ рублевъ. На эти деньги можно, чай, новую книгу завести?»

— Прекрасно поправились,—сказалъ Патокинъ.

— Да такъ ходко, инда пригласить изволили къ столу своему откушать. Опять вспомнилъ я холерный годъ. А дѣлать было нечего, поѣхалъ. Не хотѣлъ ѣсть, поневолѣ ѣшь, потчуетъ усердно *сама*. А мальчуганъ губернаторскій такъ и смотритъ на меня ястребкомъ, словно налетѣть хочетъ, да вырвать кусокъ изо рта. Подали какія-то колючки, прахъ ихъ возьми! я и проглоти, чуть не подавился. Вижу, смѣются старшіе изподтишка, а пострѣленокъ такъ и прыснулъ, инда мать крѣпко пожурила, да изъ-за стола выгнала.

— И по другимъ властямъ прошлись?—спросилъ, усмѣхаясь, Патокинъ

Голова махнулъ рукой.

— Пошелъ тутъ ступеньки считать, даже въ глазахъ помутилось; то припадалъ къ казеннымъ, то къ уголовнымъ и гражданскимъ, то къ управителю губернаторской канцеляріи, къ дворецкому, къ барской барынѣ... Подарилъ ей-таки платочекъ, рубликовъ де-

сятка въ два. — Сувениръ отъ васъ, говоритъ: прахъ ее возьми, что за сувениръ! Кажись, торгуемъ всякими модными матеріями и платочками, есть у насъ и зонтики антуковые, а эвтого сорта не слыхалъ. Распоясывалъ бумажникъ, распоясывалъ, да и утомился. Домой пріѣхалъ—сплю, а все во снѣ хватаюсь за бумажникъ. Распоясывай, шепчетъ мнѣ лукавый. Хотѣлъ было забастовать на платочкѣ барской барыни, анъ говорятъ: надо къ дьячку знаменскому. — Зачѣмъ же къ дьячку, спрашиваю, отчитывать что-ли меня отъ вашихъ дьявольскихъ навожденій? Затѣмъ, говорятъ, скоро наборъ рекрутскій, привезутъ въ рекрута твоихъ мѣщанъ, а черезъ него всѣ дѣла по эвтой оказіи дѣлаются; надо заранѣе съ нимъ познакомиться. Пожалуй, и такъ: люди бывалые говорятъ, добра желаютъ. Мы словно слѣпцы: идемъ, куда ведетъ клюкой вожатый.

— Вотъ до какихъ тонкостей дошли, — перебилъ Патокинъ простодушнаго на видъ голову, и самъ пустился на откровенность.— Правда, знавалъ я ничтожнаго лекаришку; не имѣлъ практики, а занимался маклерствомъ своего рода. Дѣлалъ таки дѣла по одному вѣдомству, въ которомъ и не служилъ. Я самъ по порученію моего пріятеля, вручилъ ему большую сумму. А покрупнѣе люди, которые порѣшали это дѣло, сидѣли за ширмами, чуть ли не святые, и грозно преслѣдовали взяточничество въ мелкихъ чиновникахъ. Боже сохрани подступиться къ нимъ съ приносомъ: сейчасъ облаютъ, да еще потащутъ къ отвѣту, пожалуй, и въ тюрьму засадятъ. Но объ дьячкахъ до сихъ поръ не слыхалъ.

— Чтожъ дѣлать, сударь, побывалъ и у дьячка. Обѣщалъ свою руку. Посылали еще къ деньщику горнизоннаго офицера, у котораго рекруты на испытаніи. Ну, прахъ ихъ возьми! не пошелъ.

Стоявшій подлѣ головы ассистентъ, членъ думы,

смекнулъ, что начальникъ ихъ заговаривается, и дернулъ его за кафтанъ.

— Экой я пустомеля, заболтался, — да и забылъ вамъ сказать: — его превосходительство, губернаторъ приказалъ передать вамъ свой сердечный поклонъ. Такъ и сказалъ: передайте Сергѣю Семенычу мой сердечный поклонъ. Когда, дескать, поѣду въ вашъ городъ, заѣду къ нему непремѣнно въ деревню. Ужь не обойдите насъ, Луковцевъ, добрымъ словомъ своимъ.

Тутъ голова поклонился, за нимъ отвѣсили по поклону всѣ члены городскаго общества.

— Прошу васъ, господа,— сказалъ Патокинъ:—на случай пріѣзда губернатора въ Луковки или какой другой особы изъ губернскихъ властей или военнаго генерала, по прежнему назначать имъ квартиру въ моемъ домѣ. Располагайте имъ, какъ своимъ собственнымъ, общественнымъ. Опенкину прикажу, чтобы и угощеніе было на мой счетъ. Очень радъ буду и въ разлукѣ съ вами быть вамъ полезнымъ.

Опять поклонился голова и опять по этому флигельману отвѣсили поклоны члены городскаго общества.

Патокинъ раскланялся и отпустилъ было городское общество; но голова, не дошедши до дверей, воротился.

— Есть у меня комиссія отъ жены моей, хоть не къ вамъ, Сергѣй Семенычъ, а къ вашей питомкѣ, нашей гражданкѣ—слышно, ее зовутъ «изумрудный крестикъ». Вотъ видите, сударь, какое дѣло: захворалъ было у насъ мальчуганъ, лѣтъ пяти; жаба что ли, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, захватила у него горлышко; ни пить, ни ѣсть не можетъ Въ мальчикѣ души не чаетъ мать, пригожій такой, да разумный. Хотѣлъ было я посылать за дохтуромъ, а жена говоритъ: не посылай, уморимъ; пошли лучше мамку къ питомкѣ Патокина, — говорятъ, даетъ зер-

нышки отъ всякой болѣсти, а можетъ и крестикъ, что на ней, посылаетъ исцѣленія. Отправили мамку: голубушка сама пришла къ намъ въ такую погоду, что и собаки не вызовешь изъ конуры, дождикъ такъ и слѣпилъ глаза. Посмотрѣла у мальчугана горлышко, приложила тряпочку съ мыльцемъ, да теплой кашицей съ масломъ велѣла прикладывать, да зернышковъ дала. Какъ рукой болѣсть сняла. И питье, и ѣда пошли въ потребу — бѣгаетъ ужь съ братишками. Приказала мать низко, низко поклониться вашей питомкѣ; будетъ, дескать, денно и нощно за нее молиться.

— Дуня, — крикнулъ Патокинъ, отворивъ дверь въ сосѣднюю комнату: — поди сюда, порадуйся.

Вошла Дуня, возобновились благодарности. Она искренно порадовалась и сказала, — что благодарить надо не ее, а Божью благодать.

Наконецъ, Патокинъ разстался и съ головой. Вздохнувъ свободнѣе, онъ съ своими домашними вышелъ на дворъ, гдѣ ожидала его толпа фабричныхъ. Сказана имъ приличная рѣчь, которая и увѣнчалась болѣе краснорѣчивымъ заключеніемъ — сѣренькимъ кредитнымъ билетомъ на водку.

Экипажи различнаго вида и величины стояли ужь у крыльца; битюги отъ нетерпѣнія ржали и рыли землю. Сергѣй Семеновичъ еще разъ обнялъ Джонса, потомъ осмотрѣлся кругомъ, какъ будто боясь встрѣтить взглядъ матери, смутился... Видно было, что онъ былъ въ какой-то нерѣшительности. Наконецъ, онъ обнялъ и Опенкина. Всѣ размѣстились въ экипажахъ по мѣстамъ. Дуня еще разъ протянула руку Джонсу.

— Рѣдкая дѣвушка, — сказалъ про себя англичанинъ, провожая ее глазами. — Кабы не лѣта мои!... Безумный, тебѣ ль объ этомъ помышлять. (Тутъ онъ сжалъ рукою грудь и грустно, грустно покачалъ головой). Дай Богъ ей счастія. Добрый, благородный

человѣкъ и воспитатель ея, — прибавилъ онъ, немного погодя: — но слабость характера его погубитъ.

Джонсъ оставался на чужбинѣ совершенно одинокій, имѣя возлѣ себя неразлучнаго товарища, къ которому сердце его лежало. Доброе расположеніе Патокина, дружеское, ласковое слово Дуни услаждали его одиночество. Всего этотъ Джонсъ лишился. Тяжело шелъ онъ на свою пустынную квартиру, но вдругъ встрепенулся, вспомнивъ, что у него хранятся деньги, назначенныя на помощь семейству умершаго фабричнаго, и ускорилъ свои шаги по направленію къ избушкѣ, гдѣ жила несчастная вдова и сироты Мысль о добромъ дѣлѣ облегчила нѣсколько его грусть.

Опенкинъ шелъ въ то же время домой торжествующій, довольный, что избавился отъ непосредственной опеки хозяина, хотя слабой и близорукой, но все-таки опеки, а пуще всего диспотизма его супруги, надъ нимъ тяготѣвшаго. Только бы сжить несноснаго англичанина, а тамъ заря богатства и почета могла бы встать и для него изъ за грубой, дырявой занавѣски, подъ которою онъ долженъ былъ еще скрываться. Онъ точно охмѣлѣлъ отъ своей свободы. Въ пароксизмѣ веселья, мизерный человѣчекъ мурлыкалъ пѣсенку, сочиненную подъ пьяную руку его тестемъ, подъячимъ, на счетъ того, кого Опенкинъ называлъ своимъ благодѣтелемъ.

«Сѣлъ онъ въ салазки:
Гора высока,
Дорога скользка,
Слетитъ безъ подмазки».

— Мнѣ-то что за дѣло!—прибавилъ онъ вслухъ.— Вольному воля, говаривалъ покойный король. Пошли бы и *тѣ* туда же!... Но, видя, что прохожіе смотрятъ на него съ усмѣшкой, замолкъ, будто испугавшись

своего удальства, перекрестилъ ротъ и, вздыхая произнесъ вслухъ: — Господи прости мои прегрѣшенія.

Пока Патокинъ съ домашними своими ѣдетъ въ деревню, разскажемъ исторію всѣхъ членовъ его семейства. Мы должны начать издалека. Прошу терпѣнія у моихъ читателей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отецъ Сергѣя Семеновича, Семенъ Прохоровичъ Патокинъ-король, былъ человѣкъ мало образованный. Онъ носилъ бороду не потому, однакожъ, что считалъ ее священною, какъ магометанинъ хвостъ у знамени пророка, и что снять ее было для него тяжелымъ, неискупимымъ грѣхомъ, а потому, что съ молодыхъ лѣтъ, по приказанію отца, нѣсколько державшагося раскола, носилъ ее и попривыкъ къ ней. Щедрые дары природы — бойкій, свѣтлый умъ и необыкновенная энергія — вознаграждали его за недостатокъ образованія Семенъ Прохоровичъ былъ нѣсколько грубъ въ обращеніи и рѣзокъ на словахъ, несмотря ни на какую личность, къ которой или о которой относился; онъ не тратилъ по-пусту словъ, да и не любилъ, чтобы другіе употребляли съ нимъ многорѣчіе. — «Добра и правды въ томъ нѣтъ, говаривалъ онъ, кто разсыпается мелкимъ бѣсомъ». Сказалъ слово, какъ ножомъ отрѣзалъ. Никакое вліяніе, ни даже собственныя выгоды, не могли заставить его перемѣнить это слово.

Англичане, съ которыми онъ велъ торговлю саломъ, пенькою и хлѣбомъ, принимали отъ него товаръ на вѣру, и не было случая, въ долголѣтнихъ его сношеніяхъ съ ними, чтобъ они были обмануты въ добротѣ и вѣсѣ товара, а кто не знаетъ, какъ это рѣдко

бываетъ съ нашими торговцами. Обыкновенно, вы играв довѣренность покупщика, они стараются порядкомъ надуть его. Такой негоціантъ, какъ Патокинъ, говорили англичане, сдѣлалъ бы честь нашему отечеству. Казалось бы, по необыкновенной твердости его характера, этотъ человѣкъ былъ выкованъ весь изъ желѣза, но подъ этою наружною броней билось сердце, готовое на всякое добро и помощь ближнему. Исполняя слишкомъ десять лѣтъ должность головы въ Луковкахъ, онъ болѣе всего заботился о пользахъ сиротъ и обижаемыхъ по рекрутскимъ наборамъ. Трудно было неправдѣ бороться съ нимъ. Подъячіе разныхъ степеней, и малые, и большіе, еслибъ и хотѣли съ нимъ потягаться, знали, что Семенъ Прохоровичъ упрямъ и не пожалѣетъ ничего, чтобы поставить на своемъ. Не только что въ губернскій городъ, пожалуй, заткнувъ за пазуху свой толстый инвалидный бумажникъ, махнетъ и въ Питеръ, въ какую бы то ни было погоду. А въ Питерѣ, какъ знали всѣ, были у него благопріятели, важные люди, которые любили и жаловали его не только за богатство, но и за здравый умъ и опытность по дѣламъ внутренней и внѣшней торговли. Не разъ приглашаемъ онъ былъ высокими административными лицами на совѣщаніе по этимъ дѣламъ и не разъ принимались его мнѣнія, несмотря на шероховатость и рѣзкость его рѣчи, которыя не простили бы другому. Напротивъ, этимъ важнымъ лицамъ, привыкшимъ къ лести, безпрестанному поддакиванію и раболѣпному исполненію ихъ воли, нравилась грубая истина, высказанная простымъ *сыномъ природы*, какъ называли Патокина. Такъ удивительно ли, что не только въ ничтожныхъ Луковкахъ, но и въ губернскомъ городѣ гладили его по головкѣ и прощали ему смѣлыя выходки. Иной разъ онъ такъ смѣло выражался о разныхъ важныхъ пред-

метахъ и лицахъ, что у трусливаго человѣка, слушавшаго его, волосы дыбомъ становились. Но въ одинъ неблагополучный часъ (это случилось въ концѣ прошлаго столѣтія) неосторожная рѣчь его, сказанная при подозрительномъ лицѣ и переданная съ сильнымъ придаткомъ клеветы, едва совсѣмъ не погубила его. Спасли его только покровительство сильныхъ людей и счастливый часъ. Кончилась бѣда тѣмъ, что ему велѣно было держать языкъ за зубами. Между тѣмъ этотъ несчастный случай оставилъ глубокіе и печальные слѣды въ его семействѣ.

Долго еще послѣ того, какъ пронеслась эта громовая туча, когда сынъ его былъ ужь молодымъ человѣкомъ, проѣзжая съ нимъ по Лубянской площади въ Москвѣ, Семенъ Прохоровичъ указалъ ему на небольшой каменный домъ, расположенный внутри двора и теперь еще существующій подъ №..

— А помнишь, Сергѣй, этотъ домъ? — спросилъ старикъ сына.

— Нѣтъ, батюшка, — отвѣчалъ Сергѣй Семеновичъ.

— Припамятуешь, коли скажу тебѣ, какъ въ одну темную ночь—тебѣ было тогда лѣтъ восемь—провели тебя съ матерью съ задняго крыльца, по истертымъ каменнымъ ступенямъ узкой лѣстницы и ввели въ маленькую комнату. Помнишь? въ ней стоялъ старичекъ со звѣздою; онъ отворилъ дверку въ другую комнату.

— Батюшка, съ того времени...—могъ только проговорить Сергѣй Семеновичъ и, закрывъ глаза рукою, чтобы прохожіе не видали его слезъ, зарыдалъ.

— Да, съ того времени,—сказалъ старикъ, придавивъ кулакомъ слезу, которая прошибла эту желѣзную натуру. — Мать твоя была тогда молода, пригожа, мы жили съ ней въ любви и согласіи, утѣшались тобою...

Отецъ-Патокинъ махнулъ рукой... и немного погодя продолжалъ: — Старичекъ со звѣздою впустилъ меня въ комнату, гдѣ вы меня ждали...

— Я не узналъ бы васъ, — сказалъ сынъ: — такъ вы перемѣнились въ нѣсколько дней.

— Да, горе, и такое, какое пало на мою голову, не краситъ. Крѣпокъ я, знаю, что крѣпокъ, а посѣдѣлъ въ одну недѣлю.

— Помню, вы бросились обнимать мать мою, цѣловали меня... матушка повисла у васъ на шеѣ... вы крѣпко, крѣпко, по нѣскольку разъ принимались насъ цѣловать... лицо мое было мокро отъ вашихъ слезъ... Зазвенѣлъ колокольчикъ на дворѣ... «Прощайте, мои милые, мои дорогіе, — сказали вы: — не убивайтесь... Богъ милостивъ, скоро увидимся»... Тутъ какіе-то люди растащили насъ... матушка вскрикнула: «возьми насъ съ собою»! и грянулась о полъ... Я бросился къ ней, ломалъ себѣ руки... Пришла какая-то почтенная дама, терла ей виски, давала нюхать спиртъ, обливала водой... Матушка очнулась... явился старичекъ со звѣздой, блѣдный, дрожащій; его словно била лихорадка — сталъ уговаривать матушку, ручался честью, головой своей, что вы возвратитесь, что онъ станетъ хлопотать за васъ, потому что вы невинны.. Но съ этого времени..

Сергѣй Семеновичъ не могъ болѣе говорить.

— Вотъ замѣть, — сказалъ Патокинъ-отецъ: — въ этомъ невзрачномъ домикѣ было это прощанье... А знаешь ли, старичекъ со звѣздой могъ бы дорого поплатиться, что допустилъ это свиданіе. Онъ сдержалъ свое слово и горячо хлопоталъ за меня... Онъ мой спаситель; имя его вырѣзано на доскѣ, на которой писанъ Михаилъ Архангелъ. Оттого мы свято чтимъ день великаго архистратига небесныхъ силъ.

Оба замолчали и погрузились въ глубину экипажа. Дѣйствительно, Семенъ Прохоровичъ былъ скоро возвращенъ, клеветникъ наказанъ... Но со времени рокового прощанія, съ женою его сдѣлались сильные нервическіе припадки. Голова ея начала трястись, мутные глаза часто останавливались на одномъ предметѣ: она помѣшалась на старичкѣ со звѣздой. Когда упоминали при ней о какомъ-нибудь дурномъ человѣкѣ, она обыкновенно говорила: «Богъ его убьетъ; не придетъ старичекъ со звѣздой спасти его». Разсказывали о добромъ человѣкѣ, котораго постигло несчастіе, она не упускала прибавлять: «Молите Бога, чтобъ старичекъ со звѣздой пришелъ къ нему на помощь». Мужа и сына любила она по прежнему, слушала ихъ во всемъ, ласкала какъ дитя, и вдругъ вся тряслась — бросалась къ нимъ на шею, хваталась за ихъ одежду, и до тѣхъ поръ не выпускала, пока не успокоивалась. Когда умеръ Семенъ Прохоровичъ, только въ припадкѣ ея болѣзни могли оторвать ее отъ гроба. Дуню, неразлучную ея подругу, посвятившую себя попеченіямъ о ней, любила она, какъ родную внучку, приголубливала ее,—говорила, что старичекъ со звѣздой прислалъ къ ней ангела въ видѣ дѣвушки, чтобы за нею ухаживать. Вообще она всѣхъ кругомъ себя любила, кромѣ Опенкина, къ которому чувствовала отвращеніе, и не скрывала этого. При звукѣ колокольчика съ нею дѣлались обычные ея болѣзненные припадки. Оттого строжайше запрещено было въѣзжать съ нимъ на дворъ, да и комната отведена ей была въ садъ, такъ что она не могла слышать этихъ звуковъ съ улицы. Въ темныя ночи она особенно чего-то боялась, и потому нѣсколько лампадъ горѣли передъ иконами, у ея изголовья. Приходили и къ ней свѣтлыя минуты отъ радостной вѣсти о сынѣ, отъ нѣжныхъ ласкъ Дуни, отъ луча солнечнаго, играющаго на ясномъ небѣ, отъ какой-нибудь

бездѣлицы. Иногда ничего не слышала и не понимала, что говорили; иногда, поймавъ слухомъ одно значительное слово изъ цѣлой рѣчи, здраво составляла по немъ въ умѣ своемъ цѣлую рѣчь. Обыкновенно была она погружена въ летаргію, изъ которой выходила по какому-нибудь особенному случаю, когда, по ея словамъ, посѣщалъ ее старичекъ со звѣздой. Въ день Михаила Архангела Патокина-мать одѣвалась въ лучшее свое платье и жарко молилась за своего старичка.

Нить нашего разсказа прервалась было на эпизодѣ о несчастіи въ семействѣ Патокиныхъ. Свяжемъ ее снова.

Семенъ Прохоровичъ, ѣздивъ по торговымъ дѣламъ своимъ на собственномъ «суденышкѣ» въ Англію, и наглядѣвшись на тамошній людъ, смекнулъ здоровымъ умомъ, что наука не только не мѣшаетъ наживать деньгу, но еще находитъ для тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться ею, новые источники богатства, недоступные для невѣжества, и потому порѣшилъ отдати единственнаго сына своего, Сергѣя, въ науку Онъ, однакожъ, не отдалъ его, какъ дѣлали и дѣлаютъ донынѣ купцы, въ ученіе какому-нибудь дьячку, гдѣ мальчикъ могъ бы только зазубрить часословъ и пройти цыфирную азбуку. Нѣтъ, по рекомендаціи одной иностранной конторы въ Москвѣ, онъ помѣстилъ его въ частное учебное заведеніе, которое содержалъ педагогъ Карлъ Карловичъ (французовъ Семенъ Прохоровичъ не любилъ).

Сережа учился хорошо, былъ нрава кроткаго, уступчиваго, краснѣлъ, какъ стыдливая дѣвушка, отъ нескромнаго слова. Щедрый отъ природы, онъ не имѣлъ ничего завѣтнаго. Сынъ милліонера, который, послѣ несчастія, случившагося съ его женой, видѣлъ въ немъ единственныя свои надежды и утѣшеніе въ старости, онъ получалъ изъ дому богатыя средства

для удовлетворенія своихъ прихотей. Сережа отдавалъ свой лакомый кусокъ, лучшую вещицу товарищу, которому она понравилась. Узнавъ, что у комнатнаго дядьки его былъ сынъ однихъ съ нимъ лѣтъ, онъ часто выкидывалъ многіе предметы изъ своего гардероба, какъ негодные (хотя они могли еще служить ему), чтобъ имѣть случай подарить ихъ своему ровеснику.

Содержатель пансіона былъ человѣкъ добрый и попечительный; учители обращались съ учениками безъ лозы, что было въ тогдашнее время большою рѣдкостью. Такъ прошли три мирные года въ пансіонѣ; казалось, и будущая его жизнь въ немъ пролетитъ также безмятежно. Случилось, однакожъ, не такъ.

На четвертомъ году пришлось ему испытать неожиданный ударъ, вызванный не имъ самимъ, а силой сословныхъ предразсудковъ. Доселѣ дѣти купеческія и дворянскія жили мирно, одною братскою семьей. Но поступилъ въ пансіонъ новичекъ, примѣрный сорванецъ и забіяка, воспитанный дома въ исключительномъ духѣ своей касты, словами и примѣромъ своихъ родителей и раболѣпнымъ потворствомъ крѣпостной дворни. Съ появленіемъ его въ пансіонѣ, стала между дѣтьми перегородка, раздѣлившая ихъ на двѣ партіи. Онъ сдѣлался вождемъ одной изъ нихъ; сынъ нѣмецкаго негоціанта избранъ предводителемъ другой. Новичекъ началъ посмѣиваться надъ происхожденіемъ Сережи. — «Меня, дворянина, — говорилъ онъ, — не смѣютъ сѣчь, а тебя лавочника, можно отпороть, какъ душѣ угодно». Сначала Сережа отшучивался отъ этихъ пошлыхъ насмѣшекъ. Но обидчикъ, вмѣсто того, чтобы удовлетвориться уступками маленькаго Патокина, сталъ все болѣе и болѣе преслѣдовать его разными оскорбленіями. То спроситъ его, почемъ продаетъ сало, то не продаетъ ли пуговицы на курткѣ, выводилъ его фамилію отъ продавца патоки, акомпа-

нируя эту насмѣшку извѣстнымъ припѣвомъ, оглашавшимъ въ былыя времена московскія улицы: «Патока съ имбиремъ, варилъ дядя Симеонъ»; наконецъ, къ довершенію обиды, провозгласилъ, что отецъ Сережи нажилъ милліоны дѣланіемъ въ Гуслицахъ фальшивыхъ ассигнацій. Тутъ Сережа, какъ ни былъ кротокъ и уступчивъ, далъ обидчику пощечину. Дѣти, составлявшія партію забіяки, вступились за побитаго товарища; дѣти *лавочниковъ* и *сапожниковъ*, какъ называла эта партія купцовъ и иностранцевъ, вступились за Сережу и дали почувствовать противникамъ всю силу своихъ кулаковъ. Партія забіяки была побѣждена и пристыжена, другая торжествовала, да еще спрашивала, довольно ли было имбирю въ патокѣ.

Послѣдствія этой побѣды были, однакожъ неблагопріятны для торжествующей партіи.

Дѣти благородныхъ родителей лично и письменно поспѣшили увѣдомить своихъ папашекъ и мамашекъ, что содержатель пансіона, подкупленный подарками купцовъ и сапожниковъ, всячески потворничаетъ дѣтямъ ихъ, назначаетъ имъ предпочтительно на актахъ награды, переводитъ ихъ пристрастно въ высшіе классы и, наконецъ, къ довершенію несправедливости, за драку, затѣянную купеческимъ сынкомъ, въ которой многіе изъ нихъ, дворянскихъ, дѣтей, изувѣчены, не сдѣлалъ даже никакого взысканія. Родители, выслушавъ и прочитавъ съ умиленіемъ жалобы дѣтей своихъ, распалились неукротимымъ гнѣвомъ на Карла Карловича, явились къ нему гурьбою и объявили, что если онъ не высѣчетъ дѣтей купцовъ и сапожниковъ, или не выгонитъ изъ пансіона, такъ они всѣ поберутъ дѣтей своихъ. Карлъ Карловичъ былъ честный нѣмецъ, однакожъ, разсудилъ, что если потеряетъ большую часть своихъ пансіонеровъ, то посадитъ свое многочисленное семейство на сухоядѣ-

ніе и разорится въ конецъ, и потому волей-неволей предложилъ побѣдителямъ подвергнуть себя или тѣлесному наказанію, или изгнанію изъ пансіона. Вождь ихъ, истый тевтонъ, провозгласилъ:

— Изгнаніе, а не позоръ. Стыдъ тому, кто измѣнитъ этому лозунгу!

— За нимъ повторили то же и прочіе осужденные. Не *могъ* отстать отъ нихъ Сережа Патокинъ. Карлъ Карловичъ, выпроваживая изгнанниковъ, проливалъ искреннія слезы, ужь, конечно, не отъ горести разставанія.

Сережа возвратился къ отцу. Сердце его сильно билось отъ ожиданія домашней грозы. Строгій выговоръ, думалъ онъ самое слабое наказаніе, которое ему готовится, но и выговора онъ страшно боялся. Напротивъ того, отецъ, выслушавъ отъ сына весь ходъ печальной исторіи въ пансіонѣ, горячо обнялъ его и наказалъ ему во всѣхъ подобныхъ случаяхъ жизни, гдѣ страдаетъ честь его фамиліи, поступать такимъ же образомъ. Къ содержателю же пансіона, зная его недостаточное состояніе, написалъ, что на него не сердится и прощаетъ ему забранныя за годъ впередъ деньги.

Теперь, Сергѣй,—сказалъ ему ласково Семенъ Прохоровичъ: — я тебя провѣрю, не забылъ ли ты моего ученія,—и повелъ сына въ свой садъ. Патокинъ-отецъ былъ страстный садоводъ и съ малолѣтства Сережи привилъ и ему эту страсть.

Время подходило къ послѣднимъ числамъ августа. Садъ былъ, въ полномъ смыслѣ, осыпанъ плодами, такъ что вѣтви, унизанныя ими, ломились отъ тяжести и не могли бы держаться безъ помощи надежныхъ подпорокъ. Даже въ питомникахъ *дѣтки* несли не по силамъ плоды. Солнечные лучи скользили по глянцовитой оболочкѣ ихъ, а мелкая тѣнь отъ листьевъ

окропляла ихъ рябью, то и дѣло измѣняющеюся при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Черезъ кожицу однихъ, налитыхъ будто янтаремъ, сквозили черныя сѣмечки, на другихъ игралъ румянецъ, какъ на щекахъ дѣвушки, соблазняющихъ на поцѣлуй; отъ нѣкоторыхъ несло запахомъ корицы; чернь, которою иные были окрашены, изобличала ихъ родину—Аравію, опортовыя, почти съ голову новорожденнаго младенца, покоились въ сѣточныхъ гнѣздахъ; близъ этихъ великановъ роемъ усыпали деревцо китайскія яблочки, эти красивыя лилипутцы въ царствѣ Помоны.

— Вотъ это,—говорилъ отецъ, показывая на одно дерево:—посажено въ тотъ день, какъ ты родился.—Посмотри, сколько на немъ яблокъ. Дай Богъ, чтобы и твоя жизнь была не безплодна. Это посажено на третій день брака съ своею матерью. Дерево полно силы и красы, а мать твоя... (Семенъ Прохоровичъ глубоко вздохнулъ). Вотъ на этомъ училъ я тебя въ первый разъ прививкѣ. Да и за всѣми мы ухаживали вмѣстѣ съ тобой и Матѳеемъ. Примемся-ка снова за нихъ. А тамъ, къ зимѣ, надо подумать и о твоемъ воспитаніи.

И принялись снова усердно Патокинъ-отецъ и мальчикъ за любимое свое занятіе.

Настала зима. По первоснѣжью пріѣхалъ къ Семену Прохоровичу помѣщикъ Стародубовъ, съ отцомъ котораго онъ имѣлъ большія связи по хлѣбной торговлѣ. Стародубовъ находился въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ; заложенное имѣніе его должно было продаваться на дняхъ съ аукціона, несмотря на угожденія земской полиціи, посылавшей не разъ въ губернское правленіе неправильныя описи. Дальнѣйшая проволочка уѣздныхъ милостивцевъ грозила имъ судомъ. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Стародубовъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи Семена Прохоровича.—«Не слѣдъ бы мнѣ выручать тебя, — ска-

залъ Патокинъ просителю:—больно мотоватъ, живешь не по доходамъ: вмѣсто того, чтобы платить долги, задаешь пиры да банкеты. Посмотри на себя, оплылъ жиромъ отъ лѣни и обжорства. Такая жизнь до добра не доведетъ, или кондрашка какъ разъ ударитъ, или посадятъ тебя въ тюрьму

Такая встрѣча ошеломила Стародубова.

— Ну, да дѣлать, видно, нечего. Помню поговорку: долгъ красенъ платежомъ. Отецъ твой не мало выгодъ доставлялъ мнѣ; отъ него не одинъ десятокъ тысячъ перепалъ въ мой сундукъ. На память его, надо вытащить тебя изъ бѣды. Даю тебѣ на выручку деньги, но помни, въ первый и послѣдній разъ

Тутъ Патокинъ-король побрелъ къ своему сундуку, стоявшему у него въ спальнѣ. Ключъ щелкнулъ, за этимъ звукомъ послѣдовалъ звонъ, раздавшійся едва ли не на весь домъ, и отрадно пробѣжалъ по сердцу Стародубова. Онъ крестился и возводилъ глаза къ небу. Когда же увидалъ толстую пачку кредитокъ въ рукахъ старика, онъ хотѣлъ было разсыпаться въ благодарности, но Семенъ Прохоровичъ, предупреждая его, наотрѣзъ сказалъ:—Мнѣ изъ твоей благодарности не шубу шить. Помни не для тебя это дѣлаю, для покойника твоего.

Оставалось одолженному молчать Зная аккуратность Патокина, онъ не преминулъ счесть деньги. Въ противномъ случаѣ Семенъ Прохоровичъ могъ бы сдѣлать съ нимъ такую же продѣлку, какую сдѣлалъ съ однимъ своимъ заемщикомъ, который, получивъ отъ него важную сумму на заемное письмо, пренебрегъ ее счесть. Деньги были взяты назадъ, а актъ возвращенъ должнику, какъ человѣку неаккуратному и, слѣдовательно, не заслуживающему довѣрія.—Пять тысячъ серебромъ,—отвѣчалъ Стародубовъ съ трепетомъ сердечнымъ.—Теперь закуси маленько, да и поворачивай

оглобли со двора и скачи въ губернскій городъ.—А заемное письмо?—спросилъ Стародубовъ.—Заемное письмо за поручительствомъ жены твоей, привезешь, когда покончишь дѣла свои.

— Проценты...—осмѣлился было со страхомъ проговорить Стародубовъ.

Семенъ Прохоровичъ сурово посмотрѣлъ на него.—Что?... проценты?.. Ахъ ты, душенка перекатная! Съ кого? съ покойника отца твоего, что-ли?... Съ твоей мученицы жены?... Съ дѣтей, неповинныхъ въ глупомъ мотовствѣ отца?... Поди ты съ своими процентами къ бѣсу!...

Стародубовъ проглотилъ горькую пилюлю, не смѣя даже поморщиться; спряталъ кредитки въ порыжѣлый бумажникъ, который швырнулъ ему на столъ Патокинъ, и положилъ въ боковой карманъ сюртука, ощупавъ его нѣсколько разъ, ради удостовѣренія въ своей аккуратности. Но маневры эти были напрасны: старикъ видѣлъ своего заемщика насквозь и, прекративъ разговоръ о деньгахъ, велѣлъ подать закуску.

Пока подавали ее и запрягали лошадей, Сережа явился въ комнату отца. Слово за слово, разсказана была его невзгода въ пансіонѣ. Тутъ Стародубовъ, какъ бы вдохновенный какимъ-то наитіемъ свыше, ударилъ себя по лбу и предложилъ Патокину, не согласится ли отдать сына къ нему на воспитаніе.—У меня,—говорилъ помѣщикъ,—иностранецъ учитель, жалованье получаетъ хорошее, смирный, непьющій и, сказываютъ люди знающіе, человѣкъ ученый. Прикиньте ему сотни двѣ, три, онъ съ радостію возьмется учить вашего сына, чему учатся мои дѣти; жена моя, какъ вы знаете, женщина добрая...

— И разумная, перебилъ Патокинъ.— Когда бы не она, у тебя домъ повернулся бы вверхъ дномъ. Безъ нея, нечего грѣха таить, ты давно пропалъ бы.

— Благодарю Бога,—сказалъ Стародубовъ: — Онъ послалъ мнѣ въ ней не жену, а ангела. Признаюсь, я и ноготка ея не стою

Семенъ Прохоровичъ призадумался и сообразилъ въ умѣ своемъ всѣ шансы за и противъ предложенія. Въ пользу его оказалось много причинъ.

Къ Сережѣ ходилъ учитель изъ уѣзднаго училища, задавалъ ему уроки на выучку, бывалъ иногда подъ хмѣлькомъ, и всегда писалъ ему аттестаціи не иначе, какъ: *хорошо*, *прекрасно*, *превосходно*, хотя мальчикъ и не зналъ урока. Сережа замѣчалъ, что и учатъ его не такъ, какъ у Карла Карловича, и познанія училищнаго педагога были очень ограничены. Мальчикъ забывалъ и то, что пріобрѣлъ въ пансіонѣ. Объ иностранныхъ языкахъ не могло быть и рѣчи. Въ устахъ педагога это были какія-то варварскія нарѣчія, которыхъ смысла не могъ бы добраться самъ Мецофанти, еслибы его сдѣлать драгоманомъ въ домѣ Патокина. Сережа горько жаловался отцу на это ученіе. Товарищей у него никого не было, луковское общество не могло дать ему хорошихъ примѣровъ. Скучно и безплодно проходили дни его. Натуры впечатлительной, онъ съ грустью видѣлъ ежедневно болѣзненное, безвыходное состояніе матери, часто задумывался и одичалъ. Неужели оставить долѣе мальчика прозябать въ Луковкахъ? Не на суда жь послать его воспитывать въ кругу бурлаковъ, лоцмановъ и приказчиковъ. Патокинъ вспомнилъ годы своей юности, когда онъ тоже ходилъ на баркахъ, и приказчики усердно соблазняли его потѣшиться въ трактирахъ и харчевняхъ всякими грубыми удовольствіями и учили обманывать родителя. Хорошо еще, что твердость характера побѣдоносно вынесла его изъ этихъ обольщеній. Сережа не въ него. Къ чему поведетъ его такой образъ воспитанія? Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него русскаго негоціанта,

а не ...вого торгаша, какихъ много изъ разбогатѣвшихъ мужиковъ. Правда, безалаберно живетъ и Стародубовъ, но въ его домѣ хранитъ благочестіе и добрые нравы умная и безукоризненная женщина, подъ опекой которой Сережа не избалуется, а найдетъ материнскія попеченія и наставленія.

— Спасибо,—сказалъ старикъ:—но прежде чѣмъ привезу къ тебѣ сына, попрошу Карла Карлыча, у котораго онъ прежде учился, чтобъ попыталъ твоего учителя—какъ его зовутъ тамъ?.

— Францъ Иванычъ Голье Онъ воспитывался въ страсбургскомъ университетѣ

— Французъ?

— Да.

— Охъ, эти французы не по нраву мнѣ; народъ вѣтреный!—Ну, такъ и быть, если Карлъ Карлычъ скажетъ, что твой французъ знающій человѣкъ, хорошій, такъ и дѣло рѣшеное.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Патокинъ-король привезъ Карла Карловича въ деревню къ Стародубову и вмѣстѣ съ нимъ прожилъ тамъ съ недѣлю Наблюденія за познаніями и преподаваніемъ Франца Ивановича кончились благопріятно Оказалось, что учитель имѣетъ основательное образованіе: сверхъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, знаетъ отчасти англійскій, за который Семенъ Прохоровичъ крѣпко держался; учитъ разумно. Въ хорошей нравственности его завѣрила Стародубова.

Ударили по рукамъ. Патокинъ объявилъ учителю, что будетъ платить ему за своего сына столько, сколько онъ получаетъ за всѣхъ дѣтей Стародубова, подарилъ Карлу Карловичу богатую шубу за труды, потомъ съѣздилъ за Сережей, одѣлъ его съ иголочки, какъ одѣваютъ богатыхъ дворянскихъ дѣтей, выпросилъ ему благословеніе матери, сказавъ ей, что старичекъ со

звѣздой велѣлъ отдать его въ ученіе, и сдалъ съ рукъ на руки Стародубовой, прося быть ему второю матерью.

Семейство Стародубова состояло изъ жены, дочери лѣтъ тринадцати и двухъ сыновей, почти ровесниковъ Сережѣ.

Всѣ въ домѣ полюбили Сережу Стародубова, по добротѣ души своей и по чувству благодарности, обращалась съ нимъ какъ съ сыномъ, и старалась всячески доказать, что не отличаетъ его отъ дѣтей своихъ. Дѣти называли его своимъ братомъ. Учитель былъ доволенъ успѣхами своего новаго ученика, кротостью и благородствомъ его характера; прислуга угождала ему за щедрые подарки, гости ласкали мальчика, сына милліонера, въ которомъ могли имѣть когда-нибудь нужду.

Скоро Сережа усвоилъ себѣ манеры сына богатаго русскаго дворянина; не отказывалъ себѣ въ барскихъ прихотяхъ, хотя и невинныхъ, но, по тогдашнимъ понятіямъ, неприличныхъ сыну купца. Онъ имѣлъ прекрасную верховую лошадь, которую прислалъ, по его просьбѣ, отецъ вмѣстѣ съ другою, подаренною старшему сыну Стародубова, имѣлъ и упряжного кровнаго рысака и щегольской тильбюри. Къ этимъ затѣямъ присоединились и другія, болѣе вредныя для его нравственности. Вовлеченный баловствомъ главы дома въ отъѣзжія поля, онъ завелъ свой смычекъ борзыхъ, входилъ въ споры съ старыми охотниками и съ удовольствіемъ, хотя краснѣя, слушалъ ихъ соблазнительныя рѣчи о крѣпостныхъ Парашкахъ и Матрешкахъ.

— Пріѣзжай, братъ Сережа,—говорили охотники:— у насъ ѣсть дичь, деликатесъ, про своихъ и про чужихъ; славно угостимъ. Къ этимъ рѣчамъ присоединялись и негодныя книженки съ картинками, гдѣ юноши почерпаютъ съ такою воспріимчивостью развратъ вре-

менъ Дюбари и подобныхъ фаворитокъ. До другихъ ли ему уроковъ было въ этой школѣ! Хорошо еще, что сѣмена, брошенныя этими преступными сѣятелями на его, еще не испорченную душу, не имѣли времени въ ней укорениться. По настоянію учителя и Стародубовой, отъѣзжія поля были скоро запрещены Сережѣ. Но, вкусивъ разъ веселой, беззаботной жизни русскихъ помѣщиковъ, онъ смаковалъ ее въ своемъ воображеніи и соблазнялся на подобную, когда ему будетъ можно все дѣлать, что онъ захочетъ. Скоро Сережа забылъ о своемъ назначеніи. Мысль, что ему придется торговать саломъ, пенькой и хлѣбомъ, крѣпко его озадачивала. О возвращеніи въ домъ родительскій онъ помышлялъ неохотно. Ужь и борода отца представлялась ему какимъ-то пугаломъ: при появленіи ея должны были слетѣть изъ его райскаго сада всѣ надежды, всѣ мечты, такъ соблазнительно напѣвавшія ему свои пѣсни. Въ головѣ его заронилось желаніе современемъ имѣть такое же помѣстье, съ такою же обстановкой, какую онъ видѣлъ передъ собою. Онъ захотѣлъ выдти въ дворяне. Эти мечты поощрялъ Стародубовъ, присоединивъ къ нимъ и свои.—Развѣ не могъ будущій дворянинъ, милліонеръ Сергѣй Семеновичъ Патокинъ, жениться на его дочери?

Но всѣ эти мечты скоро разлетѣлись въ прахъ.

Патокинъ, при вступленіи сына своего въ домъ Стародубова, объявилъ учителю, что желаетъ сдѣлать изъ него образованнаго, дѣльнаго негоціанта. Monsieur Голье, встревоженный дворянскими вкусами и замашками Сережи, развѣвающимися все болѣе и болѣе, поспѣшилъ исполнить честно свою обязанность. Съ дозволенія Стародубовой, онъ увѣдомилъ Семена Прохоровича о наклонностяхъ своего ученика. Старикъ недолго думалъ, прискакалъ къ сыну и взялъ его съ собою въ Луковки, объявивъ ему наотрѣзъ, что если онъ осмѣ-

лится когда-нибудь помышлять о дворянствѣ, такъ лишитъ его своего благословенія и наслѣдства. Но и здѣсь продержалъ его недолго. Чрезъ нѣсколько недѣль, чтобы отбить совсѣмъ у Сережи охоту возвратиться на стародубовскій путь соблазна, Семенъ Прохоровичъ отправилъ его въ Лондонъ съ письмомъ на имя торговаго дома, съ которымъ велъ давно дѣла.

Юноша разставался съ родиной, какъ будто ѣхалъ въ изгнаніе. Много горькихъ слезъ было пролито при этомъ случаѣ. Долго преслѣдовали его воспоминанія о пріятной жизни у Стародубовыхъ, охота, прогулки, игры, танцы, пожатіе ручки хорошенькой дочки и голубые глазки ея, такъ ласково на нее обращаемые и такъ сладко тревожившіе его молодое сердце; но всѣ эти воспоминанія разбились о берегъ Англіи; грудь его стѣснилась, слезы полились изъ глазъ; ему казалось, что онъ навсегда погрузился въ туманы и никогда ужь изъ нихъ не вырвется. Однакожъ сентиментальничать было некогда. Пріѣхавъ въ Лондонъ, Сережа явился къ хозяину конторы, къ которому былъ адресованъ. Его приняли, какъ товарный тюкъ, осмотрѣли съ ногъ до головы, сказали ему два-три слова, какъ будто прочитали на немъ фирму дома, откуда онъ присланъ, дали отдохнуть денька два и отправили на третій съ однимъ изъ старшихъ конторщиковъ въ одно изъ лондонскихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь онъ долженъ былъ кончить курсъ своего воспитанія и отсюда перейти въ торговую контору съ тѣмъ, чтобы изучить въ ней коммерческое ремесло и также ходъ управленія бумагопрядильною фабрикой, которую Патокинъ хотѣлъ непремѣнно завести въ Луковкахъ. Поступивъ въ школу, гдѣ языкъ, нравы, правила жизни и воспитанія были ему чужды и такъ рѣзко отличались отъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ на родинѣ, онъ, казалось ему, попалъ въ другой міръ. Но и къ

этому міру долженъ онъ былъ мало-по-малу привыкнуть. Года черезъ три, согласно назначенію отца, онъ перешелъ въ торговую контору. Скоро обступили его огромныя книги: сначала онъ долженъ былъ ознакомиться съ физіономіей ихъ, а потомъ изучить ихъ характеръ. Люди, движущіеся около него, съ ихъ лаконизмомъ, показались ему живыми машинами, издававшими какіе-то дикіе звуки; за то бухгалтерія и фабричные термины, какъ живые люди, преслѣдовали его съ утра до ночи и даже въ сновидѣніяхъ. По строгомъ испытаніи въ нравственности молодого человѣка, введенный въ семейный кругъ главы дома, онъ и тутъ не нашелъ пищи для души своей. Мать семейства была съ нимъ ласкова, дочери любезны, но въ этихъ ласкахъ, въ этой любезности онъ читалъ все тѣ же цифры, ту же бухгалтерію, съ которыми такъ часто бесѣдовалъ въ конторѣ. Одно что разнообразило еще жизнь его, такъ это знакомство съ памятниками искусствъ и художествъ и человѣколюбивыми заведеніями, такъ доступными въ Англіи для своихъ и чужихъ. Еще прибавить надо—прогулки по окрестностямъ. Всѣ лучшіе котеджи, всѣ лучшіе сады были имъ осмотрѣны на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Лондона. Чтобы потѣшить отца, онъ послалъ ему множество экземпляровъ рѣдкихъ сортовъ яблонь, грушъ и вишенъ. Послѣ шестилѣтняго искуса въ Англіи, Сережу, нынѣ Сергѣя Семеновича, отецъ вытребовалъ въ Луковки для личныхъ переговоровъ обо всемъ, что касалось устройства бумагопрядильной фабрики. Между тѣмъ у старика былъ тутъ другой замыселъ, о которомъ, однакожъ, онъ умолчалъ въ своемъ письмѣ. Онъ хотѣлъ женить сына, и въ отсутствіе его избралъ ему невѣсту, безприданницу-красавицу! Она особенно понравилась Семену Прохоровичу по бойкости своего характера.

Молодой Патокинъ оставилъ Англію безъ сожалѣнія. Онъ выносилъ изъ нея, сверхъ познаній, нужныхъ негоціанту и фабриканту, уваженіе къ закону, къ личности человѣка и собственному достоинству, любовь къ просвѣщенному комфорту, къ общественнымъ учрежденіямъ, прославившимъ эту страну. Сердце его радостно билось отъ мысли, что онъ скоро увидитъ родину, съ которою такъ давно разстался. О женитьбѣ онъ и не помышлялъ.

Патокинъ-король былъ обрадованъ пріѣздомъ сына, тѣмъ болѣе, что тотъ привезъ съ собою аттестацію изъ купеческой конторы. Въ этомъ свидѣтельствѣ выхвалялись его примѣрная нравственность, образованіе и свѣдѣнія въ коммерческомъ и фабричномъ дѣлѣ. Не успѣлъ Сергѣй Семеновичъ оглянуться въ Луковкахъ, какъ отецъ предложилъ ему избранную невѣсту. Красота Маріы Михайловны не могла не сдѣлать впечатлѣнія на свободное сердце молодого человѣка; его только смущало необразованіе ея. Свадьба скоро состоялась. Но едва прошли медовые мѣсяцы, какъ молодой Патокинъ долженъ былъ, по волѣ отца, отправиться вновь въ Англію, ужь на короткое время, чтобы привезти оттуда механика (это не былъ еще Джонсъ, а другой механикъ, по смерти котораго Джонсъ и поступилъ впослѣдствіи), и всѣ нужныя машины для фабрики. Вслѣдъ за нимъ посылалась значительная сумма на покупку этихъ предметовъ. Но едва прибылъ онъ въ Лондонъ, какъ получилъ отъ жены письмо, что Семенъ Прохоровичъ, волею Божіей, скончался отъ паралича во время случившагося въ домѣ пожара; сумма, назначенная для пересылки на устройство фабрики, украдена слугой, ходившимъ за нимъ и бѣжавшимъ въ это время. Взамѣнъ этой суммы пересылалась другая, черезъ петербургскаго банкира, на имя извѣстнаго торговаго дома.

Марѳа Михайловна умоляла мужа, поручивъ всѣ всѣ дѣла свои этому дому, пріѣхать немедленно въ Луковки.

Извѣстіе о смерти отца глубоко огорчило Сергѣя Семеновича, тѣмъ болѣе, что онъ оставилъ его въ совершенномъ здоровьѣ, обѣщавшемъ ему еще долгіе дни. Пропажа денегъ была, при этомъ извѣстіи, мало чувствительна, такъ какъ она составляла едва двадцатую часть получаемаго имъ огромнаго богатства. Предоставивъ всѣ дѣла свои въ Англіи попеченіямъ извѣстнаго торговаго дома, онъ поспѣшилъ въ Россію на первомъ отходящемъ кораблѣ.

По пріѣздѣ домой, молодой Патокинъ засталъ дѣла свои въ порядкѣ, благодаря энергической и разумной распорядительности жены, принявшей властительною рукою бразды правленія въ домѣ и по всѣмъ торговымъ дѣламъ его. Умѣя только читать и писать съ грѣхомъ пополамъ, она дѣйствовала не хуже опытнаго и смѣтливаго дѣльца. Ничто не было упущено, чтобы привесть въ извѣстность капиталы, наличные и оборотные, покойника и сохранить стройное теченіе торговыхъ дѣлъ. Казалось, Семенъ Прохоровичъ не умиралъ.

Вотъ что разсказала Марѳа Михайловна мужу о случившемся пожарѣ и смерти свекра. Семенъ Прохоровичъ за недѣлю до этого несчастнаго случая сдѣлался нездоровъ, но былъ въ полной памяти и распоряжался какъ будто прежнія силы не оставляли его. Невѣстка поѣхала за нѣсколько верстъ отъ города въ монастырь, гдѣ была икона, къ которой во множествѣ припадали вѣрующіе съ мольбами объ исцѣленіи болящихъ и утѣшеніи страждущихъ. Въ отсутствіе ея случился пожаръ, какъ объяснилось послѣ и какъ показывали первые слѣды огня, отъ свѣчи, теплившейся передъ образами въ спальнѣ больного. Подъ подушкой

у старика хранился пакетъ съ 25 тысячами рублей, которые слѣдовало отправить на слѣдующій день къ петербургскому банкиру для перевода въ Лондонъ; надпись на пакетѣ сдѣлана рукою Опенкина, но гдѣ хранился потомъ пакетъ съ деньгами, извѣстно было только Семену Прохоровичу и невѣсткѣ.

Опенкинъ былъ довѣренное лицо старика.

Онъ выросъ въ домѣ Патокина, сначала былъ у него на побѣгушкахъ и не разъ Елизарка получалъ изъ владычныхъ рукъ хозяина порядочныя потасовки. Выучившись бойко грамотѣ, красивому и четкому письму и ариѳметикѣ, онъ сталъ вести канцелярскія книги и всю переписку по торговымъ дѣламъ подъ руководствомъ стараго конторщика и самого Семена Прохоровича. Находчивый, смѣтливый, терпѣливый, готовый по одному слову хозяина въ огонь и въ воду, молчаливый какъ рыба, когда его не спрашивали, и скорый на отвѣтъ, когда для испытанія его, старикъ обращался къ нему съ вопросомъ въ затруднительномъ дѣлѣ, онъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность Семена Прохоровича такъ, что по смерти стараго конторщика должность эта была ему предоставлена. Надо сказать, что онъ ни разу не употребилъ во зло этой довѣренности, по крайней мѣрѣ, не былъ уличенъ ни въ какихъ безчестныхъ поступкахъ. Всѣ суммы, вручаемыя ему для передачи какому-нибудь лицу или для отправленія на почту, были исправно доставляемы. Никакого замѣшательства не происходило по счетамъ.

Все это относилось такъ сказать, къ *служебной* его жизни; въ *частной* онъ отличался необыкновенною скаредностью. О ней ходили разные анекдоты.

Опенкинъ обыкновенно покупалъ дрова на деньги, ему отпускаемыя, за городомъ, и дѣлалъ иногда по нѣскольку верстъ въ самую худую погоду, чтобы

уловить какой-нибудь возъ, который не могла везти кляченка, выбившаяся изъ силъ, и тутъ бѣдный хозяинъ этой измученной лошади со слезами на глазахъ вынужденъ былъ отдавать ему свой возъ за полцѣны. Для покупки съѣстныхъ припасовъ онъ обходилъ всѣ воза на базарѣ и обыкновенно выбиралъ всегда залежавшіеся припасы, разумѣется, по самой дешевой цѣнѣ: гастрономы, слышалъ онъ, всегда любятъ рябчиковъ съ душкомъ. Онъ отказывалъ себѣ въ порядочномъ бѣльѣ и платьѣ, носилъ всегда сапоги осоюзенные и съ заплатами. Получая отъ хозяина хорошее жалованье и наградныя деньги, на которыя не былъ скупъ старикъ Патокинъ для тѣхъ, кто служилъ ему усердно и вѣрно, Опенкинъ каждый вечеръ откладывалъ въ сторону, что пріобрѣлъ днемъ, и если къ вечеру не было пріобрѣтенія, то считалъ тотъ день несчастнымъ и могъ, какъ императоръ Титъ, сказать, «что онъ потерянъ въ его жизни». При случаѣ отдавалъ свои денежки въ ростъ за жидовскіе проценты, подъ ручной залогъ. Горе должнику, не заплатившему въ срочный часъ занятыхъ денегъ: залогъ безвозвратно поступалъ въ сундукъ неумолимаго кредитора. Такимъ образомъ, говорили, скопилъ онъ себѣ порядочный капиталецъ. Смѣялся Патокинъ-отецъ надъ всѣми этими продѣлками, подчасъ журилъ его за неряшество одежды и наконецъ махнулъ рукой, говоря: «Вольному воля распоряжаться своимъ добромъ, какъ хочетъ. Никто не жалуется мнѣ на него. Человѣкъ торговый, оборотливый; пускай наживаетъ; есть сынишко, скажетъ спасибо».

Опенкинъ женился очень молодымъ человѣкомъ на дочери выгнаннаго изъ службы подъячаго, который, бывъ секретаремъ въ какомъ-то судѣ, утратилъ или укралъ важный денежный документъ, былъ судимъ нѣсколько лѣтъ, сидѣлъ въ острогѣ и могъ бы сдѣ

лать путешествіе въ соболиный край, если бы мастерски не свалилъ преступленія и заслуженнаго наказанія на помощника своего; самъ же остался въ сильномъ подозрѣніи. Онъ имѣлъ особенный даръ подписывать подъ чужія руки. Совѣты и руководство такого тестя, конечно, не могли быть изъ тѣхъ, которые направили бы молодого зятя на путь чести и добра. Говорили, что Елизаръ Самсоновичъ взялъ порядочный кушъ за женою—плоды неправильнаго стяжанія ея родителя, но это приданое осталось покрыто глубокою тайной. Жена недолго жила. Злые языки болтали, будто мужъ уморилъ ее голодомъ и суровыми взысканіями за то, что бѣдная женщина осмѣливалась иногда, подъ секретомъ, выпить лишнюю чашку чаю, а чай и сахаръ держалъ онъ отъ нея на запорѣ. Во время ея предсмертной болѣзни, онъ еще съ живой снялъ мѣрку для гроба, въ который должно было ее положить, и покрова для прикрытія ея грѣшнаго тѣла, разсчитывая, что могъ, по неизвѣстности, будетъ ли она жива или умретъ, сторговаться дешевле съ столяромъ и купцами. Она оставила ему малолѣтняго сына, наслѣдника его имени и состоянія. Усидчивый, одаренный необыкновенною памятью, мальчикъ учился сначала у отца своей матери, потомъ въ уѣздномъ училищѣ, былъ во всѣхъ классахъ хорошимъ ученикомъ, перешелъ въ гимназію, кончилъ и тамъ курсъ съ отличіемъ и довершилъ свое образованіе въ университетѣ. Вездѣ онъ умѣлъ угождать учителямъ, товарищамъ и стороннимъ людямъ. Ни въ одномъ проступкѣ незамѣченный, онъ всегда оставался въ сторонѣ, когда шалость товарищей случалась въ его присутствіи и выходилъ сухъ изъ воды, въ которой утопали другіе. Опенкинъ-сынъ фискалилъ иногда, но такъ искусно, что товарищи не могли уличить его въ явной измѣнѣ; тайно оговаривая другихъ, онъ иногда,

чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, принималъ вину на себя. — «Неправда, — говорили надзиратели Опенкину:—вы неспособны на такой гадкій поступокъ; вы, по добротѣ сердца, на себя наговариваете.»—Богатому, аристократическому студенту переписывалъ лекціи прекраснымъ почеркомъ, которымъ щеголялъ, дѣлалъ ему сочиненія на заданныя темы, исполнялъ съ усердіемъ его порученія и умѣлъ даже угодить товарищу съ злымъ языкомъ. Хозяйкѣ дома, гдѣ онъ жилъ на хлѣбахъ, подставлялъ скамеечку подъ ноги, держалъ мотокъ нитокъ, когда она наматывала ихъ на клубокъ, цѣловалъ ея ручку съ нѣжностію сына, кухаркѣ писалъ письма къ сыну-солдату, говорилъ ей ласковыя слова.—Кто знаетъ?—думалъ онъ:—можетъ быть и она современемъ пригодится на что-нибудь.—Дворовую собаку ласкалъ и отдавалъ ей лакомый кусокъ. И все это онъ дѣлалъ не по добротѣ души, не изъ бѣдности, потому что старикъ Патокинъ щедро содержалъ и одѣвалъ его на свой счетъ и въ уѣздномъ городѣ, и въ Москвѣ. Вездѣ у него были *виды*, расчеты. Однимъ словомъ, онъ успѣвалъ такъ *ловко* держать себя, что угождалъ *вашимъ* и *нашимъ*.

Начальство было имъ довольно, сынъ аристократа или богатаго человѣка вводилъ его въ свое семейство, гдѣ онъ держалъ себя прилично и приноравливался къ характерамъ и понятіямъ лицъ, въ нихъ преобладавшихъ; товарищъ съ злымъ языкомъ не преслѣдовалъ его уже своими насмѣшками, а только порѣшилъ, что этотъ человѣкъ сумѣетъ проложить себѣ дорогу и сквозь терновникъ, и по непроходимому болоту; хозяйка дома, гдѣ онъ жилъ, называла его своимъ милымъ постояльцемъ, душенькой, и нерѣдко потчивала разными сластями; кухарка превозносила его доброту и смиреніе по всему околодку; собака дворовая никогда на него не лаяла. Только большинство товарищей не до-

любливало его за его смиренное лицо, вѣчно заискивающую улыбку и униженныя манеры. Не было у него задушевнаго друга, не было, однакожъ, и враговъ. Поступивъ на службу, Опенкинъ-сынъ шелъ успѣшно съ нижнихъ ступеней на болѣе высшія. Въ то время, какъ Патокины отправились въ деревню, онъ былъ ужь ассесоромъ въ какой-то палатѣ, а папенька его, избѣгая расходовъ на гильдейскія повинности, все еще оставался мѣщаниномъ, чѣмъ сынъ покуда не оскорблялся, зная, что эти деньги копятся въ сундукѣ, который можетъ и ему достаться. Обратимся къ разсказу о пожарѣ.

При больномъ оставалась полупомѣшанная жена и слуга, Алешка, крестный сынъ его, изъ мѣщанъ, малый лѣтъ двадцати. Прочіе слуги и прикащики не могли иначе входить къ хозяину, какъ по докладу этого крестника. Пока дали знать Маріѣ Михайловнѣ о случившемся пожарѣ, Опенкинъ успѣлъ явиться на мѣсто, гдѣ показался огонь, и вынести Семена Прохоровича и жену его изъ горѣвшей части дома, желѣзный сундукъ съ хранящимися въ немъ денежными суммами, документами и приходо-расходными книгами, надавно провѣренными и засвидѣтельствованными Семеномъ Прохоровичемъ, и все, что было цѣннаго въ домѣ. Усердіе, дѣятельность и благоразумныя распоряженія Елизара Самсоновича въ этомъ случаѣ были примѣрныя. Говорили, что онъ, для спасенія своего благодѣтеля и имущества, не разъ подвергалъ жизнь свою опасности Пожаръ былъ скоро погашенъ фабричными, дѣйствовавшими по его указанію. Сгорѣлъ только уголъ дома, гдѣ находилась спальня больного и прилегавшая къ ней комната. Въ то ли время, когда Семенъ Прохоровичъ увидалъ огонь въ своей спальнѣ, или когда его вынесли изъ дому, случился съ нимъ ударъ, — никто не могъ сказать навѣрно. Видѣли

только, что его безчувственнаго вынесли Опенкинъ и два фабричныхъ. Крестникъ скрылся; его нигдѣ не могли сыскать. Всѣ подозрѣнія въ похищеніи денегъ пали на него. Домашніе подтвердили, что при больномъ оставался бѣжавшій малый и полупомѣшанная. Отъ послѣдней могли только выпытать, что она впала въ глубокій сонъ, изъ котораго вышла, когда накинули на нее подушку, кто накинулъ—не могла она сказать. Между тѣмъ она утверждала, будто старичекъ со звѣздой указалъ ей въ это время на вора, и этотъ воръ былъ—Опенкинъ. То же твердила она до самой своей смерти. Полиція дѣйствовала горячо въ отысканіи преступника; посланы были гонцы по всѣмъ дорогамъ, но слѣды его исчезли. Взяли было Опенкина подъ стражу, но, по прибытіи Сергѣя Семеновича изъ Англіи, его тотчасъ освободили, такъ какъ противъ него не было никакихъ уликъ, кромѣ показаній полупомѣшанной женщины, которымъ нельзя было ни по закону, ни по совѣсти дать вѣру. Сергѣй Семеновичъ рѣшительно объявилъ, что никакого подозрѣнія на него не имѣетъ и, въ доказательство своего полнаго довѣрія къ нему, оставилъ при себѣ главнымъ прикащикомъ съ значительной прибавкой жалованья, въ благодарность за спасеніе отца и матери и имущества, за претерпѣнные допросы и оскорбительное содержаніе подъ арестомъ. Съ того времени онъ не измѣнился къ Опенкину. Правда, впослѣдствіи доходили до Сергѣя Семеновича слухи о нѣкоторыхъ продѣлкахъ съ рабочими и прикащиками, но, по мягкости и довѣрчивости характера своего, боясь оскорбить человѣка безъ явной вины, онъ не углублялся въ изслѣдованіе этихъ слуховъ. Марѳа Михайловна нерѣдко называла его воромъ; но мужъ говорилъ: «непойманный—не воръ. Дѣла наши идутъ хорошо, съ меня довольно, и я не хочу болѣе ничего знать: неужели

пускаться намъ въ слѣдствіе и суды? Кѣмъ замѣню его? Безъ воровства русскій человѣкъ жить не можетъ».—Марѳа Михайловна хотя и не могла опереться ни на какія явныя доказательства въ крупныхъ плутняхъ его, которыхъ концы умѣлъ Опенкинъ искусно прятать, не менѣе того, по какому-то инстинкту, не любила его, и всегда, когда находила случай, давала ему чувствовать свое недоброжелательство. Елизаръ Самсоновичъ не претендовалъ даже на личныя, рѣзкія оскорбленія ея, лишь бы она не трогала его кармана, и старался всячески заискивать ея расположеніе строгимъ, безропотнымъ исполненіемъ ея приказаній. Когда нужно было перехватить денегъ на торговые обороты или даже на прихоти обоихъ супруговъ, вдававшихся въ неразумные расходы, онъ всегда отыскивалъ нужныя суммы, готорый, какъ онъ говорилъ, заложить душу, лишь бы угодить своимъ благодѣтелямъ.

Прошли годы, истрачено было много денегъ на отысканіе бѣжавшаго вора, но слѣды его, попрежнему, не открылись, какъ будто канули въ воду. Носились слухи, что его видѣли гдѣ-то въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ-то въ брянскомъ скитѣ у раскольниковъ, но это были только слухи. Наконецъ заключили, что онъ умеръ или своею смертью, или насильственною. Въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ находилась о немъ переписка, порѣшили считать дѣло поконченнымъ и сдать въ архивъ. Въ домѣ Патокина перестали о немъ говорить. Пожаръ оставилъ, однакожъ, неизгладимые слѣды на лицѣ Опенкина. Отъ испуга ли пожара, или когда схватили его подъ арестъ, щеку его стало подергивать; это конвульсивное движеніе усиливалось отъ степени душевнаго волненія и особенно, когда мать Патокина останавливала на немъ гнѣвные взоры.

Когда Сергѣй Семеновичъ кончилъ дѣла свои по наслѣдству, онъ спѣшилъ почтить память отца скорѣй-

шимъ устройствомъ фабрики. Зданія для нея были ужь выведены, механикъ и машины выписаны; она пущена въ ходъ, и выгоды отъ нея оправдали надежды старика Патокина. Сергѣй Семеновичъ успѣшно продолжалъ дѣла свои съ Англіей. Онъ сталъ жить припѣваючи. Но скоро забыты правила бережливости, почерпнутыя имъ въ нравахъ просвѣщеннаго народа. Онъ видѣлъ въ Англіи комфортъ, а не безумную роскошь, даже у негоціантовъ, славившихся своимъ огромнымъ богатствомъ. Въ жизни ихъ, въ случаѣ значительнаго приращенія богатства, не замѣтишь никакихъ рѣзкихъ измѣненій, никакой выставки состоянія. Счастливыми годами своими они не парадируютъ; за то черные дни, на которые они приготовили запасъ, не были для нихъ бѣдственно тяжелы. Не видѣлъ онъ, какъ у насъ, нынѣ купецъ-милліонеръ—дивитъ народъ своими колесницами, тысячными рысаками, волшебными палатами, осыпаетъ брилліантами жену и часто актрису, задаетъ обѣды съ аршинными стерлядями, разливнымъ моремъ шампанскаго, справляетъ по недѣлямъ свадебные пиры съ наемнымъ генераломъ, украшеннымъ звѣздою,—завтра этотъ же самый милліонеръ прячется въ чуланъ отъ русскаго полисмена, который пришелъ посадить его за долги *въ яму*.

Казалось, съ первымъ глоткомъ русскаго воздуха, который успѣлъ хлебнуть Сергѣй Семеновичъ, и русская широкая натура, или скорѣй азіатская, въ немъ заволновалась. Съ того времени *англійская школа* и *стародубовская* начали борьбу въ его душѣ. Которая изъ нихъ взяла верхъ, мы увидимъ.

Молодой Патокинъ мало-по-малу сталъ роскошничать и разъ, пустившись на скользкій путь, не останавливался. Онъ отдѣлалъ свой домъ богато, со вкусомъ. Зеркала отъ пола до потолка, бархатъ, шелкъ, мраморъ, бронза, паркетъ изъ краснаго, пальмоваго и

чернаго дерева, экзотическія растенія, отличный столъ для званыхъ и незваныхъ, отборныя вина, многочисленная прислуга, — сдѣлали изъ этого дома какой-то храмъ роскоши. И это все въ ничтожныхъ Луковкахъ, въ темномъ захолустьѣ Россіи. Не говорю о лукулловскихъ угощеніяхъ, когда пріѣзжалъ губернаторъ въ городъ на ревизію. Марѳа Михайловна не думала удерживать мужа въ его неразумныхъ издержкахъ, напротивъ, сама соперничала въ нихъ. Она получала матеріи для своего гардероба не иначе, какъ изъ ліонскаго магазина и выписывала готовыя платья изъ Парижа. Брилліантовъ было у ней множество и высокой цѣны. Экипажами и лошадьми щеголяли они даже въ Москвѣ, куда стали пріѣзжать каждую зиму. Скоро окружное дворянство, какъ рой шмелей на пчелиный улей, пало на домъ Патокина. Офицеры полка, стоявшаго въ Луковкахъ, толпились въ немъ съ утра до поздней ночи. Бригадный генералъ частенько посѣщалъ богатую чету и даже ухаживалъ за Марѳой Михайловной. Она славилась своею красотою и въ Москвѣ, гдѣ ее прозвали la belle millionaire.

Патокины были хорошо приняты во многихъ лучшихъ московскихъ домахъ. Въ нихъ даже заискивали, одни въ надеждѣ занять денегъ, другіе, чтобъ попасть на обѣдъ съ аршинною стерлядью, иные просто изъ добраго расположенія къ радушнымъ хозяевамъ, которые, изъ своего рода эгоизма, въ удовольствіи другихъ находили собственное удовольствіе. Заискивали также и аристократическія дамы въ Марѳѣ Михайловнѣ, чтобъ выпросить у ней брилліантовъ и жемчуговъ на какой-нибудь блестящій вечеръ, гдѣ надѣялись ими помрачить своихъ соперницъ, и хотя за глаза честили ее иногда вороной въ павлиньихъ перьяхъ, однакожъ, въ глаза называли ее милою, душкой, безцѣнной. Патокина умѣла освоиться съ свѣтскими ма-

нерами и держала себя ровно съ этими барынями. Присутствуя нерѣдко при урокахъ своего сына и слыша безпрестанно разговоры учителя на французскомъ языкѣ, она выучилась отчасти понимать его и могла кстати отвѣчать по-русски, когда къ ней обращались по-французски. Она скоро нашла поклонниковъ своей красотѣ, но старалась только изъ тщеславія влачить за своей колесницей старичковъ-генераловъ и сіятельныхъ. Полиціймейстеры, при выѣздѣ ея изъ театра, сажали ее сами въ карету. Надо, однакожъ, сказать, что поведеніе ея было безукоризненно. Ни одинъ изъ ея обожателей не осмѣливался сказать, что одержалъ надъ ней полную побѣду. Одни ловеласы-фаты, изъ мщенія, говорили, что она глупа, а дуры, извѣстно,—прибавляли они,—вѣрны мужьямъ своимъ.

Властолюбивая въ домѣ, вспыльчивая, не терпящая противорѣчія, она иногда на щекѣ своей служанки, не угодившей ей, оставляла слѣды своей руки, но черезъ нѣсколько минутъ сама готова была просить прощенія у обиженной и старалась какимъ-нибудь подаркомъ вознаградить ее за свое грубое увлеченіе. Властолюбіе ея простиралось и на мужа. Въ минуты вспышки она говорила ему колкія и горкія слова, но искренняя, горячая любовь къ нему заставляла его скоро забыть все, что было въ нихъ обиднаго. Минутныя ссоры ихъ не имѣли никакихъ грустныхъ послѣдствій. Марѳа Михайловна дорожила именемъ своего мужа и нерѣдко поддерживали его, когда слишкомъ мягкій его характеръ оказывался безсильнымъ бороться съ обстоятельствами и людьми.

Рожденіе сына Владиміра скрѣпило еще болѣе ихъ любовь и освѣтило ихъ жизнь новымъ лучемъ счастія.

Доброта сердца Марѳы Михайловны не имѣла границъ. Сколько сиротъ пристроила она! Одного содер-

жала, отдала въ ученіе и доставила ему средства добывать насущный хлѣбъ, другую воспитала и выдала замужъ съ порядочнымъ приданымъ. У ней долго жила и умерла молодая турчанка, увезенная нашимъ офицеромъ въ одну изъ турецкихъ кампаній и брошенная въ Луковкахъ на произволъ судьбы. Дуня... Но разсказу о томъ, кто она была, откуда и какъ попала въ домъ Патокиныхъ, посвятимъ особенную главу.

Лѣтъ черезъ восемь по смерти отца, открылся Сергѣю Семеновичу новый кругъ дѣятельности. Тридцати съ небольшимъ лѣтъ, его выбрали луковскимъ градскимъ главою Конечно, главнымъ побужденіемъ городского общества къ этому выбору было, какъ заведено у насъ, состояніе. Голова долженъ имѣть богатый домъ, гдѣ можетъ достойно принять губернатора во время его ревизіи и генераловъ, пріѣзжающихъ для осмотра войскъ, роскошно угощать ихъ и ихъ свиту, возить акциденціи въ губернскій городъ, выдавать изъ своего кошелька на канцелярскіе расходы думы и полиціи, затрачивать свои деньги на разныя общественныя и казенныя учрежденія, пока эти деньги не соберутся съ общества или не возвратятся изъ казны (а возвращаются онѣ иногда многіе годы, иногда вовсе замерзаютъ на пути отъ нашего россійскаго климата). Голова *обязанъ*, хотя и *добровольно*, вносить къ концу года податныя недоимки за бѣдныхъ мѣщанъ, чтобы избѣгнуть выговоровъ начальства за недоборъ. Если онъ малограмотный, ему непремѣнно надо платить отъ себя жалованье секретарю, чтобы тотъ указывалъ ему, гдѣ подписать свое имя, званіе и фамилію и не быть подведену въ уголовную, а извѣстно, что гдѣ рука, тамъ и голова. Конечно, для грамотнаго головы не нужно такого дядьки, но все-таки нельзя ему обойтись безъ расходовъ на секретаря и наемныхъ писцовъ, чтобы они вели исправно дѣлопроизводство и груды

книгъ, вѣдомостей и отчетовъ, за которые приходится иногда членамъ думы пройтись по лѣстницѣ замѣчаній, начиная отъ простого до строгихъ выговоровъ и эстафетъ.

При вступленіи въ должность головы, Патокинъ горячо принялся за исполненіе своихъ обязанностей, какъ онъ ихъ понималъ. Первымъ его дѣломъ было объявить городскому обществу, что онъ всѣ болѣе важныя дѣла, касающіяся интересовъ его, будетъ представлять на общественное обсужденіе. Это предложеніе сильно не понравилось купцамъ.—Нѣтъ, говорили они, низко кланяясь:—просимъ васъ, избавьте насъ отъ этой тягости. Дѣло небывалое. Каждый изъ насъ имѣетъ свои занятія по торговлѣ и дому. Коммерческій часъ, знаете сами, дорогъ. Когда намъ собираться и разсуждать о дѣлахъ общественныхъ? Мы на то и выбираемъ голову, чтобы онъ за насъ обсуживалъ ихъ и распоряжался самъ, какъ заблагоразсудитъ, а насъ бы не тревожилъ. — Свою просьбу они заключали формулой, обыкновенно употребляемой въ довѣренностяхъ: «Мы намъ вѣримъ, и что вы учините, спорить и прекословить не будемъ». Сколько онъ ни возражалъ, что дѣло общества есть дѣло каждаго изъ членовъ его, граждане стояли на томъ, чтобъ избавить ихъ отъ собраній.

При уравненіи постойной повинности, Патокинъ строго наблюдалъ справедливость и никогда, для угожденія богатымъ, не налегалъ на бѣдныхъ; напротивъ, всячески старался облегчать эту повинность, падающую на неимущихъ. Богатые сердились на него. Его возмущало униженіе и невѣжество, въ которомъ погрязали граждане и онъ вздумалъ имъ говорить, при случаѣ, простымъ понятнымъ для нихъ языкомъ, о человѣческомъ достоинствѣ, объ уваженіи къ законамъ... Это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.—Эхъ, ба-

тюшка,—возражали ему:—кажись, вы сами законникъ и исполняете все, что слѣдуетъ по правиламъ и постановленіямъ; а попробуйте-ка не дать на водку будочнику, который пришелъ поздравить васъ съ праздникомъ, не дарить надзирателя вашего квартала, городничаго, такъ посмотрѣли бы мы, какъ вы справились бы съ вашей фабрикой».

Этотъ сильный аргументъ крѣпко озадачилъ проповѣдника. Какъ будто по предчувствію, онъ видѣлъ въ немъ для себя зловѣщее предсказаніе.

Сергѣй Семеновичъ нерѣдко осматривалъ лавки, гдѣ продавались съѣстные припасы, и если находилъ, что они нехорошаго качества, увѣщевалъ продавцовъ воздержаться отъ такой безчестной торговли и понять, что они отравляютъ ею здоровье своихъ ближнихъ. Когда-жъ эти увѣщанія не имѣли успѣха, приглашалъ членовъ полиціи и думы освидѣтельствовать припасы и тогда подвергалъ виновныхъ положенному взысканію. Тутъ ужь начался ропотъ на него.—«Хорошо ему», говорили они: «достались отъ отца милліоны, а намъ, людямъ бѣднымъ, и расторговаться не изъ чего безъ обмана». Онъ вздумалъ объ образованіи своихъ согражданъ, и, не смотря на оппозицію большей части луковцевъ и возгласы ихъ, что дѣды и отцы и безъ грамоты умѣли наживать деньгу, усилилъ средства уѣзднаго и приходского училищъ. Но и тутъ его попеченія не имѣли успѣха. Рѣдкіе купцы отдавали учить дѣтей своихъ въ эти училищныя заведенія.

Когда-жъ онъ вздумалъ слѣдить за преподаваніемъ въ училищѣ, смотритель объявилъ ему наотрѣзъ, что онъ можетъ дѣлать пожертвованія сколько душѣ угодно, а входить въ хозяйственную или въ учебную часть ему не дозволено. Училище для дѣтей фабричныхъ и дѣтей, работающихъ на фабрикѣ, завелъ онъ прежде, но и тутъ запугали его требованія отчетности.

Сильную борьбу долженъ онъ былъ выдержать, когда надо было осушить улицу, куда прямо со дворовъ выбрасывали всякую нечистоту въ лужу, разливавшуюся весною въ озеро и сдѣлавшую эту улицу непроѣзжею отъ топи и зловонія. То же было и съ базарною площадью, гдѣ кляченки бѣдныхъ мужиковъ вязли по уши, а возы уходили по ступицу. Опять тѣни отцовъ и дѣдовъ вызваны на помощь оппозиціи.

— Какая намъ будетъ выгода, что вымостимъ площадь,—говорили граждане: — развѣ дешевле станутъ крестьяне продавать намъ свой товаръ? А что до улицы, видали мы такія и въ губернскомъ городѣ Есть тамъ и губернаторъ и полиціймейстеръ, и тѣ молчатъ. Вздумалъ въ нашемъ городишкѣ заводить порядокъ и чистоту на иностранный манеръ! Загрязнилъ, видно, свой англійскій сапожекъ, али пыхнулъ лишній разъ его тысячный рысакъ, и давай мытарить общественныя денежки. Не смотря, однакожъ, на всѣ эти возгласы, онъ успѣлъ во многихъ своихъ полезныхъ предпріятіяхъ: основалъ богадѣльню, сиротскій домъ, больницу. Надо сказать, что во всѣхъ расходахъ на эти учрежденія онъ былъ главнымъ, если не половиннымъ, вкладчикомъ. Не только заботился Патокинъ объ основаніи ихъ, но и о томъ, чтобы они управлялись гуманно, согласно ихъ цѣли. Важныя пожертвованія его смягчали нѣсколько гнѣвъ невѣжественной оппозиціи.

Бывая въ лѣтнее время, въ воскресные дни, у обѣдни, онъ слышалъ, какъ сквозь растворенныя окна церкви, около которой былъ расположенъ базаръ, врывалась въ нее площадная брань пьяныхъ мужиковъ и мѣшалась съ священнымъ пѣніемъ и богослуженіемъ. Такое безчинство не могло не возмущать душу истинно религіознаго человѣка. Убѣдя членовъ думы и нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ гражданъ, онъ сдѣлалъ

вмѣстѣ съ ними представленіе начальству, «въ уваженіе изъясненныхъ причинъ», о назначеніи другого базарнаго дня вмѣсто воскресенья. Представленіе это, однакожъ, почему-то не имѣло благопріятнаго исхода.

Но несмотря на всѣ эти невзгоды, глубоко огорчавшія и смущавшія Патокина, онъ продолжалъ свое усердное служеніе общественной пользѣ и тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыя почерпнулъ въ *англійской школѣ*, поддерживаемый доселѣ въ своихъ дѣйствіяхъ главными начальниками.

Особенно одинъ изъ нихъ, графъ NN, аристократъ по рожденію, богатству, связямъ и высокимъ душевнымъ качествамъ, любилъ Патокина и всегда искалъ случая доказать, какъ онъ умѣлъ цѣнить усердную, разумную и безкорыстную службу его.

Богатство, конечно, есть достоинство; честность, въ борьбѣ съ бѣдностію, выходящая побѣдительницей изъ этой борьбы, возвышаетъ болѣе личность человѣка, нежели честность того, которому стоитъ только пожелать, чтобы имѣть. Но надо и это приписать къ достоинствамъ графа, что богатство не испортило его. *Человѣкъ* онъ былъ прежде, чѣмъ сдѣлался губернаторомъ, и, сдѣлавшись губернаторомъ, остался *человѣкомъ*. Онъ не добивался этого мѣста; ему предложили его. Онъ принялъ мѣсто не для того, чтобы стать выше другихъ (онъ не былъ ниже ихъ и прежде), а для того, чтобы стать въ ряду людей, истинно полезныхъ своему отечеству, и заплатить ему свой долгъ. Властью, которую получилъ, онъ ничего не пріобрѣталъ, кромѣ большого круга для своей дѣятельности и власти дѣлать добро, котораго онъ не могъ дѣлать прежде. Мѣсто это не возвышало его ни въ глазахъ другихъ, ни въ собственныхъ глазахъ, какъ это бываетъ съ ничтожными людьми, которые изъ пресмыкающихся, угождающихъ и добивающихся власти стараются, получивъ ее, вдругъ воз-

наградить себя на другихъ за долготерпѣніе и униженіе. Не имѣя нужды ломать голову о пріобрѣтеніяхъ, онъ не могъ употребить всѣ свои труды, всѣ помыслы единственно на исполненіе своихъ обязанностей.

Графъ даже съ мелкими чиновниками обращался вѣжливо и никогда не позволялъ себѣ нарушать общественнаго приличія въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, даже обвиненнымъ... Не гремѣлъ онъ возгласами противъ взяточничества, не произносилъ изрѣченій о долгѣ и чести, которыя можно найти даже въ любой прописи, но имѣлъ особенный тактъ заставить зло спрятаться или притаиться въ своихъ норахъ, а это ужь большой шагъ впередъ на пути служебнаго прогресса. Все это безъ шума, безъ крика, безъ письменныхъ выговоровъ, къ которымъ такъ привыкли начальствующія лица, а подчиненныя такъ приглядѣлись, какъ будто бы ихъ потчивали каждую почту по ложкѣ микстуры... Проглотятъ, поморщатся, махнутъ рукой и опять примутся за прежнія продѣлки до новой ложки. Всякій проситель, кто бы онъ ни былъ, дворянинъ, купецъ, крестьянинъ, имѣлъ къ нему скорый доступъ. Онъ не *конфузился* въ минуты трудныхъ обстоятельствъ и отстаивалъ спокойно и энергически правое дѣло и правыхъ людей, хотя бы громы надъ нимъ гремѣли. Форма для графа мало значила; онъ смотрѣлъ на дѣло. Въ своихъ сношеніяхъ съ нисшими мѣстами и лицами онъ не предписывалъ строжайше, а *просилъ;* но знали эти мѣста и лица, что просьба его важнѣе всѣхъ строжайшихъ предписаній. Его боялись, хотя и не былъ онъ грозенъ по наружности. Знали, что его нельзя подкупить ни лестью, ни угожденіями, ни даже точнымъ исполненіемъ формальностей, но знали также, что человѣкъ, сдѣлавшійся ему извѣстнымъ безчестнымъ поступкомъ, не получитъ пощады, хотя бъ за него были исправное веденіе дѣлопроизводства и по-

кровительство всѣхъ сильныхъ міра сего. Честныхъ, благородныхъ сослуживцевъ, какъ онъ называлъ ихъ, отличалъ особеннымъ своимъ вниманіемъ, публично выражаемымъ. Графъ подавалъ свою чистую руку такимъ людямъ, хоть бы они не считались выше 10-го класса, и приглашалъ ихъ на свои торжественные обѣды, между тѣмъ какъ на этихъ обѣдахъ не видать было иного статскаго совѣтника. Разсказываютъ, что жена одного дивизіоннаго генерала, женщина очаровательная во всѣхъ отношеніяхъ, узнавъ, что не приглашенъ на такой обѣдъ совѣтникъ какой-то палаты, покровительствуемый ею за то, что должна ему была, и за то, что онъ составлялъ почти ежедневную карточную партію съ ея мужемъ, умоляла графа обратить гнѣвъ на милость и снять опалу съ ея protégé. Графъ, хотя и поклонникъ прекраснаго пола, объявилъ генеральшѣ, что онъ готовъ все для нея сдѣлать, но отступиться отъ своихъ правилъ не можетъ. Онъ умѣлъ окружить себя избранными людьми, честными и дѣльными, большею частію университетскими кандидатами, хотя и не съ великосвѣтскими манерами и аристократическими именами. Небольшіе оклады ихъ онъ щедро дополнялъ изъ своего жалованья, въ которомъ только росписывался. Достойнѣйшихъ старался онъ возвысить и по служебной іерархіи.

Патокинъ, изо всѣхъ головъ губерніи, пользовался его особеннымъ расположеніемъ. Сергѣй Семеновичъ не добивался никакихъ наградъ,—онѣ сами нашли его. Двѣ золотыя медали, крестъ и, наконецъ, званіе коммерціи-совѣтника свидѣтельствовали объ его заслугахъ и оцѣнкѣ ихъ губернаторомъ. Несмотря, что нѣкоторые граждане имѣли на него неудовольствіе за нововведенія «на иностранный манеръ», какъ они говорили, Патокинъ былъ избранъ на третье трехлѣтіе — богатыми, можетъ быть, изъ боязни прогнѣвить выс-

шую власть, бѣдными единодушно изъ любви и благодарности къ человѣку, который всегда такъ горячо стоялъ за интересы меньшой братьи. Въ это время графъ NN получилъ другое назначеніе. Много лѣтъ прошло съ того времени, но губернія и до нынѣ чтитъ его память и произноситъ имя его съ благодарностію. На мѣсто его назначенъ новый начальникъ, совсѣмъ иного покроя. По разстройству своихъ денежныхъ обстоятельствъ, онъ пошелъ въ губернаторы съ цѣлью поправить ихъ. А съ такими видами и самый умный, самый дѣятельный человѣкъ, хотя бы онъ хваталъ звѣзды съ неба, будетъ всегда дурнымъ правителемъ. Онъ пріобрѣлъ имя великаго дѣльца во время ревизіи одной губерніи, куда посланъ былъ на испытаніе. Новая метла не могла бы задорнѣе пройти по ней. Болѣе всего обратилъ онъ вниманіе на бумажное производство, и по этой наукѣ былъ великій художникъ. Всѣ чердаки въ присутственныхъ мѣстахъ, всѣ подвалы и мышьи норы были имъ осмотрѣны. Ни малѣйшаго отступленія отъ обрядности не проглядѣлъ, ни одного листочка бумажнаго не оставилъ безъ повѣрки. Отчеты его по ревизіи заключались въ нѣсколькихъ томахъ. Маленькихъ бездѣльниковъ выгналъ онъ, но пощадилъ крупныхъ, которые искусно крали. Ни объ одномъ честномъ человѣкѣ не сказалъ слова. Нашелъ онъ было такой рѣдкій субъектъ, да и тотъ, по докладу приближеннаго человѣчка, оказался не *подходящимъ* подъ его аттестацію—честный, да будто дѣло худо знаетъ. Можно бы перевесть этотъ отзывъ слѣдующимъ образомъ: не дѣлецъ брать взятки, хотя эта наука такъ легка, сама въ руки дается. Ревизоръ не взялъ на себя труда сдѣлать этотъ переводъ.

Прибывъ въ *свою* губернію (такъ онъ ее называлъ и скоро попривыкъ считать ее *своею*), онъ началъ все ломать и напустилъ на нее такой страхъ, что волки

и комары пришли одинаково въ трепетъ. Зная, что за форму болѣе отвѣтственности, нежели за дѣло, онъ и сдѣлалъ форму своимъ кумиромъ и самъ олицетворилъ въ себѣ этотъ кумиръ, которому должны были всѣ покланяться. Кто передъ нимъ не падалъ и не курилъ ему ѳиміама, былъ либералъ. Возраженій онъ не терпѣлъ. Точное исполненіе—и больше ничего. На подчиненныхъ смотрѣлъ онъ, какъ на счетныя косточки, которыя должны были дѣлать, что укажетъ движеніе его перста. Чиновники, окружавшіе прежняго начальника, для него не годились; на мѣсто ихъ поступили новые люди съ старою закваской — *рыбаки*. Обращеніе его было грубое, даже дерзкое. Все въ губерніи трепетало, сказали мы. И въ Луковкахъ отдались громы этого губернскаго Юпитера. Патокинъ-король, не имѣя никакихъ причинъ трепетать, не тревожился. Всѣ головы губерніи предстали на поклоненіе новому начальнику; не явился одинъ Патокинъ. Ожидая со дня на день ревизіи его, о которой заранѣе былъ извѣщенъ, онъ хотѣлъ представиться ему со всѣмъ городскимъ обществомъ въ Луковкахъ, какъ сдѣлалъ это при поступленіи губернаторомъ графа NN. Такое нарушеніе этикета взбѣсило начальника. — Мои предмѣстники избаловали этого гордеца,—говорилъ онъ приближеннымъ своимъ:—я отучу его либеральничать.

Пріѣхалъ онъ дѣйствительно скоро на ревизію въ Луковки, но не остановился въ домѣ Патокина, какъ это дѣлали прежніе начальники, которымъ и въ мысль не приходило, что могутъ ихъ заподозрить въ подкупѣ какимъ-нибудь обѣдомъ или хорошею квартирой. При общемъ представленіи городского общества, онъ обошелся съ головою сухо. Въ думѣ придирался ко всякой бездѣлицѣ, ко всякой ошибкѣ писца, швырялъ книги и дѣла едва не въ лицо секретарю; выговаривалъ головѣ, что онъ мѣшается въ полицейскія дѣла,

ему не подвѣдомыя и потому превышаетъ свою власть, однимъ словомъ, — *оборвалъ* его. Патокинъ осмѣлился возразить, что всѣ его дѣйствія были извѣстны предмѣстнику его превосходительства и за нихъ не было дѣлаемо никакихъ замѣчаній; что графъ NN недавно обревизовывалъ думу и благодарилъ за примѣрную исправность дѣлопроизводства и городского хозяйства.—Мнѣ какое дѣло до другихъ? — сказалъ губернаторъ: — другіе могли быть близоруки, а я, слава Богу, имѣю хорошее зрѣніе, далеко вижу. Прошу у меня не умничать. Я нахожу у васъ дурное дурнымъ, и вамъ это объявляю.

Патокинъ не возражалъ болѣе.

Передъ выѣздомъ начальника изъ Луковокъ, городничій былъ призванъ къ его превосходительству на конфиденціальную аудіенцію. Какія наставленія были ему даны подъ рукой, неизвѣстно, но съ того времени городничій обратился спиной къ Патокину; до этой же поры былъ съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ; какъ холостой человѣкъ, онъ каждый день пользовался его столомъ и получалъ отъ него въ срокъ щедрую аксиденцію.

Ревизія, однакожъ, не имѣла для Патокина никакихъ важныхъ послѣдствій, кромѣ выговора за неисправность дѣлопроизводства по думѣ. Онъ оставался спокоенъ. Но спокойствіе это было, однакожъ, непродолжительно.

До сихъ поръ не удавалось сокрушить Патокина, какъ голову; отыскивали случай погубить его какъ фабриканта, какъ частное лицо. Городничій, наведенный на эту мысль, лѣзъ изъ кожи, чтобы угодить начальству.

Случай этотъ былъ скоро найденъ.

Мы сказали, что у Патокиныхъ былъ сынъ Владиміръ. Послѣ него родилась дочь, но малютка, при-

гожая и смышленая, порадовала ихъ только одинъ годъ. Ее звали Дуней. Она мелькнула на землѣ, какъ мимолетная гостья. Горько плакали отецъ и мать, проводивъ на кладбище розовый гробикъ, въ которомъ дитя, убранное цвѣтами, улыбаясь ангельскою улыбкой, лежало, какъ будто во снѣ летѣло на встрѣчу своихъ неземныхъ братьевъ и сестеръ.

Послѣ этой потери сынъ сдѣлался для Патокиныхъ еще дороже. Хорошенькій мальчикъ, умомъ своимъ и быстрыми успѣхами въ ученіи, подавалъ прекрасныя надежды. Съ добротою сердца отца онъ соединялъ энергію дѣда и настойчивость матери. Сначала у него былъ гувернеромъ какой-то самозванецъ маркизъ, полуитальянецъ, полуфранцузъ. Мальчику было девять лѣтъ, когда учитель, послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ уроковъ географіи, хотѣлъ познакомить его съ своей родиной — Франціей. Ученикъ просилъ, чтобы онъ началъ съ Россіи. — Прежде всего мнѣ нужно знать свое отечество,— говорилъ Володя. Маркизъ все держался за Францію, Володя не отступалъ. Маркизъ поставилъ его на колѣни; наказанный мальчикъ твердилъ одно и то же. Учителю запрещено было отцомъ и матерью употреблять всякаго рода тѣлесныя наказанія. Внѣ себя, онъ схватилъ пистолетъ, висѣвшій у него надъ кроватью и грозилъ застрѣлить непокорнаго ученика.

— Стрѣляйте,—сказалъ Володя, а я съ Франціи начинать не буду.

Сумасшедшаго гувернера уволили.

За нимъ поступилъ гувернеромъ къ Володѣ женевецъ Ришаръ. Слишкомъ восемь лѣтъ пробылъ онъ въ домѣ Патокиныхъ и полюбилъ отъ души своего ученика. Съ этою благородною, воспріимчивою натурой, замѣтилъ онъ, надо обращаться бережно; стоитъ только набросить на нее здоровыя сѣмена, чтобы они взошли

сторицей. Не имѣя глубокихъ познаній въ наукахъ, Ришаръ, однакожъ, успѣлъ передать ученику всѣ свои познанія и, что дороже всякихъ знаній, любовь ко всему прекрасному, высокому и благородному и ненависть къ угнетенію и несправедливости. Жена Ришара, жившая съ нимъ вмѣстѣ, учила Володю нѣмецкому языку. Страстная поклонница Шиллера, она напитала душу Володи благоговѣйною любовію къ своему любимому поэту. Чего не доставало у Ришара для полнаго, основательнаго цикла образованія его ученика, то дополнили въ Москвѣ, куда Патокины ѣзжали каждую зиму, русскіе учители изъ гимназіи и даже профессора университета. Мальчикомъ Володя былъ записанъ на службу, но и тутъ все-таки продолжалъ учиться. Въ неблагопріятный для Сергѣя Семеновича годъ, когда начались на него гоненія, онъ не ѣздилъ въ Москву, а отправилъ туда сына съ Ришаромъ къ генералу Огрызкову. Ветеранъ временъ Александровскихъ пріютилъ въ своемъ домѣ сына своего пріятеля и его гувернера и взялся наблюдать за нравственностью юноши.

Въ отсутствіе Володи (лѣтъ за шесть до нашего разсказа) случилось въ домѣ отца его происшествіе, о которомъ хочу говорить. Оно имѣло одно направленіе, а получило конецъ, не соотвѣтствующій ему. Такъ стрѣла, пущенная ловкимъ и могучимъ стрѣлкомъ въ завидѣнную цѣль, но перехваченная на пути сильнымъ порывомъ вѣтра, попадаетъ совсѣмъ въ другую сторону. Странно иногда играетъ судьба человѣческими замыслами и расчетами!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Въ одну глубокую полночь полицейскіе служители и понятые оцѣпили фабричный домъ Патокина и стали на стражѣ у всѣхъ входовъ и выходовъ, такъ что никто не могъ пройти мимо нихъ ни изнутри, ни со двора. Самъ городничій, въ доспѣхахъ Беллоны, распоряжался дѣйствіями своей команды. Гдѣ нужно, разставлены *секреты*. Отрядный офицеръ, желая застать непріятеля врасплохъ, не могъ бы дѣйствовать исправнѣе. Усердно-рабское желаніе угодить высшему лицу окрыляло его. Увѣрившись, наконецъ, что врагъ не ускользнетъ, онъ, не церемонясь, вторгнулся въ квартиру Опенкина. Приглашенный на этотъ случай ратманъ былъ блѣднѣе полотна; онъ полагалъ, что городничій отыскалъ вѣрные слѣды дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, или важнаго преступника. Предсталъ предъ ними Опенкинъ, успѣвшій только вскочить съ постели и спросонья набросить на себя, что только нашелъ подъ руками. Можно вообразить, какія гримасы дѣлало его лицо и какъ смѣшенъ онъ былъ въ своей импровизованной одеждѣ. Его била лихорадка, едва попадалъ зубъ на зубъ. Онъ вспомнилъ о пожарѣ, о похищеніи денегъ, и мало ли что ему представилось!

— Посмотрите, какъ онъ испугался,—сказалъ, смѣясь, городничій ратману:—знаетъ кошка, чье мясо съѣла

— Ключи отъ конторскаго шкапа!—крикнулъ онъ грозно:—и паспорты рабочихъ! При этомъ требованіи у Опенкина отлегло отъ сердца; онъ догадался въ чемъ дѣло. Конторскій шкапъ открытъ, паспорты и книги, гдѣ они записывались, вынуты и вручены городничему, который, запечатавъ ихъ своею и конторскою печатями, завернулъ въ свой носовой платокъ. Затѣмъ начальникъ луковской полиціи удалился, наказавъ своей командѣ не отлучаться отъ назначенныхъ имъ постовъ, никого не впускать въ фабричный домъ и никого не выпускать изъ него до слѣдующаго утра, когда будетъ сдѣлана перекличка всѣмъ фабричнымъ. Проводивъ его, Опенкинъ съ помощію серебрянаго проводника успѣлъ пробраться къ Сергѣю Семеновичу и обо всемъ ему донести. Патокинъ былъ глубоко оскорбленъ дѣйствіями полиціи и встревоженъ неизвѣстностью того, что подало поводъ къ нимъ. Спросивъ, однакожъ, своего главнаго конторщика и приказчика, всѣ ли паспорты въ порядкѣ и получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, успокоился.—Утро вечера мудренѣе,—сказалъ онъ:—оставьте полицію дѣлать какъ хочетъ, и исполняйте безотговорочно, что ни потребуютъ. Мы отвѣчаемъ за свои дѣйствія, она будетъ отвѣчать за свои.

Къ утру это происшествіе ходило ужь по городу съ разными прибавленіями и коментаріями, и надѣлало много шуму. Кто говорилъ, что на фабрикѣ дѣлаютъ фальшивую монету, кто увѣрялъ, что тамъ укрывается бѣглецъ, а другіе божились, что нашли убитую женщину. Всѣ жалѣли Патокина; смолкли неудовольствія противъ него; любовь къ нему народная возрасла отъ этого случая. Купцы шепотомъ пороптали между собою, но никто изъ нихъ не смѣлъ гласно заявлять

оскорбленіе, нанесенное всему обществу въ лицѣ головы, и даже явиться къ нему въ домъ,—пожалуй, еще притянутъ къ уголовному дѣлу. Одинъ старый англичанинъ, бывшій еще до Джонса на фабрикѣ механикомъ, громко негодовалъ и говорилъ, что еслибы въ Англіи случилось такое происшествіе, то весь городъ всталъ бы, какъ одинъ человѣкъ, чтобъ протестовать противъ оскорбленія, нанесеннаго честному гражданину. «Такъ дѣйствуютъ у насъ,—говорилъ онъ:—только съ обличенными преступниками».

— То у васъ, а то у насъ,—возразилъ ему одинъ изъ первостатейныхъ гражданъ: —всякому своя рубашка ближе. Отплатится Сергѣй Семеновичъ своей мошной, и обида сбѣжитъ, какъ съ гуся вода. Все-таки будетъ у насъ въ чести и уваженіи.

— Хотя ваши бумажки и плохо идутъ у насъ за-границей, — отвѣчалъ англичанинъ: —а, по словамъ вашимъ, вижу, что курсъ ихъ высокъ у васъ дома—выше общественнаго мнѣнія, выше всѣхъ нравственныхъ началъ, выше закона.

— Поди ты съ своими законами и какими-то *началами*, откуда пришелъ!—довершилъ первостатейный:—не страшенъ законъ, а страшенъ судья. Намъ бы далъ Богъ только, въ случаѣ невзгоды, уберечь себя.

На другой день дѣло объяснилось. Городничій, при ратманѣ и Опенкинѣ, сдѣлалъ по книгамъ перекличку всѣмъ рабочимъ, находящимся на фабрикѣ. Оказалось, что у трехъ фабричныхъ были паспорты на простой бумагѣ, у двухъ примѣты на паспортахъ показаны не совсѣмъ правильно: вмѣсто сѣрыхъ глазъ, оказались каріе, вмѣсто остраго подбородка—круглый, родимое пятно на плечѣ не обозначено. У одного не оказалось вовсе паспорта. Преданный своему долгу, городничій осматривалъ фабричныхъ во всей подробности, какъ

художникъ натурщиковъ. Онъ объявилъ, что паспорты фальшивы, а одинъ рабочій вовсе безпаспортный—все равно что бѣглый и потому хозяинъ фабрики противозаконно держалъ ихъ у себя. Опенкинъ со всѣмъ должнымъ благоговѣніемъ, подобающимъ такой грозной персонѣ, осмѣлился доложить, что помѣщики, по закону, имѣютъ право давать виды своимъ крѣпостнымъ на простой бумагѣ, если разстояніе отъ селенія, куда они приписаны, до мѣста, куда они отпускаются на заработки, не болѣе тридцати верстъ; примѣты могли быть ошибочно написаны писцомъ казначейства, какъ это нерѣдко случается, что одинъ фабричный не имѣетъ паспорта, такъ это потому, что, когда собирался за нимъ въ казначейство, заболѣлъ и только вчера всталъ. Опенкинъ прибавилъ, что его благородію обо всемъ этомъ извѣстно по ревизіи, которую онъ дѣлалъ не болѣе двухъ недѣль назадъ, и его благородіе изволилъ отозваться, что все это—пустяки.

— Я не говорилъ этого,—закричалъ городничій:—ложь, клевета! Впрочемъ мы все это провѣримъ.

И дѣйствительно, въ скоромъ времени губернское начальство, получивъ донесеніе объ этомъ *важномъ казусѣ*, прислало изъ Расторгуева (такъ назывался губернскій городъ) землемѣра для провѣрки разстоянія, которое должно было опредѣлить: законны или не законны виды, писанные на простой бумагѣ. Отъ нѣсколькихъ саженъ зависѣла участь Патокина.

Оказалось, съ натяжкою, 32 версты. Сергѣй Семеновичъ, по точной буквѣ закона, подлежалъ суду; той же участи должны были подвергнуться и помѣщики, дававшіе виды своимъ крестьянамъ на простой бумагѣ. Шутка была плохая, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ ждать помилованія отъ главнаго судьи, заявившаго себя его личнымъ врагомъ. Онъ впалъ въ глубокое уныніе. Конечно, Патокинъ современемъ оправдался бы,

но преданіе суду было ужь для него позоромъ, могло попасть и въ формуляръ.

— Горевать некогда, — сказала Марѳа Михайловна:—ѣдемъ въ Расторгуевъ.

— Какъ, ѣдемъ?—спросилъ Сергѣй Семеновичъ.— Поѣду я одинъ, а ты что будешь тамъ дѣлать? Не по присутственнымъ мѣстамъ и губернаторамъ ходить тебѣ!

— Не все въ присутственныхъ мѣстахъ рѣшаются дѣла,—сказала Марѳа Михайловна.—Часто и легче они обдѣлываются въ кабинетахъ, спальняхъ и на заднихъ крыльцахъ. Я слышала, что первая дама въ городѣ въ иныхъ случаяхъ—очень ловкая женщина... Ей нужны до-зарѣза деньги; ужь и въ Луковки были засылы. Я буду твоимъ стряпчимъ. Дай мнѣ денегъ и денегъ.

— Бери, сколько угодно, лишь бы мнѣ спасти свое доброе имя. Не пожалѣю ничего.

— Такъ ѣдемъ, и сейчасъ.

— Ты забыла, другъ мой, что я должностное лицо, и мнѣ на отлучку изъ Луковокъ надо испросить позволенія начальства.

— Пиши и проси. Но знай напередъ (Марѳа Михайловна задумалась, соображая что-то въ головѣ своей), что пока ты получешь разрѣшеніе, я съѣзжу въ Москву, зачѣмъ—это мое дѣло.

— Почти триста верстъ крюку?..

— Это опять дѣло моего здоровья. Мнѣ нужно побывать у перваго калачника.

Мужъ пожалъ плечами.

Еслибъ Марѳа Михайловна хорошо знала Шекспира, то могла бы при этомъ недоумѣніи мужа перефразировать знаменитое изрѣченіе Гамлета: «есть, мой другъ, такія чудеса на Руси, которыя и не снились вашимъ мудрецамъ»; но такъ какъ она во всю жизнь свою прочла

только два, три французскіе романа въ русскомъ переводѣ, то прибавила своею собственной прозой: «между тѣмъ пошли Опенкина въ Расторгуевъ, чтобы онъ выхлопоталъ тебѣ скорѣе отпускъ и разузналъ всѣ мышьи норы. Елизаръ плутъ, что бы ты ни говорилъ; но такой человѣкъ намъ теперь нуженъ. Лучшей ищейной собаки не найти».

— Будь по твоему,—сказалъ Сергѣй Семеновичъ, послалъ по эстафетѣ просьбу объ отпускѣ, снарядилъ въ дорогу Опенкина, получившаго отъ Марѳы Михайловны нужную инструкцію, и снабдилъ свою супругу пачкой кредитокъ.

Была зимняя пора. Искуснѣе всякихъ Макъ-Адамовъ снѣгъ устлалъ и уровнялъ дорогу Марѳѣ Михайловнѣ— катись по ней, какъ по ковру-самолету. Гоголевскія тройки-птицы, съ придачею имъ золотыхъ крыльевъ, доставили ее въ Москву и возвратили домой въ одни сутки съ небольшимъ. Въ Москвѣ она успѣла только обнять сына. Что она привезла въ ящикѣ, который хранила, какъ зеницу ока — ночью подъ подушкой, днемъ, въ дорогѣ, на колѣнахъ — не показала даже мужу.

Черезъ дня три получено разрѣшеніе Патокину отлучиться отъ должности въ кратковременный отпускъ.

Марѳа Михайловна не предалась долго отдыху. Въ нѣсколько минутъ уложены были лучшія ея платья и наряды въ важи, баулы и картоны.

Между тѣмъ Опенкинъ не дремалъ въ Расторгуевѣ. Задобривъ сначала нумерного слугу въ гостиницѣ средней руки, въ которой остановился, и узнавъ отъ него, что хозяинъ бываетъ съ утра до вечера подъ-хмѣлькомъ, залучилъ его въ свой нумеръ. Поставили самоварчикъ, заварили чай, и, за обильнымъ возліяніемъ русскаго нектара, съ прибавкою кизлярки, начался

откровенный разговоръ. Опенкинъ выдавалъ себя за купца, пріѣхавшаго взять подрядъ на дрова въ какія-то заведенія, и потому секретничать при немъ было нечего. Въ два часа упоительной бесѣды, почти всѣ городскія тайны были ему извѣстны. Губернскія власти думаютъ, что эти тайны хранятся у нихъ подъ надзоромъ сфинкса; но стоитъ только, какъ частное лицо, пріѣхать въ любой губернскій городъ, и въ первой гостиницѣ, гдѣ вы остановитесь, первый половой разскажетъ вамъ всѣ загадки этого сфинкса. Вы тотчасъ узнаете, кто беретъ взятки самъ или чрезъ посредника, кто не беретъ, если есть такой феноменъ, кто какъ живетъ съ женой, содержитъ ли кто пріятельницу, что у кого варятъ въ горшкахъ или кастрюляхъ, кто ѣстъ рябчики, а кто студень.

Опенкинъ узналъ, между прочимъ, слѣдующее: «Градоначальникъ, по пріѣздѣ въ Расторгуевъ, наведъ было на всѣхъ грозу, но скоро угомонился и пріутихъ, потому что денежныя дѣла его плохи. Правитель его канцеляріи рыжій, съ бѣльмомъ на глазу, оплылъ отъ жиру. Когда пріѣзжаютъ въ городъ исправники и городничіе, они задаютъ ему обѣды въ гостиницѣ, и на этихъ обѣдахъ то и дѣло щелкаютъ въ потолокъ пробки. «Тогда мнѣ *лафа*», прибавлялъ половой. Но правитель не довольствуется съѣстнымъ и питьемъ; все это, говоритъ, путешественники; подавай еще осѣдлаго, чистогану. На всѣхъ этихъ посѣтителей града Расторгуева наложенъ ужь годовой оброкъ. Заборы въ больницѣ рубятся на дрова, потому что отъ подрядчика принимается только половинное количество дровъ, а деньги за другую половину—идутъ въ карманы распорядителей [1]). И потому, еслибъ можно

[1]) Читатель, конечно, сообразитъ по времени, съ котораго начинается нашъ разсказъ, что все, здѣсь описываемое — дѣла давно минувшихъ лѣтъ.

было оттѣснить прежняго подрядчика, то выгодно взять поставку дровъ. Но что всего важнѣе было для Опенкина, такъ это свѣдѣнія о домашнихъ дѣлахъ первой дамы въ городѣ. Она ищетъ денегъ, чтобы выручить серебро и брилліанты, заложенные въ Петербургѣ; сверхъ того, надо внести ей въ опекунскій совѣтъ проценты по имѣнію. — Ужь и ко мнѣ засылали,—прибавилъ хозяинъ гостиницы:—да я не имѣю въ наличности, а можно бы черезъ эту даму дѣлать хорошія дѣла.

По пріѣздѣ Патокиныхъ въ Расторгуевъ, они остановились въ лучшей гостиницѣ и заняли нѣсколько нумеровъ. Ихъ ожидалъ тамъ Опенкинъ съ своимъ онесеніемъ.

Марѳа Михайловна, въ знакъ удовольствія, подала своему чиновнику особыхъ порученій руку.

Сергѣй Семеновичъ поспѣшилъ явиться къ начальству. Доложили о немъ. Приказано дожидаться. Болѣе часа прошло въ ожиданіи. Между тѣмъ какой-то чиновникъ, среднихъ лѣтъ, въ шитомъ воротникѣ, съ крестомъ на шеѣ, бывшій въ пріемной комнатѣ, услыхавъ фамилію Патокина, любезно подошелъ къ нему, сказалъ, что счастливымъ себя считаетъ съ нимъ познакомиться; что такіе люди, какъ Сергѣй Семенычъ, дѣлаютъ честь не только губерніи, но и всей Россіи, и рекомендовалъ себя, какъ *членъ* какого-то присутственнаго мѣста.—У меня, въ отдѣленіи, ваше дѣло,—прибавилъ онъ:—началось худо; негодяй нагородилъ на васъ разные вздоры. Оскорбленіе велико—въ полночь вломиться въ домъ, оцѣпить его своими сбирами—это неслыханно. Онъ пострадаетъ за это.

— Лишь бы я не страдалъ,—отвѣчалъ Патокинъ.

— Рѣшеніе еще не послѣдовало. Мы промедлимъ нѣсколько дней. Предупреждаю васъ. *нашъ* приметъ васъ не совсѣмъ благопріятно. Вы на это не смотрите;

онъ всегда на первый разъ суровъ. Сдѣлайте съ своей стороны уступки; повѣрьте: «все перемелется, мука лучшая будетъ».

Послышался звонокъ, затѣмъ суровый голосъ изъ кабинета: «Луковскаго голову!»

Патокинъ вошелъ.

Начальникъ сидѣлъ въ креслахъ, у письменнаго стола, противъ двери, подъ портретомъ современнаго министра и еще какого-то знатнаго господина. Портретъ бывшаго министра удаленъ на болѣе скромное мѣсто.

Онъ не могъ не видѣть прихода Патокина, но для вящаго эффекта углубился въ писаніе, бросая на бумагу дикіе взгляды, которые должны были отпрыгнуть на сердце головы.

Жесткія черты шафраннаго лица, жесткіе волосы, вставшіе щеткой, злой взглядъ, — все это уже было знакомо Патокину. Пробѣгая про себя написанныя строки, онъ непріятно чмокалъ губами. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ Патокинъ осмѣлился прервать молчаніе.

— Честь имѣю явиться, луковскій голова, — сказалъ онъ.

— Слышу и вижу,—отвѣчалъ сурово начальникъ и насупилъ юпитеровскія брови.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, — продолжалъ онъ, когда достаточно потомилъ своимъ взглядомъ Сергѣя Семеновича, будто кошка свою крылатую жертву, пока не бросится на нее и не вонзитъ въ нее своихъ когтей:—что у тебя за исторія на фабрикѣ? Ты держишь у себя безпаспортныхъ людей. Знаешь ли, чѣмъ это пахнетъ? Восточнымъ воздухомъ, сударь. Не посмотрятъ, что на тебѣ навѣшены медали и крестъ.

— Всѣ люди, которыхъ я имѣю на фабрикѣ,— отвѣчалъ Патокинъ:—снабжены законными видами.

— Такъ-съ, законными... писанными на простой бумагѣ? Это явный подрывъ государственнымъ доходамъ!

— Законъ дозволяетъ помѣщикамъ выдавать такіе виды своимъ людямъ, отпускаемымъ въ заработки на тридцати-верстное разстояніе.

— Землемѣръ нашелъ слишкомъ 32 версты.

— Мы не имѣемъ возможности повѣрять разстоянія и должны вѣрить помѣщикамъ.

— Хорошо, мы увидимъ. Законъ впереди всего. Я ничего тутъ не могу одинъ, своимъ лицомъ; есть на то коллегія... Завтра рѣшеніе состоится; тебѣ объявятъ. До свиданія.

Начальникъ кивнулъ и сталъ опять писать.

Патокинъ поклонился и вышелъ.

— Плохо, — сказалъ онъ женѣ, возвратившись домой.

— Ты былъ у *него*, — отвѣчала Марѳа Михайловна:—посмотримъ, что скажу тебѣ, когда возвращусь отъ *нея*.

Черезъ два-три часа велѣно было подать карету. Патокина, богато и со вкусомъ разряженная, велѣла ѣхать на площадь, къ дому, у котораго ходитъ часовой; но, подъѣзжая къ нему, послала узнать, есть ли на дворѣ экипажи; если есть, кто у ея превосходительства? если нѣтъ,—можетъ ли принять *генеральша?* Приказано дать швейцару трехрублевую кредитку.

У генеральши никого не было; принимаетъ.

Въ передней видѣли, что Патокина держала въ рукахъ просвиру и калачъ.

— Экая дура! — сказалъ ей вслѣдъ одинъ изъ слугъ:—наши такихъ приношеній не любятъ.

— А можетъ, калачъ съ начинкой,—возразилъ дворецкій, человѣкъ бывалый.

И дворня расхохоталась.

Швейцаръ, въ знакъ своего усердія къ зеленой кредиткѣ, ударилъ въ звонокъ лишній разъ противъ положенія.

— Жена луковскаго головы, — сказала она, представляясь ея превосходительству.

Первой дамѣ казалось лѣтъ подъ сорокъ; наружность ея была самая обыкновенная, между тѣмъ какъ она увѣрена была, что въ физіономіи ея есть что-то imposant. Чиновники ея мужа находили то же. Манеры ея были натянуты, и не мудрено: когда въ Петербургѣ ей сдѣлалось извѣстно о назначеніи мужа, она училась у какой-то актрисы величественнымъ позамъ. Современемъ враги ея—а кто-жъ изъ великихъ людей ихъ не имѣетъ?—въ губернскомъ городѣ дали ей прозваніе какой-то птицы, на которую она будто походила. Она была довольна ограниченнаго ума, но на нѣкоторыя вещи очень ловка и искусна. Болѣе всего заботилась она объ охраненіи своего наружнаго достоинства. Сколько исторій затѣвалось въ *собраніяхъ* изъ-за креселъ, обыкновенно занимаемыхъ ею, на которыя, до ея пріѣзда, случалось сѣсть или неопытной провинціалкѣ, или одной изъ дамъ, называемыхъ *осами*. Эти осы, не боясь скандала, любятъ укусить подобныхъ чванныхъ особъ въ самое больное мѣсто.

Первая дама окинула Патокину съ ногъ до головы и невольно остановила взглядъ свой, не безъ нѣкоторой зависти, на крупномъ брилліантѣ, горѣвшемъ на груди купчихи.

— Я была у Троицы; — прибавила Марѳа Михайловна, поднося просвиру и калачъ;—просвиру эту вынули за здравіе ваше и всего вашего семейства (чтобы придать себѣ болѣе вѣса, она не употребила словъ; ваше превосходительство). — Безъ калача московскаго не смѣла явиться къ вамъ. Прошу принять отъ усердія моего.

Чуткая рука приняла и успѣла взвѣсить просвиру и калачъ; щеки ея отъ чего-то зардѣлись... Не смѣю дѣлать никакихъ коментарій насчетъ этого безгрѣшнаго приношенія, только обязанъ, по долгу историка, сказать, что на первомъ балѣ замѣтили на груди первой дамы богатый фермуаръ, который такъ и разливался чудной водой своихъ брилліантовъ.

— Дары отъ угодника Божія,—сказала она, дружески пожимая руку у Патокиной:—лучшаго подарка вы не могли мнѣ сдѣлать. Благодарю васъ, милая... ваше имя и отчество?

— Марѳа Михайловна.

— Благодарю васъ, милая Марѳа Михайловна. А калачъ московскій... это здѣсь такая рѣдкость... Мы нынче же за чаемъ его уничтожимъ.

— Извините, — поспѣшила перебить ее Патокина, покраснѣвши въ свою очередь,—калачъ я дорогой не чаянно надломила...

При этомъ замѣчаніи голова первой дамы озарилась смѣтливостью стараго дворецкаго.

— Ничего, ничего,—сказала она, указавъ Патокиной мѣсто подлѣ себя на диванѣ и пожавъ ей еще разъ руку,—я его сама прежде попробую.

— Ah! que c'est charmant!—прибавила она, отводя разговоръ отъ калача и пощупавъ матерію на платьѣ Патокиной.

— Мужъ выписалъ изъ Парижа.

— Какъ вы счастливы, что имѣете средства выписывать наряды прямо изъ Парижа. А блонды, Боже мой! точно изъ туалета какой-нибудь принцессы...

— Если вы удостоите меня своими порученіями, я за счастье почту выписать вамъ точно такія.

— Нѣтъ, на первый разъ это слишкомъ много любезности съ вашей стороны. Когда-нибудь послѣ... когда мы сблизимся... вы узнаете меня покороче...

И на ланиты Маѳы Михайловны легъ дружескій привѣтъ ея превосходительства.

— Надѣюсь, вы останетесь у насъ нѣсколько дн е погостить. Я представлю вамъ моего мужа (здѣсь она употребила дюмасовскую рекомендацію, давшую поводъ къ печатной статьѣ; обыкновенно же она говорила: «я представлю васъ моему мужу»).

— Кстати, у насъ послѣ-завтра балъ по случаю рожденія моей старшей дочери. Какъ хотите, madame Патокинъ, вы у насъ теперь подъ начальствомъ, вы должны украсить нашъ вечеръ.

— Благодарю покорно... но со мною мужъ. Я безъ него, по нашему купеческому обычаю, не выѣзжаю на вечера.

— Такъ мы пригласимъ васъ съ мужемъ.

— Онъ являлся къ его превосходительству и былъ худо, даже обидно, принятъ.

— Да, бишь, онъ луковскій голова; у него какая-то скверная исторія съ городничимъ.

Первая дама знала всѣ *нужныя* дѣла по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и иногда мѣшалась въ совѣщанія мужа съ членами этихъ мѣстъ.

— Съ мужемъ моимъ поступила полиція, какъ съ преступникомъ; ночью оцѣпили нашъ домъ будочники; не знаю, какъ я осталась жива... Такой позоръ на весь городъ, на всю губернію!... Нельзя, чтобы эта исторія не разошлась далѣе...

— Негодяй!... мы это какъ-нибудь уладимъ. А что мой мужъ принялъ вашего непріятно, такъ вы извините его... Онъ такъ обремененъ дѣлами... съ утра до поздней ночи возится съ ними... Вѣчно самъ пишетъ... поручить некому... Это труженникъ. Однихъ журналовъ нанесутъ къ нему цѣлую гору изъ разныхъ мѣстъ. А проекты? — Много *его братьи* на Руси, а ему все поручаютъ... Смотрѣть на него жалко, поневолѣ го-

лова идетъ кругомъ и жолчь накипитъ на сердцѣ... Повѣрите ли, онъ не имѣетъ времени провесть нѣсколько минутъ съ своимъ семействомъ. Вѣрно, monsieur Патокинъ попалъ не въ добрый часъ. Итакъ, дайте мнѣ слово... послѣ завтра у насъ, не такъ-ли?

— Если мой мужъ...

— Ужь, конечно, и его пригласимъ. Вашу руку, madame Патокинъ. — А знаете ли, мы съ вами давно знакомы, хотя не лично.

— Какъ это?

— Сестра генерала Огрызкова послѣдній разъ, какъ я была въ Москвѣ — мы съ нею воспитывались въ одномъ институтѣ—сказала мнѣ: «у тебя въ губерніи живетъ Патокина.., ты не смотри, что купчиха... она здѣсь принята аристократіей, какъ своя... умная, милая женщина... Какъ хочешь, Соня, познакомся съ нею... Я это отъ тебя требую»... Объ васъ говорила мнѣ также княгиня Бѣломорская...

— За честь почту...

— Полноте, что за честь! Мы живемъ въ просвѣщенныя времена... дикая, татарская спѣсь намъ не къ лицу..! званія уравниваются умомъ, душевными достоинствами.

Марѳа Михайловна благодарила и хотѣла встать.

— Нѣтъ, подождите,—сказала первая дама,—я познакомлю васъ съ своими дѣтьми.

Она позвонила.

— Позвать ко мнѣ Лиду и Соничку,—сказала она вошедшей служанкѣ. — Меньшую не могу вамъ представить, она въ колыбели и спитъ.

— Напередъ прошу васъ,—сказала Патокина,—велѣть принесть изъ моей кареты игрушки, которыя я, на всякій случай, накупила для дѣтей вашихъ.

— Слышишь? — добавила первая дама служанкѣ, остановившейся у порога двери.

— Слышу, ваше превосходительство, — отвѣчала служанка,

Игрушки были принесены, всѣ очень цѣнныя. Вслѣдъ затѣмъ явились двѣ маленькія дѣвочки, лѣтъ пяти и шести.

Быстрыми глазками онѣ окинули сперва руки Патокиной, потомъ лицо ея.

Такъ ужь онѣ были пріучены... едва я не сказалъ *приручены*.

Всѣмъ въ городѣ извѣстны были дни ихъ рожденія и именинъ, которые и соблюдались пуще табельныхъ дней. Въ эти дни должностныя лица ѣздили съ поздравленіями и возили дѣтямъ дорогія вещицы. Столы и этажерки въ кабинетѣ были заставлены этими вещицами... За то вечеромъ, на балѣ у начальника, онъ ходилъ рука подъ-руку съ тѣми, которыхъ дары были поцѣннѣе; даже не гнушался пройти такимъ образомъ съ какимъ-нибудь секретаремъ или неважнымъ человѣчкомъ, чѣмъ обижались предсѣдатели палатъ, отзываясь, что начальникъ, дѣлая и имъ равную честь, роняетъ свое и ихъ достоинство.

Дѣти были въ восторгѣ отъ игрушекъ, мать не менѣе ихъ.

Наконецъ Патокина раскланялась, удостоенная снова дружескаго поцѣлуя, но не успѣла еще сойти съ лѣстницы, какъ догналъ ее слуга и доложилъ, что генеральша еще разъ приглашаетъ на послѣ-завтрашній день и непремѣнно съ супругомъ.

Мареа Михайловна догадалась, что калачъ раскусили.

— Ну что? — спросилъ Сергѣй Семеновичъ свою жену, когда она воротилась домой и съ самодовольствомъ оглядывала себя и свой туалетъ въ зеркало.

— Ничего, — отвѣчала она, усмѣхаясь; — послѣ завтра мы оба съ тобой ѣдемъ на балъ къ твоему начальнику.

Сергѣй Семеновичъ посмотрѣлъ на нее съ недовѣрчивостью.

— Да, на балъ, Ѳома невѣрный. — Будь веселъ и спокоенъ, все обдѣлается къ лучшему.

И Марѳа Михайловна разсказала, что у ней было съ губернаторшей.

На другой день утромъ Патокинъ получилъ слѣдующую записку:

«Такой-то, свидѣтельствуя свое почтеніе Сергѣю Семеновичу, проситъ его пожаловать къ нему въ такой-то часъ по дѣламъ службы».

Разумѣется, Патокинъ поспѣшилъ явиться.

Въ пріемной комнатѣ встрѣтилъ его тотъ же чиновникъ, который вчера разсыпалъ передъ нимъ цѣлый коробъ *галантерейностей*.

— Ваше дѣло,—сказалъ онъ,—рѣшается въ вашу пользу. Городничему дѣлается строгій выговоръ за превышеніе его власти; посылается губернскій землемѣръ для повѣрки дѣйствій прежняго землемѣра. Будьте покойны на этотъ счетъ. Прочія обвиненія не стоятъ выѣденнаго яйца. Для проформы подайте жалобу на городничаго, я составлю ее для васъ самъ. Мы запишемъ заднимъ числомъ. Теперь, что вы скажете о *нашемъ* губернаторѣ?

— Что наилучшій начальникъ въ мірѣ, — отвѣчалъ Патокинъ.

Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, губернаторъ протянулъ ему руку.

— Здравствуйте, Сергѣй Семенычъ, — сказалъ онъ, — ваше дѣло рѣшено; я подписалъ журналъ. Не сердитесь на меня; вы сами виноваты. Не надо было *фордыбачить* (это было любимое, техническое выраженіе его).

— Какъ я смѣю! — отвѣчалъ смиренно Патокинъ.

— Въ знакъ примиренія прошу съ супругой завтра на вечеръ.

— Буду имѣть честь явиться.

— Итакъ, до свиданія.

Патокинъ раскланялся, и веселый, поспѣшилъ на свою квартиру обнять своего стряпчаго въ юбкѣ. Дорогой онъ заѣхалъ къ *любезному* чиновнику поблагодарить его.

Вечеромъ, часу въ девятомъ, Сергѣй Семеновичъ, желая освѣжить голову, отуманенную всѣмъ, что случилось съ нимъ въ теченіе недѣли, пошелъ бродить по городу, безъ цѣли, куда глаза глядятъ.

Вечеръ былъ морозный, но безлунный; звѣзды, одна передъ другою, перебирали своими лучами, то пуская отъ себя огненную стрѣлу, то цѣлый пукъ ихъ или играя своимъ брилліантовымъ блескомъ. По небу разостлался млечный путь, какъ будто полоса блестящей пыли, поднятой проѣхавшей по немъ невидимою колесницей. Сердце Патокина замерло, когда онъ взорами и мыслями потонулъ въ бездонной глубинѣ этого неба.

«Какъ все тамъ свѣтло, радостно, будто херувимы трепещутъ огненными крыльями передъ престоломъ Бога! — подумалъ онъ, — а здѣсь, на землѣ...

Эти философскія размышленія были прерваны дѣтскими, жалобными криками, проникавшими сквозь окно нижняго этажа каменнаго дома, мимо котораго проходилъ Патокинъ. Крики хватали такъ больно за сердце. Онъ невольно остановился. Сквозь обледенѣлыя и опушенныя морозомъ стекла нельзя было ничего видѣть, кромѣ тусклаго огненнаго пятна и тѣни, двигавшейся взадъ и впередъ. Патокинъ поднялъ голову и увидѣлъ на фронтонѣ дома, при свѣтѣ фонаря, горѣвшаго на противоположной сторонѣ улицы,

большую черную доску и на ней надпись крупными буквами: *Сиротскій домъ.*

Никогда не могъ онъ проходить мимо такихъ домовъ, не оставивъ въ нихъ знаковъ своего участія къ несчастнымъ дѣтямъ, тамъ призрѣваемымъ. Подобные дома называютъ *богоугодными*, но какъ грубо профанируютъ это слово для учрежденій, которыя служатъ только во многихъ мѣстахъ нашихъ провинцій короткими этапами къ кладбищу (имѣю въ виду только провинціальные сиротскіе дома, а не учрежденія подобнаго рода въ столицахъ, истинно благодѣтельныя, прекрасно устроенныя и содержимыя). Сколько доживаетъ изъ ста дѣтей до совершеннаго возраста,—представляютъ намъ печальные выводы изъ статистическихъ свѣдѣній, составляемыхъ нѣкоторыми начальниками губерній. Еслибъ написать исторію хоть одного, на выдержку, провинціальнаго сиротскаго дома, что за печальныя, раздирающія душу сцены могли бы наполнить книгу!

Въ глубокую полночь, иногда въ трескучій морозъ, приносятъ ребенка къ калиткѣ или къ окну дома (замѣтьте, что они бываютъ иногда за городомъ, въ полѣ). Преступная, больная мать, или та, которой она поручила своего младенца, со страхомъ, слабою, дрожащею рукой хватается за веревку, къ которой привязанъ звонокъ, и спѣшитъ, положивъ свою ношу, часто обернутою въ тряпицы, убѣжать, чтобы не застали ее и не предали суду. Скоро ли сонный сторожъ поднимется съ своего отогрѣтаго ложа, скоро ли отворитъ калитку и найдетъ младенца. Иногда онъ застаетъ одинъ обледенѣлый трупъ. А если младенецъ живъ, сторожу надо дойти, черезъ нѣсколько посредницъ, до надзирательницы, глубоко почившей въ пуховикахъ. Гдѣ ей самой позаботиться объ несчастномъ? Вѣдь это дитя беззаконія, дитя преступной любви!

Все это дѣлаетъ какая-нибудь глупая, безчувственная прислуга. Пока дадутъ знать полиціи и окончится письменная, форменная процедура, въ ребенкѣ гаснетъ послѣдняя искра жизни, которая въ немъ еще держалась. Хорошо еще, когда чья-нибудь сердобольная рука подвинется или серебряная монета, припасенная на этотъ случай отъ тяжкихъ трудовъ и завернутая съ младенцемъ въ узелъ пеленки, подвинетъ эту руку на помощь жалкому творенію. Ему сунутъ тогда въ ротъ соску съ кислымъ молокомъ, котораго питательныя частицы успѣли улетучиться по разнымъ градусамъ безбожнаго казнокрадства, начиная отъ поставщика и продолжая подрядчикомъ съ бородкой и подряжающими въ шитыхъ мундирахъ. А посмотрите, какъ эта бородка усердно творитъ передъ иконами земные поклоны, какъ она, изъ награбленныхъ денегъ на счетъ отравляемыхъ ею дѣтей, льетъ колокола для призыва православныхъ къ слушанію слова Божія, исполненнаго любви къ ближнему, любви къ дѣтямъ; посмотрите, какъ эта бородка раздаетъ каждую недѣлю обрядную милостыню толпѣ нищихъ, собирающихся у ея двора. Посмотрите, какъ эти шитые мундиры, на такія же чистыя деньги, одѣваютъ жирныхъ кормилицъ своихъ законныхъ младенцевъ въ золотые кокошники и бархатныя ферязи и пичкаютъ дорогими сластями болѣе взрослыхъ, краснощекихъ дѣтей своихъ. «Кара Господня, огненный, кровавый дождь на ихъ головы!...» сказалъ бы проповѣдникъ первыхъ временъ христіанства, если бы ему пришлось обличать подобныхъ господъ.

Потомъ... что потомъ ждетъ младенца въ сиротскомъ домѣ? Его сдадутъ кормилицѣ, которая и безъ того кормитъ ужь двухъ дѣтей (одинъ почти навѣрно ея собственный) и часто замѣняетъ грудь тою же нечистою соской съ тѣмъ же отравленнымъ, кислымъ

молокомъ. Запахъ этой кислоты, нечистота пеленокъ, развѣшанныхъ въ дѣтской спальнѣ, испаренія кормилицъ и нянекъ, если онѣ есть, валящихся гдѣ попало, въ той же комнатѣ, — все это слагаетъ удушливую, убійственную атмосферу. Ребенокъ проситъ пищи — кормилица спитъ. Онъ кричитъ до того, что осипнетъ и надорвется; кормилица сквозь сонъ, сердито укачиваетъ его, такъ что жердь, на которой повѣшена люлька, визжитъ и потрясаетъ его мозгъ. Иногда сопровождаетъ она свои вынужденныя попеченія грубою бранью, проклятіями, толчкомъ. Сколько ступеней подобнаго мученичества должны пройти несчастныя дѣти, пока выберутся изъ люльки и станутъ на ноги! За то какой праздникъ для нихъ, когда сиротскій домъ посѣщаетъ важный господинъ, пріѣхавшій въ городъ на нѣсколько часовъ осмотрѣть *богоугодныя* заведенія! Въ этотъ день на дѣтяхъ чистое бѣлье, иногда только въ ночь вымытое и на нихъ же въ ночь высушенное. Отборное сухое бѣлье, сшитое на подобные случаи, хранится въ щегольскомъ гардеробѣ, въ величайшемъ порядкѣ, перевязанное красивыми ленточками, за нумерами. Его-то представляютъ предъ очи ревизора. Въ этотъ день одѣваютъ сиротъ въ лучшее платье, на которое они не налюбуются, кормятъ ихъ сытною пищею съ плавающимъ въ ней масломъ, которою они не насытятся, и даютъ имъ лакомства. Ревизоръ любуется бѣльемъ, такъ хорошо сохраняющимся, смакуетъ съ удовольствіемъ вкусныя кушанья, шутя треплетъ отдувшееся брюшко дѣтей, и замѣчаетъ только, что пища немного жирна, — не вредна ли для здоровья малютокъ,—находитъ книги и отчетность въ примѣрной исправности, и благодаритъ за все про все попечительные шитые мундиры. А еслибъ этотъ самый ревизоръ потрудился нечаянно заглянуть въ эти богоугодныя заведенія, какія *свѣт-*

лыя картины представились бы ему! Что сказать о сиротахъ — феноменахъ, достигшихъ 16-лѣтняго возраста? Мальчика отдаютъ въ ученье какому-нибудь мастеру. Скоро выжмутъ изъ его крови деньги, потраченныя на его продовольствіе и скудную одежду. Дѣвочку выдаютъ замужъ за перваго присватавшагося жениха—мѣщанина, вдовца, какого-нибудь пьяньчугу, за котораго ни одна порядочная, свободная дѣвушка не согласится выдти или за стараго инвалида, который выместитъ на ней число ударовъ, полученныхъ имъ въ долговременной его службѣ, и забьетъ ее въ два, три года.

Патокинъ основалъ въ Луковкахъ сиротскій домъ, содержалъ его на собственный счетъ и имѣлъ о дѣтяхъ, въ немъ пристроенныхъ, неусыпное, отеческое попеченіе.

Сердце его толкнуло и на этотъ разъ заглянуть въ расторгуевскій сиротскій домъ.

Онъ позвонилъ разъ, еще сильнѣе въ другой, въ третій такъ, что колокольчикъ залился какими-то сердитыми звуками.

Наконецъ послышался голосъ со двора.

— Экъ тебя лѣшій прорвалъ! — отозвался этотъ голосъ, — подождешь.

Подождалъ Сергѣй Семеновичъ

Дворникъ отворилъ немного калитку и, высунувъ сквозь нее свою бороду, грубымъ голосомъ спросилъ, что ему надо?

Отвѣтомъ былъ полтинникъ. Ощупавъ цѣну монеты, сторожъ болѣе ласковымъ голосомъ повторилъ свой вопросъ.—Подкидыша что-ли принесъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я проѣзжій купецъ; мнѣ хотѣлось бы въ сиротскій домъ. Чай, у васъ есть начальница?

— Надзирательницы нѣтъ дома; пируютъ у прія-

тельницы. Вѣдь нынѣ святки — наряжаются въ бѣсовскія личины.

— Кто еще тамъ есть у васъ?

— Попечительница. Боже сохрани, коли узнаетъ, что сторонній былъ въ домѣ.

— Она не узнаетъ. Мнѣ бы только взглянуть на одну сироту; свой человѣкъ.

— Пожалуй, иди, коли хочешь слышать крики дѣтей.

И сторожъ съ задняго крыльца отворилъ дверь въ нижній этажъ дома.

Облако пара вторгнулось за Патокинымъ въ первую комнату, въ которую онъ вошелъ, и продолжало шествіе далѣе, черезъ растворенную дверь.

Въ передней не было никого. Сергѣй Семеновичъ сквозь другую дверь увидѣлъ болѣе просторную комнату. Онъ остановился у порога. Удушливая атмосфера пахнула на посѣтителя. Мокрыя пеленки развѣшаны были на веревкахъ, протянутыхъ черезъ комнату, люльки во множествѣ висѣли на жердяхъ. Одна лампадка у образа тускло освѣщала предметы. Жалобные крики дѣтей раздирали уши.

Среди сердитыхъ, заспанныхъ лицъ кормилицъ и нянекъ, валявшихся на полу, выступало хорошенькое и вмѣстѣ выразительное, одушевленное личико дѣвочки, которой на видъ можно было дать лѣтъ двѣнадцать, тринадцать. Во всѣхъ ея словахъ, въ ея дѣйствіяхъ выражалась необыкновенная энергія и благоразуміе не по лѣтамъ Она перебѣгала отъ одной люльки къ другой, заботливо и искусно вынимала оттуда мокрыя пеленки, замѣняла ихъ сухими, которыя съ трудомъ доставала съ веревокъ; то будила одну кормилицу, то уговаривала другую покормить ребенка. Дѣвочка пожимала иногда плечами и, поднявъ глазки къ небу, приговарила:

— Господи! что за сони! Бога-то не боятся!...

— Кормилица! кормилица! — говорила она, будя заспавшуюся женщину, — развѣ не слышишь? Твой ребенокъ плачетъ.

— Который? спрашивала спросонья кормилица, потягиваясь.

— Третій.

— Ну, еще навязали бы четвертаго, — говорила сердито женщина, которой нарушили сладкій сонъ;— этакъ и корова не выдержитъ.

— Зачѣмъ берешься кормить троихъ? — Вѣдь ты за всѣхъ жалованье получаешь.

И встанетъ кормилица, и покормитъ ребенка.

— Сжалься, душенька, — говорила дѣвочка другой,—твой ребенокъ кричитъ.

— Пострѣлъ его возьми! Не барченокъ какой, покричитъ да и перестанетъ.

— Чѣмъ же онъ, бѣдный, виноватъ? Вѣдь ты давно не кормила; для тебя же вредно, молоко нагрубнитъ въ груди.

Надо было видѣть, какъ проворны, одушевленны были движенія дѣвочки, съ какою нѣжностью уговаривала она дѣтей не плакать!

И все взрослое населеніе дѣтской спальни, всѣ эти грубыя, зачерствѣлыя существа пробуждались на голосъ маленькой волшебницы и принимались за свои обязанности. И дѣти, привыкшія къ этому любовному голосу, переставали плакать, смотрѣли ей съ улыбкою въ глаза, ворковали ей рѣчь, для нея только понятную. Какъ хороша была тогда эта двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, въ черныхъ, пышныхъ кудряхъ, разметавшихся по плечамъ, съ глазками, сіяющими отъ удовольствія или гнѣва, съ личикомъ, разгорѣвшимся отъ заботъ! Какъ симпатиченъ былъ голосъ ея, когда она обращалась къ кормилицамъ или гулила ма-

лютокъ! Какъ благоговѣйно крестила ихъ на сонъ грядущій!

Сергѣй Семеновичъ долго смотрѣлъ на эту чудную дѣвочку, не трогаясь съ мѣста, не смѣя дышать, какъ бы очарованный ею. Наконецъ она его замѣтила и видимо смутилась.

— Что вамъ угодно?—спросила она, смотря во всѣ глаза нежданному посѣтителю.

— У меня у самого сиротскій домъ въ уѣздномъ городѣ,—сказалъ Патокинъ;—мнѣ хотѣлось посмотрѣть на здѣшній порядокъ.

— Боже мой, какой порядокъ? *Мы* дѣлаемъ, что можемъ. Извините, вы пришли поздно и застали *насъ* врасплохъ. Надзирательницы нѣтъ дома, а безъ начальницы все идетъ не такъ, какъ надо.

— Зачѣмъ и надзирательница, когда у ней такая хорошая помощница, какъ ты? Я не видалъ безпорядковъ, я ничего не видалъ, кромѣ тебя, милое дитя; только тобою любовался.

— Обо мнѣ также заботились, когда я была маленькая. Меня здѣсь воспитываютъ, кормятъ, одѣваютъ, такъ надо же и мнѣ трудиться. Не даромъ же хлѣбъ ѣсть. Я такъ люблю дѣтей!

— Да ты сама дитя.

— Извините, мнѣ ужь двѣнадцать лѣтъ,—сказала дѣвочка обиженнымъ голосомъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Дуня-изумрудный крестикъ.

— Дуня? У меня была дочь, которую такъ же звали; еслибъ она жила, она могла бы быть твоихъ лѣтъ. Почему-жъ тебя зовутъ «Изумрудный крестикъ?»

— А вотъ почему,—сказала дѣвочка и вынула изъ груди довольно большой крестикъ, осыпанный крупными изумрудами.

— Этимъ крестикомъ благословила меня мать, когда умирала. Никогда съ нимъ не растанусь; попрошу, чтобъ и въ гробъ положили его со мною,— прибавила Дуня (слезы навернулись на глаза ея).— Только и осталось родного. Ни отца, ни матери! не правда-ли, грустно? Здѣсь иногда кто-нибудь да посѣщаетъ сиротъ, а меня никто не навѣститъ. И въ утѣшеніи поплакать надъ могилкой матери Господь отказалъ мнѣ.

Хорошенькое личико дѣвочки, что-то благородное, возвышенное въ ея наружности, столько ума и души въ каждомъ словѣ, и еще этотъ изумрудный крестикъ,—все сильно заинтересовало Патокина.

Онъ взялъ ея руку въ свою и сказалъ:—Какимъ ты меня человѣкомъ понимаешь?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Какъ ты думаешь, добрый я или злой человѣкъ?

Она пристально взглянула на него, сжала ему руку и промолвила:—Вы добрый, очень добрый человѣкъ!

— Послушай, Дуня-изумрудный крестикъ, я тебя очень полюбилъ. У меня нѣтъ дочери, у тебя отца и матери, хочешь ко мнѣ? Ты будешь у меня вмѣсто дочери; мы съ женою замѣнимъ тебѣ отца и мать. Жена моя очень добрая и тебя такъ же полюбитъ, какъ я полюбилъ.

Такое неожиданное предложеніе испугало Дуню. Она поблѣднѣла и, окинувъ глазами дѣтскую спальню, печально сказала:—А эти дѣти? Мнѣ жаль съ ними разстаться. Я такъ люблю ихъ. Безъ меня, я знаю, имъ будетъ хуже....

— Ты будешь заботиться о такихъ же дѣтяхъ въ моемъ сиротскомъ домѣ.

— Тѣ, покуда, мнѣ еще чужія.

— Также и ихъ полюбишь. Мы будемъ каждый годъ навѣщать и этихъ, дарить имъ игрушки, лакомства. Я дамъ тебѣ воспитаніе. Знаешь-ли ты хоть грамотѣ?

— Учусь у надзирательницы. Говорятъ, читаю порядочно. Знаю молитвы: Отче нашъ, Богородицу, на сонъ грядущій. — Одну я сама отъ себя говорю каждое утро и вечеръ—молюсь за упокой моей матери, моего отца, молюсь за всѣхъ ближнихъ, за дѣтей-сиротъ... Вижу въ мірѣ Божьемъ такъ много чудесъ... И у звѣздочки, и у мѣсяца хотѣла бы спросить, откуда они, какъ ходятъ по небу и куда идутъ. И деревцо, что ростетъ у насъ въ оградѣ между камнями, хотѣлось бы допросить, откуда взялось, какъ оно тутъ живетъ... А у насъ въ садикѣ сажали арестанты деревья... и поливали ихъ, и холили—все-таки засохли.

— Ты все у меня узнаешь. Я имѣю средства дать тебѣ хорошее воспитаніе; я человѣкъ богатый.

— Что-жъ, Изумрудный-крестикъ,—сказала нянька постарше другихъ, вслушавшись въ бесѣду Дуни съ назнакомцемъ, — Богъ посылаетъ тебѣ счастіе. Ты умница у насъ, сама можешь разсудить... какая тутъ въ сиротскомъ домѣ жизнь? Выростешь, отдадутъ замужъ за какого-нибудь стараго инвалида, заколотитъ, какъ Лизу, что умерла въ прошломъ году... А начальство будетъ радо .. съ хлѣба долой...

Дуня посмотрѣла еще на Патокина и бросилась ему на шею.

— Воля Господня! — сказала она, — мнѣ еще ни одинъ человѣкъ такъ не говорилъ.

— Такъ помолимся, милая Дуня, чтобы Онъ благословилъ тебя на новую жизнь.

И молились всѣ со слезами на глазахъ передъ образомъ, у котораго теплилась лампада.—Патокинъ,

принимая на себя великія, святыя обязанности отца сироты, она—дитя, вступающее въ новое семейство, къ человѣку, котораго видѣла въ первый разъ и которому довѣрила свою судьбу, какъ своему второму Провидѣнію; молились няньки, кормилицы, всѣ земно припадая къ образу и прося у Господа счастья Дунѣ «Изумрудному-крестику».

Вдругъ среди этой благоговѣйной сцены явилась женщина, въ маскѣ, въ цыганской одеждѣ; волосы ея были въ безпорядкѣ... Она было захохотала... Но, увидѣвъ незнакомаго человѣка, хорошо одѣтаго, сорвала съ себя маску—и скрылась.

Это была надзирательница, прибывшая съ пира.

Черезъ нѣсколько минутъ, узнавъ отъ прислуги, что безъ нея случилось, она, переодѣвшись, явилась къ Патокину въ приличномъ видѣ и сильно сконфуженная стала передъ нимъ извиняться.

— Мнѣ такъ совѣстно, такъ совѣстно,—говорила она со слезами на глазахъ,—сторожъ ничего не сказалъ мнѣ объ васъ. Ради Бога, не взыщите... не разскажите... нашей попечительницѣ.

— Успокойтесь. Мнѣ нечего разсказывать,—сказалъ Сергѣй Семеновичъ,—а сплетничать считаю за большой грѣхъ.—Вы такъ молоды,—прибавилъ онъ (и дѣйствительно, надзирательницѣ не могло быть болѣе двадцати пяти лѣтъ),—нынѣ святки; почему-жъ молодости не повеселиться? У васъ въ году сколько дней однообразныхъ, тяжелыхъ по вашей службѣ....

Когда онъ разсказалъ о своемъ намѣреніи взять къ себѣ Дуню на воспитаніе, разумѣется съ согласія начальства, надзирательница объявила ему, что, по положенію сиротскаго дома, начальство не можетъ отказать въ подобной просьбѣ человѣку извѣстному и что, конечно, Богъ послалъ къ нимъ такого добраго человѣка на счастіе Дуни.

— Не утаю отъ васъ,—прибавила она:—я теряю въ ней много; несмотря на лѣта, она мнѣ лучшая помощница. Когда меня не бываетъ дома, я спокойна—знаю, что будетъ все дѣлаться, какъ при мнѣ... Но если вы ужь рѣшились, если ея превосходительство... я буду рада, такъ рада, какъ будто пристроили родную дочь.

Патокинъ поцѣловалъ еще Дуню и, на прощанье, подавая руку надзирательницѣ положилъ въ нее двадцатипяти рублевую кредитку.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала надзирательница...—ни за что... развѣ прислугѣ... на радость.

И прислуга была щедро одарена Сергѣемъ Семеновичемъ.

Довольный, счастливый, какъ будто возвратилась его родная дочь, онъ отправился домой.

Когда онъ вышелъ изъ сиротскаго дома, на этотъ разъ усердно провожаемый дворникомъ, пожелавшимъ ему всякихъ благъ, въ стѣнахъ этого дома начались оханья, восклицанія, бесѣды съ разными комментаріями о чудномъ посѣтителѣ. Кто говорилъ, не святой ли это былъ человѣкъ, пришедшій въ его видѣ, кто догадывался, ужь не родной ли отецъ Дуни...

Долго Дуня въ эту ночь не могла сомкнуть глазъ. Такая странная, неожиданная перемѣна судьбы, такія горячія, неиспытанныя ею еще никогда, ласки, благословеніе Патокина, замѣнившаго ей отца, сердечныя слова его, которыя она старалась повторять и запомнить,—все это долго волновало ея сердце. Прижавъ крѣпко къ груди изумрудный крестикъ и облобызавъ его нѣсколько разъ, она, наконецъ, заснула; но и во снѣ преслѣдовали ее образъ и ласки добраго незнакомца.

Патокинъ, возвратившись домой, разсказалъ все Марѳѣ Михайловнѣ.

— Господь спасъ насъ отъ бѣды,—говорила она,— отблагодаримъ его добрымъ дѣломъ. Пускай эта сирота замѣнитъ намъ нашу Дуню.

На другой день первая дама удостоила ее своимъ визитомъ, и узнавъ о желаніи Патокиныхъ взять къ себѣ на воспитаніе Дуню-изумрудный-крестикъ, съ радостію дала на это полное свое согласіе.

— Чудная эта дѣвчонка, — говорила она, — такъ много обѣщаетъ. Я сама ее очень, очень люблю. Можетъ быть, судьба этого ребенка зависѣла отъ глупой исторіи вашей съ городничимъ. Она какъ будто ждала васъ. Неисповѣдимы пути Господни!

Тутъ же разсказала она исторію Дуни, какъ ее знала.

«Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ проѣзжали черезъ Расторгуевъ, ночью, на почтовыхъ, по подорожной, дочь дворянина Звениславскаго, Розалія. Съ нею была только немолодыхъ лѣтъ женщина, шляхтянка. Отъ душевнаго ли волненія, отъ дорожной ли тряски, чувствуя себя очень нездоровою, она велѣла не медля ѣхать къ первой акушеркѣ, которую можно было только найти по близости почтовой станціи. Здѣсь она родила дѣвочку—это была Дуня—и черезъ нѣсколько часовъ умерла. Можно вообразить, что чувствовала эта несчастная женщина передъ смертью, оставляя свое дитя въ незнакомомъ городѣ, безъ призрѣнія, безъ всякихъ средствъ. Умирая, она имѣла только силы поцѣловать свое дитя, благословить ее изумруднымъ крестикомъ, который носила на груди, и вручить довѣренной женщинѣ, при ней бывшей, послѣдніе сто рублей, у нея оставшіеся. Какъ католичку, ее похоронили на кладбищѣ иностранцевъ. Шляхтянка поставила на ея могилѣ камушекъ; но, вѣроятно, въ одинъ изъ холерныхъ годовъ, это маленькое кладбище было заселено новыми пришельцами, и съ того времени не

могли отыскать мѣста, гдѣ была ея безыменная могила. Шляхтянка объявила при допросѣ мѣстной полиціи, что госпожа ея увезена изъ родительскаго дома русскимъ офицеромъ, оставлена имъ была въ Петербургѣ, въ ожиданіи разрѣшенія отца ихъ на бракъ, которое они вновь испрашивали. Между тѣмъ офицеръ, переведенный на Кавказъ, долженъ былъ туда отправиться. Разрѣшеніе это не приходило. Отецъ не хотѣлъ ни видѣть дочь свою, ни давать своего согласія. Мачиха возбуждала еще болѣе мужа противъ своей падчерицы. Къ этой оппозиціи присоединился и ксендзъ. Наконецъ, Звенигославская, почувствовавъ, что должна скоро сдѣлаться матерью, умоляла отца сжалиться надъ ея положеніемъ. Гордый, раздраженный отецъ отвѣчалъ только: «Ты опозорила мое имя, носи и сама заслуженный позоръ». Отъ офицера, обольстившаго несчастную, получила она въ то же время письмо, которымъ онъ умолялъ ее пріѣхать къ нему въ мѣсто пребыванія полка его, съ тѣмъ, чтобъ повѣнчаться съ нимъ. При этомъ письмѣ посылалъ онъ деньги на путевыя издержки. Мѣшкать было нечего; она отправилась, но смерть застигла ее въ Расторгуевѣ. Дѣвочку окрестили; ее назвали Евдокіей, именемъ святой, празднованіе которой приходилось въ 9-й день послѣ рожденія сироты. Принявшій ее отъ купели священникъ Петръ былъ и крестнымъ отцомъ ея; его именемъ дали ей и отчество. До окончанія справокъ, тогдашній расторгуевскій губернаторъ помѣстилъ ее въ сиротскій домъ на особое попеченіе надзирательницы. По письмамъ, найденнымъ при умершей, и по разсказамъ шляхтянки, имя офицера стало извѣстно. Губернаторъ писалъ, къ кому слѣдовало, на Кавказъ, и получилъ увѣдомленіе, что этотъ офицеръ дѣйствительно служилъ въ такомъ-то полку и спрашивалъ разрѣшенія на бракъ съ дѣвицей Звенигославской, но

вслѣдъ затѣмъ, назначенный въ отрядные командиры экспедиціи противъ горцевъ, убитъ въ ней. Шляхтянка уѣхала на свою родину; съ того времени не было о ней и слуху. Такимъ образомъ, Дуня осталась въ сиротскомъ домѣ. Изумрудный крестикъ, по оцѣнкѣ его, отданъ на сохраненіе въ губернское правленіе. Но бывшій губернаторъ, когда дѣвочкѣ минуло десять лѣтъ, посѣщая разъ сиротскій домъ и услыхавъ отъ нея желаніе носить на себѣ крестъ, велѣлъ исполнить ея просьбу подъ строгою отвѣтственностію надзирательницъ, чтобы эта драгоцѣнность не была потеряна или похищена»

Такая романическая исторія заинтересовала еще сильнѣе Патокиныхъ въ пользу Дуни.

Въ тотъ же день была послана за нею и надзирательницей карета.

Въ искреннихъ, горячихъ ласкахъ Маріи Михайловны Дуня нашла залогъ той любви, которая была ей обѣщана Сергѣемъ Семеновичемъ отъ имени второй ея матери

Выѣздъ изъ сиротскаго дома обошелся не безъ горькихъ слезъ. Одаривъ, по желанію Сергѣя Семеновича, всю прислугу и расцѣловавъ по нѣскольку разъ дѣтей, она простилась съ населеніемъ этого дома, проводившимъ ее благословеніями и пожеланіями всякаго счастія

Оставалось Патокинымъ съѣздить на балъ, къ которому они были такъ благосклонно приглашены.

На этомъ балѣ губернаторша была aux petits soins съ Маріей Михайловной и рекомендовала ее болѣе значительнымъ дамамъ города, какъ одну изъ самыхъ умныхъ и любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ. Не остался безъ привѣта и Сергѣй Семеновичъ. И съ нимъ подъ руку прошелся популярный губернаторъ. Въ расторгуевскомъ обществѣ догадывались, что лю-

безности расточаются не даромъ; но какъ такого рода продѣлки были въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, изъ котораго большая часть членовъ этого общества не почитала себя изъятой, то и не удивлялись необыкновенной любезности перваго лица губерніи къ луковскому головѣ.

Дуня, почуявъ за заставой свѣжій, свободный воздухъ снѣжныхъ полей, казалось, не могла довольно надышаться имъ. Скоро щечки ея порозовѣли отъ мороза, глаза заискрились отъ удовольствія мчаться на лихой тройкѣ.

Въ великолѣпномъ луковскомъ домѣ Патокиныхъ все ее сначало изумляло и пугало — и огромныя зеркала, повторявшія въ нѣсколькихъ экземплярахъ ея фигуру, и картины, готовыя, казалось, на нее упасть, и мебель, на которую она боялась сѣсть, и многочисленная прислуга, одѣтая какъ господа. Однакожъ, она скоро ознакомилась со своимъ новымъ положеніемъ. Но такъ какъ сердце ея, привыкшее къ заботамъ о другихъ, просило этихъ заботъ, то она вызвалась, въ свободное время отъ ученія, которое съ удовольствіемъ приняла на себя madame Pichard, ухаживать за матерью Сергѣя Семеновича. И въ этомъ случаѣ не было болѣе исправной сидѣлки около старухи; никогда полупомѣшанная не была окружена такимъ нѣжнымъ попеченіемъ, никто не понималъ ея такъ хорошо, какъ Дуня, и никого не понимала она лучше, какъ ту, которую назвала съ того времени своею милою внучкой.

Дуня была записана въ луковское мѣщанское общество подъ именемъ Авдотьи Петровой Изумрудовой, но въ домѣ всѣ продолжали ее называть Дуней-изумрудный-крестикъ. Сергѣй Семеновичъ намѣренъ былъ со временемъ записать ее въ купечество.

Дѣло его съ городничимъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось по полному удовольствію Патокиныхъ. Новый землемѣръ намѣрилъ 29 верстъ съ двумя саженями. Только на этомъ пиру солоно покушалъ городничій. Для избѣжанія на будущее время пріятныхъ столкновеній съ головой, его перевели въ другой городъ, гдѣ онъ долженъ былъ довольствоваться болѣе скромными доходами. Такъ иногда вознаграждается холопское усердіе къ выполненію самовластныхъ, беззаконныхъ затѣй барина. Баринъ въ сторонѣ, а холопу больно достается.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

По пріѣздѣ Патокиныхъ въ Луковки они выписали къ себѣ сына, чтобы познакомить его съ Дуней. Это былъ красивый, статный семнадцатилѣтній юноша. На дѣвственную, впечатлительную его душу, воспитанную въ ненависти ко всякой неправдѣ, сильно подѣйствовала исторія Дуни.

Володя очень полюбилъ ее. Съ своей стороны и она радовалась, что Богъ,ославъ ей второго отца и мать въ четѣ Патокиныхъ, подарилъ ее такимъ добрымъ, милымъ братомъ. Въ слѣдующіе первые годы, въ каждый пріѣздъ свой въ Луковки, мало-по-малу, посвятивъ Дуню въ законы русскаго языка, Володя познакомилъ ее съ русскими писателями. Съ восторгомъ слушалъ молодой учитель, когда ученица своимъ гармоническимъ, задушевнымъ голосомъ прочитывала ему избранныя имъ мѣста изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ и объясняла ему красоты ихъ, какъ понимала, какъ чувствовала, чутьемъ эстетической своей души. Лѣтомъ посѣщали они вмѣстѣ съ Ришаромъ и его женой живописныя мѣста, которыми богаты были

окрестности Луковокъ. Часто присоединялся къ нимъ и механикъ Джонсъ. Дуня распоряжалась ими, какъ хотѣла. И юноша, и тридцатипятилѣтній англичанинъ, дѣлались для нея дѣтьми. Богъ знаетъ, кто изъ этихъ трехъ лицъ былъ болѣе дитя душою. Смѣшно было видѣть, какъ Джонсъ съ атлетическими, неуклюжими формами своими, запыхавшись, бѣгалъ съ ними взапуски, какъ онъ барахтался по муравѣ и сильно терпѣлъ отъ ихъ жгута. Чего не позволялъ онъ имъ дѣлать съ собою! За то какъ и любили его названный братъ и сестра!

Ришаръ былъ страстный энтомологъ и ботаникъ. Онъ пріучилъ Володю не только познавать явленія и законы въ жизни творенія по его лекціямъ и книгамъ, которыя давалъ ему читать, но и самому дѣлать новыя открытія въ области науки. Когда Володя отговаривался, что ему, мальчику, не по силамъ браться за дѣло ученыхъ мужей, Ришаръ возражалъ, что въ строеніи зданія, воздвигаемаго нерѣдко на удивленіе современниковъ и потомства, принимаютъ участіе не одни опытные мастера, но и малолѣтки, которые по силамъ носятъ на сооруженіе этого зданія строительные матеріалы. Развѣ не видали иногда, что простой человѣкъ, крестьянинъ, ремесленникъ, наводилъ ученаго на важное открытіе? И съ того времени принялся за изслѣдованія въ жизни творенія ученикъ отдѣльно отъ учителя. Выводы свои они повѣряли, однакожъ, другъ другу. Случалось старику признавать себя побѣжденнымъ юношею. Особенно занимала ихъ жизнь муравьевъ, еще недостаточно изученная натуралистами. Они задали себѣ вопросы, отчего муравей, уничтожающій не только мелкаго насѣкомаго, но и червя, змѣю, большаго животнаго, брошенныхъ къ его жилищу или попадающихся ему на пути (извѣстно, что въ прежнія времена отдавали муравьямъ

на съѣденіе живыхъ людей и что эта казнь считалась одною изъ самыхъ мучительныхъ),—отчего дозволяетъ онъ майскому жуку класть свои яички и выводить дѣтей на днѣ муравейника; отчего этотъ соціалистъ отводитъ на зиму бѣлому, съ зеленымъ отливомъ червю, лучшее, искусно, для него собственно обдѣланное отдѣленіе въ своемъ жилищѣ—палаты въ сравненіи съ прочими частями зданія—холитъ, лелѣетъ этого червя, окружаетъ своими услугами, какъ пчела свою царицу! Не дошло до меня, разрѣшили ли они эти задачи; знаю только, что духъ изслѣдованія, къ которому пріучилъ Ришаръ своего ученика, обратилъ впослѣдствіи Володю на явленія и законы общественной и государственной жизни. Ученикъ, сдѣлавшись учителемъ Дуни, повелъ ее по лѣстницѣ творенія, какъ велъ его Ришаръ. Съ такою любовію указывалъ онъ ей на премудрость Божію въ устройствѣ цвѣтка, въ жизни насѣкомаго, въ ходѣ планетъ, въ громѣ, который прокатывался надъ ихъ головами, въ радугѣ, раскинувшей свой разноцвѣтный поясъ по небу.

— Вездѣ жизнь,—говорилъ онъ,—гармонія, красота, даже въ мертвомъ, ничтожномъ, уродливомъ, на наши глаза, твореніи; все достойно нашей любви, нашего изученія.

И съ какимъ жаднымъ вниманіемъ слушала Дуня своего молодого учителя! Она научалась благоговѣть передъ Творцомъ, видимо показавшимъ Себя въ жизни самого малѣйшаго изъ Своихъ созданій, научилась еще болѣе любить Его. Но когда Володя, для своихъ опытовъ, хотѣлъ научить ее, какъ приколоть булавкой бабочку или насѣкомаго, Дуня гнѣвно вооружалась противъ него.

— Если ты дѣлаешь это, чтобы научить меня,—говорила она,—такъ я низко кланяюсь, прошу уволить меня отъ этихъ зрѣлищъ. За всѣ сокровища

науки не соглашусь мучить, лишать жизни безвредное твореніе, которому Богъ дароволъ ее для извѣстной Ему цѣли или просто для того, чтобы оно жило и наслаждалось по-своему жизнью. Если дѣлаешь это, какъ вы говорите съ monsieur Ришаръ, для пользы науки, такъ прошу производить ваши мучительные опыты не при мнѣ.

Съ какимъ удовольстіемъ избавляла она жертву отъ закланія и давала ей свободу! Въ такомъ случаѣ Джонсъ сильно помогалъ ей.

Между тѣмъ эта дѣвочка, сдѣлавшись уже семнадцати-лѣтней дѣвицей, доказала, что не была сентиментальна. Она не имѣла особенной привязанности ни къ собачкамъ, ни къ птичкамъ, ни къ кошечкамъ, но всякій несчастный, страждущій ближній, *человѣкъ*, былъ предметомъ ея живой любви, ея нѣжныхъ попеченій. Привыкнувъ въ сиротскомъ домѣ къ зрѣлищамъ страданій, болѣзни, смерти, безпрерывно живши посреди нихъ, она застраховала душу отъ потрясеній, которыя такъ сильно и внезапно поражаютъ изнѣженныя, убереженныя отъ нихъ натуры. Нервы ея не разстраивались, когда ей приходилось входить въ курную избу, гдѣ кишѣли тараканы, къ одру больного, покрытаго нагольнымъ тулупомъ, истлѣвшимъ отъ непогодъ и напитаннымъ дымомъ, осматривала безъ отвращенія и перевязывала сама или приказывала перевязывать при себѣ раны, если чувство стыдливости этого не запрещало ей. Попеченіе о страждущихъ доходило у ней до самопожертвованія. Когда случилась въ деревнѣ повальная болѣзнь, она не побоялась ухаживать за больными и даже сама отъ нихъ опасно занемогла.

Въ такихъ отношеніяхъ находились нѣсколько лѣтъ названные братъ и сестра; дружба ихъ росла съ годами. Володя продолжалъ ходить на службу и учиться

въ Москвѣ Каждое лѣто пріѣзжалъ онъ на мѣсяцъ, на два, въ Луковки, пользоваться вакаціонною свободой. Такія посѣщенія сохранили въ сердцѣ юноши святость семейныхъ узъ, которыя такъ благодѣтельны для нравственности молодого человѣка (если имъ служатъ звеньями просвѣщенная любовь родителей и гуманная, честная ихъ жизнь). Каждый годъ Володя находилъ, что названная его сестра хорошѣла и умственно развивалась, какъ дорогое растеніе, которое, укрѣпившись на благородной почвѣ, уже безъ усиленныхъ заботъ садовника можетъ жить своею прекрасною роскошною жизнью. По-прежнему чета Патокиныхъ утѣшалась своимъ сыномъ и воспитанницей. Сергѣй Семеновичъ желалъ видѣть въ немъ полезнаго члена общества, добраго слугу отечеству, хотя и не прочь былъ отъ сбыточныхъ для него честолюбивыхъ видовъ. Марѳа Михайловна, съ своей стороны, въ горячихъ мечтахъ пришпиливала уже къ груди своего Володи звѣзду и надѣвала черезъ плечо его ленту. Между тѣмъ девятнадцатилѣтній юноша, будущій превосходительный и кавалеръ со звѣздой, не дослужился еще до перваго статскаго оберъ-офицерскаго чина. По-прежнему Патокины наслаждались своимъ настоящимъ, поощряемые къ роскошной, безразсчетной жизни успѣхами по торговымъ дѣламъ и не горюя много о неудачахъ. Хотя со времени описанной нами катастрофы не тревожили Сергѣя Семеновича никакія невзгоды по городской службѣ, однакожь, чувствуя себя нездоровымъ и предаваясь болѣе и болѣе безпечной жизни, онъ замыслилъ купить себѣ хорошенькое помѣстье, гдѣ могъ бы укрыться отъ службы, копоти фабричныхъ трубъ и стука станковъ. Здѣсь стародубовская школа брала верхъ надъ англійской. По-прежнему, однакожь, Патокины ѣздили каждую зиму въ Москву, чтобы быть ближе къ сыну и долѣе съ нимъ повеселиться.

Какъ бывало, задавали они обѣды и вечера, на которые хлѣбосольные и радушные хозяева собирали разнородное общество со всѣхъ концовъ бѣлокаменной, а кому неизвѣстно, какъ эта старушка, сохранившая свои зубы, любитъ хорошо поѣсть не только въ частныхъ домахъ, но и въ общественныхъ, начиная съ клубовъ и оканчивая безчисленными трактирами и харчевнями.

Въ одну изъ этихъ поѣздокъ, именно черезъ три года по водвореніи Дуни въ семействѣ Патокиныхъ, они задавали въ Москвѣ обѣдъ на славу, съ живою стерлядью, диковинной величины, привезенною на буксирѣ барки за нѣсколько сотъ верстъ.

Наканунѣ этого обѣда пріѣхалъ къ Сергѣю Семеновичу нѣкто, или, вѣрнѣе, *нѣчто*, именуемое Никодимомъ Ивановичемъ Хрюконовскимъ. Приказано извиниться, что не могутъ принять и проситъ въ отдѣленіе сына, пока хозяинъ дома окончитъ свои занятія. У Володи былъ въ то время товарищъ по службѣ, Мишель Суздалинъ, двумя годами постарше его, большой охотникъ до философскихъ разсужденій и вмѣстѣ съ тѣмъ большой весельчакъ.

— Вотъ гость хуже татарина,—сказалъ раздосадованный этимъ посѣщеніемъ Володя, не терпѣвшій господина, о которомъ ему доложили.

— Ба! да это мой землякъ изъ нашего благословеннаго губернскаго города Суходольска, — сказалъ Суздалинъ и приложилъ палецъ къ губамъ, давая знать, чтобы товарищъ не проговорился на счетъ посѣтителя.

— Этотъ господинъ, — продолжалъ онъ по-французски, — имѣетъ благородное обыкновеніе, прежде, чѣмъ войти въ комнату, подслушать у дверей. Онъ пронюхалъ, что у васъ завтра званный обѣдъ, и пришелъ, во чтобы ни стало, пристроиться къ нему,

хорошо поѣсть и подвыпить, а, пуще всего, сѣсть за одинъ столъ съ генераломъ. Это его профессія. Хочешь, нога его не будетъ въ другой разъ въ нашемъ домѣ? Въ головѣ моей, богатой, какъ ты знаешь, на подобные случаи, блеснула великолѣпная импровизація.

— Ради Бога. Этотъ паразитъ прилѣпился ко мнѣ и готовится отравить все мое существованіе. Но какъ ты умудришься?

— Увидишь. Только прошу постигнуть мою вели кую идею по первымъ моимъ пріемамъ и помогать мнѣ. Беру листъ бумаги и перо; начинаемъ.

Возвысивъ голосъ, Суздалинъ прибавилъ, — Написалъ: генералъ отъ артиллеріи такой-то. Далѣе?

Только-что онъ окончилъ эти слава, въ комнату ввалилась неуклюжая фигура въ видѣ надутаго шара, готоваго лопнуть, на двухъ медвѣжьихъ лапахъ, съ двухэтажнымъ зобомъ и лысою, толстою головой, на которой рѣдкія космы сѣдыхъ волосъ были на отлетѣ, не покоряясь маневрамъ налитыхъ жиромъ рукъ. Фигура эта пыхтѣла и сопѣла, какъ пузатый самоваръ, въ которомъ умираетъ послѣдній огонь угольевъ, но все-тали силится продолжать свою дѣятельность.

Взглянувъ на громадное брюхо Хрюконовскаго, можно было тотчасъ заключить, что назначеніе этого господина поглощать въ него огромное количество съѣстного. Онъ владѣлъ нѣкогда двумястами душъ и всѣ ихъ уложилъ въ своемъ желудкѣ. Онъ ѣлъ не такъ, какъ Гоголева Пѣтухъ, со смакомъ, съ услажденіемъ, которое для него было неполно, если съ нимъ не раздѣляли трапезы другіе; Никодиму Ивановичу нуженъ былъ только процессъ ѣды, какъ Петрушкѣ Чичикова процессъ чтенія. Хрюконовскій хвастался нѣкогда тѣмъ, что заразъ выпивалъ по цѣлому штофу водки и отправлялъ въ свою утробу огромную кулебяку. Когда онъ служилъ въ какомъ-то полку прапор-

щикомъ (въ отставку вышелъ подпоручикомъ), командиръ его, проходя съ нимъ по лагерю и проголодавшись, остановилъ разносчика съ лоткомъ съѣстныхъ припасовъ, закусилъ у него двумя, тремя пирожками и предложилъ Никодиму Ивановичу послѣдовать его примѣру, но не успѣлъ отойти нѣсколько шаговъ, какъ разносчикъ подошелъ къ нему за разсчетомъ. У командира вытянулось лицо, когда онъ узналъ, что его прапорщикъ успѣлъ въ это время съѣсть сотню сдобныхъ пирожковъ, уплести до пяти колбасъ и послать за ними еще нѣсколько *путешественниковъ*, однимъ словомъ, очистить весь лотокъ.

Въ Суходольскѣ, гдѣ онъ потомъ имѣлъ свое постоянное пребываніе и служилъ по выборамъ, онъ былъ неизмѣннымъ, дѣятельнымъ членомъ на всѣхъ завтракахъ, обѣдахъ и ужинахъ, какіе только, кѣмъ бы то ни было, давались. Накрытый для званыхъ гостей столъ не могъ держаться, если не сидѣлъ за нимъ Никодимъ Ивановичъ, какъ домъ безъ своего домового. Когда онъ не занятъ былъ ѣдою, уста его были всегда сомкнуты; развѣ распечатывалъ ихъ, когда за картами надо было сказать нѣсколько словъ объ игрѣ, или потѣшить значительное лицо шутками, въ которыхъ не было на грошъ соли, но все-таки по привычкѣ возбуждавшими смѣхъ въ провинціальныхъ слушателяхъ. Дома не держалъ онъ своего чаю и стола, а круглый годъ, день въ день, пользовался даровыми раціонами того и другого. Только раза два въ году приглашалъ къ себѣ первостепенное или второстепенное губернское лицо со свитой на кулебяку, которую мастерски готовила его супруга. Завтракъ этотъ орошался дешевымъ хересомъ, изготовленнымъ на всю Россію въ одномъ изъ мѣстныхъ уѣздныхъ городовъ. Надо сказать, что его половина во время оно была отставная фаворитка начальника Крутогорской

провинціи, столько прославленной надворнымъ совѣтникомъ Щедринымъ, и выданная за Хрюконовскаго съ приданымъ цѣлаго уѣзда, гдѣ онъ, однакожъ, за смертью своего благодѣтеля, не долго имѣлъ кормленіе. На такія кулебяки приглашаемы были гости печатными билетами, разсылаемыми иногда за нѣсколько сотъ верстъ на имя превосходительнаго патрона. Разумѣется превосходительный и не думалъ дѣлать такое далекое путешествіе изъ-за великаго подвига уничтоженія пирога; но все-таки за нѣсколько сотъ верстъ вѣдомо было, что у Никодима Ивановича Хрюконовскаго была въ такой-то день, въ такой-то часъ, кулебяка, на которую были приглашены его пріятели, все именитые люди, Пожарскіе и Минины «въ своемъ родѣ», какъ онъ ихъ называлъ.

Въ наше время, когда собираются интересныя мелочи изъ жизни великихъ людей, упрекнули бы біографа Никодима Ивановича, еслибъ онъ не сохранилъ въ точности самыхъ замѣчательныхъ дѣяній его. О! еслибъ герой этихъ страницъ имѣлъ привычку вести свой журналъ, подобно извѣстному лицу, записывавшему изо дня въ день не только свою бодрую дѣятельность всякаго рода, но даже и сонныя видѣнія,— какимъ ослѣпляющимъ ореоломъ озарилась бы для потомства фигура Хрюконовскаго! По крайней мѣрѣ, дѣлаю, что могу, для исторіи его, по тѣмъ даннымъ, какія у меня находятся подъ рукой.

Обыкновенно Никодимъ Ивановичъ вставалъ въ 7 часовъ утра; одѣвшись, отправлялся тотчасъ въ почтовую контору, раскрывалъ свою корреспонденцію, въ которой его столичные доброжелатели и покровители извѣщали его о назначеніи такого-то, туда-то, губернаторомъ, туда-то министромъ или директоромъ департамента, о награжденіи такого-то чиномъ или орденомъ; потомъ по благосклонности своихъ почтовыхъ милостив-

цевъ, схватывалъ изъ газетъ, только-что прибывшихъ, самыя свѣжія новости и тотчасъ, опрометью, чтобы не предупредили его, спѣшилъ разнести ихъ по всѣмъ болѣе вліятельнымъ знакомымъ. У одного этотъ городской Меркурій пилъ чай, у другого закусывалъ; между завтракомъ и обѣдомъ забѣгалъ въ свое присутствіе, гдѣ передавалъ тоже вѣсти, какія собралъ утромъ, подписывалъ на лету свое званіе и фамилію подъ журналами, не заглядывая въ ихъ содержаніе. Когда жь онъ, за болѣзнію или отсутствіемъ одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія, исправлялъ его должность, то находилъ особенное удовольствіе подписывать тысячи экземпляровъ печатнаго циркуляра о сыскѣ лицъ и имуществъ: пускай-де знаютъ по всей Россіи, что Хрюконовскій исправляетъ должность совѣтника. Потомъ отправлялся къ губернатору на приватное дежурство. Здѣсь, въ пріемной, садился на свое обычное кресло, прозванное шутниками Никодимомъ Иванычемъ. Изъ ста дней и тысячей часовъ въ одинъ счастливый день и часъ приходила первому лицу въ губерніи фантазія позвать его для развлеченія отъ дѣлъ. Тутъ обыкновенно разсказывалась какая-нибудь городская скандалезная исторійка или сплетня. Никодимъ Ивановичъ считалъ себя на верху блаженства, если успѣвалъ разсмѣшить первое лицо. Тогда, выходя изъ кабинета его превосходительства, принималъ важную осанку и озабоченный видъ, какъ будто воплотился въ лицо, которое только что оставилъ, и милостиво раскланивался на обѣ стороны находящимся въ пріемной. Если жь этого счастливаго позыва не было, то все-таки блаженный мужъ сидѣлъ на своемъ обыкновенномъ сѣдалищѣ, скрестивъ жирные пальцы и вооружась всею силою своего слуха, чтобы уловить отъ окружающихъ его горяченькую вѣсточку. Иногда и швейцаръ, задобренный имъ, дружески сообщалъ ему

какую-нибудь интересную новость о томъ, что у повара его превосходительства родился сынокъ, или такая-то горничная согрѣшила.

И были именитые люди, Минины и Пожарскіе «въ своемъ родѣ», которые принимали его, какъ домашняго человѣка, ласкали, называли въ своей перепискѣ съ нимъ «любезнымъ другомъ». И этотъ кусокъ мяса выбирали нѣсколько трехлѣтій въ должности, отъ которыхъ зависѣли честь, состояніе и свобода человѣка. Когда-жъ истинно благородные, энергическіе члены общества упрекали своихъ собратій, что они своимъ потворствомъ унижаютъ великое выборное дѣло, этимъ благороднымъ людямъ отвѣчали: « Чѣмъ же безъ должности будетъ существовать Никодимъ Иванычъ? Бѣдный человѣкъ! Вѣдь онъ нашъ братъ дворянинъ». И дослужился паразитъ до многолѣтней пряжки, ордена и пенсіи, подписывая только свою должность и фамилію и дѣятельно упражняясь въ поощреніи торговли съѣстными припасами Хвастался онъ безпрестанно своею честною, безпорочною службой, на которой ничего не нажилъ, а прожилъ 200 душъ!... Не подумайте, чтобы въ этомъ кускѣ мяса не было желчи; Никодимъ Ивановичъ былъ золъ, очень золъ, какъ старая собака, которая хотя и съѣла всѣ свои зубы, но, за неимѣніемъ ихъ, еще больно царапается когтями. Когда онъ считалъ себя обиженнымъ, то не забывалъ обиды цѣлые годы и искалъ случая отомстить за нее.

Таковъ былъ пріятный гость, ввалившійся въ кабинетъ Володи. Онъ пріѣхалъ въ Москву повидаться со своими благодѣтелями и патронами. Узнавъ объ обѣдѣ у Патокиныхъ, Никодимъ Ивановичъ явился напроситься на приглашеніе.

— А! пріятнѣйшій изъ пріятнѣйшихъ знакомыхъ,— сказалъ Суздалинъ. остановившись на генералѣ, кото-

раго успѣлъ уже Никодимъ Ивановичъ поймать своимъ слухомъ, — какъ въ своемъ здоровьѣ обрѣтаетесь?

— Благодаренье Богу,—произнесъ Хрюконовскій, возводя очи къ небу,—вотъ видите пуговицы на вицъ-мундирѣ стояли здѣсь, а вчера я переставилъ ихъ сюда.—Тутъ онъ указалъ, что вицъ-мундиръ его разступился вершка на два.

— Вы застали насъ за важнымъ занятіемъ. По диктовкѣ Владиміра Сергѣича составляю реестръ особамъ, приглашеннымъ къ завтрашнему обѣду. Вы намъ не помѣха. Напротивъ, подскажете, кого забудемъ въ спискѣ. Знаешь ли Володя, вся московская знать ему извѣстна на перечетъ, какъ его пять пальцевъ.

— Съ удовольствіемъ, съ величайшимъ удовольствіемъ... я такъ уважаю почтеннѣйшаго вашего родителя и васъ, Владиміръ Сергѣичъ... готовъ участвовать въ пріятномъ трудѣ. Только позвольте исполнить одно важное порученіе... я сейчасъ оставилъ островъ Елены (такъ звали его жену, и эту площадную остроту повторялъ Никодимъ Ивановичъ въ тысячный разъ) и мой пріятель Наполеонъ I-й приказалъ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

И Хрюконовскій протянулъ Володѣ свою пухлую, потную руку.

Володя побрезгалъ прикоснуться къ ней.

— На чемъ, бишь, мы остановились? — спросилъ Суздалинъ своего товарища.

— На первомъ лицѣ, генералѣ такомъ-то.

Разумѣется, званія и имена были вымышленныя, какія только приходили шалунамъ на умъ.

— Позвольте вамъ замѣтить,— прохрипѣлъ Хрюконовскій,—у васъ навѣрное будетъ духовное лицо?

— Конечно, такой-то.

— По моему, подобаетъ ему въ реестрѣ стоять во главѣ, такъ какъ онъ будетъ занимать первое мѣсто за столомъ

— Спасибо, почтенный землякъ, а то мы было испортили списокъ.

— Ну, такъ пиши, такой-то...

— Написалъ. Теперь ставлю смѣло: генералъ такой-то. Кажется онъ о трехъ звѣздахъ.

Суздалинъ вопросительно посмотрѣлъ на Никодима Ивановича.

— Какъ же-съ, три звѣзды. На-дняхъ во время торжественнаго молебствія я все смотрѣлъ на звѣзды его и хорошо видѣлъ Георгія на бѣломъ конѣ. Старъ, а глядитъ еще богатыремъ. А взглядъ, настоящій взглядъ орлиный! При выходѣ замѣтилъ меня въ толпѣ и, проходя мимо, изволилъ сказать: «А, старый товарищъ, и ты здѣсь?» Увидите, какъ онъ встрѣтитъ меня на обѣдѣ вашемъ.

Молодые люди коварно переглянулись.

— Надо вамъ сказать, господа, мы служили вмѣстѣ, то есть я хотѣлъ сказать, служилъ я въ его корпусѣ въ 13 г. Бывало мы, прапорщики, развалимся, какъ попало, въ его присутствіи на соломѣ и принимаемся балагурить. А забыться никто не смѣлъ, нѣтъ, шалишь! атанде!

— Такъ вы знаменитую кампанію сломали, Никодимъ Иванычъ? Много таки поджарыхъ французиковъ отправляли въ Елисейскія?

— Признаюсь, я далѣе Глогау не доходилъ. Съ Наполеономъ мы познакомились послѣ, на островѣ Еленѣ. Отъ Глогау меня отправили въ Россію при другомъ старшемъ офицерѣ за амуниціей, а тамъ шепнули.... чтобы я.... грѣхъ таить... по причинѣ невзрачной фигуры, подалъ въ отставку (здѣсь Никодимъ Ивановичъ подмигнулъ глазкомъ).

— Жаль,—сказалъ Суздалинъ,—а то бы изъ васъ вышелъ великій полководецъ. А знаешь ли, Володя, судя по игрѣ его въ карты, онъ военный геній. Надо любоваться, какъ онъ играетъ. Это настоящіе маневры. Кажется, насквозь видитъ карты своихъ противниковъ и партнера, угадываетъ ихъ ходы, налетитъ орломъ, примигнетъ глазкомъ, да какъ пристукнетъ по зеленому полю... такъ врагу и капутъ. Да, Никодимъ Иванычъ, вы и теперь великій человѣкъ въ своей губерніи... а пуще всего пріятнѣйшій изъ пріятнѣйшихъ товарищей за столомъ. Какъ онъ ѣстъ, Володя, такъ, просто, заглядѣнье! Откуда берется аппетитъ, смотря только на него!

Хрюконовскій умильно осклабился; казалось, зобъ его распустился, какъ у птицы-бабы, когда она надувается, чтобы произвести свой отвратительный звукъ, а космы на лысинѣ еще упрямѣе отлетѣли въ сторону.

Принялись опять шалуны записывать имена и званія лицъ, приглашенныхъ къ обѣду. Пошли тайные совѣтники, генералъ-лейтенанты, генералъ-маіоры, и такъ далѣе, не ниже 5-го класса.

— Смотри, Володя, не зарвись.

Володя взялъ списокъ и началъ считать.

— Ровно тринадцать,—сказалъ онъ вполголоса,—тринадцатаго надо зачеркнуть,—и зачеркнулъ кого-то въ реестрѣ.

Никодимъ Ивановичъ вздрогнулъ, какъ будто по сердцу его провели горячимъ утюгомъ. Предчувствіе не обманывало его.

— Мнѣ отъ этихъ генераловъ такъ тяжело,—промолвилъ Суздалинъ,—точно поднималъ цѣлый часъ трехпудовыя гири. Надо отдохнуть. А между антрактомъ вели-ка, Володя, подать напоказъ знатоку дѣла все лучшее, что у васъ припасено къ завтрашнему обѣду.

Позвали слугу и приказали подать всѣ лучшіе припасы, приготовленные къ завтрашнему дню.

Два офиціанта, кряхтя, принесли въ лоханѣ съ водой живую стерлядь необыкновенной величины и толщины, облитую жиромъ.

Какъ нарочно, она такъ бойко хлеснула по водѣ, что обрызгала Никодима Ивановича.

— Коварна!—замѣтилъ Суздалинъ.

— Какъ Варна,—поспѣшилъ подшутить Хрюконовскій, утирая себѣ лицо.

— Знаетъ, кто самую жирную и крупную часть ея возьметъ завтра.

Стерлядь смѣрили; въ ней было болѣе аршина до пера.

Никодимъ Ивановичъ ахалъ и пожиралъ ее глазами.

Затѣмъ слѣдовали исполинскій филей на ростбифъ и такъ далѣе, молоки изъ налимовъ, трюфели, отъ которыхъ благоуханіе Хрюконовскій повѣялъ рукой на себя. Смотръ заключился блюдомъ клубники, чрезвычайно дорогой по тогдашнему зимнему времени.

Телячьи глаза его то умильно обращались къ съѣстнымъ припасамъ, то къ Володѣ, какъ будто умоляя его о милостивомъ приглашеніи.

Суздалинъ взглянулъ на реестръ.

— Ба! — воскликнулъ онъ, ударяя себя по лбу, — главную-то персону я было помѣстилъ, а ты зачеркнулъ.—Не грѣшно ли тебѣ?

— Ты знаешь, какъ мы любимъ Никодима Иваныча, но я не могу ослушаться отца. Онъ мнѣ на строго приказалъ не помѣщать никого въ реестрѣ ниже 5-го класса и не болѣе двѣнадцати человѣкъ. Генералы люди стараго вѣка, суевѣрны. Бѣда, если будетъ за столомъ тринадцать.

— Я бы здѣсь у васъ въ кабинетѣ, Владиміръ Сергѣичъ, тихохонько, смирнехонько, — сказалъ уни-

женно Хрюконовскій:—а тамъ улучилъ бы благопріятную минуту... когда шампанское будутъ подавать, и показался бы превосходительнымъ гостямъ... только на единую минутку...

— Не могу, право не могу; зайдетъ кто-нибудь сюда... покуритъ... увидитъ васъ, будто въ изгнаніи; совѣстно. Мы, однакожъ, это поправимъ. Послѣ завтра отецъ дастъ еще обѣдъ для персонъ ниже пятаго класса, и тогда вы, конечно, сдѣлаете намъ честь...

Обида была нестерпимая; стоялъ въ спискѣ вмѣстѣ съ генералами и зачеркнутъ.

Лицо Хрюконовскаго сдѣлалось пунцово; самъ Суздалинъ, взглянувъ на него, перепугался; долго ль такому тучному человѣку до удара!

— Прошу уволить, — сердито прошипѣлъ Никодимъ Ивановичъ; затѣмъ крякнулъ, отодвинулъ кресла, такъ что они завизжали, бросилъ на молодыхъ людей молнію изъ своихъ глазъ, которая, казалось, должна была ихъ испепелить, побрелъ, шатаясь, къ дверямъ и свирѣпо хлопнулъ половинкой ихъ.

Когда слуга подалъ ему шубу, онъ все бормоталъ: «купчишка! свинья!» Съ трудомъ, дрожащими отъ душевнаго волненія руками, могъ онъ попасть въ рукава шубы, сердито произнося: «не такъ, не такъ, скотина! Видно, что у купца служитъ, и шубу подать не умѣетъ».

Сергѣй Семеновичъ удивился, найдя, что птица слетѣла ужь съ гнѣзда. Шалуны скрыли причину ея отлета.

Скоро это происшествіе было ими забыто, но не забылъ его Никодимъ Ивановичъ. Русскій корсиканецъ поклялся мстить, чѣмъ только могъ и пока живъ, цѣлому роду Патокиныхъ до послѣдняго колѣна.

Вендета представилась.

Нѣсколько недѣль спустя, Суздалинъ влетѣлъ къ Володѣ.

— Ѣду, — сказалъ онъ, въ мою великую отчину Суходольскъ. — Сестры и мать зовутъ повеселиться. Завтра у нихъ въ благородномъ собраніи, по какому-то особенному торжественному случаю, балъ-monstre. Хочешь? ѣдемъ со мной. Замѣчаю, ты съ нѣкотораго времени хандришь; тебя надо разсѣять. Всего сто пятьдесятъ верстъ. Лихой ямщикъ взялся на перемѣнныхъ доставить меня въ десять часовъ.

— Когда жь ѣхать?

— Нынѣ въ полночь (Суздалинъ посмотрѣлъ на часы), то есть черезъ два часа. Мѣсяцъ такъ и пышетъ своимъ электрическимъ свѣтомъ; фонарикъ хоть куда! Кстати я познакомлю тебя съ предметомъ моего обожанія.

— Который нумеръ?

— Первый въ провинціи, а до московскихъ намъ теперь дѣла нѣтъ. Блондинка, съ пепельными волосами, глаза голубые, полные нѣги, губки немного пышныя — настоящій центифолій. Пчела такъ бы и впилась въ нихъ. И я, твой покорный слуга, не отказался бы отъ роли пчелы. Правда, ты любишь черноволосыхъ съ голубымъ отливомъ, какъ у вашей Дуни изумрудный-крестикъ что ли? Да, мой предметъ въ полной порѣ, а вашей красавицѣ не вышло еще узаконенныхъ лѣтъ для супружества. Поди, мучься годы танталовой пыткой!

— Дитя, — сказалъ равнодушно Володя, — ей только пятнадцать лѣтъ, сидитъ еще за уроками.

— Посмотри, что будетъ изъ нея въ семнадцать; я, братецъ, знатокъ на такія вещи.

— Сестренка будетъ хорошенькая; а еслибъ ты зналъ, какъ умна — не по лѣтамъ, какая душа у этой дѣвочки! Дай Богъ, чтобы она со временемъ

нашла мужа, который умѣлъ бы оцѣнить это сокровище!

— Однакожъ мы съ *нашими* предметами забыли о суходольскомъ балѣ.

— Съ нашими? — перебилъ, нахмурившись, Володя.—Я не люблю, когда шутятъ надъ святымъ чувствомъ дружбы, хотя къ пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Она мнѣ не родная, но я готовъ поссориться за нее, какъ за кровную мою сестру.

— Ну, ну, полно ворчать. Не въ первый разъ изволите гнѣваться, когда заговорятъ шутя о вашей ученицѣ. Чтожь, ѣдемъ?

— Пожалуй, ѣдемъ, только... ты знаешь, я воспитанъ въ патріархальныхъ нравахъ; безъ позволенія отца и матери не тронусь съ мѣста.

— Такъ поди и проснсь, дитятко.

Пошелъ Володя и принесъ благопріятный отвѣтъ.

Въ полночь были они за одной изъ московскихъ заставъ, тогда еще существовавшихъ.

Несмотря, что полный мѣсяцъ глядѣлъ во всѣ глаза и обвивалъ землю своимъ волшебнымъ свѣтомъ, наши путешественники, готовясь къ танцовальнымъ подвигамъ, проспали всю дорогу и въ десять часовъ утра пили уже чай въ семействѣ Суздалина.

Отца его давно не было въ живыхъ. Мать, умная, энергичная, съ большимъ тактомъ женщина, и за нею двѣ дочери, одна восемнадцати лѣтъ, уже помолвленная (жениха ея не было въ городѣ), а другая семнадцати, обѣ хорошенькія брюнетки, были очень любезны со своимъ гостемъ.

Въ полдень пріѣхала къ Суздалинымъ съ визитомъ суходольская дама, супруга какого-то предсѣдателя, будто нарочно для того, чтобы московскому гостю показать образчикъ тамошняго общества. Суздалинъ, въ подражаніе Никодиму Ивановичу, называлъ ее Минервой

«въ своемъ родѣ». Все въ ней оправдывало это названіе: и ростъ, и мужественныя формы, и суровый взглядъ, и гнѣвныя, обличительныя рѣчи. Отъ нея такъ и вѣяло холодомъ. Она то и дѣло старалась высказать свое олимпійское происхожденіе. Только и было словъ, что о петербургской аристократіи: все кузены, дяди, тетки, важные тузы и барыни! Весь прочій людъ — толпа, чернь, плебейство! А нравы, что за нравы нынѣ, Боже мой! Никакого уваженія къ родовымъ преданіямъ; все mésaillance, égalité, fraternité! Ужь и мужики лѣзутъ въ люди! Все это не ведетъ къ добру.

Войдя въ комнату, она свысока, совиными глазами окинула Володю и потомъ сѣла къ нему спиною.

Замѣтивъ это пренебреженіе къ своему гостю, Суздалина сказала Володѣ, указывая ему мѣсто неподалеку отъ себя: «пересядьте сюда, Владиміръ Сергѣичъ, вамъ тамъ неловко».

— Вообразите, — говорила Минерва, не обращая вниманія на этотъ урокъ: — пріѣхалъ къ намъ новый вицегубернаторъ — Онучинъ, изъ купцовъ.

— Скоро жь прочли вы его послужной списокъ,— замѣтила Суздалина.

— По одной фамиліи слышно сейчасъ, que cela sent la roture, que c'est un parvenu. Вообразите, моему мужу въ палатѣ придется при немъ сидѣть на второмъ мѣстѣ. Это хоть кого взбѣситъ.

— Какъ слышно, человѣкъ образованный и, что рѣдко нынѣ, честный человѣкъ. Конечно, жена его была у васъ, какъ и у меня, съ визитомъ?

— Должно быть какая-нибудь мѣщанка. Я ее не приняла; можетъ пріѣхать въ другой разъ.

— Напротивъ, я очень рада, что была дома; за особенное удовольствіе почту съ ней сблизиться. Женщина очень не глупая и держитъ себя не хуже на-

шихъ soit-disant аристократокъ, отъ которыхъ несетъ феодальною гнилью.

— Mais vous êtes une femme émencipée, madame Суздалина.

— Emancipée отъ всякихъ глупыхъ предразсудковъ. Кажется, и мужъ вашъ не держится ихъ. Напримѣръ, не далѣе, какъ вчера, онъ былъ на именинномъ обѣдѣ у купца съ бородой, совершеннаго мужика по образованію, какъ бишь его?... подрядчикъ... Вы должны его знать по отношеніямъ съ вашимъ мужемъ... ставитъ дрова и намъ, и *вамъ*, кажется, и всему городу.

Эта стрѣла не миновала сердца Минервы. Бѣлыя пятна выступили на пунцовомъ, угреватомъ лицѣ ея. Послѣ этого урока ей не посидѣлось. Какъ скоро она, со своими совиными атрибутами удалилась, не было ни о ней, ни объ ея сужденіяхъ рѣчи. Суздалина любила по дѣломъ отдѣлать въ глаза, но не позволяла себѣ за глаза худо отзываться о людяхъ. Володя смѣялся въ душѣ, но тоже остерегся сказать что-нибудь объ олимпійской дамѣ.

Ровно въ девять часовъ Суздалина съ семействомъ своимъ и Володей отправилась на балъ. Она не держалась *мѣстничества* провинціалокъ, которыя думаютъ, что роняютъ свое достоинство, если явятся на вечеръ ранѣе другихъ, низшихъ классами ихъ мужей. Дама 4-го класса не пріѣдетъ въ собраніе прежде дамы 5-го класса, и такъ далѣе, по іерархическимъ ступенямъ. Для наблюденія за этою очередью посылаются зоркіе аргусы на дежурство въ тотъ домъ, гдѣ дается вечеръ, и горе соглядатаямъ, прозѣвавшимъ очередь! Иногда, по милости этого женскаго мѣстничества, зала собранія бываетъ пуста. На этотъ разъ все такъ счастливо устроилось ловкими и усердными распорядителями, что зала кипѣла особами прекраснаго

и непрекраснаго пола. Балъ хоть куда. Свѣчъ не жалѣли; сотни огней въ канделябрахъ и люстрахъ слѣпили глаза. Сердце экономa билось пріятною надеждой, что огромное количество огарковъ поступитъ въ его карманы. Залы и прочія комнаты благоухали, дежурный старшина то и дѣло кричалъ: курить! курить! какъ будто на вечеръ ожидали посѣщенія нечистаго духа. Дамская уставлена была рѣдкими растеніями, уборная — всѣми косметическими принадлежностями туалета. Въ рисовой пудрѣ не было недостатка; даже цѣлыя дюжины башмаковъ на русскую и французскую ножку, едва ли не выписанныхъ изъ Варшавы, предлагали свои услуги тѣмъ особамъ, у которыхъ собственная ихъ обувь, отъ усерднаго упражненія, могла получить какой-нибудь неблаговидный изъянъ. Рои хорошенькихъ дѣвицъ, прилетѣвшіе изъ своихъ уѣздныхъ ульевъ, порхали по залѣ. Надо, однакожъ, сказать, что кавалеры были не блестящіе, потому что военные, такъ оживляющіе танцовальные вечера, были гдѣ-то далеко, на маневрахъ, и занимались своего рода гимнастическими упражненіями. Ихъ замѣняли кавалеры, блистающіе своими лысинами и длинными цѣпями у жилетовъ, дѣлающими во время танцевъ тѣ же оваціи, какія дѣлали ихъ обладатели. Не мудрено, что молодые люди, пріѣхавшіе изъ столицы, первенствовали въ танцахъ. Володю успѣлъ Суздалинъ представить своему предмету, очень интересному, и другимъ знакомымъ дѣвицамъ. Когда онъ пошелъ въ первый разъ полькировать съ одной изъ дочерей Суздалиной, все собраніе обратито на него глаза. Говорили, что еслибъ дать этому интересному молодому человѣку мундиръ, то онъ могъ бы посоперничать съ прошлогоднимъ красивымъ кавалергардомъ, который явился въ собраніе, поднесъ избранной имъ дѣвицѣ золотое яблоко, протанцовалъ только съ нею одной и

уѣхалъ, побѣдивъ сердца всѣхъ. Володя умѣлъ заинтересовать своихъ дамъ умною и пріятною бесѣдой. Конечно, ни одна изъ маменекъ не могла мѣтить на девятнадцатилѣтняго юношу для своихъ дочекъ, но дочки невольно увлекались его красивою наружностью и столичною любезностью и передавали другъ другу, что ни съ кѣмъ онѣ во всю жизнь свою такъ легко не танцовали, никто не умѣлъ такъ занять ихъ своимъ умнымъ разговоромъ безъ приторныхъ комплементовъ. И какой неистощимый запасъ новыхъ фигуръ навезъ онъ изъ Москвы! Минерва была тутъ же со своими дочками, цвѣтущими одними веснушками и угрями. Никто не обратилъ вниманія на фамилію Патокина (мало ли какія фамиліи бываютъ на Руси, объ иную зубъ попортишь, а другую и языкъ не пошевелится выговорить); но олимпійская дама, узнавъ ее, не преминула строго наказать своимъ дщерямъ, чтобы не осмѣливались вступить въ танцы съ какимъ-нибудь roturier.—Вы должны помнить, говорила она, что вы внучки генерала, и я не потерплю этой mésaillance. Какъ будто стоя въ парѣ со своимъ кавалеромъ, дочка ея стояла уже съ нимъ подъ вѣнцомъ. Володя, со своей стороны, и не думалъ смѣть прикоснуться своею плебейскою рукой къ рукѣ, въ которой текла генеральская кровь.

Никодимъ Иванычъ Хрюконовскій былъ тутъ же на балѣ, при крестѣ и пряжкѣ, какъ и слѣдовало ожидать, потому что къ концу вечера готовился обильный ужинъ. Онъ безпрестанно старался попадаться на встрѣчу Володѣ, останавливался противъ него, бросалъ на него сердитые взгляды, какъ будто хотѣлъ отправить его въ свой желудокъ; мало того, сталъ заграждать ему въ тѣснотѣ дорогу, умышленно толкалъ его, не думая извиняться, и до того участилъ свои наглые маневры, что юноша, сначала смѣявшійся

надъ этими продѣлками, вышелъ изъ себя.—Вообрази, —сказалъ Володя довольно громко Суздалину, указывая глазами на Хрюконовскаго,—это животное вездѣ преслѣдуетъ меня. Еслибъ я не боялся скандала и болѣе всего огорчить твою мать, которая привезла меня сюда, онъ стоилъ бы пощечины.

— Брось, пожалуйста, эту гадину,—отвѣчалъ Суздалинъ,—стоитъ ли пропадать изъ-за нея.

Стоявшій за ними молодой человѣкъ, черненькій, какіе вездѣ бываютъ, и, вдобавокъ, одинъ изъ блистательныхъ своею лысиной, сердитый на Володю за то, что дѣвица, за которою онъ ухаживалъ, не хотѣла въ этотъ вечеръ танцовать съ нимъ, а безпрестанно упивалась удовольствіемъ танцовать съ пріѣзжимъ, вслушался въ слова пріятелей и поспѣшилъ передать ихъ Никодиму Ивановичу.

Казалось, Хрюконовскій только и дожидался этой благодатной вѣсти. Глаза его налились кровью, какъ у быка на аренѣ, когда тореодоръ накинетъ на глаза его красный значекъ. Онъ отыскалъ въ карточной комнатѣ дежурнаго старшину и отвелъ его въ сторону. Это былъ супругъ Минервы «въ своемъ родѣ»; утренній разговоръ съ Суздалиной былъ ему переданъ.

— Нынче, — сказалъ ему, почтительно наклонивъ голову, Никодимъ Иванычъ, — по распоряженію общества, никто не можетъ быть въ собраніи, кромѣ дворянъ. Купцамъ не дано ни одного билета.

— Точно такъ.

— А здѣсь появился купчикъ Патокинъ, да еще грозитъ дать ему пощечину.

— Онъ сказалъ вамъ это?

— Нѣтъ, но есть свидѣтель такой-то.

— Позовите свидѣтеля.

Явился черненькій молодой человѣкъ, каявшійся уже, что затѣялъ свой доносъ, и подтвердилъ слова Хрюконовскаго не безъ душевнаго волненія.

— Кто жь досталъ ему билетъ?

— Молодой Суздалинъ.

— Сынъ той....

— Что написалъ стихи на весь городъ, гдѣ и васъ задѣлъ.

— Какой вздоръ! Вольно жь инымъ признавать себя! Моей фамиліи тамъ не было. Прошу не мѣшать меня въ эту исторію; довольно и вашей.

Старшина велѣлъ офиціанту отыскать Суздалина и черезъ него гостя Патокина и просить ихъ на пару словъ.

Явились предъ лицо судьи Суздалинъ и Володя.

— Вы брали у меня нынѣ билетъ для какого-то Патокина?—спросилъ старшина, обращаясь къ первому.

— Не какого-то, а извѣстнаго мнѣ и моей матери Патокина, моего сослуживца.

— Онъ не имѣетъ еще офицерскаго чина,—прохрипѣлъ Никодимъ Ивановичъ.

— Знали ли вы, что на нынѣшнемъ вечерѣ могутъ быть только благородные?

— Я и взялъ у васъ билетъ для этого молодого человѣка, который можетъ своимъ образованіемъ и благородствомъ поспорить со многими изъ здѣшнихъ посѣтителей.

— Я хочу сказать: одни дворяне—благороднаго происхожденія.

— А я и не хотѣлъ думать, чтобы въ нашъ просвѣщенный вѣкъ могли существовать такія варварскія исключенія. Въ Москвѣ въ присутствіи высокихъ особъ, высшей, настоящей аристократіи, въ тамошнее благородное собраніе приглашаются купцы....

— Тамъ на это есть дни.... тамъ дѣло другое.... другія правила... воля... И старшина не договорилъ.

— Просвѣщенная, разумная, а не дикій произволъ, какъ здѣсь.

— Вы забываетесь, молодой человѣкъ.

— Что вамъ угодно отъ меня?—перебилъ старшину Володя, которому роль молчаливаго подсудимаго уже наскучила.

— Вотъ свидѣтель (старшина указалъ на черненькаго молодого человѣка съ лысиной), который говоритъ, что вы грозились дать пощечину нашему почтенному собрату дворянину.

— Мой дядя,—произнесъ черненькій свидѣтель, указывая на Хрюконовскаго (обнаруживая это родство, онъ думалъ ослабить свой неблагородный проступокъ).

Никодимъ Ивановичъ двумя пальцами схватилъ свой крестъ и съ энергіей покачалъ его.

— Украшенный знаками отличія.

— Все это я вижу и давно знаю. Этотъ господинъ не только у отца моего, но и у меня бывалъ со своимъ почтеніемъ. Я только сказалъ Суздалину, что готовъ бы поколотить бѣшеное животное. Вольно жь было племяннику признать своего дядю за животное.

— Вы опять говорите дерзости. Я долженъ васъ вывести изъ собранія и потому, что вы купецъ.

— Это дѣло другое, я и самъ могу удалиться.

— Нѣтъ, я васъ провожу, не то, пожалуй, вы затѣете новую исторію съ господиномъ Хрюконовскимъ.

Пока происходили эти переговоры старшины съ Володей, Суздалинъ побѣжалъ къ матери и разсказалъ ей все, что случилось съ ихъ гостемъ.

— Попросико мнѣ старшину,—сказала она сыну.

Между тѣмъ около судьи и подсудимаго въ карточной комнатѣ собрался тѣсный кружокъ. Были такіе господа, которые подстрекали старшину.—Проучить! Вывести купчика! слышались голоса. Были, однакожъ, и такіе, которые просили поберечь молодого человѣка, нарушившаго правила собранія по незнанію. Въ буфетѣ нашлись любители скандаловъ, откупоривавшіе бутылки въ честь воителя Хрюконовскаго. Въ танцовальной залѣ сдѣлалось также волненіе, составились группы; разнорѣчивые толки переходили отъ одной въ другую. Многія дамы и дѣвицы приняли участіе въ Патокинѣ.—Какъ жаль, что такой красивый, образованный молодой человѣкъ—сынъ купца, говорили первыя. Одна Минерва торжествовала.

Какъ ни гнѣвенъ былъ старшина на Суздалину за утренній разговоръ, но опасаясь ея энергическаго характера и зная связи ея въ Петербургѣ, поспѣшилъ, однакожъ, явиться на ея приглашеніе.

— Что это вы затѣваете съ моимъ гостемъ?—сказала она ему.—Вы оскорбляете меня въ лицѣ его. Помните, что онъ и вашъ гость, а гостепріимство свято чтятъ даже дикіе народы. Вы портите его служебную карьеру; все-таки скажутъ, что его вывели изъ собранія, хотя безчестье падетъ болѣе на голову другихъ господъ. Ради меня, ради вашей собственной репутаціи, прекратите эту исторію, не оскорбляя такъ полицейски молодого человѣка. Посмотрите, все общество въ тревогѣ.

— Чтожъ я долженъ сдѣлать?—сказалъ смущенный старшина.

— То, что я вамъ скажу. Дайте мнѣ распорядиться по своему. Пошлите ко мнѣ моего гостя и сына.

Явились къ ней Суздалинъ и встревоженный Володя. Они прошли сквозь строй лицъ, на которыхъ читали насмѣшку или жалость, еще болѣе тягостную.

— Моей старшей дочери,—сказала Суздалина Володѣ, — сдѣлалось дурно. (Дѣйствительно она была очень блѣдна и дрожала, взволнованная непріятнымъ событіемъ, постигшемъ ихъ гостя). Возьмите ее подъ руку и проводите къ каретѣ.

Еще не успѣла Суздалина это сказать, какъ дочь ея, угадывая намѣреніе матери, подала руку Володѣ. Сама старушка, поднявъ голову и смотря строго на окружавшихъ ее, какъ бы вызывая ихъ на замѣчанія, послѣдовала за ними. Такъ вышли они изъ собранія посреди изумленной толпы, давшей имъ дорогу. Ни одинъ насмѣшливый взглядъ, ни одно неосторожное слово не провожало ихъ. Этимъ шествіемъ заключился веселый для Володи вечеръ. Надо же было ему сдѣлать триста верстъ, чтобы ознакомиться съ пріятнымъ суходольскимъ обществомъ, приговорившимъ было его къ остракизму, и унести благодарное воспоминаніе только объ одной Суздалиной и ея семействѣ.

Въ полночь наши пріятели летѣли опять въ Москву, угрюмые и озлобленные прошедшимъ вечеромъ. Суздалинъ проклиналъ себя, что повезъ своего пріятеля на такую потѣху; Володя во всю дорогу не проронилъ ни одного слова, составляя въ головѣ и сердцѣ планъ мщенія.

— Черезъ пять лѣтъ,—говорилъ онъ самъ съ собою,—я явлюсь въ это общество, и посмотрю, какъ оно меня отвергнетъ.

На другой день, по пріѣздѣ въ Москву, передалъ онъ отцу и матери все, что съ нимъ случилось.

— Я поступаю въ университетъ,—сказалъ онъ—и, если вы не хотите погубить меня, должны позволить мнѣ перемѣнить мою карьеру Черезъ четыре года я съ дипломомъ студентскимъ; онъ откроетъ мнѣ вездѣ дорогу. Записываюсь въ военную службу и черезъ шесть мѣсяцевъ офицеръ. Я ничего не теряю, на-

противъ пріобрѣтаю познанія, которыхъ мнѣ недостаетъ.

— Вспомни, что тебѣ девятнадцать лѣтъ,—сказалъ отецъ.—Твой начальникъ увѣрялъ меня, что ты на дняхъ получишь первый оберъ-офицерскій чинъ. Черезъ четыре года тебѣ будетъ двадцать три. Въ эти годы ты поступишь въ военную службу унтеръ-офицеромъ, пожалуй еще рядовымъ.

— Подумай,— говорила мать,—что ты долженъ нести тягости солдата, будешь ночевать въ курныхъ избахъ, на бивакахъ, въ походѣ понесешь ранецъ, ружье.

— Я положилъ на себя обѣтъ; никакой обѣтъ не бываетъ легокъ,—возражалъ Володя

— Потомъ война, можешь быть раненъ.

— Рана, которую я получилъ въ Суходольскѣ, больнѣе всякой другой.

— Можешь быть убитъ! О! тогда ни я, ни отецъ твой не переживемъ тебя.

— Богъ милостивъ; онъ сохранитъ меня для васъ. Какъ угодно, я задалъ себѣ цѣль и хочу добыть *право*, въ которомъ мнѣ отказываютъ; средства мои благородны и разумны и я не отступлю отъ нихъ—развѣ вы захотите испортить всю мою жизнь. Вспомните, я и прежде желалъ поступить въ университетъ, но вы мнѣ, почему-то, не позволили. Вы записали меня въ гражданскую службу, вѣроятно, для того, чтобы я сдѣлался дворяниномъ. Я исполняю ваше желаніе, только кратчайшимъ путемъ.

Для другого у Марѳы Михайловны была желѣзная воля, требованія, приказанія, для сына не нашлось ничего, кромѣ слезъ.

Володя былъ непоколебимъ.

Нечего было дѣлать. Патокины знали характеръ своего сына, и благословили его на новый путь. «Весь въ дѣдушку», говорили они.

Разумно ли поступилъ Володя въ этомъ случаѣ, пусть рѣшитъ читатель. Какъ адвокатъ его, скажу только въ его пользу: ему было девятнадцать лѣтъ, обстановка его семейной жизни, сословные предразсудки, бросившіе его за перегородку общества, котораго членомъ онъ считалъ себя вправѣ быть по своему воспитанію, взрывъ оскорбленной души,—все это направило его на такой поступокъ.

И вотъ онъ уже студентъ московскаго университета. Усердно приготовившись, онъ выдержалъ блистательно экзаменъ и поступилъ въ факультетъ, въ которомъ имя знаменитаго профессора собирало тогда около него восторженныхъ слушателей. Между тѣмъ онъ бралъ на дому уроки математики, которая ему нужна была для военнаго дѣла. Дуня съ восхищеніемъ говорила объ его подвигѣ; она смотрѣла на него, какъ на героя.

Прошли три года, и каждый годъ переходилъ онъ съ торжествомъ въ слѣдующій курсъ. Профессора гордились имъ, товарищи любили его. Между тѣмъ Сергѣй Семеновичъ, желая, какъ онъ говорилъ, поправить свое здоровье и отдохнуть отъ дѣлъ, при новыхъ выборахъ въ головы отказался отъ этой должности, несмотря, что общество умоляло его продолжать свое служеніе. Онъ купилъ себѣ помѣстье верстахъ въ двадцати отъ Луковокъ. Правда, для устройства и украшенія этого имѣнія сдѣланъ былъ значительный заемъ, но надежды на успѣхъ торговыхъ дѣлъ успокоивали его. Заемъ былъ заключенъ посредствомъ Опенкина и утаенъ отъ Марѳы Михайловны. Такъ попалъ Патокинъ въ нѣкоторую зависимость отъ своего приказчика. Опенкинъ, повидимому, усердно хлопоталъ за его интересы, но умѣлъ и тутъ позаботиться о своихъ. Осуществлялись любимыя мечты Сергѣя Семеновича.

При этомъ имѣніи было душъ 200 крестьянъ. Но какъ онъ владѣть ими не могъ, то и совершилъ купчую на имя генерала Огрызкова. Генералъ былъ истинно честный человѣкъ. По случаю этой покупки онъ призвалъ къ себѣ трехъ сыновей своихъ, служившихъ въ гвардіи, и объявилъ имъ, чтобы они, въ случаѣ его смерти, раздѣлили собственное его имѣніе, достающееся имъ по наслѣдству, а имѣніе, принадлежащее Патокину, предоставили исключительно старшему брату. Владѣлецъ по имени долженъ былъ помнить, что хотя имѣніе записано на него, но чужое, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ распоряженія настоящаго владѣльца и обязанъ выполнять все, чего Сергѣй Семеновичъ пожелаетъ. Въ случаѣ смерти старшаго брата эта обязанность должна была перейти по очереди къ среднему и такъ далѣе. При этомъ случаѣ никакихъ обезпечивающихъ актовъ не было сдѣлано, кромѣ довѣренности Патокину на безотчетное управленіе имѣніемъ. Порукою была одна совѣсть и честь, часто очень шаткія, когда дѣло идетъ о денежныхъ интересахъ.

Теперь мы пришли къ тому пункту, съ котораго отправились, начиная нашъ разсказъ, именно съ отъѣзда Патокиныхъ въ деревню.

Не знаю, какъ вамъ, мой читатель или читательница, а мнѣ кажется, что мы совершили съ вами долгое кругосвѣтное путешествіе — можетъ быть утомительное для васъ. Грустно объ этомъ подумать. Чтожъ дѣлать? Капитанъ корабля, на которомъ мы странствуемъ, уже старъ, и вы извините его, если онъ, привыкнувъ къ точному исполненію своего долга, останавливалъ васъ иногда у береговъ, мимо которыхъ вамъ хотѣлось скорѣй пройти, знакомилъ васъ съ жителями этихъ мѣстъ, можетъ быть, не интересныхъ, но необходимыхъ, чтобы запастись у нихъ жизнен-

ными припасами и горючими матеріалами для дальнѣйшаго хода корабля. Въ это время нѣкоторые изъ нашихъ пассажировъ умерли, дѣти являются предъ нами молодыми людьми, иные уже и состарѣлись. Вотъ ужь и героиня наша, Дуня, изъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки, какою мы ее узнали въ сиротскомъ домѣ, сдѣлалась семнадцатилѣтнею, вполнѣ развившеюся дѣвицей. По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь самолюбивою мыслею, что въ обществѣ, съ которымъ мы жили такъ долго, вы заинтересовались нѣкоторыми изъ лицъ его; можетъ быть, полюбили кого-нибудь Съ этимъ самообольщеніемъ капитанъ велитъ поднять якорь; пары усилены — мы снова тронулись въ дальнѣйшій путь. Вскипѣвшія волны, какъ два огромные дельфина, заиграли по бокамъ корабля.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы видѣли, что Патокинъ, прощаясь съ мѣстами, гдѣ родился и выросъ, гдѣ покоился прахъ отца его, съ садомъ, этою живою, памятною книгой его дѣтства и молодости, разставался съ ними, какъ бы отрывалъ кусокъ отъ сердца.

Вотъ онъ уже съ членами своего семейства, кромѣ сына, въ новокупленной и вновь устроенной усадьбѣ, называемой Краснымъ-сельцомъ, и не даромъ.

Что за очаровательныя мѣста!

Съ одной стороны господскаго дома, вдоль высокаго берега рѣки поднялась зубчатая стѣна вѣчно зеленаго сосноваго лѣса, а за нимъ, еще выше, березовая роща, которая осенью, когда листъ ея пожелтѣетъ, при закатѣ солнца, кажется золотистымъ занавѣсомъ, задернувшимъ полнеба. Въ берегъ глубоко вдаются овраги. Почью эти ущелья пугаютъ своею мрачною пастью, а днемъ кажутся красивыми воротами, которыхъ арки образовали жилистыя, мохнатыя вѣтви деревъ, будто сплетшіяся черезъ нихъ гигантскія руки. Весною черемуха обвиваетъ ихъ кудрями своихъ благоухающихъ цвѣтовъ, а осенью рябина коралловыми кистями своихъ ягодъ. Гдѣ-то, въ одномъ изъ овраговъ, гремитъ ключъ. Въ глубокую полночь, когда вся природа молчитъ и, кажется, творитъ благоговѣйную

молитву передъ престоломъ Бога, когда чутъ слухъ паденіе листа, плескъ рыбы,—говоръ родника растетъ и растетъ и наплываетъ и разливается далеко кругомъ. Разсказываютъ тутошніе жители, что въ прежнее время онъ гремѣлъ еще сильнѣе, но псы, ожесточенные его докучливою безсонницей, не дающей имъ покоя, *залаяли* его, и съ того времени онъ присмирѣлъ. Небольшая рѣка ластится къ берегамъ и капризными извилинами образуетъ красивые, разнообразные заливы, мысы и острова. По ней не ходятъ большіе суда, но рыбачьи челноки, привлеченные богатою, безплатною добычей, снуютъ по всѣмъ ея направленіямъ. За то, по вечерамъ, а зажженныя рыбаками огни, повторяясь въ водахъ, даромъ иллюминуютъ для владѣльца эти мысы, острова и заливы. Черезъ проливы, съ берега на берегъ, смѣло переползаютъ вязи бѣлыхъ и желтыхъ водяныхъ кувшинчиковъ или кустятся по нимъ семьями Въ маѣ острова, поросшіе ивовыми и березовыми кустами, и овраги съ молодымъ чернолѣсьемъ, населяются хорами пѣвчихъ жителей. Соловьи, подъ вечеръ, будто со всей окрестности слетаются сюда спѣваться; кажется, горитъ воздухъ отъ ихъ жаркихъ пѣсней. Громъ ружейнаго выстрѣла не раздается никогда въ этихъ мѣстахъ, ни одинъ охотникъ съ силками и западнями не смѣетъ прокладывать къ нимъ слѣда. Въ этомъ случаѣ владѣлецъ строго пользуется своими правами. Съ другой сторонѣ усадьбы разстилаются на нѣсколько верстъ поемные луга съ ихъ разнообразными озерами, днемъ зеркальными, а по вечерамъ скрывающимися подъ пологомъ своихъ тумановъ И здѣсь жизнь, и здѣсь любовныя пѣсни. Только водяные и луговые крылатые жители голосятъ, не подчиняясь законамъ гармоніи, на разный ладъ, кто чему горазъ. На отдаленной, ровной окрайнѣ земли, гдѣ она отдѣляется отъ неба, виднѣется рѣдкій рядъ

деревъ—уцѣлѣвшій остатокъ проспекта, которые любили прежніе владѣльцы проводить отъ одного помѣстья къ другому, а нынѣшніе рубятъ на дрова. Когда вѣтеръ колышетъ верхи этихъ деревъ, воображенію кажутся они рядомъ бѣгущихъ по степи страусовъ. Кое-гдѣ изъ кущи деревъ проглядываетъ то смиренная, деревянная церковь, называемая *обыденною*, потому что во время походовъ Іоанна Грознаго, она, по обѣту, выстроена войскомъ въ одинъ день, то выступаетъ богатый, каменный храмъ въ новѣйшемъ стилѣ съ его куполами и блестящими точками его крестовъ. Позади усадьбы мрачный сосновый лѣсъ, населенный таинственными видѣніями и сказаніями, тянется верстъ на десять. Тамъ аукуются лѣшіе, тамъ въ глуши, непроницаемой для солнечныхъ лучей, валяются пни столѣтнихъ деревъ съ ихъ чудовищными, мохнатыми корнями, вывороченными изъ земли; на огромномъ камнѣ, источенномъ вѣками и подернутомъ моховымъ покровомъ, конь какого-то богатыря напечатлѣлъ слѣды своихъ подковъ; изъ кургана, насыпаннаго исполинами, выходятъ они, съ невѣдомыми нынѣ на Руси обликами и ростомъ, въ условленную ночь и часъ, и празднуютъ годовщину своихъ битвъ. Слышны въ это время звуки ударяющихъ другъ объ друга оружій, ржаніе коней, воинственные клики, похожіе на ревъ звѣрей, поющіе хоры тысячей голосовъ. Искатели кладовъ, по легендамъ о нихъ, ходящимъ по рукамъ, вырывали иногда изъ кургана огромные, продолговатые черепа съ горбомъ на затылкѣ, заржавленные мечи, не въ подъемъ нынѣшнимъ мелкимъ людямъ, котлы и горшки съ серебряною монетой.

Когда Патокинъ купилъ имѣніе, на высокомъ берегу рѣки стоялъ трехэтажный, старый каменный домъ въ три окна ширины съ высокимъ бельведеромъ, озирающимъ всю окрестность на десятки верстъ. Но

какъ домъ походилъ на угрюмую башню, то новый владѣлецъ сломалъ его, а матеріалъ употребилъ на хозяйственныя заведенія. Его замѣнилъ домъ въ англійскомъ стилѣ, въ недальнемъ разстояніи, для крестьянъ выстроены швейцарскіе шале со всѣми затѣями, которыя кажутся такъ просты и между тѣмъ стоютъ такъ много. Изъ стараго регулярнаго сада, съ ленотровскими шпалерами, четвероугольниками и треугольниками, съ остриженными елками въ видѣ пирамидъ, колоннъ, грибовъ и прочихъ архитектурныхъ затѣй, умѣющихъ такъ уродовать природу, сохранена одна широкая липовая аллея, по которой можетъ свободно проѣхать колесница, запряженная четвернею въ рядъ. Топоръ не посмѣлъ также совершить святотатства надъ вѣковыми вязами, дубами и кедрами, уничтоживъ далеко кругомъ ихъ все, что могло бы заслонить красоту ихъ патріархальнаго величія и оспаривать у нихъ воздухъ. Положивъ обнаженныя стопы свои на зеленый бархатъ лужаекъ, какъ будто для нихъ разостланный, и поднявъ еще выше свою голову къ небу, они въ одно лѣто помолодѣли и принарядились въ новую одежду своихъ свѣжихъ побѣговъ. По этимъ лужайкамъ разбросаны кое-гдѣ букеты далій, а вокругъ дома разбиты цвѣтники, кажущіеся съ высоты террасы узорчатыми коврами, сотканными по художническимъ рисункамъ изъ шелковъ и шерстей. Золотистыя дорожки своенравно побѣжали по разнымъ направленіямъ, то свиваясь кольцомъ, то развиваясь волнистою лентой. Тамъ заманиваютъ онѣ въ кіоскъ, здѣсь увлекаютъ въ сѣнь тѣнистой рощи. Гдѣ есть скамейка или бесѣдка, навѣрно сбереженъ живописный видъ Въ одномъ мѣстѣ, сквозь просѣку, мелькаетъ блестящій серпъ рѣчного залива или островокъ, въ другомъ промежуткѣ кущи выглядываетъ полуфасадъ красиваго господскаго дома, въ третьемъ куполъ сельской церкви

или деревенька, сползающая по крутогорью. Квадратные пруды, въ видѣ ящиковъ, подернутые ржавою плесенью, получили неправильныя фигуры; только кое-гдѣ оставлена на нихъ высокая осока, которая къ осени, съ своими черными султанами, такъ живописна. Живыя воды, пущенныя издалека, образовали извилистый ручей, къ истоку своему развѣтвившійся на нѣсколько рукавовъ. Тамъ вы поднимаетесь на мостъ, прикрѣпленный къ двумъ скаламъ, а подъ вами, въ глубокомъ оврагѣ, бушуютъ пѣнистыя воды, силясь своротить огромные камни, преграждающіе имъ путь; здѣсь подъ ногами вашими колеблется живой мостикъ, слѣпленный изъ тоненькихъ дощечекъ, невидимо для васъ связанныхъ желѣзною цѣпью, или переправляетесь на красивомъ паромцѣ, повинующемуся движенію дѣтской руки. Красивыя лодки и ялики къ услугамъ гуляющихъ. Изъ грота падаютъ струи серебряною скатертью или бьютъ вверхъ водянымъ букетомъ. Вездѣ видна рука художника, которой дана полная свобода сыпать деньги, куда хотѣла. Въ прудахъ пошли гулять полусоннымъ ходомъ сотни стерлядей и поскакали неугомонныя карпіи. На звукъ колокольчика стекаются къ берегамъ стаи ихъ, хапая съ жадностью лакомую добычу, отбиваютъ ее другъ у друга, заводятъ за нее войну.

Въ одномъ углу сада воздвигнуты великолѣпныя оранжереи съ рѣдкими экзотическими растеніями и теплица въ видѣ длинной стеклянной галлереи. Здѣсь иногда, въ сумракѣ осеннихъ дней, обѣдаютъ Патокины съ гостями, и тогда при свѣтѣ кенкетовъ, лиловыя и зеленыя кисти винограда, спускающіяся надъ вами съ арокъ и вьющіяся по колоннамъ, кажутся позолоченными игрой огней.

Сергѣй Семеновичъ, дѣлая все для удовлетворенія своихъ роскошныхъ вкусовъ, подумалъ и объ улучшеніи быта крестьянъ. Вмѣсто старыхъ избенокъ съ

разстрепанными крышами, онъ поставилъ имъ красивые домики. Барщина уничтожена и замѣнена умѣреннымъ оброкомъ; за всѣ работы положена условленная плата. Вмѣсто сорока бабъ, ходившихъ ежедневно убирать садъ и убивавшихъ только время въ балагурствѣ и спорахъ, четыре дюжіе парня по найму исполняютъ гораздо исправнѣе эти обязанности. Кому изъ мужичковъ приходила охота торговать, Сергѣй Семеновичъ давалъ денежныя ссуды. Надо замѣтить, что во всѣхъ этихъ распорядкахъ ему сильно посчастливилось. Дуня, увидавъ разъ, какъ мужикъ, согнувшійся подъ тяжестью барана и обвивши его ноги около своей шеи, несъ дань свою на жертвенникъ господской кухни, передала своему воспитателю, что это зрѣлище возмутило ея душу. Съ того времени были уничтожены всѣ повинности натурою, собираемыя яйцами, курами и баранами будто потому, что нѣкогда въ древнія времена, прапращуры нынѣшнихъ землевладѣльцевъ дали на заводъ каждому тяглу по безсмертной овцѣ и по безсмертной курицѣ. Лошаденки съ годовалаго жеребенка, и то по одной на тягло, замѣнились сильными лошадьми; на мѣсто худыхъ коровенокъ, едва дававшихъ по рожку молока для младенца, появились коровы съ господскаго завода. Любо было глядѣть, какъ семья садилась около патріархальной чаши и, кряхтя отъ наслажденія, уписывала вкусную пищу. Въ воскресные дни появлялась и свинина во щахъ и баранина. Мочальная сбруя замѣнена ременною, оковались колеса, скрипъ ихъ пересталъ терзать слухъ владѣльца, какъ терзалъ его прежде визгъ паровика.

При двухъстахъ душахъ было болѣе пятидесяти дворовыхъ, въ томъ числѣ до десяти музыкантовъ. Сергѣй Семеновичъ хотѣлъ отпустить ихъ всѣхъ на волю, но Марѳа Михайловна настояла, чтобы они

остались во дворѣ для услажденія ея слуха и гостей, а болѣе изъ тщеславія имѣть собственную капеллу, какъ у знатныхъ баръ. Между тѣмъ эти артисты, да и почти весь дворовый людъ, праздный и развратный, привыкъ до того къ розгѣ, что, казалось, не могъ жить безъ нея. Этотъ людъ выросъ подъ лозой, учился подъ лозою всему, чему заставляли его учиться, служилъ только съ помощью лозы. Сергѣй Семеновичъ завелъ было школу для дѣтей дворовыхъ и крестьянъ, но какъ дьяконъ, принявшій на себя обязанность преподавателя, сильно заушалъ своихъ питомцевъ, отъ чего одинъ изъ нихъ оглохъ, то владѣлецъ имѣнія съ того времени приказалъ не употреблять тѣлесныхъ наказаній.

Разъ пришелъ къ нему одинъ малый, изъ дворовыхъ, лѣтъ шестнадцати, и палъ ему въ ноги.

— Встань,—сказалъ Сергѣй Семеновичъ,—я запретилъ кланяться въ ноги,—одному Господу Богу подобаютъ такіе поклоны. Что тебѣ надо?

— Батюшка, отецъ родной,—слезно возопилъ малый,—грамота мнѣ не дается; прикажи меня высѣчь, авось лучше пойму.

Такъ преемственно переходила отъ поколѣнія въ поколѣніе вѣра въ волшебное дѣйствіе лозы, какъ у господъ, такъ и у крѣпостныхъ людей.

Наконецъ и музыканты надоѣли самой Маріѣ Михайловнѣ. Когда надо было собирать капеллу, то недоставало какого-нибудь инструмента, заложеннаго въ кабакѣ, то самого музыканта, котораго и окачиванье холодною водою не могло протрезвить. Вмѣсто ожидаемой симфоніи, слышалось плачевное соло изъ конюшни, гдѣ, по заведенному искони порядку, дворецкій производилъ домашнюю расправу. И потому Патокины не только музыкантовъ, но и всю дворню отпустили на волю, исключая молодыхъ, наиболѣе безпутныхъ,

которые пошли за крестьянъ въ солдаты. Только семейные, получившіе отпускныя, ни за что не соглашались сойти съ дарового хлѣба. Патокины принуждены были оставить стариковъ на господской мѣсячинѣ и одеждѣ доживать свой вѣкъ и дѣтей ихъ до совершеннолѣтія, въ особо отведенномъ имъ жилищѣ. Небольшая наемная прислуга, бывшая при Патокиныхъ въ Луковкахъ, замѣнила все это рекрутское и богадѣльное депо. Съ того времени хотя они и не могли хвастаться, что у нихъ артисты, разыгрывающіе увертюры изъ «Волшебной флейты», за то избавились отъ домашней полиціи и отвратительныхъ конюшенныхъ концертовъ.

Нѣкоторые изъ сосѣдей не очень взлюбили Патокина за его филантропическія затѣи. «Видно, что купецъ», говорили они, «на чужое имя владѣетъ имѣніемъ; боится, чтобы мужички не доказали.... такъ и гладитъ ихъ по головкѣ, да балуетъ».

На первыхъ порахъ пребыванія новыхъ владѣльцевъ въ Красномъ-сельцѣ осадили ихъ и другія заботы.

За небольшимъ оврагомъ, въ виду великолѣпной усадьбы ихъ, прикорнули на пригоркѣ четыре, пять избенокъ, съ соломенною прической, взбитою непогодами. Ихъ населяли до восемнадцати душъ. Владыка ихъ, Свистушкинъ, былъ отставной коллежскій регистраторъ, лѣтъ двадцати пяти, дослужившійся до этого великаго чина въ какомъ то судѣ, числясь въ немъ и расписываясь ежемѣсячно въ жалованьѣ, котораго не получалъ. Имѣньеце это досталось ему отъ тетки, его крестной матери. Братъ его жилъ въ наймахъ кучеромъ у станового пристава, своего родственника. Когда, по какому-то уголовному слѣдствію, сдѣланъ ему былъ обыкновенный формальный допросъ, какъ нечаянному свидѣтелю преступленія, онъ показалъ,

что онъ дворянинъ, вѣры православной, у исповѣди и причастія не былъ столько-то лѣтъ, грамотѣ не знаетъ. Владѣлецъ же восемнадцати душъ жилъ въ небольшомъ домикѣ, похожемъ на крестьянскую избу, бокъ-о-бокъ съ усадьбою Патокиныхъ. Такое сосѣдство было для нихъ, какъ бѣльмо на глазу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя земли Свистушкина сходились черезполосицей и сосѣдъ оказался неугомоннымъ. Ссорамъ, жалобамъ и взысканіямъ за потраву, не было конца. Но болѣе всего досаждала Патокинымъ ловушка, которую Свистушкинъ изобрѣлъ и устроилъ для своей потѣхи. На землѣ пространнаго двора его, обнесеннаго плетнемъ, росла сочная, роскошная трава. Калитка во дворъ оставалась обыкновенно отпертой. Коровы Патокина и крестьянъ его должны были каждое утро идти на пастбище и каждый вечеръ возвращаться мимо дома Свистушкина. Глупая скотина, заглянувъ въ отворенную калитку, невольно прельщалась вкусною пищей, ей такъ довѣрчиво и щедро предлагаемой. Но, лишь только она ступала на обѣтованную землю, калитка, съ помощью веревки, искусно проведенной во внутренность домика, мигомъ затворялась на щеколду, и корова или лошадь попадалась въ западню. Цѣлые часы посвящалъ помѣщикъ игрѣ въ эту ловушку; изрѣдка замѣнялъ его единственный крѣпостной слуга, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Четвероногій хищникъ бывалъ пойманъ съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія; не посылать же каждый разъ въ станъ для освидѣтельствованія и оцѣнки потравы, и Сергѣю Семеновичу доставалось частенько, порядочными кушами, платить дань этой домашней таможнѣ.

Въ праздники молодой помѣщикъ или ходилъ въ хороводы съ своими крестьянскими молодицами и дѣвками, или забавлялся на всей красѣ пригорка съ своими вассалами мужского пола игрою въ носки. А

такъ какъ его носъ славился своею многовнушающей величиной, едва ли не на всю губернію, то ему сильно доставалось отъ размаха какого-нибудь удалого парня.—Ничего, валяй, Ванька, или Васька,—говаривалъ онъ, потирая свой намозоленный носъ,—игра игрою, а баринъ все-таки бариномъ. За то на полевыхъ работахъ, если въ пашнѣ попадался огрѣхъ, или во время косьбы оказывалась пропущенная гривка, онъ былъ неумолимъ.—Теперь, Ванька, или Васька, моя очередь. Работа не игра, не шутка—говорилъ онъ, и изъ своихъ владычныхъ рукъ таскалъ, до истощенія силъ своихъ, провинившагося за бороду или густую прическу. Обыкновенно ведя трезвую жизнь и умѣренный въ пищѣ до аскетизма, онъ только одинъ разъ въ году, въ день своего храмового праздника, который приходился и днемъ его ангела, нарушалъ обѣтъ воздержанія. Тогда посѣщалъ его пріятель сосѣдъ, такой же *малодушный* помѣщикъ, ведущій родъ свой отъ какого-то монгольскаго князька. Для этого двойного праздника подавалась къ столу похлебка изъ индѣечьихъ потроховъ, холодный поросенокъ подъ хрѣномъ и сметаной и жареная индѣйка, откормленная на славу. Всѣ эти эпикурейскія кушанья орошались въ изобиліи пѣннымъ, очищеннымъ виномъ и къ концу обѣда лакомой наливкой, которая, какъ масло, прилипала къ стеклу. Вассалы обоего пола ублажались также щедрымъ угощеніемъ. Хозяинъ и гость тѣшились доморощеннымъ хоромъ и плясками и сами принимали въ нихъ участіе, то исполняя должность запѣвалы, то подтягивая хору, то пускаясь вприсядку къ восхищенію всего сельскаго общества. Оба пріятеля, оставаясь одни, оканчивали пиръ игрой въ медвѣди, надѣвали шубы, вывороченныя, для большаго правдоподобія, шерстью вверхъ, и, подъ распоряженіемъ дворового мальчика, замѣнявшаго имъ на этотъ разъ лицо вожака, испол-

няли всѣ замысловатыя штуки, которыя обыкновенно заставляютъ дѣлать своихъ мохнатыхъ четвероногихъ воспитанниковъ симбирскіе татары. Надо прибавить, что актеры производили въ совершенствѣ звѣриный ревъ, ползаніе на четверинкахъ и царапанье стѣнъ когтями. Мальчикъ не жалѣлъ палки, если они отступали въ чемъ-нибудь отъ своей роли. Кончалась эта игра борьбою медвѣдей. Утомленные, они упадали въ объятія одинъ другого и въ этомъ положеніи засыпали мертвымъ сномъ. Разумѣется, такой сосѣдъ, свившій себѣ гнѣздо посреди земель Патокиныхъ, не могъ быть имъ пріятенъ. Они рѣшились, во чтобы ни стало, избавиться отъ него. Послѣ долгихъ переговоровъ, имъ удалось купить, за неимовѣрную цѣну, усадьбу Свистушкина съ крестьянами и угодьями. Ловушка была разорена и ловецъ перенесъ свою персону въ Луковки, гдѣ могъ на свободѣ придумать новую геніальную затѣю.

Домашнее общество Патокиныхъ въ деревнѣ уменьшилось. Мы видѣли, что четы Ришаръ не было ужь при нихъ, когда они отправились изъ Луковокъ. Накопивъ порядочный капиталецъ въ Россіи, швейцарцы уѣхали восвояси, гдѣ, казалось имъ, и умереть было имъ пріятнѣе на родной землѣ. Мать Сергѣя Семеновича не долго жила въ Красномъ-сельцѣ. Когда она выѣзжала изъ своего родного города, глаза ея все были обращены въ ту сторону, гдѣ находилось городское кладбище. Сидя рядомъ съ Дуней въ одномъ экипажѣ, она безпрестанно твердила: «прощай, милый другъ Сеня; не на долго разстаемся; скоро увидимся». По пріѣздѣ въ деревню, взглянувъ на всѣ роскошныя затѣи Сергѣя Семеновича, она сказала только: «все суета суетъ». Вскорѣ заболѣла, пролежала дня съ три и заснула сномъ младенца. Передъ смертію, казалось, пришла въ полное сознаніе и, исполнивъ христіанскія

обязанности, разрѣшающія всѣ узы съ землею, подозвала къ себѣ сына, сноху и Дуню. Первому, благословляя его, наказывала быть осторожнѣе съ Опенкинымъ. «Боюсь», говорила она, «чтобы онъ не погубилъ тебя». Парашѣ, прислуживавшей ей и Дунѣ, завѣщала выдать 500 рублей на приданное. Благословляя Дуню, подарила ей свое обручальное кольцо. «Это тебѣ, моя милая, дорогая внучка. Благодарю тебя за все, что ты для меня дѣлала. Храни тебя Господь!— А это,—прибавила она, передавая ей обручальное кольцо мужа,—отдай Володѣ съ моимъ благословеніемъ».

Ничего болѣе не сказала она.

Сильно смутили эти слова, какъ ту, которой завѣщались предсмертные залоги любви, такъ и Патокину, свидѣтельницу этого завѣщанія.

Старушку похоронили въ Луковкахъ на томъ же кладбищѣ, гдѣ былъ похороненъ ея мужъ, рядомъ съ нимъ. Долго грустили по этой праведной женщинѣ Патокины и едва ли не болѣе всѣхъ Дуня, привыкшая къ ея ласкамъ, къ ея рѣчамъ, исполненнымъ нѣжной любви. Ничего этой женщинѣ не было дороже ея обручальнаго кольца, и то завѣщала ей, бѣдному пріемышу! Кольцо же, которое велѣла умирающая передать Володѣ, сильно тревожило Дуню. Она видѣла, какъ смутилась Марѳа Михайловна при этомъ случаѣ; даже святость послѣднихъ минутъ умирающей не могли успокоить ея тревожныхъ чувствъ, проявившихся на лицѣ и даже въ нѣкоторыхъ отрывистыхъ словахъ.—Поздравляю, поздравляю,—иронически сказала Патокина Дунѣ, когда осталась съ нею одна.

Съ этого времени Дуня замѣтила, что Марѳа Михайловна придавала роковой смыслъ обручальнымъ кольцамъ и начала питать къ ней какое-то неудовольствіе, какую-то холодность, выступавшія наружу во всѣхъ

ея словахъ, во всѣхъ движеніяхъ. Отъ намековъ, довольно колкихъ, дошло, наконецъ, до открытаго объясненія.

— Сколько ни думаю,—сказала ей однажды Патокина, — а не могу долѣе скрыть, какъ поразила меня воля матушки назначить тебя своей душеприказчицей по такому дѣлу, которое принадлежитъ только матери и отцу. Я всегда увѣрена была, что чувства твои къ Володѣ останутся такими же, какими были прежде, что тебѣ и въ голову не придутъ другія чувства, что вы и впредь будете другъ для друга только братомъ и сестрой. Но я боюсь, чтобы странное завѣщаніе покойницы не вскружило твоей горячей головы, не навело тебя на другую мысль... Боже тебя сохрани!.. Рѣшительно объявляю тебѣ, сколько я тебя ни люблю, Луковская мѣщанка никогда не будетъ женою моего сына.

Эти слова Марѳа Михайловна произнесла съ необыкновенною гнѣвною твердостію.

— Да, Боже сохрани!—повторила Дуня.—Господь свидѣтель, что я любила и люблю Володю, какъ роднаго брата, и никогда не помышляла ни о какихъ видахъ на него.

— Но кольцо...

— Вотъ оно.

Съ этими словами Дуня скинула роковое кольцо съ пальца и отдала его Марѳѣ Михайловнѣ. — Я думала передать вамъ его тотчасъ, какъ получила, но, за похоронами, въ тревогѣ, не успѣла. Къ тому же я считала святотатствомъ сдѣлать это въ виду гроба, въ которомъ лежала еще передо мною бабушка... Кольцо это дѣйствительно принадлежитъ вамъ, оно меня тяготило.

— Благодарю тебя, милый другъ, я имъ очень дорожу... потому... потому что отдамъ его только будущей женѣ Володи.

Видно было, что Патокиной, несмотря на энергическую ея натуру, много стоило высказать эти слова. Исполнивъ это, она, казалось, сбросила съ себя тяжелое бремя.

— Но,—прибавила Дуня съ необыкновеннымъ жаромъ,—кольцо, которое передала *мнѣ* сама бабушка—моя собственность, святое наслѣдство, оставленное *мнѣ*. Видите? (Она вынула изъ груди шелковую сумочку). Здѣсь я соединила это наслѣдство съ крестомъ, оставленнымъ мнѣ умирающею матерью. Никогда, ни за какія сокровища міра не разстанусь съ ними, никакая власть не посмѣетъ отнять ихъ у меня, развѣ отнимутъ ихъ у меня вмѣстѣ съ жизнью. Это моя ладонка, мой талисманъ; они спасутъ меня отъ всѣхъ соблазновъ міра. На этомъ крестѣ и кольцѣ клянусь вамъ...

Дуня не могла договорить, потому что Марѳа Михайловна загородила ей уста рукою и крѣпко прижала къ груди.

— Полно, полно, вѣрю тебѣ и безъ клятвъ. Прости мнѣ, милый другъ. Надо же было такой блажи придти мнѣ въ голову. Точно лукавый шепталъ мнѣ въ уши. Сознаюсь, глупость, безразсудство... я должна бы знать тебя лучше. Чего не придумаетъ мать, которая такъ любитъ сына, какъ я... Ну, поцѣлуй меня еще разъ... Миръ и любовь навсегда!.. Только смотри... никому и никогда объ этомъ...

— Никому и никогда!—повторила Дуня, призывая Бога въ свидѣтели.

Съ этого времени отношенія Марѳы Михайловны къ своей воспитанницѣ остались тѣ же, какія были до размолвки. Казалось даже, что она старалась еще болѣе утонченными ласками вознаградить Дуню за свои несправедливыя подозрѣнія.

Наступила пора жатвы. Радостно было глядѣть на поля. Ржаные колосья, отягченные рядами крупныхъ

зеренъ; клонились къ землѣ, какъ бы спѣшили отдать ей то, что отъ нея получили, и образовали изъ себя поверхъ чащи соломенныхъ стеблей, у дорогъ и межъ, широкую бахрому. Налившіяся зрѣлыя кисти овса, тревожимыя духовеніемъ вѣтерка, тихо шумѣли, какъ осенью помертвѣвшіе листья; въ воздухѣ пахло хлѣбною сушью. На деревнѣ весело зубрились серпы, отбивались косы.

Выдался день знойный, удушливый. Болтавшія безъ перерыва лягушки вдругъ замолкли; мелкія птицы попрятались въ глубину кустовъ, а крупныя, съ разинутыми ртами, трудно дышали. Налегла на землю какая-то тяжелая, зловѣщая тишина. Вскорѣ стало замолаживать со всѣхъ концовъ горизонта; то тамъ, то тутъ глухо заговорили громы, будто заклегтали стаи орловъ, слетающихся съ разныхъ сторонъ на добычу; черныя тучи сдвигались одна за другою, какъ на сценѣ мрачныя декораціи передъ погребальной процессіей, и сплотились въ одну свинцовую массу, но не надолго; по ней разостлалась бѣлесоватая полоса, и въ воздухѣ загудѣло, словно двинулись разомъ тысячи тяжелыхъ орудій. Гулъ этотъ все близился и близился. Минуты были ужасныя, страхъ захватилъ у всѣхъ дыханіе; рука, творившая знаменіе креста, замерла. Стада, покинутыя пастухами, наполняя воздухъ жалобными криками, въ безпорядкѣ помчались домой; поднятыя ими облака пыли, подхваченныя вѣтромъ, закружились въ видѣ смерчей. Наконецъ протянулись бѣлыя нити и засновали передъ глазами. То былъ градъ, величиной съ грецкій орѣхъ; падая на землю, онъ высоко отскакивалъ отъ нея. Все, что попадало подъ его удары, было его жертвою; стекла разбивались вдребезги, желѣзные листы, со стономъ и визгомъ отрываемые отъ своихъ мѣстъ, далеко уносило. Въ нѣсколько минутъ земля покрылась бѣлою, бугроватою корой.

Когда солнце засіяло сквозь разорванныя облака, оно освѣтило всѣ бѣдствія, причиненныя грозой.

На другой день Сергѣй Семеновичъ, вмѣстѣ съ Дуней, отправились осматривать поля. Роковая туча захватила крыломъ своимъ самое большое поле, принадлежавшее крестьянамъ главной слободы, прежде купленной Патокинымъ, и пощадила тѣ полосы, которыми владѣли новокупленные у малодушнаго помѣщика крестьяне и собственныя помѣщичьи поля, очень мало пострадавшія; но тамъ, гдѣ она налегла своею свинцовою грудью, все уничтожила. Сердце обливалось кровью при видѣ этихъ полей, обѣщавшихъ еще вчера благодатную жатву; на корню оставались только изсѣченные стебли, кое-гдѣ торчалъ одинокій колосъ, уцѣлѣвшій будто для того, чтобы еще рѣзче представить картину опустошенія. Въ разныхъ мѣстахъ валялись ягнята, побитые градомъ. Мужики стояли надъ ними въ горькомъ раздумьѣ, произнося только: «моя, а это моя»! Бабы жалобно причитали, какъ по покойникѣ. Сергѣй Семеновичъ подозвалъ ихъ къ себѣ и, вмѣсто того, чтобы увѣщевать ихъ краснорѣчивыми рѣчами покориться волѣ Божьей, тотчасъ объявилъ, что выдастъ имъ изъ своихъ закромовъ столько ржи, сколько нужно на обсѣмененіе полей и на емень (ѣду) до новой жатвы, а весной обсѣменитъ ихъ поля яровымъ; кому нужно теперь для лошадокъ, дастъ также на совѣсть каждаго. Надо было видѣть, какъ эти грустныя лица оживились; благословенія не истощались. — Помяните только отца и мать мою въ молитвахъ своихъ за упокой ихъ душъ, — сказалъ Патокинъ. — Будемъ молиться, батюшка; будемъ молиться и за здравіе твое и всего твоего семейства: дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать! — голосили мужики отъ искренняго сердца.

Лишь только Дуня и Сергѣй Семеновичъ отъѣхали

отъ нихъ, Дуня, правившая лошадью, запряженною въ кабріолетъ, дала ей полную волю. Лошадь, испуганная возгласами крестьянъ, провожавшихъ отъѣхавшихъ господъ, понесла было.—Смотри, не сломи себѣ и мнѣ шеи,—сказалъ Сергѣй Семеновичъ, — лошадь горячая, я помогу тебѣ.

— Не бойтесь, радость придаетъ силы,—отвѣчала Дуни, отклонивъ его помощь,—я довезу васъ исправно до мамаши, чтобъ она васъ горячо поцѣловала за добро, которое вы сдѣлали этимъ бѣднымъ людямъ.

И въ самомъ дѣлѣ она съ такою энергіей сдержала лошадь и ловко справилась съ нею, что та пошла обыкновеннымъ своимъ аллюромъ. Къ террасѣ дома она мастерски подъѣхала, но увидавъ на ней молодого человѣка въ форменномъ сюртукѣ съ голубымъ воротникомъ, поблѣднѣла; руки ея задрожали. Лошадь начала было опять горячиться. Молодой человѣкъ — это былъ Володя — быстро сбѣжалъ по ступенькамъ террасы, мощною рукой схватилъ животное за уздечку и осадилъ его на заднія ноги. Подбѣжали кучера. Володя спѣшилъ принять въ свои объятья Дуню и отца, одного за другимъ, хотѣлъ было, какъ это дѣлалъ прежде, поцѣловать ее, но она подала ему, дрожавшую еще отъ душевнаго волненія, руку.

— Ты блѣдна, какъ смерть,—сказалъ онъ,—вѣрно очень испугалась?

— Да, я... очень испугалась.

Но когда Володя замѣтилъ, что въ ея движеніяхъ была какая-то необыкновенная сдержанность, на лицѣ и въ словахъ какое-то смущеніе, онъ прибавилъ,—ты мнѣ не рада, Дуня?

— Какъ же, рада, очень рада... мы тебя не ожидали.

Сергѣй Семеновичъ тутъ же узналъ отъ сына, что онъ не хотѣлъ писать о своемъ пріѣздѣ, потому что

ожидалъ рѣшенія своей участи по университету, что онъ кончилъ курсъ кандидатомъ и получилъ золотую медаль, которую и подарилъ ужь на память своей матери. Отецъ со слезами на глазахъ слушалъ эту вѣсть и нѣсколько разъ принимался цѣловать его.

— Поздравь и ты меня, душка,—сказалъ Володя, обращаясь къ названной сестрѣ, слушавшей эти объясненія.

— Поздравляю, отъ всего сердца поздравляю; я иначе и не ожидала...

Явилась Марѳа Михайловна, и Дуня, побѣдивъ, какъ могла, свое смущеніе, старалась попасть на свободный, дружескій ладъ, который прежде существовалъ между нею и Володей, но видимо было, что это ей не удалось.

Вывело ихъ изъ этого натянутаго положенія появленіе передъ террасой человѣкъ восьми мужиковъ. Это были крестьяне изъ новокупленной слободки. Всѣ они пали передъ Сергѣемъ Семеновичемъ на колѣна. Съ ними не было ни одной женщины, а еслибъ онѣ пришли, то не исполнили бы этого колѣнопреклоненія: рѣдко, несмотря на привычку русскаго народа къ подобнымъ манифестаціямъ, женская натура подается на это униженіе.

— Встаньте, — сказалъ имъ Патокинъ, — скоро ли отучу васъ отъ этихъ рабскихъ привычекъ?

— Отецъ родной, ты нашъ, а мы твои; отцу и Богъ велитъ кланяться въ ноги.

— Во-первыхъ, вы не мои, а генерала Огрызкова, я только его управляющій.

Русскаго мужичка трудно провести подобными изворотами; онъ сейчасъ смекнетъ истину.

— Полно, батюшка, мы генерала-то и въ глаза не видали, тебя только знаемъ и знать хотимъ. Дѣлай съ нами, что хочешь.

— Что-жъ вамъ надо?

— Прикажи и намъ выдать хлѣбца; вѣдь ты удовлетворилъ мужичковъ изъ большой слободы.

— Да вѣдь на вашихъ поляхъ не было града? Богъ васъ помиловалъ.

— А мы-то чѣмъ виноваты, батюшка, что не былъ? Не обдѣли и насъ своею милостью.

Сергѣй Семеновичъ разсмѣялся и, по мягкости своего характера, началъ было поддаваться этой продѣлкѣ, но Марѳа Михайловна такъ пугнула просителей, что они поспѣшили со двора, почесывая затылокъ.

— Смѣшны и вмѣстѣ жалки эти люди, — сказалъ грустно Володя.

Первою, задушевною бесѣдой Володи съ домашними были распросы о смерти бабушки, не говорила ли они чего о немъ, не приказывала ли чего ему, умирая. Всякая малѣйшая подробность объ этомъ горестномъ событіи сильно его интересовала. Разумѣется, отъ него скрыли завѣщанное ему кольцо и всѣ послѣдствія этого завѣщанія. Сказали только, что она не забыла, умирая, благословить его.

Володя пріѣхалъ въ деревню на два мѣсяца, чтобы провести время съ своими родными до срока, назначеннаго ему для полученія документовъ изъ университета. Скоро замѣтилъ онъ, что мать ревниво слѣдитъ за нимъ и Дуней, что его названная сестра стала съ нимъ осторожнѣе, въ словахъ и въ обращеніи ея проглядывала какая-то осмотрительность, если не холодность. Въ нихъ не было ужь той простоты, того беззаботнаго увлеченія, которыя дѣлали дружескія отношенія ихъ такъ легкими и пріятными. Онъ замѣчалъ, что его въ третьемъ лицѣ, вмѣсто Володя, чаще называли братомъ и избѣгали оставаться съ нимъ наединѣ. Бывало, Володя позволялъ себѣ окружить ея станъ своею рукой, поцѣловать ее, давать ей ласковыя, нѣж-

ныя имена; бывало, отъ иного опрометчиваго, слишкомъ знойнаго поцѣлуя она вздрогнетъ и вспыхнетъ и потомъ задумается, угадывая въ немъ чувство, перешедшее грань братской дружбы. И не спится ей въ слѣдующую ночь. Но эти искры только мимолетно упадутъ въ ея душу и тотчасъ погаснутъ. На другой день встанетъ она свѣжа и весела, какъ и всегда. Теперь и Володя сдѣлался осмотрительнѣе въ обращеніи съ нею. Прежнія ласки замѣнились однимъ пожатіемъ руки, и то при первомъ утреннемъ свиданіи и вечернемъ прощаніи на сонъ грядущій. Сначала эта перестановка въ семейномъ быту сильно огорчала его и даже оскорбляла. Наконецъ онъ подчинился ей и къ ней попривыкъ.

— А можетъ быть, это такъ надо, такъ лучше,— думалъ онъ. — Мнѣ ужь двадцать три года, Дунѣ восемнадцать. Шутить съ огнемъ нельзя. Пожалуй, сближаясь болѣе и болѣе съ этой чудной дѣвушкой, забудешь, что она мнѣ сестра, хоть и названная, и влюбишься въ нее не на шутку. Тогда прощай задача, которую я себѣ задалъ. Когда я задумалъ цѣль, она была далеко отъ меня, однакожъ, я твердо пошелъ къ ней, теперь разсудокъ и воля мои окрѣпли, четыре года моего искуса прошли; неужели, когда эта цѣль такъ близка, я изнемогу, не достигнувъ ея? Еслибъ это со мною случилось, я былъ бы недостоинъ дружбы Дуни, и показался бы въ глазахъ ея, въ глазахъ моихъ товарищей, всѣхъ, кто только меня знаетъ, пустымъ мальчишкой. Погорячился за то, что передъ носомъ его поставили перегородку, поклялся разрушить ее и, черезъ нѣсколько часовъ, обольщенный приманкою въ сторонѣ, пошелъ за нею. Видно, полегче, попріятнѣй! Нѣтъ, этому не бывать! Я долженъ омыть свое оскорбленіе, добыть себѣ право, и добуду его, хоть бы пришлось мнѣ бороться съ тысячами препятствій и всѣми обольщеніями жизни.

И Володя, безъ всякихъ объясненій съ Дуней и матерью, не подавалъ имъ вида, что оскорбился подозрѣніями одной и перемѣною обращенія другой, старался, безъ всякихъ увлеченій, поддерживать дружбу, которая столько лѣтъ существовала между названными братомъ и сестрой. Съ своей стороны и Марѳа Михайловна, довольная своими энергическими дѣйствіями и даннымъ Дунею словомъ, бросила свой ревнивый надзоръ и успокоилась. Скоро установились между этими тремя лицами прежнія, съ нѣкоторыми смягчающими оттѣнками, отношенія, и тучки, надвинувшіяся было надъ горизонтомъ ихъ жизни, разсѣялись. Сергѣй Семеновичъ въ идиллическомъ настроеніи своемъ и не подозрѣвалъ ни о какой домашней невзгодѣ и видѣлъ только надъ своею Аркадіей свѣтлое солнышко, которое ровно каждый день безоблачно надъ нею всходило и закатывалось. Счастливый добрымъ, видимымъ для него, согласіемъ всѣхъ членовъ своего семейства, улучшеніемъ быта красносельскихъ крестьянъ, довольный отчетами Опенкина (которые порядочно и не повѣрялъ), что дѣла торговыя и фабричныя идутъ успѣшно, радуясь преобразованіями въ своемъ саду, онъ вполнѣ наслаждался сродною ему жизнью. Болѣе всего доставляли ему удовольствія успѣхи по садоводству. Какъ художникъ въ картинѣ, которую онъ (con amore) пишетъ, находитъ, что тутъ надо прибавить нѣсколько штриховъ, здѣсь пустить болѣе свѣта, тамъ бросить болѣе тѣни, Патокинъ находилъ каждый день, что въ саду его надо отрѣзать нѣсколько сучьевъ, чтобы открыть лучшій видъ, здѣсь кустами или деревьями стушевать слишкомъ рѣзкій просвѣтъ, тамъ расписать новые цвѣтники. Съ какимъ восторгомъ приглашалъ онъ своихъ домашнихъ или сосѣдей взглянуть на его преобразованія, полюбоваться новымъ рѣдкимъ цвѣткомъ, выписаннымъ изъ чужихъ краевъ, ни у кого изъ

окрестныхъ садоводовъ невиданнымъ, подивиться двухъфунтовою грушей, покоющеюся въ сѣточномъ гнѣздѣ, для нея нарочно устроенномъ.

— Мало, что это великанъ-груша, велика Ѳедора да дура, — говорилъ онъ сосѣду, охавшему при видѣ этого исполинскаго плода, — надо вкусить его; попробуйте, что за ароматъ, что за нѣжность въ мясѣ. Такъ и таетъ во рту.

И радушный Сергѣй Семеновичъ тотчасъ снималъ, къ неудовольствію своей супруги, диковинный плодъ, который могъ бы красоваться и на царскомъ столѣ, и угощалъ имъ гостя и домашнихъ, а этотъ гость предпочелъ бы добрый ломоть арбуза кусочку драгоцѣнной груши, о которой послѣ у себя дома разсказывалъ, что и не разнюхалъ ее хорошо, да и сытности въ ней никакой нѣтъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Черезъ три дня по пріѣздѣ Володи, къ домашнему обществу Патокиныхъ присоединился товарищъ его по университету, приглашенный имъ въ деревню. Орестъ Лебединскій былъ сынъ сельскаго причетника, и потому тщеславная Марѳа Михайловна, когда осталась съ Володей наединѣ, не преминула, съ разными оговорками, сдѣлать ему упрекъ, почему онъ избралъ себѣ пріятеля изъ кутейниковъ.—Развѣ ты не могъ,—говорила она, — въ числѣ нѣсколькихъ сотъ студентовъ найти себѣ по сердцу какого-нибудь молодого человѣка изъ порядочнаго семейства? Что за дерзкое, насмѣшливое лицо, что за смѣлыя рѣчи обо всѣхъ и про все! Представляясь мнѣ, эта обезьяна вздумала протянуть мнѣ свою лапу, да черезъ нѣсколько минутъ разлечься на диванѣ. Чему ты отъ него научишся?

— Извините его,—говорилъ Володя,—онъ не получилъ свѣтскаго воспитанія и не привыкъ унижаться ни передъ кѣмъ. Лицо жь его таково, какимъ Богъ его создалъ. А чему научусь отъ него, такъ, конечно, всему благородному и разумному. Когда я постарался заслужить его пріязнь... да, *заслужить*, — прибавилъ Володя, замѣтивъ презрительную мину своей матери при этомъ словѣ, — я смотрѣлъ на человѣка, а не за-

глядывалъ въ актъ объ его происхожденіи. Какая мнѣ нужда, что онъ сынъ дьячка! Онъ въ глазахъ моихъ, по уму своему и душевнымъ достоинствамъ, выше иного барскаго сынка. А порядочно ли его семейство, мнѣ и подавно не приходило на мысль справиться. И что за слово, «порядочное семейство»? Какъ понимать его? Если по рожденію членовъ этого семейства, такъ для дворянина непорядочно семейство купца, для купца первой гильдіи непорядочно семейство купца второй, и такъ далѣе. Мы, пожалуй, такимъ образомъ надѣлаемъ столько перегородокъ, что ни пѣшему, ни конному нельзя будетъ пройти по бѣлому свѣту. Если считать порядочнымъ человѣка по великосвѣтскимъ манерамъ, по искусной болтовнѣ на французскомъ языкѣ, такъ, право, эти преимущества не выкупаютъ пустоты и ничтожества нѣкоторыхъ людей, пользующихся ими. По моему, человѣку нужна не порядочность его семейства, не свѣтскость, а то, чтобы онъ самъ, по личнымъ своимъ достоинствамъ, по дѣламъ, былъ порядоченъ. Человѣкъ передъ обществомъ отвѣчаетъ только за себя, за то, что отъ него зависитъ, а не за свое рожденіе, не за темное происхожденіе своихъ родныхъ, не за пороки ихъ.- Извините меня, милая мамаша, мнѣ странно кажется, что вы караете въ другихъ вину рожденія, какой подпалъ мой отецъ, когда его выгнали изъ благороднаго пансіона. Онъ мнѣ это разсказывалъ, а вы, вѣрно, тоже слышали отъ него. Разсказывалъ онъ мнѣ также одинъ интересный случай, который идетъ къ нашему разговору. Прошлаго года пришелъ онъ по своему дѣлу въ Палату. Тамъ какой-то господинъ обратился къ нему съ просьбою подписаться въ какомъ-то актѣ свидѣтелемъ. Но когда мой отецъ сказалъ, *кто* онъ, господинъ замѣтилъ ему: извините, тутъ надо *благороднаго*. Вотъ видите, мы даже *неблагородные*.

— Какъ-же? отецъ твой высокоблагородный, и мы за нимъ.

— Все такъ, высокоблагородные и почетные, да не благородные. А выгнанные изъ службы подъячіе, что стоятъ у Иверскихъ воротъ и готовы за четвертакъ рукоприкладствовать подъ какой угодно актъ, тѣ благородные....

— Вы караете въ другихъ, — продолжалъ Володя, — вину, которой подвергся вашъ сынъ, когда его выгнали изъ дворянскаго общества. Вы сами, конечно, испытали горечь сословныхъ перегородокъ; можетъ быть, въ какомъ-нибудь аристократическомъ обществѣ, надъ вами съ высоты пронеслось насмѣшливо сказанное слово: *купчиха*! можетъ быть, вы слыхали, съ какимъ презрѣніемъ говорили, что какой-то дворянинъ женился на купчихѣ, такая-то дворянка вышла за купца...

Слова эти смутили Марѳу Михайловну. Эта спѣсивая женщина, такъ гордо поднимавшая голову, такъ высоко стоявшая, казалось ей, шла теперь босыми ногами по грязи.

— Чѣмъ-же послѣ того намъ гордиться? Чтожъ мы за избранники? Развѣ потому только, что генералы военные и статскіе посѣщаютъ наши обѣды? Развѣ потому, что мы имѣемъ деревню, хоть на чужое имя, что помѣщики, ради нашего богатства, обращаются съ нами на дружеской ногѣ? Завтра, по какимъ-нибудь неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, богатство это можетъ рушиться, и тогда всѣ эти блюдолизы повернутся спиною къ обѣднѣвшему купцу.

— Ты, словно воронъ, предвѣщаешь намъ бѣду.

— Говорю только къ слову. Дай Богъ, чтобы дѣла отца моего всегда процвѣтали и счастіе не покидало васъ до конца дней вашихъ; дай Богъ, чтобы миръ вашей души никогда не нарушался! Но и мнѣ не от-

казывайте въ удовольствіи выбирать себѣ друзей по сердцу и наклонностямъ, а не по происхожденію. Хоть для меня приласкайте Лебединскаго. Вамъ не нравится рѣзкость его сужденій, желчность выходокъ. Простите ихъ человѣку, который жилъ подъ домашнимъ гнетомъ, подъ гнетомъ бѣдности и нуждъ. Ручаюсь вамъ, что у него теплое, благородное сердце.

— Благородное, можетъ быть, но теплое... сильно сомнѣваюсь. Зачѣмъ онъ съ такою злостью, съ такимъ остервенѣніемъ бросается на всякаго, кто выше его по рожденію или богатству? Его бѣситъ, что онъ родился бѣднякомъ, сыномъ дьячка, что такой-то, а не онъ, получилъ мѣсто начальника, такой-то ворочаетъ милліонами. Просто, одна зависть.

— Нѣтъ, онъ не завидуетъ этимъ людямъ. Онъ знаетъ, что наши Анфилатовы, Савины и другіе, подобные имъ, трудами пріобрѣли свое богатство, что они своимъ образованіемъ, обширными торговыми предпріятіями, *разумными* пожертвованіями, стали выше своихъ современниковъ-торгашей цѣлою головой, — и бѣднякъ Лебединскій низко кланяется этимъ свѣтлымъ головамъ. Онъ уважаетъ всякій трудъ, уважаетъ всѣхъ людей, истинно полезныхъ отечеству. Плебей Лебединскій радуется, когда заслуги отечеству, честная, усердная служба достойно награждаются. Но нельзя не придти ему въ негодованіе, когда иной богачъ нажившій милліоны разными неправдами, нечистыми спекуляціями, обращается презрительно со всякимъ, кто только бѣденъ, хотя и выше его умомъ, талантами, благородствомъ души. Нельзя не придти ему въ негодованіе, когда иное дитятко безъ ума, безъ науки, безъ надеждъ, только по милости папаши и дядюшки, какъ пшеничная опара въ печи... Но полно объ этомъ. Я васъ просилъ и прошу опять быть къ Лебединскому снисходительнѣй. Онъ не навязчивъ своимъ знаком-

ствомъ, и если увидитъ, что вамъ не нравится, то сейчасъ удалится, а это меня очень огорчитъ. Гордая душа его сейчасъ дастъ рѣзкій отзывъ, лишь только грубо прикоснутся къ ней. Онъ васъ не обезпокоитъ собою. Мы составимъ свое общество—я, Лебединскій, сестра. Дайте намъ только свободу дѣлать что мы хотимъ. Повѣрьте, мы не обратимъ ее во зло.

— Располагайте собою, какъ вамъ пріятнѣе, — сказала Марѳа Михайловна, побѣжденная доводами сына и, еще болѣе, нѣжною любовію къ нему. — Мы люди стараго вѣка, любимъ поворчать на то, что намъ не по душѣ, не по старинѣ. Вы люди новые, знаете лучше, какъ и что дѣлать. Одно тебѣ скажу: я не такая мать, которая стѣсняла бы сына своими прихотями и мѣшала бы изъ-за нихъ его удовольствіямъ. Ты знаешь самъ, если тебѣ весело, и мнѣ также. Когда ты привезъ Лебединскаго, неуклюжаго, сухоточнаго, съ семинарскими ухватками, я подумала только: почему бы Володѣ не привезти съ собой молодого человѣка, съ пріятною наружностью, образованнаго, добраго, пожалуй и съ состояніемъ... Мы тогда посватали бы за него Дуню... Она дѣвушка уже въ порѣ.

— Въ порѣ она, или нѣтъ, это до меня не касается, я этого и знать не хочу. Для меня она всегда меньшая сестра моя. Чтожъ до жениховъ ей, такъ извините меня, я объ нихъ и не подумалъ. Не толпу же студентовъ привезти ей было на выборъ. Да и то доложить вамъ обязанъ: студентамъ надо думать не о женитьбѣ, а объ ученіи. Съ другими же членами общества, болѣе свободными, болѣе зрѣлыми, я не знаюсь до поры до времени, когда самъ получу право войти во всякое общество.

Слова эти Володя произнесъ съ какою-то горечью.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—я увѣренъ, Дуня такъ умна, что полюбитъ въ своемъ будущемъ мужѣ,

не смазливую наружность, не великосвѣтскость, а умъ, образованіе, душу. Лебединскій, конечно, ей не пара, не потому, что онъ сынъ церковнаго служителя. Еслибъ Дуня могла полюбить его, она не посмотрѣла бы на это. Но, признаюсь вамъ, онъ по характеру своему не годится для семейной жизни. Обстоятельства сдѣлали его раздражительнымъ, желчнымъ. Вспышки его, хотя не отъ злаго сердца, могутъ оскорбить любящую его женщину, и тогда прощай ея счастіе! Да, онъ ей не пара. Конечно, ей не годится въ мужья и такой, у котораго душа какъ печеное яблоко; одинъ ударъ по ней, и она расползется... Дуня презираетъ подобные характеры... Но я разболтался о выборѣ ей будущаго супруга, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, хочу приняться за сватовство. Она сама вѣрнѣе выберетъ себѣ достойнаго человѣка. И такъ, рѣшено, милая мамаша,—Лебединскій не отяготитъ васъ своимъ обществомъ, ни онъ и никто другой здѣсь ей не женихъ, а мы втроемъ проведемъ прекрасно время подъ крылышкомъ вашимъ и моего стараго друга отца.

И Володя крѣпко поцѣловалъ руку у своей матери.

Орестъ Лебединскій, какъ мы сказали, былъ сынъ сельскаго дьячка, бѣднаго, какъ и всѣ сельскіе причетники. Кромѣ него, у отца было еще четверо дѣтей, изъ которыхъ одинъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, чахлый, выключенный изъ уѣзднаго духовнаго училища по безнадежности въ выздоровленіи, не обѣщалъ быть кормильцемъ своего семейства. Двумъ дѣвушкамъ, невѣстамъ, представлялся только одинъ выходъ изъ тяжкаго ихъ положенія — замужество за такого же причетника сельскаго, какъ и глава дома или даже за крестьянина. Пятый членъ семейства была четырехлѣтняя дѣвочка. Орестъ Лебединскій выросъ въ нуждѣ, видѣлъ, какъ отецъ его, осажденный со всѣхъ сторонъ

нуждою, собиралъ свой скудный доходъ пятаками и даже грошами, изъ-за которыхъ происходили иногда споры при дѣлежѣ ихъ между членами причета. Да еще, чтобы добыть эти гроши, онъ, на праздникахъ, принужденъ былъ не отказываться отъ чарки пѣнника, настойчиво предлагаемой въ каждой избѣ прихода. Маленькій Орестъ видѣлъ, какъ мать его, съ грудным младенцемъ на рукахъ и съ потайнымъ холщевымъ кошелемъ подъ длиннымъ фартукомъ, куда клала жертвы великодушныхъ дателей—яйца, кусокъ пирога, пасьмецо чесанаго льну, аршинъ грубаго холста, горсть крупицъ — какъ она, изнеможенная своей двойною ношей—часто, въ слякоть, въ глубокую грязь, обходила приходъ вслѣдъ за церковнымъ причтомъ. Его самого заставляли ходить въ процессіяхъ славить Христа, за что и онъ получалъ по грошику или копѣечкѣ. Съ тоскою и не дѣтскими мыслями замѣчалъ Орестъ униженіе духовенства въ этихъ обходахъ. Не разъ проливалъ онъ слезы, когда мать поднимала своего сожителя, упившагося вмѣстѣ съ прочими товарищами и начальниками своими, и получала отъ него удары ногой въ грудь и животъ. Не разъ негодовалъ онъ на профанацію святыни, когда, во время этого безчувственнаго упоенія, крестьянскія дѣвки носили хоругви и образа по улицѣ селенія и славили воскресшаго Спасителя игривыми напѣвами. Доставались бѣдному Оресту таски отъ отца и толчки въ зубы, когда онъ не хотѣлъ поцѣловать руку у пьянаго, богатаго мужика, и все-таки, несмотря на побои, не прикладывался къ рукѣ, налитой виномъ и пивомъ. Доставалось ему и за то, что онъ, въ полуденную пеклу лѣтняго дня, проводя лошадь съ бороной по взрытымъ земляным глыбамъ, садился отдохнуть. Доставалось и за то, что пропадалъ по цѣлымъ днямъ въ рощахъ, куда посылали его по грибы для обѣда или ужина. Вмѣсто собиранья грибовъ,

мальчикъ заслушивался пѣсень соловьевъ и подсоловушекъ (какъ называли въ томъ краю малиновокъ), или звуковъ эоловой арфы, которая предлагала ему сѣнь каждаго дерева. И Богъ знаетъ, какъ онъ былъ счастливъ въ эти короткіе часы свободы! «Безпутный, дармоѣдъ, — говорилъ про него отецъ. — Развѣ онъ лучше чахлаго мальчика? Тотъ отъ Божьяго наказанія пропадаетъ, а этотъ отъ себя. Упрямъ, какъ быкъ. Ни брань, ни розга его не берутъ! Хоть убей, а онъ все свое творитъ.» Въ вознагражденіе за грубое обращеніе съ нимъ отца, мать нѣжно любила его и ласкала. И Орестъ всячески старался ей угождать; то носилъ для нея съ рѣки по крутогорью на коромыслѣ тяжелый грузъ бѣлья, то ведра съ водой, ухаживалъ за меньшимъ братомъ, качалъ въ люлькѣ сестру. Когда онъ на праздникахъ получалъ на свою долю кусокъ пирога или пряникъ, никогда самъ не съѣдалъ его, а отдавалъ или сестрамъ, или брату. Купаясь однажды, когда ему было лѣтъ двѣнадцать, съ сыномъ пономаря, мальчикомъ моложе его двумя годами, и видя что товарищъ его тонетъ онъ, не задумываясь, бросился за нимъ въ воду и притащилъ его съ великимъ трудомъ къ берегу; при этомъ случаѣ и самъ хватилъ порядочно водицы. О наградѣ медалью за спасеніе погибавшаго онъ не имѣлъ и понятія, но за то въ этотъ день былъ веселъ, какъ будто получилъ ее. Чего не натерпѣлся бѣдный Орестъ, проходя черезъ сырыя, холодныя комнаты приходскаго и уѣзднаго духовныхъ училищъ, гдѣ дыханіе мальчиковъ обозначалось струями пара и они могли согрѣваться только въ играхъ и борьбѣ; испыталъ онъ много горькаго, проходя и черезъ аудиторію семинаріи. Тамъ сѣкли его за то, что онъ разставилъ два слова не по порядку печатнаго урока; здѣсь заушали за то, что не однимъ духомъ прочелъ вступленіе къ исторіи Шрекка. Разъ, когда отецъ

ректоръ засталъ его на семинарской нарѣ съ гитарою въ рукахъ, едва не выгнали его изъ семинаріи. Хотя, по усиленнымъ просьбамъ инспектора, не исполнили этого приговора, все-таки велѣно было имѣть Лебединскаго на замѣчаніи, какъ безнравственнаго студента. Спасли его только отъ дальнѣйшихъ гоненій экзамены въ присутствіи архіерея, который, замѣтивъ его способности, наградилъ его за отличные успѣхи въ ученіи, сверхъ назначенной для этого случая книжки, еще деньгами. По окончаніи философскаго курса, отецъ добивался для него мѣста діакона, но сынъ не послушался своего чадолюбиваго родителя. Онъ побрелъ босой въ Москву добывать себѣ науку и черезъ нея насущный хлѣбъ, неся за плечами пару сапогъ и тощую котомку. Гнѣвъ отца и благословенія матери провожали его. Здѣсь онъ поступилъ въ университетъ и вздохнулъ свободнѣе. Умъ и душа его сбросили съ себя вериги, въ которыхъ держали ихъ такъ долго; ихъ открыли вскорѣ лекціи знаменитаго, очень любимаго студентами, профессора. Лебединскій узналъ черезъ него назначеніе человѣка, какъ гражданина и члена общества и государства, высокія права свои и святыя обязанности. Случилось Володѣ и Лебединскому сидѣть въ аудиторіи на одной скамьѣ рядомъ. Оба избѣгали аристократическаго круга студентовъ, оба это замѣтили. Отрывистыя слова, брошенныя одинъ другому во время лекцій, были вступленіемъ къ ихъ взаимности. Сосѣдъ Володи былъ маленькій, сухощавый студентъ, въ потертомъ форменномъ сюртукѣ; всѣ движенія его были угловаты. Иногда, припавъ слухомъ и сердцемъ къ лекціи профессора, онъ, казалось, не смѣлъ дышать. То внѣ себя пыхтѣлъ, какъ будто не могъ вынести тягости, давившей его грудь, и ворочался безцеремонно на своемъ мѣстѣ, то злая усмѣшка бродила на его губахъ.

По окончаніи лекціи, когда они выходили изъ аудиторіи, Володя подошелъ къ своему сосѣду и подалъ ему руку. Изъ разговора, который у нихъ завязался, оказалось, что они земляки—Лебединскій былъ уроженецъ изъ луковскаго уѣзда. Съ того времени сближеніе ихъ не замедлилось.

Сначала бѣдный плебей Лебединскій не вдругъ поддался влеченію къ богатому плебею Патокину, но увидавъ, что Володя, съ своимъ открытымъ характеромъ, не ищетъ въ немъ ничего, кромѣ пріязни и разумной бесѣды, предался ему совершенно. Ежедневно обмѣниваясь впечатлѣніями, выведенными изъ лекцій, которыя слушали, и наблюденій, вынесенныхъ изъ общественной жизни, они узнали другъ друга, какъ бы жили вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ.

Лебединскій считался однимъ изъ лучшихъ студентовъ юридическаго факультета. То, что другими пріобрѣталось усидчивостью, прилежаніемъ, долгимъ соображеніемъ, схватывалъ онъ на лету свѣтлымъ, острымъ умомъ, и разсѣкалъ быстро самые затруднительные вопросы. Профессоръ предсказывалъ въ немъ будущаго отличнаго юриста, съ условіемъ, что онъ не будетъ *кипятиться*.

Чуждаясь благодѣяній, онъ не отказался отъ совмѣстнаго квартированія и стола съ Володей, предложенныхъ ему какъ домашнему репетитору по всѣмъ предметамъ, которые они проходили вмѣстѣ. Скоро между ними не было *моего* и *твоего*. Этими услугами одолжавшій казался одолженнымъ — такъ осторожно, такъ бережно пріучалъ къ нимъ Володя своего товарища. Лебединскій чувствовалъ цѣну ихъ въ благодарной душѣ своей, но не тяготился ими, зная, что онѣ дѣлаются безусловно, безъ всякихъ видовъ, безъ всякихъ требованій и утѣшался мыслью, что онѣ облегчаютъ средства родителей на содержаніе его въ Москвѣ.

Мало того, что Володя черезъ товарищей своихъ, оставаясь самъ въ сторонѣ, доставилъ ему уроки въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ, Сергѣй Семеновичъ, по письму сына, посылалъ дьячку обильные припасы провизіи и подарки его женѣ и дѣтямъ съ тѣмъ, чтобы онъ не говорилъ никому, откуда шли эти дары. Семейство Лебединскаго ожило съ помощью своихъ благодѣтелей и удѣляемой Орестомъ части своего гонорара за уроки.

Когда Лебединскій пробирался въ деревню Патокиныхъ и зашелъ къ отцу, то былъ встрѣченъ и провожаемъ благословеніями своего семейства.

Молодые люди не долго думали, какъ располагать имъ въ деревнѣ своей свободой; они подчинили ее распоряженіямъ Дуни, и надо сказать, названная сестра Володи умѣла разнообразить ихъ удовольствія такъ, что они почти всегда находили въ нихъ пищу для ума и сердца. Желая польстить самолюбію своего воспитателя, она попросила его самого показать садъ гостю, который первый разъ пріѣхалъ въ Красное-сельцо, и Володѣ, который не видалъ сада во всей красѣ его. Этимъ случаемъ она воспользовалась, чтобы объяснить имъ всѣ преобразованія и улучшенія, сдѣланныя въ немъ Сергѣемъ Семеновичемъ.

— Признайтесь, папаша,—говорила она ему, — въ этомъ сотѣ есть и моего меду.—Вотъ эту просѣку я посовѣтовала вамъ сдѣлать, чтобы открыть видъ на рѣчной заливъ. За то все остальное вамъ принадлежитъ. Посмотрите, какъ живописно вдается въ заливъ зеленый мысъ, окаймленный золотой нитью водъ, на которыя ударило солнышко! Какъ хорошо глядитъ отсюда полуфасомъ домъ нашего сосѣда! Здѣсь, видите церковь на холмѣ? Она за восемь верстъ, а кажется, будто верстахъ въ двухъ отъ насъ. Ее загораживалъ чужой лѣсъ. Папаша купилъ его и прорѣзалъ чтобы

ее открыть. Полюбуйтесь на этотъ вязъ; ему считаютъ болѣе ста лѣтъ. Я называю его патріархомъ сада. Смотрите, господа студенты, не оставьте своихъ слѣдовъ на газонѣ: папаша бережетъ его пуще своихъ дорогихъ англійскихъ ковровъ. Бываетъ, однакожъ, день въ году, когда толпы крестьянъ и крестьянокъ топчутъ его безпощадно своими сапогами, подбитыми гвоздями, и котами съ подковами. Здѣсь ихъ угощаютъ, здѣсь они веселятся. А знаешь-ли, Володя, какой это день? День твоего рожденія.

Володя съ чувствомъ поцѣловалъ руку отца и взглянулъ съ благодарностью на разсказчицу.

Когда она подводила молодыхъ людей къ цвѣтамъ, которыми особенно гордился Сергѣй Семеновичъ, то называла ихъ латинскими именами.

— Видите ли, господа ученые, — говорила она, — и я могу похвастать передъ вами своею латынью; не мудрено, что я сдѣлала успѣхи при такомъ учителѣ...

Дуня указала на Патокина.

— А вотъ и растеньеце, которое стоитъ всѣхъ дорогихъ цвѣтовъ въ саду.

Она сорвала у корня дерева растеніе, съ жирными листочками и малиновымъ цвѣткомъ, похожимъ на грѣчичный.

— Это заячья *капустка*. Изъ него гонятъ *живую воду*, которая заживляетъ самыя ужасныя раны. Я подозрѣваю, что это самая та живая и мертвая вода, о которой говорится въ нашихъ сказкахъ.

И такъ далѣе показала Дуня молодымъ людямъ въ саду все, что находила въ немъ для нихъ пріятнаго и замѣчательнаго, особенно, что изобличало вкусъ и любовь къ прекрасному ея воспитателя.

— Позвольте, позвольте, господа, и покажу вамъ еще одинъ замѣчательный предметъ.

И Дуня подвела студентовъ къ муравьиной кучкѣ.

Молодые люди усмѣхнулись, не понимая, что за диковинка въ этомъ муравейникѣ.

— Ужь не хотите-ли, Авдотья Петровна, читать намъ диссертацію о муравьиномъ спиртѣ?—сказалъ Лебединскій,—вспомните, мы не медики.

— Не безпокойтесь, довольно и того, что я вамъ прочла о заячьей капусткѣ. Я скажу только нѣсколько словъ, которыя могутъ быть интересны для одного Володи. Вотъ видите, любезный братецъ, этотъ муравейникъ напоминаетъ мнѣ моихъ добрыхъ Ришаровъ. Смотря на него, я переношусь въ то время, когда я еще была маленькой дѣвочкой и ты, Володя, училъ меня натуральной исторіи.

— А изволили-ли вы, моя бывшая ученица,—сказалъ названный братъ,—разрѣшить задачу о муравьяхъ, которую я не успѣлъ кончить и вамъ передалъ?

— О! давно, мой высокопочтенный педагогъ, — отвѣчала Дуня, почтительно присѣдая, — и покажу вамъ свои тетради, гдѣ записаны мои наблюденія и замѣтки.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу нашего профессора натуральной исторіи предложитъ васъ въ члены общества испытателей природы.

— Да развѣ женщины могутъ быть членами ученаго общества?

— Княгиня Дашкова была же членомъ россійской академіи,—замѣтилъ Лебединскій.

— То княгиня, а я луковская гражданка. Впрочемъ, шутите, шутите; а позвольте-ка мнѣ, кандидатъ перваго русскаго университета, предложить вамъ отъ себя одну задачу: отчего муравей, когда положатъ его на столъ и очертятъ около него кругъ мѣломъ, не смѣетъ выйдти изъ этого очарованнаго круга?

— Изслѣдуемъ, разрѣшимъ, — сказалъ кандидатъ тономъ авторитета.

Когда кончился обзоръ сада, Дуня начала знакомить молодыхъ людей съ самыми живописными и любимыми ею мѣстами окрестности. Каждый день она разнообразила ихъ. Студенты, вырвавшись изъ душныхъ стѣнъ аудиторіи и пеклы московской атмосферы, въ этихъ прогулкахъ ожили новою жизнью. И Дуня, давно знакомая съ этими мѣстами, теперь находила ихъ обновленными, видя, какъ оба студента съ горячею любовью къ красотамъ природы вполнѣ наслаждались всѣмъ, что она имъ такъ артистически показывала и объясняла. И гармоническій говоръ гремучаго родника перевела она на свой поэтическій языкъ, и мрачный сосновый лѣсъ разсказалъ имъ устами прекрасной дѣвушки свои волшебныя легенды. То гуляли они втроемъ, то ѣздили съ Сергѣемъ Семеновичемъ и Маріей Михайловной или обѣдать, или пить чай на мѣста, ею избранныя и назначенныя заранѣе. Къ полному удовольствію молодыхъ людей владѣльцы Краснаго-сельца жили въ деревнѣ не такъ, какъ многіе помѣщики, пріѣзжающіе изъ столицъ въ свои имѣнія, чтобы заключить себя въ стѣнахъ дома и оградѣ сада и любоваться природой только съ высоты своихъ балконовъ или террасъ. Патокины вполнѣ пользовались немногими, прекрасными, теплыми днями, на которые такъ скупо наше лѣто, и любили разнообразить почти ежедневно свои кочевья. Иногда готовился имъ пріютъ подъ сѣнью пахучихъ копенъ сѣна, иногда въ тѣни рощъ, гдѣ шумѣли, съ нѣгой покачиваясь, вершины деревъ, и вѣтерокъ, урвавшись между ними на свободу, опахивалъ гуляющихъ своимъ свѣжимъ дуновеніемъ или обдавалъ теплой струей, пропитанной цѣлебнымъ ароматомъ древесной смолы и острымъ запахомъ перегнившихъ листьевъ. Случалось, что они располагали свой таборъ въ оврагѣ. Тамъ вода родника, чистая какъ слеза, по мнѣнію прихотливыхъ любителей чая,

еще болѣе возвышала букетъ его. Устраивались даже импровизованныя бесѣдки изъ крестцовъ ржи, только что сжатой. *Господа* пріѣзжали на полевыя работы не для надзора за ними и побужденія къ болѣе усиленнымъ трудамъ, а чтобы своимъ присутствіемъ, ласковымъ словомъ, облегчить эти труды. За ними привозили ведра и жбаны съ холоднымъ, сытнымъ квасомъ, къ которымъ жницы припадали съ радостными возгласами. Тутъ же привозились сотни булокъ, мигомъ исчезавшія. Правда, бывали и выговоры — одной, что пришла слишкомъ рано на работы послѣ родовъ, другой, что не защитила хорошо ребенка отъ солнечныхъ лучей и мухи безжалостно облѣпили его личико. Особенно о дѣтяхъ заботилась Дуня.

— Это по моей части,—говорила она.

Всѣмъ этимъ прогулкамъ придавали особенное оживленіе умныя бесѣды, полная свобода, споры и смѣхъ.

Молодые люди захотѣли повѣрить на красносельскихъ крестьянахъ понятія, которыя они имѣли о бытѣ и нравахъ народа.

Лебединскій, въ одинъ сердитый часъ, рѣзко осуждалъ русскихъ крестьянъ,—говорилъ, что татарская ржавчина въѣлась въ нравы ихъ такъ сильно, что надо богатырскія, вѣковыя усилія, чтобы сдѣлать его похожимъ на человѣка другихъ, болѣе образованныхъ странъ, говорилъ о цинизмѣ ихъ, конокрадствѣ, плутовствѣ, неуваженіи къ законности и чужой собственности.—Я знаю ихъ хорошо,—прибавлялъ онъ,—я жилъ между ними мальчикомъ, семинаристомъ, студентомъ.

Надо замѣтить, что въ Лебединскомъ на этомъ разъ жолчь особенно расходилась. Онъ получилъ отъ отца извѣстіе, что у нихъ въ прошлую ночь увели со двора лошадь, а у священника очистили кладовую.

Оппонентомъ Лебединскаго былъ Володя, смягчавшій словомъ примиренія рѣзкость сужденій своего товарища.

— Не слѣдъ бы мнѣ,—говорилъ Володя,—разсуждать съ тобою о нравственномъ состояніи нашихъ крестьянъ, когда ты находишься подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія. Но я не хочу, чтобы Дуня, которая тебя слушаетъ, подумала, что если я молчу, такъ съ тобою безусловно соглашаюсь. Я вступаю съ тобою въ споръ болѣе для нея.

— Чтобы быть судьею въ этомъ спорѣ, — сказала Дуня,—надо бы мнѣ поболѣе опытности и безпристрастія.—Ты знаешь, что я люблю русскаго крестьянина, какъ понимаю его, по красносельскимъ. И потому могу только стать на ту сторону, куда потянетъ мое сердце.

— Конечно, — продолжалъ Володя, обращаясь къ Лебединскому,—есть правда въ отзывѣ твоемъ о нравственности нашего крестьянина. Но и не вдаваясь въ идиллическое настроеніе нѣкоторыхъ нашихъ господъ, которые видятъ въ немъ образецъ патріархальной нравственности, примѣръ для иноземщины, я могу перечесть въ немъ и добрыя качества. Ты осуждаешь его, какъ бы осуждалъ дитя за то, что оно, не учившись азбукѣ, не умѣетъ читать. Ты указываешь въ примѣръ народы другихъ, болѣе образованныхъ странъ. Во-первыхъ, тамъ крестьяне пользуются давно законною свободой, эти люди, особенно нѣмцы, большею частью грамотные. Ты не хуже меня знаешь, что они имѣли свою, болѣе выгодную исторію, ихъ общественная жизнь сложилась иначе, они видятъ въ своихъ судьяхъ, администраторахъ, наставникахъ примѣры честности и правды и сами научаются отъ нихъ быть честными и правдивыми. Такъ-ли у насъ? Ты говоришь, что татарская ржавчина въѣлась въ нравы нашихъ крестьянъ. Да развѣ она не въѣлась въ нравы

другихъ сословій: дворянъ, куцовъ, чиновниковъ, во все и вся? Смѣшно мнѣ, право, когда ты говоришь, что крестьяне не имѣютъ уваженія къ закону, къ чужой собственности. Кто-жь, какъ не старшіе, научили младшихъ знать не законъ, а лицо—господина и приказчика всякаго рода, бояться судью, а не суда, быть увѣрену, что за деньги можно все, безъ денегъ ничего? Въ прошедшую ночь обокрали твоего отца и священника, конечно, мужички. Но развѣ повыше не крадутъ каждый день достоянія, добраго имени, чести, будущности ближняго? Перевоспитаютъ себя старшіе, перевоспитаются и младшіе.

— Ну, тутъ еще бабушка на двое сказала: да и нѣтъ. Много времени, много условій надо, чтобы осуществилась твоя коротенькая фраза.

— Бываютъ Божія времена, которыя быстро отрезвляютъ, перевоспитываютъ общества. Разрушитъ своимъ словомъ Тотъ, кто можетъ сказать его, крѣпостную перегородку, отдѣляющую народъ отъ другихъ сословій, отъ умственнаго и нравственнаго развитія, и тогда посмотри, что сдѣлается съ этимъ народомъ. Мы до сихъ поръ не подумали научить его добру, правдѣ, честнымъ нравамъ; тогда примутся за это ученіе.

— Да развѣ въ селеніяхъ удѣльныхъ и государственныхъ не заведены школы десятки лѣтъ? Чтожъ онѣ до сихъ поръ сдѣлали для нравственности крестьянъ?

— Тамъ только учили механическому чтенію, письму и цифрамъ.

— Учили и Закону Божьему.

— Также машинально. Тамъ готовили только дѣтей въ писаря, въ конторщики, въ головы, въ сельскіе бюрократы. Нѣтъ, я желалъ бы, чтобы готовили дѣтей быть человѣками. Крестьянину такая грамотность нужна, которая *воспитывала* бы его, которая

учила бы познавать истиннаго Бога, уразумѣть простымъ умомъ и сердцемъ заповѣди Господни, а не затверживать ихъ только на память, уразумѣть сердцемъ ученіе Спасителя, понимать и уважать законы человѣческіе, насколько они пригодны для крестьянина, члена семейства, общества, государства. Съ этимъ придетъ и уваженіе къ личности, къ чужой собственности. Но пуще всего, по мнѣнію моему, нужно учить женщину. Она лучше всякаго проповѣдника, всякаго учителя, внушитъ дѣтямъ своимъ религію и добрые нравы. Съ молокомъ матери они всосутъ въ себя эти нравы и передадутъ ихъ будущимъ поколѣніямъ. Въ Германіи, напримѣръ, какъ я слышалъ и читалъ, грамотныя матери первые учители Закона Божія.

«Да, тамъ говорятъ ребенку: не укради, не свидѣтельствуй ложно, не помяни имени Господа твоего всуе, не сквернитъ... Но объ этомъ умолчимъ. А у насъ отцы и матери посылаютъ дѣтей своихъ воровать не только въ господскомъ саду, но и въ огородѣ своего брата, сосѣда, учатъ ихъ божбѣ, велятъ для шутки выбранить добрымъ словцомъ бабушку, и дѣти пріучаются къ этой божбѣ, къ воровству, и дѣти сквернятъ уста и душу этимъ словцомъ, а родители хохочутъ надъ этой потѣхой. И самые чухонцы, латыши нравственнѣе нашихъ, не говорю ужь о финляндцахъ. — Проѣзжай всю Лифляндію вдоль и поперекъ, говорилъ мнѣ товарищъ-студентъ, тамошній уроженецъ, и можешь быть увѣренъ, что никто не дотронется до твоего добра, будь оно завязано хоть въ простой узелъ. Если и случается тамъ воровство и грабежъ, такъ навѣрно отъ русскихъ пришельцевъ. Перевались только за псковскую границу и какъ разъ перетрясутъ твои чемоданы. А посмотришь на чухонцевъ, на латышей—кретины передъ нашими кровными великоруссами!

«Чтожъ это доказываетъ? То, что тамъ учатся настоящей грамотности, которая *воспитываетъ* народъ, что тамъ пасторы внушаютъ своимъ духовнымъ дѣтямъ заповѣди Божіи, поучаютъ ихъ въ храмѣ и дома не по правиламъ риторики, не по обрядности, а по ученію Христа, по долгу совѣсти [1]). Что голова русскаго крестьянина устроена лучше, нежели у чухонца, что умъ его воспріимчивѣе, соображаетъ на-лету то, надъ чѣмъ иному долго посидѣть надо, ты, конечно, согласишься».

— Не спорю, да нравы, нравы-то...

— Все это ведетъ опять къ тому, что нашъ смышленый народъ нуждается только въ воспитаніи, что грамотность, ученіе, какъ я ихъ понимаю, необходимы для крестьянъ и особенно, когда имъ дадутъ права...

— О которыхъ они пока не имѣютъ никакого понятія!

— Я откровенно сказалъ, что думаю, для Дуни, въ домашнемъ кругу, но не побоялся бы сказать слово правды въ другомъ мѣстѣ, при другихъ людяхъ.

Какъ хорошъ былъ Володя въ своемъ благородномъ увлеченіи!

Дуня слушала его съ восторгомъ, ловила съ жадностью каждое его слово; никогда еще глаза ея не были обращены на него съ такою любовью; щеки ея разгорѣлись, губы ея, казалось, готовы были произнести свое слово, но она молчала.

— Все это прекрасно, все это правда, — сказалъ Лебединскій, — но въ томъ-то и бѣда, что слово не

---

[1]) Надо прибавить, что тамъ въ церквахъ читаютъ разныя постановленія и распоряженія правительства, которыя крестьянамъ нужно знать, и крестьяне, увѣренные, что отецъ ихъ духовный, любимый, уважаемый ими, внушаетъ имъ законныя ихъ обязанности не изъ корысти, не изъ видовъ какихъ, выполняютъ эти обязанности честно и усердно.

дѣло. Легко сказать: учитесь, учите! А гдѣ средства для выполненія твоихъ горячихъ надеждъ? Средства, господинъ проповѣдникъ? Гдѣ найдемъ учителей, чтобъ исполнить твою программу?

Какія средства затѣмъ ни представлялъ Володя, изъ какой среды взять учителей, какъ ихъ приготовить, какъ вознаградить за труды, Лебединскій разрушалъ всѣ его предложенія силою своей желчной діалектики. Наконецъ, Володя не выдержалъ.

— Съ тобою ни о чемъ нынѣ толковать нельзя,—сказалъ онъ съ досадой,—ты упрямо приросъ къ одному мѣсту и ничего не видишь кругомъ себя, кромѣ предметовъ, бросающихся тебѣ въ глаза съ этого мѣста. Кабы ты потрудился стать впередъ на ту точку, которую тебѣ указываю, ты увидалъ бы другой горизонтъ, увидалъ бы другихъ людей, съ новыми условіями и потребностями.

— А ты плывешь на лодкѣ, которая несетъ тебя по быстрому теченію рѣки, и думаешь, что берега, лѣса и села бѣгутъ вмѣстѣ съ тобою. Скоро ѣдешь, братъ. Смотри, чтобъ лодка твоя не опрокинулась о подводные камни. Помяни меня, когда, по твоему, настанетъ время дѣлать истинно доброе дѣло, то появится краснобайство, фразерство, настанетъ мода на прогрессъ, на всякую эмансипацію, на школы, и пройдетъ также скоро, какъ и всякая мода. Мы падки на новизну, сначало горячо за нее хватаемся и также скоро остываемъ. Пожалуй, еще заведутъ въ школахъ разныя хитрыя премудрости, совсѣмъ ненужныя для мужичка, и собьютъ его съ толку, да отобьютъ отъ ученія. А тамъ, что еще хуже...

Лебединскій махнулъ рукой и не договорилъ.

— Молодое пиво всегда бродитъ; отстоится и выйдетъ пиво доброе. Мы также еще народъ молодой; юноша не сдѣлается вдругъ мужемъ; придетъ пора, и

мы возмужаемъ. Все изъ ничего не сдѣлаетъ вдругъ никто, кромѣ Бога. Помяни и ты меня, если мужичку дадутъ грамотность, которая ему нужна, она слюбится ему и пойдетъ гулять ходко по всей Руси. Называй меня, какъ хочешь, идеалистомъ, фразеромъ, горячей головой, а я скажу еще рѣшительнѣй: будущность нашего отечества зависитъ много отъ этого ученія.

— Дай Богъ твоими устами пить новое пиво. Ты знаешь, что никто болѣе меня не порадуется, если твои прекрасныя мечты, твои благородныя надежды сбудутся. Я первый поздравлю тебя съ побѣдой и крѣпко обниму. Но теперь не могу не прибавить съ дѣдушкой Крыловымъ: впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужь наступитъ. А покуда кончимъ наши разсужденія, которыя должны сильно наскучить Авдотьѣ Петровнѣ.

— Напротивъ,—сказала Дуня,—я слушала ихъ съ большимъ удовольствіемъ, но признаюсь, что склоняюсь сердцемъ на сторону мечтателя Володи противъ скептика Лебединскаго.

— Кстати,—перебилъ Володя,—скажи-ка мнѣ, моя добрая, умная сестренка, есть-ли у васъ здѣсь училище для крестьянскихъ дѣтей?

— Было,—отвѣчала Дуня, — есть и нѣтъ теперь.

— Есть и нѣтъ? это какая-то загадка.

— Которую объясню вамъ послѣ. А теперь пойдемте повѣрять ваши понятія о бытѣ и нравахъ крестьянъ на здѣшнихъ красносельцахъ. Кажется, мы такъ условились прежде. Нынѣшній день будетъ только вступленіемъ къ этой повѣркѣ. Идемте въ главную слободу, пройдемся по улицѣ и заглянемъ въ избы, а тамъ я постараюсь вамъ доставить случай посмотрѣть на здѣшнія народныя сборища, на мірскія сходки, на игрища, познакомиться съ общиннымъ порядкомъ.

— Идемте, — сказалъ Лебединскій, — но какъ я смотрю еще съ своей точки зрѣнія, то скажу вамъ напередъ, Авдотья Петровна, что мы найдемъ: — босыхъ дѣтей, замарашекъ; на губахъ и щекахъ ихъ не высохла еще каша, волосы—шапка шапкой; увидимъ, какъ они сосутъ всласть концы своихъ рукавовъ или ѣдятъ зеленую рябину, украденную въ господскомъ саду. Въ избахъ рои насѣкомыхъ, нечистота всякаго рода, образа, облупленные тараканами и закопченные дымомъ, которые наши православные *домаливаютъ*, пока не пустятъ ихъ на воду. Рядомъ съ ними увидимъ безнравственныя лубочныя картины...

— Что увидимъ, то увидимъ,—сказала Дуня, усмѣхаясь,—а если ваши слова не сбудутся, да будетъ вамъ стыдно.

Пошли въ слободу черезъ садъ. По дорогѣ попалась яблоня съ незрѣлыми плодами. Лебединскій сорвалъ нѣсколько яблокъ.

— Это на что, господинъ Мефистофель?—спросилъ Володя.

— Когда лукавый не видитъ грѣха, старается соблазнить на него

— Худую же роль вы взяли на себя,—замѣтила Дуня съ неудовольствіемъ.

Пришли въ слободу. На улицѣ все было чисто и прибрано; березки, въ свѣжей красѣ, доставляли тѣнь обитателямъ домовъ и, въ случаѣ пожара, защищали отъ дальнѣйшаго хода огня. Дѣти играли то парами, то кучками, передъ своими дворами—всѣ въ чистыхъ рубашкахъ, съ чистыми личиками,—дѣвочки въ крашенинныхъ сарафанчикахъ, мальчики въ набойчатыхъ порточкахъ, въ котикахъ или сапогахъ. У мальчиковъ волосы, остриженные въ кружокъ, были гладко причесаны, у дѣвочекъ—заплетены въ косу съ цвѣтнымъ бантомъ на концѣ. Увидавъ господъ, они не бросились

съ испугомъ во дворы свои, какъ это случается, когда эти господа держатъ ихъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Игры прекратились. Слышно было между дѣтьми голосъ: «наша барышня Дуня идетъ»! Всѣ отвѣсили ей по поклону и обступили ее. При видѣ ихъ замѣтно было на лицѣ ея возраставшее удовольствіе.

— Прогрессъ, Авдотья Петровна, явный прогрессъ!—сказалъ Лебединскій и, между тѣмъ, подошелъ къ одной дѣвочкѣ, засмотрѣвшейся на яблоки, которыя онъ держалъ въ рукѣ и предложилъ ей.

— Не бери, Параша,—сказала одна изъ дѣвочекъ, постарше, лѣтъ четырнадцати.

— Отчего жь?—спросилъ нашъ Мефистофель.

Дѣвочка постарше, зорко посмотрѣла въ глаза Лебединскаго и, не смущаясь, отвѣчала, —зелены еще; Господь Богъ создалъ плоды, чтобы ихъ ѣсть, когда поспѣютъ, послѣ второго Спасова дня. Только скоты ѣдятъ, что имъ подъ рыло попадетъ.

— А человѣкъ почему не ѣстъ?

— Потому что ему вредно.

— Почему-жь онъ знаетъ, что ему вредно?

— На то ему Богъ далъ разумъ.

— А можно ѣсть спѣлые плоды, украденные въ господскомъ саду?

— Пожалуй, можно, да грѣшно. Въ заповѣди Господней сказано: «не укради».

— Знаешь ты какія молитвы?

— Знаю: Отче нашъ, Богородицу, на сонъ грядущій и еще другія.

— Поэтому ты умѣешь читать?

— Умѣю.

— А отецъ и мать твои знаютъ молитвы?

— Теперь знаютъ. Когда мы молимся вслухъ передъ иконами, за нами говорятъ тѣ-же слова

отецъ и мать и кто въ избѣ живетъ, такъ и выучились.

— Въ Германіи,—замѣтилъ Лебединскій,—матери и отцы учатъ дѣтей своихъ молитвамъ, а здѣсь наоборотъ: дѣти учатъ отцовъ и матерей.

— А можно,—спрашивалъ онъ другую дѣвочку,—молиться въ рощѣ, на полѣ, гдѣ нѣтъ иконъ?

— Можно, потому что Господь Богъ вездѣ, все слышитъ и видитъ.

— Что намъ велѣлъ Іисусъ Христосъ болѣе всего?

— Любить Бога болѣе всего, а ближняго, какъ самого себя.

— Вотъ отецъ, мать, родные — твои ближніе, а меня ты видишь въ первый разъ: что-жь я тебѣ, чужой?

— Ты не родной, а все-таки ближній, всякій человѣкъ, всѣ люди также.

— А еврей, жидъ? Видала ты ихъ?

— Видала.

— Не правда-ли, ихъ не надо любить, они другой вѣры, прокляты?

Лебединскій говорилъ такъ утвердительно. Дѣвочка посмотрѣла въ неудомѣніи на Дуню, будто хотѣла сказать: какъ же? Вѣдь ты намъ другое толковала?

— Развѣ ты не понимаешь,—сказала Дуня,—что этотъ господинъ нарочно искушаетъ тебя, выпытываетъ изъ ума, а ты, что знаешь, въ чемъ увѣрилась, на томъ всегда твердо стой словами и дѣломъ, не смотря на искушенія, не поддаваясь соблазну.

Дѣвочка немного подумала и сказала: — Еврей, жидъ не христіанинъ, противной намъ вѣры; есть и другіе люди на свѣтѣ, еще другой вѣры, хуже,—поклоняются болванамъ, да все-таки они намъ ближніе, потому что люди, человѣки. Они не виноваты, что родились въ своей худой вѣрѣ, да ей обучены. Жа-

лѣть надо, что они не христіане, а проклинать ихъ, ругать, думать, что они все равно, что собаки—грѣшно.

Много подобныхъ вопросовъ задавалъ Лебединскій и на всѣ давали дѣти отвѣты, доказывавшіе ихъ умственную и нравственную развитость. Рѣчь ихъ была правильная—не книжная и не простонародная. Попробовалъ Лебединскій испытать ихъ въ первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики до 10 тысячъ; дѣти отвѣчали удовлетворительно. Въ обыкновенной школѣ потребовались бы мѣлки или грифели, да доски, а тутъ задачи разрѣшались одною головной работой, къ которой, видно, были дѣти пріучены. Особенно одного мальчика, лѣтъ 15, который бойкими глазами и молодецкою наружностью такъ и вызывалъ на состязаніе, Лебединскій старался сбить, но тотъ выходилъ всякій разъ изъ боя побѣдителемъ. При разрѣшеніи трудныхъ задачъ, онъ потиралъ себѣ пальцемъ по лбу, и въ головѣ маленькаго математика писались цифры, разбирались, соединялись и становились въ стройные ряды.

— Этотъ мальчикъ, — замѣтила Дуня, — служитъ безграмотнымъ старостѣ и ключнику помощникомъ, записываетъ снопы, копны, разныя мѣры. За то папаша положилъ ему три рубля въ мѣсяцъ. Семейные въ восторгѣ.

Когда импровизованный экзаменъ кончился, Дуня напомнила дѣтямъ, чтобы они продолжали играть. Игры снова начались, и съ ними крикъ и гамъ, какъ будто тутъ господъ и не было.

— Лавровый вѣнокъ учителю,—сказалъ съ восторгомъ Лебединскій,—а мнѣ да будетъ стыдно. Я бьюсь объ закладъ, какой угодно, что учителемъ были вы, безподобная Авдотья Петровна, а въ доказательство, что я отгадалъ, позвольте поцѣловать вашу ручку.

Еслибъ я не стыдился этихъ маленькихъ зрителей, я сталъ бы передъ вами на колѣни.

Дуня, краснѣя, подала ему руку.

— Я говорила вамъ,—сказала она съ возраставшимъ смущеніемъ,—что у насъ было училище, а теперь есть и нѣтъ. Было—подъ вѣдѣніемъ здѣшняго діакона, но метода его ученія намъ съ папашей не понравилась, и я вызвалась учить дѣтей; настоящаго училища нѣтъ. Я хотѣла на дняхъ познакомить васъ съ своими учениками и ученицами, но случай предупредилъ меня.

— Довольно и того, что я слышалъ и видѣлъ, слишкомъ довольно, чтобы доказать...

— Что можетъ сдѣлать женщина въ дѣлѣ просвѣщенія меньшей братіи,—перебилъ Володя.

— Прибавь такая, какъ Изумрудный-крестикъ. За то этихъ дорогихъ крестиковъ немного найдется на Руси. Побѣда, все-таки, не за братомъ, а за сестрой. Одинъ красно говоритъ, а другая мало говоритъ да много хорошаго дѣлаетъ.

— И еще прибавь, что моя программа все-таки не мечта, какъ ты ее называешь.

— И все-таки замѣчу, это счастливое исключеніе, особенный даръ неба, посланный красносельцамъ. Попробуй-ка сдѣлать это ученіе общимъ.

Дуня боялась, чтобы споръ не возобновился и не кончился ссорой (Володя могъ увлечься, Лебединскій захотѣлъ бы поставить на своемъ) и поспѣшила стать между ними съ своимъ словомъ.—Вы не повѣрите,—сказала она,—какъ легко и пріятно имѣть дѣло съ этими свѣжими, смышлеными натурами, какъ родители благодарятъ за то, что учу ихъ дѣтей уму-разуму и добру, какъ они сами, особенно женщины, въ зимніе вечера слушаютъ выбранныя мною мѣста изъ священнаго писанія, жизнь и поученія Іисуса Христа.

Чего они не понимаютъ, то дѣти толкуютъ имъ по моимъ словамъ.

— А метода ваша?—спросилъ Лебединскій.

— Очень простая: я очерчу вамъ ее слегка, поверхностно, безъ порядка, безъ связи, которыхъ держусь,—только чтобы вы имѣли понятіе о ней. Извините, если я вамъ наскучу. Когда я учу дѣтей, стараюсь стать на ихъ мѣсто, спуститься къ ихъ понятіямъ, а не требую, чтобы они сейчасъ вытянулись до меня. Не обременяю ихъ памяти уроками, а только бесѣдую съ ними, возбуждаю ихъ любопытство и никогда не затрудняюсь удовлетворить его, но также никогда не довожу ихъ вниманія до утомленія. Главныя истины, которыя нужно имъ знать, главныя правила жизни повторяю по временамъ, чтобы онѣ врѣзались въ ихъ памяти, также испытываю, не забыли ли они, что говорила имъ прежде. Когда знакомлю ихъ съ явленіями и законами природы и Творцомъ, я веду ихъ постепенно по ступенямъ творенія, начиная съ низшей и все сравненіями, не оставляя ни одного слова, для нихъ непонятнаго, безъ объясненія.—Что такое? спрашиваю я, показывая на камень.—Камень.—Мы его видимъ, а у него есть-ли глаза, чтобы насъ видѣть?—Нѣтъ.—Закричи камню: слышитъ ли онъ?—У него нѣтъ ушей, такъ и не слышитъ.—Вотъ я его ударю палочкой: больно ему?—Нѣтъ.—А корову, лошадь, всякое животное ударить?—Имъ больно.—Оттого, что они созданы Богомъ иначе, нежели камень. Этотъ безчувственъ, потому что у него нѣтъ такого тѣла, такихъ чувствъ, какъ у животнаго. Поэтому не надо бить лошади, коровы, не надо дѣлать боли имъ и никому, кто чувствуетъ, что ему больно. Животное безсловесно и не можетъ жаловаться, какъ человѣкъ, тѣмъ болѣе грѣхъ его мучить. Толкую, что человѣку, какъ существу разумному, и

отъ иныхъ словъ и дѣлъ, безъ побоевъ, бываетъ больно. Обращаюсь опять къ камню.—Если посѣять камешекъ, выростетъ-ли онъ? — Все камышкомъ и останется.—А овсяное, ржаное сѣмячко посѣять?— Выростетъ овесъ, рожь. Тутъ я разсказываю имъ, какіе камни, минералы есть на свѣтѣ, останавливаюсь болѣе на каменномъ углѣ. Разумѣется, въ моемъ ученіи нѣтъ ни царствъ, ни ученыхъ, ни иностранныхъ словъ, нѣтъ ничего мудренаго, чего бъ нельзя растолковать дѣтскому уму, чего бъ они не поняли. Потомъ отъ камней перехожу на болѣе высшую ступень—къ растеніямъ, пользуясь случаемъ, чтобы сказать о климатахъ, о разныхъ странахъ, гдѣ, какія живутъ растенія, какую пользу приносятъ они человѣку. Показываю имъ въ оранжереяхъ виноградъ, пальмы, хлопчатую бумагу, сахарный тростникъ, чайное и кофейное дерево. Говорю, что и изъ свеклы дѣлаютъ сахаръ и какъ человѣкъ доходитъ до всего своимъ умомъ. Такимъ образомъ развиваю ихъ понятія и все постепенно, все сравненіями, отличая совершенство одного творенія передъ другимъ. Перехожу отъ растеній къ насѣкомымъ, рыбамъ, птицамъ, животнымъ, къ человѣку, вѣнцу творенія. Тутъ говорю, что мы, русскіе, не одни живемъ на свѣтѣ, какіе въ немъ народы есть, какіе у нихъ вѣрованія, обычаи, что они всѣ намъ братья, что мы не лучше изъ людей и почему. Поднимаюсь выше и дѣтей поднимаю съ собою, отъ земли на небо, знакомлю ихъ только съ главными свѣтилами, и то какъ можно проще, какъ можно понятнѣе для нихъ. Наконецъ, привожу ихъ съ любовью благоговѣніемъ къ самому Богу, премудрому, преблагому Творцу всего, о чемъ съ ними говорили. Вы замѣтили, хоть поверхностно, изъ отвѣтовъ дѣвочекъ, какъ я учу ихъ закону Божію. Болѣе всего стараюсь утвердить въ ихъ умѣ и сердцѣ заповѣди Господни,

жизнь и ученіе Іисуса Христа, исполняю ихъ любовью къ божественному Учителю, другу дѣтей, благодѣтелю бѣдныхъ и немощныхъ, благодѣтелю всего рода человѣческаго, Спасителю нашему. Текстами я не пичкаю ихъ памяти. Въ церкви мои ученики поютъ на крылосѣ подъ надзоромъ регента, а дома, по праздникамъ, духовныя пѣсни, вмѣстѣ съ дѣвочками. Я считаю такое пѣніе однимъ изъ самыхъ надежныхъ средствъ къ ихъ нравственному воспитанію. Не забываю также объяснять имъ всю нелѣпость разныхъ народныхъ предразсудковъ и суевѣрій.

Объясненія Дуни прерваны были подошедшею къ ней молодицей, которая, показавъ ей палецъ, сильно порѣзанный серпомъ, просила снадобьеца.

— Володя,—сказала Дуня, обращаясь къ брату,— сбѣгай, пожалуйста, домой и спроси у Параши *живой воды* и бинтовъ для пальцевъ. Ты разомъ слетаешь. А мы съ вами, Орестъ Григорьичъ, зайдемъ въ избу къ этой женщинѣ.—Видите, прибавила она, какая я педантка, и латынью, и педагогіей, и медициной занимаюсь.

— Вижу только, что всѣ *демуазели*, болтающія, какъ сороки, прыгающія, какъ козочки, эти модныя парижскія картинки, безъ души, безъ мысли, не стоютъ вашего мизинца.

Вошли въ избу.

Скоро Володя принесъ все, чего требовала Дуня. Примочка и перевязка сдѣланы ею тотчасъ и даны наставленія, какъ дѣлать ихъ впередъ. Между тѣмъ Лебединскій имѣлъ возможность саркастически наблюдать бытъ крестьянъ, населяющихъ избу, въ которую они вошли.

Въ избѣ все было прибрано и подметено. Попадались, правда, два, три одинокіе, блуждающіе по стѣнѣ, странника изъ породы пруссаковъ, но Лебединскій, за близорукостью, ихъ и не замѣтилъ. Стеклянная лам-

гадка горѣла передъ иконами порядочной живописи, украшенными полевыми и искусственными цвѣтами; онѣ стояли въ кіотѣ, за стекломъ. Давно ужь Дуня подарила такой живописи образа въ каждую избу. Такъ какъ она нерѣдко входила въ крестьянскія избы, то пріучила хозяевъ къ чистотѣ и порядку, которыя внушала и дѣтямъ. Бывало, рядомъ съ образами прилѣплены были безнравственныя лубочныя картинки съ изображеніями трактирныхъ обжоръ и пьяницъ, обнаженныхъ женщинъ и чертей, соблазняющихъ на разныя грѣховныя дѣла, и *грамотки*, найденныя ребятишками на господскомъ дворѣ. Всѣ эти картинки сняты по наставленію Дуни и священника, который старался приноровиться къ понятіямъ красносельской барышни. Ихъ замѣнили гравюры подъ стекломъ съ изображеніемъ дѣяній Іисуса Христа. Члены семейства, которое нашли въ избѣ молодые люди и ихъ спутница, приняли ихъ съ искреннимъ радушіемъ, предложили имъ сотоваго, благоуханнаго меда, только что вынутаго изъ ульевъ, ватрушекъ съ творогомъ, не знали, чѣмъ угостить ихъ, какія ласковыя имена дать Дунѣ, какъ благодарить, что посѣтила ихъ. Всѣхъ ихъ знала она по именамъ, со всѣми обращалась, какъ съ друзьями своими.

Къ одной сторонѣ избы сидѣлъ на скамейкѣ солдатъ, старикъ, и качалъ дитя въ люлькѣ, отмахивая отъ него по временамъ мухъ. Онъ былъ въ шинели съ тремя, довольно потертыми, шевронами на рукавѣ. Глаза его такъ умильно смотрѣли на ребенка.

— Что ты, пришелъ на побывку? — спросилъ Володя.

— Въ чистую уволенъ, ваше благородіе, срокъ 25-лѣтній, и съ хвостикомъ выслужилъ,—отвѣчалъ служивый ставши во фронтъ и застегивая распахнувшуюся на груди шинель.

— Ты, видно, любишь дѣтей?—спросила Дуня.

— Какъ не любить, хоть не свой кровный, все-таки сердечный.

— А у тебя нѣтъ дѣтей?

— Были, да безъ меня померли. Вотъ пришелъ домой, ни жены, ни дѣтей, ни родныхъ не засталъ въ живыхъ, и на мѣстѣ, гдѣ была наша избенка, живутъ чужіе люди. Призрѣли меня здѣсь дальніе.

Въ этихъ словахъ заключалась цѣлая грустная исторія. Вникните въ нее, и вы поймете, отчего наши солдаты, квартирующіе въ деревняхъ, такъ любятъ няньчиться съ дѣтьми. Кто наблюдалъ за жизнью ихъ на постоѣ, видалъ, конечно, какъ иной солдатикъ сидитъ по часу съ ребенкомъ на завалинкѣ, прижавъ его къ своей груди и бережно завернувъ отъ холода полами своей шинели, а малютка треплетъ его своими ручонками за огромныя бакены; какъ иной фланговый гренадеръ нагибается до земли передъ крошечнымъ мальчуганомъ, чтобы поднять ему на потѣху красивый камешекъ, играющій въ лучахъ солнца.

— Хочешь къ намъ на господскій дворъ?—сказалъ Володя. — Мы тебя пристроимъ, ты будешь у насъ сытъ и одѣтъ.

— Благодаримъ вашу милость, только не пойду. И здѣсь мнѣ хорошо, будто въ родной семьѣ, все-таки вольнѣе, чѣмъ у васъ. Хоть и дальніе, не тяготятся мною, меня любятъ и я ихъ люблю. Чѣмъ могу, помогаю имъ, то соху справлю, то огородъ загорожу, покараулю дворъ, когда хозяевъ дома нѣтъ, а коли въ мочь, такъ и похлещу на овинѣ цѣпомъ.

Между тѣмъ какъ хозяйка занимала своихъ гостей угощеніемъ, одна крестьянка, постарше, принесла показать Дунѣ дѣтскую рубашку.

— Посмотри, родная,—сказала она,—по твоему-ли, какъ учила ты, сшила Лизутка? Не осуди, вѣдь первоученица.

Дуня похвалила работу и обѣщала прислать ластовокъ для рубашечки.

Двѣ молодухи стояли поодаль и осматривали Лебединскаго съ ногъ до головы.—Ужь не женихъ-ли барышнинъ?—сказала тихонько одна другой, толкнувъ ее локтемъ.—Полно врать-то,—отвѣчала другая,—пойдетъ она, этакая красавица, за такого дурню, худенькаго, словно сухая жордочка!

Какъ ни тихо говорили онѣ, однакожъ, Лебединскій слышалъ эти нелестныя для него слова. Не имѣя претензій на красивую наружность, онъ послѣ самъ, смѣясь отъ души, разсказалъ Дунѣ и Володѣ, какимъ комплиментомъ подарили его молодыя бабы.

Нынѣшняя прогулка была истиннымъ торжествомъ для воспитанницы Патокиныхъ. Въ слѣдующіе дни молодые люди побывали на крестьянскихъ крестинахъ, помолвкахъ, свадьбахъ, сельскихъ ярмаркахъ, мірскихъ сходкахъ, общинномъ дѣлежѣ земли.

Такъ проходили въ Красномъ-сельцѣ недѣли, какъ одинъ свѣтлый прекрасный день; казалось, счастливѣе обоихъ студентовъ и ихъ подруги не было никого въ мірѣ.

Вдругъ отъ кружка ихъ мало-по-малу отдѣлился одинъ изъ самыхъ надежныхъ членовъ его.

Разъ старый дядька Володи, Парфенъ, отецъ Параши, бывшій въ услуженіи при воспитанницѣ Патокиныхъ, страстный ружейный охотникъ (онъ и смотрѣлъ все прищурясь однимъ глазомъ, какъ бы цѣлилъ въ птицу), пригласилъ молодыхъ людей на охоту, говоря, что поведетъ ихъ на такія мѣста, гдѣ сама дичь летитъ на ружье. Лебединскій рѣшительно отказался. Не только стрѣлять не умѣетъ, отговаривался онъ, но

и ружья отъ роду въ рукахъ не имѣлъ; къ тому жь и близорукъ, да и не находилъ никакого удовольствія таскаться цѣлые дни по болотамъ, чтобы убить птичку. Володя, напротивъ, съ радостью отозвался на приглашеніе. Ему придется, можетъ статься, быть въ стрѣлковой цѣпи, мѣтить въ непріятеля, и потому онъ долженъ заранѣе ознакомиться съ своимъ будущимъ ремесломъ. День на охотѣ, другой, наконецъ, онъ такъ пристрастился къ ней, что пропадалъ по цѣлымъ днямъ, иногда приходилъ къ ночи, случалось и не ночевалъ дома. Съ отсутсвіемъ его разстроился дружескій кружокъ; прогулки по окрестностямъ прекратились, не слыхать было болѣе тѣхъ оживленныхъ бесѣдъ, которыя то возбуждали общее веселье, то приводили къ разсужденіямъ о важныхъ общественныхъ вопросахъ. Дуня скучала и въ успѣхахъ своихъ учениковъ не находила прежняго удовольствія. Лебединскій тоже скучалъ, сдѣлался угрюмѣе, еще рѣзче въ своихъ приговорахъ, убѣгалъ въ самыя глухія мѣста сада, гдѣ углублялся въ чтеніе получаемыхъ Патокинымъ журналовъ или въ думы о своемъ положеніи и будущности. Домъ, казалось, осиротѣлъ, всѣ предметы въ немъ приняли мрачный видъ, будто умеръ кто въ семействѣ. Старики были озабочены. Чтобъ отвечь ихъ отъ тревожныхъ мыслей, Лебединскій началъ было по вечерамъ читать имъ избранныя статьи изъ журналовъ, романы, принялся и за Гоголя. Онъ мастерски читалъ его, такъ, что всѣ лица Ревизора и Мертвыхъ Душъ представлялись слушателямъ, какъ живые, на сценѣ. Но и чтеніе не клеилось. Смѣхъ, возбуждамый этимъ чтеніемъ, казался принужденнымъ. Всѣ къ ночи съ нетерпѣніемъ ждали, когда придетъ имъ время разойтись, и каждый, отходя будто ко сну, спѣшилъ въ свое отдѣленіе, чтобы сбросить съ себя бремя, тяготившее его цѣлый день и скорѣе восполь-

зоваться свободой своего одиночества. И самая осень, казалось, наступала преждевременно, и вѣтеръ шумѣлъ грустнѣе, качая садовыя деревья, и совы заунывнѣе кричали.

Когда Володя не выходилъ изъ дому, онъ былъ смущенъ, тревоженъ, разсѣянъ, на разспросы объ его успѣхахъ въ преслѣдованіи дичи, отвѣчалъ неохотно, иногда съ неудовольствіемъ; съ матерью не оставался наединѣ, избѣгая ея допросовъ, съ Лебединскимъ былъ скрытенъ. Казалось, онъ боялся прямо смотрѣть Дунѣ въ глаза, спрашивавшіе его такъ дружески, съ такимъ живымъ участіемъ, что дѣлается у него въ душѣ. На блѣдномъ и пасмурномъ лицѣ его, сколько онъ ни старался скрыть свои задушевныя тайны, проницательные взгляды сестры и матери читали слѣды нечистой совѣсти, печать, если не преступленія, то важнаго проступка. Иногда старался онъ казаться веселымъ, но видно было, что это веселье къ нему не пристало, и роль его была худо разыграна. — Ужь не убилъ-ли онъ кого на охотѣ?—И эта мысль иногда приходила на умъ его домашнихъ. Марѳа Михайловна призвала къ себѣ дядьку своего сына. Что говорили они наединѣ, никто не зналъ, только съ этого времени она казалась спокойнѣе и веселѣе. При первой отлучкѣ Володи на охоту, данъ ему былъ еще другой спутникъ, кромѣ Парфена, отважный охотникъ, хаживавшій на медвѣдя, богатырски сложенный — косая сажень въ плечахъ — знавшій всѣ мѣста окрестности, какъ свой огородъ.— А то говорила Марѳа Михайловна мужу своему, что случилось Володѣ заблудиться, проколесить всю ночь и ночевать въ избушкѣ лѣсника. Вскорѣ послѣ того Володя пересталъ совсѣмъ ходить на охоту, сдѣлался еще скрытнѣе, еще пасмурнѣе; наконецъ, объявилъ матери и отцу, что зажился въ деревнѣ и ему пора отправиться въ Москву за своимъ аттестатомъ и другими

документами, необходимыми для вступленія въ военную службу. Разумѣется, это обстоятельство навело еще болѣе грусти на всѣхъ домашнихъ. Стали собирать его въ дорогу съ тѣмъ, чтобы свидѣться въ Москвѣ и потомъ разстаться на неизвѣстное время, можетъ быть, надолго, очень надолго. Ходили уже слухи о войнѣ; знали, что иные полки шли въ Царство Польское, другіе—къ границамъ Турціи. Володя только и помышлялъ служить въ дѣйствующей арміи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Часы на домѣ пробили двѣнадцать. Всѣ члены семейства Патокиныхъ и Лебединскій давно разошлись по своимъ отдѣленіямъ. Онъ уже лежалъ въ постели, принялся было за чтеніе, но не могъ читать, тревожимый тяжелыми шагами своего сосѣда, Володи, ходившаго взадъ и впередъ по комнатѣ. Спросить его, что случилось съ нимъ, онъ не смѣлъ, боясь досадить ему своею навязчивостью. Лебединскій зналъ, что есть минуты въ жизни человѣка, когда онъ хочетъ уйти отъ всѣхъ людей, въ глубь души своей и только съ нею одной бесѣдовать.

Отдѣленіе ихъ выходило уступомъ въ садъ, въ который вела дверь. Въ такомъ же отдѣленіи, только съ другой стороны дома, помѣщалась Дуня. Наружность обоихъ отдѣленій изъ саду была одинакова. Дуня тоже лежала ужь въ постели. Мысленно перебрала она всѣ звѣнья своей жизни, и рожденіе свое, и пребываніе въ сиротскомъ домѣ, все, что сдѣлали для нея благодѣянія Патокиныхъ, дружбу съ Володей, скрѣленную годами, вспомнила и объ кольцахъ, завѣщанныхъ ей и названному брату, мысленно посѣтила опять всѣ мѣста, гдѣ провела съ нимъ послѣднее время съ такимъ тихимъ, невозмутимымъ наслажденіемъ, стара-

лась разгадать странную перемѣну въ его характерѣ, подумала и о предстоящей разлукѣ, и сдѣлалось ей грустно, очень грустно.

Ночь была темная и такая тихая, что пламя свѣчи, горѣвшей подлѣ нея на столѣ, не шевелилось, несмотря, что окно въ садъ было отворено. Въ сосѣдней комнатѣ спала ужь горничная ея, Параша. Вдругъ послышались ей изъ саду звуки желѣзной цѣпи.—Не сорвалась-ли съ цѣпи собака?—подумала она. Но такъ какъ дверь въ садъ была заперта, а въ окно животное не могло вспрыгнуть, то на этотъ счетъ не было опасенья. Черезъ нѣсколько минутъ странные звуки стали приближаться. Кто-то попыталъ отворить дверь изъ сада, но, вѣроятно, видя, что она не подается, сошелъ съ лѣсенки, ведущей въ садъ, такъ, что звуки цѣпи ясно означали ступени, по которымъ спускался человѣкъ. Дуня была не робка, но тутъ немного встревожилась. Она слѣзла съ постели, надѣла свои туфельки и заглянула за окно. Кто-то съ трудомъ цѣпляясь, вскарабкался на фундаментъ, чертя по немъ цѣпью, и силился съ своей стороны заглянуть въ комнату. Огонь отъ свѣчи освѣтилъ молодое, хорошенькое личико крестьянки. Лицо это показалось Дунѣ знакомымъ. Она ближе присмотрѣлась къ нему и вспомнила, что эта самая крестьянка, нѣсколько дней назадъ, приходила къ ней за снадобьемъ для своего маленькаго родного брата.

— Наталья, что тебѣ надо?—спросила Дуня.

— Барышня,—отвѣчала, задыхаясь, крестьянка,—я хотѣла не сюда... Впусти хоть ты меня къ себѣ. За мною гонятся мужъ и свекоръ, хотятъ убить меня. Я удавлюсь, али утоплюсь, коль ты меня не прикроешь.

Дуня долго не думала, разбудила Парашу, велѣла ей отворить дверь въ садъ и провесть къ ней крестьянку.

Параша привела ее.

Боже мой! въ какомъ жалкомъ видѣ она имъ представилась. Госпожа и служанка ахнули отъ ужаса и всплеснули руками. Плечи несчастной были исписаны кровавыми полосами, кровь проступала даже сквозь полотно рубашки; растрепанныя косы падали въ безпорядкѣ, на шеѣ былъ собачій кожаный ошейникъ съ кольцомъ, отъ котораго прикрѣплялась цѣпь къ ногѣ. Наталья со слезами стала опять умолять укрыть ее отъ преслѣдованій мужа и свекра.

Первымъ дѣломъ Дуни было велѣть Парашѣ затворить окно и спустить шторы. Послѣ того онѣ стали ухитряться, какъ бы освободить несчастную отъ цѣпи. Это было легко сдѣлать и женскими руками; цѣпь держалась только съ обоихъ концовъ къ кольцу ошейника и къ ногѣ двумя винтами, которые можно было отвинтить безъ большихъ усилій, съ помощью ножа. А молодая женщина отъ страху увѣрена была, что надобна была сила не одного мужика, чтобы ее расковать. Не такъ ли муравей, какъ говорила Дуня своему названному брату, не смѣетъ выдти изъ очарованнаго круга, только что очерченнаго около него мѣломъ?

Дуня, видя что бѣглянка дрожала и съ трудомъ переводила дыханіе, поспѣшила дать ей укрѣпляющихъ капель, старалась утѣшить ее, обѣщалась сдѣлать для нея все, что можетъ. Когда жъ сама успокоилась отъ этой странной и грустной встрѣчи, то невольно засмотрѣлась на красоту молодой крестьянки, на ея тонкія, правильныя черты, каріе глаза, обведенные черными дугами бровей, все-таки огневые, несмотря, что мутили ихъ боль отъ ранъ и душевныя страданія, засмотрѣлась на свѣжую бѣлизну и роскошныя формы ея плечъ и груди, густые русые волосы, упадавшіе до колѣнъ, на маленькую ножку, которую такъ рѣдко встрѣтишь у нашихъ крестьянокъ. Воспитанница Патокиныхъ видала ее и прежде, когда она,

какъ мы сказали, приходила къ ней за лѣкарствомъ, видала ее раза два на сельскихъ праздникахъ, даваемыхъ Сергѣемъ Семеновичемъ своимъ крестьянамъ, между которыми были у ней родственники, и тогда еще поражена была ея красотою, рѣзко выдававшеюся между лицами другихъ крестьянокъ. Тогда жь узнала, откуда она и какъ ее зовутъ и подарила ей шелковый платокъ. Дуня спросила ее, почему родные такъ же стоко съ нею поступили, и Наталья разсказала ей, то съ смущеніемъ, то со слезами, свою исторію. Мы передаемъ этотъ разсказъ отчасти своими словами.

Наталья была изъ господской деревни въ полуторѣ версты отъ Краснаго-сельца. Господа не жили въ деревнѣ. Семнадцати лѣтъ выдали ее замужъ за односельнаго крестьянина.—Больно не хотѣлось за него,— говорила она.

— Развѣ старъ и не пригожъ?—спросила Дуня.

— Молодой, и не то, что дуренъ, — отвѣчала Наталья,—да мнѣ не любъ, не по душѣ пришелся. Вся деревня ихъ промышляетъ тѣмъ, что извозничаетъ. И мужъ круглый годъ въ извозѣ. Лошадокъ съ десятокъ держитъ. Пріѣдетъ въ побывку домой развѣ денька на два, на три, много на недѣлю, конямъ дать вздохнуть, смѣнить однихъ, колеса оковать, а тамъ опять въ дорогу. Только что отпировали свадьбу, отправился онъ съ товарищами въ обозѣ въ Астрахань, по арбузы. Долго были въ дорогѣ; пріѣхалъ домой — не узнала его, такъ онъ измѣнился въ лицѣ; хворалъ, извелся, оплѣшивѣлъ, хуже стараго сдѣлался. Онъ къ ней съ ласками, а она отворотится, да и трубымъ словомъ отвѣтитъ. Больше и слова ему не было, какъ плѣшивый чортъ. Свекоръ и свекровь больно ее журили за то, а ей нипочемъ. Принялся мужъ и колотить, да видитъ, не въ прокъ, махнулъ рукой и покалилъ опять въ дорогу. Съ того времени и думать о

мужѣ заоыла: наряды, пѣсни, хороводы только и въ мысляхъ. Стали за нею молодые ребята ухаживать, ей-то и любо, да свекоръ и свекровь строго за нею присматривали.

Съ этого мѣста разсказа, Дуня, не знавшая другой любви, кромѣ любви сердечной, чистая душой и помыслами, была вынуждена слушать въ первый разъ исповѣдь любви преступной, беззаконной.

— Недѣли три тому назадъ,—продолжала Наталья, потупивъ глаза,—ходила она съ подругой по грибы въ свой лѣсъ. Слышали онѣ, собирая грибы, какъ въ сосѣднемъ болотѣ охотники палили изъ ружей. — Не застрѣлили бы насъ, касатка, сказала Наталья своей подругѣ, а она ей: лишь бы молодой да пригожій подстрѣлилъ — и захохотала. Баба бойкая, разудалая, на всѣ руки. Посмѣявшись, пошли далѣе то рядомъ, то отбиваясь одна отъ другой, куда заманивали ихъ мѣста, гдѣ сидѣло болѣе грибовъ. Вдругъ слышатъ, захлестали сучья, залаяла собака, кто-то крикнулъ на нее, и она замолчала. Какъ изъ земли выросъ молодой охотникъ съ ружьемъ за плечами, такой пригожій, статный, черная бровь дугой, кровь съ молокомъ — словно братецъ родной Натальи. Она оторопѣла, хотѣла бѣжать, но подруга удержала ее за рукавъ: не медвѣдь, не съѣстъ. Охотникъ подошелъ къ нимъ, вѣжливо имъ таково поклонился, спрашивалъ ихъ, не видали ли другого охотника, старика; когда жь сказали, что не видали, сталъ распрашивать, отколь онѣ, много ли набрали грибовъ, все глядѣлъ на Наталью, словно ястребъ хотѣлъ налетѣть на мелкую пташку, такъ, что она не знала, куда дѣваться отъ его взглядовъ; потомъ пошелъ съ нею рядомъ, хвалилъ ея красоту, говорилъ, что краше никого въ мірѣ не видалъ. А подруга ему: сама-то пригожа, а мужъ у ней плѣшивый, дурень такой. Посмотрѣла Наталья на охотника, да подумала:

кабы такой соколикъ у меня мужъ, не стала бы отъ него отбиваться. Мало ли какихъ рѣчей не говорилъ онъ ей—больно сладко... Слушала Наталья тѣ рѣчи и шла съ нимъ, заслушиваясь ихъ, словно приколдовалъ ее къ себѣ, и не видала, какъ подруга пропала. Оглянулась, нигдѣ не видать, будто провалилась сквозь землю. Тогда молодой охотникъ бралъ ея руки своими бѣлыми руками, цѣловалъ ее, какъ никогда мужъ не цѣловалъ.... Пришла подруга, охотникъ подарилъ ей красненькую бумажку. Разстались, обѣщались свидѣться.

— Кто-жь это молодой охотникъ? Ты знаешь? — спросила Дуня съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ такъ, что грудь ея заволновалась. Она ожидала отвѣта и боялась, что этотъ отвѣтъ будетъ — имя одного человѣка... имя, до сихъ поръ для нея чистое, благородное, безукоризненное.

— Здѣшній молодой баринъ, Владиміръ Сергѣичъ—братецъ что-ли онъ тебѣ?

При этомъ имени кровь хлынула къ сердцу Дуни; въ глазахъ помутилось. Потомъ она погрузилась въ какую-то думу, склонивъ голову на грудь, блѣдная, неподвижная, будто окаменѣвшая, не слыша ничего, что говорила еще молодая крестьянка, не видя ничего кругомъ себя, забывъ, что Наталья и Параша на нее смотрятъ и замѣчаютъ ея смущеніе.

— Что-жь послѣ?—спросила она машинально, придя въ себя.

— Я тебѣ говорила.

— А мужъ? А цѣпь?

— Съ недѣлю пріѣхалъ мужъ съ дороги и вчера провѣдалъ все отъ змѣи подколодной, той подруги, что была со мною въ рощѣ и послѣ со мною хаживала. Имѣла сердце на меня, будто я обдѣлила ее подарками. Попѣ мужъ и свекоръ затащили меня въ хлѣвъ хле-

стали не на животъ, а на смерть, ременными возжами... Сама видишь, каково, напялили на меня собачій ошейникъ... Заковали меня въ собачью цѣпь... Натѣшившись вдоволь, ушли сами въ избу спать. «Околѣвай тутъ, какъ собака»,—сказалъ мужъ,—«съ цѣпью, небось, не пойдешь къ своему барину.»—Полежала я сколько-то на навозѣ... подняла голову — словно свинцомъ налита... отдохнула маненько... Прислушиваюсь, ни гу-гу... Только пѣтухи голосятъ на всю деревню. И я съ ними, кажись, встрепенулась. Думаю, какъ бы на гумно, да удавиться на цѣпи. Приползла къ заднимъ воротамъ—не заперты... Въ сердцахъ забыли запереть. Отворила крохотку... скрыпнули, индо по сердцу подрало. Опять прислушиваюсь... будто всѣ замерли... Шмыгнула на огородъ. Холодный вѣтерокъ пахнулъ на меня; глотнула раза два, словно полегчало. Темь такая: зги Божьей не видать. Жаль мнѣ стало съ жизнью разставаться. Убѣгу, думаю я, къ молодому барину: авось укроетъ меня... убѣгу на зло тебѣ, моему сопротивнику, и съ цѣпью... И побѣжала, а цѣпь такъ гремитъ, словно голосъ подаетъ... Не греми ты, вражья сила, говорю, дай мнѣ выбраться на чистое поле, и стиснула ее рукой словно хотѣла задушить живого человѣка, чтобы не подавалъ на меня голоса. Остановилась духъ перевести. Прислушиваюсь... никого! Опять побѣжала, споткнулась, хватилась за земь, чтобы встать... Ужь почитай съ версту отъ дома отбѣжала. Слышу, у насъ на дворѣ голосятъ и кричатъ: «лови ее!» Опять бѣгу... Слышу конскій топотъ, таково горячо погнали, и у меня на душѣ, словно кони по мнѣ топчутъ копытами. Бѣгу что есть моченьки... въ груди загорѣлось... ни жива ни мертва, стала передъ вашимъ садовымъ заборомъ... Откуда взялись силы, перемахнула черезъ него, черезъ канаву... Слышу, подъѣхали мои враги къ забору... Мужъ кричитъ:

«ушла, окаянная, къ своему...» «Брось,—молвилъ свекоръ,—а то еще дворня высыпетъ; скажутъ, разбойничать пріѣхали, свяжутъ да въ судъ отправятъ; развязывай тогда мошну!... Побѣгаетъ, поскудница, побѣгаетъ, да и придетъ назадъ; не будетъ ее баринъ держать». Отъѣхали отъ забора... сталъ все чаще отдаваться стукъ отъ конскихъ копытъ — и вскорѣ совсѣмъ замеръ. Отдохнула маненько въ саду; сама не знаю, куда идти. Слышала только отъ Владиміра Сергѣича, что живетъ въ большомъ дому—окошко въ садъ: сама къ нему не хаживала... попала къ тебѣ.

— Параша, — сказала съ необыкновенной энергіей Дуня, обратясь къ своей служанкѣ,—что намъ съ нею дѣлать?... Она шла къ Владиміру Сергѣичу: сдай ее своему отцу, да и цѣпь отнеси... на память!... А ты ступай за нею!

Что сдѣлалось съ Дуней, съ этимъ добрымъ, кроткимъ существомъ? Глаза ея горѣли необыкновеннымъ гнѣвомъ; въ голосѣ ея, доселѣ мягкимъ, симпатичномъ, послышались грубыя, рѣзкія ноты; въ движеніи руки, когда она приказала Натальѣ выдти, было что-то грозное.

Параша взяла молодую крестьянку за рукавъ и повела съ собою; та смиренно слѣдовала за ней.

Вскорѣ Дуня одумалась.—Параша!—закричала она, —воротись. Но было уже поздно...

— Боже! какъ я жестоко съ нею поступила!—говорила она сама съ собою. — Измученная, истерзанная женщина!... Я должна бы была сказать ей хоть нѣсколько словъ утѣшенія, чтобъ облегчить ея несчастіе, а я сердито прогнала ее; еще подбавила ей горя и страданій да велѣла ей отнести цѣпь... на память!... Какое я имѣю право кидать въ грѣшниковъ камень? Кто и что дали мнѣ это право?

Тутъ бросилась Дуня на постель и, чтобы заглу-

шить свои рыданія, прижалась лицомъ къ подушкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ подушка была мокра отъ слезъ.

— Такъ вотъ онъ, мой герой, — продолжала она говорить сама съ собою, — вотъ онъ благороднѣйшій человѣкъ, образецъ молодымъ людямъ, рыцарь чести и добра!.. Соблазняетъ замужнюю женщину, разлучаетъ мужа съ женой, вноситъ въ семейство раздоръ и погибель!... Хоть бы увлекся страстью! Простительнѣй бы!... Еще восхищается ученіемъ заповѣдей Божіихъ и добрыхъ нравовъ крестьянскимъ дѣтямъ! Лучше бы заучилъ въ сердцѣ своемъ святыя слова: «не пожелай жены ближняго твоего».

— Да что жь мнѣ-то онъ въ самомъ дѣлѣ? Что жь я-то принимаю такъ къ сердцу эту гадкую исторію? Какія права имѣю на него? Я что жь ему такое? Не родная ему сестра, не мать, не Наталья его! Ровно ничего. Говорилъ-ли онъ хоть тебѣ когда о любви своей?... Нѣтъ, никогда. А! понимаемъ... Ты сама его любишь, не какъ сестра, ты его любишь всею душею, всѣми помышленіями своими!

И Дуня горько плакала, вынужденная признаться сама себѣ, что любитъ Володю не какъ брата, а какъ человѣка, который въ сердцѣ ея замѣняетъ ей и брата, и мать, и отца, который для нея дороже всего въ мірѣ, какъ никого въ мірѣ любить не будетъ и никто его такъ не полюбитъ. Она любитъ его преступною любовью... да, преступною, послѣ клятвы, данной Марѳѣ Михайловнѣ. И когда-жь узнала она это? Когда узнала, что онъ любитъ другую... Все, что было между ними прежде, было самообольщеніе, безразсудная самоувѣренность, обманъ. Она обманывала свою вторую мать, когда призывала Бога въ свидѣтели чистоты своихъ чувствъ, обманывала себя. Проступокъ Володи открылъ передъ ней ея душу.

Такъ родникъ, глубоко скрывавшійся цѣлые годы въ землѣ, отъ одного удара грома выступаетъ наружу и разливается неукротимымъ ручьемъ.

И вотъ, теперь снова начнетъ она лицемѣрить передъ своими благодѣтелями, передъ всѣми людьми, передъ самимъ Володей. Нѣтъ, никто не узнаетъ, что она любитъ его. — «Никогда луковская мѣщанка не будетъ женою моего сына»,—гремѣло въ ушахъ ея, отдавалось въ сердцѣ.—И *не будетъ*,—сказала она съ твердостью, — никогда не узнаетъ онъ моихъ настоящихъ чувствъ.

Дуня пала передъ образомъ Спасителя и молила его, чтобы онъ избавилъ ее отъ преступленія клятвы, отъ чувства, которому она такъ сильно, такъ безразсудно предалась. Руки ея были сложены на груди крестомъ, волосы, выбившіеся изъ-подъ ночного чепца, падали на землю, слезы текли по щекамъ. Въ этомъ положеніи она похожа была на кающуюся Магдалину.

Послышались въ передней чьи-то шаги; Дуня спѣшила встать. Вошла Параша и за нею молодая крестьянка.

— Что жъ?—спросила Дуня тревожнымъ голосомъ.

— Молодой баринъ спитъ, — отвѣчала Параша, —а отецъ приказалъ мнѣ отвесть ее поскорѣе въ садъ, въ дальнюю бесѣдку, чтобы никто не видалъ.

— Обдѣлаю все такъ,—сказалъ онъ,—что никто не будетъ знать, даже Владиміръ Сергѣичъ и всѣ будутъ довольны. Ему послѣ скажу.

— Такъ отведи поосторожнѣй.

Параша взяла было бѣглянку за руку, но Дуня остановила ихъ, обняла Наталью, со слезами на глазахъ просила у ней прощенія, что ее обидѣла, уговаривала ее помириться съ мужемъ.

— Ты очень согрѣшила передъ нимъ и передъ Богомъ. Но Господь милостивъ, онъ сдѣлаетъ такъ,

что и мужъ твой и свекоръ тебя простятъ и будутъ для тебя добры. Только впередъ не дѣлай худого. Послушай меня. Коли будешь въ горѣ, въ нуждѣ, приходи ко мнѣ, я тебя утѣшу, я тебѣ помогу.

Наталья покачала головой и горько заплакала.

— Мѣшкать нечего,—сказала Параша,—не то заря займется, увидятъ люди.

Дуня благословила Наталью и сказала:—съ Богомъ, Смотри, не забудь моихъ словъ, я тебѣ добра желаю! какъ родной сестрѣ.

Когда Параша возвратилась и разсказала, что осторожно укрыла бѣглянку, гдѣ приказано было отцомъ, и что ихъ никто не видалъ, Дуня перекрестилась и отпустила свою служанку спать, сама же, утомленная и истерзанная всѣмъ, что перечувствовала въ эту ночь, заснула только къ утру, но заснула крѣпкимъ сномъ; во снѣ или на яву, сама не понимала, слышала звуки колокольчика и проснулась поздно. Взглянула на часы: было ужь десять. Въ домѣ обыкновенно всѣ собирались пить чай къ восьми. Она проспала этотъ часъ, и это ее встревожило. Позвала Парашу и выговаривала ей, зачѣмъ не разбудила во время.

— Барыня запретила,—отвѣчала служанка,—приказала, какъ встанете, подать вамъ чай въ вашу комнату.

— Пріѣхалъ кто-нибудь? я, какъ будто сквозь сонъ, слышала колокольчикъ.

— Уѣзжалъ Владиміръ Сергѣичъ съ Лебединскимъ въ Москву.

— Уѣхалъ?...

— Часа два ужь будетъ.

Сначало это извѣстіе испугало Дуню, потомъ она обрадовалась ему.

— И славу Богу, что уѣхалъ, не видавшись со мною,—подумала она.—Какими глазами смотрѣла бы

я на него послѣ вчерашняго происшествія! Я не сумѣла бы притвориться. Какъ бы онъ встрѣтился со мной!

Что сдѣлалось съ Натальей? что сдѣлали *они?*— Эти сердечные вопросы сильно волновали ее, но она стыдилась вывѣдать ихъ разрѣшенія отъ Параши, а Параша молчала.

Дуня поспѣшила умыться водою со льдомъ, стараясь изгладить слѣды слезъ, отъ которыхъ были еще красны глаза ея, и торопливо одѣлась.

Патокины приняли ее съ обыкновенною лаской. Марѳа Михайловна объявила, что сынъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, поспѣшилъ въ Москву (она зорко взглянула на Дуню, Дуня покраснѣла), посылаетъ тебѣ свой братскій, сердечный поклонъ, надѣется скоро увидѣться въ Москвѣ. И Лебединскій, — прибавила она, — тебѣ низко кланяется — такъ онъ сказалъ. На дняхъ мы отправляемся туда и беремъ тебя съ собою. Грустны будутъ для насъ дни разлуки, другъ мой! Когда-то увидимся опять!

И на глазахъ Марѳы Михайловны навернулись слезы; Сергѣй Семеновичъ молчалъ, но видно было, что и онъ глубоко огорченъ. Марѳа Михайловна стала приготовляться къ отъѣзду; онъ пошелъ по своему хозяйству.

Дуня осталась въ неизвѣстности о послѣдствіяхъ ночного приключенія; но мы не имѣемъ нужды таить ихъ отъ читателя.

Параша, со всею осторожностью, свойственною ловкой субреткѣ, передала бѣглянку отцу своему, дядькѣ Володи, такъ, что никто изъ прочихъ слугъ не видалъ ихъ. Старый дворовый дипломатъ тотчасъ смекнулъ, что ему дѣлать. Разбудить молодого барина и разсказать ему о случившемся, было бы испортить дѣло. Пылкій молодой человѣкъ могъ бы рѣшиться на

какую-нибудь крайность. Имѣя отъ своей госпожи уполномочіе, въ важныхъ случаяхъ, касающихся до ея сына, обращаться къ ней во всякое время дня и ночи, Парѳенъ счелъ за лучшее слѣдовать этому пути; но прежде совѣщанія съ своею госпожей, келейно переговорилъ съ Натальей. Онъ объяснилъ ей, что Владиміръ Сергѣичъ, живя вмѣстѣ съ строгими родителями, нигдѣ не можетъ укрыть ее отъ мужа и ей остается одно средство спасенія, возвратиться домой и покориться семейнымъ своимъ, а что ее примутъ тамъ радушно, такъ онъ, Парфенъ, готовъ побожиться, какою ей угодно, божбою. Въ провожатые же дастъ ей крестнаго отца, живущаго въ Красномъ-сельцѣ. Трудно было уговорить молодую женщину на этотъ тяжелый подвигъ; однакожъ, она рѣшилась, разсудивъ, что надежды ея на молодого барина рушились, и, какъ говорилъ лукавый посредникъ, въ случаѣ, если она заупрямится, придется отправить ее въ городъ, въ судъ.—Хорошо еще, если оттуда переправятъ къ мужу и свекру, а то, пожалуй, и въ тюрьму засадятъ, какъ бѣглянку.—Для доставленія же Натальи въ ея семейство избранъ крестьянинъ Трофимъ Савичъ, какъ называли его и господа, мужикъ прямодушный и умный, великій начотчикъ божественнаго писанія и, какъ говорили, державшійся старообрядства. Парфенъ сказалъ ему, что дѣлать и какъ дѣйствовать, инструкція была въ головѣ уполномоченнаго. Благообразное лицо, патріархальный видъ, проницательный взглядъ, складная, твердая рѣчь, невольно внушали къ нему уваженіе. Часто крестьяне прибѣгали къ суду его, и на чемъ постановилъ Трофимъ Савичъ, такъ тому и быть. Порѣшивши такимъ образомъ съ бѣглянкой, старый дипломатъ, Парфенъ, просилъ секретной аудіенціи у Марѳы Михайловны. Супруга его была ключницей и довѣренною особой при верховной владычицѣ дома, и

потому онъ былъ тотчасъ допущенъ къ госпожѣ своей, несмотря на поздній часъ ночи. Марѳа Михайловна благодарила за все про все вѣрнаго и умнаго слугу и немедленно ратификовала прелиминарныя статьи договора между враждующими сторонами; въ подкрѣпленіе же его, для сильнѣйшаго убѣжденія семейныхъ Натальи къ мировой, вручены Парфену десять красненькихъ кредитокъ. Надо было матери, во чтобы ни стало, спасти сына отъ огласки этой нехорошей исторіи.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Трофимъ Савичъ, которому было поручено вести переговоры, снарядилъ телѣгу, взялъ съ собою, для своихъ видовъ, сына своего, мальчика лѣтъ тринадцати, и принялъ за садомъ бѣглянку изъ рукъ Парфена; цѣпь, на всякій случай, оставлена у дядьки. Скинувъ шапку и осѣнивъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ на всѣ четыре стороны, уполномоченный, съ живымъ грузомъ и волшебнымъ кредитивомъ, тронулся въ путь. Заря обозначалась розовой струйкой; отсвѣченныя ею облачка тянулись надъ нею грядой; всѣ предметы едва выступали сквозь полумракъ. Ночная тишина нарушалась уже робкимъ, монотоннымъ чиликаньемъ пробудившихся осеннихъ птичекъ; одна колесница уполномоченнаго, несущая на себѣ судьбу героя нашего романа и сельской красавицы, обворожившей его своими чарами, смѣло гремѣла по дорогѣ, затвердѣвшей отъ осенняго утренника, какъ будто по чугункѣ. Наталья, уничтоженная въ своихъ надеждахъ, страдая еще отъ побоевъ и безсонной ночи, мучась неизвѣстностью того, что ее ожидало дома, сидѣла въ телѣгѣ, какъ приговоренная къ казни. Головной платокъ былъ низко надвинутъ на лицо и скрывалъ отъ ея спутниковъ слезы, катившіяся по щекамъ. По временамъ ободрялъ ее крестный отецъ ласковыми словами, увѣреніями, что все кон-

чится благополучно, лишь бы сама смирилась и обѣщалась жить съ мужемъ въ согласіи. — Все къ лучшему, — говорилъ бородатый Панглосъ, — побаловала маленько, съ кѣмъ грѣха не бываетъ! поучили маленько, извѣдала сладкое и горькое; примись-ка теперь за умъ да разумъ. Каковъ ни есть,—мужъ. И во святомъ писаніи сказано: «жена да повинуется мужу», ибо первая жена взята отъ ребра Адамова. Повѣрь мнѣ, добра тебѣ желаю; вѣдь я тебѣ отецъ крестный. Когда-нибудь и мнѣ за мой совѣтъ спасибо скажешь.

— Оно бы такъ, крестный; побои бы еще ничего, да почто онъ, окаянный, изрубилъ въ мелкіе кусочки мои наряды, — промолвила Наталья, и горьше заплакала.

— Эхъ! есть о чемъ тужить! Наряды наживное дѣло. Посмотри-ка сюда, Наташа.

Тутъ уполномоченный вынулъ изъ-за пазухи свернутый бережно клѣтчатый платокъ.

— Въ этомъ платкѣ грамотка, а въ этой грамоткѣ десять красненькихъ бумажекъ, а въ каждой бумажкѣ десять цѣлковыхъ, всего сто цѣлковыхъ. Сто рублевъ, легко сказать! Коли семитками разложить, такъ отъ васъ до Краснаго-сельца хватитъ. Приказано нашей старой барыней половину отдать тебѣ на наряды, а другую твоему свекру, чтобъ еще тебѣ нарядовъ купилъ, коли ты будешь покорна, да съ мужемъ въ ладу жить. Сто рублевъ! Да можно цѣлые короба накупить! Какъ разрядишься въ штофную съ выводами растрепку, въ шелковый платокъ съ золотыми звѣздочками, да козловые башмаки со скрипомъ, да въ кастровые чулки съ красными стрѣлками, такъ бурмистрову дочку за поясъ заткнешь, инда зло ее возьметъ. Ее во что ни одѣнь, все сова совою. А тебя нарядиѣе и краше на праздникахъ не будетъ.

Слушала Наталья эти обольстительныя рѣчи, и отлегло у ней немного отъ сердца. Въ умѣ ужь и наряды, и завистливый взглядъ бурмистровой дочери, и веселые хороводы, и молодые ребята, увивающіеся около нея.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они въѣхали въ лѣсокъ, примыкавшій къ выгонамъ деревни, въ которой жила Наталья. Сквозь деревья, порядочно обнаженныя осенью, видны были коньки крестьянскихъ избъ. Курево дыма, доносившееся до нашихъ путниковъ, и лѣнивый скрипъ воротъ давали имъ знать, что въ деревнѣ начались утреннія заботы. Крестный отецъ пріостановилъ лошадь, слѣзъ съ телѣги и завязалъ конецъ недоуздка къ оглоблѣ такъ, чтобы животина стояла смирно.

— Теперь пойду одинъ,—сказалъ онъ,—а ты, сынокъ, дожидайся меня здѣсь. Коли не сладишь съ конемъ, такъ Наталья пособитъ.

И пошелъ онъ быстро шагать къ деревнѣ, сопровождая разными движеніями руки свои разсужденія, какъ лучше приступить къ предстоявшему ему подвигу.

Изба, гдѣ жило семейство Натальи, была крайняя съ улицы. Постройка изъ массивнаго сосноваго лѣса и затѣйливыя, узорчатыя украшенія, выдѣланныя изъ дерева топоромъ мужичка такъ же искусно, какъ мастерица выплетаетъ изъ нитокъ кружева, свидѣтельствовали, что тутъ живетъ зажиточный крестьянинъ. Огонь затопленной печи освѣщалъ во внутренности дома всѣ предметы и лица, которыя мы застаемъ въ немъ.

Противъ очолка возилась съ стряпней сморщенная, низенькая, сердитая на видъ старушка. То ворчала она про себя, то бранилась съ горшками и ухватомъ. Съ полатей свѣсилъ сѣдую голову крестьянинъ лѣтъ шестидесяти, упираясь подбородкомъ въ свои кулаки. Другой, молодой крестьянинъ, худощавый, съ рѣзкими

чертами лица, лежалъ на прилавкѣ, въ углу избы, положивъ овчинный тулупъ себѣ подъ голову, опушенную волосами, какъ у птицъ, когда онѣ начинаютъ только оперяться. Блѣдное лицо его и во снѣ было подернуто грустью; иногда онъ глубоко вздыхалъ, нерѣдко, проснувшись, вставалъ съ прилавка и припадалъ къ ковшу, плававшему въ жбанѣ, чтобы утолить огонь, горѣвшій въ его груди; губы его запеклись.

Это были свекровь, свекоръ и мужъ Натальи.

— Поилъ ты коней, Ванюха? — спросилъ старикъ молодого, когда тотъ подошелъ къ жбану.

— Поилъ, да, воля твоя, не пойду въ другой разъ на улицу; дѣвки у колодца, какъ увидали меня, убѣжали, словно отъ прокаженнаго, бабы подняли брань, пропадай онѣ! Ужь и ребятишки лаются, прохода не даютъ.

Старушка оперлась на ухватъ своими изсохшими руками, исписанными сѣткой крупныхъ жилъ, и заохала.

— Что тебя тамъ пронимаетъ? — сказалъ съ сердцемъ старикъ.

— Треклята жизнь пришла на старости, — начала она говорить съ минутными перерывами, какъ пущенная въ ходъ машина, которую, то и дѣло, останавливаютъ какія-нибудь препятствія. — И рученки ужь не служатъ. Легко сказать, седьмой десятокъ пошелъ! Пора сама въ стряпухи! — Добрые люди молотить начали, а мы, чай, только прислухаемъ, какъ чужіе цѣпы-то стучатъ. — Зовите-ка помощь, да стряпайте сами, а мнѣ ужь не въ моченьку.—Сынка — жердилу выростила, сноху молодую нажила, да со свѣту свои злодѣи согнали.—Баяла я вамъ вчера: не издѣвайтесь такъ надъ молодухой — не послухали. Наказываютъ люди, да все-таки въ мѣру, не увѣчатъ. Мало, что исписали ременными возжами, еще на весь православ-

ный міръ опозорили. Собачій ошейникъ напялили, да въ цѣпь сковали. — Сусѣдъ, испужавшись, на крикъ прибѣжалъ.—Не сотворите, баетъ, грѣха, душу не погубите. Пожалуй и меня въ свидѣтели потащутъ. Вся деревня голоситъ: такого сраму, какъ стоитъ она, не бывало, да, чай, и у нехристей не слыхано.—Ой, ой! чего добраго, утопилась, али удавилась. Потѣшайтесь, какъ наѣдетъ судъ, да живодеры учнутъ потрошить въ нашей избѣ. — На сынка красную шапку надѣнутъ, а тебя съ колодниками поведутъ. Мнѣ, горемычной, придется, на старости лѣтъ, подъ окошечками ходить, да ломотикъ хлѣбца выпрашивать Христа ради.

Старику не въ мочь стала воркотня и упреки старухи,—Типунъ бы тебѣ на языкъ,—закричалъ онъ:— и безъ тебя тошно. Хоть бы кровь-то свою пожалѣла; видишь, малый совсѣмъ извелся.

Сынъ всталъ, крякнулъ отъ досады, махнувъ рукой, и побрелъ было къ двери, но въ это самое время кто-то дробно постучалъ въ окно кнутовищемъ, означившимся на запотѣлыхъ стеклахъ.

— Ахти,—сказала старушка,—не сотскій ли ужь пришелъ! Бѣда неминуча, пропала наша головушка.

Молодой крестьянинъ поблѣднѣлъ и сталъ на мѣстѣ, какъ вкопанный. Старикъ слѣзъ, кряхтя, съ полатей.— Кто тамъ?—спросилъ онъ дрожавшимъ голосомъ.

— Высунь-ка лыску, — послышался голосъ, — чай не крещенскій морозъ на дворѣ, не остудишь.

— Голосъ-то, кажись, кума Трофима, что изъ Краснаго села.

— Отвори же окно, батюшка, — сказалъ оправившись отъ испуга молодой крестьянинъ,—нечестно ему, словно нищенкѣ, передъ окошкомъ стоять.

— А, кумъ Трофимъ Савичъ, откуда Богъ несетъ?— спросилъ старикъ ужь болѣе твердымъ голосомъ, высунувъ голову изъ окна.

— Со своего гнѣздышка поднялся, былъ отвѣтъ,— да къ тебѣ по душѣ молвить словечка два есть.

— Войди, желанный, — сказалъ старикъ, и, обратясь къ сыну, приказалъ ему отворить ворота.

— Не къ нему-ли наша горемычная пташка залетѣла?—молвила старушка,—вѣдь онъ ей крестный.

— Ништни, старая,—процѣдилъ сквозь зубы мужъ, грозя на нее кулакомъ.

Вошелъ гость, Трофимъ Савичъ, помолился образамъ, поклонился хозяину и хозяйкѣ, зорко посмотрѣлъ на нихъ и промолвилъ:—Что-то у васъ не ладно дѣется? Ванюха вашъ будто изъ гроба всталъ, да и вы, словно васъ лихоманка истрепала.

Трофимъ Савичъ, огладивъ свою бороду, сѣлъ важно на прилавокъ.

— Горе посѣтило насъ,—сказала старушка. —Наталья, дочка твоя крестная, бѣжала.

— Съ чего-жъ это дернуло ее на такое дѣло?

— Пошла на худыя дѣла, такъ поучили маненько, —отвѣчалъ старикъ, вздыхая.

— Ученье ученью розь, кумъ. Нечего отъ васъ таить, видѣлъ я крестную дочку; мѣтки уроковъ, словно на биркѣ, кровью намѣчены; на годы зарубили. — А цѣпь-то собачья почто?

Старикъ, смущенный этими словами, молчалъ.

— Грѣхъ вамъ передъ Богомъ, да и передъ судомъ человѣческимъ отвѣтъ не хорошъ. А вѣдаешь-ли, кумъ, что за такія дѣла сошлютъ тебя туда, куда воронъ и костей не заноситъ? Да и сынку-то взмылютъ лобъ. Говорю тебѣ, жалѣючи васъ.

— Баяла я имъ, родимый,—вмѣшалась старуха въ рѣчь хозяина и гостя, — да знамо дѣло, баба глупа, а мужикъ, коли себѣ что въ башку забьетъ, такъ на ней хоть колъ теши, все свое творитъ.

— О, охъ! дѣло-то плохое, — перебилъ ее кумъ,

качая изъ стороны въ сторону головой. — Чай и по хозяйству безъ молодицы у васъ работа не спорится: въ домѣ одна баба, да и та старая и немощная.

— Житье ужь таково пришлось, родной,—сказала старуха, утирая глаза передникомъ, — хоть сама бѣги изъ дому.

— Аль и тебѣ, кума, погулять захотѣлось, кровь молодая заиграла?—спросилъ Трофимъ Савичъ, примигнувъ однимъ глазомъ, и захохоталъ тѣмъ добродушнымъ смѣхомъ, который такъ облегчаетъ грудь, стѣсненную горемъ.—Однако, смѣшки въ сторону, дѣло-то вышло бы плохое... кабы...

— Кабы?—спросили въ одно время мужъ и жена, ожидая рокового отвѣта.—Ужь не у тебя-ли?...

— У меня, не у меня; не потаю: прибѣжала было къ нашему молодому барину, думала укроетъ. Не принялъ ее; говоритъ, не хочу мужа съ женой разлучать, и такъ грѣхъ великій на душѣ. Думалъ, вдовая женщина. Передалъ мнѣ эти рѣчи старый слуга барскій Парфенъ, а доподлинно ли онѣ сказаны, про то душа Парфена знаетъ, она и въ отвѣтѣ. Ночевала горемычная въ саду одна-одинехонька. А помочь дѣлу можно.

— Выручи, родимый, — сказали въ одинъ голосъ старикъ и жена его.

Сынъ молчалъ.

— Много растабаривать не стану; во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія. Опять скажу вамъ еще слово божественнаго писанія: Богъ сочеталъ, человѣкъ не разлучаетъ. Согрѣшила Наталья; кто безъ грѣха! Господь покаявшихся прощаетъ. А мы что предъ Господомъ? Меньше, чѣмъ эта соринка. (Для большаго убѣжденія своихъ слушателей Трофимъ Савичъ поднялъ съ прилавка какую-то соломенку, плюнулъ и бросилъ ее на полъ). Коли вы мнѣ передъ святыми иконами побожитесь, что примете Наталью съ любовью и миромъ

и напредки попреку ей въ этомъ дѣлѣ не будетъ, слышите? побожитесь, такъ она принесетъ вамъ повинную и дастъ обѣщаніе жить съ мужемъ въ согласіи, какъ подобаетъ доброй и честной женѣ.

— Вотъ-те Христосъ,—сказалъ старикъ, крестясь, за нимъ перекрестилась и жена.

— Нѣтъ, такъ непригоже клятву творить, перебилъ миротворецъ;—одинъ, сидя, крестится, другая съ ухватомъ въ рукѣ, а Ванюха молчитъ.

Молодой крестьянинъ низко поклонился Трофиму Савичу.

— Спаси отъ грѣха, — возопилъ онъ, — пришлось хоть самому камень на шею навязать да утопиться; земля ужь не держитъ.

Всталъ кумъ, положилъ свое кнутовище на лавку; всталъ хозяинъ, старушка поставила ухватъ въ уголъ.

— Помолимся Господу Богу, чтобы онъ благословилъ насъ на благое дѣло,—сказалъ Трофимъ, и сотворилъ три крестныя знаменія, земно припадая и трижды приговаривая съ воздыханіями: Господи помилуй. Его примѣру послѣдовали и другіе.

Кончивъ молитву, Трофимъ Савичъ поцѣловался съ ними на обѣ щеки и примолвилъ съ чувствомъ:—Знайте, ангели на небеси радуются, глядя на миръ и любовь во человѣцехъ.

— Теперь пойду къ своей крестной дочкѣ. Мужа послать къ ней непригоже; неравно испужается, все дѣло испортитъ.

Пошелъ онъ было къ двери и остановился.

— Хотѣлъ было молвить словечко о нарядахъ Натальи, что изрубили вы въ сердцахъ; на повинныхъ должны бы лечь и убытки, да знаю, кумъ скупенекъ. Богъ съ нимъ. Миръ не торгъ, и я торговаться съ вами не стану, а вотъ что скажу: старая барыня даритъ на случай мировой, Натальѣ пять красненькихъ

бумажекъ на наряды. Господь свидѣтель, молодой баринъ объ этихъ деньгахъ, ни о томъ, что между нами дѣется, ничего не знаетъ. Не утаю, есть еще у меня пять красненькихъ отъ барыни же (у старика свекра разгорѣлись глаза на эту добычу). Трофимъ Савичъ продолжалъ:—да тѣ поберегу вмѣстѣ съ цѣпью и ошейникомъ. Коли вы крѣпки будете своему слову, такъ онѣ пойдутъ опять на наряды Натальѣ, а покривите душой, такъ отправимъ вмѣстѣ съ поличнымъ въ судъ. А коли кто про это дѣло на деревнѣ почешетъ языкъ, такъ на то есть у васъ власть предержащая, брумистръ, и я въ обиду не дамъ свою крестную дочь, да и господа не дозволятъ свою кровь позорить.

— Постойте, — сказалъ Ванюха, стиснувъ грудь рукою, какъ будто хотѣлъ сдержать чувства, въ ней боровшіяся,—ты говорилъ, Трофимъ Савичъ, что миръ не торгъ, а самъ покупаешь его на барскія деньги. Денегъ твоихъ не беремъ, а коли возьметъ отецъ, да купитъ на нихъ наряды Натальѣ, такъ изрублю опять. Покорится она и будетъ жить со мною въ ладу, такъ я самъ куплю. Коли такъ, отворю ворота.

Трофимъ Савичъ мигнулъ старику и махнулъ рукой, какъ бы давая знать, что противиться теперь сыну не для чего, а тамъ, придетъ время, смягчится.

Ушелъ кумъ. Ворота распахнули. Старушка отъ радости стала прибирать и подметать въ избѣ, какъ бы ожидая почетныхъ гостей. Поставили хлѣбъ-соль на столъ. Хозяйка хотѣла-было поставить полштофикъ вина; хозяинъ сказалъ:—не надо—кумъ не употребляетъ, и снялъ вино со стола. Тревога изображалась на лицахъ старика и сына.

Послышался стукъ колесъ вдоль изгороди; телѣга влетѣла во дворъ.

Наталья вошла въ избу, помолилась образамъ; по-

томъ упала въ ноги къ свекру, затѣмъ поочереди къ свекрови и къ мужу.

— Теперь поцѣлуйтесь,—сказалъ Трофимъ Савичъ.

И поцѣловались мужъ и жена.

Передавъ деньги потихоньку старику, чтобы сынъ не видалъ, сдѣлавъ каждому должное увѣщаніе и получивъ отъ каждаго благодареніе, отправился миротворецъ домой, довольный и счастливый христіанскимъ исполненіемъ своей миссіи.

Но едва въѣхалъ онъ въ лѣсокъ, гдѣ оставлялъ Наталью съ сыномъ до рѣшенія ея судьбы, какъ навстрѣчу ему молодой баринъ, Владиміръ Сергѣичъ.

Трофимъ ахнулъ, остановилъ лошадь, передалъ возжи сыну и спрыгнулъ съ телѣги.

— Батюшка, Владиміръ Сергѣичъ, куда это вы?—сказалъ онъ, скинувъ шапку,—все покончено благополучно.

— Всѣ вы сдѣлали свое дѣло, мнѣ надо сдѣлать свое. Иду къ мужу Натальи. Я виноватъ передъ нимъ,—хочу просить у него прощенія.

Трофимъ покачалъ головой.

— Христіанское дѣло вздумали, да какъ вы появитесь въ деревнѣ? Вѣдь только соблазнъ и позорище будетъ. Наталью отвезъ я къ мужу, семейныя приняли ее съ ласкою, обѣщались жить въ мирѣ и согласіи. Въ большое сумленіе введете ихъ теперь, батюшка. Богъ знаетъ, что подумаютъ.

— Ну, такъ вотъ что сдѣлай для меня: укажи мнѣ ихъ гумно и вызови ко мнѣ мужа, а домашнимъ ничего не говори.

Сколько Трофимъ не отговаривалъ молодого барина, тотъ стоялъ на своемъ и рѣшительно объявилъ, что не воротится домой, пока не исполнитъ, что задумалъ.

— Попытаемся, — сказалъ миротворецъ; велѣлъ сыну дожидаться его на мѣстѣ, гдѣ остановился и пошелъ опять широкими шагами шагать къ деревнѣ; Володя послѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Подойдя къ крайнему гумну, Трофимъ махнулъ рукой, указавъ тутъ остановиться, самъ же направился къ избѣ кума. На стукъ его въ окно выглянула Наталья.

— Что тебѣ, крестный?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Вызови ко мнѣ Ванюху на свое гумно. Слова два забылъ ему сказать, крайне нужно.

Выглянулъ мужъ Натальи въ окно—Трофима уже не видно было.

Не безъ тревоги сердечной явился Ванюха на свое гумно; подъ навѣсомъ стояли ужъ Трофимъ и съ нимъ рядомъ красносельскій молодой баринъ.

Ванюха поблѣднѣлъ и затрясся.

Подпершись рукою въ бокъ, онъ грозно, страшно взглянулъ барину въ глаза; верхняя губа его дрожала.

Не дай Богъ встрѣтить одному, безоружному, въ пустынномъ мѣстѣ, человѣка съ такимъ взглядомъ!

Володя безстрашно встрѣтилъ этотъ взглядъ.

— Я передъ тобою и передъ Богомъ виноватъ,— сказалъ онъ, скинувъ свой картузъ.—По молодости лѣтъ я сдѣлалъ дѣло худое. Сильно каюсь въ немъ.

Тутъ Володя рукой поклонился до земли.

— Господь тебѣ свидѣтель, что я никогда не буду стараться видѣться съ твоею женою, клянусь Его святымъ, великимъ именемъ, что никогда съ нею не увижусь.

У Трофима навернулись на глазахъ слезы.

Ванюха взглянулъ помягче барину въ глаза, махнулъ рукой и сказалъ:—Богъ тебя проститъ!

— Ну такъ дай мнѣ руку и поцѣлуемся.

И подалъ Володя крестьянину руку, и поцѣловались они, какъ братья.

Возвратясь домой, мужъ Натальи, сколько ни разспрашивали его домашніе, какія слова говорилъ ему Трофимъ на гумнѣ, отвѣчалъ только: про то онъ, да я знаемъ, да....—Ванюха не договорилъ этого имени и никогда, никому не сказалъ его.

Такъ какъ мы въ своемъ разсказѣ не встрѣтимъ болѣе Натальи, то прежде, чѣмъ разстаться съ нею навсегда, скажемъ, что она еще нѣсколько времени погуляла вволю, покрасовалась въ своихъ нарядахъ, но съ первымъ ребенкомъ, который у ней черезъ года два родился, сдѣлалась доброю матерью, доброю женой.

Какъ узналъ Володя о ночномъ происшествіи и послѣдствіяхъ его, мы должны теперь разсказать.

Старый дядька его, Парфенъ, тонкій дипломатъ, угодившій Марѳѣ Михайловнѣ своимъ донесеніемъ и распоряженіями, не захотѣлъ остаться въ долгу и передъ своимъ молодымъ барином за то, что утаилъ отъ него это происшествіе, и какъ скоро услыхалъ, что Владиміръ Сергѣевичъ не спитъ, сдѣлавъ приличный приступъ, разсказалъ ему, какъ все дѣло было и чѣмъ кончено.

— Батюшка, Владиміръ Сергѣичъ, не взыщите, что во время вамъ не доложилъ. Вы знаете, какъ маменька ваша объ васъ заботится, паче себя. — Въ отвѣтѣ голова твоя, Парфенъ,—наказывала она мнѣ не разъ,—если утаишь отъ меня хоть сучочекъ, который сталъ Володѣ поперекъ на дорогѣ. Барыня, какъ вы изволите знать, характерная, слово скажетъ, такъ ужь выполнитъ, хоть бы каменная стѣна передъ ней стояла. Вотъ и вы къ слову молвить, Владиміръ Сергѣичъ, по ней пошли. Слава Богу, все улаживается; съ На-

тальей посланъ мужикъ умный, вѣрный, чай теперь возвращается съ добрыми вѣстями.

— Слава Богу все улаживается,—говорилъ Парфенъ, а въ душѣ Володи поднялась буря, какой онъ никогда не испыталъ. Блѣдный, дрожа, какъ, въ лихорадкѣ, онъ слушалъ разсказъ своего дядьки, будто бросили его въ пропасть, изъ которой онъ не въ силахъ выдти.

Дуня, сестра его, это чистое, прекрасное созданіе, которое онъ такъ уважаетъ и любитъ, слушала эту гадкую исторію!... Что подумаетъ она теперь о немъ? Какимъ низкимъ, ничтожнымъ человѣкомъ будетъ онъ отнынѣ въ глазахъ ея! Не лучше всякаго безнравственнаго повѣсы, который проступки подобнаго рода считаетъ извинительною шалостью, раскаяніе въ нихъ глупою щекотливостью совѣсти?... Какъ онъ встрѣтился съ нею, какими глазами будетъ на нее смотрѣть? Эта мысль мучила его.

Пока онъ разсуждалъ такъ съ самимъ собою, положивъ отяжелѣвшую голову на подушку, Парфенъ, наблюдавшій его, все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Поди, оставь меня, — сказалъ Володя своему дядькѣ, который, казалось ему, былъ свидѣтелемъ всего, что происходило въ его душѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ посмотрѣлъ онъ на часы (было шесть часовъ), опять позвалъ Парфена и приказалъ ему отворить окно. — Мнѣ душно,—проговорилъ онъ.

— Не простудиться бы вамъ, Владиміръ Сергѣичъ, сильный утренникъ осенній на дворѣ.

— Ну такъ дай мнѣ одѣться, я пойду въ садъ.

Одѣлся онъ, но пошелъ только черезъ садъ, туда, гдѣ мы застали его съ Трофимомъ.

Когда Володя возвратился домой, было семь часовъ. Никто изъ домашнихъ не зналъ объ его отсутствіи, кромѣ соглядатая Парфена, слѣдившаго издали за нимъ, какъ осторожно слѣдитъ лягавая собака за дичью, которую почуяла, не теряя ее изъ виду и сама не показываясь ей.

Узнавъ, что отецъ и мать проснулись, нашъ печальный рыцарь явился къ нимъ и объявилъ, что отправляется въ Москву.

Марѳа Михайловна успѣла уже передать мужу, съ разными облегчительными оговорками, исторію ночного приключенія. Разсказъ этотъ былъ непріятенъ ему, но такъ какъ все было улажено къ общему удовольствію и въ шалости сына, какъ назвала она проступокъ его, большой бѣды нѣтъ — «молодая кровь играетъ»—то Сергѣй Семеновичъ, въ идиллическомъ настроеніи своей души, скоро успокоился. Отъѣздъ сына не удивилъ ни того, ни другого, и они скоро помирились съ необходимостью покориться обстоятельствамъ.

Съ молодымъ человѣкомъ отпущенъ Парфенъ для прислуги и наблюденій за его здоровьемъ и довольствомъ.

Володю же во всю дорогу преслѣдовала грустная мысль, что онъ сдѣлался недостоинъ дружбы своей названной сестры.

По отъѣздѣ его, Дуню подмывало желаніе узнать о послѣдствіяхъ ночного приключенія. Но какъ она сама не заговаривала объ нихъ съ Парашей, да и боялась убѣдиться, что отъѣздъ этотъ былъ жалкій побѣгъ отъ стеченія новыхъ обстоятельствъ, которыя могли бы еще сильнѣе потревожить ея брата, къ тому жь опасалась, чтобы служанка не отгадала ея истинныхъ чувствъ, то и не рѣшалась нарушить обѣтъ, наложенный на себя и Парашу.

Но хитрая служанка, выросшая вмѣстѣ съ своей молодой госпожей, достойная дочка своего отца, замѣчая озабоченность и грусть Дуни, взяла на себя роль ловкой наперсницы. То броситъ словечко въ похвалу Трофиму Савичу, крестному отцу Натальи, великому миротворцу во всѣхъ спорныхъ, трудныхъ дѣлахъ, то вмѣшаетъ въ свой разговоръ имя отца, которому извѣстны многія тайны, и мало-по-малу начала было развивать пространнѣе то, что было такъ любопытно узнать Дунѣ. Но госпожа ея строго замѣтила непрошенной наперсницѣ, что она ничего не желаетъ знать изъ этой дурной исторіи.

— Я только хотѣла сказать,—говорила Параша въ свое оправданіе, — что Владиміръ Сергѣичъ — то-то добрый баринъ! самъ ходилъ, потихоньку отъ маменьки и папеньки, къ мужу Натальи, божился ему, что никогда не увидится съ нею, и просилъ униженно у мужика прощенія; тотъ его простилъ, и они поцѣловались. Кто жь другой это сдѣлаетъ!

Дуня ничего болѣе не хотѣла слышать, но и этого довольно для нея было. Володя въ нѣсколько минутъ опять выросъ въ глазахъ ея и нашелъ едва ли не полное прощеніе въ ея сердцѣ.

Володя, между тѣмъ, получивъ изъ университета свои документы и рекомендательное письмо отъ генерала Огрызкова, принявшаго живое участіе въ его судьбѣ, отправился въ Петербургъ. Чтобы не подумали, что онъ идетъ въ военную службу для щегольского мундира, онъ записался въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, находившихся тогда на границѣ Турціи. Опредѣленіе его послѣдовало очень скоро. Наступала война и люди были нужны.

Въ Москвѣ ожидали ужь его домашніе. Видѣвъ его доселѣ въ гражданскомъ платьѣ, они все еще обманы-

вали себя надеждою, что разлука съ нимъ не такъ близка и какой-нибудь случай ее отмѣнитъ: но солдатскій мундиръ грубаго сукна, въ которомъ онъ обнялъ ихъ въ первый разъ, сказалъ имъ, что жребій его брошенъ и нѣтъ ему теперь возврата, кромѣ какъ въ постыдномъ уклоненіи отъ службы. Горько плакала Марѳа Михайловна, повиснувъ на шеѣ своего сына. Съ трудомъ могли привести ее въ чувство. Казалось и Сергѣя Семеновича пошатнулъ неожиданный роковой ударъ. У Дуни навернулись на глазахъ слезы. Володя ихъ замѣтилъ. Онъ долженъ былъ прожить въ Москвѣ только три дня. Въ одинъ изъ этихъ дней, улучивъ часъ, когда отца и матери не было дома, и узнавъ, что Дуня одна у себя въ комнатѣ, онъ, съ позволенія ея, вошелъ къ ней.—Дуня, милая сестра моя, другъ мой, позволишь-ли еще назвать тебя этимъ именемъ?—сказалъ онъ.—Завтра я ѣду, можетъ быть, мы никогда болѣе не увидимся. Вспомни, сколько лѣтъ мы были друзьями; ты мнѣ сестра не по крови, но болѣе—по сердцу, по сліянію нашихъ душъ.

Дуня, вмѣсто отвѣта, протянула ему обѣ руки.

Онъ съ жаромъ цѣловалъ эти руки, прижималъ ихъ къ своему сердцу.

— Помни только, — говорила Дуня, — когда ты будешь тамъ... среди опасностей войны, что къ молитвамъ о тебѣ матери и отца присоединяетъ свои жаркія молитвы сестра твоя, другъ твой навсегда...

— Но прошу тебя,—сказалъ Володя,—покоить и утѣшать моихъ стариковъ, замѣнилъ имъ неблагодарнаго сына, который, Богъ знаетъ изъ чего, оставляетъ ихъ тогда, когда они въ этой помощи, въ этихъ утѣшеніяхъ имѣютъ болѣе нужды. Знаю, твое доброе, любящее сердце и безъ того исполнитъ, о чемъ я просилъ бы тебя. Благослови же меня, другъ мой,

какъ ты благословила бы родного брата, отпуская его на войну.

Дуня дрожавшею рукой благословила его, но не могла ничего сказать; слезы душили ее.

Такъ простились они.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 076299202